рия

ии

ева

9

hp

ИСТОРІЯ РОССІИ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

—

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.
1865.

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ ЭПОХУ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ.

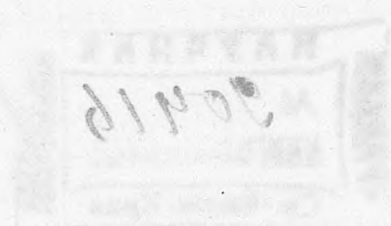
СОЧИНЕНІЕ

СЕРГѢЯ СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

1865.



Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ, д. Милякова.

ГЛАВА I.

Царствованіе Петра I-го Алексѣевича.

Строеніе судовъ для Балтійскаго моря. — Борьба съ Шведами за Петербургъ. — Отобраніе у Шведовъ старыхъ русскихъ городовъ. — Опустошеніе Эстопіи. — Взятіе Дерпта и Нарвы. — Шведы отражены отъ Петербурга. — Сношенія съ Польшею. — Паткуль въ русской службѣ; его дѣятельность. — Русскія вспомогательныя войска подъ начальствомъ Паткуля — Отношенія Паткуля къ малороссійскимъ козакамъ. — Окончаніе дѣятельности Палѣя. — Сношенія съ Вѣнскимъ дворомъ. — Паткуль въ Вѣнѣ. — Дѣятельность Матвѣева въ Голландіи. — Постниковъ въ Парижѣ. — Французскій посланникъ Балюзъ въ Россіи. — Матвѣевъ въ Парижѣ. — Сношенія съ Турціею. — Дѣятельность Петра Толстаго въ Константинополѣ.

Въ Невскихъ устьяхъ спѣшили строить городокъ — морское пристанище для иностранныхъ судовъ; но строитель не хотѣлъ, чтобъ этотъ новый городокъ, его теска, похожъ былъ на старый Архангельскъ, гдѣ виднѣлись только иностранные корабли: на берегахъ Свири кипѣла сильная работа, въ нетронутыхъ до сихъ поръ лѣсахъ ронили громадныя деревья, и на новой верфи, въ Лодейномъ Полѣ, строили морскія военныя суда. Но враги не отдадутъ безъ боя Балтійскаго моря. На Невскихъ устьяхъ строятъ Русскій городокъ, а подлѣ нихъ все лѣто 1703 года стоятъ 9 Шведскихъ кораблей, и нечѣмъ отразить ихъ: русскіе корабли еще только строятся на Свири. Другое дѣло на сухомъ пути: здѣсь можно помѣряться со Шведомъ, который покинутъ своимъ королемъ и можетъ выставлять для борьбы только небольшіе отряды Къ рѣкѣ Сестрѣ подошелъ Шведскій генералъ Кронгіортъ; самъ Петръ въ началѣ іюля пошелъ на него съ четырьмя конными полками: „бой начатъ и счастливо совершенъ, непріятель прогнанъ, и зѣло много его

порубили, понеже солдаты брать живьемъ его не хотѣли“ [1]. Съ
береговъ Сестры Петръ отправился въ Лодейное Поле спу-
скать суда. А между тѣмъ наступила осень. Меншиковъ съ
Русскими людьми впервые познакомился тутъ съ Петербург-
скимъ октябремъ: солнца давно уже нѣтъ, страшный вѣтеръ
и дождь цѣлый день. Тяжко стало Меншикову; онъ зоветъ
Петра, пишетъ ему съ обычными шутками: „Не вѣдаемъ, для
чего такъ замѣшкались; развѣ за тѣмъ медленіе чинится,
что ренскаго у васъ, вѣдаемъ, есть бочекъ съ десять и бо-
льше, и потому мнимъ, что бочки изпраздня, хотѣли сюда
пріѣхать, или которыя изъ нихъ разсохлись, замачиваете
и размачиваете. О семъ сожалѣемъ, что насъ при томъ не
случилось.“ Но послѣ шутокъ Меншиковъ сообщаетъ важ-
ное извѣстіе: Шведскіе корабли, за осеннимъ временемъ,
отошли отъ Невскаго устья [2].

Петръ въ Петербургѣ. На Невѣ уже плаваетъ ледъ; но
царь въ морѣ, около Котлина острова мѣряетъ морскую глу-
бину: здѣсь будутъ укрѣпленія, оборона Петербургу. Въ
ноябрѣ явился въ устьѣ Невы первый иностранный купе-
ческій корабль съ солью и виномъ: губернаторъ Менши-
ковъ угостилъ шкипера и подарилъ ему 500 золотыхъ, каж-
дому матросу дано по 30 талеровъ [3].

Въ то время когда Петръ пробрался къ Невскому устью,
и началъ строить здѣсь новый городокъ, войска его заби-
рали старые русскіе города, которые Шведъ завелъ за се-
бя. Въ концѣ мая Шереметевъ началъ обстрѣливать Копо-
рье, и крѣпость сдалась: „Музыка твоя, писалъ Шереметевъ
царю, хорошо играетъ: Шведы горазды танцовать и форте-
ціи отдавать; а если бы не бомбы, Богъ знаетъ, что бы дѣ-
лать! [4]“ Сдались и Ямы или Ямбургъ, и царь велѣлъ укрѣ-
пить его. „И такъ, при помощи Божіей, Ингрія въ рукахъ.
Дай Боже доброе окончаніе!“ писалъ Петръ [5]. Шереметевъ,
доканчивая въ іюлѣ укрѣпленія Ямбурга, писалъ уже о
зимованьи въ Ингріи; но Петръ отвѣчалъ ему: „Когда го-
родъ совершится, лучше, чтобъ вамъ нѣкакой походъ от-
править; и о томъ развѣдавъ, изволь писать, сыскавъ на-
примѣръ способа два, три: а мы также на тѣ способы да-

димъ совѣтъ, которой будетъ удобнѣе [6]." Чтобъ помочь Шереметеву сыскать способы, Петръ отправилъ къ нему въ Ямбургъ Меншикова. Способъ былъ сысканъ, и въ концѣ августа Шереметевъ переправился за Нарову, пошелъ гостить въ Эстоніи такимъ же образомъ какъ гостилъ прошлый годъ въ Лифляндахъ. Гости были прежніе: Казаки, Татары, Калмыки, Башкирцы, и гостили по прежнему. Шлиппенбахъ бѣжалъ безъ оглядки. 5 сентября Шереметевъ вошелъ безпрепятственно въ Везенбергъ, знаменитый въ древней Русской Исторіи Раковоръ, и кучи пепла остались на мѣстѣ красиваго города. Та же участь постигла Вейсенштейнъ, Феллинъ, Оберъ-Паленъ, Руинъ; довершено было и опустошеніе Ливоніи. Въ концѣ сентября Борисъ Петровичь возвратился домой изъ гостей: скота и лошадей, по его объявленію, было взято вдвое противъ прошлаго года, но Чухонъ меньше, потому что вести было трудно.

У Финскаго залива въ новорожденной столицѣ строили укрѣпленія, поджидая Шведа; въ старой Москвѣ строили тріумфальныя ворота, въ которые долженъ былъ въѣхать царь послѣ покоренія Ингріи. Петръ не зажился въ Москвѣ: взоры его были постоянно обращены и на западъ, и на востокъ; пробывъ лѣто близь береговъ Балтійскаго моря, зимою онъ поѣхалъ въ Воронежъ; но занимаясь здѣсь Азовскимъ флотомъ, который долженъ былъ сдерживать Турокъ, царь не забывалъ Невскаго устья, и Меншиковъ, остававшійся зимовать въ Петербургѣ, какъ губернаторъ, получилъ отъ него собственноручную модель крѣпости, которую должно было соорудить на морѣ для безопасности новаго городка.

Наступила весна 1704 года. Петръ былъ въ Петербургѣ; надобно было защищать этотъ дорогой городокъ; но Петръ не хотѣлъ ограничиться одною оборонительною войною. Куда же наступать? Въ Ливоніи и Эстоніи опустошать было нечего болѣе; но были тамъ двѣ сильныя крѣпости, утвержденіе въ которыхъ было дѣломъ первой важности для Россіи на случай, когда Карлъ XII обратитъ противъ нея свои главныя силы: то были Дерптъ и Нарва. Надобно было спѣ-

шить ихъ покореніемъ, пока „Шведъ увязъ въ Польшѣ“, по выраженію Петра [7]. 30 апрѣля Шереметевъ получилъ приказаніе отъ царя двинуться для осады Дерпта. 5 мая Шереметевъ далъ знать, что генералъ фонъ Верденъ взялъ на рѣкѣ Эмбахѣ 13 Шведскихъ судовъ, плывшихъ въ Чудское озеро. Петръ „съ превеликою радостію принялъ извѣстіе о пресчастливой побѣдѣ въ нечаянномъ случаѣ“, и подтвердилъ Шереметеву приказаніе „идти и осадить конечно Дерптъ, чтобъ сего Богомъ даннаго случая не пропустить, который послѣ найти будетъ нельзя.“ У Шереметева сборы шли медленно; Петръ торопилъ: „немедленно извольте осаждать Дерптъ, и зачѣмъ мѣшкаете, не знаю Еще повторяя пишу, не извольте медлить.“ Шереметевъ оправдывался въ своей медленности тѣмъ, что сталъ здоровъ не по старому, что одинъ, ни отъ кого помощи не имѣетъ: „легко мнѣ было жить при тебѣ, да при Данилычѣ (Меншиковѣ): ничего я за милостію вашею не зналъ“ [8].

Въ началѣ іюня Шереметевъ подошелъ къ Дерпту и началъ осадныя работы. Осада затянулась. Для ускоренія дѣлѣ 2 іюля явился подъ Дерптъ самъ царь, и на третій день писалъ Меншикову. „Здѣсь обрѣли мы людей въ добромъ порядкѣ, но кромѣ дѣла, ибо двѣ аппроши съ баттареями принуждены бросить за ихъ неудобствомъ, третью передѣлать, и, просто сказать, кромѣ зарѣчной баттареи и Балковыхъ шанецъ (которые недавно предъ пріѣздомъ нашимъ зачаты), все негодно и туне людей мучили. Когда я спрашивалъ ихъ: для чего такъ? то другъ на друга (т. е. вину складывали); а больше на перваго (т. е. Шереметева), который столько же знаетъ. Инженеръ человѣкъ добрый, но зѣло смирный, для того ему здѣсь мало мѣста. Здѣшніе господа зѣло себя берегутъ, уже кажется и надъ мѣру; но я принужденъ сію ихъ Сатурнову дальность въ Меркурiусовъ кругъ подвинуть. Зѣло жаль, что уже 2000 бомбовъ выметано безпутно. Брешь, чаю, зачнемъ кончае по четырехъ дняхъ, зѣло въ изрядномъ мѣстѣ, гдѣ муръ только указу дожидается, куды упасть; а съ прочихъ мѣстъ зѣло укрѣпленъ. Боже! помози немедленно окончить. Однакожъ,

какъ самъ можешь знать, надлежитъ отъ 10 до 7 дней оному продолжену быть. Здѣсь ничто мнѣ (не) въ пользу, токмо что люди, которые слава Господу Богу, зѣло бодры и учреждены, и число ихъ вящше 20000 [9]."

Послѣ упорной битвы, происходившей у палисада всю ночь на 13 іюля, когда Русскіе уже готовы были ворваться въ городъ, коммендантъ затрубилъ къ сдачѣ: „И такъ съ Божіею помощію, симъ нечаемымъ случаемъ, сей славный отечественный градъ паки полученъ", писалъ Петръ къ своимъ [10].

Въ то время, какъ Шереметевъ осаждалъ Дерптъ, другое Русское войско стояло у Нарвы, подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви, приговореннаго въ русскую службу Паткулемъ въ Вѣнѣ на три года. По взятіи Дерпта царь отправился подъ Нарву. 9 августа былъ назначенъ штурмъ. Несмотря на упорное сопротивленіе Шведскаго гарнизона Русскіе ворвались въ городъ и произвели въ немъ страшную рѣзню безъ пощады женщинамъ и дѣтямъ. Черезъ два часа послѣ штурма въѣхалъ въ Нарву самъ Петръ съ Огильви и велѣлъ прекратить грабежъ, при чемъ, говорятъ, закололъ шпагою одного солдата, не хотѣвшаго слушаться приказанія, и потомъ, показывая свою окровавленную шпагу Нарвскимъ жителямъ, говорилъ: „Не бойтесь! это не Шведская, а Русская кровь [11]." По обычаю пошли письма отъ царя къ своимъ о взятіи Нарвы: „Гдѣ передъ четырьмя лѣты Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдителями учинилъ, ибо сію преславную крѣпость чрезъ лѣстницы шпагою въ три четверти часа получили [12]." 16 августа сдался Иванъ-городъ.

Въ то самое время, какъ Петръ шпагою бралъ старые отечественные грады, новой его городокъ Петербургъ долженъ былъ отбиваться отъ Шведовъ. 12 іюня 1704 года на Выборгской сторонѣ явилось шведское войско подъ начальствомъ генерала Майделя и начало стрѣлять въ Петропавловскую крѣпость; коммендантъ ея Романъ Брюсъ отстрѣливался удачно, а Майдель счелъ за лучшее отступить. Съ другой стороны также неудачно окончилось покушеніе Шведскаго флота овладѣть Кроншлотомъ.

Счастливый 1704 годъ былъ дожитъ царемъ въ Москвѣ. Въ старой столицѣ праздновали взятіе старыхъ отечественныхъ городовъ. Въ семь тріумфальныхъ воротъ входили побѣдители съ знатнѣйшими плѣнниками и пушками, отбитыми у непріятеля. Въ февралѣ 1705 года Петръ уѣхалъ въ Воронежъ къ кораблямъ, а между тѣмъ уже дѣлалось приготовленіе къ новому походу на западѣ. Куда же будетъ этотъ походъ? До сихъ поръ Петръ пользовался временемъ, пока „Шведъ увязъ въ Польшѣ", овладѣлъ Ингріею, основалъ корабельное пристанище въ устьяхъ Невы, взялъ Дерптъ и Нарву, опустошилъ въ конецъ Ливонію и Эстонію. Цѣль войны была достигнута, больше ничего не хотѣлось получить отъ Шведа. Захочетъ Шведъ мириться, больше ничего отъ него не потребуется, въ крайности можно будетъ отдать ему и Дерптъ и Нарву, удержавъ только драгоцѣнный Петербургъ; не захочетъ Шведъ уступить ничего, захочетъ все отвоевать, трудна будетъ ему война въ опустошенной странѣ, пусть стоитъ подъ крѣпостями: въ четыре года Петръ достигъ того, что люди его были б о д р ы и у ч р е ж д е н ы; съ такими людьми была надежда отбиться отъ Шведа. Но всего важнѣе было, чтобъ Шведъ какъ можно долѣе увязъ въ Польшѣ; для этого нужно было помочь Полякамъ.

Въ началѣ XVIII вѣка, какъ и прежде, главное вниманіе Русскаго правительства въ сношеніяхъ его съ Польшею было обращено на положеніе Рускаго православнаго народонаселенія въ Польскихъ владѣніяхъ. 8 марта 1700 года Русскій резидентъ въ Польшѣ, стольникъ Судейкинъ получилъ царскую грамоту: „Въ девятой статьѣ мирнаго договора сказано, что людямъ благочестивой Греко-русской вѣры въ Коронѣ Польской и вел. княж. Литовскомъ никакого утѣсненія, къ вѣрѣ Римской и къ уніи принужденія быть не должно: а нынѣ къ намъ, великому государю донесено, что православныхъ людей въ Литвѣ бискупы и езувиты и доминиканы и прежніе уніяты и шляхта разоряютъ, въ унію насильно приводятъ и бьютъ, монастыри и церкви отнимаютъ, а именно недавно въ Пинскомъ повѣтѣ монастырь

Циперскій, принадлежащій Виленскому братству св. Духа отнялъ насильно и въ унію отдалъ князь Несвижскій Радзивилъ, канцлеръ вел. княж. Литовскаго и пріобщилъ ко владѣніямъ митрополита уніатскаго Зеленскаго; а въ воеводствѣ Минскомъ новоумышленною злобою тѣ же гонители умершихъ православныхъ христіанъ по древнему обыкновенію хоронить не даютъ; и такого злобнаго и мирному договору противнаго гоненія на православныхъ какъ нынѣ въ сторонѣ королевскаго величества чинится, никогда не бывало, что намъ, великому государю удивительно и болѣзненно показалось слышать. И ты бы королевскому величеству, сенаторамъ, канцлерамъ и иныхъ чиновъ ближнимъ людямъ говорилъ, чтобъ королевское величество, по должности договоровъ вѣчнаго мира приказалъ монастырь Циперскій возвратить по прежнему православному Виленскому братству Сошествія Св. Духа, и православныхъ христіанъ въ унію не обращать и умершихъ хоронить по древнему обыкновенію и впередъ на такое неистовство дерзать заказалъ жестокими указами. А если сенаторы станутъ тебя спрашивать, кто именно намъ жаловался? то отвѣчай, что именъ этихъ людей объявить невозможно, чтобъ имъ за то и пущаго разоренія не учинилось."

Сенаторы пропѣли резиденту старую пѣсню, что у нихъ насильно въ католическую вѣру никогда никого не обращаютъ, а если кто добровольно обратится, принимаютъ.— „Какое же это добровольное обращеніе, когда обращенные жалуются царскому величеству на насилія? возразилъ резидентъ. Сенаторы отвѣчали, что ничего не знаютъ о поступкѣ Радзивила, однако указъ королевскій о томъ къ нему пошлютъ.

12 мая въ воскресенье у резидента на дворѣ были въ церкви у обѣдни люди благочестивой вѣры—Бѣльскаго монастыря игуменъ Сильвестеръ Тройцевичъ съ дьякономъ и церковнымъ причетникомъ да Львовцы, три человѣка; послѣ обѣдни пришли они въ свѣтлицу къ резиденту и говорили, что имъ и прочимъ благочестивымъ Грекороссійской вѣры людямъ отъ бискуповъ, езувитовъ, доминикановъ и

уніатовъ гоненія и всякое утѣсненіе великое, грозятъ непрестанно, и нынѣ послѣднюю Львовскую епископію нудятъ въ унію, и Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій пріѣхалъ теперь въ Варшаву для того, чтобъ къ уніи приступить и шляхту и мѣщанъ Русскихъ въ то же соединеніе привесть: однако они, сколько ихъ мочи будетъ, никогда добровольно въ уніи быть не желаютъ. Не смотря на доводы вѣчнаго мира, гонятъ здѣсь благочестіе безъ всякого опасенія, мірскимъ благочестивой вѣры людямъ всякое ненавидѣніе творятъ, церквей не только вновь строить, и древнихъ починивать заказано. Резидентъ говорилъ имъ, чтобъ они все это дали на письмѣ, а онъ донесетъ великому государю чрезъ почту; но они отвѣчали, что на письмѣ дать невозможно, потому что сильно боятся католиковъ. Тогда резидентъ приказалъ одному христіанину написать ту ихъ леряцыю тайно, и обнадежилъ ихъ, что имена ихъ и прозвища никогда не откроются.

23 мая пріѣхали къ резиденту архимандритъ Діонисій Жебокрицкій, номинатъ (назначенный) епископіи Луцкой, игумены—Почаевскаго монастыря Іосифъ Исаевъ, Бѣльскаго Сельвестръ Тройцевичъ, и объявили, что Шумлянскій въ унію приступилъ, и теперь благочестивымъ людямъ горшее прежняго чинится гоненіе и къ уніи принужденіе, а за нихъ кромѣ благочестивѣйшаго монарха царскаго величества стоять инымъ некому, и во всемъ имѣютъ они надежду на милостивое охраненіе, заступленіе и праведное призрѣніе царскаго величества. Резидентъ обнадеживалъ ихъ, и въ удостовѣреніе, какъ царь заботится о православіи, показалъ грамоту къ королю по поводу Цеперскаго монастыря. Въ слѣдствіе отъѣзда королевскаго изъ Варшавы выѣхалъ оттуда за нимъ и резидентъ Только что пріѣхалъ онъ въ Вильну 11 іюля, пришли къ нему игуменъ Духова монастыря Исакій съ братіею и мірскіе люди благочестивой вѣры и говорили съ великимъ плачемъ, что имъ здѣсь чинится отъ іезуитовъ великое гоненіе, иные и теперь сидятъ въ тюрьмѣ на цѣпяхъ для принужденія къ уніи. Православные просили резидента, чтобъ онъ постарался какъ

нибудь освободить заключенныхъ. Судейкинъ на другой же день, будучи съ визитомъ у гетмана Литовскаго Сапѣги, просилъ его освободить православныхъ, которыхъ уніяты держатъ на цѣпяхъ и не поступать вопреки мирнымъ договорамъ. Сапѣга сейчасъ же при резидентѣ отправилъ двоихъ іезуитовъ къ уніятамъ, чтобъ освободили заключенныхъ. Подъ Ригою Мальборскій хорунжій говорилъ Судейкину: „получилъ я письмо изъ Львова отъ вашихъ Грекороссійской вѣры людей: пишутъ съ плачемъ, что Шумлянскій во Львовѣ и во всей своей епархіи многія церкви обратилъ, также и самихъ ихъ принуждаетъ къ уніи, и для устрашенія коронный гетманъ Яблоновскій далъ ему отрядъ вооруженныхъ людей. Но въ привилегіи королевской, данной Шумлянскому, не написано, чтобъ неволить въ унію и церкви обращать, и гетману Яблоновскому помогать ему въ этомъ безъ воли Рѣчи посполитой не годилось. Донесите объ этомъ королю, и я по королевскому указу къ гетману и къ Шумлянскому отпишу, чтобъ они такъ не дѣлали.“ Судейкинъ, донося объ этомъ царю, прибавляетъ: „Повидимому все похлебствуютъ, а истины отнюдь нѣтъ, и желаютъ конечно, чтобъ у нихъ въ Польшѣ и Литвѣ наше благочестіе изсякло.“ По требованію резидента, король послалъ къ гетману и Шумлянскому листы съ подкрѣпленіемъ, чтобъ не неволили никого въ унію.

Королевскіе листы не надолго доставили спокойствіе Галицкимъ православнымъ. Въ февралѣ 1701 года къ резиденту въ Варшавѣ начали приходить Львовскіе братчики съ великимъ плачемъ, что Шумлянскій соборную и другія церкви гвалтомъ отобралъ и принуждаетъ ихъ насильно въ унію. Резидентъ выхлопоталъ имъ у Августа новый листъ, за королевскою рукою, но канцлеръ великій коронный, бискупъ Премышльскій, номинатъ бискупства Краковскаго не захотѣлъ запечатать листа коронною печатью: „не могу приложить печать, говорилъ онъ резиденту, потому что я номинатъ бискупства Краковскаго и со дня на день ожидаю благословенія отъ папы, и если запечатаю этотъ листъ, а Шумлянскій дастъ знать папѣ, то папа не пришлетъ мнѣ благословенія“ [13].

Палѣй писалъ Мазепѣ въ мартѣ 1701 года: въ недѣлю Мытаря и Фарисея во Львовѣ служилъ обѣдню Шумлянскій въ соборномъ Римскомъ костелѣ; а въ недѣлю Блуднаго сына служилъ обѣдню въ церкви градской ксензъ арцыбискупъ съ пѣвчими безъ органовъ; проповѣдь сказывалъ священникъ Благовѣщенскій послѣ евангелія на русскомъ языкѣ, а другую іезуитъ Голимовскій послѣ обѣдни на польскомъ языкѣ. Принудили всѣхъ мастеровъ Русскихъ крестъ цѣловать и подписываться на унію; русскимъ благочестивымъ попамъ насильства другаго не дѣлаютъ, только Климента папу Римскаго на эктеніяхъ поминать велятъ [14].

Положеніе, въ которомъ находилось Русское правительство въ началѣ 1701 года, не позволяло ему дѣлать сильныхъ представленій Польскому правительству. Въ биржахъ не было рѣчи о притѣсненіяхъ, которыя терпятъ православные. Въ это время Судейкинъ былъ отозванъ съ резидентства, и посланникомъ въ Польшу отправился въ февралѣ 1701 года стольникъ Василій Постниковъ; но въ апрѣлѣ поѣхалъ въ Варшаву для нужнѣйшихъ дѣлъ инкогнито ближній стольникъ и генералъ-адъютантъ князь Григорій Долгорукій: Постникову приказано „быть послушнымъ Долгорукому и въ настоящемъ тамошнемъ поведеніи согласнымъ и приводить государевы дѣла ко всякой прибыли, тайно и явно съ осторожностію и прилежнымъ радѣніемъ, писать о дѣлахъ къ великому государю вмѣстѣ и особо каждую недѣлю“. Но Долгорукій скоро написалъ Головину. „Посниковъ мнѣ чинится ни мало не послушенъ, и говорить мнѣ ему ни о чемъ невозможно, а я чаю, что станетъ меня скоро лаять; не извольте гнѣваться, я ему говорить ни о чемъ не буду“. Постниковъ былъ отозванъ. Долгорукій остался одинъ на своемъ трудномъ постѣ. Главная забота Русскаго посла состояла въ томъ, чтобы Шведъ какъ можно глубже завязъ въ Польшѣ и забылъ о Россіи; а между тѣмъ Долгорукій видѣлъ, что король Августъ тайкомъ старается заключить миръ съ Карломъ XII.

У Долгорукаго впрочемъ были сильные союзники: во-

первыхъ самъ Карлъ XII, не хотѣвшій мириться съ Августомъ, стремившійся во что бы то ни стало свергнуть его съ престола; во вторыхъ страшное безнарядье, господствовавшее въ Литвѣ и Польшѣ. Въ Литвѣ шла ожесточенная борьба между двумя могущественными вельможами—Огинскимъ и Сапѣгою. Сапѣга, и прежде нерасположенный къ королю Августу, а теперь побѣжденный Огинскимъ, обратился къ Шведскому королю съ просьбою о помощи. Въ Польшѣ также явилась партія недовольныхъ королемъ Августомъ; въ челѣ ея стоялъ архіепископъ Гнезенскій, кардиналъ примасъ королевства Михаилъ Радзѣевскій, красивый, знатнаго происхожденія, богатый, ученый, краснорѣчивый прелатъ, но при этомъ не имѣвшій ни чести, ни совѣсти. Онъ одобрялъ нападеніе Августа на Ливонію, служилъ благодарственный молебенъ за взятіе Динамюнде; но когда Августъ потерпѣлъ неудачи, Радзѣевскій, вмѣстѣ съ другими панами, перемѣнилъ свой взглядъ и началъ толковать, что король своевольно безъ согласія республики началъ войну, и потому Поляки не должны въ нее мѣшаться. Въ этомъ смыслѣ завелъ онъ переписку съ Карломъ XII. Шведскій король отвѣчалъ ему, что единственное средство для Поляковъ избѣжать войны—это свергнуть съ престола Августа. Паны толковали, что Польша не должна вмѣшиваться въ войну, начатую ея королемъ, а между тѣмъ Карлъ XII, не обращая никакого вниманія на это различіе между королемъ и королевствомъ, расположился съ своимъ войскомъ въ Курляндіи, бывшей польскимъ леномъ, и Шведы вторгались въ Литву для поданія помощи Сапѣгѣ.

Карлъ зналъ, что можетъ распоряжаться въ польскихъ владѣніяхъ какъ ему угодно — сопротивленія не будетъ. Въ октябрѣ 1701 года Долгорукій писалъ: „Какъ у его королевскаго величества, также и въ скарбу Рѣчи Посполитой великую скудость въ деньгахъ имѣютъ: однакожь у его королевскаго величества польскимъ дамамъ, своимъ метрессамъ и на опары (оперы) и комедіи довольные расходы деньгамъ, за что и нынѣ подстолиной Любомирской дано 20 тысячь, на опары опаристамъ 30000 ефимковъ, а

всѣхъ належитъ выдать однимъ опаристамъ на зиму 100000 ефимковъ; многіе офицеры и солдаты за многіе годы заплаты не имѣютъ и за своими тяжкими долгами въ иныя государства выѣхать не могутъ. Воистину съ великимъ трудомъ нынѣ отправляются дѣла его царскаго величества, потому что министръ, которому вручены (Бейхлингъ), держитъ факцыю непріятельскую, и никакого добра къ сторонѣ царскаго величества не желаетъ, ни на кумплементѣ себя пріятно показать не хочетъ, и нынѣ которыхъ я призвалъ инженеровъ и офицеровъ, явно отъ службы его царскаго величества отбиваетъ; а хотя изъ Варшавы высланъ Шведскій посолъ, однако и нынѣ много есть корезидентовъ Шведскихъ, которые служатъ при дворѣ королевскомъ, также есть и въ генералахъ." Въ декабрѣ тѣ же жалобы: „Дай Боже, чтобъ шведы съ поляками союзу не учинили, потому что кардиналъ (Радзѣевскій) и другія сильныя персоны за шведскія деньги факцію и нынѣ держатъ; также и въ самой высокой персонѣ крѣпости немного".

Въ высокой персонѣ крѣпости было дѣйствительно немного; высокая персона больше всего желала заключенія мира съ Шведами; но Карлъ XII не хотѣлъ мириться. Въ маѣ 1702 года польскіе послы при Карлѣ дали знать въ Варшаву, что шведскій король обѣщаетъ дать имъ аудіенцію въ Гроднѣ, а резолюцію на ихъ посольство хочетъ дать подъ Варшавою въ Прагѣ. Сенаторы испугались и начали пожитки свои отсылать за границу; король также собрался выѣхать изъ Варшавы въ Краковъ, велѣлъ слѣдовать за собою и Долгорукому, который писалъ Головину: „Вельми опасаюся, что многіе сенаторы къ покою гораздо склонны; чтобъ непріятель какимъ-нибудь лукавствомъ не учинилъ намъ противнаго союза? А королевское величество великую скудость имѣетъ въ деньгахъ; на непотребные расходы имѣетъ довольство, а на самое дѣло мало что имѣетъ; зѣло его королевскому величеству деньги потребны для склоненія къ себѣ Рѣчи Посполитой и на заплату войску".

Карлъ XII безпрепятственно вступилъ въ Варшаву

11-го мая съ коннымъ отрядомъ въ 500 человѣкъ, а передъ нимъ пришли Сапѣжинцы, перемѣшанные со Шведами: „и нынѣ, доносилъ Долгорукій, берутъ въ Варшавѣ деньги и провіантъ, а польскіе послы до сихъ поръ не могли добиться конференціи у Шведскаго короля. Не смотря на то иные Поляки отъ неразсужденія своего желаютъ покою; Богъ знаетъ какіе безразсудные люди! не хотятъ смотрѣть на пользу своего государства, каждый смотритъ собственной прибыли, и если котораго непріятель не возьметъ за лобъ, то безъ великой неволи боронить не только свое государство, но и себя не хотятъ. Истинно, хотя съ ними алліансъ учиненъ будетъ, а продолженіе войны ихъ быть не чаю. Хотя отъ великаго непріятельскаго принужденія войну начнутъ, но ежели отъ наступленія непріятеля за помощію его царскаго величества могутъ свободиться, то чаю скоро войну свою пресѣкутъ. Также и высокая персона безъ охоты, за великимъ непріятельскимъ принужденіемъ войну начнетъ, а чтобъ продолжительно вести, того не чаю, понеже его величество изъ той войны впредь себѣ не чаетъ прибыли. Зѣло належитъ намъ помогать какъ возможно нынѣ Полякамъ, не мѣшкавъ, дабы непріятель не принудилъ ихъ на насъ съ собою, понеже посолъ французской имѣетъ при себѣ многія деньги, въ Варшавѣ королю шведскому вельми помогаетъ и наклоняетъ къ нему Поляковъ, отъ чего Боже упаси!“

Въ іюлѣ Карлъ поразилъ войска Августа подъ Клишовымъ, гдѣ съ шведской стороны былъ убитъ зять короля, герцогъ Фридрихъ Голштейнъ-Готторпскій. Послѣ этой побѣды Шведы заняли Краковъ. Долгорукій доносилъ: „Богъ знаетъ, какъ можетъ стоять польская республика: вся отъ непріятеля и отъ междоусобной войны разорена въ конецъ, и, кромѣ факцій себѣ на зло, инаго дѣлать ничего на пользу не хотятъ. Только бъ какъ ни есть ихъ удерживать отъ стороны непріятельской; а намъ вспоможенія отъ нихъ я никакого не чаю для такого имъ отъ непріятеля разоренія: не токмо все государство разорилъ, — изъ костеловъ въ Краковѣ мощи выметалъ, раки и ковчеги серебряные всѣ

побралъ, гробы разорилъ, въ замкѣ домъ королевскій выжегъ, и не токмо купецкихъ и градскихъ людей, но и законниковъ изъ кляшторовъ тяжкими поборами выгналъ, и больше того Полякамъ разоренія и руганія дѣлать невозможно. Однако ни на что не глядятъ, всѣ сенаторы ищутъ собственной прибыли. Какое вспоможеніе себѣ имѣютъ всегда отъ его царскаго величества — прежде сего въ турецкой войнѣ, и нынѣ: — однако все то ни за что вмѣняютъ, а не такъ озлоблены на непріятеля, какъ давнюю злобу имѣютъ къ нашему народу, только дѣлать явно за скудостію и несогласіемъ не смѣютъ. Хотятъ они на коней сѣсть, только еще у нихъ стременъ нѣтъ, не почему взлезть. Какъ бестія безъ разуму ходятъ, не знаютъ, что надъ ними будетъ. Противъ непріятеля контры чинить не смогутъ, и короля отступить не хотятъ, только съ обѣихъ сторонъ имѣютъ отъ войскъ великое разореніе, отъ Шведовъ и отъ Саксонцевъ Извольте войскомъ промыслъ чинить въ Лифлянтахъ, какъ васъ Богъ наставитъ, а себя больше имѣть въ надѣяніи Божіи. Истинно, какъ на Поляковъ, такъ и на Саксонскія войска гораздо надѣяться невозможно: въ обоихъ народахъ великій непорядокъ и скудость; нетокмо въ Полякахъ, и въ Саксонскихъ войскахъ многіе офицеры исполнены Шведскою факціею, и не такъ вѣрны королевскому величеству, какъ себѣ имѣютъ Шведскаго короля за патрона; также и солдаты противъ непріятеля сердца потеряли, за что его королевское величество баталію дать съ непріятелемъ не хочетъ, всегда будетъ убѣгать какъ возможно".

Къ великому непорядку въ обоихъ народахъ присоединилось казацкое возстаніе на Украйнѣ. Коронный гетманъ Яблоновскій поставилъ надъ козаками Польской Украйны наказнымъ гетманомъ Самуся, который жилъ въ Винницѣ. Потомъ, когда заключенъ былъ съ Турками миръ, то польское правительство запретило Самусю называться не только гетманомъ, но и полковникомъ, велѣно было распустить всѣхъ казаковъ, которымъ указаны для жительства разныя мѣста, а самому Самусю велѣно жить въ Богуславлѣ,

гдѣ онъ сдѣланъ осадникомъ съ правомъ начальствовать надъ всѣми людьми, которыхъ онъ перезоветъ на поселеніе, осадитъ. Но когда Самусь осадилъ значительное число людей въ Богуславлѣ, то обозный коронный Яблоновскій, сынъ покойнаго гетмана, прислалъ отъ себя туда на староство Поляка и жидовъ для сбора таможенныхъ и другихъ пошлинъ, а у Самуся приказалъ отобрать войсковые клейноты — булаву, бунчукъ, печать и пять пушекъ. Самусь перебилъ присланныхъ старосту-поляка и жидовъ, послѣ чего пошелъ съ своими людьми въ Корсунь, убилъ тамошняго губернатора, всѣхъ польскихъ драгунъ и жидовъ, сдѣлалъ то же самое въ Лысянкѣ и, намѣреваясь идти подъ Бѣлую Церковь, написалъ 24 іюля слѣдующее письмо наказному полковнику Переяславскому: „Благодаримъ всемилостиваго Бога, что наши враги не утѣшились: они не только на самого меня старца навѣтовали, но и весь народъ христіанскій приговаривали подъ мечь и на все Заднѣпрье хвалились. Знаю, что оскорбится на меня господинъ гетманъ, что безъ указу его я это сдѣлалъ: однако я по своей обидѣ принужденъ разбрататься съ Ляхами, и не только изъ Корсуни, но и изо всѣхъ городовъ Украинскихъ ихъ выгналъ, и сами мѣщане невѣрныхъ жидовъ выбили, послыша отъ нихъ отягченія, склоняясь подъ высоковладѣтельную державу царскаго величества и будучи готовы за вѣру христіанскую умереть“.

Извѣщая Головина объ этихъ событіяхъ, Мазепа замѣтилъ: „Сдается мнѣ, что эта война намъ не очень противна, потому что господа Поляки, увидавши изъ поступка Самуся, что народъ нашъ Малороссійскій не можетъ подъ ихъ игомъ жить, перестанутъ о Кіевѣ и объ Украйнѣ напоминать. Разсуждаю и то: не знаю, смѣлъ ли бы Самусь приняться за такое дѣло одинъ, потому что человѣкъ онъ простой, писать неумѣетъ: неподученъ ли онъ королемъ встать противъ Яблоновскихъ, какъ непріятелей королевскихъ? Если Самусь обратится ко мнѣ за помощію — что мнѣ дѣлать?“

Мазепа, кромѣ короля, искалъ еще человѣка, который

подучилъ Самуся, Мазепа послалъ къ Палѣю съ запросомъ: „Скажи по совѣсти христіанской правду: за твоимъ ли совѣтомъ и вѣдомомъ Самусь на той сторонѣ началъ бунты противъ Поляковъ?“ Палѣй отвѣчалъ подъ присягою, что Самусь началъ дѣло не по его совѣту, но за его вѣдомомъ, потому что не разъ писалъ къ нему съ жалобами на утѣсненія отъ Поляковъ и Жидовъ. Мазепа далъ знать въ Москву, что по его мнѣнію Палѣй тутъ совѣтникъ: и пасынокъ его находился въ Корсунѣ, когда тамъ начали бить Поляковъ и Жидовъ, и сватъ его Искра, полковникъ Богуславскій былъ помощникомъ Самуся во всемъ.

Огонь, зажженный Самусемъ, разгорался все болѣе и болѣе, по выраженію Мазепы: во всей странѣ отъ низовьевъ Буга и Днѣпра по рѣку Случь, по городкамъ и селамъ старосты и Жиды были побиты, другіе отъ страху побѣжали въ глубь Польши, крича, что наступила на нихъ другая Хмельнищина. Палей отправилъ подъ Бѣлую Церковь на помошь Самусю полторы тысячи своего войска. Мазепа не помогалъ явно, не бралъ Самуся подъ свое регименторство, но посылалъ ему порохъ и свипецъ, „чтобъ его вовсе отъ себя не отогнать“. Отъ Бѣлой Церкви Самусь принужденъ былъ отступить; но за то взялъ Нѣмировъ и не оставилъ въ нихъ ни одного Поляка и Жида. Соединясь съ Палѣемъ, Самусь 16 октября поразилъ Поляковъ подъ Бердичевымъ, взяли замокъ и всѣхъ Поляковъ вырубили, послѣ чего возвратились подъ Бѣлую Церковь и взяли ее въ началѣ ноября [15].

13 ноября Долгорукій писалъ къ Головину: „Былъ я въ домѣ у канцлера коруннаго, который сказывалъ, что съ Украйны приходятъ къ нимъ неполезныя вѣдомости: козаки великіе бунты завели, городъ Нѣмировъ и другіе мѣста взяли, шляхту бьютъ мучительски, и руки сѣкутъ, и носы рѣжутъ, у духовныхъ бороды съ кожею обдираютъ, и изъ нихъ бунчуки себѣ дѣлаютъ, и будто больше 4000 побили всякаго чина, почему они, Поляки принуждены нанять Крымскихъ Татаръ 25000 себѣ въ помощь. На то ему канцлеру отъ меня отповѣдано, что такое имъ разореніе дѣ-

лается факціями и злохитрымъ непріятельскимъ происканіемъ; а его царское величество для дружбы королевскаго величества, и къ тому жалѣя о томъ разореніи Рѣчи Посполитой, изволилъ довольный указъ дать своему гетману Мазепѣ, дабы козаки его царскаго величества къ тѣмъ бунтамъ не приставали, и всѣми мѣрами отъ того дурна были удержаны, и по указу его монаршему гетманъ Мазепа по пограничнымъ мѣстамъ войска свои разставилъ и пропускать козаковъ не велѣлъ, и чтобъ Рѣчь Посполитая со стороны его царскаго величества ничего не опасалась" [16].

Дѣйствительно 28 декабря 1702 года отъ царскаго имени посланы были къ Самусю и Палѣю грамоты: „О томъ вамъ вѣдомо подлинно, что съ нами, великимъ государемъ братъ нашъ, его королевское величество Польскій дружбу и любовь имѣетъ. А тебѣ конному охотницкому полковнику Семену Палѣю и конному охотницкому полковнику Самусю Иванову, еслибы и досажденіе какое со стороны королевской отъ кого было, и о томъ довелось бить челомъ его королевскому величеству. И мы, великій государь, имѣя къ вамъ нашу милость, повелѣли послать сію грамоту, дабы могли вы имѣть общее согласіе и отъ начатаго своего противнаго намѣренія престали бъ, а имѣть воинскіе промыслы всякими мѣрами надъ общими непріятелями нашими Шведами".

Но борьбу Русскихъ съ Поляками трудно было прекратить. Палѣй писалъ Мазепѣ: „Присылаешь къ намъ монаршескіе указы и свои предложенія, чтобъ мы съ Поляками войну совершенно отставили и къ миру съ ними пришли: а они Поляки такіе намъ непріятели, что не только старыхъ людей и женъ, но и малыхъ дѣтей не пощадили, всѣхъ въ пень вырубили" [17].

1703-й годъ Долгорукій началъ обычными жалобами на польское безнарядье и на козацкіе бунты: „По сіе время, слава Богу, явно при непріятелѣ ни одного воеводства короннаго и Литовскаго еще не обрѣтается; однако совершенно надѣяться на Поляковъ невозможно: многіе, которые отъ короля милость и великіе уряды приняли, противъ не-

го факціи непрестанно дѣлаютъ; зѣло народъ дивный, никакого добра сыскать въ нихъ невозможно, только всякаго зла и бездушества исполнены, отъ чего пропадаютъ и, чаю, до конца скоро погинутъ; однако, какъ возможно, буду отъ стороны непріятельской удерживать. — Съ Руси пишутъ, что бунты козацкіе еще не перестали: для Бога, извольте приложить труды къ успокоенію тѣхъ непотребныхъ бунтовъ, которые Поляковъ противъ непріятеля гораздо удерживаютъ; паче всего можете тѣмъ усмиреніемъ склонить къ союзу Рѣчь Посполитую".

Въ февралѣ Долгорукому было объявлено отъ имени королевскаго, что перехвачены письма Паткуля, изъ которыхъ обнаруживаются сношенія его съ кардиналомъ Радзѣевскимъ: Паткуль просилъ кардинала исходатайствовать ему прощеніе у Карла XII, и кардиналъ отвѣчалъ, что Карлъ все прощаетъ. Долгорукій отвѣчалъ, что донесетъ объ этомъ своему государю, только пусть король, по дружбѣ къ царскому величеству, и для явнаго обличенія отошлетъ перехваченныя письма къ царю, который приметъ ихъ съ благодарностію и отплатитъ услугою за услугу. На это отвѣчали, что письма будутъ доставлены, но прежде надобно Паткуля спросить, писалъ ли онъ ихъ, и если запрется, то уличить письмами. Долгорукій замѣчаетъ при этомъ: „всему вѣры дать невозможно, больше, чаю, многое говорено отъ великой злобы".

Злоба эта происходила отъ того, что Паткуль, видя положеніе дѣлъ короля Августа, видя какъ тотъ домогается мира съ Карломъ, не считалъ болѣе для себя полезнымъ и безопаснымъ оставаться въ службѣ Августа, и прямо объявилъ объ этомъ Долгорукому въ Варшавѣ. Тотъ донесъ царю, и получилъ указъ пригласить Паткуля въ Русскую службу. Весною 1702 года пріѣхалъ Паткуль въ Москву и принятъ въ Русскую службу въ чинѣ тайнаго совѣтника. Понятно, что Петръ могъ сильно желать имѣть въ своей службѣ человѣка знаменитаго своими способностями, знаніями, энергіею, опытностію въ дѣлахъ Европейскихъ. Но Паткуль былъ ниже своей репу-

тацiи и далеко не оправдалъ надеждъ, возложенныхъ на него царемъ. Прежде всего Паткуль вступилъ въ Русскую службу на время, какъ наемникъ, для достиженiя своихъ частныхъ цѣлей, вовсе не думая усыновляться Россiи, отдать всего себя служенiю ей. Онъ оставался вполнѣ иностранцемъ для Россiи, для Русскихъ, и потому его внушенiя и совѣты шли наперекоръ намѣренiямъ Петра. Петръ смотрѣлъ на военную и дипломатическую дѣятельность какъ на школу для русскихъ людей; ошибки, необходимыя въ началѣ, нисколько не смущали его; иностранцы были призываемы помогать дѣлу ученiя, а не замѣнять Русскихъ, не отнимать у нихъ возможности упражненiя, т. е. ученiя, не вытѣснять ихъ изъ школы. Но Паткуль, оставаясь вполнѣ иностранцемъ въ отношенiи къ Россiи, разумѣется, смотрѣлъ иначе: онъ внушалъ, что Русскiе не приготовлены къ дипломатическому, поприщу, дѣлаютъ ошибки и потому нужно замѣнить ихъ вездѣ искусными иностранцами. Петръ хотѣлъ выучить мало по малу русскiе полки военному искусству, считая лучшею школою войну: Паткуль совѣтовалъ пригласить не извѣстное количество иностранныхъ офицеровъ, но цѣлые Нѣмецкiе полки. Петръ хотѣлъ образовать искусныхъ генераловъ изъ своихъ Русскихъ: Паткуль совѣтовалъ набрать все иностранныхъ генераловъ, знаменитыхъ своимъ воинскимъ искусствомъ и предоставить имъ полную свободу наполнять свои полки офицерами, т. е. иностранными [18]. Петръ съ перваго же раза долженъ былъ понять Паткуля. Хотѣли воспользоваться его способностями за границею, пока его интересы были тѣсно связаны съ русскими интересами; брали въ службу людей, имъ предлагаемыхъ; внимательно прислушивались къ его совѣтамъ, учтиво отвѣчали на нихъ, — но не исполняли. Паткуль, презиравшiй русскихъ дипломатовъ, упрекавшiй ихъ въ непростительныхъ ошибкахъ, Паткуль самъ не могъ быть полезенъ Россiи на дипломатическомъ поприщѣ: у него недоставало широкаго взгляда, которымъ бы онъ обнималъ всѣ интересы извѣстной страны, ясно понималъ ея положенiе и вѣр-

но выводилъ возможность для нея къ тому или другому дѣйствію. Оторванный отъ родной страны, и то не имѣвшей самостоятельности, блуждающая звѣзда на политическомъ горизонтѣ, Паткуль не зналъ странъ и народовъ, ихъ исторіи и созданныхъ ею интересовъ: онъ зналъ только отдѣльныя лица, хотѣлъ имѣть дѣло только съ отдѣльными личными побужденіями, ихъ заставлялъ играть; но эти мелкія средства одни не помогали. Паткуль считалъ, напримѣръ, мастерскимъ дѣломъ устроить такъ, чтобъ иностранный министръ былъ пойманъ на словахъ: но изъ этого, кромѣ раздраженія, не выходило ничего. Если читать донесенія Паткуля, то выходитъ, что онъ работаетъ неутомимо и отлично, а результатовъ никакихъ. Прибавимъ къ тому нестерпимый характеръ, неумѣнье себя сдерживать, жесткость, рѣзкость, чрезъ мѣру высокое мнѣніе о самомъ себѣ, низкое о другихъ, и мы поймемъ, почему Паткуль не оправдалъ тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались.

Паткуль изъ Москвы отправился въ Вѣну склонять тамошній дворъ къ союзу съ Россіею. За дѣлами въ Польшѣ по прежнему внимательно и разумно слѣдилъ Долгорукій.

Радзѣевскій и Сапѣга дѣйствовали подкупомъ, чтобъ увлечь своихъ соотечественниковъ въ союзъ Шведскій противъ Россіи; Долгорукій долженъ былъ вести контръ-мины также съ помощію подарковъ; всѣ знатные люди получали ихъ отъ русскаго посла; нѣкоторые обнаруживали неудовольствіе, что мало присылается: „нашей службы къ царскому величеству много, больше другихъ, мы не такой малости заслужили!“ Для успокоенія ихъ Долгорукій долженъ былъ объявлять, что это прислано не отъ царя, а только отъ Головина, царь пришлетъ больше. Въ апрѣлѣ Долгорукій имѣлъ конференцію съ сенатомъ и послами всѣхъ трехъ провинцій — великопольской, малопольской и Литвы, уговаривалъ вступить въ союзъ съ Россіею противъ Шведовъ, предлагалъ на войско 150,000 рублей, сто тысячь взаймы, а пятьдесятъ безъ отдачи. Сенаторы и послы изъявили согласіе, но требовали себѣ русской пѣхо-

ты на помощь, просили также, чтобъ царь помогъ имъ противъ козаковъ, заставилъ Палѣя отдать имъ Бѣлую Церковь. Долгорукій обѣщалъ; но тутъ распространяется слухъ, что султанъ хочетъ разорвать съ царемъ и собираетъ войска на границѣ: „насилу я могъ у нихъ изъ головы выбить, что то неправда, токмо непріятельскія факціи", доносилъ Долгорукій. Уладилъ одно дѣло, явилась другая помѣха: министры коронные и Литовскіе объявили послу, что Паткуль, будучи проѣздомъ въ Бѣлой Церкви, далъ знать коронному гетману, будто Палѣй безъ воли царской Бѣлую Церковь Рѣчи Посполитой не отдастъ; а теперь тотъ же Паткуль къ гетманамъ пишетъ, что Палѣй не отдастъ Бѣлой Церкви до тѣхъ поръ, пока Польша съ царскимъ величествомъ не заключитъ союза. „Зѣло дивно, писалъ Долгорукій Головину, если, не знавъ здѣшняго состоянія, то дѣлалъ Паткуль, отъ чего здѣсь къ союзу великій трудъ учинилъ, а непріятелямъ, которые ищутъ зла, къ великой пользѣ. Для Бога извольте со стороны Бѣлой Церкви нѣкое дѣйствіе доброе къ Полякамъ показать, и ясно къ Рѣчи Посполитой отписать, что сіе господинъ Паткуль дѣлалъ безъ воли его царскаго величества". Самъ король говорилъ Долгорукому, что сомнѣніе не малое имѣетъ въ господинѣ Паткулѣ, который дружбу и союзъ его короля съ царскимъ величествомъ разрушаетъ околичными прилогами, что неудовольствія, объявленныя царемъ на поведеніе его, короля онъ считаетъ дѣломъ Паткуля, слѣдствіемъ его личной злобы: „Я хорошо знаю Паткуля, продолжалъ король, и царское величество также узнаетъ, что Паткуль для собственнаго своего умысла и пользы службу своего государя оставляетъ".

Палѣй не отдавалъ Бѣлой Церкви Весною 1703 года Мазепа извѣстилъ Головина, что пьяный Палѣй проговорился въ Кіевѣ: „господинъ гетманъ намъ въ нужное время помощи войскомъ не давалъ; если и впредь давать не будетъ, то поддадимся Полякамъ, и не знаю, каково тогда и на Заднѣпрьи будетъ". Головинъ требовалъ отъ Мазепы, чтобъ старался о возвращеніи Полякамъ Бѣлой Церкви,

что было необходимо при тогдашнемъ союзѣ съ Польшею противъ Шведовъ. Мазепа отвѣчалъ вопросомъ: какъ это сдѣлать? какъ Палѣя и Самуся привести къ покоренію Полякамъ? „Захотятъ ли они, писалъ Мазепа, положиться на мои голыя слова, потому что отъ королевскаго величества и Рѣчи Посполитой никаколо обнадеживанія нѣтъ; на чью жь бы душу тотъ грѣхъ палъ, когда бы я всякими способами и приватнымъ моимъ обнадеживаніемъ привелъ ихъ къ миру съ Поляками и отдалъ ихъ въ неволю, а они Поляки захотѣли бы не только надъ ними, но и надъ народомъ, который теперь въ ихъ защитѣ, такъ мучительски поступить, какъ по Днѣстру и по Бугу учинили: — иныхъ висѣлицею, иныхъ бросаніемъ на крюки, а иныхъ взбиваніемъ на колъ казнили, мстя свои убытки и кроворазлитіе. Для того изволь вельможность ваша прислать подлинную мнѣ информацію. Палѣй и Самусь сидятъ смирно, никакой съ Ляхами нечинятъ зацѣпки, проѣздъ всякимъ людямъ свободенъ: только по вся дни примножается къ нимъ гультяйство, особенно изъ Запорожья; сотникъ Палѣевъ, секретарь, будучи недавно съ нимъ въ Кіевѣ, проговорился предъ духовными особами, что „нашъ Палѣй за одно съ атаманомъ кошевымъ смышляетъ и во всемъ его слушаетъ, обо всемъ между собою тайно сносятся“ [19].

Въ іюнѣ мѣсяцѣ собрался сеймъ въ Люблинѣ, на которомъ происходили явленія, возможныя только въ Польшѣ. На сеймъ явился кардиналъ примасъ Радзѣевскій, и на другой же день сталъ просить приватной аудіенціи у короля Августа, противъ котораго явно дѣйствовалъ вмѣстѣ съ Шведскимъ королемъ. Послы повѣтовые, узнавши объ этомъ, отправили къ королю сеймоваго маршалка съ представленіемъ, чтобъ не давалъ примасу приватной аудіенціи, а далъ бы въ посольской избѣ предъ всѣми публично. Король исполнилъ ихъ требованіе. На этой публичной аудіенціи многіе послы коронные и Литовскіе говорили примасу, что онъ привелъ и по сіе время держитъ въ ихъ государствѣ Шведскаго короля съ войскомъ, который все ихъ государство разорилъ „и многія его кардинала не-

правды вычитали съ великимъ безчестіемъ". Радзѣевскій хотѣлъ оправдываться, но ему не дали открыть рта до тѣхъ поръ, пока онъ, ставши на колѣни подлѣ короля, не присягнулъ предъ св. крестомъ, что Шведскаго короля не приводилъ и до сего времени не удерживалъ, и впредъ королю Августу и Рѣчи Посполитой никакого зла дѣлать не будетъ, всегда станетъ искать чести и пользы своему государству. Произнесши эту присягу, явный измѣнникъ засѣлъ въ сенатѣ какъ первое послѣ короля лице въ государствѣ. Долгорукій писалъ Головину: „Извольте, времени не опуская, потребное свое дѣло управлять, а на здѣшнюю сторону на оба народа худая надежда; хотя съ ними и въ союзъ вступятъ, истинно никакого состоянія добраго отъ нихъ не будетъ, и если непріятель Торнъ добудетъ, то ихъ конечная худоба: Саксонскаго войска пропадетъ лучшая часть, а которые и останутся, и тѣ въ сущемъ убожествѣ; у Поляковъ Шведы проходъ ко Гданску удержатъ и хлѣба не пропустятъ, отъ чего ихъ все Польское государство состоитъ, и къ такой непріятель ихъ тѣснотѣ приведетъ, что они и Богу солгутъ, нетокмо намъ. Извѣстно вамъ, какое есть здѣсь постоянство. Лучше того не могу признать, что по се время задержанъ здѣсь непріятель. Хотя наше войско помощное будетъ, опасно, чтобъ до какой худобы не дошло; лучше бъ сильнѣе помочь деньгами, токмо, чтобъ и тѣ были употреблены по нашему намѣренію. Однакожъ намъ, сколько возможно, труждаться подлѣ нихъ надобно; нынѣшній годъ безъ всякаго опасенія извольте быть: чаю конечно непріятель зимовать здѣсь станетъ; хотя бъ съ собою ихъ быть и принудилъ (чего я больше не чаю) — истинно какъ намъ, такъ и ему того же часу солгать готовы. Не извольте того и мыслить, чтобъ здѣшніе оба народа для чести или прибыли государственной что стали съ трудомъ дѣлать, развѣ для какого ни есть покою. Если увижу, что нашъ союзъ станетъ отдаляться, то намъ надобно ходить, чтобъ король перепустилъ намъ своего войска. Истинно не знаю, какъ этому войску пробыть нынѣшнюю зиму: Поляки зимовыхъ квартеръ у себя дать не

хотятъ, готовыхъ провіантовъ нигдѣ нѣтъ; жалко смотрѣть, въ какой нищетѣ и въ худомъ состояніи королевскія войска нынѣ пребываютъ; а чтобъ была аммуниція или какая артиллерія, о томъ и поминать ненадобно: что ни было, все побралъ непріятель; развѣ Богъ сошлетъ св. Духа, чтобъ ихъ наставилъ на доброе дѣло".

Добраго дѣла не было: по старанію Радзѣевскаго и Познанскаго воеводы Станислава Лещинскаго въ Великой Польшѣ образовалась конфедерація противъ Августа. Шведы, подъ начальствомъ генерала Реншельда, заняли Познань и поддерживали конфедерацію.

Но въ Литвѣ приверженцы Августа имѣли перевѣсъ: 28 іюня 1703 года послы великаго княжества Литовскаго, Галецкій и Хржановскій заключили съ Головинымъ договоръ, въ которомъ обязались стоять за короля Августа, а Головинъ обѣщалъ выдать въ Смоленскѣ Литовскому коммиссару 30,000 рублей, какъ скоро Рѣчь Посполитая вступитъ въ союзъ съ Россіею [20]. Генералъ-майоръ Корсакъ получилъ приказаніе двинуться изъ Смоленска къ Литовскимъ границамъ, а Стародубскій полковникъ Миклашевскій съ 15,000 Малороссійскихъ козаковъ идти подъ Быховъ и отнять его у засѣвшихъ въ немъ Сапѣжинцевъ [21].

Въ концѣ сентябрѣ сдался Шведамъ Торнъ послѣ пятимѣсячной осады. Это событіе усилило враждебную Августу партію, и въ декабрѣ Карлъ XII торжественно обратился съ письмомъ къ Польской республикѣ, предлагая возвести на престолъ принца Якова Собѣскаго и обѣщая поддерживать новаго короля до окончательнаго утвержденія его на престолѣ. Англія, Голландія и Австрія сильно встревожились, узнавши объ этомъ поступкѣ Шведскаго короля. Англійскій посланникъ Робинзонъ представлялъ Карлу, какъ многимъ покажется жестокимъ и несправедливымъ заставлять Поляковъ свергнуть короля, котораго они сами выбрали и хотятъ имѣть; кромѣ того, какъ опасно давать народу случай свергать своего короля. „Удивительно, отвѣчалъ Карлъ, слышать такія замѣчанія отъ посланника того государства, которое имѣло дерзость отру-

бить голову своему королю. Позволивши себѣ такое дѣло, Англія теперь упрекаетъ меня въ томъ, что я хочу лишить короны государя, вполнѣ достойнаго этого наказанія“ [22].

Въ генварѣ 1704 года примасъ Радзѣевскій созвалъ сеймъ въ Варшавѣ подъ предлогомъ заключенія мира съ Шведскимъ королемъ, который объявилъ, что хочетъ трактовать только съ республикою, а не съ королемъ Августомъ. Предлогъ этотъ былъ нуженъ для того, чтобъ сеймъ происходилъ въ отсутствіи короля. Уполномоченнымъ отъ Карла на сеймѣ былъ генералъ Горнъ и отрядъ Шведскаго войска помѣщался подлѣ зданія, гдѣ происходили засѣданія сейма. Многіе послы повѣтовые, не ожидая проку отъ такого сейма, начали было разъѣзжаться: но Радзѣевскій и Горнъ, замѣтивъ это, разставили у всѣхъ выѣздахъ Шведскихъ солдатъ, которые никого не пропускали. 2 февраля Горнъ передалъ сейму письменное объявленіе, что государь его не можетъ войти ни въ какіе переговоры съ республикою, пока она не будетъ свободна, т. е. чтобъ переговоры и рѣшенія настоящаго сейма не могли ни отъ кого зависѣть, а для этого необходимо, чтобъ король Августъ былъ свергнутъ съ престола. Поляки будутъ имѣть полное право это сдѣлать, когда увидятъ неоспоримыя доказательства, что король Августъ питалъ самые вредные замыслы противъ республики. Сеймъ потребовалъ этихъ доказательствъ, и на слѣдующій день Горнъ представилъ извлеченія изъ писемъ, перехваченныхъ у графа Фицтума, когда тотъ въ 1702 году ѣздилъ посломъ отъ Августа къ Карлу. Въ письмахъ не заключалось прямыхъ уликъ противъ Августа, но они были способны произвести сильное раздраженіе, потому что въ нихъ Поляки назывались несостоятельными, вѣроломными, преданными пьянству и т. п.; также въ этихъ письмахъ заключались намеки на возможность раздробленія Польскихъ владѣній. Раздраженные депутаты постановили — отказать Августу въ вѣрности и послушаніи. Раздраженіе еще болѣе усилилось, когда узнали, что Августъ, по совѣту Паткуля, находившагося теперь при его дворѣ, схватилъ своего со-

перника, принца Якова Собѣскаго, вмѣстѣ съ братомъ его Константиномъ, считавшихъ себя безопасными въ Силезіи, во владѣніяхъ императорскихъ Собѣскіе были заключены въ Кёнигсштейнѣ.

Но когда первый пылъ прошелъ, многіе начали раскаяваться въ сеймовомъ рѣшеніи, какъ совершенно незаконномъ и оскорбительномъ для націи, потому что оно послѣдовало подъ чуждымъ вліяніемъ. Скоро послѣ этого король Августъ созвалъ другой сеймъ въ Сендомирѣ, гдѣ было постановлено — защищать права короля Августа, а Радзѣевскаго съ товарищи объявить врагами отечества. Это постановленіе было подписано 134 депутатами, тогда какъ постановленіе Варшавскаго сейма подписали только 70 депутатовъ, и скоро оказалось, что большинство Польскаго народонаселенія было на сторонѣ Августа. Вслѣдствіе этого партія Радзѣевскаго начала колебаться и обнародованіе рѣшенія Варшавскаго сейма замедлило. Это сильно раздражало Карла: онъ требовалъ, что Польскій престолъ торжественно былъ объявленъ вакантнымъ, грозя жестокими угрозами всѣмъ тѣмъ, кто будетъ этому противиться. Онъ далъ знать сейму, что Польша можетъ получить миръ съ Швеціею только подъ условіемъ торжественнаго признанія своего трона вакантнымъ, за что обѣщалъ 500,000 талеровъ. Гарнизонъ въ Варшавѣ былъ усиленъ для поддержки уступчивыхъ, для грозы строптивымъ депутатомъ, и этимъ средствомъ Горну удалось наконецъ исполнить желаніе своего короля: сеймъ обнародовалъ, что Августъ лишенъ престола и должно быть приступлено къ избранію новаго короля.

Кто же будетъ этимъ новымъ Польскимъ королемъ милостію короля Шведскаго, потому что Карлъ не думалъ предоставлять Полякамъ свободнаго выбора? Двое Собѣскихъ были заключены въ Кенигсштейнѣ; узнавши, что они схвачены Августомъ, Карлъ сказалъ: „Ничего, мы состряпаемъ другаго короля Полякамъ", и предложилъ корону третьему Собѣскому, Александру, но тотъ не принялъ опаснаго дара. Карлъ былъ въ большомъ затрудненіи. Го-

ворятъ министръ его Пиперъ сталъ внушать, чтобъ Карлъ провозгла́силъ самого себя Польскимъ королемъ, снискалъ расположеніе народа уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія и ввелъ бы въ польшу Лютеранство, какъ то сдѣлалъ Густавъ-Ваза въ Швеціи. Карлъ отвѣчалъ: „Я лучше хочу раздавать государства другимъ, чѣмъ пріобрѣтать ихъ для себя, а ты былъ бы отличнымъ министромъ какого-нибудь Италіанскаго князя" [23].

Изъ Польскихъ вельможъ самымъ могущественнымъ былъ коронный великій гетманъ Любомирскій, которому и хотѣлось въ короли; первымъ богачомъ былъ Радзивилъ; но Карлъ остановилъ свое вниманіе на человѣкѣ, который ему больше другихъ нравился: то былъ Станиславъ Лещинскій, воевода Познаньскій Лещинскій дѣйствительно могъ нравиться: онъ былъ молодъ, пріятной наружности, честенъ, живъ, отлично образованъ — но у него недоставало главнаго, чтобъ быть королемъ въ такое бурное время, недоставало силы характера и выдержливости. Выборъ человѣка, не выдававшагося рѣзко впередъ ни блестящими способностями, ни знатностію происхожденія, ни богатствомъ, разумѣется, былъ важною ошибкою со стороны Карла: поднялся страшный ропотъ, ибо многіе считали себя выше Лещинскаго въ томъ или другомъ отношеніи. Радзѣевскій не хотѣлъ слышать о Лещинскомъ, Любомирскій началъ склоняться на сторону Августа. Но упрямый Карлъ не думалъ уступать; Шведскіе генералы жгли безъ пощады имѣнія тѣхъ вельможъ, которые стояли за Августа. На избирательный сеймъ не явилось ни одного воеводы кромѣ Лещинскаго; изъ епископовъ былъ только одинъ Познаньскій, изъ важныхъ чиновниковъ одинъ Сапѣга; за то на полѣ, гдѣ должно было происходить избраніе, виднѣлось 300 Шведскихъ драгуновъ, и 500 человѣкъ пѣхоты, самъ Карлъ находился съ войскомъ въ трехъ миляхъ отъ Варшавы. При страшномъ шумѣ и протестахъ Шведская партія выкрикнула Лещинскаго королемъ

Что же дѣлалъ Долгорукій во время всей этой смуты 1704 года?

2 февраля онъ писалъ Головину: „При дворѣ королевскомъ, какъ министры, такъ мало не всѣ Саксонцы союзу съ Россіею гораздо противны и всѣми способами ищутъ препятствія, не уважаютъ чести и пользы его величества, кромѣ одного посторонняго князя Фюрстенберга, который великую склонность къ сторонѣ его царскаго величества имѣетъ и пользы и дружбы между ихъ величествами желаетъ. Во время нынѣшняго моего пребыванія съ королемъ въ Саксоніи изо всего двора любовь и честь, по моему характеру, только имѣлъ я отъ него Фюрстенберга а другіе Саксонцы и видѣть меня не хотѣли" Министръ Флюкъ ни разу не надѣлъ присланнаго ему Андреевскаго ордена. Посолъ императорскій хлопоталъ всѣми силами, чтобъ Августъ удалился изъ Польши въ Саксонію; Саксонскіе министры помогали ему въ этомъ тайно. Узнавши объ этомъ, Долгорукій представилъ королю, чтобъ онъ, надѣясь на помощь царскую, безъ всякаго сомнѣнія спѣшилъ походомъ въ Литву для соединенія съ Литовскимъ и вспомогательнымъ Русскимъ войскомъ, пока непріятель не пресѣкъ пути; въ противномъ случаѣ, если непріятель поспѣшитъ вступить въ Литву, то и тамошнее войско, оставленное безъ помощи, принуждено будетъ къ такому же непотребному дѣлу въ конфедерацію, а если Литовскія войска отступятъ, то больше уже никакой надежды во всей Рѣчи Посполитой не останется, а которые люди его королевскому величеству предлагаютъ и разсуждаютъ непотребно, для своихъ интересовъ, такимъ бы непотребнымъ совѣтамъ вѣры давать не изволилъ. Король отвѣчалъ, что соединиться съ войсками союзными и Литовскими сильно желаетъ, только за позднимъ выступленіемъ своихъ Саксонскихъ войскъ скоро идти въ походъ ему нельзя: 5000 войска, которое теперь при немъ, находится въ великой скудости, да и съ такимъ малымъ числомъ идти въ такой дальній походъ очень опасно, ибо коронные гетманы невѣрны; уйти далеко отъ Саксоніи за скудостію денегъ трудно, не только войско, но и дворъ свой содержать въ такомъ дальнемъ пути нельзя. Долгорукій настаивалъ на своемъ, что

если король своихъ войскъ скоро изъ Саксоніи не получитъ, или съ тѣми, которые при немъ, въ походъ не выступитъ и Литовцевъ оставитъ безъ помощи, то легко лишится короны, которую непріятель старается всѣми силами у него отнять. Посолъ представлялъ, что царь во всѣхъ трудныхъ дѣлахъ по сіе время никогда его не покидалъ, и нынѣ не покинетъ, и если войско и дворъ его королевскій по какому-нибудь случаю будутъ въ скудости, то царское величество до времени ихъ не оставитъ и будетъ содержать во всякомъ довольствѣ. Къ Головину Долгорукій написалъ: „Подтверждая къ вамъ пишу, что гораздо надлежитъ нынѣ имѣть намъ частую корреспонденцію, дабы мы вѣдали все дѣйство и свое состояніе. Не такъ потребно царскому величеству показать въ нынѣшнемъ времени силу свою въ сѣверныхъ странахъ противъ непріятеля, какъ здѣсь въ Польскомъ государствѣ. Если мы не пресѣчемъ сильно намѣренія непріятельскаго, то впредь трудно будетъ домогаться чрезъ многое время и не мочно будетъ достать за многочисленную цѣну“.

Но мы видѣли, что кромѣ Долгорукаго, при дворѣ Августа явился и другой царскій посланникъ, Паткуль. Ихъ донесенія о Польскихъ дѣлахъ не всегда были согласны. Такъ Паткуль писалъ, что въ Литвѣ Вишневецкій и Огинскій склоняются къ непріятелю. Долгорукій опровергалъ это извѣстіе, писалъ, что нельзя сомнѣваться въ этихъ вельможахъ, потому что переходъ на непріятельскую сторону противенъ ихъ интересамъ и натурѣ. И въ Польшѣ провозглашеніе детронизаціи Августа имѣло хорошія послѣдствія по донесеніямъ Долгорукаго; все теперь открыто и остался одинъ исходъ —война; лукавыя факціи и предлоги неправые пресѣчены, скоро окажется, кто будетъ при королѣ, кто противъ него, у самаго короля открылись глаза и много прибавилось къ доброму дѣлу охоты, и Поляки бодрѣе въ своемъ дѣлѣ теперь поступаютъ. При этомъ Долгорукій совѣтовалъ не давать денегъ болѣе братьямъ Любомирскимъ, гетману и подскарбію за ихъ злодѣйство и къ царскому величеству противность, тѣмъ болѣе, что

и безъ великихъ подарковъ они скоро принуждены будутъ пристать къ русской сторонѣ; нечего ихъ опасаться: и не въ нынѣшнее время, въ лучшую пору сабля гетманская не остра и подскарбіевъ мѣшокъ пустъ, не могутъ они сдѣлать ни добра, ни зла.

Долгорукій поспѣшилъ успокоить Головина и на счетъ новаго или другаго Польскаго короля: „о нововыбранномъ въ Варшавѣ кроликѣ не извольте много сомнѣваться; выбранъ такой, который намъ всѣхъ легче: человѣкъ молодой и въ Рѣчи Посполитой незнатный, кредита не имѣетъ, такъ что и самые ближніе его свойственники ни во что его ставятъ и слышать о выборѣ его не хотятъ. Труднѣе бы для насъ было, если бы выбрали королевича Александра Собѣскаго, къ которому Поляки скорѣе бы пристали, и если король Августъ будетъ здѣсь сильнѣе непріятеля, то Станиславъ Лещинскій исчезнетъ и нигдѣ себѣ мѣста не найдетъ“.

Но если и Долгорукій писалъ, что не такъ потребно царскому величеству въ нынѣшнее время показать силу свою въ сѣверныхъ странахъ противъ непріятеля, какъ здѣсь въ Польскомъ государствѣ, — то еще сильнѣе настаивалъ Паткуль на то, чтобъ царь оставилъ прибалтійскія страны и всѣ свои войска перевелъ въ Польшу для непосредственной борьбы здѣсь съ Карломъ. Но въ 1704 году это было совершенно противно намѣреніямъ Петра, который, пользуясь увязнутіемъ Карла въ Польшѣ, хотѣлъ обезпечить себѣ Ингрію и сдѣлать для Шведовъ войну въ прибалтійскихъ областяхъ какъ можно затруднительнѣе. Паткулю, сильно протестовавшему и прежде противъ опустошенія Ливоніи, ненравилось утвержденіе царя на Балтійскомъ морѣ. Онъ писалъ Петру о желаніи короля Августа знать, какія будутъ распоряженія относительно возвращенныхъ гаваней, чтобъ не возбудить опасенія въ прочихъ потентатахъ, которыхъ владѣнія находятся при Балтійскомъ морѣ? Петръ велѣлъ отвѣчать: „Война произошла отъ озлобленія, нанесеннаго въ Ригѣ не только посламъ, но и самой царской особѣ, и Господь Богъ посредствомъ оружія воз-

вратилъ большую часть дѣдовскаго наслѣдства, неправедно похищеннаго. Умноженіе флота имѣетъ единственною цѣлію обезпеченіе торговли и пристаней; пристани эти останутся за Россіею, во первыхъ потому, что они изъ начала ей принадлежали, во вторыхъ потому, что пристани необходимы для государства „ибо чрезъ сихъ артеріи можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть". Его царское величество объявляетъ, что ни единой деревни Шведской не желаетъ себѣ, понеже его величество всегда сіе въ памяти имѣетъ, чтобъ не быть причиною озлобленія всѣхъ потентатовъ, что̀ и дѣломъ, Богу поспѣшествующу, окажетъ во увѣреніе всѣмъ".

Еще въ началѣ 1704 года Петръ сообщилъ Паткулю свои мысли на счетъ веденія войны въ этомъ году. „Король, какъ видимъ, спѣшитъ окончить дѣло счастливымъ полевымъ боемъ: но на чьей сторонѣ будетъ успѣхъ — объ этомъ знаетъ одинъ Всевышній, намъ же, какъ людямъ, надлежитъ смотрѣть ближайшее. Исканіе генеральнаго бою зѣло опасно, ибо въ одинъ часъ можетъ все дѣло быть низпровергнуто (какъ случилось подъ Клишовымъ въ 1702 году). Поэтому надобно, чтобъ король въ наступающее лѣто, устроивъ войско свое добрымъ порядкомъ, старался бить непріятеля по частямъ и удерживалъ его въ Польшѣ, чтобъ мы могли весною въ Лифляндіи два или три города осадить. Города эти, не имѣя ни откуда помощи, принуждены будутъ намъ сдаться; мы ихъ отдадимъ королю, который такимъ образомъ утвердится въ Лифляндіи лучше чѣмъ прежде и ближе къ намъ къ Ингріи, гдѣ теперь всѣ наши войска, а прежде не было ни человѣка. Саксонія, видя короля своего съ такимъ основательнымъ прибыткомъ, будетъ усерднѣе помогать; также, если съ кѣмъ нибудь изъ насъ случится несчастіе, то будетъ куда пристать и поправиться, а не такъ какъ на Двинѣ: по одну сторону Шведы, по другую Поляки, и потому принуждены были съ безчестіемъ въ Саксонію бѣжать. Шведы не благодаря ли крѣпостямъ основательны и смѣлы въ этихъ земляхъ? Если же король будетъ искать генеральнаго боя, и если

этотъ бой кончится для него несчастно, то что произойдетъ? Мы можемъ потерять всѣ свои завоеванія и будемъ отдѣлены другъ отъ друга; а король не только отъ непріятеля, но и отъ бѣшеныхъ Поляковъ со срамомъ выгнанъ и престола лишенъ быть можетъ. Поэтому надобно хорошенько подумать и не ввергать себя въ такое бѣдствіе".

Паткуль настаивалъ на своемъ, писалъ, что будучи въ Берлинѣ онъ могъ побудить Прусскаго короля къ вступленію въ союзъ только обѣщаніемъ, что войска Саксонскія, Русскія, Датскія и Прусскія соединятся вмѣстѣ и своею многочисленностію подавятъ Шведовъ въ Польшѣ, послѣ чего союзники приступятъ къ раздѣлу Польши, Лифляндіи, Помераніи и Гольштиніи. Прусскій король Фридрихъ 1-й такъ обрадовался этому предложенію, что сейчасъ же велѣлъ вербовать 12,000 войска; но когда узналъ, что царь, вмѣсто того, чтобъ двинуться въ Польшу, обратился къ Нарвѣ, то сильно разсердился и остался въ бездѣйствіи. Чтобъ отвлечь царя отъ осады Нарвы, напугать его ея слѣдствіями, Паткуль писалъ: „Хорошо, если Шведскій король будетъ упрямъ по прежнему: это будетъ очень выгодно для вашего величества; но если взятіе Нарвы поумягчитъ его и склонитъ къ миру, то опасаюсь я очень, чтобъ Голландія, Англія и Цесарь не устроили миръ, который никогда не будетъ выгоденъ вашему величеству: тутъ они всѣ явно покажутъ то, что теперь тайно въ сердцѣ носятъ, а именно ненависть и зависть къ Россіи". Паткуль доносилъ также, что на имперскомъ сеймѣ въ Регенсбургѣ тайно хлопочутъ о мирѣ между Польскимъ и Шведскимъ королями и толкуютъ сильно объ опасныхъ слѣдствіяхъ, какія можетъ имѣть утвержденіе Русскаго царя на Балтійскомъ морѣ; что подобное же опасеніе возбуждено и при всѣхъ другихъ Европейскихъ дворахъ, не исключая и Датскаго: изъ этого Паткуль выводилъ, что для царя должно быть главнымъ правиломъ — Шведа въ Польшѣ разорить, и тамъ устроить главную сцену военныхъ дѣйствій до самаго прекращенія войны.

Паткуль въ другой разъ побывалъ тайно въ Берлинѣ и

нашелъ Прусскаго короля при прежнемъ намѣреніи — приступить къ союзу противъ Карла XII, если силы союзниковъ въ Польшѣ будутъ такъ велики, что можно станетъ надѣяться на успѣхъ. Король объявилъ Паткулю, что союзники должны заставить Карла XII выйти изъ Польской Пруссіи и этимъ дать Прусскому королю перевести духъ; иначе онъ не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія, пока Шведы находятся въ Польской Пруссіи и въ состояніи, по первому подозрѣнію, разорить Бранденбургскую Пруссію и его, короля, такъ отдѣлать, что онъ послѣ не въ состояніи будетъ повернуть ни рукою, ни ногою, потому что ему съ Бранденбургской Пруссіи сходитъ милліонъ ефимковъ". Въ то же время, доносилъ Паткуль, мы договариваемся и съ королемъ Польскимъ, только тайно. Главнѣйшее и труднѣйшее о Польской Пруссіи опредѣлили".

На счетъ союза съ Польшею Паткуль писалъ: „Поляки желаютъ огромныхъ денежныхъ пособій: надобно имъ ротъ хорошенько мазать и не скупиться на обѣщанія, но при этомъ постановить такія условія, какихъ они исполнить не въ состояніи. Тогда явно можно ихъ будетъ понуждать къ исполненію союзнаго договора, а тайно мѣшать этому исполненію и такимъ образомъ получить право не давать имъ денегъ; а между тѣмъ будемъ ихъ держать на веревкѣ".

Союзъ между Россіею и Польшею противъ Шведовъ былъ окончательно заключенъ 19 августа 1704 года [24]. Союзныя державы обязались воевать противъ общаго врага, короля Шведскаго на сушѣ и на морѣ, отдѣльныхъ договоровъ съ нимъ не заключать и ни въ какія сношенія не входить. Палѣя принудить возвратить республикѣ города и крѣпости, взятые въ смутное время. Всѣ города и крѣпости, покоренные Русскими, должны быть уступлены Польшѣ. Царь посылаетъ королю подъ его команду 12,000 войска; на 1705 годъ выдаетъ королю 200,000 рублей или 2 милліона Польскихъ злотыхъ на содержаніе Польскаго войска, которое должно состоять изъ 26,200 человѣкъ пѣхоты и 21,800 конницы. На будущее время каждый годъ, до окончанія войны, уплачиваетъ по 200,000 рублей.

3

Между тѣмъ явились къ королю въ мѣстечко Сокалъ (Бѣльзскаго воеводства) одиннадцать Русскихъ вспомогательныхъ полковъ съ отрядомъ козаковъ Малороссійскихъ. Полки привелъ оберъ-коммиссаръ, князь Дмитрій Михайловичь Голицынъ; козаками начальствовалъ наказной гетманъ Данила Апостолъ.

Король Августъ, по словамъ Паткуля, остался очень доволенъ солдатами, но офицеры оказались никуда негодными, и, по возможности, замѣнены были нѣмецкими. Притомъ, по причинѣ тяжкаго похода, войско было истомлено, оказалось въ немъ много больныхъ и бѣглыхъ, въ строю явилось отъ 6 до 7000; изъ Малороссійскихъ козаковъ, вмѣсто 6000 оказалось только 3000. „Рядовые солдаты, писалъ Паткуль, такъ хороши, что лучше желать нельзя, обнаруживаютъ совершенное послушаніе и охотно исполняютъ все, что имъ приказываютъ; но съ офицерами невозможно ничего исполнить, и потому рядовые почти сами собою управляются; батальонъ стрѣльцовъ лучше всѣхъ; они очень понравились королю и генераламъ, особенно потому, что все крупные люди и одѣты въ одинакое платье. Король проситъ ваше величество прислать ему 4000 такихъ выборныхъ старыхъ стрѣльцовъ, которые прежде уже были солдатами. Ружья большею частію нехороши и не равнаго калибра; одежда и уборъ во всѣхъ полкахъ очень дурны". Паткуль, принявшій начальство надъ присланными войсками, сейчасъ же столкнулся съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, потому что офицеры постоянно ссылались на князя и, кромѣ его, не хотѣли слушаться ничьихъ другихъ приказаній. Можетъ быть поэтому они и оказались такъ дурны въ глазахъ Паткуля, который жаловался на Голицына, что онъ своими коммиссарскими распоряженіями сильно вредитъ войску, и если распоряженія эти будутъ продолжаться впередъ, то войско можетъ разсѣяться отъ голода. Паткуль жаловался на непослѣдовательность Голицына, который то возьметъ доставку всѣхъ запасовъ на себя, то вдругъ слагаетъ эту обязанность на королевское коммиссарство, то самъ хочетъ печь хлѣбъ,

то вдругъ требуетъ печенаго хлѣба, и требуетъ, чтобъ онъ доставленъ былъ во мгновеніе ока. Паткуль сильно жаловался также на козаковъ: „Я команду надъ этими дикими людьми сдалъ генералу Брандту, потому что между ними нѣтъ послушанія и никакого мужества, ни къ чему они не годятся, кромѣ грабежа, который производитъ въ войскѣ голодъ и по всей землѣ великія жалобы. Оружіе у нихъ плохое; иные кромѣ дубинъ ничего не имѣютъ".

Между тѣмъ въ письмахъ къ Головину Паткуль не переставалъ настаивать, чтобъ царь со всѣмъ войскомъ шелъ въ Польшу: „Король Августъ мнѣ самъ говорилъ, что онъ рѣшился лучше корону оставить, нежели вести такую жалкую оборонительную войну, на позоръ всему свѣту, давать себя гонять изъ одного угла въ другой. При томъ же такъ много людей, которые хлопочутъ, какъ бы разъединить царское величество съ королемъ Польскимъ, именно желаютъ этого Саксонцы и цесарскій дворъ; наговариваютъ королю, что онъ несетъ все бремя войны, а награды никакой себѣ ожидать не можетъ, только Саксонію изнуритъ; денежныя пособія отъ царя идутъ только на войну, для страны отъ нихъ никакой пользы нѣтъ, а царь между тѣмъ беретъ себѣ города". — „Увѣряю ваше превосходительство, продолжаетъ Паткуль, что ни взятіе Нарвы, ни побѣды въ Лифляндіи не заключаютъ въ себѣ ничего рѣшительнаго; пока Шведскій король будетъ господствовать въ Польшѣ, до тѣхъ поръ онъ будетъ господиномъ войны и мира; надобно замѣтить, что въ 1702 году онъ привелъ въ Польшу только 12000 войска, въ 1703 у него уже было 24000, въ нынѣшнемъ 1704 году у него 33000, и безъ всякаго сомнѣнія полагать надобно, что въ будущемъ году у него будетъ больше 40,000".

Въ концѣ лѣта королю Августу удалось взять у Шведовъ Варшаву съ помощію Русскихъ войскъ; ему хотѣлось взять у нихъ и Познань для чего отправилъ къ этому городу Паткуля съ Польскимъ и Русскимъ войсками. Мѣсяцъ простоялъ Паткуль безплодно подъ городомъ, складывая всю вину на то, что не приходили обѣщанныя 1500

человѣкъ Саксонской пѣхоты; по его словамъ, онъ рѣшился было уже и безъ этой пѣхоты на приступъ, какъ получилъ отъ короля Августа приказаніе снять немедленно осаду и отвести войско въ безопасное мѣсто. Паткуль отвелъ войско въ Саксонскія владѣнія, въ Нижніе Лужичи (Лаузицъ) и расположился при мѣстечкѣ Губбенѣ, при чемъ въ Русскихъ полкахъ оказался недочетъ въ 1900 человѣкъ [25]. Не всѣ Русскія войска были съ Паткулемъ при осадѣ Познани: четыре полка, подъ начальствомъ полковника Гёрца, были оставлены имъ на Вислѣ при большой Саксонской арміи. Отдалившись отъ этой арміи, они были настигнуты Шведами близь Фрауштадта, храбро защищались противъ превосходнаго числомъ непріятеля и, потерявши 900 человѣкъ въ битвѣ, засѣли въ деревнѣ Тиллеротѣ. На другой день Шведы напали на нихъ и здѣсь; Русскіе защищали каждый домъ, каждый шагъ, Шведы предложили имъ сдаться, грозя, что въ противномъ случаѣ зажгутъ деревню; Русскіе отвѣчали, что будутъ защищаться до послѣдняго человѣка—и сдержали слово: множество ихъ пало съ оружіемъ въ рукахъ или погибло въ зажженныхъ Шведами домахъ, другимъ удалось уйти [26].

Паткуль жаловался на козаковъ, козаки на Паткуля. Данила Апостолъ писалъ Мазепѣ: „Отъ начала вѣрной службы нашей престолу пресвѣтлѣйшихъ монарховъ никогда не были мы въ такомъ безчестіи и поруганіи, какъ здѣсь отъ господина Паткуля, который самовольно принуждаетъ насъ быть подъ его командою и безчеловѣчную обнаруживаетъ суровость, стращаетъ насъ висѣлицею и объявляетъ, будто великій государь отдалъ насъ сюда за тѣмъ, чтобъ и имя наше пропало. Подъ Варшавою 24 августа назначено было идти на штурмъ, и Паткуль велѣлъ козакамъ одѣваться въ латы Нѣмецкіе; одинъ козакъ не захотѣлъ и онъ ему поранилъ ухо, другой не захотѣлъ — того прибилъ мало недо смерти. Разговаривать съ нимъ гордомысленнымъ трудно. Слезно, именемъ всего войска прошу избавить насъ изъ-подъ команды этого злочестиваго человѣка. О чемъ ни попросимъ—не слушаетъ, а потѣхи не спрашивай: войско

наго, босо, голодно. Только совѣтной отрады имѣемъ у князя Григорья Θеодоровича Долгорукаго, съ которымъ безъ толмача разговаривать можемъ; также и генералъ Брандтъ со мною въ товарищескомъ совѣтѣ, и онъ только мнѣ подаетъ отраду и утѣху, какъ человѣкъ правдивой совѣсти и знающій хорошо здѣшнія поведенія; если бъ не онъ, Богъ вѣсть, какъ бы я обходился съ этими Нѣмцами, не умѣя съ ними разговаривать. Если дальше должны будемъ идти, то войско, и подъ страхомъ смертной казни, не удержится, потому что нечѣмъ жить; хотя и служимъ, обливаясь кровію и теряя животъ за здѣшній маестатъ, однако чести ни отъ кого не имѣемъ". Апостолъ не оправдываетъ и козаковъ своихъ: „Козаки, пишетъ онъ Мазепѣ, такъ остервенѣли на своевольствѣ, что никакъ ихъ унять нельзя, хотя безпрестанно и безъ пощады наказываются."

Въ декабрѣ 1704 года явились въ Малороссію козаки, ходившіе въ Польшу, и объявили, что, отступивъ отъ Познани, Паткуль отобралъ отъ нихъ лошадей и отпустилъ пѣшкомъ, не давши ни провожатаго, ни наставленія, куда имъ лучше пройти; они пошли къ Кракову, но, не доходя до Велюна, были настигнуты Шведами и Поляками Лещинскаго и разбиты; спаслось въ Краковъ 80 человѣкъ, которые и возвратились въ Малороссію съ пропускнымъ листомъ отъ короля Августа Козаки возвратились безъ вождей: Апостолъ, безъ царскаго указа, бросилъ свое войско и уѣхалъ домой; то же самое сдѣлалъ Переяславскій полковникъ Мировичь, отговариваясь голодомъ и холодомъ [27].

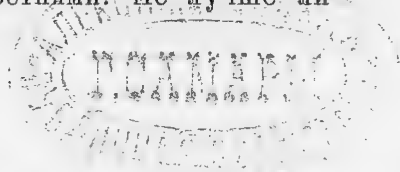
Про козаковъ никто не говорилъ добраго слова; но никто не говорилъ добраго слова и про Паткуля. Долгорукій писалъ Головину: „Король мнѣ на Паткуля жаловался, будто онъ съ досады, что не успѣлъ взять Познани, къ его величеству писалъ такъ противно, что токмо изволилъ терпѣть для дружбы царскаго величества, и притомъ будто съ сердца писалъ, что и команду свою хочетъ покинуть. Изволите вы, чаю, Паткуля знать: не токмо слова, но и письма его надобно разсуждать; если во время злобы пи-

шетъ, въ то время и самому Богу на похвалу не напишетъ" [28].

Въ то время когда козаки ссорились съ Паткулемъ въ Польшѣ и Саксоніи, гетманъ ихъ Мазепа управлялся съ Палѣемъ

Еще лѣтомъ 1703 года Мазепа далъ знать въ Москву, что Палѣй и Искра поссорились съ Самусемъ, хотятъ у него самого отобрать гетманскіе клейноты и Самусь хочетъ перейти подъ гетманскій регментъ въ полкъ Переславскій, гдѣ у него родной братъ и другіе родственники; но онъ, Мазепа не позволилъ ему этого, велѣлъ до времени жить по прежнему въ Богуславѣ. „Палѣй началъ вельми высоко забирать, доносилъ Мазепа: и не такъ съ желательствомъ своимъ ко мнѣ отзывается какъ прежде, и отъ часу больше къ себѣ гультяевъ прибираетъ. Я жалованье монаршеское, къ Палѣю присланное, у себя задержалъ до времени, присматриваясь къ дальнѣйшимъ его поступкамъ. Пишетъ ко мнѣ Палѣй, хвалясь, что крѣпость Бѣлоцерковскую твердо укрѣпилъ, загнавъ съ Полѣсья двѣ тысячи человѣкъ. Самусь хвалится, что городъ Богуславль почпнилъ и укрѣпилъ, Искра объявляетъ, что Корсунь свой обновилъ и укрѣпилъ. Самовольства очень много со всѣхъ сторонъ къ нимъ прибирается". Въ іюлѣ Мазепа писалъ: „Палѣй и не мыслитъ объ отдачѣ Полякамъ Бѣлоцерковской фортеціи, потому что города строитъ и большую силу гультяевъ къ себѣ прибираетъ. Если нужно отдать Полякамъ эту фортецію, то можно это сдѣлать только такимъ способомъ: ѣхать мнѣ самому въ Кіевъ съ небольшимъ отрядомъ войска, будто для поклоненія св. мѣстамъ, призвать къ себѣ туда Палѣя, Самуся, Искру и не отпускать ихъ домой, но свои войска послать въ Бѣлоцерковскую и другія фортеціи. Дивная то рѣчь, что Поляки, имѣя передъ собою нужнѣйшее дѣло воинское со Шведами, такъ часто великому государю прошеніями своими о Бѣлоцерковской фортеціи докучаютъ. Возможно послу царскаго величества, при дворѣ Польскомъ резидующему, объявлять Полякамъ, что и послѣ можно будетъ имъ получить Бѣ-

лую Церковь, потому что Палѣй, Самусь и Искра на небо не взлезутъ, подъ землею не схоронятся, должны будутъ волею-неволею исполнить монаршескій указъ.“ Въ сентябрѣ Мазепа прислалъ за новымъ монаршескимъ указомъ: „Палѣй, Самусь и Искра, поссорившись, пишутъ ко мнѣ, просятъ, чтобъ я ихъ подѣлилъ, и универсаломъ своимъ тотъ надѣлъ утвердилъ. Палѣй отъ себя присылалъ ко мнѣ людей, прося денегъ на жалованье своему войску; также Самусь и Искра, имѣя при себѣ нѣсколько сотъ коннаго гультяйства, оставшагося отъ прежнихъ бунтовъ, просятъ денегъ, сказывая, что гультяйство это къ нимъ собиралось, будучи обнадежено добычею лядскою; а нынѣ, когда я указомъ монаршескимъ пригрозилъ, чтобъ смирно жили и Ляховъ не задирали, то они и докучаютъ о деньгахъ, чтобъ какъ-нибудь имъ гультяйство у себя удержать“. Въ генварѣ 1704 года Самусь и Искра пріѣхали къ Мазепѣ въ Батуринъ съ просьбою, чтобъ успокоилъ ихъ ссору за города и села около Богуславля и Корсуня. Мазепа отвѣчалъ имъ: „Какъ вы тамъ безъ моего вѣдома сѣли и завладѣли, такъ сидите и дѣлайтесь какъ вамъ надобно, а мнѣ ненависти отъ Поляковъ и даровой докуки не наносите“. Самусь и Искра сказали на это: „Куда же намъ дѣться, какъ не къ православному монарху и не къ вашей милости? Пишешься обѣихъ сторонъ гетманомъ? Если вами не будемъ приняты, то доведется всѣмъ разсыпаться куда глаза глядятъ, потому что за Поляками по ихъ мучительству жить не можемъ и не хотимъ“. 20 февраля 1704 года монаршескій указъ состоялся—чтобъ Палѣй непремѣнно отдалъ Бѣлую Церковь Полякамъ, иначе вступятъ въ нее царскія войска. Но 29 февраля Мазепа писалъ слѣдующее Головину: „Пріѣхалъ ко мнѣ Цыганчукъ, обозный Палѣевъ съ платкомъ свадебнымъ, потому что Палѣй женилъ пасынка своего. Этотъ Цыганчукъ секретно сказывалъ мнѣ, что Палѣй замышляетъ въ подданство къ Ляхамъ, будучи прельщенъ частыми подсылками отъ Любомирскихъ, подкоморія короннаго и гетмана. Любомирскій же безпрестанно Самуся обсылаетъ, то матеріями, то перстнями. Не лучше ли



мнѣ самому на легкѣ въ Кіевъ поѣхать, а Палѣя изъ Бѣлой Церкви въ Кіевъ будто на секретъ призывать; изъ Кіева лучше и способнѣе, чѣмъ изъ Батурина исполнить волю монаршескую о Бѣлой Церкви или о иныхъ какихъ монаршескихъ дѣлахъ. А если Палѣй съ подручниками своими подъ власть Лядскую приклонится, то нельзя надѣяться отъ нихъ ничего добраго: на сю сторону Днѣпра огонь выкинутъ, не забудутъ и Запорожцевъ, яко малодушныхъ и непостоянныхъ людей, до своей компаніи призвать".

Чтобъ заставить Палѣя высказаться, Мазепа послалъ къ нему знатнаго козака съ увѣщаніемъ дѣйствовать противъ Поляковъ по прежнему; Палѣй отвѣчалъ: „Какъ мнѣ съ Ляхами въ доброй пріязни не жить и къ нимъ не склоняться, когда отъ царскаго величества и отъ гетмана получаю частыя грамоты, чтобъ мнѣ съ Ляхами жить смирно и Бѣлую Церковь имъ уступить. Но я Ляхамъ и никому иному Бѣлой Церкви не отдамъ, развѣ меня изъ нея за ноги выволокутъ".

Въ апрѣлѣ Мазепа получилъ царскій указъ выступить со всѣмъ своимъ войскомъ въ Польскія владѣнія противъ приверженцевъ Лещинскаго. Мазепа выступилъ въ походъ и 3 іюня писалъ Головину: „О Палѣѣ прилежное имѣю радѣніе, чтобъ устремить его противъ Любомирскихъ, хотя съ моею помощью, потому что при немъ мало войска. Будучи насыщенъ духомъ и подарками Любомирскихъ, онъ отговаривается то болѣзнію, то другими причинами и не хочетъ надъ ними промышлять; притомъ уже четыре недѣли какъ въ обозѣ при мнѣ находится, и постоянно пьянъ, день и ночь, ни разу не видалъ я его трезваго; да и товарищество его, какъ вижу, тѣмъ же духомъ Любомирскихъ наполнилось". 15 іюня новыя вѣсти о Палѣѣ отъ Мазепы: „Самусь, пріѣхавши ко мнѣ въ обозъ, былъ у меня нѣсколько разъ на приватномъ разговорѣ и объявилъ, что Палѣй подлинно ничего добраго царскому величеству и королю Августу не мыслитъ; присягнувши съ домомъ Любомирскихъ и побравши отъ нихъ знатные подарки, обѣщалъ вѣрно служить и постоянно пересылаться съ ними тайно;

такъ недавно далъ имъ знать: „Небойтесь: гетманъ только для страху вамъ вышелъ, а ничего съ вами не будетъ дѣлать, вы что начали, то и продолжайте“. Самусь разказалъ и то: Палѣй собиралъ раду за Бѣлою Церковію и объявилъ, что Любомирскіе взяли его въ защиту со всѣмъ его войскомъ, говорилъ народу: „Во всей Польшѣ нѣтъ знатнѣе и сильнѣе ихъ; только они могутъ насъ уберечь, потому что ежедневно надобно ждать подъ Кіевъ Шведа, государь Московскій далеко, а король Польскій не защититъ, потому что и самого себя защитить не можетъ. Сами знаете, каковы войска козацкіе: немного постоятъ въ полѣ, а какъ придетъ сѣнокосъ да жатва, то всѣ и разойдутся по домамъ, гетманъ останется одинъ; да и Москва все новая, невоенная, которая не можетъ вамъ ничего сдѣлать“. — „Еще потерплю ему до времени, писалъ Мазепа, пока дастъ Богъ, перехвачу письма отъ Любомирскихъ къ нему, или отъ него къ Любомирскимъ; когда будетъ явная улика въ измѣнѣ, тогда велю за караулъ его взять“.

Но улики не было, Палѣй стоялъ вмѣстѣ съ Мазепою, и тотъ продолжалъ посылать на него жалобы Головину: „Палѣй говоритъ передъ своими козаками: гетманъ здѣсь даромъ стоитъ и никакого промысла военнаго не дѣлаетъ; еслибъ я съ своими людьми пошелъ, то давнобъ и я и люди мои обогатились добычею. — Я ему представляю, что по указу царскому и по желанію короля Польскаго я долженъ стоять тутъ, а въ глубь Польши не вступать, чтобъ не разорять Поляковъ и не давать имъ повода къ ненависти противъ короля Августа. Но онъ ничего не слушаетъ; рацыями говорить съ нимъ трудно, ничего не понимаетъ, потому что умъ его помраченъ повседневнымъ пьянствомъ. Гультяйство Палѣево въ разныхъ мѣстахъ великое бѣднымъ людямъ причиняетъ грабительство, разбой, убійства и разореніе, а все моимъ именемъ. Число этихъ Палѣевыхъ самовольныхъ гультяевъ безпрестанно умножается изъ Запорожья и изъ другихъ мѣстъ, и грабятъ не только около Буга и Днѣстра, но уже и черезъ Днѣстръ переправились, во владѣніяхъ господаря Волошскаго многихъ людей по-

грабили и до смерти побили, о чемъ пишетъ мнѣ господарь Волошскій, требуя управы. Доношу и то: хотя бы Бѣлую Церковь и не нужно было отдавать Полякамъ, и тогда Палѣя не надобно тамъ болѣе терпѣть, потому что отъ него ничего добраго нельзя надѣяться; особенно опасаться надобно, чтобы онъ, по моемъ уходѣ, какого огня не запалилъ, потому что онъ не только самъ, повседневнымъ пьянствомъ помрачаясь, безъ страха Божія и безъ разума живетъ, но и гультяйство также единонравное себѣ держитъ, которое ни о чемъ больше не мыслитъ, только о грабительствѣ и о крови невинной, и никогда никакой власти и начальства надъ собою имѣть не хочетъ". По письму Головина Мазепа предложилъ Палѣю ѣхать въ Москву, но тотъ отказался: здоровьемъ слабъ, да и незачѣмъ туда ѣхать.

Наконецъ Мазепа добылъ улику, по которой счелъ себя въ правѣ схватить Палѣя. Хвастовскій жидъ арендаторъ объявилъ, что Палѣй посылалъ его къ подкоморію Любомирскому съ требованіемъ обновленія договора, который былъ заключенъ Палѣемъ съ ротмистромъ, присланнымъ отъ любомирскаго; договоръ нужно обновить потому, что Палѣй веселился съ ротмистромъ и не всѣ пункты договора помнитъ. Любомирскій отвѣчалъ: „очень мнѣ удивительно, что братъ мой, господинъ Палѣй такъ скоро позабылъ подтвержденныя присягою обѣщанія, данныя намъ и всей Рѣчи Посполитой. Главный пунктъ договора состоитъ въ томъ, чтобъ Палѣй былъ преданъ дому нашему и Рѣчи Посполитой, и шелъ бы туда, куда ему укажемъ; потомъ, чтобъ набиралъ какъ можно больше войска, конницы и пѣхоты, и переманилъ сердюковъ съ восточнаго берега; а какъ скоро получу деньги отъ короля Шведскаго, то сейчасъ же пришлю ему значительную часть; пусть почаще достаетъ вѣдомости о заднѣпрскомъ поведеніи и намъ объ нихъ объявляетъ, особенно пусть теперь же провѣдаетъ о войскахъ Московскихъ и козацкихъ, скоро ли будутъ подъ Кіевъ, куда намѣрены идти, какъ ихъ много и кто надъ ними начальникъ? въ монастырѣ Печерскомъ сколько гарнизона и что за люди, сколько Москвы и сколько козаковъ? въ Бѣлую Церковь пусть никого не пускаетъ".

Жидъ объявилъ, что Палѣй и въ другой разъ посылалъ его къ Любомирскому съ письмомъ. Прочтя письмо, Любомирскій сказалъ: "Благодарю господина Палѣя за извѣстіе, и я ему взаимно объявляю вѣдомости, хотя недобрыя: песъ Сасъ (Саксонецъ) прежній король взялъ Собѣскихъ за караулъ; пусть господинъ Палѣй прибираетъ себѣ какъ можно больше войска, потому что будемъ за Собѣскихъ псу Сасу мстить. Обѣщаю господину Палѣю, что Бѣлая Церковь будетъ ему отдана на вѣки, только бы былъ дому нашему и Рѣчи Посполитой преданъ".

Священникъ Грица Карасевичь подтвердилъ показаніе жида объ измѣнѣ Палѣя и Палѣй былъ схваченъ, Бѣлая Церковь занята Русскими войсками; Мазепа доносилъ Головину: „Пьяницу того дурака Палѣя уже отослалъ я за карауломъ въ Батуринъ и велѣлъ въ тамошнемъ городѣ за крѣпкимъ карауломъ держать; также и сынъ его взятъ за караулъ и отошлю его въ Батуринъ". Изъ Батурина Палѣя отправили въ Енисейскъ [29].

При борьбѣ съ страшнымъ Шведскимъ королемъ русскому царю нельзя было ограничить свое вниманіе одною Польшею; нужно было расширить дипломатическую сферу, искать союзниковъ вблизи и вдали или, по крайней мѣрѣ стараться, чтобъ врагъ не пріобрѣлъ ихъ, и для этого нужно было постоянно слѣдить за отношеніями Европейскихъ державъ, нужно было имѣть постоянныхъ министровъ при важнѣйшихъ дворахъ западныхъ. Любопытно слѣдить за дѣятельностію русскихъ дипломатовъ, новичковъ въ дѣлѣ, проходившихъ тяжелую школу, ибо безъ приготовленія должны были дѣйствовать въ самое трудное и опасное, печальное для своего отечества время, должны были дѣйствовать часто и безъ матеріальныхъ средствъ, ибо бѣдная Россія не могла дать имъ возможности соперничать съ министрами богатыхъ государствъ

Въ Вѣну хлопотать о посредничествѣ императора между Россіею и Швеціею былъ отправленъ въ 1701 году ближній стольникъ, князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ, родной братъ князя Бориса, человѣкъ уже бывалый на западѣ, ибо

ѣздилъ въ Италію учиться морскому дѣлу. Положеніе Голицына въ Вѣнѣ было печальное: дворъ былъ занятъ испанскими дѣлами, боялся Шведскаго короля и презиралъ Россію послѣ Нарвскаго пораженія: „Главный министръ, графъ Кауницъ, доносилъ Голицынъ, и говорить со мною не хочетъ; да и на другихъ нельзя полагаться: они только смѣются надъ нами. Люди здѣшніе вамъ извѣстны: не такъ мужья, какъ жены министровъ безстыдно берутъ. Всѣ здѣсь дарятъ разными вещами, одинъ только я ласковыми словами". Голицынъ видѣлъ, что ни ласковыми словами ни даже подарками нельзя ничего сдѣлать, что одна викторія можетъ заставить иностранныхъ министровъ говорить съ посланниками Русскими, и потому писалъ: „всякими способами надобно домогаться получить надъ непріятелемъ побѣду. Сохрани Боже, если нынѣшнѣе лѣто такъ пройдетъ. Хотя и вѣчный миръ учинимъ, а вѣчный стыдъ чѣмъ загладить? Непремѣнно нужна нашему государю хотя малая викторія, которою бы имя его по прежнему во всей Европѣ славилось. Тогда можно и миръ заключить; а теперь войскамъ нашимъ и управленію войсковому только смѣются."

Но Вѣнскій дворъ, знаменитый въ исторіи выгодными брачными союзами, не измѣнилъ своему характеру и относительно презираемой Россіи. Въ февралѣ 1702 года Голицынъ доносилъ государю:

„Король Шведскій здѣсь ищетъ и много, кому надлежитъ, обѣщалъ дать денегъ; а нынѣ его посланникъ всѣхъ министровъ и другихъ имѣющихъ силу, а больше іезуитовъ подкупаетъ, чтобъ цесарь выдалъ за него дочь свою и обѣщаетъ принять законъ Римскій, а сестру свою хочетъ выдать за эрцгерцога; только здѣсь еще не позволяютъ. Безпрестанно меня просятъ, чтобъ вы приказали прислать персоны (портреты) сестры вашей, царевны Натальи Алексѣевны и брата вашего, царя Іоанна Алексѣевича дочерей. Здѣсь при дворѣ этого усердно желаютъ и не разъ сама императрица говорила мнѣ, что хочетъ какъ можно скорѣе видѣть портреты; больше склоняются къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ. По указу цесарскому говорилъ мнѣ графъ

Кауницъ, чтобъ вы сына своего прислали въ Вѣну для науки; до ц саря дошелъ слухъ, что вы обѣщали послать царевича къ королю прусскому и въ другія мѣста, что очень огорчило цесаря. Кауницъ требовалъ у меня отвѣта; я отвѣчалъ, что безъ воли вашей отповѣди дать не умѣю; Кауницъ прибавилъ: еслибъ царевичу понравилась какая-нибудь эрцгерцогиня, то цесарь съ радостію выдалъ бы ее за него, только бъ была ваша воля".

Въ то же время Голицынъ доносилъ: „отдалъ мнѣ визитъ нунцій папскій и говорилъ, что готовъ служить вамъ въ дѣлѣ повышенія вашего маестата (титула). Говорилъ также, чтобъ вы позволили при своемъ дворѣ быть посламъ Римскимъ не для какихъ-нибудь дѣлъ, а только для повышенія вашего маестата, и послы уже готовы въ Римѣ къ отправленію, только не смѣютъ ѣхать безъ вашей воли. Если вы имъ прикажете пріѣхать, то они не будутъ ничего требовать, станутъ жить на своемъ корму по здѣшнему Европейскому обычаю; папа это дѣлаетъ только для чести вашей и для любви съ вами". Головину Голицынъ писалъ, что виновникомъ прежней холодности былъ Кауницъ, задаренный шведскимъ королемъ; но теперь и Кауницъ сталъ гораздо мягче; теперь на сторонѣ царскаго величества папа, и нунцій папскій имѣетъ великую силу при дворѣ, можетъ сдѣлать все что захочетъ. Нунцій, осыпая Голицына любезностями, объявилъ ему, что Шведскій король чрезвычайно опасается союза Австріи съ Россіею и изо всѣхъ силъ ему препятствуетъ, хочетъ принять Римскій законъ и проситъ за себя дочь цесарскую, подкупаетъ министровъ, а императрицу обольщаетъ королевствомъ польскимъ: предлагаетъ нынѣшняго польскаго короля низвергнуть, а на его мѣсто возвести императрицына брата, курфирста Пфальцкаго; впрочемъ нунцій сказалъ, что они до этого не допустятъ. Голицыну дано было знать, что папа готовъ признавать царя восточнымъ императоромъ (за цесаря аріантальскаго).

Въ концѣ лѣта 1702 года явился въ Вѣнѣ инкогнито Паткуль и нашелъ цесарскій дворъ въ большомъ страхѣ отъ

успѣха Шведовъ въ Польшѣ: побѣдоносный король былъ на границахъ Австрійскихъ владѣній, которыя были совершенно обнажены, такъ что Шведы могли безпрепятственно дойти до самой Вѣны. Въ этомъ страхѣ императорское правительство готово было сдѣлать все по волѣ Карла XII, лишь бы помирить его съ Польшею и удалить изъ этой страны. Паткуль, не имѣя никакаго оффиціальнаго значенія, сталъ дѣйствовать чрезъ Датскаго посланника, предложилъ чрезъ него императору, какъ подозрительна должна быть для Австріи шведская дружба и какъ опасно для нея приращеніе Шведскаго могущества. Выслушавъ это предложеніе, императоръ пожелалъ, чтобъ Паткуль имѣлъ тайный разговоръ съ Кауницомъ Разговоръ происходилъ въ загородномъ саду Кауница, который представилъ прежде всего Паткулю, въ какомъ опасномъ положеніи находятся дѣла въ Польшѣ; жаловался особенно на то, что императоръ, по случаю войны за Испанское наслѣдство, не имѣетъ возможности помогать королю польскому и принужденъ его оставить. Чтобъ убѣдить Паткуля въ необходимости и для царя послѣдовать этому примѣру, Кауницъ объявилъ, что недовольные королемъ Августомъ Поляки и Шведы домогаются, чтобъ султанъ объявилъ войну Россіи, и надѣются рано ихъ поздно достигнуть своей цѣли, поэтому царю необходимо соблюдать величайшую осторожность со стороны Турокъ; Шведы, съ свой стороны, хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобъ заключить съ однимъ изъ враговъ отдѣльный миръ, который дастъ имъ возможность воевать или противъ одного короля Польскаго или противъ одного царя.

Паткуль отвѣчалъ, что все это очень хорошо извѣстно царю; но такъ какъ интересы царя и императора совершенно одинаковы какъ въ отношеніи къ Польской смутѣ, такъ и въ отношеніи къ Турецкому двору, то необходимо принять предложенія о крѣпкомъ союзѣ между Россіею и Австріею, поданныя княземъ Голицынымъ въ генварѣ и мартѣ. Пока свѣтъ стоитъ, истинная дружба между Шведомъ и Австрійскимъ домомъ невозможна, и Турки никогда не

забудутъ потерь, понесенныхъ ими по послѣднему миру, и потому Австрія должна помочь царю во время нужды, чтобъ имѣть право получить отъ него помощь, когда сама будетъ находиться въ опасности. Кауницъ объявилъ на это, что союзъ невозможенъ; Паткуль узналъ отъ министровъ Датскаго и Бранденбургскаго, что Англійскій и Голландскій министры, также Ганноверскій дворъ стараются всѣми силами помѣшать сближенію Австріи съ Россіею и во всѣхъ разговорахъ съ императорскими министрами выставлять имъ на видъ, какъ опасно увеличеніе могущества царя, и какъ искренне расположенъ Карлъ XII къ Австріи.

Видя рѣшительное отвращеніе Австрійскаго двора отъ союза, Паткуль употребилъ другое средство: зная, что предложеніе о брачномъ союзѣ между двумя дворами уже не тайна, слыша объ этомъ толки при польскомъ дворѣ, читая въ курантахъ (газетахъ), Паткуль поручилъ Датскому посланнику тайнымъ образомъ освѣдомиться, въ какомъ положеніи находится дѣло? Датскій посланникъ далъ знать Паткулю, что Австрійскій дворъ удивляется, какимъ образомъ разглашаютъ, что императорскій дворъ искалъ этого союза, тогда какъ, наоборотъ, предложеніе шло отъ царя, именно въ меморіалахъ Голицына отъ 20 генваря и 26 марта, и дворъ императорскій находится въ затруднительномъ положеніи, не знаетъ, что̀ отвѣчать на такія предложенія. Паткуль обратился прямо къ самому Кауницу, и тотъ отвѣчалъ, что предложеніе было сдѣлано со стороны Русскаго двора. Тогда Паткуль черезъ Датскаго посланника отправилъ къ Кауницу слѣдующее предложеніе: 1) Царское величество, имѣя въ виду войну, которую императоръ ведетъ въ Италіи и на Рейнѣ, не хочетъ и не совѣтуетъ ему начинать прямыя, наступательныя дѣйствія противъ Шведовъ; 2) царское величество желаетъ одного, чтобъ императоръ тайнымъ образомъ склонилъ Бранденбургъ и Данію къ разрыву съ Швеціею, обнадеживъ ихъ своею помощію при мирѣ и въ иномъ, а самъ пусть остается въ дружескихъ отношеніяхъ къ Швеціи; 3) помощь, которую императоръ, по договору, долженъ давать королю Польскому,

царское величество перенимаетъ на себя; 4) кромѣ того царское величество согласенъ прислать императору 6000 своего вспомогательнаго войска, которому императоръ не будетъ обязанъ давать ничего, кромѣ зимнихъ становищъ, хлѣба и воинскихъ припасовъ; 5) когда царское величество достигнетъ своей цѣли относительно Швеціи, то вступитъ съ императоромъ въ наступательный союзъ и пошлетъ ему 20000 войска; 6) не преминетъ и своихъ союзниковъ заставить дѣйствовать въ пользу императора; 7) иногда царское величество можетъ сыскать для императора денегъ въ займы за меньшіе проценты, чѣмъ какіе онъ принужденъ до сихъ поръ давать; 8) больше всего императоръ долженъ соблюдать выгоды короля Датскаго, потому что его прибыли и убытки царское величество почитаетъ наравнѣ съ своими; 9) такъ какъ императоръ находится въ дружествѣ съ домомъ Ганноверскимъ, то можетъ склонить его къ отступленію отъ Швеціи, за что царское величество со всѣми своими союзниками обязуется соблюдать выгоды Ганноверскаго дома и надѣется оказать ему больше услугъ, чѣмъ Шведъ.

По поводу этого предложенія Кауницъ имѣлъ опять тайный разговоръ съ Паткулемъ. Онъ соглашался на всѣ статьи, но относительно второй объявилъ по секрету, что Бранденбургъ императору подозрителенъ и потому надобно осторожно поступать съ этимъ дворомъ; нельзя дѣлать ему предложеній, чтобъ не быть выдану: въ послѣднемъ случаѣ Шведъ заключитъ миръ и нападетъ на Силезію, отъ которой такъ близко стоятъ его войска. Императорскому министру въ Берлинѣ пошлется указъ осторожно вывѣдывать о расположеніяхъ тамошняго двора. Что же касается Датскаго короля, то императоръ вполнѣ ему довѣряетъ. Паткуль сказалъ на это: будетъ ли угодно императору, когда Бранденбургъ склонится къ разрыву съ Швеціею? захочетъ ли императоръ выслушать предложеніе объ этомъ со стороны Бранденбургскаго посла? Кауницъ отвѣчалъ утвердительно.

Такъ какъ Вѣнскій дворъ объявлялъ, что подозрѣваетъ

Брандербургскій, а Бранденбургскій посланникъ твердилъ, что его дворъ готовъ приступить къ союзу противъ Швеціи, да не можетъ вѣрить императорскому двору, то Паткуль употребилъ слѣдующее средство, чтобъ заставить Бранденбургскаго посланника сдѣлать рѣшительный шагъ при свидѣтеляхъ: онъ позвалъ его къ себѣ вмѣстѣ съ посланниками Датскимъ и Польскимъ, и началъ толковать, какъ трудно склонить Вѣнскій дворъ къ охраненію равновѣсія на сѣверѣ: толи дѣло Прусскій дворъ! Прусскій посланникъ, тронутый похвалою, разсыпался въ увѣреніяхъ, что его король готовъ все сдѣлать, лишь бы цесарь согласился. „Попробуйте объявить императору объ этой готовности своего государя". сказалъ ему Паткуль.—„Ничего изъ этого не выйдетъ, потому что императоръ ни о чемъ подобномъ слышать не хочетъ", отвѣчалъ посланникъ. Тутъ Паткуль отвелъ въ сторону посланниковъ Датскаго и Польскаго, объявилъ имъ о своемъ разговорѣ съ Кауницомъ, и что все дѣло теперь зависитъ отъ Прусскаго посланника. Опять подошли къ нему и завели прежнюю рѣчь; опять Прусскій посланникъ началъ увѣрять, что непремѣнно сдѣлалъ бы предложеніе, еслибъ не былъ увѣренъ, что его при императорскомъ дворѣ и слышать не захотятъ. „Дайте слово, что сдѣлаете предложеніе, если разувѣритесь въ этомъ", сказалъ Паткуль. Посланникъ далъ слово; тутъ Паткуль торжественно объявляетъ, что дѣло уже рѣшено, императоръ обѣщалъ выслушать у него предложеніе. Несчастный посланникъ, попавшійся въ западню, смутился, и спросилъ: для чего все это сдѣлано безъ его согласія? Паткуль отвѣчалъ: „все равно, только бы вамъ были двери отворены, которыя вы считали запертыми на вѣки; теперь всякій увидитъ, и стинное-ли расположеніе вашъ государь питаетъ къ своимъ союзникамъ, потому что теперь нѣтъ уже ему никакихъ препятствій обнаружить свои намѣренія."

Послѣ этой сцены Паткуль съѣздилъ въ Польшу и по возвращеніи имѣлъ опять тайный разговоръ съ Кауницомъ. Австрійскій министръ объявилъ, что предложеніе сдѣлано со стороны Прусскаго посланника о разрывѣ съ Швеціей

но сдѣлано такъ холодно, что съ императорской стороны принуждены были встрѣтить его съ равною холодностію; „впрочемъ я надѣюсь, прибавилъ Кауницъ, что дѣло обдѣлается, только надобно немножко подождать“. Обѣщалъ хлопотать объ этомъ всѣми силами, но съ условіемъ, чтобъ императору явно не придавали тутъ никакого другаго значенія, кромѣ значенія посридника и поруки; тайно же онъ будетъ знать, какъ дѣйствовать. Паткулю хотѣлось вывѣдать у Кауница, какъ смотритъ Вѣнскій дворъ на Польскаго короля: для этого послѣ долгаго разговора онъ сказалъ: „Такъ какъ никто не хочетъ заступиться за короля Августа, то принужденъ будетъ наконецъ и царь его оставить.“ Кауницъ отвѣчалъ ему: „такъ бросайте же его во имя дьявольское, мы тогда будемъ знать, на кого намъ надѣяться.“—„Изъ этихъ словъ я увидалъ, пишетъ Паткуль, что императрица въ этомъ дѣлѣ замѣшана, и если императорскій дворъ къ низверженію съ престола короля Августа помогать не будетъ, то и съ печали объ этомъ отнюдь не умретъ“.

Паткуль уѣхалъ изъ Вѣны; Голицынъ остался и въ началѣ 1703 года писалъ Головину: „Прошу, мой государь, сотвори надо мною Божескую милость, высвободи меня отъ двора цесарскаго; ей, государь, истинно доношу: весь одолжалъ и въ болѣзняхъ моихъ больше жить не могу, опасаюсь, чтобъ напрасно не умереть; ни мало мнѣ здѣшній воздухъ въ здоровье не служитъ. Великое удержаніе есть въ дѣлахъ монаршескихъ: посланники Шведскій и Ганноверскій своими деньгами не только министровъ, но и поповъ къ себѣ приласкали“. Въ маѣ Голицынъ далъ знать Головину, что Кауницъ безпрестанно напоминаетъ ему о 5000 золотыхъ червонныхъ, которые Паткуль обѣщалъ ему и женѣ его высылать ежегодно, а Кауницъ обѣщалъ за это, оставя другіе дворы, вѣрно служить интересамъ царскимъ. Голицынъ писалъ, что надобно исполнить обѣщаніе: „сами знаете, каковъ здѣшній дворъ, и какъ министры здѣшніе избалованы подарками другихъ потентатовъ“. Въ сентябрѣ новое письмо о томъ же: „Униженно, мой государь, прошу, не ради себя, но ради повышенія имени монаршескаго. Ка-

уницъ безпрестанно говоритъ: когда пришлютъ деньги? хотя бы на первый годъ исполнить обѣщаніе и прислать ему деньги! Отъ этого-то дѣла наши такъ и коснѣютъ. Самъ изволишь разсудить: слишкомъ годъ посулено, а ничего къ нему не прислано: какъ можно имъ впредь намъ вѣрить"? Когда Паткулю дали объ этомъ знать, то онъ отвѣчалъ, что дѣйствительно обѣщалъ Кауницу ежегодное жалованье, но съ условіемъ, что императоръ будетъ помогать царю; услуги Кауница извѣстны: за что же ему платить жалованье? — Паткуль былъ правъ; но правъ былъ и Голицынъ, доносившій, что Паткуль ничего не сдѣлалъ въ Вѣнѣ [30].

„Голландскій дворъ биржа всей Европы: надобно тамъ имѣть людей способныхъ и свѣдущихъ", писалъ Паткуль въ 1704 году. Но Петръ зналъ это гораздо прежде, и еще до начала Шведской войны отправилъ въ Гагу Андрея Артамоновича Матвѣева, сына знаменитаго боярина Артамона Сергѣевича.

Матвѣевъ началъ жалобами на свое печальное житье въ Гагѣ. 9 Февраля 1700 года онъ писалъ Головину: „Здравіе твое моего милостивца и государя, купно и со всечестнѣйшимъ домомъ вашимъ, всякаго благапромысленникъ и податель Отецъ нашъ вышній да удолголѣтствитъ во всякое благополучіе неотъемлемымъ своимъ божественнымъ благословеніемъ, чего тебѣ, моему милостивому государю, яко самому мнѣ, выну усердствую. Жизнь моя зѣло здѣсь многоскучная и многоскорбная. Гравенгага самый скучный городъ и люди зѣло не человѣколюбны, а къ дарамъ ласковы и къ пріѣзжимъ малое любительство имѣютъ, только въ своихъ повсядневныхъ утѣхахъ забавляются. Наймы дворовые несказанно каковы дороги: съ великою ходьбою едва до мая мѣсяца дворъ могъ нанять по 35 рублевъ на каждый мѣсяцъ, и то посредственный, а нарочитый по семи сотъ и по осьми сотъ на годъ рублевъ; а ѣдучи съ домишкомъ чрезъ дальній путь до конца истощился; а жалованье мнѣ (2000 рублей) учинено противъ здѣ пребывающихъ иныхъ министровъ самое малое: чѣмъ годъ проживать—умъ мой не достигнетъ, а съ деревнишекъ врядъ отправлять нале-

жащія великому государю подати, а не свои избытки. Умилосердися отчески, премилостивый государь батько надъ сиротствомъ моимъ, донеси премилосердому нашему государю слезное мое челобитье, чтобъ онъ призрилъ на бѣдность мою и повелѣлъ хотя па покупку кареты и лошадей и на кормъ ко мнѣ прислать, чтобъ не на стыдъ при здѣшнемъ моемъ пребываніи было житье мое, а тебѣ извѣстно, что Гага комитъ или соединеніе имѣетъ всѣхъ въ себѣ націй пословъ въ резиденціи, а мнѣ развѣ въ затворѣ сидѣть передъ всѣми“?

2 Марта Штаты прислали сказать Матвѣеву, чтобъ передалъ своему государю ихъ покорную просьбу—не помогать Датчанамъ на Шведа, потому что и Швеція и Россія съ ними въ дружбѣ и они не хотятъ видѣть войны между своими пріятелями. Петръ велѣлъ отвѣчать Штатамъ, что онъ, изъ дружбы къ нимъ, не хочетъ вступать въ войну съ Шведами, если только съ ихъ стороны не окажутся какія-нибудь неправды. Штаты обратились съ новою просьбою, чтобъ царь подарилъ Европу миромъ, послалъ грамоту къ союзнику своему королю Польскому съ увѣщаніемъ прекратить войну, начатую несправедливымъ нападеніемъ на Шведскія владѣнія. Въ августѣ Матвѣевъ получилъ отъ своего двора приказаніе объявить Штатамъ списокъ обидъ, нанесенныхъ Россіи Швеціею, и что за эти обиды никакого вознагражденія не послѣдовало. Извѣстіе объ осадѣ Нарвы Русскими войсками произвело сильное неудовольствіе въ Голландіи; Матвѣевъ писалъ государю: „Въ стацкомъ собраніи великое неудовольствіе учинили нынѣшнія вѣсти, будто вы начали съ Шведомъ войну, и слыша о премногихъ обученыхъ войскахъ вашихъ и о собраніи денежныхъ приходовъ, чему прежде здѣсь никогда не вѣрили, очень тому неради. Также очень непріятно имъ нынѣшнее строеніе у Архангельска вашихъ кораблей, отъ чего опасаются ущерба своему купечеству.“ Головину Матвѣевъ писалъ: „Всѣ министры о начатіи войны безпрестанно меня спрашиваютъ; я отвѣчаю, что дѣло невѣроятное; никакой вѣдомости о томъ ко мнѣ нѣтъ, и тѣмъ невѣдѣніемъ здѣсь не

безъ зазора". Англійскій посланникъ именемъ своего короля Вильгельма III объявилъ Матвѣеву, чтобъ царь учинилъ нѣкоторый армистиціумъ въ войнѣ Шведской, а онъ, король принимаетъ на себя роль посредника. Матвѣевъ повторялъ царю въ своихъ донесеніяхъ: „Нынѣшняя война ваша со Шведами Штатамъ очень непріятна и всей Голландіи весьма непотребна, потому что намѣреніе ваше взять у Шведа на Балтійскомъ морѣ пристань, Нарву или Новые Шанцы; гдѣ ни сойдутся, постоянно толкуютъ: если пристань тамъ у него будетъ, то не меньше Француза надобно намъ его бояться, отворенными воротами всюду входить свободно будетъ.—Штаты находятся въ очень затруднительномъ положеніи, потому что по союзному договору обязаны подавать Шведу помощь; но если подадутъ эту помощь, то нарушатъ дружбу съ вами. Больше всего боятся того, что у купцовъ ихъ много товару въ Ригѣ, Нарвѣ и Ревелѣ, и хлѣбъ, который далъ имъ Шведъ вывезти изъ своихъ городовъ, весь лежитъ теперь въ Ревелѣ, и если васъ прогнѣвать, а вы эти города возьмете, то ихъ товары безвозмездно погибнутъ. Купечество здѣшнее и Англійское не прочь, чтобъ этимъ городамъ быть за вами, и я, сколько могу, обѣщаю имъ большую свободу въ торговлѣ, если города эти будутъ за вами; и успокоиваю ихъ всячески, чтобъ только они не помогали Шведу и не принуждали къ тому Штатовъ своимъ докучнымъ прошеніемъ. На дняхъ былъ у меня Витзенъ съ просьбою, чтобъ вы по милосердію своему къ Амстердамскимъ купцамъ, приказали отдать имъ хлѣбъ, который теперь въ Ревелѣ, ибо они увѣрены, что этотъ городъ будетъ въ вашихъ рукахъ"... Пріѣхалъ въ Гагу король Вильгельмъ III, долго разговаривалъ съ Матвѣевымъ при всѣхъ иностранныхъ министрахъ, вспоминалъ съ великою похвалою о Петрѣ, о его высокомъ разумѣ, о мудрой правительственной дѣятельности въ такіе молодые годы, о многочисленныхъ войскахъ, какъ они собраны и обучены, жалѣлъ, что нынѣшній походъ предпринятъ въ жестокое осеннее время, не забылъ упомянуть, что Ливонскіе города изстари принадлежали Россіи.

14 Декабря пришла въ Гагу вѣсть о Нарвскомъ пораженіи и произвела несказанную радость. Матвѣевъ писалъ Петру: „Шведскій посолъ съ великими ругательствами самъ ѣздя по министрамъ, не только хулитъ ваши войска, но и самую вашу особу злословитъ, будто вы испугавшись приходу короля его, за два дни пошли въ Москву изъ полковъ, и какія слышу отъ него руганія, рука моя того написать не можетъ. Шведы съ здѣшними какъ могутъ всякимъ злословіемъ поносятъ и курантами на весь свѣтъ знать даютъ не только о войскахъ вашихъ, и о самой вашей особѣ. Здѣшніе господа ждутъ мира, потому что лучшія ваши войска побиты и генералы пущіе промышленники взяты въ полонъ, какихъ людей сыскать трудно, и солдатъ такихъ вскорѣ обучить невозможно". Головину Матвѣевъ писалъ: „Жить мнѣ здѣсь теперь очень трудно: любовь ихъ только на комплиментахъ ко мнѣ, а на дѣлѣ очень холодны. Обращаюсь между ними какъ отчужденный; и отъ нареканія ихъ всегдашняго нестерпимою снѣдаюсь горестію". Горесть увеличилась, когда Штаты прямо объявили Матвѣеву, что по старымъ союзнымъ договорамъ, теперь обновленнымъ, они обязаны во всемъ помогать Швеціи. „А съ намѣреніемъ ихъ король Англійскій николи не разлучится," доносилъ Матвѣевъ. Въ началѣ 1701 года онъ потребовалъ отъ Голландскаго правительства, чтобъ оно, соблюдая древнюю дружбу съ царскимъ величествомъ, не велѣло принимать отъ Шведскаго посла меморіаловъ, противныхъ достоинству монарха Русскаго и запретило подкупленнымъ отъ Шведа журналистамъ (курантистамъ) печатать всякія неистовыя хулы на особу царя. Получивъ отъ своего двора подробныя свѣдѣнія о Нарвской битвѣ, Матвѣевъ подалъ Штатамъ меморіалъ, который, по его словамъ произвелъ свое дѣйствіе: „зѣло дивились непостоянству и лживой премѣнѣ Шведовъ въ постановленьѣ перемирья съ нашими генералы, и здѣсь во весь народъ то отозвалося къ великому безславью Шведу". Шведскій посолъ Лиліенротъ заказалъ написать на Французскомъ языкѣ замѣчанія на меморіалъ Матвѣева, и заказъ былъ выполненъ соглас-

но съ желаніемъ заказчика. Замѣчанія написаны ловко и зло [31].

Въ Голландіи и Англіи сначала сильно хлопотали о мирѣ между Россіею, Польскимъ королемъ и Швеціею, чтобъ можно было употребить Шведскія и Саксонскія войска противъ Франціи; но когда получены были вѣсти о сближеніи Шведскаго короля съ Франціею, то взглядъ перемѣнился. Въ мартѣ 1701 года Матвѣевъ доносилъ: „желаютъ здѣсь продолженія войны у васъ со Шведомъ, боясь, чтобъ Карлъ XII не заключилъ союза съ Франціею и не разорилъ Нѣмецкихъ земель, какъ отецъ его, въ союзѣ съ Французомъ, разорилъ Бранденбургію. Шведскій министръ неотступно домогается у Штатовъ помощи королю его; Штаты отвѣчали ему, что они обязаны по союзнымъ договорамъ помогать его королю на западѣ, а не на сѣверѣ, потому что географія раздѣляетъ Стокгольмъ отъ Ливоніи, и они не обязаны туда помощи посылать“. Голландцы находились въ большой тревогѣ: война съ Франціею за Испанское наслѣдство была неизбѣжна и требовала огромныхъ усилій; а тутъ Шведъ требуетъ по союзнымъ договорамъ помощи, требуетъ 300,000 талеровъ; Матвѣевъ представляетъ, что нельзя Голландіи давать помощь одной изъ воюющихъ сторонъ, когда она взялась быть посредницею; Шведъ настаиваетъ, чтобъ или дана была немедленно помощь, или данъ былъ рѣшительный отказъ, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ грозитъ вступить въ союзъ съ Франціею, и въ то же время Шведы распускаютъ слухи, что царь Петръ сошелъ съ ума; съ другой стороны Французскій посолъ въ Гагѣ ласкается къ Матвѣеву, домогается свободной торговли для Французовъ у Архангельска что сильно не нравится Голландцамъ; шли толки, что царь вступаетъ въ союзъ съ Франціею изъ боязни, чтобъ Людовикъ XIV не поднялъ султана на Россію. Въ началѣ іюля пріѣхалъ въ Гагу Вильгельмъ III; на аудіенціи, которую имѣлъ у него Матвѣевъ, король обѣщалъ „прилагать всѣ способы къ благопостоянству дружбы съ царемъ“; приказалъ донести Петру, что перешлется съ курфюрстомъ

Бранденбурскимъ на счетъ посредничества и постарается привести дѣло къ лучшему порядку. Эти дальнія обѣщанія и общія фразы не значили ничего. Петръ въ глазахъ Вильгельма былъ побѣжденный государь варварскаго народа, наказанный за дерзкое предъявленіе правъ на могущество и цивилизацію; Вильгельмъ холодно обходился теперь съ Матвѣевымъ, ласково съ Шведскимъ посломъ, и Матвѣевъ поспѣшилъ донести Петру: „Извѣстился я подлинно, что король внутренно къ вамъ не склоненъ и во всемъ пріятель добрый и надежный Шведу". Но эта добрая и надежная пріязнь не простиралось также далѣе ласковыхъ словъ: когда Шведскій посланникъ началъ и у него требовать помощи, то онъ оборотился къ нему спиною и сказалъ своимъ: „Время о себѣ думать, а не чужимъ помогать".

Изъ всего было видно, что если Англійское и Голландское посредничество не поведетъ ни къ чему, за то Россіи нечего бояться, что эти морскія державы дадутъ помощь Шведскому королю. Матвѣевъ особенно прославлялъ услуги Витзена. „Господинъ Витзенъ вашъ истинный и вѣрный служитель во всемъ; надежнѣе его изъ Голландскихъ персонъ къ сторонѣ вашей здѣсь нѣтъ. Будучи президентомъ Штатовъ въ три самые опасные для насъ мѣсяца, удержалъ отъ посылки помощи и денегъ Шведу, о чемъ я неотступно ему докучалъ письмами изъ Гаги. Отъ этого теперь онъ въ большомъ подозрѣніи у Штатовъ; Шведскій посолъ прямо жаловался на него пенсіонарію, что онъ вамъ прямой доброхотъ, ружье тайно къ Архангельску изъ Амстердама пропустилъ; посолъ объявилъ пенсіонарію имена тѣхъ купцовъ, которые ставили вамъ ружье и другіе воинскіе припасы, и пенсіонарій писалъ Витзену за это укорительное письмо". Поставщиками ружей для Россіи были Гаутманъ и Брантъ, которые, съ помощію Витзена, тайкомъ вывозили ихъ изъ Голландіи въ Любекъ, откуда моремъ въ Россію. Брантъ посѣщалъ Матвѣева тайкомъ, потому что Шведы всюду его искали убить. Матвѣевъ пріискивалъ также слюзныхъ мастеровъ, каменьщиковъ съ ихъ учениками, художниковъ шпажнаго желѣзнаго дѣла.

Въ началѣ 1702 года Матвѣевъ донесъ царю, что Штаты дали денегъ Шведскому королю. По этому случаю онъ имѣлъ разговоръ съ пенсіонаріемъ, который объяснилъ, что по союзнымъ договорамъ Штаты обязаны посылать деньги Шведу, но, по дружбѣ къ царю, не посылали до сихъ поръ; теперь послали нѣсколько тысячь талеровъ, но не на помощь противъ Русскихъ, а въ видѣ подарка, какъ и Англійскій король ему послалъ по той причинѣ, что король Французскій всячески привлекалъ его съ собою въ союзъ, и обѣщалъ многіе милліоны, лишь бы только Шведъ оставался нейтральнымъ и продолжалъ войну съ Россіею Пенсіонарій окончилъ свою рѣчь увѣреніемъ, что Штаты не дадутъ больше Шведу денегъ ни гроша на продолженіе Сѣверной войны, и будутъ по прежнему употреблять все стараніе, чтобъ доставить царю выгодный и честный миръ, благодаря которому въ обоихъ государствахъ, и въ Россіи, и въ Швеціи торговля ихъ усиливалась бы.

Пришелъ чередъ и Матвѣеву объявлять иностраннымъ министрамъ и въ куранты вносить объ успѣхахъ Русскаго войска въ Ливоніи. Пенсіонарій поздравлялъ его съ этими успѣхами и выражалъ надежду, что теперь Шведъ склонится къ миру съ Россіею и Польшею; съ сердцемъ разказывалъ пенсіонарій, что труды Штатовъ къ примиренію на Сѣверѣ до сихъ поръ оставались тщетными, потому что Шведскій король не только не допускаетъ къ себѣ ихъ министра, но отослалъ его отъ себя въ Ригу, а оттуда принуждаетъ ѣхать въ Стокгольмъ.

Желая доставить войскамъ своимъ хорошую школу и заставить Англію, Голландію и Императора хлопотать въ интересахъ Россіи, имѣя также большую нужду въ деньгахъ, Петръ писалъ Матвѣеву, чтобъ предложилъ Штатамъ за деньги отрядъ Русскаго войска на помощь противъ Французовъ; Матвѣевъ отвѣчалъ: „О перепускѣ войскъ вашихъ за деньги господамъ Статамъ усердно радѣть буду, а вскорѣ того учинить нельзя, для того, чтобъ они больше пожелали сами того, нежели мнѣ ихъ о томъ просить; а если мнѣ явно набиватъся, тогда за малую цѣ-

ну или за ничто похотятъ тотъ со мною трактатъ учинить“. Штаты отклонили предложеніе, объявивъ, что войска ихъ какъ сухопутныя, такъ и флотъ укомплектованы уже, и потому договоръ долженъ быть отложенъ. Но было явно, что Голландцамъ не нужны были Русскія войска, потерявшія при Нарвѣ репутацію, потому что Штаты не переставали домогаться у Карла XII Шведскаго вспомогательнаго отряда.

Лѣтомъ пріѣхалъ въ Гагу инкогнито Прусскій Король, Фридрихъ I, которому хотѣлось быть штатгалтеромъ Голландскимъ на мѣсто умершаго Вильгельма III. Матвѣевъ писалъ о своихъ отношеніяхъ къ нему; „Я нахожусь при дворѣ его безотлучно; по наружности онъ ко мнѣ чрезвычайно милостивъ и разговариваетъ со мною часто по латыни. О васъ отозвался съ великимъ почтеніемъ, какъ вы изволили сами видѣть свѣтъ не по прежнему обычаю, и потому свое государство во всемъ мудро обновили и науку позволили, что прежде подъ смертною казнью было заказано, и повелѣли своимъ подданнымъ ѣздить по свѣту свободно; а еслибъ вы не были сами вездѣ, то все такъ бы не управилось“.

Въ началѣ 1703 года Матвѣевъ опять объявилъ Витзену, что царь желаетъ, чтобъ Штаты взяли въ свою службу изъ Архангельска 4000 русскихъ матросовъ. Витзенъ отвѣчалъ, что дѣло неудобное: если посылать въ Архангелскъ за этими матросами Голландскіе корабли, то они возвратятся очень поздно, когда уже флотъ уйдетъ въ море; потомъ адмиралы говорятъ, что имъ очень трудно будетъ управляться съ людьми незнающими по голландски и необученными ихъ Голландскимъ морскимъ пріемамъ. Витзенъ прибавилъ, что гораздо удобнѣе было бы принять въ Голландскую службу пѣхотныя Русскія войска, которыя будучи розданы по разнымъ полкамъ, скорѣе бы выучились. Витзенъ не совѣтовалъ Матвѣеву дѣлать прямо предложенія Штатамъ: дѣло не состоится, а между тѣмъ пустая молва разойдется по иностраннымъ министрамъ. Матвѣевъ изъ словъ Витзена заключилъ, что „имъ то зѣло

ненадобно, чтобъ нашъ народъ морской наукѣ обученъ былъ“.

Англійское и Голландское правительства не переставали увѣрять, что употребляютъ всѣ усилія для водворенія мира на сѣверѣ; но по увѣренію Матвѣева, все это было только на словахъ: „Отъ Штатовъ и королевы Англійской благопотребнаго посредства къ окончанію войны нечего чаять; они сами васъ боятся: такъ могутъ ли стараться о вашемъ интересѣ или прибыточномъ мирѣ и сами отворить дверь вамъ ко входу въ Балтійское море, чего неусыпно остерегаются, трепещутъ великой силы вашей не меньше какъ и Француза.— Подлинно увѣдомленъ я, что Англія и Штаты тайными наказами къ своимъ министрамъ въ Польшѣ домогаются помирить Шведа съ одною Польшею безъ васъ, для своего особаго прибытка; если Шведъ помирится съ Поляками, то, думаютъ они, противъ одного васъ ему не нужно будетъ столько войска и часть его онъ можетъ перепустить имъ; если даже Шведъ станетъ воевать противъ васъ со всѣми своими силами и имъ не дастъ ничего, то Польскій король, помирившись съ нимъ, свои Саксонскія войска перепуститъ цесарю. Недавно Англійскій посланникъ имѣлъ съ своими друзьями тайный разговоръ о сѣверныхъ дѣлахъ, причемъ случился одинъ мой знакомецъ. Посланникъ увѣренно сказалъ, что скоро у Шведа съ Польшею будетъ миръ. Знакомый мой замѣтилъ, что нельзя этому статься, потому что трудно будетъ уладиться съ царемъ; посланникъ отвѣчалъ, что до мира съ царемъ имъ нѣтъ нужды, и когда другой кто-то замѣтилъ, что король Польскій никогда безъ Россіи не помирится съ Шведомъ, то посланникъ прямо сказалъ: найдемъ мы способы короля Польскаго, разлучивъ съ царемъ, помирить съ Шведомъ.— То Англичанъ и здѣшнихъ прямое намѣреніе, пишетъ Матвѣевъ, чтобъ не допустить васъ имѣть какую-нибудь пристань на Балтійскомъ морѣ; отнюдь не хотятъ они и слышать такого сосѣдства ближняго. Хотя они ласковыми лицами поступаютъ, только ихъ сердце николи неправо передъ вами“. Наконецъ и толки о посредниче-

ствѣ должны были прекратиться; Карлъ XII прямо отвергнулъ его, объявивши, что принятіемъ посредничества не хочетъ лишить себя помощи Англіи и Голландіи, выговоренной въ союзномъ договорѣ между ними и Швеціею. 11 Августа Матвѣевъ донесъ, что Штаты подписали подтверждeніе старыхъ своихъ договоровъ съ Швеціею, причемъ съ обѣихъ сторонъ обязались не соединяться съ непріятелями другъ друга; Шведскій король по окончаніи сѣверной войны обязанъ дать Голландіи 10,000 войска на ея содержаніи и во время войны Штаты могутъ, за извѣстную сумму денегъ, имѣть вспомогательный Шведскій отрядъ, но обязаны возвратить его королю по первому востребованію. По секретному артикулу Шведскій король обязуется вступить въ общій союзъ съ Англіею и Голландіею; но артикулъ этотъ будетъ подтвержденъ въ Стокгольмѣ. Послѣ этого Штаты объявили Матвѣеву, что они не постановили съ Шведомъ никакого договора вреднаго его царскому величеству и впередъ ни съ нимъ и ни съ кѣмъ другимъ не постановятъ

22 Октября Матвѣевъ сообщилъ своему двору любопытныя новости: Прусскій министръ-президентъ въ Гагѣ Шметтау объявилъ Голландскимъ депутатамъ на конференціи, что король его велѣлъ занять своимъ войскомъ городъ Эльбингъ за не расплату рѣчи посполитой Польской, и будетъ держать этотъ городъ у себя до тѣхъ поръ, пока Поляки не удовлетворятъ его совершенно по прежнимъ договорамъ. Секретныя письма изъ Берлина говорятъ о крѣпкой дружбѣ Прусскаго короля съ Шведскимъ: Прусскій домогается всѣми силами у Шведскаго, чтобъ Польская Пруссія отошла къ нему и чтобъ Августъ II былъ свергнутъ съ Польскаго престола; по другимъ письмамъ изъ Берлина и изъ Саксоніи король Польскій вошелъ въ тайную переписку съ королемъ Шведскимъ и Прусскимъ: цѣль союза между тремя королями—раздѣлъ Польскихъ владѣній: король Фридрихъ I получаетъ Польскую Пруссію, Карлъ XII Ливонію и Литву, Августъ II становится неограниченнымъ государемъ Польши. Наконецъ получены

были извѣстія, что Прусскій король тайно предлагалъ рѣчи посполитой: если Поляки отдадутъ ему свою Пруссію, то онъ вступитъ съ ними въ союзъ противъ Шведовъ.

Въ концѣ 1703 года Матвѣевъ поѣхалъ въ Амстердамъ, гдѣ первымъ дѣломъ его было повидаться съ Витзеномъ, „общимъ нашимъ вѣрнымъ пріятелемъ". Объявляя свои нижайшія услуги его царскому величеству, Витзенъ обнадеживалъ вѣрно, что хотя бы трактатъ, обновленный у Штатовъ съ Шведомъ, и былъ присланъ сюда подписанный Карломъ XII-мъ: всеже Штаты теперь не въ состояніи дать Шведу денежную ссуду по его желанію, потому что имъ самимъ деньги очень нужны при этой войнѣ; пусть царское величество на его слово будетъ надеженъ. Въ Амстердамѣ въ это время, подъ надзоромъ вице-адмирала Крюйса, находившагося въ Русской службѣ, жили „русскіе робята", учившіеся поголландски и пофранцузски: Матвѣевъ всѣхъ ихъ пересмотрѣлъ, и нашелъ ихъ изрядно выученными какъ письму, такъ и порядку здѣшнему. Число ихъ скоро увеличилось: къ Матвѣеву явилось 16 человѣкъ холмогорцевъ, отправленныхъ по царскому указу съ Двины за море для науки, на новомъ кораблѣ св. Апостолъ Андрей, принадлежавшемъ Холмогорцу, Осипу Баженину; флагъ и пасъ на кораблѣ были русскіе, а корабельщикъ Класъ Вестеръ. Французскіе каперы захватили корабль, отвели въ Дюнкирхенъ, и людей, ограбя до нага, отпустили. Матвѣевъ отослалъ Холмогорцевъ къ Крюйсу, чтобъ роздалъ ихъ въ науки, кто куда годится.

Матвѣевъ подробно извѣщалъ свое правительство о сношеніяхъ Англіи и Голландіи съ Швеціею, о содержаніи договора, между ними заключеннаго; но вдругъ Паткуль, которому хотѣлось, чтобъ на всѣхъ дипломатическихъ постахъ были Нѣмцы, а онъ, живя въ Дрезденѣ или Гагѣ, былъ генералъ-пленипотенціаріемъ [32], завѣдывалъ всѣми посольствами въ Европѣ,—Паткуль пишетъ Головину, что Матвѣевъ ничего не знаетъ о трактатѣ Голландіи съ Швеціею: „еслибъ я зналъ заранѣе объ этомъ, то я поѣхалъ бы изъ Дрездена въ Голландію инкогнито и нашелъ бы средство

воспрепятствовать договору“. — Такъ обыкновенно отзывался Паткуль: всѣ другіе, особенно Русскіе, ничего не умѣютъ сдѣлать, онъ одинъ все можетъ сдѣлать, позабывая, что ничего не могъ сдѣлать ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Дрезденѣ. Паткуль написалъ и Матвѣеву о Голландскомъ трактатѣ съ Швеціею, написалъ своимъ обычнымъ тономъ, который такъ оскорбилъ Матвѣева, что тотъ прекратилъ съ нимъ сношенія, и написалъ своему двору: „писалъ ко мнѣ г. Паткуль, что будто тамъ слышалъ онъ о нѣкоторомъ еще новомъ союзѣ у Штатовъ съ Шведомъ: то самая лжа и ничего того отнюдь не бывало“.

По возвращеніи въ Гагу Матвѣева ждало непріятное письмо отъ Головина: „изволь попроситься немедленно въ конференцію и предложить Штатамъ, что присланъ къ тебѣ нарочно указъ великаго государя, велѣно имъ объявить: какъ прежде царское величество чрезъ ихъ посредство не отрицался честнаго мира съ Швеціею, такъ и теперь не отрицается безъ всякихъ большихъ вымогательствъ и тяжкихъ запросовъ, хотя въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ и счастливо ведетъ войну“. Матвѣевъ отвѣчалъ, что не можетъ ничего сдѣлать, не посовѣтовавшись съ Витзеномъ; а поспѣшить предложеніемъ — значитъ показать себя трусомъ при такихъ великихъ побѣдахъ надъ Шведами: „какъ бы я ловко ни прикрывалъ настоящей цѣли своего предложенія, но они по бѣглости своего ума и науки тотчасъ дознаются, въ чемъ дѣло: при томъ же вамъ хорошо извѣстно, что они явно отказались уже отъ посредничества по той причинѣ, что Шведы этого посредничества не приняли; три года уже, какъ они отправили къ Шведу своего посланника для посредничества и до сихъ поръ даже прямаго отвѣта не получили. Теперь они съ Англіею хлопочутъ не о мирѣ Польши съ Швеціею, но о томъ только, чтобъ Шведъ не овладѣлъ Данцигомъ ко вреду торговлѣ обѣихъ морскихъ державъ. Такъ еслибы я и сталъ нѣкоторыми околичностями предлагать о посредствѣ, то изъ этого ничего бы не вышло. Обновленый между ними и Шведомъ договоръ не подписанъ, Штаты въ день-

гахъ Шведскому министру, подъ предлогомъ войны, отказали, что королю Шведскому очень непріятно. Я въ послѣднемъ меморіалѣ моемъ говорилъ Штатамъ о силѣ моего монарха, о счастіи его оружія, атеперь вдругъ стану искать чрезъ ихъ посредство мира, какъ будто мы увидали совершенное свое безсиліе предъ непріятелемъ! Если бы я не только на явной конференціи, даже на тайныхъ разговорахъ объявилъ намѣреніе царскаго величества, то это сейчасъ же будетъ въ ушахъ у Шведа; и если пользы нельзя ждать никакой, то нужно ли открываться? Другое дѣло, еслибъ царское величество изволилъ вступить въ союзъ съ Англіею и Штатами, какъ съ державами, чрезвычайно сильными торговлею. Это дѣло теперь нужнѣе намъ другихъ, потому что государь отъ прямыхъ своихъ союзниковъ совершенно оставленъ безъ помощи, а съ противной стороны союзъ между двумя сильными державами Швеціею и Пруссіею; и еслибы съ нашей стороны было сдѣлано Англіи и Голландіи предложеніе о союзѣ, то эти державы, не желая допустить насъ къ Французскому союзу, и предусматривая непостоянство Шведскаго и Прусскаго королей, которыхъ подозрѣваютъ въ союзѣ съ Французомъ, безъ труда приняли бы наше предложеніе. Ратпенсіонарій мнѣ говорилъ, для чего государевы войска, удовольствовавшись взятіемъ малыхъ городковъ, упустили благопріятное время и большихъ поисковъ въ Лифляндіи не сдѣлали? жалѣлъ, что не были взяты ни Ревель, ни Нарва, опасался, что Шведъ, въ союзѣ съ Прусскимъ, легко одолѣетъ Польшу и обратитъ все свое оружіе противъ государства Московскаго“.

Матвѣевъ не могъ быть покоенъ, ослушавшись царскаго указа; но, къ счастію, онъ скоро былъ выведенъ изъ бѣды: самъ ратъ-пенсіонарій заговорилъ съ нимъ о возобновленіи посредничества. Матвѣевъ поспѣшилъ отвѣчать: „Если Шведъ признаетъ Штаты за посредниковъ и Штаты сами будутъ ходатойствовать объ этомъ мирѣ у его царскаго величества и предложатъ о томъ мнѣ здѣсь, то безъ сомнѣнія великій государь не изволитъ имъ отка-

зать". Матвѣевъ усмотрѣлъ пенсіонарія зѣло удовольствованна и догадался, что Штаты вызвались снова къ посредничеству, изъ боязни, чтобъ этой роли не взялъ на себя король Французскій; потому что пенсіонарій выдалъ себя, спросивши тутъ же у Матвѣева: „а что Французскій министръ еще живетъ при дворѣ вашемъ и что̀ слышно о дѣлахъ вашихъ съ нимъ?" Матвѣевъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ. При разговорѣ присутствовалъ и вице-адмиралъ Крюйсъ, который пріѣзжалъ благодарить пенсіонарія за данное наконецъ Штатами согласіе на принятіе въ Голландскую службу 1000 Русскихъ матросовъ. Матвѣевъ давалъ знать, что это согласіе получено „чрезъ великіе труды" его Матвѣева и Крюйса, который неотступно домогался его у Амстердамскаго адмиралтейства, и еслибъ не это адмиралтейство, то конечно бы штаты другихъ провинцій не согласились.

Предложеніе посредничества было сдѣлано именно только съ цѣлію ослабить подозрѣваемое Французское вліяніе въ Россіи. Витзенъ прямо говорилъ Матвѣеву, что напрасно царь держитъ Французскаго резидента въ Москвѣ: это шпіонъ, который доноситъ обо всемъ не только своему двору, но и Шведскому. Головинъ писалъ Матвѣеву, чтобъ тотъ старался распалять злобу Англичанъ и Голландцевъ противъ Шведа. Матвѣевъ отвѣчалъ: „Неоплошно радѣю и, сколько могу, всѣми силами на то простираюся. Хотя Англія и Штаты, вѣдая внутреннее слученіе Шведа съ Французомъ, душевно къ нему злобны: однако же при нынѣшней своей жестокой войнѣ опасаются его раздражить, чтобъ онъ, Шведъ, явственно отлучась отъ нихъ, не вступилъ въ новый союзъ. Только я нынѣ, на всякую недѣлю уставилъ быть въ своемъ домѣ собранію всѣмъ здѣшнимъ первымъ господамъ и госпожамъ, для собранія и забавы картами и иныхъ утѣхъ, чтобы тѣми могъ способнѣе, угождая имъ, въ тѣхъ вышесказанныхъ дѣлахъ лучшій способъ къ пользѣ и волѣ монаршей учинить, хотя мнѣ и со многимъ убыткомъ на всякой день тотъ ихъ пріемъ къ себѣ станетъ".

Но вечеринки посланника для первыхъ господъ и госпожъ никакъ не могли искоренить въ Голландцахъ подозрѣнія на счетъ усиленія Россіи на прибалтійскихъ берегахъ. Матвѣевъ писалъ, что онъ узналъ секретъ: Англія и Штаты чрезъ своихъ министровъ домогаются тайно у Датскаго двора, чтобъ тотъ не вступалъ въ крѣпкій союзъ съ Русскимъ царемъ, ибо если царь укрѣпится въ Ливоніи и Балтійское море будетъ за нимъ, то не только Москва пресѣчетъ Англійскую и Голландскую торговлю, но и самой Даніи будетъ грозить постоянная опасность. Ратъ-пенсіонарій былъ постоянно на Шведской сторонѣ противъ Россіи и на домогательства Матвѣева, чтобъ Штаты объявили себя противъ сверженія Августа II съ Польскаго престола, сказалъ: „вашъ государь сколько тысячь денегъ своихъ передавалъ королю Польскому, а тотъ истратилъ ихъ на пустяки". Пенсіонарія надули, по выраженію Матвѣева, посланники Прусскій и Ганноверскій, великіе во всемъ Россіи непріятели. Вмѣстѣ съ пенсіонаріемъ противъ Россіи за Швецію былъ и знаменитый герцогъ Марльбара, о которомъ Матвѣевъ писалъ: „боюсь, чтобъ онъ, случась съ министромъ Шведскимъ, Прусскимъ, Ганноверскимъ и пенсіонаріемъ, пакости въ нашемъ дѣлѣ какой не учинилъ". Для предупрежденія пакости Матвѣевъ просилъ Головина прислать подарки „здѣшнимъ надобнымъ особамъ: истинно безъ того великія нахожу трудности здѣсь во всемъ. Голландцы всѣ трусятъ передъ Шведомъ, будто подданные его, а Мальбургъ довольною мошною денегъ отъ стороны Шведовой конечно ослѣпленъ". Въ Апрѣлѣ Матвѣевъ имѣлъ свиданіе съ Марльбара и прямо сказалъ ему: „Англія и Голландія по какой нуждѣ Шведа имѣютъ за всесвѣтнаго монарха, его опасаются во всемъ и всегда и ничѣмъ противнымъ не нудятъ къ честному примиренію, всегда все дѣлаютъ какъ его послушники, а онъ видя то, ни во что ихъ ставитъ и пуще въ гордыя вступаетъ несклонности". — „Чтоже дѣлать? отвѣчалъ Марльбара: мы очень хорошо знаемъ о пересылкахъ Шведа и польскаго примаса съ Франціей на счетъ сверженія короля Августа и

возведенія на его мѣсто принца Конти; знаемъ, что Шведъ Фабриціусъ отправленъ въ Константинополь, чтобъ тамъ, вмѣстѣ съ Французскимъ посланникомъ возбуждать порту къ войнѣ съ Россіею; все мы это знаемъ, но, будучи заняты Французскою войною, не можетъ начать войны съ Швеціею. Королевѣ осталось одно: послать строгіе указы къ своему министру резиденту при Шведскомъ дворѣ, чтобъ тотъ, вмѣстѣ съ Голландскимъ министромъ, неотступно радѣлъ о примиреніи польскихъ междоусобій и о всеобщемъ мирѣ въ сѣверныхъ странахъ. Если Шведъ останется и теперь при прежнемъ своемъ упорствѣ, то Англія будетъ съ нимъ поступать непріятельски; и при этомъ мы вмѣстѣ съ Штатами, больше всего боимся за нашего союзника царя: если Шведъ на насъ разсердится, то вступитъ въ явный союзъ съ Франціею и, соединясь съ курфирстомъ Баварскимъ, нападетъ на Силезію и Австрію". Въ конференціи, которую имѣлъ Шведскій посланникъ въ Гагѣ съ Голландскими правителями, тѣ спросили его, зачѣмъ Карлъ XII хочетъ свергнуть съ престола Польскаго Короля!—„А за чѣмъ вы сами, отвѣчалъ посланникъ, согнали съ престола Англійскаго Короля Іакова, и теперь хотите согнать съ Испанскаго престола герцога Анжу"! Въ той же конференціи посланникъ объявилъ, что царь сдѣлалъ его королю мирныя предложенія чрезъ Прусскаго министра-резидента въ Москвѣ, требуетъ себѣ отъ Швеціи только одной морской пристани и больше ничего; но Карлъ XII объ этомъ и слышать не хочетъ, потому что отъ Русской пристани на Балтійскомъ морѣ ни только Швеціи, но Англіи, Даніи и Голландіи будетъ большое препятствіе въ торговлѣ. Это разумѣется заставило Матвѣева внушать Голландцамъ, что отъ Русской гавани на Балтійскомъ морѣ имъ могутъ быть только одни выгоды и что маленькій Русскій флотъ назначается только для обороны этой гавани, а не для утвержденія русскаго владычества на моряхъ. Матвѣевъ писалъ Головину: „Чтобъ заключить торговый договоръ съ Англіею и Голландіею и на Балтійскомъ морѣ установить съ ними вѣчную прибыльную торговлю—

неусыпные труды и раденія прилагать буду у штатовъ и министровъ Англійскихъ, и стану всячески искать случая, какимъ бы могъ способомъ въ тѣ дѣла порядочно и честно вступить къ полезному совершенству; только такое великое дѣло требуетъ своего благовременнаго часу и нѣкотораго обожданія, а вскорѣ переломить того у нихъ нельзя и нечестно будетъ".

Матвѣевъ толковалъ о томъ, какъ бы порядочно и честно вступить въ дѣло. Паткуль считалъ Матвѣева неспособнымъ дипломатомъ и имѣлъ другіе взгляды. Паткуль далъ знать Матвѣеву, чтобъ онъ вошолъ въ сношенія съ Датскимъ посланникомъ въ Гагѣ по весьма важному дѣлу. Дѣло состояло въ томъ, что Паткуль писалъ Датскому посланнику, обѣщая переводить въ Гагу деньги для задариванія Голландскихъ правителей и побужденія ихъ къ войнѣ съ Швеціею. „Вамъ, моему государю, извѣстно подлинно, писалъ Матвѣевъ Головину, что здѣсь развѣ малыми какими потѣшками, винами или другими вещами, частыми и богатыми обѣдами довольствуются, а на денежныя дачи, хотя бы горы золота имъ были предложены, никакъ не польстятся. Государи присылаютъ имъ подарки, но это считается за простую учтивость, а не за посулы, и если я стану сулить имъ деньги, то явлюсь въ ихъ глазахъ бездѣльникомъ и запятнаю свой высокій характеръ. Другое дѣло предложить Штатамъ или королю Датскому большую сумму денегъ, чтобъ они за эти субсидіи объявили войну Швеціи; а если кого можно подкупить, то это фаворита королевы Англійской Мальбурга, чтобъ онъ былъ весь на нашей сторонѣ, и если Англія согласится на Шведскую войну, то здѣсь будутъ этому очень рады." [33]

Постоянно слѣдя чрезъ Голицына и Матвѣева за Австріею, Голландіею и Англіею, хлопоча о томъ, нельзя ли отъ этихъ державъ получить какой-нибудь помощи или, по крайней мѣрѣ, удержать ихъ отъ поданія помощи Шведамъ, Петръ не хотѣлъ оставить безъ вниманія и враждебной имъ Франціи. Въ Парижѣ съ 1703 года жилъ дворянинъ Постниковъ безъ посланническаго однако характера.

Къ нему пересылались изъ Россіи извѣстія о побѣдахъ царскихъ войскъ надъ Шведами; эти извѣстія Постниковъ переводилъ на Французкій языкъ и передавалъ министру иностранныхъ дѣлъ, который показывалъ ихъ королю. Но одними извѣстіями о военныхъ успѣхахъ Постниковъ не довольствовался; онъ писалъ Головину: „Извольте приказать присылать ко мнѣ сюда краткіе выписочки указовъ, обновленія законовъ и иныхъ новоизобретенныхъ распоряженій къ лучшему управленію, которыя его величествіе, хотя и воинскими отягченъ дѣлами, изволитъ повелѣвать публично объявлять, яко истинный отечествія и народа своего отецъ, понеже здѣсь всѣ хотятъ радостно знать не только всеславное начинаніе воинскихъ отправленій по сухому и морскому пути, но и доброе и сладкое управленіе, которымъ сей присно хвалительный суверенъ начальствуетъ надъ тако многочисленными народами. Извольте кому приказать особливое имѣть попеченіе собирать изъ приказовъ указы и присылать ко мнѣ, которые будутъ вѣдомы во всей Европѣ для славы его царскаго величествія и нашего отечествія, а наипаче извольте пожаловать прислать ко мнѣ подлинное описаніе флоты нашея, сколько кораблей сдѣланныхъ и которые дѣлаются и проч. Таковымъ бо славнымъ дѣламъ его величествія весьма надобно вѣдомымъ быти при семъ славномъ дворѣ и написательнымъ единымъ языкомъ, которымъ едва не вся говоритъ Европа“.

Увѣдомляя Головина, что Французскій дворъ послалъ неизвѣстно зачѣмъ одного Іезуита въ Константинополь, Постниковъ прибавляетъ: „Сей солдатъ компаніи Іисусовы по арабски основательно знаетъ, и егда преобразится платьемъ и чалму наденетъ, немощно узнать его, Іисусовъ ли ученикъ или дьявольскій; не токмо церкви, но и государственнымъ дѣламъ надобны Іезуиты и всегда годны сіи верхоглавые отцы содружества Іисусова“. Какъ всѣ русскіе резиденты въ то время, такъ и Постниковъ имѣлъ порученія покупать въ Парижѣ разные инструменты, нанимать въ царскую службу искусныхъ людей, заказывать шитыя золотомъ платья. Наемъ французскихъ мастеровъ

неудавался. Получивъ изъ России приказаніе нанять 12 хирурговъ или цырюликовъ, Постниковъ обратился къ министру де Торси съ просьбою исходатайствовать на этотъ счетъ королевское позволеніе; Торси потребовалъ, чтобъ охотники названы были по именамъ и прибавилъ. „куда имъ ѣхать? поѣдутъ ли они“! Сильная потребность въ подобныхъ людяхъ и для Французской арміи набивала цѣну: хорошіе цырюлики требовали по 1000 французскихъ ефимковъ въ годъ и „кромѣ сего, писалъ Постниковъ, чаютъ въ край свѣта ѣхать къ Москвѣ, и дьяволъ ихъ знаетъ что говорятъ; егда слышатъ Москву нашу, чаютъ, что она съ Индіями граничитъ“. Притомъ цырюлики требовали ручательства, что всѣ обѣщанія будутъ исполнены и не вѣрили Постникову, какъ неимѣющему посланническаго характера.

Сверженіе короля Августа съ престола Польскаго, провозглашенное частію Поляковъ, разумѣется, поднимало вопросъ, не призовется ли на Польскій престолъ прежній кандидатъ, принцъ Конти? Постниковъ давалъ знать, что наврядъ Конти объявитъ себя вторично кандидатомъ на Польскій престолъ: денегъ нѣтъ; Постниковъ сообщилъ также, что сильное впечатлѣніе при дворѣ Людовика XIV произвелъ манифестъ Петра къ Полякамъ; понравились начала, провозглашенныя Петромъ, который принялъ въ свою защиту права вѣнценосныхъ главъ, ни отъ кого не зависящихъ, „только отъ единаго вышняго надъ всѣми сувренствующаго Бога противъ неистовой быстроты злѣйшихъ бунтовъ“, и училъ многомятежныхъ Поляковъ болѣе уважать слова священнаго писанія“: „не касайтесь помазаннымъ моимъ“.

Одновременно съ отправленіемъ Постникова во Францію, въ Россію пріѣхалъ Французскій чрезвычайный посланникъ Балюзъ. 15 Марта 1703 года былъ у него съ Головинымъ тайный разговоръ: „Королевское величество, говорилъ Балюзъ, слышалъ, что царское величество по многимъ случаямъ недоволенъ союзомъ съ цесарскимъ величествомъ; и дѣйствительно народъ Нѣмецкій непостояненъ,

въ дружбѣ совершеннаго окончанія ни съ однимъ государемъ не сохраняетъ; а постоянство короля Французскаго въ союзахъ вамъ вѣрно извѣстно не изъ нынѣшнихъ только слуховъ, но и изъ книгъ многихъ. Я теперь присланъ отъ короля для заключенія союза между обоими великими государями. Донесите царскому величеству, чтобъ изволилъ объявить статьи, на которыхъ желаетъ заключить союзъ съ королевскимъ величествомъ". Головинъ отвѣчалъ, что посланникъ долженъ прежде объявить статьи, на которыхъ король его хочетъ заключить союзъ: „Царскому величеству ради какихъ мѣръ, не видя никакихъ полезныхъ странѣ своей дѣлъ, что какая изъ того будетъ польза, вступать въ союзъ съ государемъ вашимъ, оставя прежнихъ своихъ союзниковъ, съ которыми у Франціи ведется нынѣ война не малая. И если царскому величеству вступить въ безполезной себѣ какой союзъ съ Франціею, то безславіе себѣ только учинитъ и старыхъ союзниковъ потеряетъ, а утаить этого будетъ нельзя; и если королевскому величеству потребенъ союзъ съ царскимъ величествомъ, то объявите подлинно, чѣмъ королевское величество удовольствуетъ царское величество за вступленіе въ союзъ, а съ нашей стороны объ этомъ союзѣ никогда предложенія не было". Балюзъ отвѣчалъ, что ему ничего не наказано на счетъ объявленія условій союза, но что онъ будетъ писать объ этомъ къ королю—какой будетъ отвѣтъ.

Но отвѣта не было, и Балюзъ въ Мартѣ 1704 года выѣхалъ изъ Россіи; а между тѣмъ, какъ мы видѣли, Дюнкиркенскіе каперы схватили русскій корабль св. Андрей Первозванный, принадлежавшій братьямъ Баженинымъ и другой, принадлежавшій Елизару Избранту. Постниковъ писалъ Головину: „Здѣшній дворъ великою злобою и противностію дышетъ на интересы его священнаго царскаго величества, и нынѣ сей огнь, подъ пепломъ притворной политики таящійся, открылся: корабль нашъ въ совѣтѣ королевскомъ морскомъ предъ самимъ королемъ конфискованъ и со всѣми товарами отписанъ на короля; отъ какой причины король подвигся къ сему, лучше меня вы,

чаю, изволите вѣдать, ибо я не знаю, чего у васъ требовалъ посланникъ Французскій. Тотъ же совѣтъ не удержалъ вѣски правосудія въ равности, потому что Шведскій корабль, взятый Французскими же пиратами, отданъ назадъ по прошенію посланника Шведскаго и со всѣми товарами. Извольте видѣть, какъ открытымъ лицемъ здѣшній дворъ ласковую приклонность оказуетъ Шведамъ, а не намъ, и дѣйствуетъ безстыдно противъ народнаго права яко юристы говорятъ".

Для улаженія дѣлъ о корабляхъ осенью 1705 пріѣхалъ въ Парижъ также безъ характера, Андрей Артамоновичь Матвѣевъ. „Городъ Парижъ, писалъ онъ Головину, нашелъ я втрое больше Амстердама и людства множество въ немъ неописанное, и народа уборъ, забавы и веселіе его несказанныя. И хотя обносилось, что Французы утѣснены отъ короля, однако то неправда: всѣ въ своихъ воляхъ безъ всякой тѣсноты и въ уравненіи прямомъ состоятъ и никто изъ вельможъ нимало не озлобляется и ниже узнать возможно, что они такую долговременную и тяжелую ведутъ войну. Всѣ мнятъ, что я пріѣхалъ просить здѣшняго короля въ посредники для мирнаго договора съ Шведомъ. Только отъ Шведовъ премножество злыхъ плевелъ о насъ посѣяно молвою и печатными злословіями въ семъ народѣ, вѣдая, что здѣсь нашего министра при дворѣ Французскомъ нѣтъ и мѣшать некому, что захотятъ то дѣлаютъ безъ препоны. Французы сердиты, что посланникъ ихъ, бывшій при нашемъ дворѣ, нарочно отъ короля отправленный, никакого плода полезнаго не получилъ, и я боюсь, чтобъ мнѣ здѣшній хитрый дворъ такою же монетою не заплатилъ. Статскій секретарь Деторцый (Деторси) явно нѣкоторой особѣ здѣсь говорилъ: еслибы король отъ Постникова не былъ обнадеженъ въ будущей дружбѣ между Московскимъ и нашимъ дворами, то и на мысль не пришло бы королю посылать въ Москву чрезвычайнаго посланника".

23 Октября Матвѣевъ имѣлъ приватную аудіенцію у короля; Людовикъ „изволилъ сказать, что ему тѣ присыл-

ки вельми любы и все онъ учинитъ къ угодности царя какъ въ его возможности есть". Донося объ этой аудіенціи Петру, Матвѣевъ прибавляетъ: „здѣсь конечная въ деньгахъ, а больше въ людяхъ скудость; къ Рагоци и къ Шведу, и къ курфирсту Баварскому посылки денежныя и продолженіе войны вычерпали деньги конечно уже. Шведъ здѣсь въ почитаніи многомъ и дѣла его; къ тому же и коронація Лещинскаго за добро здѣсь принята".

Послѣ аудіенціи Матвѣевъ сообщилъ де-Торси свои предложенія, тотъ обѣщалъ донести объ нихъ королю; а между тѣмъ Матвѣевъ имѣлъ длинный разговоръ съ Дебервилемъ, завѣдывавшимъ корабельными дѣлами. Матвѣевъ объявилъ, что если король не отдастъ русскаго корабля и къ прямой дружбѣ съ царскимъ дворомъ не склонится, то впредъ Россіи будетъ малая надежда на ихъ дворъ. Дебервиль отвѣчалъ, что первою помѣшкою дружбѣ между Франціею и Россіею были Русскіе послы и посланники, которые пріѣзжали съ торгами только для своей прибыли, ничего не искали къ пользѣ государя своего у короля, только дѣлали неприличные, гордые запросы, короля презирали, съ министрами ласковаго и честнаго обхожденія не имѣли, людей держали при себѣ озорниковъ, пьяницъ, драчуновъ, которые умному и политичному народу Французскому дуростями своими досаждали, и потомъ, пріѣхавъ въ Москву, эти послы царя съ королемъ смущали, и царь Французскій дворъ презиралъ и считалъ себѣ непріятелемъ. Царь не можетъ слышать о Французскомъ дворѣ, и кто при немъ хорошо отзовется о королѣ, изъ своихъ, или чужихъ, тотъ подвергнется бѣдствію; во время своей поѣздки въ Ганноверъ царь пилъ шампанское и хвалилъ его, но когда ему сказали, что вино Французское, то онъ его выплеснулъ и рюмку разбилъ, ругая Французовъ. Притомъ же царь ненавидитъ вѣру Римскую; въ нынѣшній походъ свой въ Польшѣ іезуитовъ и нѣсколько монахинь римскаго закона своею рукою убилъ.—Матвѣевъ отвѣчалъ, что о поведеніи пословъ не можетъ ничего сказать, потому что ничего не знаетъ; что же касается до

враждебнаго расположенія государя Русскаго къ Франціи, то это ложь, придуманная Ганноверскимъ дворомъ, чтобъ поссорить Россію съ Франціею, ибо извѣстно единодушіе Ганновера съ Шведомъ. Царское величество всегда дорожилъ и дорожитъ дружбою королевскою и многолѣтнее правленіе Людовика XIV честнымъ поминаетъ словомъ; съ мудростію царскаго величества не сообразенъ поступокъ съ виномъ, распространенный дворомъ Ганноверскимъ и Шведскимъ; что же касается до казни іезуитовъ и монахинь, то если, по сыску, они и дѣйствительно были казнены за какіе-нибудь тайныя пересылки съ непріятелемъ или за умыслы надъ особою его величества, то и во Франціи они имѣли бы такую же участь, не смотря на ихъ духовное званіе.

Новооткрытая для западной Европы Россія съ ея удивительнымъ царемъ служила постоянно предметомъ чудесныхъ слуховъ. Матвѣевъ доносилъ объ одномъ изъ нихъ, распространившемся при Французскомъ дворѣ: то былъ переводъ народной русской пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, приложенный теперь къ Петру; великій государь при нѣкоторыхъ забавахъ разгнѣвался на сына своего и велѣлъ его казнить Меншикову; но Меншиковъ, умилосердясь, велѣлъ вмѣсто царевича повѣсить рядоваго солдата. На другой день государь хватился: гдѣ мой сынъ? Меншиковъ отвѣчалъ, что онъ казненъ по указу; царь былъ внѣ себя отъ печали; тутъ Меншиковъ приводитъ къ нему живаго царевича, что учинило радость неисповѣдимую. Когда Французы спрашивали у Матвѣева, правда ли это? онъ отвѣталъ, что всѣ эти плевелы разсѣваются Шведами и прямой христіанинъ такой лжи не повѣритъ, потому что это выше натуры не только такого монарха, но и самаго простолюдина.

Наконецъ Матвѣевъ дождался отвѣта по главному своему дѣлу; Дебервиль объявилъ ему, что кораблей отдать нельзя: они отданы каперамъ, а не на короля взяты, по прямымъ регламентамъ, постановленнымъ между всѣми Европейскими государями, потому что въ морскихъ запискахъ

не показано было ни одного товара, принадлежащаго русскимъ подданнымъ, въ подписяхъименъ ни одного Русскаго имени, только Голландскія, а на флаги нельзя обращать вниманія, потому что флаги могутъ быть фальшивые. Впрочемъ король обѣщаетъ вознаградить русскихъ подданныхъ за эти убытки, если заключенъ будетъ договоръ о свободной торговлѣ между Франціею и Россіею. „Дружба здѣшняя, писалъ Матвѣевъ, чрезъ сладость комплиментовъ своихъ безполезная, въ прибыльномъ дѣлѣ малой случай намъ кажетъ; быть кому здѣсь изъ особъ знатныхъ въ министрахъ—развѣ хотѣть всякаго презорства и уничиженія по обыкновенной гордости сего двора, который наши дѣла и насъ не въ велико ставитъ. Такъ и житье мое нынѣшнее здѣсь безо всякаго дѣла; считаютъ меня больше за провѣдывальщика, чѣмъ за министра; для того требую вашего къ себѣ отвѣта, чтобъ мнѣ не волочиться бѣдно и бездѣльно здѣсь при таковомъ коварномъ и богатомъ дворѣ; смѣнять дружбу Англичанъ и Голландцевъ на Французскую не обѣщаетъ намъ прибытку".

Матвѣевъ прожилъ въ Парижѣ до октября 1706 года: все шли толки о заключеніи торговаго договора; наконецъ Деторси объявилъ ему именемъ королевскимъ, что договоръ до общаго мира заключенъ быть не можетъ, ибо война мѣшаетъ Французскимъ кораблямъ плавать въ края сѣверные; впрочемъ король обнадеживаетъ царя, что всѣ Московскіе корабли, которые войдутъ во Французскія гавани, нагруженные товарами, родящимися и дѣлающимися въ Москвѣ, будутъ приняты попріятельски, только хозяева и корабельщики должны сообразоваться съ уставомъ, изданнымъ для безопасности подданныхъ государствъ нейтральныхъ и для помѣшки пронырствамъ со стороны непріятельской. — Съ этимъ Матвѣевъ и уѣхалъ назадъ въ Голландію. Слѣдить за дѣлами во Франціи и сообщать новины остался Постниковъ, „мужъ умный и дѣла Европскаго и пользы государевой свѣдомый и въ языкахъ ученый", по отзыву Матвѣева [84].

Съ Франціею не ладилось у насъ съ самаго начала.

Петръ былъ воспитанъ подъ впечатлѣніемъ этихъ неладовъ. Разливалъ ли онъ Шампанское изъ вражды ко всему Французскому—мы не знаемъ; но что онъ не любилъ Франціи и Французовъ—это хорошо извѣстно; кромѣ впечатлѣній молодости такая нелюбовь легко объясняется самимъ характеромъ человѣка: какое сочувствіе могъ питать великій плотникъ, геніальный чернорабочій къ блестящей и чопорной Франціи Людовика XIV? Россія Петра и Франція Людовика XIV—что могло быть противоположнѣе? Грубая простота деревенскаго юноши и утонченныя манеры стараго напудренаго маркиза! Могъ ли понравиться посланнику великаго короля простосердечный запросъ перваго Русскаго министра Головина: „Царскому величеству ради какихъ мѣръ, не видя никакихъ полезныхъ странѣ своей дѣлъ, вступить въ союзъ съ государемъ вашимъ, оставя прежнихъ своихъ союзниковъ? объявите подлинно, чѣмъ король удовольствуетъ царское величество за вступленіе въ союзъ съ нимъ!“ Балюзъ поспѣшилъ убраться изъ Россіи, вслѣдствіе чего и Матвѣевъ долженъ былъ убраться изъ Франціи безъ кораблей, говоря въ свое утѣшеніе, что смѣна дружбы Англичанъ и Голландцевъ на Французскую не обѣщаетъ намъ прибытку. Дѣйствительно Петръ имѣлъ право на этомъ успокоиться. Но если дружба Франціи не обѣщала никакихъ выгодъ, то вражда ея могла быть опасна въ Константинополѣ, гдѣ Французскій посланникъ былъ вліятельнѣе другихъ. Ведя тяжелую войну съ Швеціею, царь долженъ былъ обращать напряженное вниманіе на югъ, откуда приходили постоянные слухи о вооруженіяхъ султана, желающаго воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Россіи и отнять у нея недавнія завоеванія. Вотъ почему Петръ съ береговъ Балтійскаго моря спѣшилъ обыкновенно въ Воронежъ наблюдать здѣсь за постройкою кораблей, необходимыхъ въ постоянно грозящей войнѣ Турецкой.

Для подтвержденія мирнаго договора, заключеннаго Украинцевымъ, отправился въ Турцію въ 1701 году ближній человѣкъ князь Дмитрій Михайловичь Голицынъ.

Ему наказано было попытаться, нельзя ли заставить Порту согласиться на свободное плаваніе Русскихъ кораблей по Черному морю, чего никакъ не могъ добиться Украинцевъ. Голицынъ пытался напрасно; визирь велѣлъ отвѣчать ему: на свободную торговлю между обоими государствами диванъ съ радостію позволяетъ; но хода Московскихъ торговыхъ кораблей по Черному морю никогда не позволитъ; лучше султану отворить путь во внутренность своего дома, чѣмъ показать дорогу Московскимъ кораблямъ по Черному морю; пусть Московскіе купцы ѣздятъ съ своими товарами на Турецкихъ корабляхъ куда имъ угодно. И посламъ Московскимъ также не ходить на корабляхъ въ Константинополь, должны пріѣзжать сухимъ путемъ. Голицынъ началъ уговаривать рейсъ-эфенди, и отъ того такой же отвѣтъ: „Султанъ смотритъ на Черное море, какъ на домъ свой внутренній, куда нельзя пускать чужеземца; скорѣе султанъ начнетъ войну, чѣмъ допуститъ ходить кораблямъ по Черному морю". Голицынъ долженъ былъ прекратить свои настаиванія, особенно когда Іерусалимскій патріархъ сказалъ ему: „Не говори больше о Черноморской торговлѣ; а если станешь говорить, то миръ испортишь, Турокъ приведешь въ сумнѣніе и станутъ приготовлять войну противъ государя твоего. Турки хотятъ засыпать проходъ изъ Азовскаго моря въ Черное и на томъ мѣстѣ построить крѣпости многія, чтобъ судовъ Московскихъ не пропустить въ Черное море Мы слышимъ, что у великаго государя флотъ сдѣланъ большой и впредь дѣлается, и просимъ Бога, чтобъ Онъ вразумилъ и научилъ благочестивѣйшаго всѣхъ насъ православныхъ христіанъ государя царя Петра Алексѣевича тѣмъ флотомъ своимъ избавить насъ отъ плѣненія бусурманскаго. Вся надежда наша только на него великаго государя. А Турки сильно того флота опасаются, и для той причины не изволь, Бога ради, говорить, а если станешь говорить, та непремѣнно засыплютъ ходъ, и въ томъ надежда наша будетъ помрачена, а наше избавленіе можетъ придти только чрезъ Черное море, когда же засыпанъ будетъ ходъ, то хотя бы сто ты-

сячь судовъ надѣлано было у великаго государя, нельзя имъ будетъ плавать по Черному морю. Турки знаютъ, что тотъ флотъ строится на нихъ, и ты хоть тысячу разъ говори, добровольно не отворятъ ходъ по Черному морю; великій государь можетъ своею волею отворить ходъ Чернаго моря, а не просьбою у Турокъ".

Въ ноябрѣ 1701 года впервые назначенъ былъ посолъ для постояннаго жительства при дворѣ султановомъ: то былъ знаменитый въ послѣдствіи Петръ Андреевичь Толстой. Мы видѣли Толстаго вмѣстѣ съ братомъ въ числѣ жаркихъ приверженцевъ Софьи при воцареніи Петра. Родственникъ ихъ Апраксинъ уговорилъ ихъ въ послѣдствіи отстать отъ опасной партіи. Петръ, цѣня дарованія Петра Андреевича, простилъ ему старые грѣхи, хотя, какъ говорятъ, въ минуты откровенности припоминалъ ему ихъ; такъ однажды, взявши его за голову, сказалъ: „Эхъ голова, голова! не быть бы тебѣ на плечахъ, еслибъ не была такъ умна". Теперь стольникъ Толстой отправился на важный постъ, въ Адріянополь (гдѣ жилъ постоянно султанъ Мустафа II-й), съ тайнымъ наказомъ: будучи при султановомъ дворѣ, вывѣдывать и описать тамошняго народа состояніе, какое тамъ правленіе, кто правительственныя лица, какія у нихъ съ другими государствами будутъ поступки въ воинскихъ и политическихъ дѣлахъ, какое устроеніе для умноженія прибыли или къ войнѣ тайныя приготовленія, противъ кого, моремъ или сухимъ путемъ? Какія государства больше уважаютъ, который народъ больше любятъ? Сколько собирается государственныхъ доходовъ и какъ; въ казнѣ передъ прежнимъ довольство или оскудѣніе? Особенно навѣдаться о торговлѣ Персидской? Сколько войска и гдѣ держатъ въ готовности и сколько дается ему изъ казны, также каковъ морской флотъ, и нѣтъ ли особеннаго приготовленія на Черное море? Въ Черноморской протокѣ, что у Керчи, хотятъ ли какую крѣпость дѣлать, гдѣ, какими мастерами или хотятъ засыпать и когда? Конницу и пѣхоту послѣ цесарской войны не обучаютъ ли Европейскимъ обычаемъ теперь или впредь намѣрены такъ дѣлать,

или по старому не радятъ? Города — Очаковъ, Бѣлгородъ на Днѣстрѣ, Килія и другіе, укрѣплены ль и какъ, по старому ли или фортеціями и какими мастерами? Бомбардиры, пушкари въ прежнемъ ли состояніи, или учатъ вновь, кто учитъ, и старые инженеры и бомбардиры иноземцы ли или Турки и школы есть ли? По патріархѣ Іерусалимскомъ есть ли другой такой же желательный человѣкъ: о такихъ чрезъ него провѣдывать. Съ чужестранными министрами обходиться политично, къ нимъ ѣздить и къ себѣ призывать, какъ обычай во всемъ свѣтѣ у министровъ при великихъ дворахъ; только смотрѣть, чтобъ какимъ упрямствомъ или невоздержаніемъ не умалить чести Московскаго государства. Между прочими разговорами съ министрами Турецкими, говорить и о томъ (если только это не возбудитъ подозрѣнія), чтобъ учредить до Кіева почту.

Толстой нашелъ вѣрнаго человѣка, который сообщалъ ему важныя для него извѣстія: то былъ племянникъ іерусалимскаго патріарха Спиліотъ. Спиліотъ далъ знать, что Крымскій ханъ пишетъ къ султану много противностей, чтобъ поссорить султана съ царемъ, объявляетъ, что съ русской стороны строятъ много городовъ и кораблей; до сихъ поръ Турки его не слушаютъ, однако послали строить городъ близъ Очакова и Керчи, гдѣ мелкая вода. Толстой доносилъ Петру: „Мой пріѣздъ учинилъ Туркамъ великое сумнѣніе; разсуждаютъ такъ: никогда отъ вѣку не бывало, чтобъ Московскому послу у Порты жить, и начинаютъ имѣть великую осторожность, а паче отъ Чернаго моря, понеже морской твой караванъ безмѣрный имъ страхъ наноситъ. О засыпаніи гирла морскаго вышло у нихъ изъ мысли, а нынѣ пріѣздомъ моимъ паки та мысль въ нихъ возбуждается, и о житьѣ моемъ разсуждаютъ, яко бы мнѣ у нихъ быть для усматриванія подобнаго времени къ розорванію мира. Уже я всякими мѣрами разглашаю, что я присланъ для твердѣйшаго содержанія мира, обаче не вѣрятъ, а наипаче о томъ сумнѣвается простой народъ“. Въ другомъ донесеніи Толстой писалъ: „Нынѣ въ странахъ сихъ покой, а войны и междоусобія нѣтъ; визирь нынѣш-

ній глупъ; денежной у нихъ казны нынѣ малое число въ сборѣ, а когда позоветъ нужда, могутъ собрать скоро, потому что безъ милосердія грабятъ подданныхъ своихъ христіанъ. И нынѣ народъ сумнѣваться не перестаетъ и говоритъ, что никогда Московскій посолъ здѣсь не живалъ, а сей посолъ живетъ не просто; иныхъ государей послы живутъ для торговыхъ своихъ дѣлъ, а у сего никакого дѣла нѣтъ, конечно какой-нибудь есть вымыслъ. И въ почтеніи меня презираютъ, не только передъ цесарскими и передъ Французскими, и передъ иными послами, и житье мое у нихъ зѣло имъ не-любо, потому что запазушные ихъ враги Греки намъ единовѣрны. И есть въ Туркахъ такое мнѣніе, что я, живучи у нихъ, буду разсѣвать въ христіанъ слова, подвигая ихъ противъ бусурманъ, для того крѣпкій заказъ Грекамъ учинили, чтобъ со мною не видались, и страхъ учинили всѣмъ христіанамъ, подъ игомъ ихъ пребывающимъ, такой, что близко дому, въ которомъ я стою, христіане ходить не смѣютъ, и платье Грекамъ одинакое съ басурманами носить запретили, чтобъ были отличны отъ Турокъ. Ничто такого страха имъ не наноситъ, какъ морской твой флотъ; слухъ между ними пронесся, что у Архангельска сдѣлано 70 кораблей великихъ, и чаютъ, что когда понадобится, корабли эти изъ океана войдутъ въ Средиземное море и могутъ подплыть подъ Константинополь". Въ концѣ года Толстой писалъ Головину, что пріѣхали въ Адріанополь знатные Крымскіе мурзы и молятъ султана, чтобъ позволилъ имъ начать войну съ Россіею; выговариваютъ, что они Крымцы презрѣны отъ Порты Оттоманской, и въ ближнихъ отъ Крымскаго полуострова мѣстахъ строятъ Русскіе города, отъ которыхъ терпятъ они утѣсненіе, а впредь ожидаетъ и совершенная гибель; объявляютъ, будто у нихъ есть письма отъ короля Шведскаго, отъ Поляковъ и отъ казаковъ Запорожскихъ, всѣ уговариваютъ ихъ вести войну съ Россіею, обѣщаясь помогать, будто казаки съ клятвою обѣщаются царскій флотъ пожечь. Порта еще на это не соглашается и всякими мѣрами отъ нихъ отговаривается.

Въ началѣ 1703 года Толстой объяснилъ Головину дѣло. Старый глупый визирь былъ замѣненъ новымъ, Далтабаномъ, человѣкомъ ярымъ, но неразсудительнымъ, которому хотѣлось непремѣнно начать войну съ Россіею; но видя, что султанъ никакъ не хочетъ на это согласиться, онъ подучилъ Татаръ пріѣхать въ Константинополь съ просьбой о начатіи войны съ Русскими. Султанъ отвергнулъ просьбу, мало того, смѣнилъ хана; тогда визирь написалъ тайно въ Крымъ, чтобъ Татары взбунтовались противъ султана, что онъ, визирь, пойдетъ ихъ усмирять, но вмѣсто усмиренія соединится съ ними и пойдутъ на Азовъ или на Кіевъ. Татары возмутились, визирь началъ дѣлать большія военныя приготовленія, какъ будто для ихъ усмиренія. Тогда Толстой, подаривъ ближнихъ людей, довелъ до свѣдѣнія султановой матери объ интригахъ визиря, объявилъ и муфтію, что эта интрига можетъ грозить султану большою опасностію. Султанша пересказала все это сыну, и 13 Генваря визирь былъ схваченъ и задавленъ и на мѣсто его назначенъ Магметъ-паша, бывшій рейсъ-ефенди. Новый визирь, „человѣкъ зѣло разумный“, принялъ Толстаго съ великою любовію и увѣрилъ его, что со стороны Порты мирнаго нарушенія не будетъ: „мнѣ ли, говорилъ онъ, нарушить миръ, который состоялся моими трудами“? — „Истиною или лукавствомъ то говорилъ—Богъ вѣсть, писалъ Толстой; увѣренности никакой быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока Татарское дѣло прекратится и рати по домамъ разойдутся“. Въ Апрѣлѣ Толстой писалъ: „Новый визирь начинаетъ чинить мнѣ привѣтствованіе пачепрежняго; но привѣтствованія его, является мнѣ, не столько для любви, сколько для опасенія. На дворъ ко мнѣ ни одному человѣку пройти нельзя, потому что отовсюду открытъ и стоятъ янычары, будто для чести, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ христіане ко мнѣ не ходили; а у Французскаго, Англійскаго и другихъ пословъ янычары не стоятъ. Христіане и мимо воротъ моихъ пройти не смѣютъ, Іерусалимскій патріархъ съ пріѣзду моего до сихъ поръ со мною не видался. Опасаясь царскаго флота, Турки умыслили покорить Грузію, разсуждаютъ

такъ: если Московскій флотъ выйдетъ на Черное море, то изъ Грузіи по рѣкамъ, впадающимъ въ это море, будетъ ему всякая помощь людьми и запасами, потому что Грузины съ Русскими единовѣрны.

Татары были усмирены, и въ слѣдъ за этимъ Порта предъявила Русскому посланнику свои требованія: 1) чтобъ новая крѣпость, построенная у Запорожья, Каменный Затонъ была срыта; 2) чтобъ въ Азовѣ и Таганрогѣ не было кораблей; 3) чтобъ назначены были коммиссары для опредѣленія границъ. Толстой отвѣчалъ на первое, что Каменный Затонъ построенъ на мѣстѣ, отъ котораго Россія не отказывалась по послѣднему договору; притомъ же принудили къ построенію этого города Крымскіе Татары, которые подучили Запорожцевъ быть непокорными царскому величеству, и государь, для удержанія своевольниковъ, чтобъ они не производили ссоръ между нимъ и султаномъ, какъ недавно произвели грабежемъ Греческихъ купцовъ, велѣлъ построить крѣпость на берегу Днѣпра, вдали отъ границъ Турецкихъ: такое царское премудрое дѣло заслуживаетъ съ Турецкой стороны не подозрѣнія, но похвалъ великихъ, ибо царское величество въ строеніи этой крѣпости не щадитъ издержекъ—для сохраненія мирныхъ договоровъ, которому грозитъ запорожское своеволіе. Чтобъ не быть кораблямъ въ Азовѣ и Таганрогѣ, объ этомъ нѣтъ ни слова въ мирныхъ договорахъ. Сколько прежде было кораблей, столько же и теперь, 10 кораблей и 4 галеры, потому что увеличивать число ихъ нѣтъ надобности. Отвести эти корабли вверхъ по Дону нельзя; истребить вещь, которая стоила столькихъ денегъ—стыдъ; остаться безъ кораблей въ Азовѣ и Таганрогѣ нельзя по разнымъ причинамъ, особенно же видя въ государствѣ вашемъ частыя перемѣны начальствующихъ лицъ: такъ недавно война готова была возгорѣться отъ прежняго визиря; мирные договоры соблюдаются волею великихъ государей, а не сохраненіемъ или истребленіемъ кораблей. Что же касается посылки коммиссаровъ для опредѣленія границъ, то великій государь этого опредѣленія не отрицаетъ.

Въ Августѣ Толстой далъ знать, что пришли въ Адріанополь бунтовщики, султана Мустафу посадили за караулъ, и на его мѣсто выбрали брата его Ахмета, и визиря поставили новаго: „къ сторонѣ царскаго величества противности нынѣ никакой не слышится, и впредь вскорѣ тому быть не чаю, потому что великое въ казнѣ ихъ оскудѣніе".

Не смотря на это оскудѣніе, Головинъ писалъ Толстому, нельзя ли занять Турокъ, возбудивъ ихъ къ войнѣ противъ цесаря? Толстой отвѣчалъ въ Генварѣ 1704 года: "По приказу твоему начинаю къ тому приступать самымъ секретнымъ образомъ чрезъ приближенныхъ къ султану людей, но еще пользы не вижу никакой; главное препятствіе въ томъ, что нечего давать, и хотя бы и было что дать, боюсь потерять; Французъ потерялъ больше ста тысячъ реаловъ, а пользы себѣ никакой не получилъ. Сыскалъ я одного человѣка, самаго близкаго къ султану; человѣкъ этотъ очень проворенъ, онъ взялся за дѣло, однако не увѣряетъ, что приведетъ его къ концу, больше склоняется къ войнѣ съ Венеціею. Посулилъ я ему 3000 золотыхъ червонныхъ, если сдѣлаетъ дѣло; но онъ говоритъ, что и другимъ дать надобно, всего тысячъ сорокъ золотыхъ червонныхъ, кромѣ его 3000. Онъ же мнѣ говорилъ, чтобъ промыслить прежде всего султану мѣхъ лисій черный самый добрый, да три сорока соболей, по сту рублей пара, и отослать бы эти подарки султану тайно чрезъ него, а будетъ ли отъ того прокъ или нѣтъ, не увѣряетъ".

Головинъ далъ знать Толстому, чтобъ оставилъ дѣло, въ которомъ нельзя было ожидать успѣха по явному нежеланію Турокъ воевать съ кѣмъ бы то ни было: „здѣсь все смирно, доносилъ Толстой въ половинѣ 1704 года: Турки покою ради, и которыя мнѣ трудности были отъ татарскихъ ложныхъ клеветъ, нынѣ умолкли; визирь ко мнѣ очень ласковъ, и со мною обходятся пристойно, какъ съ другими послами; свобода мнѣ ѣздить куда хочу, и ко мнѣ всѣхъ пускаютъ; устроилось это не инымъ чѣмъ, только казною великаго государя; хотя бы кто былъ и умный человѣкъ, а безъ подар-

ковъ получить этого у Турокъ не могъ бы". Но въ Константинополѣ все зависѣло отъ произвола правительственныхъ лицъ: вдругъ въ сентябрѣ султанъ перемѣнилъ визиря Гассанъ-пашу и на его мѣсто возвелъ Ахметъ-пашу. И вотъ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ этой перемѣнѣ, Толстой шлетъ жалобу: „Новый визирь очень ко мнѣ неласковъ, и мое скорбное пребываніе, труды и страхъ возобновились пуще прежняго: опять никто ко мнѣ придти не смѣетъ, и я никуда не могу ѣздить, съ великимъ трудомъ и письмо это могъ послать. Вотъ уже при мнѣ шестой визирь, и этотъ хуже всѣхъ". И шестой визирь не долго пробылъ на своемъ мѣстѣ; седьмой былъ Магметъ-паша: „у меня на визирскія перемѣны уже и смысла не достаетъ, писалъ Толстой, и съ падарками имъ незнаю что дѣлать? Я съ новымъ визиремъ видѣться не буду спѣшить, потому что мнѣ къ нему въ подарокъ отослать нечего". Подарокъ былъ присланъ изъ Москвы, но мало помогъ, какъ видно изъ донесенія Толстаго въ апрѣлѣ 1705 года: „Посолъ Турецкій, который былъ на Москвѣ, еще въ Константинополь не пріѣхалъ, только прислалъ изъ Крыма человѣка къ Портѣ съ письмомъ, а что писалъ, того не знаю, но меня страшно стѣснили, заперли со всѣми людьми на дворѣ моемъ и никого ни съ двора, ни на дворъ не пускаютъ; сидѣли мы нѣсколько дней безъ пищи, потому что и хлѣба купить никого не пустили, а потомъ едва упросилъ большими подарками, что начали пускать по одному человѣку для покупки пищи. Въ это время пріѣхалъ ко мнѣ изъ Москвы переводчикъ и подъячій съ письмами и подарками отъ васъ къ визирю; письмо я визирю отвезъ и подарокъ отослалъ; визирь принялъ любезно и сдѣлалъ мнѣ маленькое послабленіе, но все же нахожусь въ тѣсномъ заключеніи, какого по пріѣздѣ моемъ сюда никогда еще не терпѣлъ. При томъ нахожусь въ большомъ страхѣ отъ своихъ дворовыхъ людей: живъ здѣсь три года, они познакомились съ Турками, выучились и языку турецкому, и такъ какъ теперь находимся въ большомъ утѣсненіи, то боюсь, что не терпя заключенія, поколеблются въ вѣрѣ, потому что бусурманская вѣра мало-

смысленныхъ очень прельщаетъ; если явится какой-нибудь Іуда, великія надѣлаетъ пакости, потому что люди мои присмотрѣлись, съ кѣмъ я изъ христіанъ близокъ и кто великому государю служитъ, какъ наприм. Іерусалимскій патріархъ, господинъ Савва (Владиславичъ Рагузинскій) и другіе; и если хотя одинъ сдѣлается ренегатомъ и скажетъ Туркамъ, кто великому государю работаетъ, то не только наши пріятели пострадаютъ, но и всѣмъ христіанамъ будетъ бѣда. Внимательно за этимъ слѣжу и не знаю какъ Богъ управитъ. У меня уже было такое дѣло: молодой подъячій Тимоѳей, познакомившись съ Турками, вздумалъ обусурманиться; Богъ мнѣ помогъ объ этобъ свѣдать, я призвалъ его тайно и началъ ему говорить, а онъ мнѣ прямо объявилъ, что хочетъ обусурманиться; я его заперъ въ своей спальнѣ до ночи, а ночью онъ выпилъ рюмку вина и скоро умеръ; такъ его Богъ сохранилъ отъ такой бѣды. Савва знаетъ объ этомъ. И теперь, опасаясь того же, я хотѣлъ было отпустить въ Москву сына своего, чтобы съ нимъ отправить тѣхъ людей, отъ которыхъ боюсь отступничества; но Турки сына моего въ Москву не отпускаютъ".

Причина великаго утѣсненія, которому подвергался Толстой, обнаружилась наконецъ: бывшій въ Москвѣ посланникомъ Мустафа-ага нажаловался на дурное обращеніе съ нимъ въ Россіи; но Толстому удалось внушить султану подозрѣніе на счетъ этихъ жалобъ, и вслѣдствіе этого съ русскимъ посланникомъ стали обращаться лучше. „По любви господина Саввы Владиславича, писалъ Толстой, имѣю такихъ пріятелей, которыя могутъ скоро узнать секреты у Порты и мнѣ объ нихъ сообщаютъ" [35].

Вообще же со стороны Турціи не было никакой опасности, и Петръ могъ сосредоточить свои силы на западѣ, перенести оружіе въ глубь Литвы и подать дѣятельную помощь королю Августу. Но прежде нежели мы послѣдуемъ за царемъ въ Литву, посмотримъ, что происходило внутри Россіи въ эти первые пять лѣтъ великой войны.

ГЛАВА II.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Внутреннее состояніе Россіи въ первые пять лѣтъ XVIII вѣка. — Характеръ правленія — Правительственныя лица. — Старые и новые чины. — Старые и новые приказы — Новая форма прошеній. — Занятіе составленіемъ новаго уложенія. — Ратуша и воеводы. — Воеводы управляютъ вмѣстѣ съ городовыми дворянами.— Финансовыя мѣры. — Монета. — Дѣятельность прибыльщика Курбатова. — Манифестъ о вызовѣ иностранцевъ въ Россіи. — Отвращеніе отъ жидовъ. — Средства образованія для Русскихъ людей. — Школы. — Книги. — Первыя вѣдомости. — Театръ — Столкновенія иностранныхъ учителей съ Русскими; дѣло Нейгебауера. — Гюйсенъ. — Мѣры для сохраненія жизни и здоровья. — Мѣры противъ пожаровъ. — Мѣры противъ семейныхъ безпорядковъ. — Запрещеніе подписываться уменьшительными именами. — Преобразованіе относительно духовенства. — Отсрочка въ избраніи патріарха. — Стефанъ Яворскій. — Монастырскій приказъ. — Мѣры относительно церковныхъ имуществъ. — Вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ. — Московская Академія. — Дѣятельность митрополитовъ — Димитрія Ростовскаго и Филоѳея Сибирскаго. — Митрофанъ Воронежскій. — Неудовольствія. — Молва о нерусскомъ царѣ — Григорій Талицкій. — Перемѣна платья. — Неудовольствія на Верху. — Астраханскій бунтъ. Дѣла на Дону и въ Запорожьѣ.

Мы видѣли уже, что съ самаго вступленія Петра въ правленіе послѣ паденія Софьи, правленіе это рѣзко отличалось отъ правленія его предшественниковъ. Прежніе цари рѣдко отлучались изъ Москвы на продолжительное время, и все дѣлалось съ доклада великому государю; Петръ и въ эпоху потѣхъ, и въ эпоху важныхъ подвиговъ былъ гостемъ на Москвѣ, и правленіе, по необходимости, продолжало находиться въ рукахъ извѣстныхъ сановниковъ первостепенныхъ, въ рукахъ бояръ. Это, разумѣется, должно было имѣть свою вредную сторону; до царя стало далеко и въ самой Москвѣ, слѣдовательно произволу правительственныхъ лицъ, не вынесшихъ изъ древней Россіи привычки сдерживаться, открывалось широкое поприще; люди, преданные Петру, сочувствовавшіе его дѣятельности, сильно тяготились боярскимъ управленіемъ и съ нетерпѣніемъ ждали конца войны, который бы далъ царю возможность управлять самому, какъ управляли его предки; эти люди

надѣялись понапрасну: мы уже имѣли случай замѣтить, что Петръ не былъ царемъ въ смыслѣ своихъ предковъ, это былъ герой-преобразователь, или лучше сказать, основатель новаго царства, новой имперіи, и чѣмъ болѣе вдавался онъ въ свою преобразовательную дѣятельность, тѣмъ болѣе терялъ возможность быть похожимъ на своихъ предковъ; при томъ же и великая война прекратилась не задолго до его смерти.

Но если была вредная сторона явленія, то не забудемъ, что здѣсь же давалось больше простора, самостоятельности; начиная отсюда, сверху проводилась вездѣ одна мысль— ставить Русскихъ людей на свои ноги, пріучать ихъ дѣйствовать самобытно. Нѣтъ сомнѣнія, что князь Яковъ Долгорукій могъ явиться только въ слѣдствіе этихъ новыхъ отношеній и привычекъ, ибо при прежнихъ отношеніяхъ на Верху мы такихъ явленій не встрѣчаемъ. Учрежденіе Сената съ тѣмъ значеніемъ, какое далъ ему Петръ, было естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ боярскаго управленія; явилось только новое слово, а дѣло было уже давно, къ дѣлу привыкли.

По списку 1705 года на Москвѣ были слѣдующіе бояре: Князь Петръ Ивановичь Прозоровскій, Князь Михайла Алегуковичь Черкаскій, Князь Петръ Ивановичь Хованскій, Князь Борисъ Ивановичъ Прозоровскій, Борисъ Гавриловичь Юшковъ, Алексѣй Петровичь Салтыковъ, Князь Петръ Большой Ивановичь Хованскій, Тихонъ Никитичь Стрѣшневъ, Степанъ Ивановичь Салтыковъ, Князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ, Иванъ Алексѣевичь Мусинъ-Пушкинъ. Кравчій — Василій Ѳедоровичь Салтыковъ. Окольничіе: Князь Ѳед. Ѳед. Волконскій, Князь Ив. Степ. Хотетовскій, Сем. Ѳед. Толочановъ, Алексѣй Тимоѳ. Лихачевъ, Мих. Тимоѳ. Лихачевъ, Князь Петръ Лук. Львовъ, Мих. Ив. Глѣбовъ, Тимоѳ Вас. Чоглоковъ. На службахъ бояре: Князь Мих Григор Ромодановскій, Князь Юрій Сем. Урусовъ, Борисъ Петровичь Шереметевъ, Ѳед. Петр. Шереметевъ, Кн. Андрей Петр. Прозоровскій, Ѳед. Алекс. Головинъ, Кравчій—Кириллъ Алекс. Нарышкинъ. Окольничіе: Князь

Ѳед. Ив. Шаховской, Князь Дмитр. Нефед. Щербатовъ Петръ Матв. Апраксинъ, Андр. Артам. Матвѣевъ, Князь Мих. Ѳед. Жировой-Засѣкинъ, Князь Мих. Андр. Волконскій, Князь Юрій Ѳед. Щербатый, Князь Петръ Григор. Львовъ. Постельничіе—Гаврила Ив. Головкинъ, Алекс. Мих. Татищевъ. Думный дворянинъ и печатникъ, Никита Моисѣевичь Зотовъ. Думные дьяки: Емел. Игнат. Украинцевъ, Гавр. Ѳед. Деревнинъ, Андр. Андр. Виніусъ [36].

Повидимому все старина: бояре, окольничіе, думные дворяне, думные дьяки! Но подлѣ стараго зданія возведено уже новое, передъ которымъ старое не преминетъ изчезнуть. Самъ царь проходитъ извѣстные чины, и этихъ чиновъ не найдемъ мы въ старинныхъ спискахъ; человѣкъ ближайшій къ царю и потому сильнѣйшій изъ вельможъ, Александръ Даниловичь Меншиковъ не имѣетъ ни одного изъ старыхъ чиновъ; людей, съ которыми мы такъ часто встрѣчались и будемъ встрѣчаться въ исторіи Петрова царствованія, Апраксина Ѳедора Матвѣевича, знаменитаго короля Ромадановскаго и другихъ не найдемъ въ спискѣ старыхъ чиновъ, это люди молодые, т. е. малочиновные, стольники; и не пойдутъ они подниматься по тяжелой лѣстницѣ старыхъ чиновъ, возьмутъ новые, которые имѣютъ значеніе въ цѣлой Европѣ. Такимъ образомъ старые бояре и окольничіе мало по малу вымрутъ безъ преемниковъ, и старые чины исчезнутъ сами собою безъ торжественнаго упраздненія.

Но пока бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ еще много; они управляютъ приказами, съѣзжаются вмѣстѣ, то въ Ближнюю Канцелярію, то въ Столовую Палату, сидятъ по прежнему о дѣлахъ, получаютъ царскіе указы, кладутъ приговоры. Приказы существуютъ по прежнему, иные съ старыми названіями, другіе преобразованы и получили новыя названія: такъ въ 1701 году приказы—иноземскій и рейтарскій соединены въ одинъ приказъ Военныхъ дѣлъ; Стрѣлецкій переименованъ въ приказъ земскихъ дѣлъ, потому что послѣ уничтоженія стрѣльцовъ въ стрѣлецкомъ приказѣ оставалось еще полицейское управленіе. Но явилось уже много новыхъ дѣлъ, и потому неудивительно, что являют-

ся новые приказы: морской, артиллеріи, рудокопныхъ дѣлъ, провіантскій, богадѣленный и т. д.; подлѣ приказовъ являются учрежденія меньшаго объема подъ именемъ канцелярій, напр. мундирная, банная канцелярія. Въ слѣдствіе новыхъ отношеній, въ какія поставилъ себя царь къ государственнымъ учрежденіямъ, въ началѣ 1700 года изданъ указъ о неподачѣ просьбъ мимо присутственныхъ мѣстъ государю, кромѣ великихъ государственныхъ дѣлъ. Въ мартѣ 1702 года издана была форма прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя: въ началѣ должно было писать: „Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій", и потомъ писать дѣло, а предъ прошеніемъ, вмѣсто милосердаго: Всемилостивѣйшій государь прошу Вашего Величества", и потомъ прошеніе, а по прошеніи совершить: „Вашего Величества нижайшій рабъ". Въ концѣ 1700 года изданъ былъ указъ: „Всякія крѣпости, для пополненія государевой казны, а паче для ослабы всенародныя волокиты и тягости, и для лучшаго усмотрѣнія, писать въ палатѣ Ивановской площади особливо прибраннымъ подъячимъ 24 человѣкамъ, для того: прежде всякія крѣпости писали въ приказахъ подъячіе, и за многими великаго государя по приличію нужными и скорыми дѣлами всякихъ чиновъ людямъ, которымъ прилучалося какія крѣпости писать, были многія волокиты и убытки, а иные изъ приказныхъ людей многіе для своего излишняго мздоиманія, отговаривались всякими приказными, будто нужными дѣлами, волочили за крѣпостьми недѣли по три и по четыре, а иные мѣсяца по два и по три, и отъ той продолжительной волокиты и за опасеньемъ, чтобъ въ продолжительное время тѣ крѣпости не утерялись, и у кого по крѣпостямъ близь срока, давали приказнымъ людямъ дачи великія. А и писали въ приказахъ многія крѣпости подъячіе изъ молодыхъ малосмысленные, не токмо что могущіе познавать во всякихъ крѣпостяхъ всѣваемыя отъ ябедниковъ плевелы, и усмотрѣвъ, оспорить, но и писать малоумѣющіе, и свидѣтели въ подпискѣ у крѣпостей являлись такіе, которыхъ и сыскать невозможно. И нынѣ въ приказахъ и въ ратушѣ никакихъ крѣпостей не писать, и

вѣдать тѣ крѣпостныя дѣла и подъячихъ въ оружейной палатѣ боярину Ѳед. Ал. Головину съ товарищи [37].

Одною изъ первыхъ обязанностей, которую государь наложилъ на бояръ, была обязанность составить новое Уложеніе; въ февралѣ 1700 года великій государь указалъ: быть у своихъ государевыхъ дѣлъ и сидѣть въ своихъ государевыхъ палатахъ боярамъ у Уложенья, и съ уложенной книги 1649 года, и съ именныхъ указовъ и съ новоуказныхъ статей, которыя о ихъ государскихъ и о всякихъ земскихъ дѣлахъ состоялись послѣ Уложенья, сдѣлать вновь, снесши Уложенье и новыя статьи, которыя состоялись сверхъ Уложенья, и которыя дѣла вершены, а въ Уложеньи и въ новоуказныхъ статьяхъ о нихъ не положено [38].

Мы видѣли, что для противодѣйствія воеводскимъ злоупотребленіямъ торговые и промышленные люди были изъяты изъ ихъ вѣдомства; учредились Ратуши и въ отдаленныхъ городахъ, но здѣсь воеводамъ тяжело было отстать отъ старыхъ привычекъ, и бурмистры Путивльской и Орловской ратушъ дали знать, что ихъ воеводы, Алымовъ и Шеншинъ, вопреки царскому указу, торговыхъ тамошнихъ и пріѣзжихъ людей вѣдаютъ, взятки съ нихъ берутъ и бьютъ ихъ, кромѣ того въ государевыхъ сборахъ и земскихъ дѣлахъ остановку чинятъ. Великій государь указалъ: взять обвиняемыхъ воеводъ въ Москву, допросить ихъ и разыскивать въ ратушѣ; поступать и впредь такимъ же образомъ въ подобныхъ случаяхъ [39]. На обвиненія бурмистровъ отвѣчать въ Московской ратушѣ передъ такими же мужиками бурмистрами должно было очень не понравиться воеводамъ. Не могло имъ понравиться и то, что власть ихъ была ограничена дворянами; въ 1702 году государь указалъ: въ городахъ губнымъ старостамъ и сыщикамъ не быть, а вѣдать всякія дѣла съ воеводами дворянамъ, тѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчиникамъ, въ большихъ городахъ по четыре и по три, а въ меньшихъ по два человѣка, и слушавъ тѣ дѣла и указъ по нихъ чинить съ ними воеводами тѣмъ дворянамъ обще, и тѣ дѣла крѣпить тѣмъ воеводамъ и имъ дворянамъ всякому своими руками,

а одному воеводѣ безъ нихъ дворянъ никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу никакого по нихъ не чинить [40].

Издержки сильно увеличивались въ слѣдствіе тяжелой и затянувшейся войны, въ слѣдствіе новыхъ учрежденій, въ слѣдствіе платежа союзнику, Польскому королю, въ слѣдствіе расширенія дипломатической дѣятельности: при разныхъ дворахъ нужно было содержать постоянныхъ министровъ, которые тратили деньги на подкупы. Напримѣръ, въ 1704 году Матвѣеву въ Гагѣ жалованья было по 15,000 гульденовъ, въ годъ; а расходы его простирались до 27193 гульденовъ, и именно: на наемъ квартиры 2200, на столъ 1560, на случайные столы 1500, на дрова 1000, на мытье платья 200, на освѣщеніе 500, на дворовую чистку 60, на десять лошадей 2600, кузнецу и на починку экипажей 200; прислуги у него было: гофмейстеръ, докторъ, лѣкарь, камердинеръ, пажи, поваръ, портьеръ, 10 лакеевъ, 4 дѣвки работныхъ [41]. При увеличеніи государственныхъ расходовъ надобно было обращать особенное вниманіе на увеличеніе доходовъ: въ 1700 году отнято было право у владѣльцевъ мѣстъ, гдѣ производились торжки, брать пошлину на себя, пошлина стала идти въ казну [42]. Въ томъ же году изданъ указъ: тарханы, съ кого пошлинъ не имано, всѣ отставить, и брать пошлины всякаго чина со всѣхъ по торговому уставу и по новоуказнымъ статьямъ равныя. Въ 1704 году велѣно всѣ постоялые дворы отписать на государя и, оцѣня, отдавать на откупъ, а владѣльцамъ дворовъ выдать деньги по оцѣнкѣ добрыхъ и знающихъ людей, усматривая въ томъ дѣлѣ истины, чтобъ никто обидимъ не былъ, а деньги за дворы выданы будутъ безъ задержанія [43]. Доходы могли увеличиться съ усиленіемъ промышленности и торговли, но это усиленіе не могло произойти вдругъ, вслѣдствіе только правительственныхъ распоряженій. Мы видѣли, что Петръ предписалъ купецкимъ людямъ торговать также, какъ торгуютъ иностранные купцы, компаніями. Голландцы встревожились, и резидентъ Штатовъ Фанъ-деръ-Гульстъ просилъ у своего правительства инструкціи, какъ просить царя объ отмѣненіи закона о компаніяхъ; но тре-

вога была напрасная: въ маѣ 1700 года Фанъ-деръ-Гульстъ писалъ въ Голландію: „что касается торговли компаніями, то это дѣло пало само собою: Русскіе не знаютъ, какъ приняться и начать такое сложное и трудное дѣло. Я просилъ прежде, чтобъ прислана была мнѣ инструкція на этотъ счетъ; но если я получу теперь эту инструкцію, то замедлю ея исполненіемъ, ибо, по вашему требованію, царь уничтожитъ дѣло, котораго невозможность уже признана, и покажетъ видъ, что онъ это сдѣлалъ для васъ [44].

Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связывался вопросъ о монетѣ. До сихъ поръ монетное дѣло въ Россіи было въ жалкомъ состояніи; счетъ производился рублями, алтынами и деньгами, но монеты, соотвѣтствующей рублямъ и алтынамъ не было, ходили только серебряныя копѣйки и полукопѣйки или денежки безобразнаго вида; да и денежекъ въ обращеніи было такъ мало, что во многихъ городахъ, для размѣна въ мелкихъ торгахъ, пересѣкали копѣйки на двое, на трое, а въ Калугѣ и другихъ городахъ, вмѣсто серебряныхъ денежекъ, торговали кожаными и другими жеребьями. „Для соблюденія серебряныхъ копѣекъ, чтобъ въ городахъ за умаленіемъ серебряныхъ денежекъ, копѣекъ не сѣкли и кожеными и иными жеребьми не торговали, и въ пошлинномъ сборѣ за мелкою размѣною лишняго ничего не переходило", въ мартѣ 1700 года государь указалъ дѣлать мѣдныя денежки, полушки и полуполушки. Потомъ велѣно было чеканить золотые червонцы, одинокіе и двойные, съ портретомъ государя на одной сторонѣ и государственнымъ гербомъ на другой; серебряные полтинники, полуполтинники и гривенники, наконецъ рубли. Такимъ образомъ въ Россіи явилась своя крупная золотая и серебряная монета. До 1700 года на Московскомъ монетномъ дворѣ выбивалось серебряной монеты въ годъ отъ 200 до 500,000 рублей; въ 1700 году выбито 1,992,877; въ 1701 году 2,559,885, а въ 1702 году 4,534,194 рубля [49]. Объ отношеніи Русскихъ денегъ къ иностраннымъ мы знаемъ, что въ 1704 году иностранные купцы покупали въ Голландіи дукатъ по рублю десяти денегъ, въ Москвѣ прода-

вали по рублю сорока; за переводъ для Русскихъ, жившихъ за границею, брали 13 алтынъ по 4 деньги на томъ основаніи, что Русская монета стала легче въ вѣсу. — Золоту и серебру Петръ велѣлъ въ 1700 году установить четыре пробы, и сдѣлать для всѣхъ пробъ разные клейма съ означеніемъ пробы и года; при этомъ велѣно: избрать изъ знатныхъ и искусныхъ серебряныхъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ Москвѣ старостъ, а выбору ихъ быть за руками торговыхъ и мастеровыхъ людей; дать этимъ старостамъ пробы и клейма и велѣть смотрѣть, чтобъ всякія золотыя и серебряныя вещи были добротою противъ установленныхъ пробъ, клеймить ихъ и записывать въ книгу, означая именно, чей товаръ, въ какомъ дѣлѣ и сколько въ какой вещи вѣсу, и по этой запискѣ брать пошлину, смотря по искусству работы: съ лучшей по 10, средней по 7, съ нижней по 4 копѣйки съ фунта. Всѣхъ торгующихъ серебряными и золотыми вещами, также и мастеровъ переписать и собрать по нихъ поручныя записки, въ которыхъ писать, чтобъ мастера дѣлали, и торговые люди покупали золотыя и серебряныя вещи противъ пробъ. Староста не долженъ клеймить вещи, прежде нежели самъ мастеръ не заклеймитъ ея своимъ клеймомъ, съ означеніемъ года [46].

Въ 1704 году знаменитый прибыльщикъ, изобрѣтшій гербовую бумагу, Алексѣй Александровичъ Курбатовъ, бывшій дьякомъ Оружейной палаты, открылъ воровское (фальшивое) серебро въ серебряномъ ряду. Продавецъ, видя бѣду, принесъ Курбатову 300 рублей денегъ, да подъячимъ 150, прося загладить его воровство. Курбатовъ принялъ деньги, какъ доказательство преступленія, и началъ разыскивать Оказалось много виновныхъ и велѣно было сдать дѣло въ Преображенскій приказъ къ страшному королю Ромадоновскому. Курбатовъ сильно обидѣлся и написалъ любопытное письмо государю: „Князь Ѳедоръ Юрьевичъ (Ромодановскій) писалъ мнѣ письмо, писанное ко мнѣ отъ Ѳедора Алексіевича (Головина), въ которомъ твоимъ государевымъ повелѣніемъ написано, чтобъ дѣло въ составѣ воровскаго серебра отдать мнѣ въ Преображен-

ское, которое дѣло я отдаю. Точію, государь, зѣло скорблю сердцемъ моимъ, что трудъ мой всеусердный и вѣрное того дѣла основаніе вижду изничтожается, и для чего отъ меня взято, о томъ мнѣ не явлено, слабость ли въ томъ дѣлѣ моя явилась или невѣрность. О началѣ того дѣла и о моихъ подъ подлогомъ взяткахъ вѣрнѣйшему твоему государеву рабу Александру Даниловичу (Меншикову) явихъ, и неоднократно; и впредь не точію о семъ дѣлѣ, но и о всѣхъ моихъ усердіяхъ являти ему не престану, понежи вижду истинно избранъ ти отъ Бога сосудъ есть. Благоволи милостивно вняти, почему невозможно сему дѣлу быть въ Преображенскомъ. Яковъ Якимовъ явился въ томъ же серебра воровствѣ, о которомъ самъ князь Ѳедоръ Юрьевичь присылалъ стряпчаго своего говорить, чтобъ ему въ томъ дѣлѣ послабить. Дочь его, призвавъ меня въ домъ свой, о томъ же говорила; Кирила Матюшкинъ, который у него живетъ, не имѣя никакого дѣла, многажды о тѣхъ же ворахъ стужалъ, чтобъ мнѣ являть слабость, и бѣдство знатно по той ненависти наведено бѣднымъ того дѣла подъячимъ; Иванъ Суворовъ стужалъ многажды, едва не о первомъ ворѣ просилъ, и что въ томъ его не послушали грозилъ на стараго въ томъ дѣлѣ подъячаго: попадется де скоро къ намъ въ Преображенское! Подъячей Петръ Исаковъ также просилъ о иномъ. Мать Ѳедора Алексѣевича (Головина) присылала съ грозами, спрашивая, по какому я указу въ томъ разыскиваю, и отъ иныхъ многихъ непрестанное было стужаніе. Однакожь я пребывалъ въ той бѣдѣ нимало ихъ слушая; нынѣ колодники объ отсылкѣ въ Преображенское всѣ возрадовались, и изъ нихъ нѣкоторые бранили меня и говорили подъячему: что де вы взяли и исцовали де въ дѣлѣ, а выторговали кл...! и хвалились говоря: лихо де намъ было здѣсь, а въ Преображенскомъ де намъ будетъ скорая свобода: дьяки де и подъячіе тамъ намъ друзья. Хотя князь Ѳедоръ Юрьевичъ неправды сдѣлать и не похочетъ, но чрезъ доношенія и заступы учинятъ желатели неправды по своей волѣ. Ей, всемилостивѣйшій государь, одинъ безъ всякаго порока предъ то-

бою вѣрнѣйшій твой при тебѣ рабъ Александръ Даниловичь, прочіе же всѣ не безъ причины [47]." Князь Ромодановскій, въ свою очередь, обвинилъ Курбатова и подъячихъ Оружейной палаты во взяткахъ; Курбатовъ объяснилъ, что принялъ взятку нарочно, для доказательства вины принесшаго, и представилъ списокъ подаркамъ, которые получилъ за дѣла вершеныя [48], ибо такіе подарки не считались тогда противозаконными.

Знаменитый прибыльщикъ зоркими глазами смотрѣлъ всюду, какъ бы учинить прибытокъ казнѣ великаго государя. Лѣтомъ 1704 года купецъ гостиной сотни Нѣмчиновъ донесъ ему слѣдующее: торговые люди подаютъ сказки о торгахъ и пожиткахъ своихъ въ монастырскій приказъ, и многіе пишутъ неправду, напримѣръ Шустовы — Матвѣй да Ѳедоръ Семеновы, которые пишутъ въ сказкѣ своей, будто у нихъ всякихъ пожитковъ только тысячи на двѣ или на три и разорены всеконечно, а у нихъ, знаетъ онъ, пожитковъ дѣдовъ ихъ умершихъ въ селѣ Дѣдиновѣ близь сорока тысячь золотыхъ червонныхъ, да нѣсколько десятковъ тысячь рублей денегъ; а они Шустовы люди непостоянные: имѣя такое богатство, о немъ небрегутъ, и пьянствомъ своимъ истощаютъ, а не умножаютъ, и если ихъ не обуздать, то и до конца такое великое богатство истребятъ, и потому пусть великій государь укажетъ изъ Палаты Оружейной послать съ нимъ Нѣмчиновымъ подъячаго вѣрнаго да 20 или 30 человѣкъ солдатъ, и онъ тѣ золотые и деньги вынетъ. Курбатовъ далъ знать объ этомъ Меншикову, и, по его письму, послалъ подъячаго Хрипунова съ солдатами и Нѣмчиновымъ въ Дѣдиново. Хрипуновъ вынулъ у Шустовыхъ въ нежилыхъ палатахъ коробку, задѣланную межъ половъ и сводовъ: въ ней оказалось червонныхъ вѣсомъ четыре пуда шесть фунтовъ, да Китайскаго золота въ коробкахъ и кускахъ семь фунтовъ 13 золотниковъ, да въ гнилыхъ кулькахъ и мѣшкахъ старыхъ денегъ 14 пудъ 8 фунтовъ, да подъ тѣмъ же поломъ старыхъ денегъ 52 пуда 27 фунтовъ да 39 пудъ 6 фунтовъ. Самихъ Шустовыхъ

привезли въ Москву, и въ Монастырскомъ приказѣ передъ бояриномъ Мусинымъ-Пушкинымъ они сказали: слышали они отъ дѣда своего Василья, что положилъ онъ въ казенную палату, что на ихъ дворѣ въ селѣ Дѣдиновѣ денегъ съ 30,000 рублей да золотыхъ семнадцать ли тысячь или 27, а сколько подлинно денегъ и золотыхъ въ той палатѣ было, того они точно сказать не умѣютъ, потому что они остались послѣ дѣдовъ и отца своего въ малыхъ лѣтахъ, а денегъ тѣхъ и золотыхъ въ той палатѣ сами они не видали, а запечатана она была печатью дѣда ихъ Василья. — Но Хрипуновъ не удовольствовался только тѣми деньгами, счета которымъ сами Шустовы не знали или притворились, что не знали: онъ побралъ и въ жилыхъ палатахъ, въ сундукахъ жены Шустова деньги, серебряную посуду. Все это отослано въ Оружейную палату и явлено боярину Головину. Меншиковъ писалъ Курбатову: „Государь тебя и Нѣмчинова пожаловалъ, велѣлъ вамъ дать жалованья изъ Шустовыхъ денегъ по 5000 рублей: и ты надлежащее себѣ возьми, а Нѣмчинову выдай по разсмотрѣнію, буде доведется, и если ни въ чемъ онъ не приличенъ; а что у Шустовыхъ въ палатахъ (т. е. жилыхъ) взято, и то все вели имъ выдать съ роспискою". — Оказалось, что Нѣмчиновъ приличенъ къ дѣлу о воровскомъ серебрѣ, и деньги ему не отданы; на его долю старыхъ денегъ вымѣнено новыхъ 5764 рубля 27 алтынъ 5 денегъ, и пошли они на разные расходы, напримѣръ выдано изъ нихъ 200 рублей Родіону Исаеву, Ивану Посошкову, Ивану Фирсову на новозаводство картнаго промысла (фабрикація игральныхъ картъ). — Кромѣ Курбатова въ 1704 году явились новые прибыльщики, такого же происхожденія, какъ и Курбатовъ: Степанъ Вараксинъ, человѣкъ князя Бор. Алекс. Голицына; Василій Ершовъ, человѣкъ Князя Черкаскаго; Алексѣй Яковлевъ, человѣкъ думнаго дворянина Хрущова, и многіе другіе: по государеву указу велѣно имъ „сидѣть и чинить государю прибыли" [49]. Изъ нихъ Ершовъ былъ въ послѣдствіи Московскимъ вице-губернаторомъ.

Нужны были деньги на войну; нужны были люди, и людей брали отовсюду. Въ февралѣ 1700 года государь указалъ: всякихъ чиновъ людямъ сказать: кто хочетъ людей и крестьянъ своихъ отпускать на волю, и тѣмъ людямъ и крестьянамъ давать отпускныя, и съ тѣми отпускными приводить ихъ въ приказъ холопья суда, а изъ того приказу такихъ отпущенныхъ и вольныхъ людей и крестьянъ, и которымъ людямъ отпускныя довелось дать, изъ приказу холопья суда отсылать въ Преображенское, и которые изъ нихъ годятся въ службу, и тѣхъ писать въ солдаты, и которые въ солдаты не годятся, и на тѣхъ людей и крестьянъ указалъ великій государь по прежнимъ своимъ указамъ, давать изъ приказу холопья суда на кабальныхъ людей кабалы, а на крестьянъ ссудныя записи, къ кому они идти похотятъ. Нужны были люди и для населенія новопріобрѣтенныхъ городовъ: для этого въ 1701 году не велѣно было отдавать неплатящихъ должниковъ въ заживъ заимодавцамъ; но велѣно было отсылать ихъ съ семействами на вѣчное житье въ Азовъ. Въ 1703 году велѣно было казнить смертію только тѣхъ разбойниковъ, которые совершили смертоубійство; тѣхъ же, которые уличены хотя и во многихъ разбояхъ, но не совершили смертоубійства, велѣно ссылать въ Азовъ на работу. Тогда же вмѣсто Сибири велѣно ссылать всѣхъ преступниковъ въ Азовъ [50]. Смертная казнь назначена за измѣну, бунтъ, убійство и отравленіе; за остальныя воровства кнутъ и ссылка въ Азовъ на каторгу.

Внутреннее спокойствіе и внѣшняя безопасность посредствомъ хорошо устроеннаго войска, и обогащеніе страны посредствомъ торговли — вотъ двѣ цѣли дѣятельности Петра, какъ онъ это ясно высказалъ въ знаменитомъ манифестѣ своемъ о вызовѣ иностранцевъ въ апрѣлѣ 1702 года: „Довольно извѣстно во всѣхъ земляхъ, которыя Всевышній нашему управленію подчинилъ, что со вступленія нашего на сей престолъ всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобъ всѣ наши подданные, попе-

ченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ, болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе; на сей конецъ мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствіе, защитить государство отъ внѣшняго нападенія и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цѣли мы побуждены были въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и къ благу земли нашей служащія перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научаться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ. Чего ради мы всѣ, наипаче къ споспѣшествованію торговли съ иностранцами необходимыя приказанія, распоряженія и учрежденія всемилостивѣйше учинили и впредь чинить намѣрены; поелику же мы опасаемся, что дѣла сіи не совсѣмъ еще въ такомъ положеніи находятся, какъ бы мы того желали, и что наши подданные не могутъ еще въ совершенномъ спокойствіи насладиться плодами трудовъ нашихъ, того ради помышляли мы о другихъ еще способахъ, какъ бы обезопасить предѣлы наши отъ нападенія непріятельскаго и сохранить права и преимущества нашего государства и всеобщее спокойствіе въ христіанствѣ, какъ то христіанскому монарху слѣдуетъ. Для достиженія сихъ благихъ цѣлей мы наипаче старались о наилучшемъ учрежденіи военнаго штата, яко опоры нашего государства, дабы войска наши не токмо состояли изъ хорошо обученныхъ людей, но и жили въ добромъ порядкѣ и дисциплинѣ; но дабы сіе тѣмъ болѣе усовершенствовать и побудить иноземцевъ, которые къ сей цѣли содѣйствовать и къ таковому улучшенію способствовать могутъ, купно съ прочими государству полезными художниками къ намъ пріѣзжать, и какъ въ нашей службѣ, такъ и въ нашей землѣ оставаться, указали мы сей манифестъ съ нижеписанными пунктами повсюду объявить и, напечатавъ, по всей Европѣ обнародовать". Иностранцы приглашались въ Россію на слѣдующихъ условіяхъ: совершенно свободный въѣздъ, безопасность на пути и содѣйствія всякаго рода; свободное отправленіе вѣры; иноземцы не подвергаются суду и

наказаніямъ по обычаю Русскому, для чего учреждается Тайная военнаго совѣта коллегія, которая будетъ чинить правосудіе, во первыхъ, по законамъ божескимъ, а потомъ по Римскому гражданскому праву и другимъ народнымъ обычаямъ милостиво. Но, призывая отовсюду искусныхъ иностранцевъ, Петръ только для одного народа дѣлалъ постоянное исключеніе, для Жидовъ: „Я хочу, говорилъ онъ, видѣть у себя лучше народовъ Магометанской и языческой вѣры, нежели Жидовъ. Они плуты и обманщики. Я искореняю зло, а не распложаю; не будетъ для нихъ въ Россіи ни жилища, ни торговли, сколько о томъ ни стараются, и какъ ближнихъ ко мнѣ ни подкупаютъ". Вѣсти изъ Малороссіи не могли внушить Великороссіянамъ расположенія къ принятію Жидовъ. Въ 1702 году 10 марта къ Черниговскому коменданту прислалъ полковникъ Лизогубъ письмо, въ которомъ говорилось, что въ Черниговскомъ уѣздѣ, въ мѣстечкѣ Городнѣ Жиды замучили христіанина, и кровь разсылали по разнымъ Жидамъ, живущимъ въ Малороссійскихъ городахъ. Передъ судомъ въ Черниговѣ Жидъ Давидъ безъ пытки признался, что онъ съ свoякомъ своимъ Яковомъ замучилъ христіанина; объявилъ, что многіе Жиды собирались въ селѣ Жуковцѣ въ корчмѣ о своемъ жидовскомъ праздникѣ, именно на Трупки, было ихъ человѣкъ сорокъ слишкомъ, и просили его Давида, чтобъ онъ добылъ на праздникъ Пейсаръ крови христіанской, что онъ и исполнилъ. Яковъ также признался безъ пытки [51].

Какъ видно изъ манифеста объ иностранцахъ, перемѣны, преобразованія клонились къ тому, чтобъ Русскіе люди могли научаться до тѣхъ поръ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ, а познанія должны были сдѣлать ихъ искуснѣе во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ. Понятно, что при такомъ практическомъ взглядѣ Петру не нравился характеръ Московской Академіи, которая не была спеціальнымъ духовнымъ училищемъ, а свѣтскихъ людей выпускала безъ тѣхъ познаній, въ какихъ особенно нуждался царь; ему нужно было такую школу, изъ которой бы, „во всякія пот-

ребы люди происходили, въ церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строеніе и докторское врачевское искусство[52]“, какъ онъ говорилъ патріарху Адріану. Но такая школа могла основаться только черезъ пятьдесятъ лѣтъ слишкомъ; пока надобно было довольствоваться двумя способами выучиванія Русской молодежи необходимымъ познаніямъ, отсылкою за границу и заведеніемъ въ Москвѣ школъ, гдѣ бы иностранные учителя выучивали предметамъ первой тогда необходимости; явились школы Математическая и Навигацкая, гдѣ первыми преподавателями были Англичане—Фарварсонъ, Гвинъ и Грейсъ. Школы эти находились въ вѣдѣніи Оружейной палаты, т. е. адмирала Головина и дьяка Курбатова. Отъ 1703 года дошло до насъ любопытное письмо Курбатова къ Головину о состояніи школъ: „По 16 іюля, пишетъ Курбатовъ, прибрано и учатся 200 человѣкъ, и признается, что Англичане учатъ ихъ той наукѣ чиновно, а когда временемъ и загуляются или, по своему обыкновенію, по часту и долго проспятъ. Имѣемъ, по приказу милости твоей, опредѣленнаго имъ помоществователемъ Леонтія Магницкаго, который непрестанно при той школѣ бываетъ, и всегда имѣетъ тщаніе не только къ единому ученикамъ въ наукѣ радѣнію, но и ко инымъ къ добру поведеніямъ, въ чемъ тѣ Англичане, видя въ школахъ его управленіе не послѣднее, обязали себя къ нему Леонтію ненавидѣніемъ, такъ что уже просилъ онъ Леонтій отъ частаго ихъ на него гнѣвоиманія отъ школы себѣ свободности; однакожъ я, вѣдая, что ему ихъ ради гнѣвоиманія отъ школы свободну быти не доведется, приказалъ ему о всякихъ поведеніяхъ сказывать до пріѣзда вашей милости мнѣ, и я, пріусматривая, что онъ приноситъ о порядкѣ совершенномъ, призвалъ ихъ въ палату и самъ къ нимъ ѣздя по часту, говорю; а дѣло изъ нихъ призналъ я въ одномъ Андреѣ Фарварсонѣ, а тѣ два хотя и навигаторы написаны, только и до Леонтья наукою не дошли“. Потомъ Курбатовъ писалъ: „Прибрано учениковъ со 180 человѣкъ человѣкъ охотниковъ всякихъ чиновъ людей и учатся всѣ ариѳметикѣ, изъ которыхъ че-

ловѣкъ съ десять учатъ радиксы и готовы совершенно въ геометрію, только имѣемъ нужду въ лишеніи инструментовъ, и если изволишь, хорошобъ заповѣдать указомъ такихъ инструментовъ у города (Архангельска) не продавать всякихъ чиновъ людямъ, а брать на школы; а по письму твоей милости если вывезено будетъ 60 человѣкомъ инструментовъ, и нынѣшней годъ такимъ числомъ пробавимся безъ нужды, а впредь надобно еще отписать, чтобъ вывезено было той же науки хотя сту человѣкомъ инструментовъ, или какъ воля твоя, для того что въ ариѳметикѣ ученики не долго пробавятся, а въ геометріи безъ инструментовъ быти невозможно. А нынѣ многіе изъ всякихъ чиновъ и прожиточные люди припознали тоя науки сладость, отдаютъ въ тѣ школы дѣтей своихъ, а иные и сами недоросли и рейторскіе дѣти и молодые изъ приказовъ подъячіе приходятъ съ охотою немалою, и когда наполнится число 200 человѣкъ, а приходить будутъ нарочитые, примать ли сверхъ двухъ сотъ человѣкъ и коликому числу совершенно быть? — прошу о томъ опредѣленія указомъ. Навигатскихъ наукъ учениковъ посажено и учатся въ геометріи 12 человѣкъ, а еще поспѣваютъ человѣкъ съ 20; точію доношу о семъ, что учители учатъ нерадѣтельно, а ежели бы не опасались Магницкаго, многое бы у нихъ было продолженіе, для того, что которые учатся остропонятно, тѣхъ бранятъ и велятъ дожидаться меншихъ; только я ему Магницкому молчать имъ не велѣлъ, а меньшой учитель рыцарь Грейсъ никчему негодный въ непостоянствѣ всякомъ и въ плутовствѣ б..... и учениковъ потворствуетъ, и самъ большой учитель его не любитъ.“

Въ 1704 году Курбатовъ долженъ былъ отстаивать учениковъ отъ судьи Военнаго приказа, Т. Н. Стрѣшнева: „Нынѣ писалъ Курбатовъ Головину, учениковъ беретъ въ разрядъ Тихонъ Никитичь и хочетъ писать въ драгуны безъ всякаго разбора: и ежели побраны они будутъ въ драгуны или солдаты, то уже совершенно трехлѣтній ихъ трудъ погибнетъ напрасно, также и расходъ на нихъ кормовою дачею денегъ. О семъ благоволи мнѣ учинить указъ,

и чтобъ они ученики были какъ и прежде вѣдомы въ одной оружейной палатѣ, а отъ разряднаго тасканья были свободны“ [53].

Въ 1703 году завелась было въ Москвѣ школа и съ другимъ характеромъ; основателемъ ея былъ плѣнный Маріенбургскій пасторъ Глюкъ, выучившійся еще на родинѣ по Русски съ помощію одного монаха изъ пограничнаго Псковскаго Печерскаго монастыря; Глюкъ намѣренъ былъ обучать Русскихъ юношей, „аки мягкую и всякому изображенію угодную глину“ географіи, ѳѳикѣ, политикѣ, латинской реторикѣ съ ораторскими упражненіями; философіи Картезіанской, языкамъ греческому, еврейскому, сирскому и халдейскому, французскому, нѣмецкому и латинскому, танцовальному искусству и поступи нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ, рыцарской конной ѣздѣ и берейторскому обученію лошадей. Глюкъ приготовилъ для своей школы на Русскомъ языкѣ Лютеровъ катихизисъ, молитвенникъ, нѣмецкую грамматику, словарь языковъ русскаго, нѣмецкаго, латинскаго и французскаго и коменіево введеніе къ изученію языковъ. Глюкъ умеръ въ 1705 году и школа его перешла въ завѣдываніе Іоанна Вернера Пауза [54].

Для школъ и для распространенія свѣдѣній между любознательными взрослыми людьми нужны были книги на Русскомъ языкѣ, книги недорогія, распространявшіяся посредствомъ печатанія. Во время пребыванія своего въ Голландіи Петръ сблизился съ семействомъ Тессинговъ, и одинъ изъ троихъ братьевъ, Иванъ Тессингъ выпросилъ у царя привилегію на заведеніе Русской типографіи: „Мы, великій государь, (говорится въ жалованной грамотѣ 10 февраля 1700 года) Ивана Тесинга пожаловали, повелѣли ему въ городѣ Амстердамѣ печатать Европейскіе, Азіатскія и Американскія земныя и морскія картины и чертежи и всякіе печатные листы и персоны, и о земныхъ и морскихъ ратныхъ людяхъ, математическія, архитектурскія и городостроительныя и иныя художественныя книги на Славянскомъ и на Голландскомъ языкѣ вмѣстѣ, также Славян-

скимъ и Голландскимъ языкомъ порознь по особну, кромѣ церковныхъ Славянскихъ Греческаго языка книгъ, потому что книги церковныя Славянскія Греческія, со исправленіемъ всего православнаго устава Восточныя церкви, печатаются въ Москвѣ, и кромѣ таблицъ съ написаніемъ въ чертежахъ и въ книгахъ Сибирскому царствію и Ногайскому владѣнію городамъ и землямъ и рѣкамъ на Славянскомъ и на Голландскомъ языкахъ, потому что на это дана грамота Голстейнцу Елизарью Избранту [55]. А напечатавъ ему, Ивану Теснигу въ Амстердамѣ тѣ чертежи, и персоны и книги за подписью и за клеймомъ своимъ, привозить въ наши государства и земли куда похочетъ съ нынѣшняго 1700 году считая впредь 15 лѣтъ; а пошлины съ продажи тѣхъ печатныхъ листовъ и книгъ имать у города Архангельскаго по осьми денегъ съ рубля, а на Москвѣ съ тѣми чертежами и листами являться въ государственномъ Польскомъ приказѣ, а продавать, гдѣ похотятъ, повольною торговлею. И видя ему Ивану Тесенгу къ себѣ нашу царскаго величества премногую милость и жалованье, въ печатаніи тѣхъ чертежей и книгъ показать намъ службу свою и прилежное радѣніе, чтобъ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славѣ нашему превысокому имени и всему Россійскому нашему царствію, межъ Европейскими монархи къ цвѣтущей наивящшей похвалѣ и ко общей народной пользѣ и прибытку, и къ обученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію, а пониженья бъ нашего царскаго величества превысокой чести и государствъ нашихъ къ славѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было [56].

Дѣло не пошло успѣшно, какъ предугадывали опытные современники иностранные, которые не думали, „чтобъ Тессингъ что нибудь сдѣлалъ, развѣ захочетъ человѣкъ, болѣе ученый, вмѣшаться въ это дѣло и сдѣлаться товарищемъ по предпріятію, чего очень бы хотѣлось Тессингу; но трудно ему будетъ сыскать такого человѣка. Притомъ же Москвитяне нисколько этимъ не интересуются: они все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду царю, а умри онъ — прощай наука“ [57]!

Гораздо замѣтнѣе была дѣятельность Ильи Копіевскаго или Копіевича, который сначала занимался вмѣстѣ съ Тессингомъ, но потомъ отдѣлился. Копіевскій издалъ много учебниковъ и переводовъ, которые, на первыхъ порахъ, могли быть полезны Русскимъ людямъ, незнавшимъ иностранныхъ языковъ [58]. Мы привели отзывъ Курбатова о Русскомъ учителѣ математико-навигацкихъ школъ, Леонтіи Магницкомъ. Этотъ Магницкій въ 1703 году издалъ книгу: „Ариѳметика, сирѣчь наука числительная. Съ разныхъ діалектовъ на Славянскій языкъ переведенная, и въ едино собрана, и на двѣ книги раздѣлена.... Въ богоспасаемомъ царствующемъ градѣ Москвѣ типографскимъ тисненіемъ ради обученія мудролюбивыхъ россійскихъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена". Въ 1704 году вышелъ въ Москвѣ: „Лексиконъ треязычный, сирѣчь реченій славянскихъ, еллиногреческихъ и латинскихъ сокровище". Лексиконъ составленъ Поликарповымъ, разсмотрѣнъ и дополненъ Стефаномъ Яворскимъ, Рафаиломъ Краснопольскимъ (ректоромъ Московской Славяно-Латинской академіи) и братьями Лихудами.

Послѣ школъ и книгъ третьимъ могущественнымъ средствомъ для умственнаго развитія, для расширенія умственной сферы Русскаго человѣка, могущественнымъ средствомъ для уничтоженія прежней замкнутости и застоя было сообщеніе свѣдѣній о томъ, что дѣлается въ Россіи и въ другихъ земляхъ. До Петра знать, что дѣлалось у себя и въ чужихъ странахъ было привилегіею правительства; извлеченіе изъ иностранныхъ газетъ (куранты) составлялись для царя и немногихъ приближенныхъ особъ и бережно хранились, какъ тайна. Петръ хотѣлъ, чтобъ всѣ Русскіе люди знали, что дѣлается на свѣтѣ. 17 декабря 1702 года великій государь указалъ: по вѣдомостямъ о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія Московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ, печатать куранты, и для печати тѣхъ курантовъ, вѣдомости, въ которыхъ приказахъ о чемъ нынѣ какія есть и впредь будутъ, присылать въ монастырскій приказъ, откуда тѣ вѣ-

домости отсылать на Печатный дворъ [59]. Указъ былъ исполненъ, и съ 1703 года начались издаваться въ Москвѣ куранты подъ заглавіемъ: „Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ. На первомъ же листкѣ, въ слѣдъ за извѣстіемъ, сколько вылито пушекъ въ Москвѣ, вѣдомости объявили, что „повелѣніемъ его величества Московскія школы умножаются, и сорокъ пять человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили. Въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добрѣ науку пріемлютъ. На Москвѣ ноября съ 24 числа по 24 декабря родилось мужескаго и женскаго полу 386 человѣкъ. Въ Китайскомъ государствѣ езуитовъ велми не стали любить за ихъ лукавство, и иные изъ нихъ и смертію казнены. Силы казацкія подъ полковникомъ Самусемъ ежедневно умножаются, вырубя въ Немировѣ коменданта, съ своими ратными людьми городъ овладѣли, уже намѣренъ есть Бѣлую Церковь добывать“. — Въ серединѣ года уже встрѣчаемъ извѣстія изъ „новыя крѣпости Петербурга“. Иностранныя извѣстія о русскихъ событіяхъ помѣщались цѣликомъ безъ всякихъ примѣчаній.

Не забыто было и четвертое средство для народнаго развитія. Какъ до Петра куранты составлялись только для царскаго употребленія, такъ и сценическія представленія давались только для потѣхи великаго государя: Петръ и то и другое ввелъ въ народное употребленіе. Какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ тѣшили великаго государя Нѣмцы, у которыхъ начальникомъ былъ Яганъ Годфридъ, такъ и при Петрѣ въ 1701 году комедіантъ Иванъ Сплавскій отправленъ былъ за границу и вывезъ въ Москву Ягана Куншта съ труппою его актеровъ; Кунштъ скоро умеръ и на его мѣстѣ видимъ Артемія Фюрста. Какъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ брали подъячихъ и отсылали къ магистру Ягану Годфриду для наученія комедійнаго дѣла: такъ и теперь, въ 1702 году набрали подъячихъ изъ разныхъ приказовъ и отдали Куншту, который обязался „ихъ

всякимъ комедіямъ учить съ добрымъ радѣніемъ и со всякимъ откровеніемъ". Но разница между временемъ царя Алексѣя и временемъ царя Петра состояла въ томъ, что при Петрѣ построена была деревянная комедіальная храмина на Красной площади —для всѣхъ. Играли о крѣпости Грубстона, въ ней же первая персона Александръ Македонскій; Сципій Африканскій—погубленіе королевы Софонизбы; о графинѣ Тріерской Геновевѣ; два завоеванные городы, въ ней же первая персона Юлій Кесарь; порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитера; о Баязетѣ и Тамерланѣ; Докторъ принужденный (Le Medicin malgré lui—Мольера); играли пьесы, нарочно составленныя по случаю какого-нибудь важнаго событія, торжества, напр. въ 1703 году по случаю взятія Орѣшка. Кромѣ этого всенароднаго театра театральныя представленія давались еще учениками Славяно-Латинской академіи (новосіяющихъ Славяно-Латинскихъ Аѳинъ); здѣсь пьесы имѣютъ религіозное содержаніе; но къ этому содержанію примѣшиваются политическіе намеки, напр. въ комедіи О второмъ пришествіи Господнемъ является королевство Польское, укоряющее сенаторовъ лядскихъ о погибели многихъ странъ, ради самовольнаго и гордыннаго несогласія и распри междоусобныя.

Все это, и школы и книги, и вѣдомости и театръ представляли начатки, слабыя, грубыя. Старые нравы общества, которое начало преобразовываться, отражались повсюду, ученики школъ вели себя какъ нельзя хуже, актеры изъ Русскихъ подъячихъ безчинствовали. Иностранные медики сталкивались съ музыкантами. Докторъ Бидлоо писалъ Головину: „Изволилъ ваша шляхетность по милости своей ко мнѣ иностранцу немалое почтеніе явить, чего я недостоинъ; по этой милости преданъ мнѣ былъ толмачь, безъ котораго я не могу никакого повелѣнія вашего выразумѣть и исполнить; теперь дьяки отняли у меня этого толмача и велѣно ему быть у музыкантовъ. Бывши въ приказѣ, я говорилъ дьякамъ, что невозможно мнѣ безъ толмача быть. Они отвѣчали, чтобъ я другаго толмача сы-

скалъ, какъ и другіе доктора своихъ держатъ: по ихъ выходитъ, что музыканты исправляютъ дѣло его величества, а я только свое. Прошу ваше превосходительство, чтобъ какъ прежде, такъ и теперь я сравненія съ музыкантами не имѣлъ" [60]. А учителя-иностранцы? Между ними и Русскими не обошлось безъ частыхъ столкновеній, и самое замѣчательное изъ нихъ происходило на Верху при воспитаніи государя царевича. Сначала Петръ хотѣлъ отправить сына за границу для воспитанія; но потомъ отмѣнилъ это намѣреніе. Въ 1701 году къ царевичу былъ опредѣленъ для наставленія „въ наукахъ и нравоученіи" Нѣмецъ Нейгебауеръ, воспитанникъ Лейпцигскаго Университета, рекомендованный Саксонскимъ посланникомъ генераломъ Карловичемъ. Между этимъ-то иностраннымъ наставникомъ и Русскими, находившимися при царевичѣ, и произошло столкновеніе. Нейгебауеру хотѣлось имѣть бо̀льшее значеніе, чѣмъ какое давали ему при дворѣ царевича, былъ также недоволенъ людьми, окружавшими молодаго Алексѣя, и писалъ Петру: „Понеже съ три года тому назадъ какъ я пріѣхалъ сюда съ генералъ-майоромъ Карловичемъ вашему царскому величеству у вашего пресвѣтлѣйшаго царевича служити за гофмейстера, и уже съ шесть мѣсяцевъ совершенно къ тому приставленъ есмь, и того ради прошу покорнѣйше дабы мнѣ дана была по нашему обычаю полная мочь въ придворныхъ чиновныхъ людяхъ, яко гофмейстеру принадлежитъ со указомъ, дабы прочіе служители меня по достоинству чтили и мнѣ послушны были, понеже, если всякой изъ нихъ дѣлать будетъ что̀ хочетъ, то невозможно царевича изрядныхъ нравовъ ученія и порядочнаго житія научити, зане нѣкоторые отъ злости, а иные отъ глупости всѣ мои труды портить будутъ; сего ради желалъ бы, дабы учитель Микифоръ Кондратьевичь (Вяземскій) и прочіе кавалеры иными чинами пожалованы были, а вмѣсто оныхъ дабы нѣкоторые иные къ услуженію государю царевичу даны были, которые въ нашихъ земляхъ были, и нашихъ обычаевъ и языковъ научены суть. Надобно бы по послѣдней мѣрѣ царевичу имѣ-

ти комнатнаго слугу, да еще одного пажа, зане царевичь велми мало имѣетъ служителей и почитай, что и никакихъ услугъ". Царь не исполнилъ желаній Нейгебауера, и тотъ въ 1702 году жаловался Ѳедору Матвѣевичу Апраксину: „Обрѣтаю столько гоненія, что не возмогу претерпѣть, понеже 1) не хотятъ мнѣ чина гофмейстера оставить, для котораго меня Карловичь сюда вывезъ, и въ разсужденіи того я изрядную Бранденбургскую службу уничижилъ, а между тѣмъ я наставленія царевича въ наукахъ и нравоученіяхъ имѣю, еже конечно дѣло гофмистрово есть, и сверхъ того сей чинъ не дядька, но только противъ поддядки, понеже первый чинъ именуется у насъ верховный гофмистеръ, который здѣсь его превосходительство А. Д. Меншиковъ имѣетъ. 2) Сочиняютъ наши служители царевича мнѣ противна и живутъ по своему старому непристойному злочинію, и того ради невозможно, чтобъ царевичь когда къ изряднымъ нравамъ обыкнути возмогъ. 3) Никто не разумѣетъ при дворѣ царевичевѣ, како такого великаго государя возращати надлежитъ, а однакожъ не имѣютъ они указу, меня въ томъ слушать, и то мнѣ и въ глаза говорятъ и сверхъ того безчестно меня пресмѣхаютъ: га, га! смотри, ты хощешь еще гофмистромъ быть. 4) Гонятъ они меня ради вѣры моей и не хотятъ по постнымъ днямъ мяса давать, но я бы охотно и рыбу ѣлъ, если бъ она добро приготовлена была. Они меня царскому величеству оклеветали, будто я по двѣ недѣли сидя пью и весма къ царевичу не хожу".

Долго накоплявшаяся вражда наконецъ разразилась 23 мая 1702 года. Государю донесли, что этого числа „государя царевича за столомъ Мартынъ Мартыновичь Небоуеръ всѣмъ говорилъ, чтобъ тайныхъ словъ никто никакихъ не говорилъ, а Никифоръ Вяземскій говорилъ: „что тайно, то тайно, а что явно, то явно". И онъ Мартынъ говорилъ: вы де всѣ ничего не знаете, и быть вамъ здѣсь недостоитъ, я де васъ вытолкаю толчкомъ; а какъ де я буду съ царевичемъ за моремъ, я де знаю, что дѣлать". И онъ Никифоръ говорилъ: „хотя бъ ты былъ и гофмейстеръ, и

ты бъ насъ безъ указу государя нашего и приказу Александра Даниловича отсюду вонъ не толкалъ, въ семъ я тебя не слушаю, потому что мы приказаны Александру Даниловичу, а не тебѣ". И онъ Мартынъ говорилъ: „Вы де всѣ ничего не знаете и у васъ де всѣ варвары!" и бранилъ: „собаки! собаки! гундсфоты!" и предъ царевича бросалъ ножикъ и вилку и держалъ за шпагу, и онъ Никифоръ говорилъ: „что ты дѣлаешь? хотя бъ ты былъ и гофмейстеръ, и ты бъ такъ не бросалъ за столомъ и не бранился". И онъ Мартынъ закричалъ: „А будетъ я не гофмейстеръ, и я не хочу живъ быть, и побѣжавъ, бранилъ: „собаки! собаки! я вамъ сдѣлаю, какъ Богъ мой живъ, такъ я вамъ отомщу". При государѣ царевичѣ за столомъ сидѣли въ то время онъ Мартынъ, подлѣ него докторъ Богданъ Клемъ, по другую сторону сидѣли Алексѣй Ив. Нарышкинъ, Никифоръ Вяземскій; при столѣ стояли: толмачь да сторожъ.

Спросили иностранца доктора Клема, и тотъ показалъ: „Во время того стола, какъ принесли на столъ жаркія куры, которыя тотъ иноземецъ, разрушивъ, положилъ на блюдѣ, и государь царевичь изволилъ взять отъ той ѣствы, сперва одну куречью ножку и, покушавъ нѣсколько, положилъ на тарелку, и хотѣлъ взять еще иную часть. И Алексѣй Ив. Нарышкинъ говорилъ, чтобъ онъ царевичь тѣ части, которыя кушалъ, для очистки тарелки, положилъ на то жъ блюдо. О семъ услыша Мартынъ говорилъ, что царевичь лучше, нежели онъ въ томъ знаетъ, понеже необыкновенно объѣденныя кости на блюдо класть, а мечутъ собакамъ. Потомъ царевичь изволилъ нѣчто молвить Алексѣю Ивановичу тайно на ухо, а Алексѣй Ив., измѣшкавъ немного, также молвилъ тайно на ухо учителю Никифору, а Мартынъ говорилъ: непристойно за столомъ другъ другу на ухо говорить при иныхъ людяхъ". Брань съ Вяземскимъ Клемъ описалъ согласно съ первоначальнымъ донесеніемъ, „И называлъ онъ Мартынъ ихъ мужиками, свиньями и собаками, и идучи у дверей говорилъ съ крикомъ: „добро, собаки, я вамъ заплачу."

Царь указалъ — отказать Нейгебауеру отъ службы и

ѣхать безъ отпуску, куда похочетъ за то, что писался самовольно гофмейстеромъ и ближнихъ людей называлъ варварами и бранилъ всякою жестокою бранью [61].

Нейгебауеръ сдержалъ слово, отомстилъ. Въ 1704 году онъ издалъ въ Германіи брошюру подъ заглавіемъ: „Письмо одного знатнаго Нѣмецкаго офицера къ тайному совѣтнику одного высокаго владѣтеля о дурномъ обращеніи съ иноземными офицерами, которыхъ Москвитяне привлекаютъ къ себѣ въ службу" [62]. Нейгебауеръ объявлялъ, что царь и его приближенные обращаются съ честнѣйшими и храбрѣйшими офицерами, какъ со щенками, употребляютъ пощечины, палки, кнутъ и т. п. Полковникъ Бодевинъ потерялъ голову за то, что его слуга закололъ фельдшера, царскаго любимца; полковника Штрасберга городовой воевода билъ батогами за то только, что тотъ не хотѣлъ ослушаться царскаго указа; майора Кирхена самъ царь публично обругалъ непристойною бранью и плюнулъ ему въ лице за то, что тотъ, прослуживъ цѣлый годъ майоромъ, не хотѣлъ быть капитаномъ и уступить свое мѣсто одному Русскому; по смерти Лефорта, любимца царскаго, конфисковано было все его имѣніе, и наслѣдники не получили ничего, только должны были платить долги покойнаго. Нейгебауеръ не довольствовался этою брошюрою, но обѣщалъ издать подробное описаніе нравовъ Русскаго народа, его обмановъ, идолопоклонства, наглости, рабства, жестокости, неблагодарности, ненависти къ иностранцамъ, неспособности, лѣни, волшебства, невѣрности, похищенія нѣмецкихъ женъ и дѣтей; особенно обѣщалъ распространиться о подвигахъ царскаго любимца Меншикова съ Нѣмками, которыхъ потомъ навязываютъ Нѣмецкимъ офицерамъ.

Осенью 1704 года Матвѣевъ писалъ изъ Гаги: „Въ сихъ числахъ прибыли въ Гагу отъ Архангельскаго города съ Голландскими кораблями два человѣка — Французъ Деверсалъ съ Нѣмчиномъ, и здѣсь такихъ злословій и безчестій скаредныхъ всенародно о государствѣ государя нашего и о правительствѣ вельможъ Московскихъ въ бытность Прусскаго принца и арцуха (герцога) Малбурга при всѣхъ вез-

дѣ собраніяхъ и ходя по кофейнымъ домамъ, наполнили, какихъ бы ни самый дьяволъ воплощенный не вымыслилъ, и явственно сказывали, что кто изъ иноземцевъ въ службу Московскую ни пріѣдетъ, долженъ подписать себя отдать въ вѣчное Московское рабство, и ихъ выпустили за великіе дачи съ Москвы на силу. И всѣмъ офицерамъ здѣсь и кавалерамъ сказывали, что и у самыхъ Турокъ такого непорядку и озлобленія людямъ нѣтъ и чтобъ никто службы Московской впредь не принималъ. Эти люди одной компаніи нѣкотораго генерала Коромбеса и учителя бывшаго прежде у государя царевича" [63]. — Этотъ генералъ Коромбесъ былъ генералъ фонъ Корренбергъ, о которомъ Нейгебауеръ разказываетъ въ своей брошюрѣ, что онъ пріѣхалъ въ Россію въ 1703 году, и привезъ съ собою восемь офицеровъ, потративъ много своихъ денегъ. Царь сдѣлалъ его генералъ-лейтенантомъ, но, спустя два мѣсяца, велѣлъ наказать его въ собственной палаткѣ, за что — этого Нейгебауеръ не говоритъ. Брошюра Нейгебауера не была первымъ сочиненіемъ, направленнымъ противъ Петровской Россіи. По донесенію Матвѣева отъ 5 іюня 1702 года, какой-то профессоръ во Франкфуртѣ на Одерѣ напечаталъ похвальную рѣчь Прусскому королю, гдѣ прославлялъ тріумфъ Шведовъ надъ Московскими войсками и толковалъ, что христіанскіе государи не должны пропускать Русскихъ кораблей на море, ибо если Русскіе овладѣютъ Ливоніею, то овладѣютъ также Польшею и Литвою и будутъ опасны Пруссіи.

Въ Прусіи и Саксоніи были запрещены сочиненія, оскорбительныя для царя и Россіи; но Петръ этимъ не довольствовался. До сихъ поръ почти всѣ сочиненія, выходившія въ Западной Европѣ о Россіи, больше или меньше были похожи на брошюру Нейгебауера; Россія была ославлена какъ страна варварская. Желая ввести Россію въ семью Европейскихъ державъ, дать ей здѣсь важное значеніе, Петръ, разумѣется, хотѣлъ очистить ее отъ прежняго пятна варварства, хотѣлъ чтобъ въ Европѣ говорили только объ этомъ очищеніи, видѣли въ Россіи страну уже не варвар-

скую болѣе, но очищенную, преобразованную; понятно желаніе Петра слыть преобразователемъ, а не царемъ варварскаго народа и не варваромъ. Наконецъ Петръ нуждался въ искусныхъ иностранцахъ, а дурные слухи о Россіи будутъ отвращать ихъ отъ вступленія въ царскую службу. Мы видѣли, что давая Тессингу привилегію на заведеніе Русской типографіи, Петръ требовалъ, чтобы въ книгахъ, которыя будутъ выходить изъ этой типографіи, не говорилось ничего предосудительнаго о Россіи. Въ 1702 году Паткуль подговорилъ въ русскую службу доктора правъ Генриха фонъ Гюйсена, который обязался: 1) отъискивать, входить въ переговоры и приглашать въ Русскую службу иностранныхъ офицеровъ, инженеровъ, мануфактуристовъ, ружейниковъ, художниковъ, берейторовъ, кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ, особенно же такихъ, которые бы понимали по польски или по чешски. 2) Переводить, печатать и распространять царскія постановленія, издаваемыя для устройства военной части въ Россіи. 3) Склонять Голландскихъ, Германскихъ и другихъ странъ ученыхъ, чтобъ они посвящали царю, или членамъ его семейства или, наконецъ царскимъ министрамъ замѣчательныя изъ своихъ произведеній, преимущественно касающіяся исторіи, политики и механики; также, чтобъ эти ученые писали статьи къ прославленію Россіи. 4) Войти въ переговоры съ почтмейстерами разныхъ государствъ о правильной разсылкѣ Русскихъ писемъ. Въ 1703 году Гюйсенъ получилъ мѣсто Нейгебауера при царевичѣ, но пробылъ на немъ недолго: въ 1705 царь велѣлъ ему ѣхать въ Германію „съ подлинными коммиссіями“. Здѣсь то онъ вступилъ въ полемику съ Нейгебауеромъ въ защиту Россіи [64].

Мы скажемъ, въ свое время, нѣсколько словъ объ этой полемикѣ; а теперь взглянемъ на тѣ распоряженія Петра, которыми дѣйствительно смывалось пятно варварства съ Русскаго народа. Въ древней Россіи сохранялся еще тотъ дохристіанскій взглядъ на человѣка, по которому можно было убивать младенцевъ, родившихся съ физическими недостатками; въ генварѣ 1704 года сказанъ великаго госу-

даря указъ подъ смертною казнію, чтобъ повивальныя бабки младенцевъ, которые родятся особымъ некакимъ видомъ, или не существеннымъ образомъ, или какимъ чудомъ, не убивали и не таили, а объявляли про нихъ тѣхъ приходовъ священникамъ, а священники жъ про то объявляли въ монастырскомъ приказѣ. Тутъ же запрещено хоронить мертвыхъ ранѣе трехъ дней [65]. Въ началѣ 1700 года бояре слушали такое дѣло: взятъ былъ боярина Петра Петровича Салтыкова человѣкъ Алексѣй Каменскій за то, что онъ боярина лѣчилъ, принашивалъ лѣкарства и отъ лѣкарствъ бояринъ умеръ скорою смертью. Въ распросѣ и съ пытки лѣкарь сказалъ, что онъ боярина лѣчилъ и лѣкарства всякія, покупая въ зелейномъ ряду въ лавкахъ, давалъ, и бояринъ говорилъ ему, чтобъ онъ принесъ ему лѣкарства отъ сна, и онъ Алешка въ зелейномъ ряду купилъ арьяну на три деньги осьмую долю золотника, рознялъ на 12 доль и давалъ боярину отъ сна, а не для отравы. Зелейнаго ряду сидѣлецъ Ганка Вареоломеевъ въ продажѣ того арьяну не запирался, и сказалъ, что онъ Алешкѣ продалъ арьяну на четыре деньги и велѣлъ давать мочному человѣку противъ трехъ зеренъ конопляныхъ, а немочному противъ двухъ; и на другой день поутру пришелъ къ нему Ганкѣ Алешка и сказалъ, что лѣкарство отдалъ онъ боярскому малому, и тотъ малый отдалъ боярину все, и бояринъ съ того числа по се время не проспится, только въ ночи простоналъ. — Бояре велѣли справиться, какія прежде были подобныя дѣла, и какіе указы? Нашли, что въ 1686 году лѣкаря Туленщикова велѣно сослать въ Курскъ за то, что онъ лѣкарю Харитонову вмѣсто раковыхъ глазъ, отвѣсилъ въ пьянствѣ золотникъ сулемы, Харитоновъ далъ ту сулему подъячему Прокофьеву, и подъячій при немъ умеръ; по этому случаю сказанъ былъ тогда указъ всѣмъ лѣкарямъ: кто нарочно или ненарочно кого уморитъ, того казнить смертью. Но въ 1700 году не привели въ исполненіе указа 1686 года, не казнили Каменскаго смертью, сослали въ Азовъ на каторгу [66]; а для предупрежденія подобныхъ случаевъ въ томъ же году велѣно завести въ Москвѣ восемь аптекъ съ тѣмъ,

чтобъ въ нихъ никакихъ винъ не продавалось; аптеки эти съ докторами и аптекарями и лѣкарями и съ иными чинами во всякихъ дѣлахъ вѣдать въ Посольскомъ приказѣ; а кромѣ того въ Москвѣ впредь другимъ аптекамъ и зелейному ряду, и лавкамъ по улицамъ и перекресткамъ, гдѣ продавали всякія непотребныя травы и зелья вмѣсто лѣкарствъ, не быть [67].

Запретили продавать травы, вредныя въ рукахъ старинныхъ знахарей; запретили продавать остроконечные ножи, вредные въ рукахъ людей, еще младенцевъ по общественной неразвитости. Въ томъ же 1700 году государь указалъ: на Москвѣ и въ городахъ, всякихъ чиновъ людямъ ножей остроконечныхъ никому съ собою, въ день и въ ночь и ни въ какое время, не носить, для того, что многіе люди въ дорогахъ на съѣздахъ и на сходахъ, и въ домахъ, въ ссорахъ и дракахъ и въ пьянствѣ такими ножами другъ друга рѣжутъ до смерти, а воры и нарочно съ такими ножами ходятъ по ночамъ и людей рѣжутъ и грабятъ; и со времени этого указа въ ножевомъ ряду такихъ остроконечныхъ ножей не дѣлать и не держать и никому не продавать, а ослушниковъ бить кнутомъ и ссылать въ ссылку [68]. Черезъ годъ понадобился указъ противъ дуелей между иноземцами: въ генварѣ 1702 года имъ запрещено выходить на поединки и даже вынимать оружіе: за первое назначена смертная казнь, за второе отсѣченіе руки. Война правительства съ разбойниками велась по прежнему. Въ 1702 году капитанъ Рагульскій съ цѣлою ротою отправленъ былъ въ Костромской и Галицкій уѣзды для сыску разбойниковъ, и успѣлъ схватить знаменитыхъ разбойниковъ, помѣщиковъ: Захара Полозова, Никифора Сытина, Петра Сипягина, Ивана Сологубова, Никиту Жданова, Василія Полозова — Кулю, Ивана и Данилу Захаровыхъ, Семена да Петра Шишкиныхъ. Разбойничали они съ своими людьми, нападали на деревни, убивали мужчинъ, насиловали женщинъ, огнемъ жгли [69].

Охраняя жизнь Русскаго человѣка отъ вреднаго зелья, отъ остроконечнаго ножа, Петръ принялъ мѣры и противъ

огня, такъ свирѣпствовавшаго въ деревянныхъ городахъ, не исключая и царствующаго града. Виніусъ въ апрѣлѣ 1700 года писалъ Петру изъ Москвы: „Здѣсь Вулканусъ насъ такъ тревожитъ и многихъ разоряетъ, и не только съ самыя пасхи по вся дни, но во единыя сутки пожара по три и по четыре, а третьяго дня было шесть пожаровъ: повели уставами добрыми для предваренія такого всегубителя забѣжать, какъ бы отъ такого разоренія впредь людямъ спастися, а старый князь Иванъ Борисовичъ (Прозоровскій) и прочіе начальные бѣгаючи изъ силы выбились.“ Виніусъ предлагалъ исподоволь дѣлать черепичныя кровли вмѣсто тесовыхъ; начали выписывать заливныя трубы изъ за границы чрезъ Витзена [70]; въ генварѣ 1704 года изданъ указъ о строеніи въ Москвѣ, въ Кремлѣ и Китаѣ городѣ каменныхъ домовъ, о расположеніи ихъ подлѣ улицъ и переулковъ, а не внутри дворовъ, и о продажѣ дворовыхъ мѣстъ, которыхъ владѣльцы не въ состояніи выстроить каменнаго дома [71].

Но одними средствами охраненія жизни и имущества преобразованіе не ограничивалось. На Русскихъ правахъ лежало пятно, которое бросалось въ глаза и чужимъ, и своимъ,—это неправильность при заключеніи брачныхъ союзовъ, имѣвшая такое вредное вліяніе на семейную жизнь, на семейную нравственность. Мы видѣли, что въ 1693 году патріархъ Адріанъ свидѣтельствовалъ, что бракъ заключается безъ согласія вступающихъ въ бракъ, отъ чего „житіе ихъ бываетъ бѣдно, другъ другу навѣтно и дѣтей безприжитно“. Патріархъ не могъ представить дѣйствительныхъ средствъ противъ зла. Петръ нашелъ это средство, уничтоживъ затворничество женщинъ, приказывая приглашать ихъ вмѣстѣ съ мужчинами на обѣды и вечера. Въ апрѣлѣ 1702 года изданъ указъ: „Рядовыя сговорныя записи отставить, и впредь ихъ въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ не писать, а вмѣсто того приданому писать росписи за руками, а заряду (платежа за неустойку) никакого въ тѣхъ росписяхъ не писать. А буде кто дочь или сестру или какую свойственницу, или дѣвица или сама вдова сговоритъ

за мужъ за кого, и прежде вѣнчанія обрученію быть за шесть недѣль, и буде обручатся, а послѣ сговору и обрученья, женихъ невѣсты взять не похочетъ, или невѣста за жениха за мужъ идти не похочетъ же, и въ томъ быть свободѣ, по правильному св. отецъ разсужденію. А которая невѣста выйдетъ за мужъ и умретъ бездѣтна: и послѣ смерти ея, приданаго ея, кромѣ вотчинъ и помѣстій и дворовъ, назадъ ничего не возвращать. "30 декабря 1701 года запрещено было подписываться уменьшительными именами, падать предъ царемъ на колѣна, зимою снимать шапки передъ дворцомъ. Петръ говорилъ: „Какое же различіе между Бога и царя, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—сія-то почесть свойственна царю" [72].

Важныя преобразованія въ первое пятилѣтіе новаго вѣка коснулись духовенства. Мы уже видѣли, въ какомъ положеніи находилось русское духовенство при поворотѣ Россіи на новый путь, поворотѣ, начавшемся до Петра, истекавшемъ изъ всего предшествовавшаго хода исторіи. Недовольство этимъ положеніемъ было высказано громко и рѣзко и въ приговорахъ соборныхъ и въ указахъ, направленныхъ противъ разныхъ злоупотребленій и нравственныхъ безпорядковъ; но этимъ протестомъ все и окончилось; самостоятельнаго движенія къ исправленію сознаннаго зла не обнаружилось. Сознавъ зло и при этомъ не обнаруживъ силы, достаточной для его искорененія, духовенство необходимо отрекалось отъ права на это искорененіе въ пользу другой силы. Несостоятельность духовенства преимущественно происходила отъ недостатка просвѣщенія, жажду котораго такъ ясно выразило русское общество въ концѣ XVII вѣка. Общество имѣло право требовать, чтобъ духовенство, учительное сословіе, взяло на себя починъ въ этомъ дѣлѣ и руководило другихъ; но и это требованіе осталось неудовлетвореннымъ. Учреждена была въ Москвѣ Акамія, ввѣренная надзору духовенства, прямо направленная къ поддержанію церкви, но духовенство невоспользовалось ею. Петръ говорилъ Патріарху Адріану: „священники ста-

вятся малограмотные; надобно ихъ сперва научать таинствамъ и потомъ уже ставить въ тотъ чинъ; для этого надобно человѣка и не одного, кому это дѣлать и опредѣлить мѣсто, гдѣ быть тому. Надобно промыслить, чтобъ и православные христіане, и зловѣрцы — Татары, Мордва, Черемисы и другіе познали Господа и законъ Его: для того послать бы хотя нѣсколько десятковъ человѣкъ въ Кіевъ въ школы. И здѣсь есть школа, можно бы и здѣсь было объ этомъ дѣлѣ порадѣть; но мало учатся, потому что никто не смотритъ за школою какъ надобно; нуженъ для этого человѣкъ знатный чиномъ, именемъ, богатый, и нѣтъ его. Евангельское ученіе—вотъ знаніе Божеское, больше всего въ жизни сей нужное людямъ. Многіе желаютъ дѣтей своихъ учить свободнымъ наукамъ, и отдаютъ ихъ здѣсь иноземцамъ; другіе же въ домахъ своихъ держатъ учителей - иностранцевъ, которые на славянскомъ нашемъ языкѣ не умѣютъ правильно говорить, кромѣ того иновѣрцы, и малыхъ дѣтей ересямъ своимъ учатъ; отъ чего дѣтямъ вредъ и церкви нашей святой можетъ быть ущербъ великій, а языку нашему отъ неискусства поврежденіе, тогда какъ въ нашей бы школѣ, при знатномъ и искусномъ обученіи, всякому добру учились" [73].

Въ октябрѣ 1700 года умеръ патріархъ Адріанъ. Въ слѣдъ за извѣстіемъ объ этомъ событіи, Петръ, находившійся въ то время подъ Нарвою, получилъ письмо отъ Курбатова: „Больному патріарху трудно было смотрѣть за всѣмъ, отъ чего происходили безпорядки по духовному управленію. Избраніемъ архимандритовъ и другихъ освященнаго чина людей завѣдывалъ архидіаконъ, который, какъ тебѣ извѣстно, самъ собою править не можетъ: гдѣ же ему избирать? Избраніемъ патріарха думаю повременить. Опредѣленіе въ священный чинъ можно поручить хорошему архіерею съ пятью учеными монахами. Для надзора же за всѣмъ и для сбора домовой казны надобно непремѣнно назначить человѣка надежнаго: тамъ большіе безпорядки; необходимо распорядиться монастырскими и архіерейскими имѣніями, учредить особливый расправный приказъ для сбора и хране-

нія казны, которая теперь погибаетъ по прихотямъ владѣльцевъ. Школа, бывшая подъ надзоромъ патріарха и подъ управленіемъ монаха Палладія, въ разстройствѣ; ученики, числомъ 150 человѣкъ, очень недовольны, терпятъ во всемъ крайній недостатокъ и не могутъ учиться: потолки и печи обвалились. Могъ бы я и о другомъ о многомъ донести, да очень боюсь враговъ. Изъ архіереевъ для временнаго управленія, думаю хорошъ будетъ Холмогорскій (Аѳанасій); изъ мірскихъ для смотрѣнія за казною и сбора ея очень хорошъ бояринъ Ив. Александровичь Мусинъ-Пушкинъ, или стольникъ Дм. Петр. Протасьевъ" [74].

Мысль Курбатова отложить избраніе патріарха не могла не понравиться Петру, если только эта мысль не была уже прежде у Петра. Враги преобразованій постоянно вооружались противъ нихъ во имя религіи, во имя древняго благочестія, которому измѣнялъ царь, другъ еретиковъ, Нѣмцевъ; было извѣстно, что духовенство смотрѣло очень неблагосклонно на нововведенія и на новыхъ учителей; патріархъ Іоакимъ вооружался противъ пріема иностранцевъ въ Русскую службу, патріархъ Адріанъ писалъ сильныя выходки противъ брадобритія, и когда замолкъ, увидавъ, что самъ царь ввелъ брадобритіе, то навлекъ отъ ревнителей старины жестокіе на себя укоры: „Какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска, спать бы ему да ѣсть, бережетъ мантіи да клобука бѣлаго, за тѣмъ и не обличаетъ". Адріанъ, по характеру своему, снесъ заслуженныя непослѣдовательностію укоризны; отъ него Петръ не могъ ожидать противодѣйствія своимъ планамъ; но могъ ли онъ быть увѣренъ въ его преемникѣ? Для поправленія разстроенныхъ при Адріанѣ дѣлъ патріаршаго управленія нужно было избрать человѣка энергическаго; но энергическій человѣкъ будетъ ли употреблять свою энергію всегда согласно съ видами царя-преобразователя? Гдѣ найти такого архіерея, который бы вполнѣ сочувствовалъ преобразованіямъ? а если нѣтъ, то патріархъ, по своему значенію, будетъ необходимо нравственною опорою недовольныхъ; царь въ постоянномъ отсутствіи изъ Москвы; безъ царя патріархъ на

первомъ планѣ, и если этотъ патріархъ не сочувствуетъ царю, которымъ многіе недовольны? Съ Никономъ легко было справиться и царю Алексѣю Михайловичу, потому что Никонъ губилъ самъ себя; но при Петрѣ патріархъ сколько нибудь энергическій въ челѣ многихъ недовольныхъ преобразованіями былъ гораздо опаснѣе Никона. Благоразумно ли было къ сильной борьбѣ внѣшней и внутренней присоединять возможность борьбы съ патріархомъ, которая, и окончившись счастливо для царя, во всякомъ случаѣ дала бы ему печальное значеніе гонителя, а жертва получила бы для многихъ и многихъ значеніе св. мученика? Сохранилось извѣстіе, что Англійскимъ купцамъ, изъявлявшимъ опасеніе, не будетъ ли патріархъ сопротивляться табачной продажѣ, Петръ сказалъ: „Не опасайтесь: я далъ объ этомъ указъ, и постараюсь, чтобъ патріархъ въ табачныя дѣла не мѣшался: онъ при мнѣ блюститель только вѣры, а не таможенный надзиратель". Но примѣръ Іоакима и Адріана могъ ли дать Петру ручательство, что преемникъ ихъ сможетъ съ точностію опредѣлить свои обязанности, какъ блюстителя вѣры только? Петръ, приступая къ упраздненію ненужнаго для русской церкви сана патріаршескаго, стремился дать ей настоящее могущество, просвѣщеніе; но ввести просвѣщеніе между великороссійскимъ духовенствомъ, заботиться о школахъ, направлять и развивать ихъ могли только ученые архіереи: а гдѣ было взять ихъ? Дать общее сильное движеніе образованію между духовенствомъ въ цѣлой Россіи, заботиться о главной школѣ въ Москвѣ могъ только патріархъ ученый: а гдѣ было взять такого? Петру оставалось одно средство—назначать на архіерейскія мѣста въ Великой Россіи ученыхъ монаховъ Малороссійскихъ; но поставить патріарха изъ Малороссіи было неудобно при тогдашнихъ отношеніяхъ между Великою и Малою Россіею. Наконецъ считалось необходимымъ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ для исправленія нравственности духовенства, преимущественно чернаго; считалось необходимымъ сдѣлать болѣе правильное употребленіе матеріальныхъ средствъ чернаго духовенства; хотѣли

сдѣлать все это безъ помѣшки, и избраніе патріарха было отложено. Мы не считаемъ себя въ правѣ думать, что мысль о совершенномъ уничтоженіи патріаршества уже созрѣла въ Петрѣ въ 1700 году; всего вѣроятнѣе, что она достигла той зрѣлости съ теченіемъ времени, когда отъ отсутствія патріарха не чувствовалось никакого неудобства, когда коллегіальная форма признана была лучшею по всѣмъ частямъ управленія, когда наконецъ дѣло царевича Алексѣя возбудило въ душѣ Петра сильныя сомнѣнія на счетъ сочувствія большинства высшаго духовенства къ новому порядку.

16 декабря 1700 года состоялся именной указъ: патріаршему приказу Разряду не быть, а дѣла по челобитьямъ мірскихъ людей на духовныхъ и духовныхъ на мірскихъ отослать по приказамъ, гдѣ кто вѣдомъ; дѣла же о расколѣ и ересяхъ вѣдать преосвященному Стефану, митрополиту Рязанскому и Муромскому [75]. Митрополитъ Стефанъ (Яворскій) назывался съ тѣхъ поръ „Ексархомъ святѣйшаго патріаршаго престола, блюстителемъ и администраторомъ". Причина назначенія Малороссіянина Яворскаго предпочтительно предъ Аѳанасіемъ Холмогорскимъ очевидно заключалась въ учености Яворскаго. Послѣдній пріѣхалъ въ Москву въ началѣ 1700 года, въ санѣ игумна Никольскаго пустыннаго монастыря; Кіевскій митрополитъ Варлаамъ Ясинскій прислалъ его вмѣстѣ съ игуменомъ златоверхаго Михайловскаго монастыря, Захаріемъ Корниловичемъ къ патріарху Адріану, прося посвятить одного изъ нихъ на вновь учрежденную епархію Переяславскую (Переяславля южнаго). Но Петръ нашелъ въ Стефанѣ человѣка, какой ему былъ нуженъ въ Великой Россіи, и потому онъ велѣлъ патріарху поставить его въ архіереи на одну изъ ближайшихъ къ Москвѣ епархій. Въ мартѣ же очистилось мѣсто митрополита Рязанскаго, и Адріанъ объявилъ Яворскому, чтобъ готовился къ посвященію. Тотъ сталъ просить, чтобъ прежде позволили побывать ему въ Кіевѣ; патріархъ не согласился и назначилъ 16 марта для посвященія. Утромъ въ назначенный день архіереи и другія духовныя

лица собрались, по обычаю, въ Крестовую палату къ патріарху; послали на Малороссійское подворье за Стефаномъ: посланникъ возвратился съ отвѣтомъ, что игумна нѣтъ на подворьѣ, уѣхалъ въ Донской монастырь. Послали туда, Яворскій не ѣдетъ, а между тѣмъ уже часа съ два въ Кремлѣ шелъ благовѣстъ; въ другой разъ послали въ Донской монастырь взять упрямаго игумна: Стефанъ отрекся рѣшительно, что не поѣдетъ, не хочетъ быть архіереемъ. Патріархъ разсердился, не велѣлъ пускать Стефана изъ монастыря и далъ знать царю [76]. Тотъ велѣлъ спросить у Стефана, что за причина такого поступка? Стефанъ написалъ: [77] „Вины, для которыхъ я ушелъ отъ посвященія: 1) Писалъ ко мнѣ преосвящ. митрополитъ Кіевскій, чтобъ я возвращался въ Кіевъ и его во время старости не оставлялъ при его немощахъ и недугахъ. 2) Епархія Рязанская, на которую меня хотѣли посвятить, имѣетъ еще въ живыхъ своего архіерея, а правила св. Отецъ не повелѣваютъ живу сущу архіерею, иному касатися епархіи—духовное прелюбодѣяніе [78]! 3) Изощренный завистію языкъ многія досады и поклепы на меня говорилъ: иные рекли, будто я купилъ себѣ архіерейство за 3000 червонныхъ золотыхъ; иные именовали меня еретикомъ, ляшенкомъ, обливаникомъ. 4) Не дано мнѣ сроку, чтобъ я могъ приготовиться на такую высокую архіерейства степень очищеніемъ совѣсти своея, чтеніемъ книгъ богодухновенныхъ“.—Это любопытное объясненіе показываетъ, какъ смотрѣли въ Москвѣ на ученыхъ Малороссійскихъ монаховъ, поставляемыхъ на великороссійскія епархіи: нѣкоторые (вѣроятно тѣ, которые сами хотѣли быть архіереями) не щадили для нихъ названій еретика, ляшонка (полячишка). Но Петръ, котораго самого называли еретикомъ и антихристомъ, не обращалъ вниманія на то, что говорили изощренные завистію языки: Стефанъ былъ поставленъ митрополитамъ на Рязань, и въ томъ же году, какъ мы видѣли, былъ переведенъ въ Москву.

За назначеніемъ Яворскаго блюстителемъ патріаршаго престола немедленно послѣдовали преобразованія. Въ генварѣ 1701 года указано вѣдать домъ св. патріарха, домы

архіерейскіе и монастырскія дѣла боярину Ив Алекс. Мусину Пушкину; сидѣть на патріаршѣ дворѣ въ палатахъ, гдѣ былъ патріаршій разрядъ, и писать монастырскимъ приказомъ. Всѣ челобитныя на духовныхъ лицъ, монастырскихъ стряпчихъ, слугъ и крестьянъ должны подаваться въ Монастырскій приказъ, а челобитныя духовныхъ лицъ, монастырскихъ прикащиковъ, слугъ и крестьянъ на разныхъ чиновъ людей подаются въ приказахъ, гдѣ кто судимъ [79]. Монастырскій приказъ долженъ былъ переписать всѣ монастыри мужескіе и женскіе; сколько монаховъ и монахинь переписчики застанутъ въ какихъ монастыряхъ, тѣмъ и оставаться въ своихъ монастыряхъ неисходно, въ другіе монастыри ихъ не принимать; развѣ по какой-нибудь важной законной причинѣ монахъ можетъ перейти въ другой монастырь и то съ отпускнымъ письмомъ отъ начальника прежняго монастыря. Мірскіе люди въ монастыряхъ жить не должны, чтецы и пѣвцы должны быть монахи, дьячковъ—немонаховъ переписчики должны выгнать вонъ. Монахи въ кельяхъ наединѣ не должны ничего писать, чернилъ и бумаги не держать, писать должны въ трапезѣ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, съ позволенія начальника, по преданію древнихъ отецъ. [80]. Въ 1703 году для женскихъ монастырей было подтверждено: изъ монастыря монахинямъ быть неисходными; если будетъ великая нужда выйти, то отпускать на малое время, часа на два и на три съ письмомъ и за печатью, писать именно, для какой нужды и на сколько времени отпущена, и за письмо и за печать отнюдь взятокъ не брать; монахини могутъ писать только въ трапезѣ; постригать бѣлицъ должно не раньше 40 лѣтъ; ворота въ монастырѣ должны быть всегда заперты, подлѣ воротъ должны стоять караульные; міряне входятъ только во время церковной службы, а въ другое время могутъ входить не иначе, какъ съ позволенія игуменьи [81]. Ни въ мужескихъ ни въ женскихъ монастыряхъ нельзя было никого постричь вновь безъ царскаго указа. Эти распоряженія объяснялись цѣлымъ рядомъ жалобъ предшествовавшаго времени на ослабленіе нравственности въ монастыряхъ,

на кочевую жизнь монаховъ и монахинь, производящихъ соблазнъ своимъ поведеніемъ; оправдывались и дѣлами новаго монастырскаго приказа. Въ 1701 году у монаха были взяты воровскія письма (приворотныя къ женскому полу): по Уложенью его сожгли въ срубѣ; въ 1702 году пьяный монахъ убилъ другаго до смерти: оказалось, что убійца былъ бѣглый крестьянинъ, постриженный безъ справки [82].

Въ томъ же 1701 году приступили и къ хозяйственнымъ перемѣнамъ. Въ архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинахъ велѣно дать новый торгъ на всѣ оброчныя статьи, которыя отданы были на оброкъ до урочныхъ лѣтъ, и если новые откупщики станутъ давать больше старыхъ, то имъ и отдавать статьи, не дожидаясь истеченія урочныхъ лѣтъ для прежнихъ откупщиковъ. Посельскіе старцы въ вотчинахъ отставлены; вмѣсто нихъ опредѣлены приказчики изъ мірянъ. Грекамъ, Армянамъ, Индѣйцамъ запрещено было останавливаться въ монастыряхъ какъ въ гостинницахъ [83]. Наконецъ въ декабрѣ 1701 года былъ изданъ знаменитый указъ: въ монастыри монахамъ и монахинямъ давать опредѣленное число денегъ и хлѣба въ общежительство ихъ, а вотчинами имъ и никакими угодьями не владѣть, не ради раззоренія монастырей, но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія, потому что древніе монахи сами себѣ трудолюбными своими руками пищу промышляли и общежительно жили и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не только нищихъ непитаютъ отъ трудовъ своихъ, но сами чужіе труды поѣдаютъ, а начальные монахи во многія роскоши впали, и подначальныхъ монаховъ въ скудную пищу ввели; кромѣ того отъ вотчинъ ссоры и убійства и обиды многія. По этимъ причинамъ великій государь указалъ давать по ровну, какъ начальнымъ такъ и подначальнымъ монахамъ, по 10 рублей денегъ, по 10 четвертей хлѣба и дровъ сколько имъ надобно; а собирать съ вотчинъ ихъ всякіе доходы въ монастырскій приказъ. Слугъ и служебниковъ въ монастыряхъ оставить самое малое число, безъ которыхъ обойтись нельзя. Что остастся хлѣба и денегъ отъ раздачи монахамъ, изъ этого остат-

ка давать на пропитаніе нищихъ въ богадѣльни и въ бѣдные монастыри, у которыхъ нѣтъ вотчинъ [84].

Бѣлое духовенство получило новую обязанность: доставлять въ Монастырскій приказъ вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ: за 1703 годъ была подана первая вѣдомость въ Москвѣ священниками всѣхъ шести сороковъ приходскихъ церквей. Оказалось, что число смертныхъ случаевъ слишкомъ двумя тысячами превышаетъ число рожденій.

Назначивши блюстителемъ патріаршаго престола ученаго Малороссіянина, Петръ поручилъ ему поднять Московскую Академію. Стефанъ Яворскій, назвавшись протекторомъ Академіи, оправдалъ довѣренность Петра, возстановилъ Академію, но при немъ она явилась уже съ другимъ характеромъ относительно преподаванія Въ первое время по ея основаніи, при Лихудахъ, въ ней господствовалъ Греческій элементъ; Стефанъ Яворскій, воспитанникъ Кіевской Академіи, и окончившій свое образованіе за границею, ввелъ въ нее элементъ Латинскій, который сталъ надолго господствующимъ При Лихудахъ руководства, ими составленныя, были на греческомъ языкѣ; теперь преподаватели являются преимущественно изъ Кіева, и, по обычаю тамошней Академіи, преподаютъ на Латинскомъ языкѣ, сочиненія пишутся на немъ же, и Московская Академія получаетъ названіе латинскихъ или славяно-латинскихъ школъ. Чувствовали потребность и въ Греческомъ языкѣ, но чувствовали отвращеніе отъ Грековъ, отвращеніе, которое не могло уменьшиться послѣ знакомства съ Лихудами. Намъ уже извѣстно поведеніе сына Іоанникія Лихуда, Николая; этотъ Николай дурно кончилъ въ описываемое время: 20 апрѣля 1705 года великій государь указалъ: князь Николаю Лихудьеву, учиня ему наказанье бить плетьми, сослать въ ссылку въ Сибирскіе дальніе города въ службу, въ какую годится, за то, что онъ въ Преображенскій приказъ привелъ съ ложнымъ извѣстомъ Грека игумена Венедикта, на Грека Ивана Бочю. Матвѣевъ рекомендовалъ Головину Греческаго свя-

щенника Серафима, и, по письму боярина, отправилъ его въ Москву Любопытно письмо Матвѣева Головину по этому случаю (февраль 1704 года): „Гречанина священника Серафима, по вашему письму, давъ ему на проѣздъ денегъ, на вешнихъ корабляхъ отправлю къ Москвѣ, потому что онъ здѣсь и въ Англіи многовременно живъ, въ изрядныхъ порядкахъ означился, и въ Англіи многихъ своими трудами къ греческому святому благочестію привелъ, и довольныя книги на греческомъ языкѣ выдалъ, также философіи и богословіи сильное искусство имѣетъ. Греческаго, Турецкаго, Латинскаго, Французскаго и Англійскаго языковъ совершенно свѣдомъ. Можетъ такой человѣкъ надобный не только для дѣлъ Турецкихъ впредь, и для свободныхъ наукъ ученія въ государствѣ великаго государя всегда употребительнымъ быть; а нравъ и поведеніе его отъ природы бездѣльной Греческой гораздо разнится, мню больше для того, что онъ уже долголѣтно въ сихъ краяхъ Европскихъ жилъ“ [85]. Но и Серафимъ не получилъ мѣста ни въ Академіи, ни въ школѣ, основанной Глюкомъ. За преобразованіе Академіи сильно разсердился на Стефана Іерусалимскій патріархъ Досиѳей. Напрасно Яворскій писалъ ему, увѣряя въ своемъ православіи; Досиѳей отвѣчалъ: „Несправедливо пишешь, что ты поборникъ восточной церкви, потому что, прохлаждаясь на одномъ обѣдѣ, гдѣ были и нѣкоторые Греки, ты опорочилъ восточную церковь на счетъ совершенія таинства Евхаристіи. И нынѣ находясь въ Москвѣ, ты стеръ въ конецъ еллинское училище и только о Латинскихъ школахъ заботишься. По нашему мнѣнію не можетъ быть Московскій патріархъ изъ Грековъ, потому что лучшіе Греки хотятъ раздѣлять страданія своего народа, а тѣ, которые волочатся туда и сюда, особенно по Россіи, хотя, быть можетъ, и честные люди, но по образованію своему настоящіе мужики. Не можетъ быть патріархъ изъ Малороссіянъ или Бѣлоруссовъ, потому что они имѣя сношенія съ Латинами, принимаютъ многіе нравы ихъ и догматы. За примѣрами не нужно далеко ходить, довольно тебя, который, отправившись въ ла-

тинскія земли для сысканія мудрости, принесъ хульныя описанія въ даръ воспитавшей и почтившей тебя восточной церкви. Зачѣмъ ты опасаешься обличать тѣхъ, которые приносятъ смущеніе въ царствующій градъ (т. е. иностранцевъ)? Св. патріархъ Іоакимъ, видя смущенія въ церкви, съ великимъ тщаніемъ искоренялъ ихъ, а ты молчишь!"

Въ Москвѣ не хотѣли выдавать Яворскаго патріарху, и отмалчивались; Досиѳей сердился. Переводчикъ Спафари писалъ Головину въ 1704 году: „Святѣйшій нынѣ зѣло гнѣвенъ на меня за то, будто мы умаляемъ его честь и бережемъ Рязанскаго, а его письма небрежемъ. Я природу его вѣдаю изъ молодыхъ лѣтъ: запальчивый таковъ, что и въ алтарѣ никому не спуститъ. Отпиши къ нему, потому что онъ вашей милости въ письмѣ пеняетъ, что ни малой отповѣди отъ вельможности вашей не получилъ; онъ любитъ частую корреспонденцію, и еще мнитъ и то, что не все переводимъ, о чемъ онъ пишетъ: такъ Греки воры его информовали ложно, а онъ вѣритъ, въ томъ легкій, кто что скажетъ и вѣритъ. И того ради на всякую статейку учини ему отповѣдь, и такъ утолится гнѣвъ его: онъ ярливый, но скоро уходливый по природѣ" [86].

Въ томъ же 1700 году, когда Стефанъ Яворскій былъ неволею поставленъ въ митрополиты рязанскіе, Петръ поручилъ Кіевскому митрополиту Варлааму Ясинскому „поискать изъ архимандритовъ и игумновъ, или другихъ иноковъ, добраго и ученаго и благаго непорочнаго житія, которому бы въ Тобольску быть митрополитомъ, и могъ бы Божіею милостію исподоволь въ Китаѣ и въ Сибири въ слѣпотѣ идолослуженія и другихъ невѣжествіяхъ закоснѣлыхъ человѣкъ приводить въ познаніе и служеніе и поклоненіе истиннаго живаго Бога". Требуемыми достоинствами обладалъ игуменъ Новгородосѣверскаго монастыря, Димитрій, знаменитый составленіемъ Четіихъ-Миней. Димитрій былъ присланъ въ Москву и весною 1701 года посвященъ въ митрополиты Сибирскіе; но и это назначеніе было невольное; Димитрій заболѣлъ съ горя; Петръ умѣлъ войти въ положеніе человѣка, котораго отрываютъ отъ лю-

бимаго ученаго занятія и посылаютъ въ Сибирь, Сибирь начала XVIII вѣка! Царь позволилъ остаться Димитрію въ Москвѣ, и въ 1702 году онъ получилъ мѣсто Ростовскаго митрополита. Димитрій нашелъ свою епархію въ печальномъ положеніи, въ какомъ находились тогда всѣ епархіи великороссійскія и изъ котораго хотѣлъ извлечь ихъ Петръ посредствомъ образованныхъ архіереевъ. Духовенство было невѣжественное, учить своихъ духовныхъ дѣтей не могло, и духовныя дѣти тѣмъ легче увлекались проповѣдію какого-нибудь раскольничьяго старца, который кричалъ противъ духовенства, отступившаго отъ правой старой вѣры. „Окаянное наше время! говорилъ Димитрій въ одной изъ своихъ проповѣдей: окаянное время, въ которое такъ пренебрежено сѣяніе слова Божія, и не знаю, кого прежде надобно винить, сѣятелей или землю, священниковъ или сердца человѣческія, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Сѣятель не сѣетъ, а земля не принимаетъ, іереи не брегутъ, а люди заблуждаются; іереи не учатъ, а люди невѣжествуютъ; іереи слова Божія не проповѣдуютъ, а люди не слушаютъ и слушать не хотятъ. Съ обѣихъ сторонъ худо: іереи глупы, а люди неразумны. Іерейскія жены и дѣти многіе никогда не причащаются; іерейскіе сыновья приходятъ ставиться на отцовскія мѣста: мы ихъ спрашиваемъ, давно ли причащались? и они отвѣчаютъ, что и не помнятъ, когда причащались. О окаянные іереи, нерадящіе о своемъ домѣ! Какъ могутъ радѣть о св. Церкви люди, домашнихъ своихъ къ святому причащенію не приводящіе?“ Димитрій долженъ былъ увѣщевать іереевъ, чтобъ они не разказывали грѣхи дѣтей своихъ духовныхъ, открытые на исповѣди, долженъ былъ внушать, что такой духовникъ есть Іуда предатель. Самое дѣйствительное средство противъ подобнаго состоянія духовенства было надлежащее приготовленіе къ священническому сану, и потому Димитрій завелъ училище при своемъ архіерейскомъ домѣ, и самъ ревностно занимался имъ, исполняя и учительскія обязанности, объясняя ученикамъ священныя книги, а между тѣмъ сочиненіе Четіихъ-Миней продолжалось безостановочно [87].

На мѣсто Димитрія митрополитомъ Сибирскимъ назначенъ былъ также Малороссіянинъ Филоѳей Лещинскій, экономъ Кіевопечерскаго монастыря. Пріѣхавши въ Тобольскъ, Филоѳей разсмотрѣлъ въ церквахъ Божіихъ великое нестроеніе и обратился къ Петру за средствами помочь бѣдѣ. Филоѳей писалъ о необходимисти завести въ Тобольскѣ школы и учить грамматикѣ Славянской и Латинской, въ ученики понудить отъ всякаго чина дѣтей, завести типографію великаго государя казною, печатать букварп, часословы малые и псалтыри. Виніусъ доложилъ объ этомъ государю и, съ его словъ, отвѣчалъ Филоѳею: „Преосвященному митрополиту паче простираться въ ученіи Славяно-Россійской грамматики, и чтобъ вся, яже попу или діакону надобно знать, изучились и православной вѣры катехизисъ достаточно знали, и по согласію содержащей въ ней артикулъ умѣли, и людей мірскихъ учили; типографіи въ Тобольску не быть, а какія книги понадобятся, покупать въ Москвѣ. — Филоѳей требовалъ, чтобъ въ Сибири каждый годъ все духовенство съѣзжалось на соборъ, одинъ годъ въ Тобольскъ, а другой въ Енисейскъ, и когда архіерей или его посланные поѣдутъ въ Енисейскъ или для обозрѣнія епархіи, то должны получать казенныя подводы. Виніусъ отвѣчалъ: соборамъ, за дальностію и скудостію поповъ, быть не для чего и трудно, а пачежъ изъ дальнихъ городовъ и слободъ. А чтобъ православная вѣра безъ всякаго препятія и споны управлялась благочинно, то выбирать ему (Митрополиту) по городамъ и слободамъ надзирателей и старостъ добрыхъ и искусныхъ людей, которые бъ были житія безпорочнаго и св. Писанія божественнаго свѣдующихъ, и имя на себѣ носили трезвое и безъ всякаго порока; и въ подводахъ имѣть разсужденіе къ иноземцамъ, затѣмъ, что имъ, кромѣ того, великія отъ подводъ тягости, разгоны бъ не учинить и раззоренія. — Филоѳей просилъ: „Буде иноземцы похотятъ креститься въ православную христіанскую вѣру своею волею, и чтобъ тѣмъ иноземцамъ ко крещенію приходить свободно, безъ ясачныхъ убытковъ, а никому не возбраняти.“ Виніусъ от-

вѣчалъ: которые иноземцы хотятъ волею своею креститься въ православную христіанскую вѣру, и ихъ крестить, а неволею никакихъ иноземцевъ не крестить, и ясакъ съ нихъ не складывать, только ихъ спрашивать, какой ради причины приходятъ ко св. крещенію, велѣть имъ учинить исповѣдь. Которые Татары или иные иноземцы пойманы въ смертныхъ винахъ, и похотятъ креститься на томъ, чтобъ быть имъ живымъ, и такихъ, буде съ вѣрою совершенно приступаютъ, окрестя и давъ имъ время довольное на покаяніе, потомъ учинить по уложенію и по градскимъ законамъ, да всякія беззаконія истребятся; и которые языка, ниже вѣры свѣдомы, и тѣхъ скоро не крестить, да не будетъ вѣрѣ православной отъ нихъ поруганія ,дѣлать въ томъ со многимъ опасьствомъ и разсмотрѣніемъ, испытуя вины, чего ради который иноземецъ крещенія пожелаетъ, внимали бъ словесы Спасителевы, реченныя: сице кто вѣруетъ и крестится, спасенъ будетъ. — Филоѳей просилъ: церковныхъ раскольщиковъ, отступившихъ отъ св. церкви и въ упрямствѣ необратно стоявшихъ, истребляти, а прочихъ, гдѣ явятся, всякими наставленьями приводить до соединенія св. Церкви, а не покоряющихся, домы ихъ разграбляти на великаго государя, а ихъ смерти предавати. Отвѣтъ: учинить непокаяннымъ раскольщикамъ по прежнимъ указамъ, только того смотрѣть, чтобъ ложными покаяньями избывъ смерти, не начали тайно простыхъ и неутвержденныхъ людей въ свои прелести привлекать, или, ушедъ въ пустынныя мѣста, собираясь по прежнему, людей льстить и зажигать; а которые раскольщики, собравъ людей, сожигали, а сами уходили, и такимъ ворамъ, по истинному свидѣтельству, хотя и покаются, самихъ, безъ всякой пощады, во страхъ инымъ, такимъ же ворамъ, сжечь [88].

Говоря о достоинствѣ архіереевъ, которыхъ Петръ назначилъ изъ ученыхъ Малороссійскихъ монаховъ для распространенія просвѣщенія между великороссійскимъ духовенствомъ, не забудемъ преданій о дѣятельности лучшаго изъ великороссійскихъ архіереевъ, знаменитаго не

школьною ученостью, но святостію жизни, и сходившагося съ Петромъ въ усердномъ радѣніи о благѣ родной земли. Въ то время, когда другія духовныя лица очень косо смотрѣли на нововведенія, раззорявшія, по ихъ мнѣнію, монастыри и архіерейскіе дома, Воронежскій епископъ Митрофанъ прославлялъ намѣренія государя относительно заведенія флота и убѣждалъ народъ всѣми силами помогать царю въ великомъ дѣлѣ; но одними словами епископъ не ограничивался: онъ привезъ царю послѣдніе оставшіеся у него 6000 рублей на войну противъ невѣрныхъ, и постоянно потомъ отсылалъ накоплявшіяся у него деньги къ государю или въ адмиралтейское казначейство съ надписью: „на ратныхъ". Легко понять, какъ Петръ долженъ былъ смотрѣть на такого архіерея: не любя жертвовать ни для кого и ни для чего ничѣмъ изъ вновь вводимаго, Петръ въ угоду Воронежскому епископу велѣлъ снять статуи языческихъ божествъ, украшавшія домикъ его въ Воронежѣ и горько оплакивалъ кончину святаго старца [89].

Но было много людей, которые не раздѣляли взгляда Воронежскаго епископа не тягости эпохи преобразованія. Мы уже видѣли, какъ начались и какъ выражались неудовольствія на Петра за его нововведенія; нововведенія продолжались, началась война, потребовавшая большихъ пожертвованій людьми и деньгами, рекрутская повинность впервые предстала народу со всею своею печальною обстановкою, и ропотъ усиливался. Крестьянинъ роптал: „какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видали, тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы, отдыху нашей братьи крестьянству нѣтъ" [90]. Сынъ боярскій говорилъ: „Какой де онъ государь? нашу братью всѣхъ выволокъ въ службу, а людей нашихъ и крестьянъ побралъ въ даточные, нигдѣ отъ него не уйдешь, всѣ распропали на плотахъ, и самъ онъ ходитъ на службу, нигдѣ его не убьютъ: какъ бы убили, такъ бы и служба минулась и черни бы легче было". Крестьянки, солдатскія жены кричали: „какой онъ царь? онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ въ солдаты, а насъ съ дѣ-

тьми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ“ [91]. Холопъ говорилъ: „Если онъ (Петръ) станетъ долго жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ; я удивляюсь тому, что его по ся мѣстъ не уходятъ: ѣздитъ рано и поздо по ночамъ малолюдствомъ и одинъ; и Нѣмцамъ нынѣ времени не стало, потому что у него тесть Лафортъ умеръ; какой онъ царь? врагъ оморокъ мірской; сколько ему по Москвѣ ни скакать, быть ему безъ головы“ [92]. Монахъ говорилъ: „Навѣшалъ государь стрѣльцовъ, что полтей, а уже нынѣ станетъ ихъ солить“. Другой монахъ сказалъ на это: „Эти полти даромъ не пройдутъ, быть обороту отъ послѣднихъ стрѣльцовъ“ [93]. Нищій говорилъ: „Нѣмцы его обошли: часъ добрый найдетъ—все хорошо, а иной найдетъ—такъ рветъ да мечетъ; да вотъ ужь и на Бога наступилъ: отъ церквей колокола снимаетъ“ [94]. Слышались слова: „міроѣдъ! Весь міръ переѣлъ; на него кутилку переводу нѣтъ, только переводитъ добрыя головы“!

И при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были сильныя жалобы на отягощеніе народное, жалобы, оканчивавшіяся бунтами, и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Никонъ, Іосифъ Коломенскій жаловались, что монастыри разорены. Но при этихъ жалобахъ, если не архіереи въ родѣ Никона или Іосифа Коломенскаго, то народъ обыкновенно щадилъ особу царя, складывалъ всю вину на бояръ. Сынъ царя Алексѣя не пользовался этимъ преимуществомъ, потому что сблизился съ Нѣмцами, ѣздилъ въ ихъ землю, обрился, одѣлся по нѣмецки, другихъ заставлялъ дѣлать тоже, царицу сослалъ въ монастырь, вмѣсто нея взялъ Нѣмку Монсову. Сдѣлана была попытка поднять православныхъ противъ брадобритія: въ Маѣ мѣсяцѣ 1700 года въ семи верстахъ отъ Троицкаго монастыря, на большой московской дорогѣ у Креста прибили листъ противъ брадобритія. Въ Суздалѣ подкинутъ былъ точно такой же листъ у городскихъ воротъ во время проѣзда черезъ нихъ келейника архіерейскаго казначея; въ Юрьевѣ Польскомъ тотъ же листъ явился прибитымъ у воротъ Архангельскаго монастыря [95]. Попытка не удалась; высказывались опасенія,

что дѣло не ограничится одними бородами; монахъ говорилъ: „Государь ѣздилъ за море, возлюбилъ вѣру Нѣмецкую: будетъ то, что станутъ по середамъ и пятницамъ бѣльцы и старцы ѣсть молоко“ [96].

Не даромъ все это! Народная фантазія стала работать надъ объясненіемъ поразительнаго, страшнаго явленія, и первое объясненіе было высказано: „Нѣмцы его обошли, испортили“. Но на этомъ не остановились, фантазія разыгрывалась все больше и больше, являлся вопросъ: прямой ли это царь, сынъ Алексѣя Михайловича и Натальи Кирилловны? Въ 1701 году князь Василій Сонцевъ былъ казненъ за два разбоя, за два убійства и за непристойныя слова, что царевна Софья называла Петра стрѣлецкимъ сыномъ [97]. Но вымыслъ отъявленнаго негодяя или озлобленной сестры не могъ имѣть ходу, ибо не объяснялъ того, что именно нужно было объяснить—почему Петръ полюбилъ все нѣмецкое! Наконецъ народная фантазія создала объясненіе: Петръ родился отъ Нѣмки и былъ подмѣненъ царицѣ, родившей дѣвочку. Объясненіе пошло въ ходъ съ дополненіемъ, что Петръ былъ сынъ Лефорта. Бабы, стирая бѣлье, толковали: „Крестьяне всѣ измучены, высылаютъ ихъ на службу съ подводами, да съ нихъ же берутъ сухари; всѣ на государя встали и возопіяли: какой де онъ царь? родился отъ Нѣмки беззаконной, онъ замѣненный, и какъ царица Наталья Кирилловна стала отходить сего свѣта, и въ то число ему говорила: ты де не сынъ мой, замѣненный. Онъ велитъ носить нѣмецкое платье—знатно, что родился отъ Нѣмки“.

Но и на этомъ фантазія не остановилась. Царь ввелъ брадобритіе и нѣмецкое платье, царицу отослалъ, Монсову взялъ, стрѣльцовъ переказнилъ — все по возвращеніи изъ-за границы: но онъ ли это пріѣхалъ? Нѣмцы погубили настоящаго царя Петра у себя, и прислали на Русь другаго, своего Нѣмца же, чтобъ обусурманить православныхъ. Сначала, вѣроятно на основаніи слуховъ о непріятностяхъ въ Ригѣ,—создалась слѣдующая сказка: „Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ и ходилъ онъ по Нѣмец-

кимъ землямъ и былъ въ Стекольномъ (Стокгольмѣ), а въ Нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица, и та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду и, снявъ съ сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была имянинница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: пожалуй, государыня, ради такого своего дни выпусти его государя, и она имъ сказала: подите посмотрите: буде онъ валяется, и для вашего прошенья выпущу. И князи и бояре, посмотря его государя, ей сказали: томенъ, государыня! и она имъ сказала: коли томенъ и вы его выньте, и они его, вынявъ, отпустили. И онъ пришелъ къ нашимъ боярамъ; бояре перекрестились, сдѣлали бочьку и въ ней набили гвоздья и въ тое бочьку хотѣли его положить, и про то увѣдалъ стрѣлецъ и, прибѣжавъ къ государю къ постелѣ, говорилъ: Царь государь изволь встать и выйти, ничего ты не вѣдаешь, что надъ тобою чинится; и онъ государь всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постелю легъ на его мѣсто, и бояре пришли и того стрѣльца съ постели схватя и положа въ тое бочьку, бросили въ море". Сказка не говорила, что сдѣлалось потомъ съ Петромъ, и люди, враждебные преобразованію, стали распространять слухъ, что онъ погибъ за границею, а на его мѣсто явился Нѣмчинъ: „Это не нашъ государь, Нѣмецъ; а нашъ царь въ Нѣмцахъ въ бочку закованъ, да въ море пущенъ" [99].

Противники преобразованія не остановились и на Нѣмецкомъ происхожденіи Петра. Мы знаемъ, что въ Россіи были люди, которые давно уже толковали объ антихристѣ, видѣли его и въ Никонѣ и даже въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: понятно, что они заговорили еще громче о пришествіи антихриста, когда увидали такую полную перемѣну старины, совершенную сыномъ Алексѣя.

Въ іюнѣ 1700 года въ Преображенскій приказъ явился пѣвчій дьякъ Ѳедоръ Казанецъ съ доносомъ: приходили къ нему зять его подъячій Алексѣевъ съ женою и сказали: живутъ они у книгописца Гришки Талицкаго и слышатъ отъ него про государя всякія непристойныя слова; да онъ же

Гришка рѣжетъ невѣдомо какія доски, хочетъ печатать тетради, и напечатавъ, бросать въ народъ. Талицкій узналъ, что его ищутъ въ Преображенскомъ и скрылся, но потомъ былъ отысканъ, подвергнутъ пыткѣ и признался, что составилъ письмо, будто настало нынѣ послѣднее время, и антихристъ въ міръ пришелъ, т. е. государь, также и другія многія статьи писалъ государю въ укоризну, и народу отъ него отступить приказывалъ, слушать и подати платить запрещалъ; а велѣлъ взыскать князя Михаила, отъ котораго будетъ народу добро. Списки съ своихъ сочиненій давалъ своимъ единомышленникамъ и друзьямъ и за то бралъ съ нихъ деньги. О послѣднемъ времени и антихристѣ вырѣзалъ двѣ доски, хотѣлъ на нихъ печатать листы и хотѣлъ ихъ отдавать въ народъ безденежно къ возмущенію на государево убійство. Имя князя Михаила онъ писалъ для того: какъ государь пойдетъ съ Москвы на войну, и стрѣльцы, разосланные по городамъ, соберутся къ Москвѣ, то чтобъ они выбрали въ правительство боярина князя Михаила Алегуковича Черкаскаго, для того, что онъ человѣкъ добрый. Талицкій показалъ, что о послѣднемъ вѣкѣ и объ антихристѣ онъ разговаривалъ съ Тамбовскимъ епископомъ Игнатіемъ, который велѣлъ ему все это написать въ книгу и прислалъ ему пять рублей денегъ, и онъ за эти деньги написалъ епископу тетради. Игнатій признался, что слышалъ отъ Талицкаго поносныя слова на государя и говорилъ: „видимъ мы и сами, что худо дѣлается, да что мнѣ дѣлать, я немощенъ; просилъ Талицкаго написать все въ тетрадяхъ получше, чтобъ можно было ему Игнатію въ томъ дѣлѣ истину познать. Талицкій уличалъ Игнатія въ томъ, что когда онъ слушалъ написанное въ тетрадяхъ, то плакалъ, и взявши тетради, поцѣловалъ ихъ. Потомъ Талицкій показалъ на боярина князя Ив. Ив. Хованскаго, который говорилъ ему: „Богъ далъ было мнѣ вѣнецъ, да я потерялъ: брали меня въ Преображенское, и на генеральномъ дворѣ Никита Зотовъ ставилъ меня въ митрополиты, и дали мнѣ для отреченія столбецъ, и по тому письму я отрицался, и въ отреченіи спрашивали вмѣ-

сто: вѣруешь ли? — пьешь ли? и тѣмъ своимъ отрѣченіемъ я себя и пуще бороды погубилъ, что не спорилъ, и лучше было мнѣ мученія вѣнецъ принять, нежели такое отрѣченіе чинить". (Хованскій разказывалъ о шутовскихъ обрядахъ въ компаніи). Попъ Андрей показалъ, что Талицкій государя антихристомъ называлъ, и говорилъ: „какой онъ царь: самъ людей мучитъ!" говорилъ и про царевича: „отъ недобраго корня и отросль недобрая; какъ я съ Москвы скроюсь, то на Москвѣ будетъ великое смятеніе". — Монахъ Матвѣй показалъ: „Талицкій пришелъ къ нему въ келью, принесъ съ собою тетрадку объ исчисленіи лѣтъ, и говорилъ: „Питаться стало нечѣмъ, а вы что̀ спите? пришло послѣднее время; въ книгахъ пишутъ, что будетъ осьмой царь антихристъ, а нынѣ осьмой царь Петръ Алексѣевичь, онъ-то и антихристъ". Бояре приговорили: Гришку Талицкаго съ пятью товарищами казнить смертію, другихъ бить кнутомъ и сослать въ Сибирь; Тамбовскаго епископа Игнатія, разстриженнаго сослать въ Соловки въ тюрьму; князь Хованскій умеръ до окончанія дѣла подъ карауломъ [100].

Талицкаго казнили. Стефанъ Яворскій написалъ книгу противъ его ученія, подъ заглавіемъ: „Знаменія пришествія антихристова"; но какъ обыкновенно бываетъ, книгу читали тѣ, которые и безъ нея не вѣрили, что Петръ — антихристъ, а въ нисшихъ слояхъ народа книгу Стефана не читали, и мысль объ антихристѣ не умирала въ людяхъ, страдавшихъ боязнію новаго. Въ 1704 году въ Симоновѣ монастырѣ хлѣбенный старецъ Захарія говорилъ: „Талицкій нынѣ мученикъ святъ; вотъ нынѣ затѣяли бороды и усы брить, а прежде сего этого не бывало; какое это доброе? вотъ нынѣ проклятый табакъ пьютъ!" Въ Олонецкомъ уѣздѣ послѣ службы церковной шелъ такой разговоръ между священникомъ и дьячкомъ: Дьячекъ: На Москвѣ нынѣ изволилъ государь лѣтопись писать отъ Рождества Христова 1700 года, да платья носить Венгерскія. Священникъ: Слышалъ я въ волости, что и великаго поста недѣля убавлена и послѣ Свѣтлаго Воскресенья и Ѳоминой недѣли учнутъ повся межъ говѣнья въ среды и пятки мясо

и млеко ясти во весь годъ. Дьячекъ: Какъ будутъ эти указы присланы къ намъ въ погосты, и будутъ люди по лѣсамъ жить и горѣть, пойду и я съ ними жить и горѣть. Священникъ: Возьми и меня съ собою: знать, что нынѣ житье къ концу приходитъ. Ладожскій стрѣлецъ Александръ на дорогѣ изъ Новгорода въ 1704 году встрѣтилъ старца, который говорилъ ему: „Нынѣ службы частыя, какое нынѣ христіанство? нынѣ вѣра все по новому; у меня есть книги старыя, а нынѣ эти книги жгутъ". Про государя говорилъ: „Какой онъ намъ христіанамъ государь? онъ не государь, Латышъ: поста никогда не имѣетъ; онъ льстецъ, антихристъ, рожденъ отъ нечистой дѣвицы, писано объ немъ именно въ книгѣ Валаамскихъ чудотворцевъ, и что онъ головою запрометываетъ и ногою запинается, и то его нечистый духъ ломаетъ; а стрѣльцовъ онъ переказнилъ за то, что они его еретичество знали, а они стрѣльцы прямые христіане были, а не бусурманы; а солдаты всѣ бусурманы, поста не имѣютъ; прямаго государя христіанскаго, царя Іоанна Алексѣевича извелъ онъ же льстецъ. Нынѣ всѣ стали иноземцы, всѣ въ Нѣмецкомъ платьѣ ходятъ, да въ кудряхъ, бороды брѣютъ". — Стрѣлецъ замѣтилъ: „Вотъ нынѣ и не иноземецъ, и Русскій Александръ Даниловичь Меншиковъ, видишь, какъ пожалованъ отъ государя!" Старецъ отвѣчалъ: „Простоль онъ пожалованъ? онъ не просто живетъ, отъ Христа отвергся, для того отъ государя имѣетъ милость великую, а нынѣ за нимъ бѣси ходятъ и его берегутъ". Стрѣлецъ замѣтилъ: „Государь отъ царскаго родился колѣна". Старецъ отвѣчалъ: „У него мать была какая царица? она была еретица, все дѣвокъ родила". О себѣ старецъ объявилъ стрѣльцу: „Я живу въ Заонежьи въ лѣсахъ; ко мнѣ лѣтней дороги нѣтъ, а есть дорога зимняя, и то ко мнѣ ходятъ на лыжахъ" [102].

Послѣ брадобритія особенно сильное неудовольствіе возбуждали повторительные указы о перемѣнѣ платья. 4 генваря 1700 года объявленъ былъ именной указъ: „Боярамъ и окольничимъ и думнымъ и ближнимъ людемъ и стольни-

комъ и стряпчимъ и дворяномъ Московскимъ и дьякомъ и жильцамъ и всѣхъ чиновъ служилымъ и приказнымъ и торговымъ людемъ, и людемъ боярскимъ, на Москвѣ и въ городѣхъ, носить платья, Венгерскіе кафтаны, верхніе длиною по подвязку, а исподніе короче верхнихъ, тѣмъ же подобіемъ". Въ мартѣ 1700 года Курбатовъ писалъ царю, что надобно возобновить указы, хотя съ пристрастіемъ, о Венгерскихъ кафтанахъ и о перемѣнѣ ножей, потому что народы ослабѣваютъ въ исполненіи и думаютъ, что все будетъ по прежнему. 26 августа прибиты были по городскимъ воротамъ указы о платьѣ Французскомъ и Венгерскомъ, и для образца повѣшены чучелы, т. е. образцы платью. Въ 1701 году новый указъ: „Всякихъ чиновъ людямъ Московскимъ и городовымъ жителямъ, и которые помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне, пріѣзжая живутъ на Москвѣ для промысловъ, кромѣ духовнаго чина и пашенныхъ крестьянъ, носить платье Нѣмецкое, верхнее Саксонское и Французское, а исподнее — камзолы и штаны и сапоги и башмаки и шапки Нѣмецкія, и ѣздить на Нѣмецкихъ сѣдлахъ; а женскому полу всѣхъ чиновъ, также и попадьямъ и дьяконицамъ и церковныхъ причетниковъ и драгунскимъ и солдатскимъ и стрѣлецкимъ женамъ и дѣтямъ ихъ носить платье и шапки и кунтушы, а исподнія бостроги и юпки и башмаки Нѣмецкіежъ; а Русскаго платья и Черкескихъ кафтановъ и тулуповъ и азямовъ и штановъ и сапоговъ и башмаковъ и шапокъ отнюдь никому не носить, и на Русскихъ сѣдлахъ не ѣздить, и мастеровымъ людямъ не дѣлать и въ рядахъ не торговать. Съ ослушниковъ указа въ воротахъ цѣловальники берутъ пошлину, съ пѣшихъ по 13 алтынъ по 2 деньги, съ конныхъ по 2 рубля съ человѣка; мастеровымъ людямъ, которые станутъ дѣлать запрещенное платье, указъ грозилъ жестокимъ наказаньемъ [104].

Мы уже говорили прежде о смыслѣ преобразованія наружности Русскаго человѣка, преобразованія, рѣшительно закончившагося при Петрѣ. Теперь, говоря преимущественно о перемѣнѣ платья, мы опять должны замѣтить,

что нельзя легко смотрѣть на это явленіе, ибо мы видимъ, что и въ платьѣ выражается извѣстное историческое движеніе народовъ Коснѣющій, полусонный Азіатецъ носитъ длинное, спальное платье. Какъ скоро человѣчество, на Европейской почвѣ, начинаетъ вести болѣе дѣятельную, подвижную жизнь, то происходитъ и перемѣна въ одеждѣ. Чтѐ дѣлаетъ обыкновенно человѣкъ въ длинномъ платьѣ, когда ему нужно работать? онъ подбираетъ полы своего платья. То же самое дѣлаетъ Европейское человѣчество, стремясь къ своей новой, усиленной дѣятельности: оно подбираетъ, обрѣзываетъ полы своего длиннаго, вынесеннаго изъ Азіи платья, и нашъ фракъ (пусть называютъ его безобразнымъ) есть необходимый результатъ и знаменіе этого стремленія; длинное платье остается у женщины, которой дѣятельность сосредоточена дома, въ семействѣ. Такимъ образомъ и Русскій народъ, вступая на поприще Европейской дѣятельности, естественно долженъ былъ одѣться и въ Европейское платье, ибо вопросъ не шелъ о знаменіи народности (это вопросъ позднѣйшій), вопросъ состоялъ въ томъ: къ семьѣ какихъ народовъ принадлажать, европейскихъ или азіатскихъ? и соотвѣтственно носить въ одеждѣ и знаменіе этой семьи.

Но иначе смотрѣли на дѣла многіе изъ Русскихъ, современниковъ Петра. Перемѣнять платье, одѣваться Нѣмцемъ было для нихъ и тяжело и убыточно, и, даже оставляя въ сторонѣ суевѣрную привязанность къ старинѣ, перемѣна эта могла возбуждать сильное раздраженіе. Дмитровскій посадскій Большаковъ, надѣвая новую шубу, сказалъ съ сильною бранью: „кто это платье завелъ, того бы повѣсилъ"; а жена его прибавила: „прежніе государи по монастырямъ ѣздили, Богу молились, а нынѣшній государь только на Кокуй ѣздитъ". Нижегородскій посадскій Андрей Ивановъ пришелъ въ Москву извѣщать государю, что онъ, государь, разрушаетъ вѣру христіанскую: велитъ бороды брить, платье носить Нѣмецкое, табакъ тянуть, и потому для обличенія его государя онъ и пришелъ [105].

Внизу были недовольны нововведеніями; на Верху царе-

вны и челядь ихъ были также недовольны, только не нововведеніями: онѣ еще прежде Петра пошли по новой дорогѣ и нашли ее очень пріятною; царевны были недовольны тѣмъ, что содержаніе ихъ было ограничено, что имъ нельзя было жить такъ, какъ жилось въ правленіе царевны Софьи. Мы видѣли, что и прежде были жалобы на боярина Стрѣшнева, что онъ царевенъ съ голоду поморилъ. Жалобы продолжались. Дворцовый поваръ Чуркинъ говорилъ: „У царевны Татьяны Михайловны я стряпаю вверху, живу недѣлю, и добычи нѣтъ ни по копѣйки на недѣлю; кравчій князь Хотѣтовскій лихъ, урвать нечего. Прежде сего все было полно, а нынѣ съ дворца вывезли все бояре возами. Кравчій ей государынѣ ставитъ яица гнилыя и кормитъ ее съ кровью. Прежде сего во дворцѣ по погребамъ рыбы было много, и мимо дворца проѣзжіе говаривали, что воняетъ, а нынѣ вотъ де не воняетъ, ничего нѣтъ [106]." Послѣ этого легко понять, что одна изъ царевенъ, Екатерина Алексѣевна предалась страстно исканію кладовъ [107]. Царевна попалась, потому что завела сношенія съ Костромскимъ попомъ Григорьемъ Елисеевымъ, на котораго донесли, что у него бывала многая дворцовая посуда за орломъ [108]. Царевна призналась Петру, что попъ Гришка былъ у нея для того, будто онъ по планетамъ клады узнаетъ. Гришка признался, что планетныя тетради у него были и что по планетамъ онъ клады узнаетъ онъ царевнѣ говорилъ обманомъ для взятку. Женщины, служившія царевнѣ, открыли въ допросѣ любопытныя подробности. Дарья Валутина сказала: „отпущена она Дарья отъ царевны за болѣзнію къ Москвѣ, и на отпускѣ царевна ей приказывала, чтобъ она такого человѣка провѣдала, у кого на дворѣ или гдѣ ни есть кладъ лежитъ, чтобъ пріѣхавъ, тотъ кладъ взять; и такого человѣка она сыскала Ваську Чернова, который сказалъ: отъ Москвы въ 220 верстахъ на дворѣ у мужика въ хлѣвѣ подъ гнилыми досками стоитъ котелъ денегъ: у меня де тотъ кладъ и въ рукахъ былъ. И она Дарья для взятья того кладу съ нимъ Ваською посылала для вѣры Покровскаго дворцоваго сторожа Измайловскаго. И тотъ сторожъ, пріѣхавъ

къ Москвѣ одинъ, ей Дарьѣ сказалъ: не токмо того кладу, и двора онъ Васька ему не указалъ. Другая женщина, Марья Протопопова показала: изволила царевна посылать меня въ дозоръ за Орѣховою, и Орѣхова ходила на могилу къ Ивану Предтечѣ, которая въ Коломенскомъ церковь, и приказала мнѣ стоять одаль отъ того мѣста, гдѣ копали они Орѣхова да вдова Акулина; онѣ только кости человѣческія выкопали; а я какъ пришла, такъ ей государынѣ стала говорить, что нѣтъ ничего, и она стала кручиниться на меня и на тое вдову Акулину: „Ни сошто васъ нѣту". И въ тѣ поры пришла государыня сестра ея, царевна Марья Алексѣевна, увидѣла, что я плачу и стала спрашивать, скажи де по правдѣ? и я имъ стала разказывать, что кости человѣческія, и та стала сестрѣ своей говорить: полно, сестрица, не хорошо затѣяла, грѣхъ лишній, что мертвымъ покою нѣтъ и бабъ въ погибель приведешь; и она стала и на сестру свою досадовать. Изволила посылать коляску сыскать въ Нѣмецкую слободу и изволила сама поѣхать на дворъ къ посланнику, что былъ Галанской, и какъ пріѣхала и стала спрашивать про сахарницу, гдѣ она живетъ и намъ разказали; и какъ туда пріѣхала, стала заказывать намъ, чтобъ мы не сказывали никому, и у сахарницы изволила выбирать сахару и канфекту на девять рублевъ, и они безъ денегъ не отдали, и она приказала запечатать тотъ сахаръ, а послѣ не изволила и брать. И послѣ того изволила меня посылать по иноземку Марью Вилимову Менезеюшу, и велѣла ее привезти въ Коломенское, и та иноземка поѣхала, и государыня изволила меня спрашивать, та ли даетъ въ ростъ деньги? поговори ты ей, чтобъ и мнѣ дала; и я по тѣмъ ея словамъ стала говорить, что не дастъ безъ закладу, и она сказала: „лихо де закладу нѣтъ, какъ бы такъ выпросить!" а послѣ сихъ словъ изволила тое иноземку къ рукѣ жаловать, и сама стала съ нею говорить, а про деньги ей застыдилася говорить. Въ Нѣмецкой слободѣ изволила поѣхать смотрѣть дворъ и на томъ дворѣ хозяйка пьяна была, у ней родины были, и государыня изволила напрошаться кушать, чтобы построила хорошее ку-

шанье; и какъ поѣхала отъ тое хозяйки и встрѣтился ей Петръ Пиль и узналъ ее по каретѣ и сталъ къ себѣ звать и она изволила поѣхать къ нему на дворъ и ему сказала, чтобъ обѣдъ сдѣлалъ, и ее унимала царевна Марья Алексѣевна и она не изволила послушаться, ѣздила во всѣ мѣста, гдѣ изволила напрошаться; и послѣ того изволила у себя столъ сдѣлать про тѣхъ, у которыхъ кушала".

Всѣ неудовольствія, которыя обнаруживались въ разныхъ сферахъ, не были однако довольно сильны, чтобъ произвести возстаніе и помѣшать хотя на время дѣлу преобразованія. Причина заключалась въ томъ, что на сторонѣ преобразованія были лучшіе, сильнѣйшіе люди, сосредоточившіеся около верховнаго преобразователя; отсюда то сильное, всеобъемлющее движеніе, которое увлекало однихъ и не давало укореняться враждебнымъ замысламъ другихъ; машина была на всемъ ходу; можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя. И чѣмъ остановить? Стрѣльцы переказнены и разогнаны; инокиня Сусанна уже не выйдетъ изъ монастыря; духовенство безъ патріарха, и подлѣ недовольныхъ великороссійскихъ архіереевъ архіереи изъ Малороссіянъ, которые дѣйствуютъ въ видахъ преобразователя; люди, которымъ мерещутся признаки послѣдняго времени, могутъ только бѣжать въ лѣса и степи. Въ Москвѣ и около Москвы нельзя ничего сдѣлать; хотя царь и въ постоянной отлучкѣ, но есть люди, которые зорко смотрятъ во всѣ стороны; царь въ отсутствіи, но въ Преображенскомъ сидитъ Пресбургскій король; „Богъ любитъ праведника, царь любитъ ябедника", говорятъ недовольные, и однако, дѣлать нечего, надѣваютъ Нѣмецкое платье.

Въ Москвѣ и около Москвы ничего сдѣлать нельзя; но можно начать дѣло гдѣ-нибудь подальше отъ Москвы, отъ Преображенскаго, поближе къ козакамъ. Козаки—одна надежда послѣ стрѣльцовъ. И въ половинѣ 1705 года, когда царь былъ съ войскомъ на западѣ, возстаніе за старину вспыхнуло въ самомъ отдаленномъ застепномъ углу, окруженномъ козаками, въ Астрахани. Мѣсто было выбрано

самое удобное, и выбрано оно было недовольными изъ разныхъ городовъ, въ слѣдствіе чего Астраханскій бунтъ и не носитъ вполнѣ мѣстнаго, характера. Астрахань была только сборнымъ мѣстомъ, удобнымъ и потому, что въ такомъ отдаленіи отъ Москвы воеводы и начальные люди обыкновенно разнуздывались и своими притѣсненіями возбуждали сильнѣйшее неудовольствіе, чѣмъ и воспользовались заводчики мятежа. Этими заводчиками являются: Ярославецъ гостинной сотни первой статьи Яковъ Носовъ; Москвитинъ Артемій Анцыфоровъ; Синбирянинъ гостинной сотни Осипъ Твердышевъ; Нижегородцы посадскіе люди Борисъ Докукинъ, Петръ Скурихинъ; Павловцы Илья и Василій Басиловы; бурмистры дѣловаго двора: Углечанинъ Филиппъ Калистратовъ, Михайла Назаровъ, Синбирянинъ Петръ Духовъ, Нижегородецъ Козьма Ивановъ; Астраханскіе жители: гостинной сотни Иванъ Артемьевъ; земскіе бурмистры: Антипъ Ермолаевъ, Алексѣй Банщиковъ, Василій Яковлевъ, Гаврила Ганчиковъ, Иванъ Севринъ. Вмѣстѣ съ этими представителями Астраханскихъ и иногородныхъ жителей, заводчиками являются пятидесятники стрѣлецкихъ полковъ и сержанты салдатскаго полка. Однимъ изъ главныхъ разгласителей ложныхъ слуховъ былъ пришедшій изъ Москвы стрѣлецкій сынъ Степанъ Москвитинъ. Отецъ Степана, Кобыльскаго полка стрѣлецъ умеръ на службѣ въ Кіевѣ; двое дядей казнены въ Москвѣ; Степанъ остался съ матерью, съ которою хаживалъ на загородный дворъ Ѳедора Лопухина къ человѣку его столяру Терентью Андронову; тутъ Степанъ слыхалъ, какъ жена Андронова разговаривала съ его матерью: „Стрѣльцовъ всѣхъ раззорили, разослали съ Москвы, а въ мірѣ стали тягости, пришли службы, велятъ носить Нѣмецкое платье, а при прежнихъ царяхъ этого ничего не бывало; стрѣльцовъ раззорили, платье перемѣнили и тягости въ мірѣ стали потому, что на Москвѣ перемѣнный государь: какъ царица Наталья Кирилловна родила царевну, и въ тожь время боярыня или боярышня родила сына, и того сына взяли къ царицѣ“. Стрѣльчиха

поддакивала. Выросши, Степанъ отправился въ Астрахань; на дорогѣ, въ Коломнѣ зашелъ къ дядѣ Ивану Сугоняю, который говорилъ ему: „Сдѣлаешь добро, если въ Астрахани людей смутишь; и Донъ, и Яикъ потянутъ съ вами же, кому противъ васъ быть противнымъ? государь бьется съ Шведомъ, города всѣ пусты, которые малые люди и есть, и тѣ того же желаютъ и ради вамъ будутъ, можно старую вѣру утвердить“. Дядя далъ Степану письмо, въ которомъ говорилось, что Москвою завладѣли четыре боярина столповые, и хотятъ Московское государство раздѣлить на четыре четверти. Сугоняй наказывалъ подкинуть это письмо, какъ въ Астрахани забунтуютъ. Пріѣхавъ въ Астрахань, Степанъ началъ говорить старикамъ раскольникамъ и стрѣльцамъ тайно, что слышалъ въ домѣ Лопухина: иные поддакивали: „сбудется такъ“; другіе унимали, но онъ сталъ громче говорить и нашелъ единомышленниковъ [109].

Въ іюнѣ прошла въ Астрахани площадная молва, что государя не стало, и для того воевода Астраханскій Тимоѳей Ржевскій и начальные люди вѣру христіанскую покинули, начали бороды брить и въ Нѣмецкомъ платьѣ ходить. Въ іюлѣ стрѣльцы толковали: „Худо въ Астрахани дѣлается отъ воеводы и начальныхъ людей: завели причальныя и отвальныя (пошлины): хотя хворосту на шесть денегъ въ лодкѣ привези, а привальнаго дай гривну: быть худу, даромъ не пройдетъ!“ Къ Никольской церкви (что въ Шипиловой слободѣ) собирались стрѣльцы; однажды къ нимъ вышелъ пономарь этой церкви Василій Бесѣдинъ, вынесъ книгу и началъ читать о брадобритіи: „Хорошо, говорилъ пономарь, за это и постоять, хотя бъ и умереть; вотъ о томъ и въ книгѣ написано“. Сильное впечатлѣніе произвелъ поступокъ цѣловальника, стрѣльца Григорья Ефтифеева, который долженъ былъ собирать пошлины съ Русскаго платья: Ефтифеевъ пошлинъ собирать не сталъ, бороды себѣ не выбрилъ, и на вопросъ воеводы, для чего онъ это дѣлаетъ? отвѣчалъ: „Хотя умру, а пошлины собирать и бороды брить не буду“. Воевода велѣлъ посадить

его подъ караулъ. Въ двадцатыхъ числахъ іюля на торгу прошла молва, что запрещено будетъ играть свадьбы семь лѣтъ, а дочерей и сестеръ велѣно будетъ выдавать замужъ за Нѣмцевъ, которыхъ пришлютъ изъ Казани. Астраханцы пришли въ ужасъ и рѣшились выдать своихъ дѣвицъ какъ можно скорѣе замужъ до указа, чтобъ потомъ не выдавать ихъ за Нѣмцевъ 29 іюля въ воскресенье было съиграно свадебъ со сто; на каждой не обошлось безъ пира; разгоряченныхъ виномъ легко было поднять на бунтъ. Ночью, часу въ четвертомъ у Никольской церкви собралось человѣкъ съ 300, черезъ Пречистенскія ворота вломились они въ Кремль; Прохоръ Носовъ схватилъ караульнаго капитана Московскаго полка, прозвищемъ Малую Землю, и ударилъ о землю, иностранца матроса порубилъ саблею; всего убито было пять человѣкъ. Тутъ кто-то ударилъ въ набатъ, по набату сбѣжались въ Кремль стрѣльцы и солдаты всѣхъ полковъ, искали воеводу и не нашли; взяли у митрополита изъ кельи подъяческаго сына Кучукова и передъ соборною церковію закололи копьями. Въ ту же ночь солдаты убили своего полковника Девиня и капитана Меера; стрѣлецъ закололь и жену Меера за то, что за нѣсколько времени до бунта она говорила ему: „станете и вы въ постъ мясо ѣсть!“

Дѣло начали, что же дальше? Раздались крики: „Надобно идти въ Москву, провѣдать про государя, живъ ли онъ?“— „А развѣ есть слухъ, что не живъ?“ — „Да говорятъ, что не стало!“—„Нѣтъ онъ живъ, да въ заточеніи въ Стекольномъ, закладенъ въ столпъ, а на Москвѣ не прямой государь“. На другой день утромъ солдатъ Давыдовъ и Прохоръ Носовъ сыскали Ржевскаго на воеводскомъ дворѣ за поварнею въ курятникѣ, и привели въ кругъ. Явился обличитель — Ермолай обручникъ; онъ кричалъ на воеводу: „Ты меня за три обруча кнутомъ билъ“. Судъ былъ не дологъ: стрѣлецъ коннаго полка Уткинъ бросился на Ржевскаго и скололь его копьемъ.

Покончили съ царскимъ воеводою, надобно было выбрать своего начальника. Стрѣльцы Тенютинъ и Яковлевъ кри-

чали громче всѣхъ, что надобно выбрать въ старшины Ярославскаго гостя Якова Носова, раскольника и Астраханца бурмистра Гаврилу Ганчикова: „они де люди умные, все войско управятъ!“ Умные люди были выбраны въ старшины.

Первымъ дѣломъ умныхъ людей было разослать грамоты къ окрестнымъ козакамъ, поднимать ихъ за старину. Въ грамотахъ говорилось: „Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую и за брадобритіе и за Нѣмецкое платье и за табакъ и что къ церквамъ насъ и нашихъ женъ и дѣтей въ Русскомъ старомъ платьѣ не пущали, а которые въ церковь Божію ходили, и у тѣхъ платье обрѣзывали и отъ церквей Божіихъ отлучали и выбивали вонъ и всякое ругательство намъ и женамъ нашимъ и дѣтямъ чинили воеводы и начальные люди, и болваномъ кумирскимъ богомъ они воеводы и начальные люди покланялись и насъ кланяться заставливали. И мы за вѣру христіанскую стали и чинить того, что болванамъ кланяться, не хотѣли. И они воеводы и начальные люди по карауламъ хотѣли у караульныхъ служилыхъ людей ружье отобрать, а у иныхъ отобрали и хотѣли насъ побить до смерти; а мы у начальныхъ людей въ домахъ вынули кумирскихъ боговъ. Да въ прошломъ 1704 году на насъ брали банныхъ денегъ по рублю, да съ насъ же велѣно брать съ погребовъ со всякой саженн по гривнѣ, да у насъ же хлѣбное жалованье безъ указу отняли. И мы о томъ многое время терпѣли и, посовѣтовавъ между собою, мы, чтобъ намъ вѣры христіанской не отбыть и болванамъ кумирскимъ богамъ не покланяться, и напрасно смертію душою съ женами и дѣтьми вѣчно не умереть и за то, что стала намъ быть тягость великая, и мы того не могучи терпѣть и вѣры христіанской отбыть, противъ ихъ противились и воеводу Тимоѳея Ржевскаго и изначальныхъ людей иныхъ убили до смерти, а иныхъ посадили за караулъ. Да намъ же вѣдомо чинится отъ купецкихъ и отъ иныхъ всякихъ чиновъ людей, что въ Казани и въ иныхъ городахъ поставлены Нѣмцы по два и по три человѣка на дворы и тамошнимъ жителямъ и женамъ ихъ и дѣтямъ чинили утѣсненія и ругательства“.

Астраханскіе посланцы и грамота, ими привезенная произвели сильное волненіе на Терекѣ. Возмутились всѣмъ городомъ и пришли къ воеводѣ на дворъ съ копьями; воевода изъ хоромъ уговаривалъ ихъ Астраханцамъ не вѣрить и не мутиться. Воевода остался живъ; но козаки требовали у него на смерть подполковника Илью Некрасова, воевода не выдалъ Некрасова; тогда на другой день они вломились съ ружьемъ въ воеводскіе хоромы, взяли Некрасова силою, отвели въ приказъ за караулъ, потомъ пытали и убили всѣмъ полкомъ. И на Терекѣ, какъ въ Астрахани, приступили немедленно къ избранію начальныхъ людей, взяли невольно посадскаго Василья Авдѣева всѣмъ городомъ да козака Степана Тимоѳѣева въ атаманы и цѣловали крестъ быть за одно съ Астраханцами. Но на Терекѣ далеко не всѣ думали одинаково: козаки и Московскіе стрѣльцы были за бунтъ, но терскіе стрѣльцы конныя и пѣшіе съ ними не тянули. Въ Астрахани получена была очень неудовлетворительная грамота отъ Терскихъ и Гребенскихъ атамановъ и казаковъ: „Мы ради за вѣру Христову и за брадобритіе и за табакъ и за Нѣмецкое платье, мужеское и женское и за отлученіе церкви Божіей стоять и умирать; но вы все великое Астраханское войско и все православное христіанство не прогнѣвайтесь на насъ за то, что войска къ вамъ на помощь не послали, потому что, живымъ Богомъ клянемся, невозможно намъ войска къ вамъ прислать: сами вы знаете, что насъ малое число, и съ ордою со всею не въ миру: чтобы намъ по прежнему отъ орды женъ и дѣтей не потерять". Такимъ образомъ Астраханцы должны были отказаться отъ надежды получить помощь съ Терека; напротивъ, одинъ изъ тамошнихъ заводчиковъ бунта, писарь Страховъ писалъ, чтобъ Астраханцы прислали войска на помощь людямъ, стоявшимъ за вѣру Христову и брадобритіе и старое платье, мужеское и женское. Между тѣмъ воевода, вышедши съ вѣрными правительству людьми изъ города, возвратился туда съ Татарами и Черкесами и усмирилъ бунтовщиковъ, нѣкоторыхъ казнилъ, заводчиковъ отослалъ въ Москву.

Красный и Черный Яръ объявили себя за Астрахань. Астраханскіе посланцы, пріѣхавши въ Красный Яръ, ударили въ набатъ, и, вынувъ сабли на голо, говорили Красноярцамъ: „если старшинъ не выберете, на насъ не пеняйте". Особенно кричалъ Иванъ Кузнечикъ: „Либо мы пропадемъ, либо вы пропадете; если старшинъ не выберете, то вамъ сабли не миновать." Красноярцы взбунтовались всѣмъ городомъ, сковали воеводу за налоги и отправили его въ Астрахань съ челобитчиками на него; въ Астрахани челобитья найдены справедливыми и воевода убитъ.

Далѣе Краснаго и Чернаго Яра бунтъ не пошелъ. Умные люди, распоряжавшіеся въ Астрахани, послали атамана Ивана Дороѳѣева съ войскомъ поднимать Поволжье; Дороѳеевъ подошелъ къ Царицыну, послалъ къ горожанамъ приглашеніе стать за брадобритіе и старое платье, но получилъ отвѣтъ: „Пишешь къ намъ, чтобъ пристать къ вашему союзу: и мы къ вашему союзу пристать не хотимъ; съ кѣмъ вы думали въ Астрахани, тамъ себѣ и дѣлайте. Да вы жъ къ намъ писали, будто къ намъ пріѣзжаютъ въ городъ Калмыкъ многое число, и будто въ городѣ отымаютъ хлѣбъ, и калачи, и харчь безденежно: и у насъ того не бывало. Да выжъ къ намъ писали, будто стали за православную христіанскую вѣру: и мы Божіею милостію, въ городѣ Царицинѣ всѣ христіане и никакого раскола не имѣемъ и кумирскимъ богамъ не поклоняемся; и козаки Донскіе къ вамъ пріѣзжали изъ разныхъ станицъ и къ вашему пріобщенію приставать не хотятъ, и вамъ отказали".

Отправляя Дороѳеева къ Царицину, умные люди ему наказали: если Донскіе козаки къ нимъ пристанутъ, то имъ, взявъ Царицинъ боемъ, идти до Москвы и по дорогѣ брать города, а противниковъ побивать до смерти, потому что государь въ Стекольномъ закладенъ въ столпѣ, и на Москвѣ управляютъ бояре, Бутурлинъ да Головинъ, и, пришедъ къ Москвѣ, провѣдать о томъ подлинно". И такъ успѣхъ бунта зависѣлъ отъ Донскихъ козаковъ: Донскіе козаки не дали помощи, и Царицынъ не былъ взятъ боемъ, Дороѳеевъ не пошелъ дальше безъ козаковъ. Отъ чего же на великой рѣ-

кѣ не нашлось охотниковъ постоять за Христову вѣру и за брадобритіе? Охотники были, потому что кромѣ желанія добыть зипунъ, были и сильныя неудовольствія на Москву, на царя; охотники были, но ихъ было еще немного, они не были въ собраніи, и главное у нихъ не было вождя. Астраханскій бунтъ произошелъ внезапно, безъ предварительнаго сношенія съ недовольными на Дону, застигнулъ послѣднихъ въ расплохъ, вовсе неприготовленными; при томъ умные люди, распоряжавшіеся въ Астрахани сдѣлали большую ошибку, отправивъ возмутительныя письма прямо въ Черкаскъ, къ правительству Донскому, тогда какъ атаманы и старые козаки никогда не начинали возстаній противъ Московскаго правительства, и бунты вспыхивали не въ Черкаскѣ, а въ дальнихъ казачьихъ городкахъ, наполненныхъ новоприбывшею голутьбою, искателями зипуновъ. Наконецъ Ѳедоръ Матвѣевичь Апраксинъ, узнавъ въ Воронежѣ объ Астраханскомъ бунтѣ, писалъ въ Черкаскъ, чтобъ тамошнее правительство послало отъ себя во всѣ козачьи городки добрыхъ козаковъ человѣка по два или больше съ подтвержденіемъ, чтобъ нигдѣ къ Астраханцамъ не приставали, и если явятся воры, били, ловили и присылали въ Воронежъ; войсковому атаману Апраксинъ велѣлъ идти къ Царицыну, чтобъ воровской замыслъ пресѣчь; о себѣ Апраксинъ писалъ, что идетъ къ нимъ водой съ солдатскими полками, а напередъ себя посылаетъ казацкіе слободскіе полки; то же самое написалъ и во всѣ казачьи городки. „О походѣ своемъ писалъ къ нимъ и пустилъ эха, чтобъ ихъ привести тѣмъ въ размышленіе“, доносилъ Апраксинъ царю.

Донцы дѣйствительно пришли въ размышленіе, слѣдствіемъ котораго было то, что они цѣловали крестъ не измѣнять царю, выслали войско противъ бунтовщиковъ, и Астраханскихъ посланцевъ, заковавши, отправили въ Москву вмѣстѣ съ прелестною грамотою. Въ Москвѣ любопытствовали знать, что такое за кумирскіе боги, о которыхъ писали Астраханцы? Одинъ изъ ихъ посланныхъ объяснилъ дѣло: кумирами бунтовщики называли столярной ра-

боты личины деревянныя, на которыхъ у иноземцевъ и у русскихъ начальныхъ людей кладутся накладные волосы для береженія, чтобъ не мялись. Присланные отъ Донскихъ козаковъ объявили въ Москвѣ, что у нихъ все тихо и бунта не будетъ, потому что имъ отъ великаго государя никакого утѣсненія нѣтъ; и тѣмъ они передъ иными народами отъ великаго государя пожалованы и взысканы, что къ нимъ до сихъ поръ о бородахъ и о платьѣ указу не прислано, и платье они нынѣ носятъ по своему древнему обычаю, какъ кому изъ нихъ которое понравится: иные любятъ носить платье и обувь по черкески и по калмыцки, а иные обыкли ходить въ Русскихъ стародревняго обычая платьяхъ, и что кому лучше похочется, тотъ такъ и творитъ, и въ томъ между ними козаками распри и никакого посмѣянія другъ надъ другомъ нѣтъ, а нѣмецкаго платья никто изъ нихъ козаковъ у нихъ на Дону не носитъ, и мастера, т. е. портные, которые бъ Нѣмецкое платье могли дѣлать, въ городкахъ ихъ козачьихъ не живутъ, и охоты у нихъ козаковъ, кромѣ изволенія государскаго, къ тому нѣмецкому платью нѣтъ, а когда къ тому будетъ изволеніе его государское, и они воли государской противны не будутъ.

Такимъ образомъ бунтъ былъ остановленъ въ самомъ началѣ несогласіемъ Донскихъ козаковъ въ немъ участвовать; а между тѣмъ Петръ тотчасъ же принялъ энергическія мѣры къ его потушенію. Онъ находился въ Митавѣ, когда получилъ изъ Москвы вѣсть объ Астраханскомъ бунтѣ; понимая всю опасность бунта по мѣстности, въ которой онъ загорѣлся, зная, какими горючими матеріалами окружена эта мѣстность, зная, что многіе и не въ дальнемъ разстояніи отъ Москвы встрѣтятъ съ радостію людей возставшихъ за брадобритіе и старое платье, Петръ велѣлъ фельдмаршалу Шереметеву поспѣшно двинуться къ Москвѣ, за которую очень опасался, какъ видно изъ письма его къ Т. Н. Стрѣшневу отъ 12 сентября: „вчера отъ князь Бориса (Голицына) письмо я принялъ, въ которомъ пишетъ о бунтѣ Астраханскомъ, и что вы выбрали воеводу. Извольте изъ ближнихъ нѣсколько..... (прибрать?) и дать ружье,

также сыскать къ нимъ офицеровъ, кои нынѣ учатъ ихъ по городамъ. Мы для лучшаго отпустили къ вамъ господина Шереметева съ конными и пѣшими полки, и чаемъ, что онъ съ конницею къ вамъ будетъ въ двѣ недѣли, также и пѣхота не замѣшкается, и сіе изволь объявить. Также совѣтую вамъ пока вышереченной господинъ къ вамъ будетъ, чтобъ деньги изъ приказовъ собравъ, вывезли изъ Москвы, илибъ съ вѣрными (людьми) тайно гдѣ положили или закопали, всякаго ради случая; также и ружье лучшебь, чтобъ не на Москвѣ было. Почты, кои ходятъ за рубежъ и къ городу, извольте задержать до времени".

Шереметевъ съ дороги далъ знать государю, что Донскіе казаки не за бунтовщиковъ, а противъ нихъ; вѣрное извѣстіе о томъ же получено было и отъ Апраксина. Самое большое опасеніе не сбылось, за Москву не нужно стало бояться; но Петръ не любилъ складывать рукъ въ слѣдствіе утѣшительныхъ извѣстій и писалъ Шереметеву: „Для Бога не мѣшкай, какъ обѣщался, и тотчасъ пойди въ Казань". Въ какое радостное изумленіе пришелъ Петръ, получивши извѣстіе, что казаки отвергли предложеніе Астраханскихъ бунтовщиковъ, всего лучше видно изъ письма его къ Апраксину (отъ 25 Сентября) „Письма ваши принялъ, изъ которыхъ выразумѣлъ, что всемилостивѣйшій Господь не въ конецъ гнѣвъ свой пролити, и онымъ уже чрезъ 25 лѣтъ губительнымъ псамъ волю и въ невинныхъ кровяхъ утѣху подати изволилъ, и чудеснымъ образомъ огнь огнемъ затушити изволилъ, дабы могли мы видѣть, что вся не въ человѣческой, но въ Его суть волѣ. Которое дѣло съ удовольствіемъ разсуждая, и воздавъ Оному хвалу, не мало въ настоящихъ трудахъ обрадовались".

Торопя Шереметева съ войскомъ къ Астрахани, Петръ хотѣлъ попытаться, нельзя ли покончить съ нею поскорѣе мирнымъ путемъ. Для этого 11 Октября онъ послалъ въ Астрахань съ тамошнимъ жителемъ Кисельниковымъ грамоту съ увѣщаніемъ къ народу отстать отъ возмутителей и, перехватавши главныхъ заводчиковъ, прислать ихъ въ Москву, чѣмъ заслужатъ прощеніе, въ противномъ же

случаѣ будутъ казнены безъ пощады. 3 Генваря 1706 года Кисельниковъ пріѣхалъ въ Астрахань; собрался кругъ, ибо Астрахань, какъ въ Разинское время, управлялась теперь показацки, царскую грамоту приняли въ кругу и послали за митрополитомъ Самсономъ. Когда онъ пришелъ, стали читать грамоту и выслушавъ ее, за государево здоровье молебствовали при пушечной стрѣльбѣ. 13 Генваря митрополитъ приводилъ всѣхъ къ присягѣ, и положили: буде отъ кого впредь съ того числа какая будетъ невѣрность и имъ чинить указъ, чего они будутъ достойны; написали повинную къ государю и для ея поднесенія выбрали 8 человѣкъ, которыхъ и отправили вмѣстѣ съ Кисельниковымъ Въ повинной говорилось: междоусобіе учинилось за брадобритіе и Нѣмецкое платье, и отъ многихъ воеводы Ржевскаго и полковниковъ и начальныхъ людей для взятковъ налогъ и обидъ. Воевода не далъ срока въ дѣлѣ Нѣмецкаго платья для своей корысти, посылалъ по многіе праздники и воскресные дни капитана Глазунова да Астраханца Евреинова къ церквамъ и по большимъ улицамъ и у мужска и у женска полу русское платье обрѣзывали не по подобію и обнажали передъ народомъ, и усы и бороды, ругаючи, обрѣзывали съ мясомъ. Ржевскій у стрѣльцовъ ружье обобралъ, хлѣбнаго жалованья давать имъ не велѣлъ, съ бань бралъ по рублю и по 5 алтынъ, съ погребовъ по гривнѣ, подымныхъ по 2 деньги съ дыму, валешныхъ по 2 деньги, отъ точенья топоровъ по 4, съ ножа по 2, отъ битья бумаги по 4 съ фунта, съ варенья пивъ и брагъ съ конныхъ по 5 алтынъ, съ солдатъ и пѣшихъ стрѣльцовъ по гривнѣ, съ малолѣтныхъ, со вдовъ и которые въ Свѣйскомъ походѣ, и женамъ ихъ и дѣтямъ платить было нечѣмъ, и тѣхъ сажалъ за караулъ и билъ на правежѣ, и многіе дворишки продавали и дѣтей закладывали; у служилыхъ людей и у всѣхъ градскихъ жителей дворамъ спрашивалъ купчихъ, и которые дворы построены на данныхъ мѣстахъ, а иные купленные, и въ моровое повѣтріе крѣпости утерялись и въ пожаръ сгорѣли, и съ тѣхъ крѣпостей брали пошлины вдвое и втрое, а

съ рыбныхъ и соляныхъ и съ иныхъ всякихъ промысловъ брали откупщики съ струговъ и съ посадовъ привальнаго по рублю и по два и по три и по пяти, а съ мелкихъ стружковъ по полтинѣ; а въ тѣхъ откупахъ онъ Ржевскій съ начальными людьми были товарищами. Хлѣбные запасы изъ струговъ велѣлъ безъ указу выгружать и возить на житный дворъ служилымъ людямъ, и они выгружали и возили на себѣ мимо подрядчиковъ, а онъ Ржевскій за провозъ тѣхъ запасовъ бралъ съ подрядчиковъ деньги, и моклый и гнилой запасъ цѣловальникамъ велѣлъ принимать у подрядчиковъ въ неволю и за то билъ батожьемъ на смерть. Онъ же посылалъ ихъ зимнимъ путемъ для рубки дровъ къ селитряному варенью, и многіе служилые люди отъ стужи помирали и на плаву съ плотами тонули и въ полонъ взяты, да и про домашній свой обиходъ для дровъ и сѣна и травы ихъ посылалъ же; ихъ же посылалъ на овощные и селитряные струги для караулу и на работу до Царицына и до Саратова и до Сызрану безъ прогонныхъ денегъ. А полковники и начальные люди Нѣмцы, ругаючись христіанству, многія тягости имъ чинили и безвинно били и въ службахъ по постнымъ днямъ мясо ѣсть заставляли и всякое ругательство женамъ ихъ и дѣтямъ чинили, а воевода Ржевскій по челобитью ихъ указу не чинилъ. Онъ же Ржевскій велѣлъ брать крѣпостныхъ дѣлъ подъячимъ сверхъ указу лишнихъ денегъ и тѣ деньги бралъ себѣ, и о тѣхъ поборахъ къ Москвѣ и въ Казань посылали они челобитчиковъ, а указу о томъ не учинено, а о вышеписанныхъ всѣхъ обидахъ хотѣли они для челобитья изъ Астрахани послать, и ихъ не пустили. Да Ржевскій же въ Караганской бусѣ съ головою Голочаловымъ да съ Мещерякомъ былъ въ паю. А Шведовъ полоняниковъ, которые присланы къ селитряному варенью въ работу, мимо учиненныхъ начальныхъ людей, ставилъ собою въ начальные люди, и у яхтъ и у мшановъ были въ матрозахъ, и отъ нихъ были Русскимъ людямъ налоги горше иныхъ начальныхъ людей. Полковникъ Дивигнѣй (Девинь) съ иноземцы начальными людьми брали къ себѣ на-

сильствомъ изъ служилыхъ домовныхъ людей въ деньщики и заставляли дѣлать самыя нечистыя работы, они и жены ихъ по щекамъ и палками били, и кто придетъ бить челомъ, и полковникъ челобитчиковъ билъ и увѣчилъ на смерть и велѣлъ имъ и женамъ и дѣтямъ ихъ дѣлать Нѣмецкое платье безвременно, и они домы свои продавали и образа св. закладывали, и усы и бороды брилъ и щипками рвалъ насильствомъ".

12 Февраля пріѣхалъ Кисельниковъ съ челобитчиками въ Москву. Чтеніе повинной и разказы челобитчиковъ произвели такое сильное впечатлѣніе на боярина Головина, что онъ рѣшился просить царя о безусловномъ помилованіи: „Довольно говорилъ я съ ними, писалъ Головинъ Петру: всѣ кажутся вѣрны и мужики добры. Изволь, государь, хотя себя понудить и показать къ нимъ милость. А послать ихъ къ тебѣ надобно было непремѣнно, понеже гораздо вѣрно увѣрятся и во всякомъ страхѣ и послушаніи будутъ; а намъ лучшіе воры немного вѣрятъ. Только и въ насъ не безъ воровъ бывало". Произвела ли повинная и на Петра такое же впечатлѣніе, хотѣлъ ли онъ поскорѣе покончить на востокѣ, по затруднительности обстоятельствъ на западѣ, или, что всего вѣроятнѣе, оба побужденія дѣйствовали одинаково сильно,—только царь послушался совѣта Головина, и отпустилъ челобитчиковъ съ грамотою, въ которой заключалось всепрощеніе. Но умные люди въ Астрахани распорядились иначе. Мы видѣли, какъ они распорядились по полученіи первой царской грамоты, въ которой обѣщалось помилованіе народу съ условіемъ выдачи заводчиковъ: объ этомъ условіи Астраханцы промолчали, присягнули, положили наказывать тѣхъ, кто впредь затѣетъ что-нибудь и, подъ видомъ повинной, послали царю изложеніе причинъ возстанія. Какъ принялъ царь эту повинную—они не знали, а между тѣмъ Шереметевъ приближался съ войскомъ, котораго не было и трехъ тысячь, слѣдовательно можно было надѣяться на удачное сопротивленіе; удача доставитъ союзниковъ и, какъ видно, у заводчиковъ почему то не изчезала надежда на возможность похода къ Москвѣ.

Шереметевъ достигъ Казани въ концѣ 1705 года; здѣсь почему-то ему очень не понравилось: „Я въ Казани живу, какъ въ Крымскомъ полону, писалъ онъ Головину: не пишу къ тебѣ ни о чемъ здѣшнемъ; желалъ бы я самъ васъ видѣть; писалъ я къ самому капитану (Петру), чтобы указалъ мнѣ быть къ себѣ; нынѣ подай помощи, чтобы меня взять къ Москвѣ". Зная хорошо своего фельдмаршала, тяжелость его на подъемъ и страсть бывать въ Москвѣ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, капитанъ послалъ къ нему сержанта Щепотева съ письмомъ (отъ 10 января): „Указъ посылаю нынѣ къ вамъ съ сержантомъ, господиномъ Щепотевымъ, которому велѣно быть при васъ на нѣкоторое время, и что онъ вамъ будетъ доносить, извольте чинить", Щепотеву былъ данъ наказъ: объявить фельдмаршалу, чтобъ 1) оставить въ Казани Аѳанасія Дмитріева, да съ нимъ конныхъ 1000 человѣкъ изъ дворянъ, изъ иноземцевъ и изъ новокрещенныхъ, да мурзъ 500 человѣкъ, помѣстныхъ добрыхъ, да пѣшихъ полкъ, который придетъ съ Москвы, да Казанскій полкъ 500 человѣкъ. 2) Самому съ достальными со всѣми итти, и конечно симъ путемъ дойти до Саратова, и стать въ Саратовѣ, разставить въ удобныхъ мѣстахъ войско до весны; также полкъ послать (кромѣ Низовцевъ) въ Дмитреевской, другой на Царицынъ. 3) Самому какъ возможно совсѣмъ по веснѣ рано итти до Царицына, чтобъ за довольное время предварить воровской замыслъ. 4) Смотрѣть, чтобъ все по указу исправлено было; и буде за какими своими прихоти не станутъ дѣлать, и станутъ да медленно, говорить; и буде не послушаютъ, сказать, что о томъ писать будешь ко мнѣ".

Головинъ писалъ Шереметеву: „Тебѣ, мой государь, конечно надлежитъ быть въ Саратовѣ, чтобы его величество не раздражить» Шереметевъ двинулся. Но Петръ не ограничился однимъ этимъ движеніемъ, и перваго февраля писалъ Головину, чтобъ послать въ Казань морскую команду, выбрать тамъ 5 судовъ, поставить на нихъ по 12 или по 8 пушекъ, и тотчасъ по взломаніи льду сплыть къ Царицыну и стать тамъ на якоряхъ выше раздѣленія Ахтуб-

скаго: суда эти, писалъ Петръ, лучше 10,000 войска могутъ воровъ вверхъ не пропустить; царь приказывалъ также, чтобъ половина морскихъ офицеровъ, посылаемыхъ къ Царицыну, умѣла порусски; съ Саратова жилыхъ половину, пришлыхъ всѣхъ выслать въ Польшу; половину Синбирянъ, Сызранцевъ, Дмитріевцевъ выслать и поставить на станціи по замосковнымъ городамъ.

Чтобъ уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, ослабить главную причину неудовольствія, Петръ далъ слѣдующій указъ довѣренному человѣку, Казанскому вице-губернатору Никитѣ Кудрявцеву: „Во всѣхъ низовыхъ городахъ вѣдать податьми и сбирать, такожъ и сымать оныя или паки наложить ради нынѣшняго тамъ смятенія Астраханскаго, и сіе чинить, смотря по времени, мѣсту и людямъ, и всячески тщиться, чтобъ утишать, и ни откуда для сборовъ податей указу ни чьего не слушать; а что невозможно будетъ дѣлать, объ указѣ писать ко мнѣ, и въ томъ тщиться съ такимъ прилежаніемъ, какъ Богу и здѣшнему суду добрый отвѣтъ дать". На счетъ Черноярцевъ писалъ Головину: „Буде Черноярцы съ Донскими казаками уговорятся въ томъ, чтобъ ихъ вину простить, велѣть уговаривать". На вопросъ Щепотева: „Что доброе сдѣлается на Черномъ Яру, что съ ними дѣлать?" — отвѣчалъ: „Кромѣ прощенья и по старому быть иного ничего; также и вездѣ не дерзайте, ни точію дѣломъ, ни словомъ жестокимъ къ нимъ поступать, подъ опасеніемъ живота".

Черноярцы покорились, хотя не искренно. Шереметевъ обошелся съ ними сурово и велѣлъ отобрать оружіе. — „У Черноярцевъ, писалъ ему Петръ, вы ружье отбирали напрасно, и удивляюсь, что просите указу, что дѣлать съ (Черноярцами) зачинателями и съ Астраханцами, ежели покорятся? Къ вамъ многократно отъ меня и отъ г. адмирала (Головина) писано: конечно всѣхъ милостію и прощеніемъ винъ обнадеживать, и взявъ Астрахань, отнюдь надъ ними и надъ заводчиками ничего не чинить; и Черноярцамъ нынѣ объявить, что ружье у нихъ отобрано только до тѣхъ мѣстъ, пока и Астраханцы покорятся и вину при-

несутъ, и тогда по прежнему то ружье имъ отдано будетъ, и привесть ихъ ко кресту въ вѣрности; а и зачинщиковъ причинныхъ ничѣмъ не озлоблять и только ихъ перепоручить и дать имъ жить на свободѣ, и всяко тщитися, чтобъ ласкою ихъ привлечь и чтобъ они о своемъ состояніи писали и къ Астраханцамъ; и подъ Астраханью безъ самой крайней нужды никакого жестокаго и непріятельскаго поступка не воспріимать, и то ежели развѣ они по пріѣздѣ своихъ челобитчиковъ и по полученіи нашей грамоты и по многимъ твоимъ добродѣтельнымъ присылкамъ весьма упорны явятся и непокорятся, чего мы, по отпискамъ ихъ къ тебѣ, быти не чаемъ".

Случилось послѣднее, чего не чаялъ Петръ. Головинъ далъ ему знать, что у Астраханцевъ „не безъ шалости: только, государь, съ помощію Вышняго, въ семъ не изволь сумнѣваться; лучшее развѣ то воры себѣ учинятъ, что разбѣгутся (хоть къ черту истинно и въ Аграхани въ два лѣта всѣ исчезнутъ); а если имъ возмущать и бѣжать на Донъ, ей никогда не пристанутъ и милостію твоею козаки довольны и вѣрны". Астраханцы не побѣжали на Донъ; но не побѣжали и на Аграхань. 9 марта выѣхали изъ Астрахани на встрѣчу къ Шереметеву, къ урочищу Кичибурскому Яру, Спасскаго монастыря архимандритъ Антоній и съ нимъ четыре человѣка Астраханцевъ; они подали фельдмаршалу письма отъ митрополита Самсона и отъ Георгія Дашкова. Этотъ Георгій Дашковъ былъ строитель Астраханскаго Троицкаго монастыря, присланный туда изъ большаго Троицкаго Сергіева монастыря, отъ котораго Астраханскій зависѣлъ. Дашковъ въ послѣднее время отличался своею ревностію въ увѣщаніи бунтовщиковъ и игралъ главную роль между духовными лицами, потому что митрополитъ отъ старости былъ очень слабъ. Дашковъ также постоянно переписывался съ Шереметевымъ, и теперь съ Антоніемъ писалъ, что въ Астрахани началось снова смятеніе и не согласіе, одни остаются вѣрны, другіе опять склонны къ возмущенію, и отъ того между ними распря; Дашковъ просилъ, чтобъ Шереметевъ скорѣе шелъ въ Астрахань.

Противъ урочища Коровьи Луки на Волгѣ, въ 30 верстахъ отъ Астрахани встрѣтили Шереметева Воскресенскаго монастыря архимандритъ Рувимъ, Георгій Дашковъ, стрѣлецкіе пятидесятники и десятники, Армяне, Индѣйцы, Бухарцы, юртовскіе Татары, человѣкъ съ сорокъ, и объявили, что весь народъ Астраханскій готовъ его встрѣтить. Шереметевъ отвѣчалъ, что государь ихъ простилъ, и чтобъ они вины свои заслужили. Но, какъ видно, съ удаленіемъ людей, противныхъ бунту, Яковъ Посовъ съ товарищами осилили. Когда пріѣхалъ въ Астрахань посланный Шереметевымъ съ письмомъ къ старшинѣ Сызранецъ посадскій человѣкъ Данила Бородулинъ, то въ кругу Яковъ Носовъ, по многихъ разговорахъ, сидя передъ кругомъ за столомъ, говорилъ посланному: „Здѣсь стали за правду и за христіанскую вѣру, коли-нибудь намъ всѣмъ умереть будетъ, да не вовсе бы и не всякой такъ, какъ нынѣ нареченный царь, который называется царемъ, а христіанскую вѣру порудилъ: онъ уже умеръ душою и тѣломъ, не всякому бы такъ умереть". Въ это время въ кругу читали присланное изъ Чернаго Яра письмо, чтобъ на Черный Яръ прислать силы на помощь, ибо идетъ съ войскомъ князь Петръ Хованскій. Во время чтенія Носовъ, опершись локтемъ на короробью и наклонясь, говорилъ Бородулину тихонько: „Вѣдь мы непросто зачали! Это дѣло великое: есть у насъ въ Астрахани со многихъ городовъ люди, и не одно Черноярское письмо, есть у насъ письмо изъ Московскаго государства отъ столпа отъ сущихъ христіанъ, которые стоятъ за вѣру жъ христіанскую". Бородулинъ побоялся спросить его, кто писалъ? потому что тутъ обступили ихъ со всѣхъ сторонъ и распрашивали съ крикомъ. Потомъ принесли въ кругъ хлѣба, вина, пива; Носовъ поднесъ Бородулину ковшъ вина, тотъ принялъ и сказалъ: „Дай Боже благочестивому государю многолѣтно и благополучно здравствовать!" На это отозвался старшина, Московскій стрѣлецъ Иванъ Луковниковъ: „Какой онъ государь благочестивый! онъ неочесливый, полатынилъ всю нашу христіанскую вѣру!" Бородулинъ замѣтилъ Но-

сову, за чѣмъ старшина такія нечестивыя слова говоритъ? Носовъ, разсмѣявшись, отвѣчалъ: „Не все перенять, что по Волгѣ плыветъ: мужикъ онъ простой, что видитъ, то и бредитъ". Въ то же время въ кругу раздавались крики: поносили государя всякими бранными словами: „Не сила Божія ему помогаетъ, ересями онъ силенъ, христіанскую вѣру обругалъ и облатынилъ, обмѣнный онъ царь. Итти ли намъ нѣтъ ли до самой столицы до родни его до Нѣмецкой слободы и корень бы весь вывести; всѣ тѣ ереси отъ еретика отъ Александра Меншикова". — На третій или на четвертый день Носовъ съ старшинами пришли къ Бородулину на постоялый дворъ и потчивали его виномъ; Бородулинъ, взявши ковшъ, говорилъ: „Дай Господи великому государю на много лѣтъ здравствовать", и выпивъ, сталъ подносить Носову; но тотъ отвѣчалъ: „Я про его здоровье пить не стану: какъ намъ пить про такого православныхъ христіанъ ругателя? что вы не образумитесь? вѣдь вы и всѣ пропали, обольстили васъ начальные люди милостію, пропали вы душею и тѣломъ". На отпускѣ Носовъ говорилъ Бородулину: „Богъ тебѣ въ помочь, поѣзжай! вотъ тебѣ подводы; управляйтесь съ князьями и боярами, а въ городахъ съ воеводами, на весну и мы къ вамъ будемъ".

11 марта Шереметевъ ночевалъ на Долгомъ островѣ, въ 10 верстахъ отъ Астрахани; сюда пріѣхали изъ города бурмистры и донесли, что они ушли, а въ Астрахани стрѣльцы волнуются и не хотятъ пускать фельдмаршала въ городъ. Шереметевъ придвинулся еще ближе къ Астрахани и съ Балдинскаго острова (въ 2 верстахъ отъ города) послалъ письмо, чтобъ перестали бунтовать. Отвѣта не было, а пришло нѣсколько дворянъ съ вѣстію, что Астраханцы изъ слободъ перебрались въ городъ, разставили и зарядили пушки, собрали гулящихъ людей, роздали имъ ружья и порохъ, и написали между собою письма, что стоять всѣмъ вмѣстѣ. Оставленныя жителями слободы стали горѣть. Тогда Шереметевъ послалъ полкъ въ Ивановскій монастырь, чтобъ спасти его и хлѣбные магазины, находившіеся подлѣ монастыря. 12 марта Шереметевъ самъ

пріѣхалъ въ монастырь; бунтовщики начали приступать къ монастырю и кинули три бомбы, но Шереметевъ отбилъ ихъ и послалъ за остальнымъ войскомъ. Когда оно пришло и начало строиться, то бунтовщики вышли на вылазку за рѣку Кутумову. Царскія войска дали залпъ; бунтовщики побѣжали, покинувъ пушки и знамена, засѣли въ земляномъ городѣ и начали стрѣлять съ вала. Солдаты взяли валъ приступомъ и гнались за бунтовщиками до Каменнаго города къ самымъ Вознесенскимъ воротамъ, побрали пушки и мортиры. Такъ какъ бунтовщики жестоко отстрѣливались изъ Кремля, то Шереметевъ велѣлъ полкамъ отступить отъ него и разставилъ ихъ въ Земляномъ городѣ по улицамъ, и отсюда велѣлъ метать бомбы въ Кремль; а между тѣмъ послалъ къ осажденнымъ увѣщаніе къ сдачѣ. Вечеромъ того же 12 числа вышли изъ Кремля пятидесятники и десятники съ повинною, а на другой день 13 марта вышли старшины — Яковъ Носовъ и только что передъ тѣмъ выбранный атаманъ изъ Донскихъ козаковъ Елисей Зиновьевъ съ просьбою о прощеніи. Шереметевъ велѣлъ всѣмъ положить оружіе, а печать и ключи отдать митрополиту; все это было исполнено; бунтовщики вынесли даже къ воротамъ топоръ и плаху. Того же 13 марта Шереметевъ пошелъ строемъ въ Кремль; когда онъ шелъ, то по обѣимъ сторонамъ улицы Астраханцы лежали на землѣ. У воротъ Кремлевскихъ встрѣтилъ побѣдителя митрополитъ, и пошли всѣ въ соборъ для благодарственнаго молебствія.

Взятіе Астрахани стоило Шереметеву 20 человѣкъ убитыми и 53 ранеными. Бунтъ былъ сломленъ; но заводчики ходили по волѣ: Шереметевъ боялся безъ указа перехватать ихъ и писалъ къ Головину: „Здѣшній народъ учинилъ то все отъ неволи, и конечно надобно, чтобъ здѣсь было людей (воинскихъ) больше стараго; а Носовъ великій воръ и раскольникъ, и нынѣ при немъ всѣ его боятся и въ шапкѣ съ нимъ никто говорить не можетъ; и надобно его и другихъ заводчиковъ и Яхтинскій полкъ вывесть къ Москвѣ: то здѣшніе люди упокоятся и объ нихъ тужить не будутъ.

Московскаго полка бунтовали немногие; только есть изъ нихъ заводчики, а я безъ указу выслать ихъ не смѣю, и надобно вскорѣ указъ о томъ выслать; а какъ вода разольется, боюсь, чтобъ не разбѣжались; а удержать ихъ нельзя. Я такова многолюдства и сумасброднаго люду отъ роду не видалъ, и надуты страшною злобою, и весьма насъ имѣютъ за отпадшихъ отъ благочестія. Какъ надуты и утверждены въ такой бездѣлицѣ!"

Участники бунта были перехвачены и отправлены въ Москву: здѣсь ихъ колесовано, казнено и умерло во время продолжительнаго розыска 365 человѣкъ.

Требуя указа на счетъ зачинщиковъ бунта, Шереметевъ въ то же время жаловался на сержанта Щепотева, который имѣлъ неосторожность отправиться въ Астрахань прежде Шереметева, былъ захваченъ бунтовщиками и сидѣлъ съ ними вмѣстѣ въ Кремлѣ 12 марта. Шереметевъ писалъ объ немъ Головину: „Какъ Михайла Щепотевъ сидѣлъ у нихъ въ городѣ, и они чаяли, что онъ-то и пущій будетъ въ промыслу и бомбардиръ: для того больше и держались. А какъ я вошелъ въ городъ и пришелъ на свой дворъ, и онъ, Михайла, говорилъ во весь народъ, что присланъ онъ за мною смотрѣть, и что станетъ доносить, чтобъ я во всемъ его слушалъ. И я не знаю, что дѣлать? А за грѣхи мои припала мнѣ болѣзнь ножная: не могу ходить ни въ сапогахъ, ни въ башмакахъ, а лѣчиться здѣсь не у кого. Пожалуй не остави меня здѣсь". Потомъ писалъ: „Если мнѣ здѣсь прожить, прошу, чтобъ Михайла Щепотева отъ меня взять. Всенародно говоритъ, что хочетъ меня государю огласить, не знаю чѣмъ, и съ Александромъ Даниловичемъ ссорить и говоритъ: „я де тебя съ нимъ помирю", и непрестанно пьянъ. Боюсь, чтобъ надо мною не учинилъ; ракеты денно и ночно пущаетъ: опасно, чтобъ города не выжегъ". — А Щепотевъ писалъ царю: „Извѣствую милости твоей: по указу твоему я господину фельдмаршалу кое о какихъ нуждахъ, которыя надлежитъ исправлять, наипаче къ опасенію твоихъ государевыхъ сборовъ, чтобы утраты не было, доносилъ, и его милость сказалъ

мнѣ: „я твоихъ словъ слушать не хочу и впредь съ такими доносительными словами ко мнѣ не ходи". И я ему то доносилъ, что я стану до вашей милости писать, и онъ мнѣ велѣлъ о томъ до вашей милости писать и отпускалъ меня изъ Астрахани къ милости твоей, и я не смѣю ѣхать. Да который дьякъ обрѣтается у фельдмаршала, приличился во взяткахъ и я ему фельдмаршалу про тѣ взятки доносилъ, чтобъ розыскать, и онъ фельдмаршалъ про него не розыскиваетъ, и приказалъ въ Астрахани ему дьяку приходъ и расходъ таможенный и кабацкій и раздачу животовъ, которые граблены были, и какъ животы роздаютъ, фельдмаршалъ меня не призываетъ".

Петръ не выдалъ Щепотева Шереметеву и не умалилъ значенія Шереметевскаго дѣла въ слѣдствіе донесеній Щепотева. Въ отвѣтъ на извѣщаніе о взятіи Астрахани онъ писалъ фельдмаршалу: „Письма ваши принялъ и за неизреченную Божію милость Господа Бога благодарили съ изряднымъ тріумфомъ, которою викторіею надъ сими проклятыми воры вамъ, яко виновнымъ оной викторіи, поздравляемъ; за который вашъ трудъ Господь Богъ вамъ заплатитъ, и мы не оставимъ". Это неоставленіе заключалось въ денежномъ окладѣ и пожалованіи болѣе 2400 дворовъ; сынъ Шереметева былъ назначенъ изъ комнатныхъ стольниковъ въ полковники. Когда Меншиковъ объявилъ Шереметеву царскую милость, то фельдмаршалъ былъ очень веселъ и обѣщался больше не болѣть. Но и Щепотевъ получилъ отъ государя также письмо: „Благодарствуемъ вамъ за ваши труды и прочее. По полученіи сего письма, вы поѣзжайте къ намъ напередъ тогда, когда фельдмаршалъ съ полками изъ Астрахани къ Смоленску пойдетъ". По отъѣздѣ Шереметева управлять успокоенною Астраханью назначенъ былъ князь Петръ Ив. Хованскій [110].

Астраханскій бунтъ, ограниченный одною мѣстностію, не трудно было затушить, когда Донскіе козаки не дали ему разгорѣться. Мы видѣли причины этому; видѣли, какъ Петръ былъ пріятно изумленъ невмѣшательствомъ козаковъ, тѣмъ болѣе, что вѣсти о волненіяхъ на Дону не пе-

реставали приходить въ Москву. Лѣтомъ 1700 года дано было знать съ Персидской границы, что козаки, которые, учиня воровство, побѣжали съ Дону къ Персидскимъ границамъ, человѣкъ съ 500, осаждены отъ тамошнихъ разныхъ владѣльцевъ близь Каспійскаго моря; а которые изъ нихъ вышли было на море для воровства надъ торговыми судами, разобраны ратными людьми, высланными изъ Астрахани [111]. Въ томъ же году стольникъ и воевода князь Петръ Дашковъ далъ знать съ Камышенки, что собравшись воровскіе козаки, пришли подъ табуны и отогнали у ратныхъ людей много лошадей. Воевода послалъ за ворами отрядъ войска, который отбилъ лошадей и захватилъ четырехъ воровъ; въ распросѣ и съ пытокъ воры сказали: пошли они въ прошлыхъ годахъ изъ дворцовыхъ селъ, а въ нынѣшнемъ 1700 году зимою съ Медвѣдицы городка Чернагая козакъ Нестерко Зиновьевъ прибралъ къ себѣ воровъ изъ разныхъ козачьихъ городковъ и сталъ съ ними станомъ на рѣкѣ Медвѣдицѣ въ лукѣ, откуда посылалъ отгонять лошадей изъ полку князя Дашкова; на этихъ лошадяхъ хотѣлъ атаманъ Нестерко ѣхать по городкамъ, по Медвѣдицѣ и Дону, звать вольницу и ѣхать на Аграхань черезъ степь къ козаку Косткѣ Иванову, который прежде былъ въ Паншинѣ атаманомъ: присылалъ Костка товарища своего Губана съ Аграхани на Донъ для подговору въ разные козачьи городки; въ совѣтѣ были и хотѣли идти на Аграхань попъ Максимка Григорьевъ, Филка Архиповъ, прозвище Кисельная борода и множество другихъ козаковъ изъ разныхъ мѣстъ; умышляли — пришедъ на Аграхань, выходить на море и на Волгу рѣку подъ Царицынъ для воровства и разоренья всякихъ людей и струговъ. Прежній воръ и раскольщикъ Митька Татаркинъ, который жилъ на Медвѣдицѣ въ раскольничьемъ городкѣ, и ушелъ оттуда во время приходу государевыхъ людей, теперь живетъ на Медвѣдицѣ же, въ Черкасовѣ, въ юртовскихъ гулебныхъ станахъ съ товарищами, человѣкъ съ 20, съ женами и дѣтьми; и къ нему писали съ Дону изъ Черкаскаго о совѣтѣ два козака, чтобъ имъ соединясь идти на Агра-

ханъ для воровства; Митька всѣмъ имъ велѣлъ готовиться; и къ воровскому походу теперь готовы и хотятъ идти многолюдствомъ; а какъ онъ Митька пойдетъ, и отъ него во всѣхъ верховыхъ козачьихъ городкахъ немногіе люди останутся, потому что къ его воровству всѣ пристанутъ и слушаютъ его во всемъ.

На это извѣстіе о воровскихъ замыслахъ государь отвѣчалъ указомъ: „Отъ великаго государя на Донъ войсковому атаману Ильѣ Григорьеву и всему войску Донскому: указали мы вамъ сего настоящаго лѣта верховыхъ Донскихъ городковъ козаковъ, которые живутъ по Хопру и Медвѣдицѣ и по разнымъ рѣкамъ, перевесть и поселить по двумъ дорогамъ къ Азову, однихъ до Валуйки, а другихъ отъ Рыбнаго къ Азову же, чтобъ тѣ оба пути впредь были населены и жилы; а буде вы атаманы и козаки нынѣшняго лѣта казаковъ не сведете и не поселите, и по нашему указу тѣ Хоперскіе и Медвѣдицкіе козаки поселены будутъ въ иныхъ мѣстахъ“ [112].

Ненависть къ боярству, наклонность къ самозванцамъ не переставала проглядывать на Дону. Въ августѣ 1701 года велѣно было взять въ Преображенскій приказъ съ Дону казаковъ: городка Тишанки Андрея Поминова съ матерью, Левку Сметанина, городка Нижняго Чиру Игнатку Пчелинца. Левка говорилъ: „царь Иванъ Алексѣевичь живъ и живетъ въ Іерусалимѣ для того, что бояре воруютъ; царь Петръ полюбилъ бояръ, а царь Иванъ чернь полюбилъ. Сказывалъ Левкѣ про царя Ивана пришлый человѣкъ Авилка, который живетъ на рѣкѣ Калитвѣ Бѣлой, впадающей въ Донецъ; пришелъ Авилка изъ Іерусалима, и Донскіе козаки почитаютъ его за святаго, потому что онъ имъ пророчествуетъ: въ первый Азовскій походъ сказалъ, что Азова не возьмутъ, а во второй сказалъ, что возьмутъ; Авилка держится раскола“.—Пчелинецъ говорилъ про Петра: „онъ не царь, антихристъ; царица Наталья родила царевну дѣвицу, а вмѣсто той царевны своровали бояре, подмѣнили иноземца, Францова сына Лефорта“.—Казакъ Назарка Смирной говорилъ: „Азову за государемъ не долго быть: Дон-

скіе казаки, взявъ его, передадутся къ Турскому султану по прежнему".

Недовольные козаки говорили: „теперь намъ на Дону отъ государя тѣсно становится; какъ онъ будетъ на Донъ, мы его приберемъ въ руки и отдадимъ Турецкому салтану; а прибрать его въ руки намъ и малыми людьми свободно: ходитъ онъ по Дону въ шлюбкѣ съ малыми людьми". Такимъ образомъ сами недовольные признавались, что у нихъ мало людей. Это малолюдство и давало Донской старшинѣ возможность прибирать ихъ въ руки при малѣйшемъ движеніи; [113] это то малолюдство дало старшинѣ возможность удержать Донъ отъ участія въ Астраханскомъ бунтѣ.

На западной украйнѣ козаки также не давали покою. Гетманъ Мазепа слалъ письмо за письмомъ о запорожскихъ поведеніяхъ: „о зломъ намѣреніи проклятыхъ Запорожцевъ мало не чрезъ всякого гонца моего и чуть не чрезъ всякую почту, какъ великому государю, такъ и вашей вельможности я писалъ, а никакого отвѣта не имѣю", писалъ Мазепа Головину: „Не такъ страшны они Запорожцы, понеже малое ихъ собраніе, и не такъ страшны пересылки съ ними хана Крымскаго, какъ то зѣло разсуждати надобно, что чуть не вся Украйна тѣмъ же запорожскимъ духомъ дышетъ, понеже обыкность та, что народъ посполитый своеволю любитъ, и всякій подъ властію пребывающій желаетъ оной надъ собою не имѣти". Мазепа доносилъ, что Запорожцы заключили союзъ съ юртомъ Крымскимъ, будучи особенно недовольны тѣмъ, что подлѣ нихъ царь строитъ крѣпость Каменный Затонъ.

Для объясненій по этимъ дѣламъ поѣхалъ къ гетману знаменитый прибыльщикъ Курбатовъ, и Мазепа объявилъ ему, что въ Каменный Затонъ необходимо сейчасъ же прислать два или три полка доброй пѣхоты на случай соединенія Запорожцевъ съ ханомъ Крымскимъ; задержанныхъ въ Москвѣ запорожцевъ и жалованье прислать къ нему гетману или въ Сѣвскъ, чтобъ можно было отослать ихъ немедленно же въ Запорожье, если Запорожцы усмирятся, а послѣ думать, какъ наказать ихъ за прежнія преступленія

Изгнать Запорожцевъ изъ жилищъ ихъ или привести въ совершенное покореніе трудно во 1) потому, что если сядутъ въ сѣчѣ въ числѣ 5000, то идти на нихъ надобно будетъ генеральною войною, что нынѣ невозможно, а Бѣлгородскимъ разрядомъ ихъ не прогнать. Во 2) будетъ имъ помощь отъ хана; въ 3) если, испугавшись большаго войска, выйдутъ изъ сѣчи, то пойдутъ во владѣнія хана, поселятся на Кардашинѣ внизъ Днѣпра къ морю или въ прогнояхъ, пущее разореніе будутъ чинить, и иные къ нимъ будутъ перебѣгать; а что Турки хотятъ войны—это ясно, потому что безъ ихъ позволенія ханъ не заключилъ бы съ Запорожцами союза.—Предложеніе было принято, задержанные запорожцы отпущены въ Сѣчь. На Запорожье поѣхалъ стольникъ Протасьевъ съ жалованьемъ и съ требованіемъ, чтобъ Запорожцы присягнули на вѣрность великому государю. Козаки объявили Протасьеву, что имъ креста цѣловать не для чего, потому что они великому государю крестъ цѣловали прежде и потомъ не измѣняли, хану Крымскому никогда не присягали и посылали къ нему не для измѣны, а для того, что прежде они знали, зачѣмъ ходили посланники изъ Москвы къ Туркамъ и въ Крымъ, а теперь ни о чемъ не знаютъ: ходятъ послы изъ Москвы и отъ гетмана въ Турцію и въ Крымъ мимо Сѣчи; для того они и посылали въ Крымъ, чтобъ подлинно обо всемъ освѣдомиться. Протасьевъ настаивалъ, чтобъ цѣловали крестъ. „Присягнемъ тогда, отвѣчали Запорожцы, когда прикажетъ великій государь снесть Каменный Затонъ и подтвердитъ грамотою права наши на земли по Днѣпру и Самарѣ". Всѣ старанія Протасьева привести ихъ къ присягѣ остались тщетными. По этому случаю Мазепа писалъ Головину: „Вижу, дондеже того проклятаго пса кошеваго Кости Гордѣенка не станетъ, по тѣхъ мѣстъ не надѣяться къ твердой и всецѣлой отъ Запорожцевъ вѣрности. Не знаю, какой другой изобрѣсти способъ, дабы не токмо того безбожнаго тотъ урядъ, но и дни его прекратити. Нынѣ паки пишу къ желательнымъ моимъ въ сѣчь, желая, чтобъ сыскался и поднялся такой человѣкъ, дабы его проклятаго пса не стало". Царь

велѣлъ Мазепѣ пріѣхать въ Москву, а до тѣхъ поръ не дѣлать Запорожцамъ никакихъ тяжкихъ насилій.

Желаніе гетмана исполнилось: въ іюлѣ 1703 года онъ писалъ Головину: „Слава Господу Богу! радѣніемъ и несыпнымъ моимъ стараніемъ проклятый песъ Костя кошевой, если не испустилъ проклятой своей души, то, по крайней мѣрѣ, съ кошевства съ безчестіемъ скинутъ; понеже все поспольство на него возстало за то, что съ разбойниками знался и добычу у нихъ бралъ, и еслибъ изъ Сѣчи въ луга не ушелъ, то конечно не былъ бы живъ. Послѣ сего побѣга выбрали въ кошевые Герасима Крысу, и теперь можно надѣяться, что войско низовое будетъ въ надлежащемъ великому государю послушаніи". Но радость гетмана была непродолжительна: въ сентябрѣ онъ уже писалъ Головину: „Запорожцы своимъ желательствомъ ко мнѣ вновь отозвались: не только бѣдныхъ людей селитреные майданы нечаянно напавъ совсѣмъ разорили, но и мой гетманскій до основанія снесли и учинили мнѣ убытку на 8000 рублей. Не знаю, что съ такими бездушниками впредь дѣлать, понеже ихъ никакимъ способомъ, ни милостію, ни дачами, ни вольностію не можно усмирить. Новый кошевой сокрушается, что не можетъ исполнить своего обѣщанія, даннаго въ Москвѣ и въ Батуринѣ: со всѣхъ сторонъ прибывающее гультяйство надъ постояннымъ, добрымъ товариществомъ взяло силу, и похваляется Новобогородицкій и другіе городки разорять. Въ декабрѣ новыя вѣсти: Крысу смѣнили, и на его мѣсто снова выбрали Костю Гордѣенка, который въ началѣ 1704 года объявилъ прямо царскому посланцу: „Каменнозатонскій воевода Шеншинъ чинитъ намъ всякія обиды, лошадей отнимаетъ, меня и все поспольство бранитъ и называетъ подданными своими, всячески угрожаетъ, говоритъ, будто солдаты, бѣгая изъ Каменнаго Затона, живутъ у насъ въ Сѣчѣ. Но у насъ такихъ бѣглыхъ солдатъ въ Сѣчѣ нѣтъ, а хотябъ и были, то у насъ издревле такое поведеніе: кто придетъ, тѣхъ принимаемъ, и кто захочетъ, тотъ у насъ живетъ. Да онъ же воевода присылаетъ на кошъ людей своихъ для провѣдыванія, что между

нами чинится, а у насъ мало ли какіе есть пьяные козаки, говорятъ, кто что хочетъ, и того слушать у нихъ нечего; да онъ же воевода держитъ нашего Запорожскаго козака въ колодкѣ безвинно. И если онъ воевода и впередъ будетъ такъ дѣлать, то намъ уже терпѣть больше будетъ нельзя; чтобъ отъ его злыхъ поступковъ не учинилось какого возмущенія, которое можетъ обхватить и весь сѣверъ, не возмутить бы этимъ и всю Малую Россію".

Прошелъ годъ, и у Мазепы старыя пѣсни.

8 генваря 1705 года гетманъ писалъ Головину: „Запорожцы ни послушанія, ни чести мнѣ не отдаютъ; что имѣю съ тѣми собаками чинити? А все то приходитъ отъ проклятаго пса кошеваго, который такую въ себѣ хитрость имѣетъ, что всегда, собравъ къ себѣ сначала атамановъ, приватно переговоритъ, потомъ раду сбираетъ, въ которой, будучи наполнены его духомъ, то кричатъ и говорятъ, что имъ велитъ: для отмщенія ему разныхъ уже искалъ я способовъ, чтобъ не только въ Сѣчи, но и на свѣтѣ не былъ, но не могу найти, а все отъ дальняго разстоянія и некому повѣрить".

Не объ однихъ Запорожцахъ писалъ Мазепа тревожныя донесенія. Въ 1703 году онъ говорилъ наединѣ присланному къ нему переводчику посольскаго приказа Бѣлецкому: „Полтавскій полковникъ Иванъ Искра имѣлъ тайную корреспонденцію и согласіе съ ханомъ Крымскимъ и беемъ Перекопскимъ, и уже было полкъ свой, кромѣ старшины, къ тому наклонилъ, чтобъ быть въ согласіи съ Крымомъ, а великому государю противными. Узнавши объ этомъ, я тотчасъ его отъ полку отлучилъ тайнымъ способомъ, не оскорбляя его ничѣмъ, какъ будто на время, не давая знать никому, за какое преступленіе; явнымъ способомъ и въ скорости взять его и карать невозможно для козаковъ того полка, имѣющихъ съ нимъ одно намѣреніе, дабы не учинилось отъ того полка межъ народомъ Малороссійскимъ какого замѣшанія при нынѣшнемъ опасномъ времени, потому что теперь у всей Малороссійской Украйны зѣло отпало сердце къ великому государю" [114].

ГЛАВА III.

Продолженіе царствованія Петра I-го Алексѣевича.

Два фельдмаршала.—Петръ въ Полоцкѣ —Происшествіе въ Уніатскомъ монастырѣ.— Пораженіе Шереметева при Гемауертгофѣ.—Петръ въ Курляндіи.—Огильви и Меншиковъ.—Паткуль въ Саксоніи.—Дѣло о передачѣ Русскихъ войскъ въ Австрійскую службу.—Паткуль схваченъ Саксонскими министрами и заключенъ въ Зонненштейнъ.—Посольство Шенбека къ царю съ объясненіями по этому дѣлу.—Походъ Карла XII въ Литву.—Зимовка Русскаго войска въ Гродно.—Выступленіе его оттуда.—Увольненіе Огильви.—Петръ и Меншиковъ въ Кіевѣ.—Неудачная осада Выборга.—Битва при Калишѣ.—Король Августъ заключаетъ отдѣльный миръ съ Карломъ XII.—Петръ въ Жолквѣ.—Сношенія съ Польскими вельможами и кандидатами на Польскій престолъ.—Матвѣевъ въ Англіи.—Предложеніе герцогу Марльбара Русскаго княжества.—Сношенія съ Франціею и Австріею.—Петръ предлагаетъ Польскій престолъ принцу Евгенію Савойскому.—Дѣятельность Толстаго въ Константинополѣ.—Посольство князя Куракина въ Римъ.—Приготовленія Петра къ встрѣчѣ непріятеля въ Россіи —Башкирскій бунтъ —Булавинскій бунтъ.

Встрѣтивши новый 1705-й годъ въ Москвѣ, Петръ въ февралѣ отправился въ Воронежъ, гдѣ провелъ два мѣсяца, спустилъ 80-пушечный корабль Старый-Дубъ, велѣлъ Апраксину къ будущей веснѣ приготовить десятка два слишкомъ судовъ, и въ концѣ апрѣля возвратился въ Москву; здѣсь былъ задержанъ сильною лихорадкою, и въ самомъ концѣ мая отправился въ Полоцкъ, гдѣ уже было собрано большое Русское войско—тысячъ шестьдесятъ [115]. У Петра было два фельдмаршала—Шереметевъ и Огильви. Послѣднему хотѣлось быть одному главнокомандующимъ, но это было противно основной мысли Петра — не давать иностранцу главнаго начальства, упражнять своихъ, — и онъ раздѣлилъ войско между двумя фельдмаршалами. Огильви былъ очень недоволенъ; князь Репнинъ писалъ Меншикову: „Слышалъ я неподлинно, будто господинъ фельдмаршалъ

писалъ о разореніи отъ нашихъ войскъ къ Полякамъ; истинно не могу я признать, какого нраву сталъ человѣкъ передъ прошлымъ годомъ; зѣло неприступенъ, живетъ въ кляшторѣ Езувицкомъ, и по всякъ часъ они у него Дай Боже, милость твоя къ намъ изволитъ пріѣхать и все самъ увидитъ. А разоренія Поляковъ, еслибъ какое было, милость твоя уже давно самъ здѣсь изволилъ бы слышать и видѣть" [116]. — Но кто бы ни были вожди, и какъ ни расхваливали иностранцы Русское войско, Петръ требовалъ одного чтобъ отнюдь не давали генеральнаго боя Шведамъ [117].

Петръ началъ въ Полоцкѣ очень весело: приходили извѣстія, какъ Шведамъ не удалось напасть на Петербургъ съ моря и сухаго пути. Но окончилось пребываніе въ Полоцкѣ печальнымъ происшествіемъ. Петръ былъ раздраженъ противъ уніатскаго духовенства, которое имѣло тайныя сношенія съ Шведами и Сапѣжинцами ко вреду Русскаго войска; одинъ изъ монаховъ, бывшій прежде православнымъ, отличался сильными выходками противъ Русскихъ, возбуждалъ народъ къ тайному побіенію царскихъ солдатъ, бранилъ Петра и короля Августа. Петръ молчалъ, потому что считалъ неблагоразумнымъ — вступя союзникомъ во владѣнія республики, начать преслѣдованіемъ уніатовъ, и тѣмъ возбудить подозрѣніе въ правительствѣ и католическомъ народонаселеніи Литвы и Польши. Но судьба хотѣла иначе. Вечеромъ, 30 іюня, наканунѣ отъѣзда изъ Полоцка, онъ зашелъ съ своими приближенными посмотрѣть уніатскій монастырь. Масло было подлито въ огонь, уже существовавшее раздраженіе усилилось, когда монахи не пустили его въ алтарь, какъ противника ихъ вѣры. Петръ сдержался однако и тутъ. Увидавши образъ, отличавшійся особенными украшеніями, онъ спросилъ: „Чей это образъ?" Монахи отвѣчали: „Священномученика нашего Іосафата (Кунцевича), котораго ваши единовѣрцы умертвили". Тутъ Петръ уже не выдержалъ и велѣлъ своимъ приближеннымъ схватить монаховъ. Но монахи, видя малочисленность царской свиты, не сдались, начали кричать о помощи, сбѣжались послушники вооруженные, на-

чалась свалка, и нѣкоторые изъ царскихъ приближенныхъ были ранены; наконецъ Русскіе одолѣли, четверо уніатовъ были смертельно ранены. Въ этой схваткѣ раздраженіе Петра достигло высшей степени, и онъ велѣлъ повѣсить монаха, отличавшагося своими выходками противъ него въ проповѣдяхъ [118]. Этимъ печальнымъ событіемъ воспользовались, съ одной стороны, католики, непреминувшіе раскрасить его своими красками; съ другой стороны, внутренніе враги Петра, которые также раскрасили событіе своими красками: въ 1708 году каторжный колодникъ, бывшій солдатъ Иванъ Архиповъ говорилъ: когда Петръ былъ въ Полоцкѣ, и въ то время день Петра и Павла пришелся въ пятницу; государь заставлялъ благочестивой вѣры чернецовъ ѣсть мясо; они не согласились; Петръ позвалъ ихъ въ церковь молебенъ слушать, и какъ стали молебенъ служить, государь вынулъ палашъ и двухъ человѣкъ убилъ до смерти, третьяго ранилъ. Въ это время было видѣніе: Іисусъ Христосъ въ облакахъ, держа въ одной рукѣ копье, въ другой огненныя стрѣлы, говорилъ съ гнѣвомъ: „время его за такое дѣло покарать!" но Богородица упросила ждать покаянія. [119]

1 Іюля царь вмѣстѣ съ полками отправился изъ Полоцка въ Вильно, отпустивши за нѣсколько дней Шереметева противъ Шведовъ, находившихся въ Курляндіи подъ начальствомъ генерала Левенгаупта. 22 Іюля царь получилъ извѣстіе, что Шереметевъ разбитъ при Муръ-мызѣ или Гемауертгофѣ 15 Іюля: Шереметевъ, Русскій фельдмаршалъ, котораго имя было связано съ первыми успѣхами надъ страшными Шведами, Русскій фельдмаршалъ, котораго Петръ рѣшился поставить рядомъ съ рекоммендованнымъ за границею Огильви! „Сія потерка, по словамъ Петра, учинилась такимъ образомъ: фельдмаршалъ Шереметевъ съ кавалеріею когда приближился къ непріятелю, а пѣхота и пушки еще не поспѣли, тогда не дождався оныхъ, старымъ обычаемъ безстройно ударили на непріятельскую кавалерію, которую такъ сломили, что нѣкоторые изъ нихъ явились въ Прусахъ; тогда генералъ

Левенгоуптъ съ пѣхотою отступилъ къ лѣсу, и наши вмѣсто того, чтобъ дожидаться пѣхоты и атаковать непріятельскую пѣхоту, ударились обозъ грабить непріятельскій, а тѣмъ временемъ наша пѣхота приспѣла, которую Левенгоуптъ атаковалъ и съ поля сбилъ; а кавалерія, увидя то, ушла; а пушки наши непріятель назавтрее нашелъ. И тако сами своей потерки виноваты" [120]. Это извѣстіе составлено не очень удачно: выраженіе „старымъ обычаемъ безстройно" скорѣе можетъ относиться къ послѣдующему, чѣмъ къ начальному дѣйствію русской конницы, ибо хотя она ударила и старымъ обычаемъ безстройно, однако сломила непріятеля; преобразователь не удержался отъ желанія укорить старый обычай. Но преобразователь не измѣнилъ своему величію въ отвѣтѣ Шереметеву; здѣсь онъ сталъ въ уровень съ тѣмъ великимъ народомъ древности, который благодарилъ своихъ разбитыхъ полководцевъ за то, что они не отчаялись въ спасеніи республики. Петръ писалъ Шереметеву: „Не извольте о бывшемъ несчастіи печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу), но забывать и паче людей ободрять" [121].

1-го. Августа Петръ выступилъ изъ Вильны въ Курляндію: ему хотѣлось перенять Левенгаупта, котораго Шереметевъ долженъ былъ отрѣзать отъ Риги. Съ этою цѣлію онъ послалъ Шереметеву наказъ: „Пойти какъ можно скорѣе и отрѣзать непріятеля отъ Риги; отрѣзавъ, отнюдь бою не давать, но на переправахъ держать, а если сильно захотятъ перейти, то закопать предъ собою, чтобъ имъ конечно пресѣчь путь, и на каждый день посылать къ намъ письма, что чиниться будетъ, чтобъ намъ о всемъ быть извѣстнымъ и потому немедленно поспѣшать. Сказать всѣмъ подъ смертью, чтобъ по тѣмъ статьямъ дѣлали, каковы даны 703 году, когда шли на Кроніорта; также отнюдь бы не скакать за непріятелемъ, хотя оный бѣжать будетъ, но шагомъ, или по нуждѣ малою грудью, подъ смертью же" [122]. Порученіе было трудное; Шереметевъ отвѣчалъ: „Тебѣ, государю, извѣстно, что непріятель съ пѣхотою и пушками: если пойдетъ на насъ всею силою, какъ будемъ

управляться съ фузеями противъ пушекъ? А у меня никакихъ окопныхъ припасовъ нѣтъ: всѣ отосланы съ пѣхотными полками въ Полоцкъ" [123]. Но дѣло не дошло до управленія съ фузеями противъ пушекъ: Левенгауптъ успѣлъ перебраться за Двину къ Ригѣ, къ большому неудовольствію Петра; который писалъ Головину: „Мы здѣсь великое несчастіе имѣемъ, понеже господинъ Леингоптъ яко Нарцизъ отъ Эхо отъ насъ удаляется" [124].

Приказавши Шереметеву сторожить Шведовъ на лѣвомъ берегу Двины противъ Риги, Петръ пошелъ отобрать у нихъ Митаву. Послѣ семнадцатидневной осады Шведы сдали столицу Курляндіи 2 Сентября, въ слѣдъ за тѣмъ сдали Баускъ. Петръ писалъ о Митавѣ Ромодановскому: „Сіе мѣсто великой есть важности: понеже непріятель отъ Лифляндъ уже весьма отрѣзанъ и намъ далѣе въ Польшу походъ безопасенъ есть" [125].

Мы видѣли, что въ Митавѣ Петръ получилъ извѣстіе объ Астраханскомъ бунтѣ, въ слѣдствіе чего одинъ изъ фельдмаршаловъ, Шереметевъ былъ отправленъ на востокъ. Но отъ этого другому фельдмаршалу, Огильви, оставшемуся теперь единственнымъ въ западной арміи, не стало легче: при войскѣ находился любимецъ государя, принцъ Александръ, т. е. Меншиковъ, къ которому всѣ обращались, особенно Русскіе генералы, и которому Петръ довѣрялъ больше, чѣмъ иностранному наемнику. Разногласіе между Огильви и Меншиковымъ началось по поводу выбора мѣста для зимнихъ квартиръ. Огильви самымъ удобнымъ мѣстомъ казался Меречь, Меншикову Гродно, какъ болѣе укрѣпленый природою, гдѣ и съ небольшими силами можно долго держаться противъ непріятеля; Меншиковъ писалъ Петру: „Я разсуждаю: зѣло не радъ онъ (Огильви) моему пріѣзду и все дѣлается вопреки мнѣ" [126]. Петръ согласился съ Меншиковымъ, и войско введено въ Гродно, куда отправился изъ Митавы и самъ царь. Въ Октябрѣ сюда же пріѣхалъ и король Августъ, которому Петръ сдалъ главное начальство надъ войскомъ, а самъ въ Декабрѣ отправился въ Москву.

Такимъ образомъ сильное Русское войско введено было въ Литву для соединеннаго дѣйствія съ войсками Августа противъ Шведовъ. Исполнилось то, чего такъ желалъ Паткуль; но онъ не радовался исполненію своего желанія. Мы оставили его въ Саксоніи въ очень затруднительномъ положеніи относительно русскаго войска, ему ввѣреннаго.

Въ Москвѣ жалобы князя Д. М. Голицына производили впечатлѣніе, и Паткуль въ началѣ 1705 года счелъ нужнымъ оправдаться: „У меня нѣтъ намѣренія, писалъ онъ Головину, отставить всѣхъ Московскихъ начальныхъ людей, потому что я нахожу между ними такихъ, которыхъ, когда хорошо выучатся, не отдамъ и за многихъ Нѣмцевъ; съ Московскимъ человѣкомъ лучше имѣть дѣло, чѣмъ съ Нѣмцемъ, потому что первый лучше знаетъ, что такое послушаніе, а второй очень много разсуждаетъ; надъ Нѣмцами должно наряжать большіе военные суды, а Москвичи въ своихъ квартирахъ такъ покойно живутъ, что жалобъ на нихъ почти нѣтъ, и для всей земли они гораздо споснѣе, чѣмъ свои Саксонскіе солдаты; удивительно, что я по сіе время ни одного Московскаго солдата не предалъ смертной казни. Господинъ князь Голицынъ теперь лучше сталъ себя вести, и ваше превосходительство будьте благонадежны, что я съ радостію ему угождаю ради его изрядной фамиліи“.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ новыя жалобы на худое состояніе Русскаго войска: „Мы сидимъ здѣсь въ тѣснотѣ, и царскаго величества вспомогательныя войска худую фигуру представляютъ, потому что почти нагіе ходятъ, и при дурномъ своемъ уборѣ и негодномъ ружьѣ никакой службы показать не могутъ; русскія деньги принуждены мы размѣнивать съ большимъ убыткомъ, и тѣ скоро издержатся, и не знаю, какимъ способомъ будемъ содержать этихъ бѣдныхъ людей? Король Польскій часто попрекаетъ мнѣ за такую плохую помощь, тогда какъ онъ исполняетъ всѣ условія союза и наслѣдственныя свои земли разорилъ: я противъ явной истины не могу ему ничего говорить. Изъ Литвы приходятъ великія жалобы на царскія войска, тамъ

стоящія; король объ этомъ сильно скорбитъ и вмѣстѣ съ благонамѣренными Поляками опасается, что эти вспомогательныя войска произведутъ ненависть, и вмѣсто ожидаемой пользы навлекутъ на королевскую шею безпокойства и несчастія. Ваше превосходительство требуетъ, чтобъ русскимъ войскамъ скудости въ провіантѣ не было: но я уже доносилъ, что въ здѣшней малой землѣ провіанту мало и очень онъ дорогъ; вскорѣ опасаются совершеннаго голода; офицеры продали лошадей, обозъ, платье и все прочее, и часть ихъ уже ходитъ по дворянскимъ дворамъ и просятъ хлѣба. Артиллерію невозможно съ мѣста сдвинуть, потому что всѣ станки и телѣги очень дурно сдѣланы и желѣзомъ дурно окованы, очень стары и негодны; большая часть лошадей отъ скудости кормовъ и труднаго похода померли, такъ что до начала новаго похода ни одной не останется; то же самое и съ мушкатерскими лошадьми, у которыхъ телѣги всѣ переломаны, а здѣсь ихъ нельзя такъ дешево сдѣлать, какъ на Москвѣ, потому что ни куска дерева даромъ не получишь. Король еще здѣсь въ Дрезденѣ, и неизвѣстно, скоро ли и пойдетъ ли когда въ Польшу. Здѣсь во всѣхъ дѣлахъ большая смута, думаютъ только о забавахъ, а важныя дѣла оставлены. Если можете ваше превосходительство отъ двора этого меня избавить, то буду вамъ вѣчно благодаренъ. Богъ вѣдаетъ, что изъ этого всего выйдетъ? Король Прусскій уже дважды собственноручно писалъ сюда къ своему министру, приказывая ему меня остеречь, чтобъ я недался въ обманъ, потому что тайно устроивается миръ; я королю Польскому объ эбомъ говорилъ, но въ отвѣтъ получилъ одни нѣты. Что тогда дѣлать, если король Шведскій будетъ насъ держать въ постоянной осадѣ, и войскамъ царскимъ ни за деньги, ни безъ денегъ пропитаться будетъ нельзя? могу ли я тогда передать ихъ другому государю?"

Въ апрѣлѣ Паткуль въ письмѣ къ Головину выразилъ отчаяніе въ счастливомъ исходѣ войны и угрозу покинуть царскую службу, приправивъ все это упреками въ дурномъ веденіи дѣла со стороны Петра, который не послушался

его и не соединилъ ранѣе свои войска съ королевскими: „Вѣдомости отовсюда приходятъ, что Шведскій король въ нынѣшнемъ году будетъ имѣть больше 40,000 войска въ Польшѣ, и еслибъ въ прошломъ году не пренебрегли соединеніемъ войскъ, то въ нынѣшнемъ году мы бы могли имѣть опредѣленный воинскій походъ; а теперь мы посмотримъ, что изъ этого будетъ, и кто исправитъ тѣ ошибки, которыя дадутъ себя чувствовать при окончаніи войны; я исполняю свое дѣло какъ добрый человѣкъ, и пишу все это для того, чтобъ вина не пала и на меня, когда игра будетъ испорчена, чего я очень боюсь, ибо дѣло дѣлаютъ не такъ какъ слѣдуетъ. Паткуль имѣетъ въ мысляхъ выйти вонъ изъ этихъ танцевъ, и оставить честь другимъ, которые могутъ лучше его дѣлать, особенно когда при всѣхъ своихъ тяжкихъ трудахъ онъ получаетъ вмѣсто благодарности вонь. Напоминаю, что Шведовъ надобно въ Курляндіи разорять безо всякаго замедленія. Стыдъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, что царское войско въ нынѣшнюю зиму ничего не сдѣлало, и если и впередъ будутъ поступать такъ же, заботиться только о многочисленныхъ, а не объ устроенныхъ войскахъ, упускать удобное время и во всемъ опаздывать, то увидятъ печальное окончаніе этой комедіи, и всякому надобно будетъ заботиться о себѣ. Паткуль проситъ о своемъ расчетѣ, и послѣ ни о чемъ уже болѣе просить не будетъ, это послѣднее его желаніе". Причина раздраженія вскрывается въ концѣ письма: „Ваше превосходительство пишетъ, что царское величество приказалъ капитановъ и ротныхъ офицеровъ изъ Русскихъ только употреблять, потому что Русскіе офицеры у васъ свое дѣло очень хорошо исполняютъ, и что фельдмаршалъ Огильви нашелъ Русскихъ вовсе не хуже Нѣмцевъ. Я сказалъ объ этомъ королю, который совершенно другаго мнѣнія". Предъ самою отсылкою письма Паткуль былъ опять страшно раздраженъ: король велѣлъ его спросить: для чего онъ доноситъ царю, что онъ, король, кромѣ забавъ, ничѣмъ не занимается. Паткуль отвѣчалъ, что какъ добрый человѣкъ не можетъ запереться. Въ письмѣ къ Головину Паткуль

жалуется на князя Григорья Долгорукаго, который, по его мнѣнію, изъ соперничества разгласилъ то, что Паткуль писалъ ему по секрету. „Я не хочу имѣть съ Долгорукимъ больше никакого дѣла, и не извольте поручать мнѣ съ тѣмъ вмѣстѣ ничего“, писалъ Паткуль.

Въ началѣ августа Паткуль опять сталъ писать о переводѣ Русскаго вспомогательнаго отряда въ Австрійскую службу въ случаѣ крайности, если никакъ нельзя будетъ вырваться изъ Саксоніи. Тутъ же Паткуль давалъ знать о какомъ то чудѣ, вслѣдствіе котораго Русское войско, находившееся въ такомъ жалкомъ состояніи, вдругъ преобразилось въ отличное. Долгорукій, въ письмѣ къ Головину, объяснялъ это чудо: „Писалъ ко мнѣ князь Дмитрій Голицынъ, что солдаты Московскіе великую нужду въ Саксоніи терпятъ, а паче офицеры жалованья не имѣютъ, а которое и дано было солдатамъ, Паткуль давать имъ не велѣлъ, а приказалъ на тѣ деньги покупать имъ рубахи, галстуки, рукавицы, башмаки, чулки, а покупаютъ иноземцы цѣною дорогою; и живучи онъ князь Димитрій никакого себѣ пріятеля по се время въ Дрезденѣ не имѣетъ, й что будто Саксонцы къ нашей сторонѣ мало склонны, и будто съ Московскими офицеры гнушаются съ одного блюда ѣсть“. „Король, писалъ Паткуль въ концѣ сентября, отнюдь не хочетъ позволить, чтобъ вспомогательныя русскія войска въ службу другаго государя пошли; король ими чрезвычайно доволенъ, никто ихъ не узнаетъ и не повѣритъ, чтобъ это было то самое войско, которое въ прошломъ году сюда пришло. Но въ деньгахъ большая скудость“. Въ октябрѣ Паткуль написалъ рѣшительно: „дайте мнѣ окончательную резолюцію, что дѣлать съ вспомогательными войсками? потому что безъ денегъ имъ жить невозможно. Если мнѣ дастся знать, что денегъ къ нимъ прислано не будетъ, то я имъ это объявлю и тотчасъ ихъ распущу; могутъ они въ Божіе имя разбѣжаться; что изъ этого выйдетъ, царское величество увидитъ: извѣстно, что тогда эти бѣдные люди принуждены будутъ доставать себѣ пропитаніе грабежомъ и разбоями и наполнятъ собою висѣлицы и колеса къ без-

честію Русскаго народа. Вы пишете, что весною перевели сюда по векселю 40000 ефимковъ, но до насъ дошло только 33000; между тѣмъ я до сихъ поръ промышлялъ платья, оружіе, припасы и ежедневное пропитаніе людей на мой кредитъ, но уже больше дѣлать этого не могу, нехочу потерять кредитъ и честь, обанкрутиться, будучи царскимъ министромъ и генераломъ".

Въ слѣдующемъ письмѣ Паткуль далъ знать, что Августъ II на дняхъ отправляется на свиданіе съ царемъ и потому просилъ его съѣхаться съ нѣкоторыми изъ его вѣрныхъ совѣтниковъ и написать, чего королю домогаться у царя и какимъ образомъ надобно будетъ продолжать войну. Паткуль написалъ пункты по соглашенію съ королевскими министрами, но далъ знать Головину, что сдѣлалъ это неискренно, принужденный съ волками выть по волчьи: „Я уже открылъ вашему превосходительству, писалъ Паткуль, какія причины я имѣю остерегаться, потому что я здѣсь въ когтяхъ злыхъ людей; меня отравятъ или изведутъ какимъ-нибудь другимъ способомъ, если провѣдаютъ, что я неискренно потакаю ихъ планамъ. Поэтому я принужденъ выть съ этими волками; но напоминаю вамъ, чтобъ вы особенно не полагались на артикулы: 1) о порабощеніи королевства Польскаго, 2) о политикѣ съ Пруссіею; 3) о намѣреніи относительно Данцига; 4) о продолженіи войны. Не вѣрьте, хотя бы вамъ показывали и собственноручное мое писаніе. Все это химеры людей, у которыхъ въ рукахъ дѣло Польскаго короля; самъ король втайнѣ несогласенъ съ ними; но я принужденъ ихъ ласкать и соглашаться на ихъ безумныя мнѣнія, потому что чрезъ нихъ все провѣдываю. Король Польскій прежде сильно добивался самодержавія въ Польшѣ, но теперь отъ этого отсталъ, потому что война его умягчила и онъ былъ бы очень радъ съ честію отъ нея освободиться и быть въ покоѣ; теперь онъ видитъ также, какъ дурно ему совѣтовали ссориться съ Прусскимъ дворомъ, и онъ теперь много далъ бы, чтобъ ему мало по малу можно было войти съ нимъ въ дружбу. Напоминаю, что царское величество больше всего

долженъ заботиться объ истинной дружбѣ съ королемъ Прусскимъ, ибо если мы съ нимъ дружбу потеряемъ, то все пропадетъ, и вамъ не слѣдуетъ удивляться, что я этотъ дворъ такъ ласкаю" [127].

Петръ поручилъ Паткулю съѣздить въ Берлинъ и скрѣпить дружбу Россіи съ тамошнимъ дворомъ. Въ инструкціи говорилось: „Объявить, что Паткуль имѣетъ полную мочь постановить договоръ, по которому Прусскій король принялъ бы сторону Россіи и Польши и сильнымъ посредничествомъ своимъ выхлопоталъ бы имъ благополучный и честный генеральный миръ; или, если Шведъ заупрямится, то принудилъ бы его къ тому силою и угрозою воинскою. За это царское величество обѣщаетъ Прусскому королю Польскіе Пруссы (Западную Пруссію), сколько ему ихъ будетъ потребно, а короля Польскаго къ уступкѣ ихъ уговоритъ, въ чемъ тотъ уже склонность свою явилъ. Царское величество обѣщаетъ также съ королемъ Прусскимъ заключить взаимный гарантійный трактатъ — съ своей стороны объ Ингріи и Эстляндіи, а съ Прусской о Польскихъ Пруссахъ — противъ всѣхъ наступателей и непріятелей. Если король Прусскій объявитъ, какъ писалъ къ намъ посланникъ его Кейзерлингъ, что Шведъ обѣщалъ ему больше прибыли, то обнадеживать его, что царское величество по мѣрѣ возможности его пользы искать будетъ, и вовсе ему въ томъ не отказывать. Если же король Прусскій не можетъ или не захочетъ вступить въ такой договоръ, то по нуждѣ изволь домогаться, чтобъ хотя нейтральный трактатъ заключить" [128].

Паткуль поѣхалъ въ Берлинъ, и, возвратившись оттуда, писалъ Головину въ ноябрѣ, что король Прусскій хочетъ жить и умереть въ вѣрной дружбѣ съ царемъ и готовъ служить ему всюду, у Шведовъ и союзниковъ. Прусскіе министры горько жаловались, что въ прошломъ году не состоялось соглашеніе единственно по зависти и ненависти короля Польскаго, который думаетъ только объ одномъ, какъ бы покончить войну съ честію или безчестіемъ, и потомъ дѣйствовать противъ короля Прусскаго. „Злоба въ

Пруссіи противъ короля Польскаго страшная, писалъ Паткуль; король и совѣтники его имѣютъ главнымъ правиломъ, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ вѣрить королю Польскому, который отъ своихъ людей и отъ всѣхъ потентатовъ считается фальшивымъ человѣкомъ. Я прилагалъ всѣ труды къ искорененію этого мнѣнія, но напрасно, и боюсь дурныхъ послѣдствій отъ такого расположенія Берлинскаго двора. Прусскіе министры дали мнѣ ясно знать, что они склонны признать Польскимъ королемъ Станислава Лещинскаго, и хотѣли отъ меня провѣдать, какъ царское величество на это посмотритъ. Я объявилъ, что не имѣю указа говорить объ этомъ, но думаю, что это сильно потревожитъ царское величество. Когда я сказалъ, что все пошло бы прекрасно, еслибъ три державы — Россія, Польша и Пруссія вступили въ тѣсный союзъ, то они отвѣчали: какъ можно съ королемъ Августомъ предпринять что-нибудь путное? кромѣ того, что этотъ государь по природѣ непостояненъ, лживъ и скрытенъ, всѣ его министры полушки не стоятъ, кто изъ нихъ не плутъ, тотъ ничего не знаетъ; какъ бы честно союзникъ съ ними ни поступалъ, въ концѣ непремѣнно будетъ обманутъ. Курфиршество Саксонское такъ дурно управляется, что въ короткое время подвергнется крайнему разоренію, и король Августъ неспособенъ оказать помощь своимъ союзникамъ; всѣ дворы Европейскіе имъ гнушаются, никто съ нимъ никакого дѣла имѣть не хочетъ, а потому онъ всѣми оставленъ. — Видя такую ненависть къ Польскому королю, продолжаетъ Паткуль, я принужденъ былъ обѣщать, что король Августъ, по настоянію царскаго величества, всѣхъ злыхъ совѣтниковъ своихъ отставитъ и короля Прусскаго во всемъ удовлетворитъ. На этомъ основаніи все примирено. Но я не знаю, какъ я сдержу свое слово, развѣ царское величество приведетъ къ тому короля Польскаго; если же этого не сдѣлается, и король Польскій съ Прусскимъ опять поссорятся, то не знаю, что тутъ дѣлать, и пусть тогда дѣло идетъ какъ хочетъ".

Паткуль слылъ между современниками за очень умнаго

человѣка: если это на самомъ дѣлѣ было такъ, если смѣлость, хлопотливость, задоръ и самонадѣянность не принимали за дѣйствительныя способности, какъ часто бывало и бываетъ, то странно предположить, что Паткуль до такой степени не понималъ Прусской политики, не понималъ, что Пруссія никогда не могла согласиться на усиленіе Саксоніи, никогда не могла согласиться на дѣятельный союзъ съ царемъ, когда царь не смылъ еще съ себя пятно Нарвскаго пороженія и потому считался ненадежнымъ союзникомъ; Польскія Пруссы — желанная добыча, но чтобъ получить ее, нужно было побѣдить непобѣдимаго Шведскаго короля! Вмѣсто того, чтобъ понять такія естественныя, простыя отношенія, и уяснить ихъ Русскому правительству, Паткуль внушаетъ послѣднему, что все препятствіе къ Прусскому союзу заключается въ нерасположеніи Прусскаго короля къ Саксонскому, и для уничтоженія этого нерасположенія онъ, Паткуль, обѣщалъ, что царь заставитъ короля Августа прогнать всѣхъ злыхъ своихъ совѣтниковъ; смыслъ письма былъ таковъ: „Или принудьте Августа отставить всѣхъ своихъ министровъ, или Прусскаго союза вамъ не видать, и дѣлайте какъ сами знаете, я умываю руки". Такимъ образомъ сильное желаніе царя заключить союзъ съ Пруссіею Паткуль хотѣлъ употребить какъ средство для сверженія Саксонскихъ министровъ, своихъ непримиримыхъ враговъ. Но, быть можетъ, онъ былъ увѣренъ, что этимъ онъ проложитъ путь и къ Прусскому союзу? Если онъ былъ въ этомъ увѣренъ, то современники сильно ошибались на счетъ его способностей.

Во всякомъ случаѣ Паткуль поворачивалъ круто, и враги его поворотили также круто, дѣйствуя по инстинкту самосохраненія. Ненависть Саксонскихъ министровъ къ Паткулю достигла высшей степени; недоставало только предлога отдѣлаться отъ него; предлогъ представился въ передачѣ Паткулемъ Русскихъ войскъ въ Австрійскую службу. Мы уже видѣли, что Паткуль представлялъ Русскому двору необходимость этой передачи, и наконецъ Го-

ловинъ отписалъ ему 3 октября 1705 года: „если послѣ всѣхъ вашихъ усилій, вывести Русскія войска изъ Саксоніи окажется невозможнымъ, отъ чего Боже сохрани, въ такой крайней нуждѣ предоставьте ихъ цесарю на возможно выгодныхъ условіяхъ, но съ тѣмъ, чтобы безъ воли царскаго величества, они не были удержаны цесаремъ долѣе одной кампаніи; возвратиться же легко могутъ чрезъ Венгрію".

Не говоря ни слова о переводѣ въ Австрійскую службу, Паткуль, чтобъ снять съ себя отвѣтственность, 8 ноября предложилъ князю Голицыну и всѣмъ начальнымъ людямъ въ Русскомъ войскѣ слѣдующее: „Такъ какъ его царское величество неоднократно повелѣвалъ указами войско все изъ Саксоніи вывести въ Польшу, то предлагается на генеральный судъ: 1) Какимъ путемъ идти, чрезъ Бранденбургскую ли землю и Великую Польшу, или чрезъ цесарскую къ Кракову? 2) откуда взять продовольствіе во время похода? 3) Который путь безопаснѣе, чтобъ не попасться въ полонъ? 4) Можно ли идти безъ конницы и откуда ее взять? 5) Не сыщется ли кто, чтобъ указать лучшій и безопаснѣйшій путь въ Польшу? Тому дано будетъ тотчасъ 1000 червонныхъ и обѣщается повышеніе въ чинѣ". Въ отвѣтѣ князя Голицына высказалось оскорбленное чувство человѣка, которымъ до сихъ поръ пренебрегали, а теперь, въ крайности, чтобъ сложить съ себя отвѣтственность, спрашиваютъ совѣта. Голицынъ отвѣчалъ: „На 1-е совѣта дать не могу: дадутъ ли позволеніе и можно ли пройти? что требуетъ двухъ степеней, генеральской и министерской, которыя обѣ вручены отъ царскаго величества вашей вѣрности; на 2-е есть указъ царскаго величества, что, по договорнымъ статьямъ, войска должны кормить королевскіе коммиссары; если путь будетъ свободенъ, солдаты могутъ взять провіанта у коммиссаровъ и на себѣ нести; на 3-е: ссылаюсь на 1-е: пунктъ; на 4-е: по договору должны провожать конные Саксонскіе полки; на 5-е неотвѣтствую для того: понеже не есть моя повинность въ такихъ дѣлахъ совѣтовать за деньги". Всѣ начальные войсковые люди объявили, что полкамъ пройти въ Польшу невозможно.

Чрезъ нѣсколько дней Паткуль снова предложилъ на генеральный судъ: 1) Удобны ли настоящія квартиры? 2) есть ли у князя Голицына казна на пищу и одежду для войска? Тутъ же объявлено было повелѣніе государя: если пройти въ Польшу нельзя, то отдать войска на службу другому государю. Отвѣтъ на оба вопроса былъ отрицательный и изъявлена готовность идти всюду для исполненія указа государева. 15 декабря Паткуль заключилъ съ императорскимъ посломъ въ Дрезденѣ договоръ, по которому Русское войско передавалось въ Австрійскую службу на одинъ годъ для опыта; употреблять его на Рейнѣ и въ Нидерландахъ, и только въ крайнемъ случаѣ въ Италіи.

Тайный совѣтъ, управлявшій Саксоніею въ отсутствіе короля, не соглашался на эту передачу; Паткуль не соглашался отмѣнить ее; министры нашли, по ихъ мнѣнію, самое вѣрное средство прекратить вредную дѣятельность Паткуля: 19 декабря онъ былъ арестованъ и отвезенъ въ крѣпость Зонненштейнъ. Князь Дм. Мих. Голицынъ подалъ немедленно сильный протестъ. Вопіющимъ образомъ нарушено было народное право: но развѣ оно не было нарушено, когда, по совѣту Паткуля, схватили Собѣскихъ въ чужихъ владѣніяхъ? И что жъ за это было? ничего. Расчетъ на безнаказанность былъ вѣренъ и въ дѣлѣ Паткуля: царь, разумѣется, будетъ протестовать, будетъ требовать выдачи Паткуля, но изъ за него не разсорится съ королемъ, своимъ единственнымъ и необходимымъ союзникомъ; а если разсорится — тѣмъ лучше: скорѣе будетъ заключенъ желанный для Саксоніи миръ съ Швеціею. Къ царю отправился королевскій камергеръ Шенбекъ, который долженъ былъ обстоятельно описать наглость всѣхъ дѣйствій Паткуля и королевское долготерпѣніе: описать, какъ Паткуль не только въ домашнія дѣла королевскія вмѣшивался, но и со всѣми министрами ссорился, а нѣкоторыхъ офицеровъ такъ безчестилъ словами, что еслибъ тѣ не щадили его посольскаго характера, то дѣло могло дойти до самыхъ печальныхъ крайностей, какъ наприм. съ графомъ Денгофомъ и генераломъ Шулембургомъ. При чужихъ дворахъ и ихъ

министрахъ и въ партикулярныхъ мѣстахъ порицалъ королевскіе поступки и явно приказывалъ выдавать пасквили, что должно быть всему свѣту извѣстно. Явно хвалился, что король Шведскій въ собственноручныхъ письмахъ къ нему обѣщаетъ исполнить всѣ его требованія. Безъ вѣдома и воли королевскаго и царскаго величества, по своенравію или изъ частныхъ выгодъ, перевелъ вспомогательныя Московскія войска въ цесарскую службу, не смотря на то, что старались всячески его утолить и всякія обѣщанія давали; а прежде только и проповѣдывалъ, что о походѣ въ Польшу и соединеніи съ главнымъ царскимъ войскомъ, самъ подписалъ рѣшеніе объ этомъ военнаго совѣта: для чего же онъ въ такое короткое время отступилъ отъ всѣхъ своихъ прежнихъ совѣтовъ и мнѣній и пришелъ къ пагубной мысли ослабить войска въ Саксоніи и вступленіе въ Польшу сдѣлать невозможнымъ? Для предупрежденія дальнѣйшаго зла, для охраненія нашего общаго благосостоянія, для прекращенія опасныхъ замысловъ Паткуля принуждены были арестовать Паткуля впредь до будущаго рѣшенія царскаго величества. Легко могло бы случиться, еслибы Саксонцы стали Московитяній отъ похода удерживать, а Москвичи, по приказу генерала Паткуля, захотѣли пробиться силою, то дѣло дошло бы до битвы, позорной въ глазахъ непріятельскихъ и дружескихъ; чтобъ Паткуль не успѣлъ выдать приказа къ походу, единственное средство было овладѣть его особою, при чемъ Паткуль арестованъ не какъ царскій посолъ, но какъ генералъ, находящійся подъ фельдмаршальскою командою.

Петръ не былъ удовлетворенъ объясненіями Шёнбека; въ его убѣжденіи поступокъ съ Паткулемъ былъ поступокъ „зѣло жестокій, противъ всѣхъ правъ учиненный“. Головинъ писалъ ему: „Каковы, государь, я письма получилъ отъ Паткуля изъ за аресту тайно писанныя къ тебѣ и ко мнѣ, въ которыхъ пишетъ оправдая себя, что будто то по указу учинилъ и проситъ освобожденія изъ за аресту себѣ, съ тѣхъ списки для донесенія вашему величеству послалъ я къ Гаврилѣ Ивановичу (Головкину), понеже у

него со всего дѣла о заарестованіи его Паткулевѣ списки обрѣтаются, и выписавъ подлинно изъ посланныхъ къ нему указовъ о перепускѣ войскъ, отмѣтилъ на полѣ: изъ того изволите яснѣе увидѣть, что онъ то учинилъ весьма противно вашего величества указу; однако жъ изволишь, государь, приказать кому говорить о немъ, чтобъ его изъ за аресту свободить и привести къ тебѣ, и тогда онъ какое можетъ оправданіе о себѣ показать, въ чемъ буди воля твоя" [129]. Воля Петра именно состояла въ томъ, чтобъ постоянно требовать присылки Паткуля въ Россію для изслѣдованія дѣла; но Паткуля не прислали. Расчетъ Саксонскихъ министровъ былъ вѣренъ: царь долженъ былъ ограничиться одними протестами, особенно когда Карлъ XII обратился противъ Русскаго войска.

Въ то время когда Петръ занималъ Курляндію и сосредоточивалъ свое войско въ Гродно, Карлъ XII стоялъ около Варшавы, гдѣ короновался его Польскій Король Станиславъ. Пришла осень, Карлъ не двигался; король Августъ пріѣхалъ въ Гродно къ Петру; царь, поруча ему свое войско, при которомъ были фельдмаршалъ Огильви и Меншиковъ, какъ генералъ надъ кавалеріею, уѣхалъ въ Москву. Но вдругъ въ концѣ Декабря сказанъ былъ Шведамъ зимній походъ; въ жестокіе морозы Карлъ спѣшилъ къ Гродно. Туда же въ Генварѣ 1706 года спѣшилъ изъ Москвы больной Петръ, встревоженный извѣстіемъ о походѣ врага, огорченный тѣмъ, что долженъ былъ оторваться отъ финансовыхъ и другихъ нужныхъ распоряженій въ Москвѣ, гдѣ, по его словамъ, было „все добро, трудились во всѣхъ дѣлахъ какъ возможно" [130]. Вѣрный своему основному плану—бить Шведовъ по частямъ для школы русскимъ, и не давать ни подъ какимъ видомъ генеральнаго сраженія, Петръ, выѣзжая изъ Москвы, писалъ къ Меншикову, что всего лучше войску выйти изъ Гродно къ своимъ границамъ, чтобъ не быть окружену Шведскими войсками, если съ Карломъ соединится со одной стороны генералъ его Реншёльда, изъ Польши, а съ другой Левенгауптъ изъ Лифляндіи: „Тогда мы, писалъ Петръ, отъ еди-

ной нужды (въ продовольствіи) принуждены будемъ исчезнуть; того для лучше здоровое отступленіе, нежели отчаемое и безъизвѣстное ожиданіе; того ради совѣтую, чтобъ заранѣе, не допуская непріятеля, уступить; такожъ и Митавское войско, по подорваніи замковъ обоихъ, къ себѣ привлечь; надлежитъ же и то смотрѣть, чтобъ магазейны всѣ, изъ которыхъ уступать будутъ, сжечь, дабы непріятелю не достались. Того смотрѣть, чтобъ непріятеля отнюдь недопустить зайтить сзади себя. Буде же изволите пожалѣть пушекъ большихъ (которыхъ ни пятнадцати нѣтъ), и затѣмъ для Бога не раздумывайте, мочно ихъ въ Неманъ кинуть; а потомъ полковыя лошади есть: ибо лучше о цѣлости всего войска (заботиться), въ чемъ по Богѣ все состоитъ, нежели о семъ маломъ убыткѣ". Меншиковъ по письму Петра, долженъ былъ выѣхать къ нему на встрѣчу [131].

Между тѣмъ 9 января въ Гродно держали тайный военный совѣтъ, на которомъ предложены были три вопроса: 1) Идти ли на встрѣчу непріятелю и напасть на него прежде, чѣмъ онъ соединится съ Реншёльдомъ? 2) или ожидать непріятеля въ укрѣпленіяхъ въ Гродно и крѣпко защищаться 3) или отступить и куда? Два иностранные генерала русской службы объявили, что нельзя ни идти на встрѣчу къ непріятелю, ни дожидаться его въ Гродно, а надобно отступить къ Полоцку; Репнинъ и Меншиковъ отвѣчали, что если король не соединится съ Реншёльдомъ, то дожидаться его въ Гродно, если же соединится, то отступить къ Полоцку. Фельдмаршалъ Огильви былъ того мнѣнія, что во всякомъ случаѣ надобно оставаться въ Гродно, ибо защищаться можно до тѣхъ поръ, пока Саксонская армія зайдетъ въ тылъ непріятелю, отступленіе же къ Полоцку опасно, вредно и постыдно, ибо надобно будетъ пожертвовать артиллеріею, а по суровости погоды, и людьми, и кромѣ того, отступленіе произведетъ всюду очень неблагопріятное нравственное впечатлѣніе. Такимъ образомъ двое генераловъ были за безусловное отступленіе, двое за условное, фельдмаршалъ хотѣлъ оставаться во

всякомъ случаѣ: король рѣшилъ—отправить протоколъ совѣта къ царю для немедленнаго и прямого рѣшенія. При отсылкѣ протокола Меньшиковъ писалъ царю, что только мнѣніе двоихъ генераловъ изъ иностранцевъ, мнѣніе, которое поддерживали еще двое польскихъ вельможъ, находившихся при королѣ, сдержали Огильви: иначе онъ чуть чуть не рѣшилъ выступить войску въ глубь Польши для соединенія съ Саксонскими войсками: „Фельдмаршалъ стороны Саксонской, писалъ Меншиковъ; не изволь, государь, его писемъ много разсуждать и онымъ подлинно вѣрить. Для Бога, не изволь ни о чемъ сомнѣваться: все у насъ управно; только желаемъ васъ здѣсь видѣть“ [132].

Но вмѣсто Петра 13 января явился у Гродно Карлъ, совершившій переходъ отъ Вислы до Нѣмана съ необыкновенною быстротою. 14 онъ перешелъ Нѣманъ, прогнавши Русскихъ драгунъ, хотѣвшихъ было мѣшать переправѣ; 15 числа Шведы подступили къ Гродно, вызывая Русскихъ на бой; но тѣ не приняли вызова, ожидая приступа. Карлъ, не имѣя никакой надежды на удачный приступъ, началъ отступать отъ Гродно все на дальнѣйшее разстояніе, побуждаемый къ тому недостаткомъ въ съѣстныхъ припасахъ, и окончательно сталъ въ Желудкѣ, въ 70 верстахъ отъ Гродно, довольствуясь разсылкою сильныхъ партій, чтобъ не пропускать съѣстныхъ припасовъ къ Русскому войску. Такимъ образомъ это войско было отрѣзано отъ своихъ границъ, а главное нуждалось въ провіантѣ. Король Августъ, взявши четыре русскихъ драгунскихъ полка, ушелъ къ Варшавѣ, обѣщая дать скорую помощь Огильви; Меншиковъ, исполняя приказаніе царя, еще прежде выѣхалъ изъ Гродно и встрѣтилъ Петра въ Дубровнѣ. Узнавши, что Шведы уже подъ Гродно и проѣхать туда нельзя, царь возвратился въ Смоленскъ, въ самомъ печальномъ состояніи духа, ибо не было никакихъ извѣстій, что дѣлается въ Гродно. Приказывая Головину, оставленному въ Москвѣ, распоряжаться самому на счетъ Низовыхъ дѣлъ (Астраханскаго бунта), Петръ писалъ: „Письма Шереметева посылаю до васъ, извольте учинить по разсмо-

тренію, также и впредь извольте вы его дѣла дѣлать (для которыхъ я васъ въ Москвѣ и оставилъ), ибо мнѣ, будучи въ семъ адѣ, не точію довольно, но ей и чрезъ мочь мою сей горести. Мы за безчастьемъ своимъ не могли проѣхать къ войску въ Гродню" [133]. Въ Гродно Петръ написалъ оставшемуся тамъ русскому генералу, князю Репнину: „Зѣло удивляемся, что по ся поры отъ васъ жадной (никакой) вѣдомости нѣтъ, что намъ зѣло печально; также объявляемъ, ежели конечно надѣяться можно, и совершенную подлинную вѣдомость о приближеніи Саксонскихъ войскъ имѣете, къ тому же провіянту мѣсяца на три имѣете, и конскій кормъ (хотя съ небольшою и нуждою), то будьте у Гродни; будеже о приближеніи Саксонскихъ войскъ вѣрнаго извѣстія нѣтъ, а обнадеживаютъ польскою правдою, то хотя и Реншильда не чаятъ, и довольства въ провіантахъ и кормахъ конскихъ есть, отступить къ Русской границѣ всеконечно, не испуская времени, куды удобнѣе и безопаснѣе (и сіе учинить конечно, и объявить о томъ всѣмъ генераламъ, начениш отъ фельдмаршала [134]; ибо непріятель уже, почитай, что отрѣзалъ войско наше отъ границъ, когда идетъ къ Вильнѣ, и потому въ Гроднѣ ждать нечего, ежели вѣрной вѣдомости о Саксонцахъ нѣтъ, какъ выше объявлено: однако же все сіе покладаю на ваше тамошнее разсужденіе, ибо намъ такъ далеко будучимъ не возможно указъ давать, понеже пока опишемся, уже время у васъ пройдетъ; но что къ лучшему безопасенію и пользѣ, то и чините со всякою осторожностію. Такожъ не забывайте словъ господина моего товарища (т. е. Меншикова), который приказывалъ [135] вамъ при отъѣздѣ своемъ, чтобъ вы больше цѣлость войска хранили, неже на иныхъ [136] смотрѣли. О пушкахъ тяжелыхъ не размышляйте; ежели за ними трудно отойтить будетъ, то оныхъ разорвавъ, въ Нѣметь бросить [137].

Наконецъ въ Февралѣ, когда Петръ переѣхалъ въ Оршу, получено письмо отъ Огильви. Фельдмаршалъ писалъ, что прочелъ царское письмо къ Репнину [138]; но не можетъ вывести войско, потому что рѣки еще подольдомъ, и непрі-

ятель осилитъ конницею; также надобно будетъ пожертвовать артиллеріею и Саксонскими войсками, которыя уже въ походѣ, и потому онъ, Огильви рѣшился остаться въ Гродно до лѣта и ожидать или большаго удаленія непріятельскаго или прибытія Саксонскихъ войскъ. Огильви въ своемъ письмѣ не пощадилъ Меншикова: „Не знаю, писалъ онъ, какъ могутъ оправдаться предъ вашимъ величествомъ и предъ честными людьми тѣ, которые меня здѣсь покинули безъ денегъ, безъ магазиновъ, безъ артиллерійскихъ и полковыхъ лошадей, замутили всѣмъ войскомъ, и какъ скоро непріятель пришелъ, убѣжали, не сказавъ мнѣ ни слова“. Огильви жаловался на дурное состояніе войска, на непослушаніе князей Репнина и Ромодановскаго, на распоряженія Меншикова помимо его, фельдмаршала [139].

Письмо не могло понравиться; а тутъ еще были получены письма Репнина къ Меншикову, гдѣ говорилось, что фельдмаршалъ доноситъ несправедливо о состояніи войска, что Огильви въ постоянной перепискѣ съ королемъ Августомъ, но о чемъ идетъ у нихъ дѣло, никто не знаетъ, что носится слухъ о походѣ изъ Гродно къ Варшавѣ [140]. Петръ отвѣчалъ Репнину: „Какъ слышимъ, что иттить къ Варшавѣ — весьма не надобно, и отнюдь того не дѣлать; также ежели о Саксонцахъ такой подлинной вѣдомости не получите (при принятіи сего письма), что оные конечно Вислу перешли и идутъ къ вамъ, а непріятель отъ васъ тѣмъ часомъ ежели отдалится такъ, что вамъ возможно будетъ безъ всякаго труда отойтить, тогда для Бога не мѣшкавъ подите къ рубежамъ, куда удобнѣе; также буде не далеко ушли тѣ четыре полка, которые съ королемъ пошли, взять съ собою же, буде возможно; а артиллерію, тяжелыя пушки, ежели везть невозможно, то разорвавъ, бросить въ воду. Буде же о Саксонцахъ получите подлинную вѣдомость, а провіанта можете доставать, и надѣетесь, что до весны, или приближенія Саксонскаго станетъ онаго, то будьте въ Гроднѣ. О! зѣло намъ печально, что мы не могли къ вамъ доѣхать, и въ какой мы-

сли нынѣ мы есть, то Богу одному извѣстно". То же самое написалъ Петръ и Огильви; начало письма замѣчательно: „Мы съ немалою прискорбностію отъ васъ письма выразумѣли, въ которыхъ такія необъятыя тягости наваливаете, самижъ единою бумагою и перомъ щититесь, и во всемъ насъ винныхъ творите, что мы не по вашей волѣ чинили, и не точію настоящее, но прошедшее паки повторяете и вмѣсто веселости тугу прилагаете: однакожъ все сіе презирая, прошу, чтобъ вы по сему учинили, за которое я вамъ буду надмѣру благодаренъ, и когда прибуду къ вамъ, такъ учиню, что вы никогда жаловаться не будете". Тогда же Петръ написалъ Августу: „Ни о чемъ иномъ, точію о семъ просимъ, дабы ваше величество не изволили нашихъ въ семъ опасномъ случаѣ оставить, но какъ скорѣе съ войскомъ приближиться, паче же провіантомъ какъ возможно скорѣе удоволить, что вашему величеству не трудно учинить, будучи нынѣ свободной стороны, гдѣ непріятель прешкодитъ (нанесть вреда) не можетъ. Ежели при семъ маломъ провіантѣ какое зло сему нашему главному войску случится, то уже нечего вашему величеству съ нашей стороны уповать". Августъ оправдывался, что выѣхалъ изъ Гродно для того, чтобъ придвинуть войско свое къ этому городу и выѣхалъ уже тогда, когда непріятель отступилъ. Петръ отвѣчалъ: „За сіе благодарствуемъ; однакожъ не безъ сомнѣнія, дондеже дѣломъ сіе исполнится". Августъ представлялъ, что нельзя этою зимою опасаться вторженія непріятеля въ Московское государство, и просилъ поспѣшить присылкою субсидій, безъ которыхъ ему ничего нельзя будетъ сдѣлать. Петръ отвѣчалъ: „Про непріятеля подлинно вѣдать невозможно; но то вѣдомо, что уже онъ нашихъ отрѣзалъ отъ нашихъ границъ. Ожидаемъ со стороны его величества о войскахъ подлиннаго слышать о сикурсѣ нашемъ, въ чемъ его величество или вѣчно разоритъ или обяжетъ насъ". [141].

Чтобъ дать Гродненскому войску сикурсъ повернѣе Саксонскаго Петръ велѣлъ гетману Мазепѣ двинуться изъ Волыни къ Минску, и писалъ къ Репнину 17 февраля: „гет-

манъ въ скорыхъ числахъ будетъ къ Минску; станемъ мы также въ три или четыре дни въ Минскѣ; козаковъ нѣсколько тысячь уже въ Брестѣ, и для того зѣло потребно, чтобъ провіантъ изъ Бреста чрезъ козаковъ привезть къ вамъ, для чего пошлите и отъ себя и о семъ для Бога трудитесь, и если возможете до половины марта провіанта, то лучше вамъ быть у Гродни; ибо мы, съ помощію Божіею, надѣемся вскорѣ случась съ гетманомъ, вамъ добрый отвѣтъ дать. Съ восемь тысячь имѣемъ старыхъ солдатъ, кромѣ рекрутъ, а съ рекрутами болѣе пятнадцати, кромѣ Курляндскихъ" [142]. Къ Огильви написалъ: „слышимъ о великой скудости у васъ провіанта; гетманскіе козаки уже давно въ Брестѣ, и для чего оттоль не велите провіанта привезть, не знаю. Для самого Бога сіе какъ наискорѣе учините, чтобъ людей въ довольствѣ содержать, которое паче многихъ добрыхъ дѣлъ вамъ почтено будетъ, и я зѣло буду за оное благодарить вамъ" [143].

„Рубежи наши зѣло голы, а наипаче всего конницею"— писалъ Петръ Апраксину, и потому велѣлъ отъ Смоленска до Пскова вездѣ, гдѣ лѣса есть, зарубить рядомъ на 300 шаговъ широтою; ежели въ которомъ мѣстѣ валомъ легче, нежели лѣсомъ, тутъ не рубить, а дѣлать валъ по первой ростали. Эту линію весть не смотря, чья земля, наша или Литовская, только смотрѣть, гдѣ скорѣе, удобнѣе и легче можно сдѣлать. Гдѣ воды глубокія или болота непроходимыя, тутъ, для скоростей, не дѣлать засѣки. Дѣлать это поголовно, съ великою поспѣшностію, ближайшими уѣздами, Русскими и Польскими [144].

Среди этихъ распоряженій настигла страшная вѣсть, что на Саксонскій сикурсъ не можетъ быть никакой надежды; въ началѣ февраля при Фрауштадтѣ Саксонское двадцатитысячное войско подъ начальствомъ Шуленбурга было разбито въ прахъ Шведскимъ генераломъ Реншельдомъ, у котораго было не болѣе 12000 войска; большая часть русскаго вспомогательнаго отряда, находившагося у Шуленбурга, была варварски истреблена Шведами, не хотѣвшими щадить и сдававшихся [145]. Это изумительное при такой раз-

ницѣ въ числѣ людей пораженіе Петръ сначала приписалъ измѣнѣ, зная, какъ Саксонцы недовольны войною короля своего съ Шведами, и въ этомъ смыслѣ писалъ Головину 26 февраля: „Нынѣ уже явна измѣна и робость Саксонская, такъ что конница, ни единаго залпу не давъ, побѣжала, пѣхота болѣе половины киня ружья, отдалась, и только нашихъ однихъ оставили, которыхъ не чаю половины въ живыхъ; Богъ вѣсть, какую намъ печаль сія вѣдомость принесла, и только дачею денегъ бѣду себѣ купили. Симъ же случаемъ и измѣна Паткулева будетъ явна, ибо совершенно чаю, того для онъ взятъ, чтобъ сей ихъ измѣнной факціи никто не свѣдалъ. При семъ прошу васъ, чтобъ вы въ добромъ числѣ рекрутовъ Москвичей (а паче конныхъ, хотябъ и еще изъ людей боярскихъ по небольшому положить), и въ прочемъ трудились. Мы межь тѣмъ будемъ стараться о выручкѣ своихъ Гроденскихъ (которыя, слава Богу, еще въ довольствѣ обрѣтаются), и уже полки отсель пошли къ Минску, куда и мы завтра поѣдемъ и тамъ случимся съ гетманомъ Мазепою“ [146].

Петръ поѣхалъ въ Минскъ, отправивши въ Гродно слѣдующее приказаніе: „по несчастливой баталіи Саксонской уже тамъ дѣлать нечего, но дабы немедленно выходили изъ Гродни, и шли по которой дорогѣ способнѣе и гдѣ ближе лѣса; а буде вскроется Нѣманъ, то лучше перешедъ Нѣманъ, идти на лѣвую руку, потому что непріятель чрезъ рѣку не можетъ такъ вредить, такожъ по той дорогѣ гетманъ и иныя наши войска съ нимъ; однакожъ полагается то на ихъ волю, куда удобнѣе; а по которой дорогѣ пойдутъ, о томъ намъ прежде походу для вѣдома наскоро писать, дабы можно было намъ съ конницею ихъ встрѣтить, и какъ возможно курьеровъ нанимать, на что не жалѣть денегъ. Брать съ собою что возможно полковыхъ пушекъ и другое что нужное (въ чемъ зѣло смотрѣть, чтобъ не отяготиться, взять зѣло мало, а по нуждѣ хотя и все бросить), а достальное, а именно артиллерію тяжелую и прочее, чего увезти будетъ невозможно, бросить въ воду, и ни на что не смотрѣть, только какъ возможно стараться, какъ бы людей спа-

сти. Отошедъ изъ Гродни миль 10 или какъ случится, когда крѣпкія мѣста, а именно лѣса начнутся, раздѣлить всю армію батальонами или полками, какъ лучше по разсмотрѣнію, и походъ учредить разными дорогами, по которымъ разверстать все войско, чтобъ шло врознь, а не всѣмъ корпусомъ, дабы непріятель всею силою на весь корпусъ не напалъ, гдѣ можетъ свободно выиграть, нежели потерять. А когда войско наше въ розницѣ будетъ, тогда невозможно будетъ непріятелю всю армію атаковать, развѣ только на одинъ баталіонъ или полкъ нападетъ, который хотя и разорятъ, въ томъ буди воля Божія, однакожъ не всѣ въ атакѣ будутъ; а Волоскихъ партій опасаться нечего, хотя и сильныя будутъ, только можно вѣрить, что на нашъ на одинъ баталіонъ смѣло не нападутъ. Прежде выхода изъ Гродни все (кромѣ пушекъ и пороху) яко суть ножи и прочая, зѣло тайно пометать въ воду. Сей выходъ изъ Гродни зѣло надлежитъ тайно сдѣлать, такимъ образомъ: перво поставить такой крѣпкій караулъ, чтобъ изъ жителей никто не точію выйти, ниже выполсть не могъ, и въ то время какъ возможно скоро и тайно собраться, пушки изготовить тѣ, кои къ походу, а прочія держать на ихъ мѣстахъ (того для ежели непріятель свѣдаетъ, отъ чего Боже сохрани, и придетъ, а пушки прежде выходу брошены будутъ, то тотчасъ штормовать будетъ и вамъ борониться будетъ нечѣмъ); потомъ когда идти, взять вдругъ всѣмъ пушки солдатамъ съ траншамента, и вдругъ, сведчи съ горы, бросить въ воду (для чего проруби надлежитъ заранѣе изготовить) и потомъ тотчасъ идти. Сей походъ надлежитъ учинить свечера и не поздно, чтобъ ночью осталось больше времени, въ которомъ бы далѣе можно идти до крѣпкихъ мѣстъ, и зѣло въ томъ тщиться, чтобъ полистыя мѣста (поля) перейти ночью. Лошадей изъ Гродни тутошнихъ жителей, кто они ни есть; такожъ еже и скудость провіанта изъ монастырей и домовъ, и такожъ въ чемъ нужда есть, взять нужное безъ крайняго разоренья, а лошадей всѣхъ. При выходѣ надлежитъ конницу позади оставить, чтобъ въ траншаментѣ и у мосту была до утрѣе (дабы непріятель не могъ

помѣшать выходу), или и больше, по дѣлу смотря; о полоненикахъ полагается на разсужденіе и совѣтъ воинской. Все чинить по сему предложенію, и паче по своему разсмотрѣнію, и не смотрѣть ни на что, ни на лишеніе артиллеріи, ни остаточнаго не жалѣть, такмо людей по возможности спасать“ [147].

Въ слѣдъ за этимъ наказомъ Петръ еще нѣсколько разъ писалъ Огильви и Репнину, чтобъ непремѣнно выходили изъ Гродно: „Нынѣ уже ни единый видъ обрѣтается, писалъ онъ къ Репнину, чтобъ вамъ быть въ Гроднѣ, ибо предъ тѣмъ надежда была на Саксонцевъ, нынѣ же хотябъ й пришли, то паки побѣгутъ и васъ однихъ оставятъ: того для ни о чемъ, только о способномъ и скоромъ выходѣ думайте, не смотря на артиллерію и прочія тягости, какъ я вамъ предъ симъ пространнѣе писалъ. О выходѣ совѣтъ мой сей (однакожъ и вашей воли не снимаю, гдѣ лучше): изготовя мостъ чрезъ Неманъ, и кой часъ Немонъ вскроется, перешедъ при пловущемъ льду (для котораго льда не можетъ непріятель мосту навесть и перейтить Немонъ), и иттить по той сторонѣ Немона на Слуцкъ (которая добрая фортеція, и въ немъ добрая артиллерія и нашъ гварнизонъ и магазейнъ); однакожъ надлежитъ при первомъ взломаніи льду походъ учинить, прежде нежели малыя рѣчки пройдутъ, когда уже невозможно будетъ иттить. Мы у васъ въ лѣвой рукѣ отъ непріятеля будемъ, при насъ войскъ регулярныхъ съ 12000 человѣкъ, которыхъ половина на лошадяхъ, а у другихъ, у двухъ сани, кромѣ гетманскихъ нестройныхъ обрѣтается; инаго пути не знаю, ибо вездѣ непріятель передовыми занять и самъ отрѣзать можетъ, о чемъ прошу скораго отвѣта: куды пойдете, чтобъ намъ вѣдать и вамъ дать съ своей стороны.отдухъ Нынѣ получили мы вѣдомость, что по приходѣ Шведовъ въ Вильню уже добрую партію отрядили къ Полоцку; о чемъ паки подтверждаю: конечно (при взломаніи льда, а буде сыщете способъ, то лучшебъ и прежде) по сему учините безъ всякой отговорки и описки“ [148].

Но Огильви былъ другаго мнѣнія; на указы Петра онъ

отвѣчалъ, что хочетъ еще подержаться въ Гродно до болѣе благопріятнаго времени; если выйти теперь, то король Шведскій можетъ въ 24 часа стянуть все свое войско и погнать Русскіе полки; если покинуть Гродно, то вся Польша и Литва склонятся на сторону Шведовъ, и вся тяжесть войны обрушится на Россію; лучшебъ простоять цѣлое лѣто въ Гродно [149].

„Что до лѣта хочете быть, и о семъ не только то чинить, но ниже думать, отвѣчалъ Петръ (12 марта): понеже непріятель тогда отдохнувъ и получа кормъ подъ ноги, не отойдетъ отъ васъ легко, къ томужъ и Рейншильдъ придетъ (понеже Саксонцы паки скоро не сберутся), къ тому же и Левенгауптъ будетъ, ибо мы уже указъ послали, чтобъ Курляндскіе замки подорвать, и идти пѣхотѣ чрезъ Двину къ Полоцку, потому что ежели до тѣхъ поръ стоять, какъ Двина разойдется, то имъ пропасть будетъ, а конницею станемъ чинить непріятелю диверсію. О отдаленіи непріятеля не надобно думать, ибо для того весь походъ его былъ, и нынѣ сталъ въ тѣхъ мѣстахъ, чтобъ намъ что ни есть сдѣлать, отъ чего Боже сохрани; а смотрѣть, чтобъ не отрѣзалъ, и то можно учинить, когда пойдете или на Брестъ, или межъ Бреста и Пинска, и какъ можно скоро сперва пойтить, чтобъ зайтить за рѣку Припеть, которая зѣло есть болотистая, и тамъ можно по волѣ къ Кіеву или къ Чернигову иттить: и такъ непріятелю никоимъ образомъ отрѣзать будетъ невозможно, а сзади хотя и станетъ гнать, то не можетъ васъ догнать, ибо съ пѣхотою невозможно, а съ конницею не будетъ вамъ силенъ; къ тому же надлежитъ не одною дорогою иттить, то не будетъ вѣдать, куды сколько пошло, и не можетъ раздѣлиться непріятель. Сіе же писаніе оканчиваю тѣмъ, что перваго разлитія водъ, (или и нынѣ буде возможно) конечно не пропускайте, но съ Божіею помощію выходите, чѣмъ насъ зѣло обяжете и удовольствуете; противноеже, ежели посему не учините и до травы стоять станете, то уже сіе дѣло не за добраго слугу, но за непріятеля почтено будетъ“ [150].

Пославши это рѣшительное приказаніе Огильви, на дру-

гой день, 13 марта, Петръ сдалъ начальство надъ войскомъ Меншикову, на котораго совершенно полагался, и отправился въ Петербургъ въ самомъ печальномъ расположенiи духа. Семь дней тому назадъ онъ писалъ Апраксину: „О здѣшнемъ писать, послѣ баталiи Саксонскихъ бездѣльниковъ, нечего; только мы съ приближающимся Лазаремъ (днемъ Лазарева воскресенья) купно въ адской сей горести живы, дай Боже воскреснуть съ нимъ“ [151]. Остановившись на нѣсколько дней въ Нарвѣ, царь писалъ Меншикову: „Пути моего было, кромѣ простоя, пять дней и нѣсколько часовъ, гдѣ, слава Богу, все добро, и отъ сего дня въ 6 или 7 днѣ поѣду въ Питербурхъ. Но токмо еще души наши на мытарствахъ задерживаются, о чемъ самъ можешь разсудить. Боже даруй воскресенiемъ своимъ радость!“ [152] Изъ Петербурга 7 апрѣля писалъ къ тому же Меншикову: „Я не могу оставить, отсель не писать къ вамъ изъ здѣшняго парадиза, гдѣ, при помоществованiи Вышняго, все изрядно; истинно, что въ раю здѣсь живемъ; точiю едино мнѣнiе никогда насъ оставляетъ, о чемъ самъ можешь вѣдать, въ чемъ возлагаемъ не на человѣчью, но на Божiю волю и милость“ [153].

Наконецъ Богъ далъ радость: 24 марта, въ самый день Свѣтлаго Воскресенья, Русское войско вышло изъ Гродно, воспользовавшись, какъ писалъ Петръ, вскрытiемъ Нѣмана, по мосту, заранѣе приготовленному, а 27 числа встрѣтилъ его Меншиковъ. Расчеты Петра оправдались: Карлъ болѣе недѣли не могъ преслѣдовать Русскихъ въ слѣдствiе вскрытiя Нѣмана, а когда Шведы навели мостъ и перешли черезъ рѣку, то Русскiе были уже у Бреста. Дальнѣйшее преслѣдованiе весною въ болотистой странѣ было невозможно, и Карлъ, давши отдохнуть своимъ войскамъ на Волыни, отправился въ Саксонiю, чтобъ покончить съ Августомъ. Петръ былъ въ восторгѣ, получивши извѣстiе о благополучномъ выходѣ своего войска изъ Гродно. „Min Bruder! писалъ онъ Меншикову 29 апрѣля: съ неописанною радостiю я господина Старика отъ васъ съ письмомъ получилъ, будучи во флотѣ у Кроншлота на кораблѣ (Оли-

фантѣ) вицъ-адмирала, и той же минуты, благодаря Бога, со всего флота и крѣпости трижды стрѣляно; а каковы были сему радостны и потому шумны, донесетъ Старикъ вамъ самъ. Истину сказать, что отъ сей вѣдомости вовсе стали здѣсь радостны; а до того, хотя и въ раю жили, однако всегда на сердцѣ скребло" [154]. Лѣченіе задержало царя въ Петербургѣ цѣлый май мѣсяцъ: „О бытіи моемъ (т. е. о пріѣздѣ къ войску) не извольте сомнѣваться, писалъ онъ Меншикову 10 мая: ибо конечно въ концѣ сего мѣсяца поѣду, а ранѣе того невозможно, ей, не для гулянья, но дохтуры такъ опредѣлили, чтобъ, по пусканіи крови жильной (которая вчерась отворена) двѣ недѣли на мѣстѣ принимать лѣкарство; и потомъ тотчасъ поѣду, ибо сама ваша милость видѣлъ, каково мнѣ было, когда разлучены были отъ войска мы. О здѣшнихъ поведеніяхъ сомнѣваться не изволь: ибо въ раѣ Божіи зла быти не можетъ" [155].

Между тѣмъ, не зная еще о походѣ Карла XII на Саксонію, боялись, чтобъ онъ не овладѣлъ Кіевомъ; Меншиковъ, именемъ царскимъ, велѣлъ всему войску двинуться къ этому дорогому для Россіи городу; Огильви протестовалъ, требуя, чтобъ пѣхота охраняла Кіевъ и Смоленскъ, а конница разбросалась по рѣкамъ Припети, Горыни, Стыри, Случѣ [156]. Огильви жаловался безпрестанно царю, что Меншиковъ похищаетъ себѣ его власть; Петръ молчалъ, Меншиковъ распоряжался: такъ когда получена была въ Кіевѣ вѣдомость о взятіи Астрахани Шереметевымъ, Огильви не велѣлъ стрѣлять изъ ружья въ знакъ торжества, а Меншиковъ распорядился самъ стрѣльбою. 25 іюля Петръ объявилъ, что вышнимъ командиромъ надъ всѣмъ войскомъ оставляетъ фельдмаршала Шереметева, Огильви же дается 13 полковъ, ибо въ условіяхъ съ нимъ постановлено, что онъ будетъ имѣть всегда отдѣльный корпусъ, хотя и будетъ состоять подъ командою перваго фельдмаршала Россійскаго. Наконецъ Огильви былъ уволенъ въ сентябрѣ 1706 года; по этому случаю Шафировъ писалъ Меншикову: „Не взирая на всѣ худые поступки, надобно отпустить его (Огильви) съ милостію, съ ласкою, даже съ какимъ-ни-

будь подаркомъ, чтобы онъ не хулилъ государя и ваше сiятельство; а къ подаркамъ онъ зѣло лакомъ и душу свою готовъ за нихъ продать" [157].

Меншиковъ проводилъ время въ Кіевѣ не въ однихъ ссорахъ съ наемнымъ фельдмаршаломъ: „Я ѣздилъ вокругъ Кіева, писалъ онъ Петру 12 мая, также около Печерскаго монастыря и всѣ мѣста осмотрѣлъ. Не знаю, какъ вашей милости понравится здѣшній городъ; а я въ немъ не обрѣтаю никакой крѣпости. Но Печерскій монастырь зѣло потребенъ и труда съ нимъ будетъ немного: городъ изрядный, каменный, только немного недодѣланъ, и хотя зачатъ старымъ маниромъ, но можно изрядную фортецію учинить, да и есть чего держаться, потому что въ немъ много каменнаго строенія и церквей; а въ Кіевѣ городѣ каменнаго строенія только одна соборная церковь, да монастырь; городовое основаніе великое, и ежели его крѣпить, зѣло не легокъ станетъ" [158]. 4 іюля пріѣхалъ въ Кіевъ Петръ, нашелъ, что Данилычь правъ, и 15 августа заложилъ фортецію около Печерскаго монастыря; постройку ея должны были принять на себя Малороссійскіе козаки [159].

Распорядившись укрѣпленіемъ важнѣйшаго города югозападной границы, Петръ поспѣшилъ къ границѣ сѣверозападной, чтобъ воспользоваться уходомъ Карла въ Саксонію и обезпечить свой парадизъ со стороны Финляндіи. 11 октября онъ осадилъ Выборгъ; но осада пошла неудачно, и царь долженъ былъ возвратиться въ Петербургъ. Счастливѣе былъ Данилычь, который повелъ войско въ Польшу противъ оставленнаго тамъ Карломъ генерала Мардефельда. Въ Люблинѣ соединился онъ съ королемъ Августомъ, и писалъ Петру: „Королевское величество зѣло скучаетъ о деньгахъ и со слезами наединѣ у меня просилъ, понеже такъ обнищалъ: пришло такъ, что ѣсть нечего. Видя его скудость, я далъ ему своихъ денегъ 10,000 ефимковъ. Правда, что послѣдняя его скудость: понеже на Саксонію надѣяться нечего" [160]. Петръ отвѣчалъ: „Писалъ ваша милость, что король скучаетъ о деньгахъ. Самъ ты извѣстенъ, что отъ короля всегда то, что: „дай, дай, деньги, деньги!"

въ чемъ самъ можешь знать, каковы деньги, и какъ ихъ у насъ мало; однакожъ ежели при такомъ зломъ случаѣ постоянно король будетъ, то чаю надлежитъ его въ оныхъ крѣпко обнадежить при моемъ пріѣздѣ, который я потщуся самымъ скорымъ путемъ исправить“ [161]. 18 октября Меншиковъ, ведя съ собою и короля Августа, встрѣтилъ Шведовъ у Калиша: „Непріятеля писалъ онъ царю, при Калишѣ мы нагнали, который былъ въ 8000 Шведовъ и въ 20,000 Поляковъ, и насъ ожидалъ съ такимъ желаніемъ, чтобъ съ нами баталію дать, къ чему зѣло въ крѣпкихъ мѣстахъ сталъ, имѣя кругъ себя жестокія переправы, рѣки и болото; однакожъ мы, не смотря на тѣ крѣпости, но больше уповая на крѣпкаго въ бранях Господа, по отправленіи по обыкновенію воинской думы, устроясь какъ надлежитъ, съ онымъ полную баталію дали, на которой въ непрестанномъ огнѣ ровно три часа были; однакожъ, помощію Божіею и счастіемъ вашимъ, такую мы счастливую викторію получили, что непріятелей на мѣстѣ положили — Шведовъ съ 5000, да Поляковъ съ 1000 человѣкъ. Не въ въ похвалу доношу: такая сія прежде небываемая баталія была, что радостно было смотрѣть, какъ съ обѣихъ сторонъ регулярно бились, и зѣло чудесно видѣть, какъ все поле мертвыми тѣлами устлано“ [162].

Петръ запировалъ въ своемъ парадизѣ и пропировалъ три дни, получивъ „неописанную радость о побѣдѣ непріятеля, какой еще никогда не бывало“ [163]. При Калишѣ, кромѣ побѣды надъ Мардефельдомъ, Меншиковъ выигралъ еще предъ исторіею процессъ свой съ Огильви, показавъ, что Русское войско не нуждается въ наемномъ фельдмаршалѣ.

Торжество Петра было непродолжительно: въ слѣдъ за неописанною радостью онъ узналъ, что оставленъ союзникомъ своимъ Августомъ, что Шведъ уже не увязнетъ болѣе въ Польшѣ, и все бремя войны надобно будетъ взять на одни свои плеча.

Карлъ XII не встрѣтилъ въ Саксоніи ни малѣйшаго сопротивленія: все бѣжало, что только могло бѣжать, оставшіеся обложены были тяжелыми податями въ пользу Шве-

довъ. Король Августъ тщетно надѣялся, что другія державы не позволятъ Карлу вступить въ Саксонію, и тѣмъ нарушить нейтралитетъ Германіи: много было представленій на словахъ и на бумагѣ, но никто не посмѣлъ тронуться противъ непобѣдимаго Шведскаго героя. Король Августъ рѣшился пожертвовать Польшею, чтобъ не потерять или, по крайней мѣрѣ, не истощить вконецъ наслѣдственной Саксоніи, и вступилъ въ переговоры съ Карломъ. 13 октября, въ замкѣ Альтранштадтѣ, недалеко отъ Лейпцига, тайно подписанъ былъ договоръ уполномоченными съ обѣихъ сторонъ: Августъ отказывался отъ Польской короны, признавалъ королемъ Польскимъ Станислава Лещинскаго, прерывалъ союзъ съ Русскимъ царемъ, освобождалъ Собѣскихъ, выдавалъ Паткуля и Русскихъ солдатъ, находившихся въ Саксоніи, обязывался содержать на счетъ Саксоніи Шведское войско въ продолженіе зимы. Августъ согласился на все, и между тѣмъ не рѣшился объявить Меншикову, далъ только знать Мардефельду о мирѣ и совѣтовалъ не вступать въ сраженіе; но Мардефельдъ не повѣрилъ ему, и Августъ долженъ былъ участвовать въ Калишской битвѣ, долженъ былъ участвовать и въ Варшавскихъ торжествахъ, бывшихъ по случаю побѣды, и когда пошли слухи о мирѣ, увѣрять, что все это неправда [164].

Такъ продолжалось пока Меншиковъ не выступилъ съ Русскимъ войскомъ изъ Варшавы въ Жолкву на зимнія квартиры. При Августѣ остался князь Василій Лукичь Долгорукій, пріѣхавшій на время вмѣсто родственника своего, князя Григорья. Только 17 ноября Долгорукій узналъ о переговорахъ Августа съ Карломъ, и немедленно имѣлъ объясненіе съ королемъ; тотъ объявилъ: „Трактую для того, что не вижу другаго способа спасти Саксонію отъ разоренія; надѣялся я на цесаря и его союзниковъ, но теперь явно, что Саксонію оборонять не хотятъ. Отдать Саксонію на разореніе — нечемъ будетъ продолжать войну. Саксонія будетъ разорена, съ Польши доходовъ нѣтъ, царское величество деньгами не помогаетъ; если по разореніи Саксоніи непріятель вступитъ въ Польшу, то ваши войска

отступятъ за свои рубежи, и я съ своимъ малымъ войскомъ воевать въ Польшѣ не могу; мира въ то время, хотя бы и хотѣлъ, не сыщу, а еслибъ и сыскалъ, то не лучше нынѣшняго, только Саксонія будетъ разорена. Если царское величество согласится мнѣ помогать деньгами ежегодно въ опредѣленное время, то пусть объявитъ, и если по трактатамъ съ царскимъ величествомъ получу удовлетвореніе, то больше ничего не потребую: не смотря на разореніе Саксоніи, буду продолжать войну; трактатовъ съ непріятелемъ не окончу, не дождавшись отвѣта отъ царскаго величества". Но на другой день другія рѣчи: „Невозможно мнѣ Саксонію допустить до крайняго разоренія, а избавить ее отъ этого не вижу другаго способа, какъ заключить миръ съ Шведами, только по виду, и отказаться отъ Польши съ цѣлію выпроводить Карла изъ Саксоніи; а тамъ какъ выйдетъ, собравшись съ силами опять начну войну вмѣстѣ съ царскимъ величествомъ. Союза съ царскимъ величествомъ я не нарушу и противнаго общимъ интересамъ ничего не сдѣлаю". 19 ноября, предъ разсвѣтомъ Августъ уѣхалъ изъ Варшавы для личнаго свиданія съ Шведскимъ королемъ, велѣвши чрезъ Польскихъ министровъ сказать Долгорукому, что союзъ съ царемъ непремѣнно будетъ содержать до конца войны, и какъ скоро непріятель выйдетъ изъ Саксоніи, то съ двадцати пяти тысячнымъ войскомъ возвратится въ Польшу: пусть царь держитъ это въ тайнѣ, а явно пусть объявляетъ о нарушеніи союза [165].

Долгорукій поѣхалъ въ Краковъ, чтобъ, не смотря на отреченіе Августа, удержать вельможъ его партіи при Русскомъ союзѣ. Меншиковъ писалъ царю изъ Жолквы 24 ноября: „Предъ симъ за недѣлю были превеликіе морозы и снѣгъ, нынѣ же воздухъ теплый и грязь великая, однакожъ постояннаго времени трудно ожидать, понеже каковы люди здѣсь постоянны, таково и время. Самъ уже изволишь разсудить, какъ зѣло потребно суть милости вашей здѣсь быть въ такомъ нынѣшнемъ противномъ случаѣ; однакожъ не изволь о томъ много сомнѣваться, хотя король насъ и оставилъ. А ежели вскорѣ милость ваша да благоволите

къ намъ быть, то мочно скоро другаго короля выбрать, къ чему Поляки, чаю, при васъ будутъ склоненіе имѣть, которыхъ мы нынѣ ничѣмъ такъ болѣе не обнадеживаемъ, точію скорымъ сюда вашимъ пришествіемъ, которое всегда разглашаемъ [166]".

Петръ „по тѣмъ вѣдомостямъ пошелъ въ Польшу, дабы оставшую безъ главы Рѣчь посполитую удержать при себѣ". 28 декабря онъ пріѣхалъ въ Жолкву, гдѣ собрались Меншиковъ, Шереметевъ, князь Григорій Долгорукій, необходимый при совѣщаніяхъ о Польскихъ дѣлахъ, не было — перваго министра, боярина, адмирала Өедора Алексѣевича Головина. Онъ умеръ лѣтомъ 1706 года, въ Глуховѣ, на дорогѣ въ Кіевъ. Объ отношеніяхъ покойнаго къ царю можно видѣть изъ письма Петра къ Апраксину: „Ежели сіе письмо васъ застанетъ на Москвѣ, то не извольте ѣздить на Воронежъ; будежъ на Воронежѣ, изволь ѣхать въ Москву, ибо, хотя бъ никогда сего я вамъ не желалъ писать, однако воля Всемогущаго на то насъ понудила, ибо сей недѣли господинъ адмиралъ и другъ нашъ отъ сего свѣта отсѣченъ смертію въ Глуховѣ; того ради извольте которые приказы (кромѣ посольскаго) онъ вѣдалъ, присмотрѣть, и деньги и прочія вещи запечатать до указу. Сіе возвѣщаетъ печали исполненный Петръ" [167]. Титулъ адмирала наслѣдовалъ Апраксинъ; посольскій приказъ перешелъ къ Верховному комнатному Гаврилѣ Ивановичу Головкину, получившему потомъ званіе канцлера. Головкинъ былъ одинъ изъ самыхъ приближенныхъ людей къ Петру съ его малолѣтства. Когда Петръ былъ за границею, Головкинъ писалъ къ нему шутливыя фамиліарныя письма, подписываясь; Ганка, напримѣръ: „Милостивый мой здравствуй множество лѣтъ, а я живъ. Пожалуй хотя по строчки пиши о своемъ здоровьи: можешь то разсудить, что того желаю, а мы съ Павлюкомъ живемъ да рѣдьку въ постъ жуемъ, а ученье его зѣло тупо съ природы, учитъ вечерню· Павлюкъ приболѣлъ и не однова (не одинъ разъ), и Лаврентій докторъ смотрѣлъ и сказалъ, что на болѣзнь его въ аптекѣ лекарства нѣтъ, а называетъ ту болѣзнь лѣнью. А

сватъ началъ учить псалтырь. Медвѣдь и лисица пишутъ". Или: „Медвѣдь, волкъ и лисица у меня и грамотѣ учатся, а хотя то тѣмъ животнымъ и не сродно, однако правда" [168]. Во время войны Головкинъ находился при Петрѣ и употреблялся для исполненія важныхъ порученій, при чемъ шутливыя письма продолжались, напримѣръ: „Въ письмѣ ваша милость напомянулъ о болѣзни моей подагрѣ, будто начало свое оная воспріяла отъ излишества венусовой утѣхи: о чемъ я подлинно доношу, что та болѣзнь случилась мнѣ отъ многопьянства; у меня въ ногахъ, у г. Мусина на лицѣ. Но тое болѣзнь кромѣ отца нашего и пастыря (Зотова) лѣчить некому" [169].

Еще покойный Головинъ на помощь себѣ, особенно на время отсутствія своего изъ Москвы, выдвинулъ изъ переводчиковъ посольскаго приказа даровитаго Петра Павловича Шафирова и далъ ему титулъ тайнаго секретаря; при Головкинѣ, когда тотъ получилъ титулъ канцлера, Шафировъ переименованъ въ вице-канцлеры или подканцлеры.

Головкинъ началъ свое новое поприще важнымъ дѣломъ. Въ половинѣ февраля 1707 года явилось въ Жолкву изо Львова великое посольство генеральной конфедераціи: Краковскій воевода Князь Вишневецкій, Мазовецкій воевода Хоментовскій, Литовскій маршалокъ Воловичь. На конференціяхъ съ верховнымъ Комнатнымъ Гаврилою Ив. Головкинымъ и другими министрами послы объявили, что на Львовской радѣ сенаторами и Рѣчью посполитою постановлено отправить ихъ къ царскому величеству съ полномочіемъ для наилучшаго впредь отъ царскаго величества къ нимъ вспоможенія и обереженія. Прежде всего послы потребовали, чтобъ Украйна, бунтовщикомъ Палѣемъ отобранная, немедленно была возвращена республикѣ. Министры отвѣчали, что Украйна будетъ возвращена, какъ только для пріема крѣпостей будетъ кто-нибудь присланъ отъ республики. Потомъ послы объявили, что имъ отъ войскъ царскихъ великое разореніе, особенно отъ кавалеріи и офицеровъ: не только обыкновенный провіантъ берутъ хлѣбомъ и мясомъ и лошадямъ фуражъ, но офицеры берутъ по сво-

имъ прихотямъ кто что захочетъ и чего въ иныхъ мѣстахъ, именно въ деревняхъ, купить и промыслить нельзя, напримѣръ корицу, сахаръ, гвоздику, лукъ, перецъ, огурцы, сельди, пиво, медъ, вино; если гдѣ этого не сыщется, правятъ большія деньги, берутъ подъ провіантъ подводы и лошадей, чего уже терпѣть больше нельзя, ибо и самимъ владѣльцамъ отъ подданныхъ своихъ насущнаго хлѣба уже мало что осталось. Имъ и отъ Шведскаго войска легче было, потому что теперь на каждый дымъ для провіанта по 50 злотыхъ Польскихъ выходитъ, кромѣ подводъ. Рѣчь посполитая разсуждаетъ, что по союзному договору слѣдовало бы только 12 тысячамъ царскаго войска быть на Польскомъ провіантѣ, а теперь наведены такія многочисленныя войска и всѣ содержатся на счетъ республики; во многихъ воеводствахъ, гдѣ уже провіантъ забранъ на нѣсколько мѣсяцевъ, опять берутъ. Рѣчь посполитая знаетъ подлинно, что у царскаго величества на все войско, особенно офицерамъ, идетъ денежная плата, которою можно довольствоваться, и потому проситъ сдѣлать ей облегченіе въ зимовомъ провіантѣ, спрашивать его только для рядовыхъ, а не для офицеровъ; а если въ томъ льготы не будетъ, то Рѣчь посполитая на шесть мѣсяцевъ лѣтнихъ, считая съ мая мѣсяца давать провіанту не обѣщаетъ и не хочетъ.

Министры отвѣчали, что кромѣ положенной порціи излишняго ничего у нихъ не берется и брать накрѣпко закажется. Царскія войска введены къ нимъ по ихъ желанію, по союзному договору, заключенному для охраненія жизни и вольностей ихъ отъ непріятеля. Польза для нихъ отъ этихъ войскъ явна въ отобраніи у непріятеля крѣпостей и въ другихъ случаяхъ, а безъ провіанта войскамъ никакъ пробыть нельзя. Посольское заявленіе о недачѣ провіанта на шесть лѣтнихъ мѣсяцевъ царскому величеству будетъ очень неугодно, потому что у его величества на это войско издержаны многіе милліоны; этихъ милліоновъ надобно было бы спрашивать на Рѣчи посполитой, однако не спрашивается.—Послы потребовали уплаты по договору двухъ милліоновъ, злотыхъ безъ чего нельзя будетъ набрать войска на

слѣдующую компанію. Министры отвѣчали, что уже выдано въ то число 40000 рублей на войско коронное и 30000 на Литовское, хотя и не довелось давать преждевременно, ибо въ договорѣ положено давать при войскѣ въ маѣ мѣсяцѣ.—40000 на коронное войско далъ король Августъ отъ своего имени, а не отъ царскаго, возражали послы. Министры отвѣчали, что договореннаго числа войска прошлый годъ Поляки не выставили. Изъ посольскихъ рѣчей было видно, что если царь согласится уволить Рѣчь посполитую отъ дачи провіанта, то они не станутъ требовать обѣщанныхъ въ договорѣ милліоновъ. Петръ велѣлъ объявить имъ рѣшительно, что отъ дачи провіанта они увольнены быть не могутъ; но, утѣшая Рѣчь посполитую, онъ велѣлъ выдать ей польскимъ счетомъ полмилліона, а Московскою монетою 50,000 рублей. Потомъ послы жаловались на разоренье отъ козаковъ и Калмыковъ, и требовали, чтобъ Польскимъ и Литовскимъ жителямъ дано было изъ царской казны вознагражденіе за пограбленные пожитки. На это министры отвѣчали, что виновнымъ въ какомъ-нибудь воровствѣ пощады не будетъ, а чтобъ за воровъ платить изъ казны,—то дѣло не статочное, и нигдѣ того не повелось: заплатятъ одному, сейчасъ же найдется много другихъ, у которыхъ и ничего не взято. Для всякихъ расправъ въ обидахъ учреждены съ обѣихъ сторонъ коммиссары: генералъ-поручикъ отъ артиллеріи Брюсъ вмѣстѣ съ Польскими коммиссарами будетъ давать удовлетвореніе по жалобамъ. Послы не переставали домогаться, чтобъ Донскихъ козаковъ и Калмыковъ вывести изъ Польши, а если понадобятся легкія войска, то могутъ быть употреблены Польскіе полки Петръ велѣлъ отвѣчать, что регулярному войску безъ легкой конницы никакъ быть нельзя; обидъ не будетъ, потому что за нихъ будутъ отвѣчать генералы.

„Съ сими шалеными едва могли дѣло совершить", писалъ Петръ къ Меншикову, увѣдомляя его, что „всѣ подписали и подтвердили всѣ трактаты съ нами, такожъ и универсалъ готовить начали, понеже на мѣрѣ уже поставленъ и срокъ 16 по ихъ а по нашему пятое маія". Для прекращенія

грабежа отъ войскъ Петръ выдалъ слѣдующій указъ находящимся въ Польшѣ генераламъ: „всякихъ денежныхъ и прочихъ сверхъ указныхъ взятковъ и поборовъ, а наипаче разоренія и обидъ конечнобъ самимъ вамъ не чинить и подъ командою вашею обрѣтающимся людямъ запретить подъ опасеніемъ живота и смерти“ [170].

Обѣщали утѣшить Рѣчь посполитую 50,000 рублей; но столько денегъ неоткуда было взять, можно было дать только 20,000. Поляки не соглашались взять меньше половины, не отставали отъ своихъ требованій на счетъ Украйны. Отдать имъ эту Украйну теперь, когда ждали въ Польшу Карла XII, когда королемъ Польскимъ оставался Шведскій посаженникъ, Станиславъ Лещинскій, было бы крайне не благоразумно; раздражать отказомъ считали также вреднымъ. 29 сентября Головинъ писалъ Петру изъ Варшавы: „вчерашняго числа получили мы отъ гетмана Синявскаго и отъ бискупа Куявскаго письма и его бискупово разсужденіе цыфирью. По которому бискупову разсужденію и съ общаго совѣта съ г. генераломъ княземъ Меншиковымъ, за потребно разсудили мы послать къ войску Коронному Емельяна Украинцева одного безъ денегъ, но токмо съ однимъ письмомъ къ гетману Мазепѣ для утѣхи имъ, будто объ отдачѣ Украйны, и хотя такое письмо и посылаемъ, однакожъ писали къ нему гетману особливо тайно, чтобъ онъ потому не отдавалъ и удерживалъ всячески, промедливая время. А денегъ нынѣшняго опредѣленнаго числа (20000) съ нимъ Емельяномъ послать поопаслись по совѣту бискупову, чтобъ тѣмъ числомъ денегъ ихъ къ вящему неудовольствію не привесть подъ нынѣшній непріятельскій выходъ, понеже они великаго числа денегъ желаютъ; а когда они 20000 пожелаютъ, то немедленно мы оныя пошлемъ“ [171].

На войско можно было не посылать денегъ; но нельзя было не давать секретныхъ пенсій разнымъ вліятельнымъ лицамъ, чтобъ не перешли къ непріятелю. Такъ шестидесятишестилѣтній служака, думный дьякъ Емельянъ Украинцевъ, пріѣхавъ въ Люблинъ къ правительству Рѣчи посполитой,

доносилъ, что великаго государя жалованье примасу Шенбеку, бискупу Куявскому и подканцлеру коронному отдалъ секретно ночнымъ временемъ, какъ они сами того желали, маршалку конфедерацкому еще не отдалъ, потому что въ суетѣ пребываетъ, многіе у него и онъ у многихъ бываетъ. „Подканцлеръ мнѣ говорилъ приватно, писалъ Украинцевъ, что теперь въ войскѣ коронномъ послѣ гетмановъ самый сильный человѣкъ въ словѣ и дѣлѣ Люблинскій воевода Тарло, который самъ просилъ у великаго государя милостливаго призрѣнія, а именно во первыхъ, чтобъ дали ему денегъ, во вторыхъ, чтобъ назначено было ему мѣсто въ Россіи на всякій нужный случай, когда Шведы возьмутъ верхъ; въ третьихъ, чтобъ ему въ этомъ мѣстѣ дали домъ, дворъ и пропитаніе; до сихъ поръ Тарло ничего не получилъ, даже и милостиваго обнадеживанія. И онъ подканцлеръ, свидѣтельствуясь Господомъ Богомъ въ своей истинѣ, служа и радѣя его величеству въ общихъ интересахъ обоихъ государствъ, доноситъ и предлагаетъ, чтобъ тому воеводѣ послано было жалованье, хотя бы 2000 рублей, чтобъ онъ въ нынѣшнее время не былъ въ чемъ противенъ сторонѣ царскаго величества".

Въ октябрѣ велѣно было Украинцеву отдать Полякамъ 20000 рублей на войско и грамоту къ гетману Мазепѣ объ отдачѣ Бѣлой Церкви; но гетманы, великій Адамъ Синявскій испольный Станиславъ Ржевускій и другія правительственныя лица отвѣчали ему единогласно, что двадцати тысячь мало, не только принять, но и объявить въ войскѣ такую ничтожную сумму они не смѣютъ; если услышитъ объ этомъ войско, то отъ нихъ гетмановъ отступитъ и царскому величеству будетъ поврежденіе; они думали, что будетъ къ нимъ прислано сто тысячь и больше, ибо по союзному договору обѣщано давать ежегодно по 200,000 рублей, также и Украйну царское величество изволилъ отдать, и по сіе время исполненія никакого нѣтъ, только проводятъ ихъ одними обѣщаніями, да сверхъ того упрекаютъ ихъ въ невѣрности, а они договоровъ держатся постоянно и во всемъ вѣрны: и теперь если непріятель явится къ баталіи, и царскіе

генералы потребуютъ ихъ къ себѣ, то они готовы. Украинцевъ говорилъ имъ, что при министрахъ царскихъ и при войскѣ денегъ теперь мало, а когда пришлются изъ Москвы, тогда будетъ указъ и о прибавкѣ на Польское войско; объ отдачѣ Украйны, отобранной Палѣемъ, у него грамота министерская къ Мазепѣ. Но Поляки твердили свое, что на присылку денегъ нѣтъ имъ надежды, также и на отдачу Украйны, потому что и прежде Мазепа получалъ объ этомъ министерскія письма, но не исполнялъ по нимъ. „Хотя я госвѣдаю и надѣюсь, писалъ Украинцевъ Головкину, что господинъ Мазепа по письму вашему не отдастъ Украйны, однако я этого письма не отдалъ Полякамъ, потому что бискупъ Куявскій писалъ мнѣ: если и это письмо окажется по прежнему неправдивымъ и Мазепа Украйны не отдастъ, то мы отъ себя совершенно гетмановъ, войско и всю Рѣчь посполитую отгонимъ". Гетманы прислали сказать Украинцеву, что если войско не получитъ на одну четверть царскаго жалованья, то отступитъ, пойдетъ къ непріятелю, и имъ гетманамъ дѣлать будетъ тогда нечего. Украинцевъ писалъ Головкину: „денегъ по сіе время еще я никому не давалъ, ибо вижу, что ни въ одномъ нѣтъ истины; повадили мы ихъ такими дачами, и даемъ деньги, то все равно что въ огонь бросаемъ или въ воду сыплемъ напрасно. Бискупъ совѣтуетъ мнѣ дать три тысячи маршалку конфедераціи Денгофу, а тотъ и съ другими, съ кѣмъ знаетъ, подѣлится. И я разсуждаю, что доведется ему дать: онъ въ войскѣ конфедераціи силенъ и всѣ его любятъ; и конфедерація составлена у нихъ для того, чтобъ стоять за вѣру и вольныя выборы королевскія, и на присягу нынѣ они подписываются не для насъ, но крѣпятся и вяжутся между собою для себя, но при томъ и насъ въ присягѣ написали явственно. Платимъ деньги войску ихъ и ихъ даримъ, а потомъ портимъ всѣ свои дѣла и дружбу малымъ грабежемъ. Меня оглушили жалобами. Бискупъ жаловался, что въ его бискупіи все пограблено и ксензъ знатный пытанъ и повѣшенъ. Богъ вѣсть, правда ли это? я не вѣрю и говорилъ бискупу: можно было бы повѣшеннаго ксенза привезти къ судьямъ;

ваши управляющіе сами покрадутъ ваше имѣніе, да и скажутъ, что Козаки и Калмыки пограбили: во всемъ надобно свѣдѣтельство и розыскъ. Какъ я вижу, продолжаетъ Украинцевъ, въ государеву казну изъ тѣхъ грабежей нѣтъ въ приходѣ ничего, а Шведъ что въ костелахъ побралъ серебра, съ городовъ и мѣстъ денегъ, то все въ его казну пришло. Если воеводы Мазовецкій и Любельскій станутъ домогаться, чтобъ имъ въ нужное время, быть за Днѣпромъ, въ Черниговѣ или Нѣжинѣ, и имъ бы того не позволять, потому что опасно отъ такихъ головъ всякаго въ Малороссійскихъ городахъ плевосѣятельства къ возмущенію и бунту; и нынѣ если они Украйну отберутъ, то надобно тогоже отъ нихъ на крѣпко опасаться; а въ нужный случай могутъ они и безъ насъ спастись: подъ бококъ у нихъ Молдавія, Валахія, Венгрія, въ Прусахъ Королевецъ и другія мѣста; а у насъ можно имъ побыть развѣ на Лукахъ, въ Торопцѣ, подъ Псковомъ, въ Опочкѣ, кромѣ Смоленска".

Паны надумались и взяли 20000 рублей; кромѣ того Украинцевъ далъ 5000 бискупу Куявскому и маршалку конфедераціи. Оглушая Украинцева жалобами на грабежи отъ Русскаго войска, Поляки ничего не говорили о своемъ шляхтичѣ Выжицкомъ, который зазвалъ къ себѣ въ гости ѣхавшихъ чрезъ мѣстечко Дубъ Семеновскихъ гвардейцевъ, и перерѣзалъ ночью сонныхъ: двоихъ офицеровъ, сержанта отъ пушкарей и девять человѣкъ солдатъ. Петръ былъ сильно раздраженъ и велѣлъ объявить польскому правительству: „Сіе мнѣ зѣло печально о такихъ добрыхъ офицерахъ и солдатахъ, которыхъ я съ молодыхъ лѣтъ съ собою растилъ; а ежели ихъ такъ здѣсь станутъ трактовать, то мы напередъ контровизитъ сдѣлаемъ". На требованія Украинцева, чтобъ высланы были немедленно въ Брестъ коммиссары и судьи на общіе суды, Гетманы и бискупъ отвѣчали: „мы знаемъ, что вы добиваетесь коммиссаровъ и судей не для другихъ какихъ дѣлъ, а только для вершенія дѣла шляхтича Выжицкаго съ товарищами: и мы, радѣя царскому величеству, объявляемъ, чтобъ въ нынѣшнее время Выжицкаго съ товарищами въ Брестѣ не казнить, пото-

му что онъ въ Польшѣ знатный шляхтичь и имѣетъ свойство съ домами высокоблагородными, чтобъ отъ того въ вольномъ нашемъ народѣ не поднялся ропотъ и не вкоренилась противность; и безъ того отъ разоренія и грабежей, которые причиняютъ главные офицеры—иноземцы, и козаки и Калмыки, въ войскѣ, между всѣми сенаторами и шляхтою и всякихъ чиновъ обывателями, духовными и мірскими великій вопль, вздохи и слезы, а на насъ гетмановъ нареканіе и злоба, будто мы за нихъ не стоимъ, тогда какъ и у насъ въ имѣніяхъ тоже дѣлается; такъ мы совѣтуемъ, чтобъ Выжицкій съ товарищами за вину свою не былъ тутъ казненъ въ Брестѣ, и свезти бы его подальше въ Литву, на Бѣлую Русь, или въ иное мѣсто, какъ Синицкаго, который и больше ратныхъ русскихъ людей побилъ и казну пограбилъ, однако не казненъ.

Въ концѣ года Украинцевъ писалъ Головкину: „Не вѣрятъ Поляки намъ и опасаются, чтобъ мы, оставя ихъ, не заключили съ Шведомъ миръ съ уступкою всего завоеваннаго. Въ нынѣшнее время помощи отъ нихъ намъ не ожидаю; больше всего смотрятъ и берегутъ своихъ интересовъ; говорилъ мнѣ бискупъ, что и то намъ отъ нихъ помощь, что въ нынѣшнее время лежатъ они неутралами, къ непріятелю не склоняются и на его предложенія отвѣчаютъ, что они въ союзѣ съ царскимъ величествомъ и отъ него не отступятъ. Козаковъ нашихъ хорошо бы съ ними не соединять; самъ я слышалъ отъ гетмана: если они съ нимъ соединятся, то онъ знаетъ какъ съ ними поступать: либо цѣлы будутъ, либо пропадутъ. Хочетъ онъ гетманъ просить у гетмана Мазепы имянно полковниковъ Михайлу Бѣлоцерковскаго и Танскаго: оба они здѣшней стороны и казаки у нихъ въ полкахъ почти всѣ Палѣевцы: опасно, чтобъ вовсе при нихъ не остались, и тамъ начало пристанищу польскому въ Украйнѣ не положили, потому что Поляки сдѣлаютъ ихъ полковниками здѣшнихъ же заднѣпровскихъ городовъ. Проговариваются, что если мы Украйны имъ не уступимъ, то будутъ ее заѣзжать. Теперь здѣшніе всѣ стали веселы и между собою банкетуютъ и пригарживаются

слыша, что непріятель со всею силою идетъ на насъ въ Литву, думаютъ, что и Станиславъ Лещинскій не отстанетъ отъ него. Гетманъ Синявскій о взятіи жены своей непріятелемъ попечалился съ недѣлю; а пріѣхавъ во Львовъ, сталъ опять веселъ и едва не каждый день банкетуетъ".

Нейтральнымъ лежаніемъ этихъ банкетующихъ господъ Петръ не могъ быть доволенъ. Чтобъ сосредоточить въ Польшѣ силы, противныя Карлу и Лещинскому, и дать имъ сколько-нибудь правильное движеніе, нуженъ былъ король, и въ маѣ 1707 года Петръ отправилъ ксенза Шембека къ королевичу Якубу Собѣскому съ предложеніемъ Польской короны. Шембекъ получилъ инструкцію: Поспѣшивъ какъ можно скорѣе къ королевичу, изобразить ему правдивое и прилежное желаніе царскаго величества и становъ рѣчи посполитой къ персонѣ его милости, чтобъ онъ немедленно принялъ корону Польскую. Предложить всѣ способы, которыми королевичь свободно на престолѣ удержаться можетъ, а именно, что царское величество ему какъ всѣми войсками, такъ и деньгами помогать будетъ и, не утвердя на престолѣ, не оставитъ. Прилежно стараться, чтобъ королевичъ самъ немедленно поспѣшилъ сюда на раду, или чтобъ немедленно секретнаго министра своего съ полною мочью и желаніемъ о коронѣ къ царскому величеству и къ рѣчи посполитой прислалъ, съ обнадеживаніемъ пріѣзда своего какъ скоро будетъ выбранъ королемъ. Еслибы королевичь Якубъ самъ не захотѣлъ принять короны и согласился бы на ея счетъ съ братомъ своимъ Александромъ, то трактовать точно также и съ послѣднимъ. Если оба королевича подлиннаго рѣшенія не дадутъ, и станутъ проволакивать время, то объявить имъ, что это уже послѣднее отъ царскаго величества предложеніе, и государь немедленно станетъ заботиться о избраніи новаго короля мимо ихъ. Если королевичь согласится принять корону и потомъ будетъ лишенъ ея Шведами, то царь обязывался дать ему и женѣ его въ пожизненное владѣніе одну изъ пограничныхъ западныхъ Русскихъ провинцій.

Собѣскій не рѣшился вступить въ борьбу съ непобѣди-

мымъ королемъ, и отказался отъ царскаго предложенія. Смѣлѣе былъ поднявшійся противъ императора Седмиградскій князь Рагоци, уполномоченные котораго заключили 4 сентября договоръ съ Головкинымъ, кн. Григоріемъ Долгорукимъ и Шафировымъ. Рагоци обѣщалъ Петру принять Польскую корону, если будетъ выбранъ вольными голосами; Петръ давалъ ему тѣ же обѣщанія, какія и Собѣскому. Между прочимъ было условлено: если Шведъ въ нынѣшнюю компанію въ Польшу не пойдетъ, то королевскіе выборы отложить, а между тѣмъ при посредничествѣ Франціи и Баваріи попытаться заключить миръ съ Шведами; но переговоры по этому поводу не должны продолжаться болѣе четырехъ мѣсяцевъ, начиная съ перваго сентября стараго стиля; если по истеченіи этого времени переговоры не поведутъ ни къ чему, то Рагоци безъ дальнѣйшаго отлагательства долженъ принять Польскую корону; если Шведъ со всѣми силами возвратится въ Польшу, то Рагоци не долженъ считать этого препятствіемъ къ принятію короны. Царь обѣщаетъ приводить добрыми способами императора къ возвращенію вольности Венгерской и Седмиградской [172]. Рагоци принималъ корону только при условіи выбора вольными голосами; но избиратели удерживались постоянными внушеніями изъ Саксоніи, что король Августъ не думаетъ отказываться отъ Польской короны и непремѣнно явится въ Польшу съ войскомъ. То же самое давали знать царскіе агенты при Германскихъ дворахъ Урбихъ и Литъ, пересылая обѣщанія и требованія стараго союзника. Головкинъ писалъ по этому случаю Петру изъ Минска 21 ноября: „Изволишь намъ на Августово дѣло и требованіе послѣднее свое изволеніе прислать, а мы подаемъ вашему величеству по должности своей въ разсужденіе, что, како мы чаемъ, едвали онъ безъ дачи денежной предъ выѣздомъ еще изъ Саксоніи тотъ договоръ съ вашимъ величествомъ совершить склонится ль? а давать ему деньги, не видавъ подлинной надежды къ выходу его и къ начинанію противъ Шведа паки войны не можетъ никто совѣтовать. И мы писали къ Литу, дабы онъ въ пріѣздъ

Флеминга (Августова министра) въ Берлинъ всякимъ образомъ старался ихъ отъ того запросу ясными доводами, что того чинить безъ самого дѣйства и начинанія Августова невозможно, а то дѣйство ничѣмъ инымъ кромѣ вступленія его въ Польшу утвердиться не можетъ. И тако той дачи ему отъ вашего величества давать напередъ не мочно“.

Наконецъ къ Головкину явился посланный отъ Августа Шпигель съ просьбою, чтобъ его непремѣнно отпустили къ царю для личныхъ объясненій: „Разсудили мы за благо (писалъ Головкинъ царю 24 декабря) Шпигеля отпустить къ вашему величеству, у котораго государь изволишь доношеніе Августово въ удобное время выслушать и отправить его съ милостію, дабы тѣмъ Августа о склонности вашего величества къ нему весьма увѣрить и къ скорому выходу въ Польшу охоты ему додать“ [173].

Но безъ рѣшительнаго военнаго успѣха съ Русской стороны нельзя было додать Августу охоты къ скорому выходу въ Польшу. Также напрасны были старанія заключить сколько-нибудь выгодный миръ съ Швеціею при посредствѣ западныхъ державъ. Въ Январѣ 1706 года передъ отъѣздомъ своимъ въ Бѣлоруссію на встрѣчу Карлу XII, царь, будучи у Голландскаго резидента фанъ деръ-Гульста, сказалъ ему: „Эта война мнѣ тяжка, не потому, чтобъ я боялся Шведовъ, но по причинѣ такого сильнаго пролитія крови христіанской; если, благодаря посредничеству штатовъ и высокихъ союзниковъ, король Шведскій склонится къ миру, то я отдамъ въ распоряженіе союзниковъ противъ общаго врага (Франціи) тридцать тысячь моего лучшаго войска“. Голландія отмолчалась; попробовали затронуть Англію.

Еще въ 1705 году пріѣхалъ въ Москву чрезвычайный Англійскій посланникъ Витвортъ для исходатайствованія торговыхъ выгодъ, и въ разговорѣ съ Головинымъ распространился о доброжелательствѣ своей королевы къ его царскому величеству, утверждалъ, что Англійскому посланнику въ Швеціи наказано предлагать посредничество коро-

левы къ примиренію между Швеціею, Россіею и Польшею, и если у царскаго величества и у короля Польскаго придетъ къ генеральному миру съ Шведомъ, то королева готова быть посредницею и будетъ искать пользы Россіи. Головинъ спросилъ, не имѣетъ ли посланникъ отъ королевы какого указа о предложеніи посредничества къ примиренію Россіи и Польши съ Швеціею? Витвортъ отвѣчалъ, что ему наказано предложить королевино посредничество, смотря по поступкамъ Шведскаго короля, по его намѣренію и склонности къ миру; но теперь, ѣдучи дорогою, былъ онъ нарочно въ Силезіи и Данцигѣ и провѣдалъ подлинно, что у Шведскаго короля нѣтъ никакой склонности къ миру, поэтому онъ не можетъ ничего предложить царскому величеству. Въ концѣ 1706 года Петръ велѣлъ ѣхать въ Англію Андрею Артамоновичу Матвѣеву, „понеже сіе мѣсто нынѣ принципальное въ мочи у всего аліирта". Матвѣевъ долженъ былъ напомнить королевѣ Аннѣ обѣщаніе посредничества, данное чрезъ Витворта, просить немедленно приступить къ дѣлу, и представить, что въ благодарность за это царь вступитъ въ ихъ „великую аліанцыю". Если, сказано въ инструкціи Матвѣеву, Англійскіе министры станутъ отговариваться, что теперь имъ это посредничество нельзя предложить Шведу за Французскою войною, Шведъ его не приметъ, то отвѣчать, что они должны приступить къ дѣлу для собственной пользы: нельзя имъ позволять Шведу такъ усиливаться, потому что онъ явно держитъ сторону Франціи, вопреки своимъ обѣщаніямъ вступилъ въ области Германской имперіи и самовластно распоряжается въ Саксоніи, разорятъ ее до основанія, чтобъ дать отдыхъ Французу и поддержать Венгерскій бунтъ. Если Англійскіе министры спросятъ, какая польза имъ будетъ отъ союза съ царскимъ величествомъ, то объявить, что царь пошлетъ войска свои, куда имъ будетъ нужно, доставить матеріалъ на ихъ флотъ, можетъ послать войска свои въ Венгрію для укрощенія тамошняго бунта, который такъ вреденъ союзникамъ, оттягивая силы Австріи и давая отдыхъ Франціи. Союзникамъ легко принудить Швецію къ

миру: стоитъ только послать эскадру въ Балтійское море и возбудить короля Датскаго и другихъ князей имперіи; что же касается условій мира между Россіею и Швеціею, то царь отдаетъ это дѣло на волю королевы, выговаривая одно, чтобъ возвращенное въ нынѣшнюю войну его оружіемъ отеческое достояніе осталось за Россіею; царь отказывается отъ всякихъ великихъ запросовъ и даже обѣщаетъ нѣкоторую уступку и относительно основнаго требованія. Посолъ долженъ былъ объяснить, какъ выгодно будетъ для Англичанъ, когда Россія получитъ удобныя пристани на Балтійскомъ морѣ: Русскіе товары будутъ безопасно, скоро, нѣсколько разъ въ годъ перевозиться въ Англію, не такъ какъ теперь изъ Архангельска; Русскіе товары станутъ дешевле, потому что Балтійскія пристани близко отъ Москвы и отъ другихъ значительнѣйшихъ городовъ и водяной путь къ нимъ удобный. Матвѣевъ могъ предложить немедленно же написать торговый трактатъ. Въ черновой инструкціи было тутъ приписано: „Буде потребно мочно во обнадеживаніе ихъ написать, что не изволите великихъ воинскихъ флотовъ на томъ морѣ имѣть“. На это Петръ собственноручно написалъ: „Зѣло потребно, только о числѣ (т. е. кораблей) еще прежде времени не давать знать“.

Если посолъ, продолжаетъ инструкція, увидитъ невозможность уговорить Англійскій дворъ исполнить желаніе царскаго величества, то долженъ искать способа, какъ бы склонить на свою сторону Малбурка и казначея Годольфина и секретаря сѣверныхъ посольскихъ дѣлъ и обѣщать имъ немалые подарки; поступать при этомъ осторожно, развѣдавъ, склонны ль эти министры ко взяткамъ, также остерегаться, чтобъ даромъ чего не раздать. Здѣсь Петръ собственноручно написалъ: „Не чаю, чтобъ Малбурка до чего склонить, понеже чрезъ мѣру богатъ, однакожъ обѣщать тысячь около двухъ сотъ или больше“.

По желанію Англійскаго двора, Матвѣевъ могъ заключить договоръ и съ министрами другихъ союзниковъ. Послѣдняя статья черновой инструкціи оканчивалось вопросомъ: если союзники возьмутся устроить миръ только на

томъ условіи, чтобъ за Россіею осталась одна гавань на Балтійскомъ морѣ, а всѣ другія завоеванія возвратить Шведу, то какъ тутъ поступать Матвѣеву? На это Петръ написалъ: „Въ сей статьѣ не отказывать; но испросить на доношеніе, такожъ и о границѣ; будеже по самой крайней мѣрѣ (о чемъ надлежитъ смотрѣть подъ потеряніемъ живота) придетъ до того, что ни времени не дадутъ на описку, а скажутъ такъ — или дѣлать или болше примать не будутъ, то чинить свободный договоръ, однакожъ граниченіе безъ описки отнюдь не дѣлать, и сіе чинить видя послѣднее“.

Въ началѣ мая 1707 года пріѣхалъ Матвѣевъ въ Лондонъ и далъ знать въ Россію, что „съ перваго случая нашелъ къ себѣ обхожденіе господъ Англичанъ пріятное; только изъ внутренняго исполненія дѣйствъ больше буду ожидать впредь, нежели изъ внѣшностей“. Трудности не замедлили представиться: правленіе не самодержавное, безъ парламента королева ничего сдѣлать не можетъ, а главное двѣ факціи — тори и виги: одни держатъ сторону королевы и ея союзниковъ, другіе сторону наслѣдника изъ дому Ганноверскаго и его союзниковъ, т. е. Шведовъ, вслѣдствіе чего Англійскій дворъ представился Матвѣеву многоличнымъ. Представившись королевѣ, Матвѣевъ имѣлъ конференцію съ государственнымъ секретаремъ Гарлеемъ, по требованію котораго подалъ письменное предложеніе о союзѣ. Отвѣта на это предложеніе долго не было. Матвѣевъ объяснялъ эту медленность тѣмъ, что Англійское правительство находится въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны боится затронуть могущественнаго короля Шведскаго, находящагося въ Германіи, съ другой не хочетъ оскорбить и Русскаго царя, съ государствомъ котораго Англичане производятъ такую выгодную торговлю. Матвѣевъ ѣздилъ въ Виндзоръ съ докуками, чтобъ занялись поскорѣе его дѣломъ: одинъ отвѣтъ — недосугъ. Матвѣевъ сердился; особенно сердился онъ на Англійскихъ купцовъ, торгующихъ съ Россіею, что не помогали ему ни въ чемъ своимъ вліяніемъ, какъ по главному дѣлу о союзѣ,

такъ и въ его требованіяхъ, чтобъ Англія не признавала Лещинскаго королемъ Польскимъ и не гарантировала Альтранштедскій миръ; онъ писалъ Головину, что въ Россіи надобно поприжать Англійскихъ купцовъ и такимъ образомъ заставить ихъ проснуться и хлопотать за Русскіе интересы: „Много я потерялъ труда, ходя за тѣми мужиками, Англійскими купцами; но они, кромѣ одного Стельса, не только не оказали мнѣ никакой помощи, даже и отвѣта не дали, и никого изъ нихъ я у себя не видалъ, только разъ были у меня по моемъ пріѣздѣ съ своими разсказами суетными".

Наконецъ Гарлей въ пріятельскомъ разговорѣ самъ объявилъ Матвѣеву, что Русское дѣло отложено по той причинѣ, что королева при настоящихъ обстоятельствахъ не хочетъ ссориться ни съ Россіею, ни съ Швеціею, тѣмъ болѣе, что Карлъ XII объявилъ рѣшительно, что не затронетъ Австріи. Держать однако Матвѣева слишкомъ долго безъ отвѣта было нельзя, и въ концѣ Августа сама королева объявила ему, что готова вступить съ царемъ въ великій союзъ; въ началѣ сентября пріѣхалъ къ нему Гарлей потолковать о содержаніи отвѣтной грамоты королевиной къ царю: въ грамотѣ королева объявляла явно о своемъ вступленіи съ царскимъ величествомъ въ великій союзъ, и, какъ скоро получится на это согласіе Голландіи, обѣщала немедленно объявить, на какихъ условіяхъ этотъ союзъ долженъ быть заключенъ при чемъ королева изъявляла желаніе заключить особый торговый трактатъ для общей пользы обоихъ государствъ. Гарлей сообщилъ Матвѣеву подъ великою тайною, что Англійскій посланникъ уже обѣщалъ Шведскимъ министрамъ дать денегъ за избавленіе Паткуля отъ смерти. „Впрочемъ, прибавилъ Гарлей, это дѣло домашнее; публично королева въ него не вмѣшивается, только думаю, что Паткуль спасется отъ смерти". Марльбара писалъ къ Матвѣеву, что употребитъ все свое стараніе у Штатовъ, чтобъ побудить ихъ согласиться на принятіе Россіи въ великій союзъ; но Матвѣевъ мало полагался на эти обѣщанія и написалъ къ оставленному имъ

томъ условіи, чтобъ за Россіею осталась одна гавань на Балтійскомъ морѣ, а всѣ другія завоеванія возвратить Шведу, то какъ тутъ поступать Матвѣеву? На это Петръ написалъ: „Въ сей статьѣ не отказывать; но испросить на доношеніе, такожъ и о границѣ; будеже по самой крайней мѣрѣ (о чемъ надлежитъ смотрѣть подъ потеряніемъ живота) придетъ до того, что ни времени не дадутъ на описку, а скажутъ такъ — или дѣлать или болше примать не будутъ, то чинить свободный договоръ, однакожь граниченіе безъ описки отнюдь не дѣлать, и сіе чинить видя послѣднее".

Въ началѣ мая 1707 года пріѣхалъ Матвѣевъ въ Лондонъ и далъ знать въ Россію, что „съ перваго случая нашелъ къ себѣ обхожденіе господъ Англичанъ пріятное; только изъ внутренняго исполненія дѣйствъ больше буду ожидать впредь, нежели изъ внѣшностей". Трудности не замедлили представиться: правленіе не самодержавное, безъ парламента королева ничего сдѣлать не можетъ, а главное двѣ факціи — тори и виги: одни держатъ сторону королевы и ея союзниковъ, другіе сторону наслѣдника изъ дому Ганноверскаго и его союзниковъ, т. е. Шведовъ, вслѣдствіе чего Англійскій дворъ представился Матвѣеву многоличнымъ. Представившись королевѣ, Матвѣевъ имѣлъ конференцію съ государственнымъ секретаремъ Гарлеемъ, по требованію котораго подалъ письменное предложеніе о союзѣ. Отвѣта на это предложеніе долго не было. Матвѣевъ объяснялъ эту медленность тѣмъ, что Англійское правительство находится въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны боится затронуть могущественнаго короля Шведскаго, находящагося въ Германіи, съ другой не хочетъ оскорбить и Русскаго царя, съ государствомъ котораго Англичане производятъ такую выгодную торговлю. Матвѣевъ ѣздилъ въ Виндзоръ съ докуками, чтобъ занялись поскорѣе его дѣломъ: одинъ отвѣтъ — недосугъ. Матвѣевъ сердился; особенно сердился онъ на Англійскихъ купцовъ, торгующихъ съ Россіею, что не помогали ему ни въ чемъ своимъ вліяніемъ, какъ по главному дѣлу о союзѣ,

такъ и въ его требованіяхъ, чтобъ Англія не признавала Лещинскаго королемъ Польскимъ и не гарантировала Альтранштедскій миръ; онъ писалъ Головину, что въ Россіи надобно поприжать Англійскихъ купцовъ и такимъ образомъ заставить ихъ проснуться и хлопотать за Русскіе интересы: „Много я потерялъ труда, ходя за тѣми мужиками, Англійскими купцами; но они, кромѣ одного Стельса, не только не оказали мнѣ никакой помощи, даже и отвѣта не дали, и никого изъ нихъ я у себя не видалъ, только разъ были у меня по моемъ пріѣздѣ съ своими разсказами суетными".

Наконецъ Гарлей въ пріятельскомъ разговорѣ самъ объявилъ Матвѣеву, что Русское дѣло отложено по той причинѣ, что королева при настоящихъ обстоятельствахъ не хочетъ ссориться ни съ Россіею, ни съ Швеціею, тѣмъ болѣе, что Карлъ XII объявилъ рѣшительно, что не затронетъ Австріи. Держать однако Матвѣева слишкомъ долго безъ отвѣта было нельзя, и въ концѣ Августа сама королева объявила ему, что готова вступить съ царемъ въ великій союзъ; въ началѣ сентября пріѣхалъ къ нему Гарлей потолковать о содержаніи отвѣтной грамоты королевиной къ царю: въ грамотѣ королева объявляла явно о своемъ вступленіи съ царскимъ величествомъ въ великій союзъ, и, какъ скоро получится на это согласіе Голландіи, обѣщала немедленно объявить, на какихъ условіяхъ этотъ союзъ долженъ быть заключенъ при чемъ королева изъявляла желаніе заключить особый торговый трактатъ для общей пользы обоихъ государствъ. Гарлей сообщилъ Матвѣеву подъ великою тайною, что Англійскій посланникъ уже обѣщалъ Шведскимъ министрамъ дать денегъ за избавленіе Паткуля отъ смерти. „Впрочемъ, прибавилъ Гарлей, это дѣло домашнее; публично королева въ него не вмѣшивается, только думаю, что Паткуль спасется отъ смерти". Марльбара писалъ къ Матвѣеву, что употребитъ все свое стараніе у Штатовъ, чтобъ побудить ихъ согласиться на принятіе Россіи въ великій союзъ; но Матвѣевъ мало полагался на эти обѣщанія и написалъ къ оставленному имъ

въ Гагѣ Русскому агенту Фандербургу, чтобъ разузналъ, какъ будетъ дѣйствовать Марльбара по Русскому дѣлу, сходно ли будетъ его поведеніе съ словами и обѣщаніями, или объявится медъ на языкѣ, а желчь въ сердцѣ?

Теперь пришелъ чередъ штатамъ медлить; прошелъ сентябрь, октябрь—нѣтъ отвѣта. На докуки Матвѣева Англійскіе министры отвѣчали, что они ничего не могутъ сдѣлать до возвращенія Марльбара изъ Голландіи. „Здѣшнее министерство, писалъ Матвѣевъ Головкину, въ тонкостяхъ и пронырствахъ субтельнѣе самихъ Французовъ, отъ словъ гладкихъ и безплодныхъ происходитъ одна трата времени для насъ". 9 ноября пріѣхалъ Марльбара въ Лондонъ и на другой же день вечеромъ посѣтилъ Матвѣева; долго разговаривали они одинъ на одинъ; Марльбара разсказывалъ подробно о своихъ стараніяхъ въ Голландіи, чтобъ заставить штаты согласиться на принятіе Россіи въ союзъ; штаты склонны къ этому, но надобно хлопотать, чтобъ другіе союзники согласились, а это дѣло трудное по настоящему военному времени, впрочемъ надобно имѣть полную надежду, что королева исполнитъ все по желанію царскаго величества. Матвѣевъ рѣшился просить герцога, чтобъ онъ, какъ честнѣйшій человѣкъ, сказалъ прямо, безъ сладкихъ обѣщаній, можетъ ли царь чего-нибудь надѣяться или нѣтъ? Марльбара въ отвѣтъ разсыпался въ обнадеживаніяхъ и обѣщаніяхъ всякаго рода. Но одними этими обнадеживаніями и обѣщаніями и надобно было ограничиться [174].

На континентѣ вошелъ въ сношенія съ Марльбара царскій агентъ Гюйсенъ. Герцогъ объявилъ ему, что готовъ содѣйствовать видамъ царя, если ему дано будетъ княжество въ Россіи. Когда Головкинъ далъ знать Петру объ этомъ, то получилъ отвѣтъ: „Отвѣтствовать Геезену на его вопрошеніе, что дукъ Малбургъ желаетъ княжества изъ Русскихъ: начто отписать къ Геезену и если то такъ и вышереченный дукъ къ тому склоненъ, то обѣщать ему изъ трехъ, которые похочетъ—Кіевское, Владимірское или Сибирское, и при томъ склонять его, чтобъ оный вспомогъ у

королевы о добромъ миру (съ) Шведомъ, обѣщать ему, ежели онъ то учинитъ, то съ онаго княжества по вся годы жизни его непремѣнно дано будетъ по 50,000 ефимковъ, такожъ камень-рубинъ, какого или нѣтъ или зѣло мало такого величества въ Европѣ, такожъ и орденъ св. Андрея присланъ будетъ" [175]. Дѣло не пошло далѣе. Никакое посредство не могло имѣть дѣйствія при твердо выраженной волѣ Петра: „Посамой нуждѣ и Нарву (Шведу) уступить, а о Питербурхѣ всѣми мѣрами искать удержать за что-нибудь, а о отдачѣ онаго ниже въ мысляхъ имѣть" [176]. Такъ весною 1707 года, посредствомъ Французскаго посла при Рагоци, Дезальёра сдѣлано было предложеніе Людовику XIV быть посредникомъ при заключеніи мира между Россіею и Швеціею на приведенномъ условіи, за что Петръ обѣщалъ Людовику свои войска, которыя король могъ употребить по своему желанію. Дѣло началось, но Карлъ XII отвѣчалъ, что согласится на миръ только тогда, когда царь возвратитъ все завоеванное безъ исключенія и вознаградитъ за военныя издержки; что онъ Карлъ скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ жителемъ своего государства, чѣмъ согласится оставить Петербургъ въ рукахъ царскихъ [177].

Также мало было надежды и у Вѣнскаго двора, при которомъ находился въ это время Гюйсенъ.

Онъ писалъ 19 Марта 1707 года: „Непріятель нашъ не спитъ и старается у другихъ народовъ привести нашъ народъ въ ненависть; Шведскіе министры внушаютъ при всѣхъ дворахъ, что царское величество, благодаря своему многочисленному и хорошо обученному войску, можетъ современемъ предпринять наступательное движеніе на другихъ государей и преодолѣть ихъ скиѳскимъ подобіемъ. Царевичу своему велѣлъ быть въ Польшу, чтобъ его или князя Александра Меншикова сдѣлать королемъ Польскимъ; главный интересъ сосѣднихъ государей требуетъ препятствовать всѣми средствами, чтобъ царское войско и флотъ не могли придти въ лучшій порядокъ. Эти внушенія имѣютъ силу здѣсь: цесарь призналъ Станислава королемъ, и думаю, что никогда не будетъ просить цар-

ское величество о посылкѣ въ Венгрію Московскихъ войскъ. Когда была здѣсь рѣчь, что царское величество согласится, по цесаревой просьбѣ, послать нѣсколько тысячь Московскихъ казаковъ въ Седмиградскую землю для склоненія Венгровъ къ миру, то цесарскіе министры, склонные къ Шведской сторонѣ, разсуждали, что никакъ нельзя на это согласиться: царь можетъ утвердиться въ Венгріи, опершись на живущихъ здѣсь Сербовъ Греческой вѣры.

Гюйсенъ имѣлъ порученіе предложить отъ имени царя Польскую корону знаменитому императорскому полководцу, принцу Евгенію Савойскому. Гюйсенъ писалъ объ этомъ Евгенію въ Миланъ, и тотъ отвѣчалъ Петру 3 мая, что останется вѣчно благодаренъ за такое милостивое расположеніе къ его особѣ, но, находясь въ императорской службѣ, онъ не можетъ ничего сдѣлать безъ вѣдома императора, и всего менѣе думаетъ оставить службу послѣдняго; кромѣ того онъ находится теперь вдали отъ двора и наканунѣ открытія кампаніи. Гюсейнъ отправился въ Миланъ къ Евгенію, чтобъ лично настаивать на принятіе царскаго предложенія. Евгеній далъ знать Петру отъ 12 мая, что отправилъ нарочнаго курьера къ императору съ извѣщеніемъ о царскомъ предложеніи. Какой былъ полученъ отвѣтъ отъ императора, неизвѣстно; только въ іюнѣ Гюйсенъ доносилъ изъ Вѣны, что императоръ и принцъ Евгеній охотно приняли бы царское предложеніе, только императору хотѣлось бы, чтобъ царь и рѣчь посполитая отложили избраніе до окончанія войны. Этимъ дѣло и кончилось.

Отношенія къ Пруссіи очерчены всего лучше въ письмѣ Петра къ Шафирову (отъ 24 сентября 1706 года): „Прусскому посланнику много нечего говорить, только что мы дружбу его всегда ищемъ, чего для и, Измайлова послали; а частыя перемѣны зѣло смущаютъ, и нельзя знать, при чемъ ставятъ, понеже повсягды разныя, также и предложенія несносныя, которыхъ никогда принять невозможно; а посланнику благодари о его доброжеланіи“. Въ чемъ состоялъ наказъ отправленному въ Берлинъ Измайлову, видно изъ слѣдующаго письма къ нему Головкина въ янва-

рѣ 1707 года: „Изволишь всячески трудиться противъ даннаго вамъ наказу, дабы его королевское величество воспріялъ медіаторство къ пользѣ его царскаго величества между королемъ Шведскимъ; буде же на то не изволитъ поступить, тобъ изволилъ подтвердить прежній союзъ и объявилъ бы себя нейтральнымъ, и въ томъ бы изволилъ весьма обнадежить и дать письмо, чтобъ его царское величество весьма въ надеждѣ доброй пребывать могъ. И буде такое письмо его королевское величество соизволитъ дать, то и ваша милость изволь взаимно, присовокупя о томъ особливую статью къ прежнему союзу, дать, написавъ за своею рукою, и твердо обнадежить, что его царское величество въ непремѣнной дружбѣ съ его королевскимъ величествомъ быти желаетъ; однакожъ наипаче всего изволь по всякой возможности трудиться, дабы его королевское величество воспріялъ медіацію. Что же изволишь упоминать о обѣщаніи министрамъ денегъ и совѣтуешь, дабы г. графа Вартенберга чѣмъ удовольствовать, то изволь ему, если что онъ учинитъ у своего короля къ пользѣ его царскаго величества, обѣщать знатное число суммы, и такъ обѣщай, что ежели въ добромъ медіатерствѣ обяжутся, то ему при томъ же подписаніи и заплачено будетъ; а хотябъ со стороны царскаго величества нѣкоторая изъ завоеванныхъ мѣстъ знатная часть и уступлена была, однакожъ чтобъ миръ благополучной полученъ былъ, то и за то ему графу или кому инымъ, причиннымъ къ тому, обѣщать хотя и до ста тысячь ефимковъ“. Ничто не помогало.

Данію также тщетно старались увлечь снова въ войну противъ Швеціи, предлагая Дерптъ и Нарву [178]. Хлопоча повсюду на западѣ о прекращеніи опасной войны со Шведомъ, царь еще сильнѣе долженъ былъ хлопотать на востокѣ, чтобъ эта война не стала еще опаснѣе чрезъ присоединеніе къ ней войны Турецкой. Мы оставили русскаго посла Петра Толстаго въ Константинополѣ въ 1705 году, когда ему удалось освободиться отъ стѣсненій, причиненныхъ навѣтами Турецкаго посла, бывшаго въ Москвѣ. Послѣ этого Толстой началъ присылать успокоительныя вѣ-

сти: „о начатой Турками войны въ какую-нибудь сторону вовсе не слышится, только султанъ очень прилежно собираетъ деньги, и то, какъ видно, чтобъ удовольствовать янычаръ, боясь отъ нихъ бунтовъ. Нынѣшній визирь никакого дѣла сдѣлать не умѣетъ, ни великаго, ниже малаго, и потому я теперь сижу безъ дѣла и ни о чемъ съ министрами ихъ говорить не могу; также и министры ихъ, видя визирское неразсудство, ни въ какія дѣла не вступаютъ". Въ концѣ года Головинъ писалъ Толстому наставленіе—слушаться совѣтовъ Іерусалимскаго патріарха, посылать письма только черезъ старыхъ друзей, не отпускать въ Москву Грековъ, мастеровыхъ людей и матросовъ, потому что они лживы. Толстой отвѣчалъ въ январѣ 1706 года: „Совѣтоваться съ святѣйшимъ патріархомъ ей усердно радъ, только бъ изволилъ подавать совѣтъ безбоязненно; письма посылать чрезъ старыхъ друзей всеусердно желаю, но въ то время когда бываю въ утѣсненіи, опасаются они и не принимаютъ и въ нужныя времена бѣгаютъ, сыскать ихъ негдѣ, потому посылаю и черезъ другихъ, а когда мнѣ бываетъ свобода, тогда пріятели усердствуютъ изрядно. Грековъ отпускать къ Москвѣ небуду, потому что въ самомъ дѣлѣ отъ мала до велика всѣ лгутъ и вѣрить имъ отнюдь нельзя. Только прошу милости: если мнѣ великій государь укажетъ еще въ сихъ тягостяхъ быть, то мнѣ не занимать денегъ на мое пропитаніе невозможно, а занимать, кромѣ Грековъ, не у кого. Нынѣ извѣстно единому Богу, въ какой живу нуждѣ: изъ соболей, присланныхъ мнѣ въ годовое жалованье, до сего времени не продалъ ни одного и впредь ихъ скоро продать не надѣюсь, потому что на мою бѣду привезли нынѣшній годъ Греки въ Константинополь соболей больше пяти сотъ сороковъ, да Турки разгласили, чтобъ соболей кромѣ визиря и султана никто не носилъ, и потому теперь соболей никто не покупаетъ. Прошу милости, чтобъ мнѣ выдать жалованье деньгами въ домъ мой; особенно же милости прошу, умилосердитесь надо мною сирымъ для любви Сына Божія и для Пресвятыя Богородицы, заступите милостію своею, чтобъ

меня бѣднаго указалъ великій государь перемѣнить: уже нынѣ строеніемъ Божіемъ и вашею вѣрною къ великому государю службою видится, что мирное состояніе конечно утвердилось, и кто нынѣ здѣсь ни будетъ, кажется, что можетъ пребывать безопасенъ".

Чтобъ приласкать полезнаго человѣка, заставить его служить безъ жалобъ на важномъ и тяжеломъ мѣстѣ, Петръ написалъ Толстому собственноручно письмо: „Господинъ амбасадеръ! Письмо ваше мы благодарно приняли, на которое и о иныхъ дѣлахъ писалъ къ вамъ пространнѣе господинъ адмиралъ. Что же о самой вашей персонѣ, чтобъ васъ перемѣнить, и то исполнено будетъ впредь; нынѣ же для Бога не поскучь еще нѣкоторое время быть, больше нужда тамъ вамъ побыть, которыхъ вашихъ трудовъ Господь Богъ не забудетъ, и мы никогда оставимъ"[179]. Толстой пришелъ въ восторгъ: „паче достоинства моего убожества, писалъ онъ Головину, благоизволилъ его величество явить ко мнѣ, послѣднѣйшему своему рабу, такую превеликую милость, за которую долженъ хотябы и сто разъ умереть исполняя его величества повелѣніе, и уже не только стужать челобитьемъ о перемѣнѣ моей, ниже мыслить сего возмогу, хотя бы и доконца жизни моей быть мнѣ въ сихъ трудахъ; со всякою радостію, съ веселымъ сердцемъ готовъ работать усердно и быть въ странствіи и бездомствѣ, и въ томъ дерзновеніи уже вельми раскаиваюсь, что дерзнулъ принести о перемѣнѣ моей рабское мое челобитье.

Въ апрѣлѣ 1706 года опять произошла перемѣна визиря: новый визирь Али-паша, говорили, былъ человѣкъ добрый и разумный; принялъ онъ Толстаго ласково: „воистину, писалъ Толстой, зѣло убыточны частыя ихъ перемѣны, понеже всякому визирю и кегаѣ его посылаю дары немалые, и пропадаютъ оные напрасно; а не посылать невозможно, понеже такой есть обычай, и такъ чинятъ всѣ прочіе послы".

Съ новымъ визиремъ Толстой не поладилъ по поводу ссоръ Кубанскихъ Татаръ съ Донскими козаками: „министры Турецкіе, писалъ Толстой 4 августа, о ссорахъ Кубанскихъ никакого опредѣленія до сего числа не сдѣлали; много я

съ ними о томъ говорилъ, но визирь очень загордился и не только не хочетъ рѣшить дѣла по правдѣ, но и словъ моихъ не слушаетъ и ни на одно мое предложеніе не отвѣчаетъ. Кажется, они такъ дѣлаютъ потому, что съ нашей стороны Татарамъ ни въ чемъ не противятся; а извѣстно, что народъ Турецкій неблагодаренъ, кто имъ уступаетъ, того они больше презираютъ. Къ тому же проклятые Волохи безпрестанно къ Портѣ пишутъ, веселя ее, будто рати великаго государя въ конецъ побѣждены Шведами и отъ этого Турки еще больше гордятся; о похищенныхъ людяхъ и о всякихъ вещахъ, что взяли Кубанцы написать бы къ Крымскому хану не съ прошеніемъ, но посуровѣе, чтобъ не мыслили Турки, что мы изнемогли и ихъ боимся".

Скоро явилась новая причина къ столкновенію. Толстой далъ знать, что пріѣхалъ отъ Крымскаго хана мурза Алей; съ нимъ ханъ писалъ къ Портѣ, что татары живущіе въ Русскихъ областяхъ, прислали къ хану одного султанскаго сына и трехъ черныхъ Татаръ, и писалъ, что хотятъ изъ царскаго подданства выйти всѣ и переселиться въ Крымъ, потому что въ Россіи обижаютъ ихъ въ вѣрѣ, берутъ съ нихъ много денегъ и свадебъ своихъ не могутъ они отправлять безъ Русскихъ поповъ; чтобъ Крымскій ханъ прислалъ къ нимъ на помощь войско и они съ женами и дѣтьми выйти изъ Россійскаго государства въ Крымъ могутъ. Ханъ просилъ у Порты позволенія дать требуемую помощь; визирь созвалъ совѣтъ, на которомъ муфти говорилъ, что по ихъ закону надобно принять Татаръ.

Все это было крайне опасно въ концѣ 1706 года, когда Россія должна была поднять одна всю тяжесть Шведскаго нашествія. Опять стали думать, какъ бы занять Турокъ и отнять у нихъ возможность соединиться съ Шведами противъ Россіи; Толстой писалъ: „премного я мыслилъ, какъ бы тайно побудить порту на вступленіе въ войну съ цесаремъ? не могъ другаго придумать, какъ согласиться тайно чрезъ переводчика съ посломъ Французскимъ и чрезъ послѣдняго внушать объ этомъ Портѣ. Сначала стану говорить Французскому послу: какъ жаль, что Порта подозрѣ-

ваетъ царское величество въ непріязненныхъ къ себѣ намѣреніяхъ, не вѣритъ, что царское величество непремѣнно хочетъ съ нею сохранять миръ, и не могу я одинъ ее въ томъ увѣрить, и желаю его помощи, потому что онъ Портѣ пріятель, и пусть будетъ между мною и Портою тайно медіаторомъ. Думаю, что онъ будетъ этому радъ, ибо ему то и надобно, чтобы Порта со стороны царскаго величества ничего не опасалась и скорѣе бы къ Венгерскому дѣлу пристала Потомъ, когда онъ въ дѣло вступитъ, можно ему внушить, что царское величество не будетъ мѣшать Портѣ управляться съ прочими сосѣдями, потому что теперь имѣетъ дѣло съ Шведами; думаю, что онъ за это схватится крѣпко, и потомъ, посмотря, если будетъ надобно, можно сказать ему и появнѣе. И такъ надѣюсь на Бога, что къ этому дѣлу приступлю. А еслибы Французскій посолъ и захотѣлъ кому-нибудь объ этомъ объявить, хотя бы самому цесарю—не повѣрять, зная, что онъ этого желаетъ и потому затѣваетъ изъ своей головы. А самому мнѣ говорить объ этомъ Портѣ нѣтъ никакой возможности: во первыхъ, подумаютъ, что мы нарочно хотимъ ихъ занять, чтобъ тѣмъ успѣшнѣе начать съ ними войну; во вторыхъ, тотчасъ объявятъ объ этомъ цесарю, потому что постоянно желаютъ ссорить христіанъ. Могъ бы я это сдѣлать, подкупивъ ближнихъ султанскихъ и визирскихъ людей, не ясно имъ открывая дѣло, подсылать съ нѣкоторыми приличными словами: однако и этого дѣлать нечѣмъ, просятъ большихъ дачь, а мнѣ нечего давать, и опасаюсь, чтобы дача напрасно не пропала. Идутъ слухи, что Венгры усиливаются противъ цесаря. Я подсылалъ къ визирю одного его ближняго человѣка съ вопросомъ: примутъ ли они Венгровъ или не примутъ? Визирь отвѣчалъ, что есть пословица: когда непріятель войдетъ въ воду до пояса, надобно ему подать руку и спасти его отъ потопленія; когда войдетъ по грудь, дать ему волю дѣлать что хочетъ, а когда уже войдетъ по горло, тогда надобно его пригнесть и безопасно утопить. Намъ теперь надобно смотрѣть, что будетъ дѣлаться у Венгровъ съ цесаремъ".

Дѣйствовать заодно съ Французскимъ посланникомъ ока-

залось неудобно, потому что этотъ посланникъ началъ дѣйствовать противъ Россіи. Весною 1707 года Толстой далъ знать, что Французскій посланникъ получилъ отъ своего короля приказаніе поссорить Порту съ Россіею, не щадя никакихъ иждивеній; посланникъ согласился тайно съ ханомъ Крымскимъ, который и прислалъ въ Константинополь своего визиря съ просьбою позволить Татарамъ идти на помощь Полякамъ, которые въ союзѣ съ Шведами. Ханъ писалъ, что онъ не смѣетъ и не хочетъ доносить Портѣ ничего о дѣлахъ Московскихъ, потому что за такія донесенія отецъ его и братъ пострадали, но и молчать ему больше нельзя, потому что государь Московскій уже пришелъ къ нимъ въ близкое сосѣдство, овладѣлъ ключемъ Крымскаго острова—Каменцомъ-Подольскимъ, и тѣснитъ Крымъ съ двухъ другихъ сторонъ—Азовской и Запорожской, такъ что Татары не знаютъ—чего имъ больше ждать? Французскій посолъ, съ своей стороны, неусыпно промышляетъ какъ у визиря, такъ и въ султанскомъ домѣ, разослалъ письма къ ближнимъ султановымъ людямъ: „Узнавши объ этомъ, писалъ Толстой, я разослалъ отъ себя письма къ тѣмъ же султанскимъ ближнимъ людямъ, потому что дѣло это надобно дѣлать очень тайно; не надѣюсь впрочемъ, чтобъ мои письма были приняты съ такою же любовію, какъ Французскія, потому что Французскій посланникъ посылалъ свои письма вмѣстѣ съ богатыми подарками, а Турки имѣютъ такой обычай, что отца роднаго и вѣру за подарки продать готовы. Теперь Турки въ раздумьѣ, и на которую сторону склонятся — Богъ вѣдаетъ. Признали полезнымъ послать къ Русскимъ границамъ, въ городъ Бендеры Юсуфъ-пашу, господаря Молдавскаго и Валахскаго, также румельскихъ тамаріотовъ и другихъ служилыхъ людей изъ Румиліи, подъ предлогомъ перестройки Бендерской крѣпости, а въ самомъ дѣлѣ опасаются внезапнаго нападенія. Это мнѣ не нравится, ибо ясно, что начинаютъ вѣрить лжамъ Французскаго посла и бреднямъ Татарскимъ: также послали указъ Крымскому хану, пашамъ въ Софію, Очаковъ, Керчь и другія мѣста, чтобъ были осторожны. Прибавили

мнѣ тягость Юсуфъ-паша Силистрійскій, писалъ къ Портѣ, что Московской границы безъ войска оставить нельзя; это письмо привело Порту въ большое сомнѣніе, потому что прежде онъ такъ не писывалъ".

Толстому удалось провѣдать въ султанскомъ домѣ содержаніе писемъ Французскаго посла; содержаніе ихъ было таково: оружіе цезаря Римскаго и царя Московскаго очень расширяется: чего же ждетъ Порта? теперь время низложить оружіе Нѣмецкое и Московское и утвердить свою державу, потому что Венгры вопіютъ о помощи. Если Порта не хочетъ начинать явной войны, то пусть позволитъ Татарамъ дѣйствовать противъ Москвы, а на помощь Венграмъ пошлетъ тайно тысячь 8 или 10 Турокъ. Неполитично позволять одному государю стѣснять другаго, а теперь царь Московскій покорилъ себѣ Польшу, стѣснилъ Швецію, держитъ въ своихъ рукахъ Каменецъ-Подольскій, посылаетъ въ помощь цесарю на Венгровъ нѣсколько тысячь козаковъ. Но Порта должна смотрѣть, что эти оба государя другъ другу помогаютъ по одной причинѣ — чтобъ послѣ соединенными силами напасть на Турцію. Если Порта въ настоящее время Московскаго царя не утѣснитъ, то уже послѣ долго будетъ дожидаться такого благопріятнаго случая. Кромѣ того царь Московскій имѣетъ постоянныя сношенія съ Греками, Валахами, Молдаванами и многими другими единовѣрными народами, держитъ здѣсь въ Константинополѣ посла безо всякой надобности, развѣ только для того, чтобъ посолъ этотъ внушалъ Грекамъ и другимъ единовѣрцамъ своимъ всякія противности. Посолъ Московскій не спитъ здѣсь, но всячески промышляетъ о своей пользѣ, а Порту утѣшаетъ сладостными словами; царь Московскій ждетъ только окончанія Шведской и Польской войны, чтобъ покрыть Черное море своими короблями и послать сухопутное войско на Крымъ; цесарь Римскій нападетъ съ другой стороны, и чтобъ не принудили мусульманъ убраться во внутреннюю Азію.

Но, благодаря неспособности и вялости тогдашняго Турецкаго правительства, внушенія эти остались тщетными,

что Толстой приписывалъ дѣйствію своихъ писемъ. Совѣтъ, созванный султаномъ рѣшилъ остаться въ мирѣ съ Россіею и смѣнить враждебнаго ей хана Казы-Гирея, на мѣсто котораго былъ назначенъ Капланъ-Гирей; новому хану было внушено, что примѣръ предшественника долженъ научить его жить мирно съ Москвою. Толстой съ восторгомъ писалъ, что подарки Французскаго посла пропали даромъ, а ему, Толстому все дѣло стоило только мѣхъ горностайный да четыре пары соболей. Толстой не долго радовался: въ серединѣ лѣта пошли у него большіе расходы, пріѣхалъ посланникъ изъ Польши отъ Лещинскаго на подмогу къ Французскому послу; чтобъ заставить Турецкихъ вельможъ не внимать враждебнымъ внушеніямъ, Толстой началъ на всѣ стороны разсылать соболи и шубы; посредствомъ соболей онъ узналъ содержаніе письма Лещинскаго къ султану: Лещинскій просилъ позволить Татарамъ идти вмѣстѣ съ Поляками на Москву, представляя, что царь, стѣсненный съ разныхъ сторонъ Поляками, Турками, Татарами и Шведами принужденъ будетъ отдать Азовъ и все, что только захочетъ султанъ; а если въ настоящее время Порта Полякамъ не поможетъ, то они по неволѣ должны будутъ соединиться съ царемъ и идти съ нимъ вмѣстѣ на Турокъ; всему свѣту извѣстно, что царь имѣетъ намѣреніе начать войну съ Портою, Полякамъ говоритъ явно, чтобъ помирясь идти вмѣстѣ на Турокъ; для этого построилъ множество морскихъ судовъ, готовя ихъ на Черное море, и Полякамъ много разъ объявлялъ, будто подданные султанскіе, Греки и прочіе Христіанскіе народы готовы къ возстанію на Турокъ, а нѣкоторымъ Полякамъ по секрету показывалъ письма своего посла изъ Константинополя, и въ этихъ письмахъ говорится, что уже всѣ Христіанскіе народы, живущіе въ Турецкихъ областяхъ, готовы къ возстанію, и подписаны эти письма руками Грековъ и прочихъ Христіанъ. Если Порта этому не вѣритъ, то можетъ произвести обыскъ въ домѣ русскаго посла. Послѣднее внушеніе подѣйствовало; нѣкоторые вельможи начали совѣтовать султану, чтобъ велѣлъ произвести обыскъ у Толстаго; но

визирь представилъ, что такое оскорбленіе будетъ равнозначительно объявленію войны, а готова ли къ ней Порта? Муфтій, получившій отъ Толстаго два сорока соболей, прислалъ сказать ему, чтобъ былъ благонадеженъ, что онъ, муфтій ему доброхотствовалъ, сколько могъ, съ нѣкоторыми людьми и бранился, и опредѣлено Поляка, присланнаго Лещинскимъ, вскорѣ выслать и миръ съ Москвою содержать ненарушимо Тоже самое прислалъ объявить Толстому и рейсъ-ефенди, получившій сорокъ соболей. Давая знать своему правительству о такомъ благопріятномъ оборотѣ дѣла, Толстой извѣщалъ между прочимъ, что по стараніямъ визиря, не любящаго способныхъ людей, задавлены двое самыхъ умныхъ пашей; это извѣстіе посолъ оканчиваетъ наивнымъ желаніемъ: „дай Вышній, чтобъ и остальные всѣ передавились" [180].

Петръ счелъ за нужное отправить посольство и въ Римъ; ему хотѣлось заставить папу дѣйствовать въ Польшѣ противъ Станислава Лещинскаго, какъ возведеннаго на престолъ Карломъ, врагомъ католицизма; но при этомъ, разумѣется, надобно было показать папѣ, что самъ царь — не врагъ католицизма. Въ 1707 году отправился въ Римъ подполковникъ гвардіи князь Борисъ Ив. Куракинъ, безъ характера. Послѣ долгихъ споровъ на счетъ церемоній при представленіи папѣ, согласились, чтобъ Куракинъ вмѣсто двухъ разъ поцѣловалъ папу въ ногу только одинъ разъ. Въ рѣчи своей папѣ Куракинъ распространился о расположеніи царя къ папскому престолу: онъ позволилъ свободное исповѣданіе католической вѣры въ Москвѣ, позволилъ строить Римскія церкви, далъ свободный проѣздъ черезъ Россію Римскимъ миссіонерамъ отправляющимся въ Китай и Персію; за все это царское величество желаетъ, чтобъ папа не признавалъ короля Станислава, а призналъ бы того, кто будетъ избранъ вольными голосами на сеймѣ; кромѣ того Куракинъ требовалъ, чтобъ папа послалъ сейму грамоту, въ которой бы объявилъ, что, согласно съ царемъ, онъ не признаетъ Станислава королемъ Польскимъ; въ противномъ случаѣ, говорилъ Куракинъ,

если Шведамъ удастся, мимо папы, утвердить Станислава на престолѣ, то слѣдствіемъ будетъ уничтоженіе папской власти и даже совершенное уничтоженіе Римской церкви въ Польшѣ. На это отвѣчали, что папа не признавалъ и не признаетъ Станислава королемъ до тѣхъ поръ пока вся Рѣчь посполитая не признаетъ его своимъ королемъ, что такой же отвѣтъ данъ и королю Французскому, просившему папу признать Станислава. Куракинъ спросилъ: этотъ отвѣтъ будетъ ли выраженъ письменно въ грамотѣ папской къ царю? Ему отвѣчали, что папа не напишетъ этого въ грамотѣ; онъ и королю французскому велѣлъ передать на словахъ свой отвѣтъ, потому что письменный отвѣтъ, когда будетъ узнанъ, произведетъ въ Польшѣ сильное неудовольствіе противъ папы: и теперь приверженцы Станислава грозятся не признавать папскаго нунція за то, что папа медлитъ признаніемъ ихъ короля. Папа съ своей стороны, требовалъ, чтобъ царь далъ грамоту за своею рукою о свободномъ отправленіи Римскаго богослуженія и построеніи Римскихъ церквей въ Россіи. Куракинъ отвѣчалъ, что если захотятъ построить Римскую церковь въ Москвѣ или въ какомъ-нибудь другомъ городѣ, то безъ сомнѣнія получатъ позволеніе; царь не откажется дать и требуемую грамоту — только послѣ войны и смотря по тому, будетъ ли продолжаться къ нему доброе расположеніе папы [181].

Всѣ дипломатическія средства были употреблены для пріобрѣтенія посредниковъ при заключеніи мира съ условіемъ сохраненія Петербурга; дипломатическія средства не дѣйствовали. Въ Польшѣ всѣ дѣла шли „какъ молодая брага", по выраженію Петра [182]. Нужно было взять войну на одни Русскія плечи, и съ первыхъ же дней 1707 года царь распоряжается приготовленіями къ оборонѣ. 4 января онъ писалъ къ Апраксину: „Уже вамъ то подлинно извѣстно, что сія война надъ одними нами осталась: того для ничто такъ надлежитъ хранить яко границы, дабы непріятель или силою, а паче лукавымъ обманомъ не впалъ (и хотя еще не думаетъ изъ Саксоніи идти, однако все лучше управить заранѣе) и внутренняго разоренія не принесъ;

того для ничѣмъ такъ чаю сему забѣжать, что отъ границъ указъ дать, дабы въ началѣ весны хлѣбъ ни у кого явно не стоялъ ни въ житницахъ, ни въ гумнахъ, такожъ и сѣна; но въ лѣсахъ — или въ ямахъ, или инакъ какъ (а лучше въ ямахъ) спрятанъ былъ, такожъ для скота и своего людямъ собранія въ лѣсахъ же и болотахъ заранѣе не въ ближнихъ мѣстахъ отъ большихъ дорогъ каждый мѣсто себѣ уготовить того для, ежели непріятель похочетъ, обшедъ войско, впасть внутрь, тогда вездѣ ничего не найдетъ, а потомъ войскомъ сзади будетъ захваченъ, тогда самъ не радъ будетъ своему начинанію. Сіе надлежитъ заранѣе людямъ объявить, понеже сіе людемъ не безъ сумнѣнія или страха будетъ, однакожъ когда заранѣе увѣдаютъ, то въ нѣсколько недѣль обмыслятся и ни вочто страхъ тотъ будетъ; тогда хотя и впрямъ (чего еще и не чаемъ за помощію Божіею) то впаденіе будетъ, тогда не такъ будетъ людямъ страшно, понеже уже давно вѣдали, къ тому же и убытку такого не понесутъ отъ непріятеля. И сіе нѣсколькимъ персонамъ, кому надлежитъ вѣдать и которыя имѣютъ разсужденіе, объяви (а не всѣмъ) и чтобъ о томъ указы послать въ первыхъ числахъ апрѣля".

На счетъ обороны Малороссійской границы Петръ писалъ гетману Мазепѣ 24 января: „Понеже уже вамъ не безъизвѣстно есть, что уже сія война на однихъ насъ осталась, того для надлежитъ вямъ вящее приготовленіе и осторожность имѣть, чтобъ заранѣе къ походу изготовиться и чтобъ по самой первой травѣ въ маѣ подъ Кіевомъ стать какъ для совершенія начатой фортеціи, а паче для обороны отъ непріятеля своихъ краевъ, о которомъ сказываютъ, что конечно намѣренъ въ первыхъ числахъ мая идти къ нашимъ краямъ, чего для надлежитъ вящее приготовленіе въ войскахъ имѣть; и понеже можете знать, что войско Малороссійское не регулярное и въ полѣ противъ непріятеля стать не можетъ, того для совѣтую вамъ довольное число лопатокъ и заступовъ велѣть взять съ собою, такожъ и добрую полковую артиллерію, дабы возможно у Днѣпра (ежели непріятель будетъ) въ удобныхъ мѣ-

стахъ шанцами или окопами укрѣпиться и тѣмъ возбранить непріятелю ходъ въ свою землю, такожъ дабы и въ украйныхъ городахъ отъ Польскаго рубежа добрую осторожность имѣть и палисадами и прочимъ укрѣпить. — Собраться съ войскомъ у Кіева и Печерскій монастырь укрѣпить. Управя сіе, выступить къ Паволочи или гдѣ удобнѣе, а передовыхъ выслать до Полоннаго или далѣе для вѣдомости и голосу. Во время непріятельскаго приходу осадя и управя Печерскій монастырь, уступить за Днѣпръ, а старый Кіевъ оставить. И того ради надлежитъ зѣло трудиться, дабы Печерскій монастырь какъ наискоряя укрѣпить и артиллерію управить, дабы при приходѣ непріятельскомъ безъ страха возможно сію фортецію оставить. Повинно все войско казацкое стать у Кіева въ 10 іюня конечно чтобъ сего времени не испустить".

Войско было пополнено новымъ наборомъ. Какъ были прибыльщики, которые доносили о возможности новыхъ источниковъ дохода, такъ были прибыльщики, которые давали знать о возможности взять гдѣ-нибудь рекрутъ. Брянскій житель, дворянинъ Безобразовъ донесъ, что въ Брянскѣ и въ уѣздѣ и въ прочихъ тамошнихъ мѣстахъ умножилось подъячихъ и дьяковъ и прочихъ нижнихъ чиновъ, а наипаче церковниковъ всякихъ, изъ которыхъ гораздо возможно довольное число набрать въ службу въ драгуны или въ солдаты. Петръ послалъ указъ: „разобрать и годныхъ въ службу написать" [183].

Карлъ XII давалъ время Петру распоряжаться. Была даже одно время надежда, что онъ завязнетъ въ Германіи также какъ прежде увязъ въ Польшѣ, потому что завелъ споры съ императоромъ, которые грозили окончиться войною такъ, напримѣръ, онъ требовалъ религіозныхъ правъ протестантскимъ жителямъ Силезіи. Франція, разумѣется, хлопотала изъ всѣхъ силъ, чтобъ довести дѣло до войны и такимъ образомъ пріобрѣсти могущественнаго союзника; Англія и Голландія, наоборотъ, старались потушить споры; Марльбара явился къ Карлу въ Саксонію съ льстивыми словами: „Еслибы полъ не препятствовалъ мой короле-

вѣ, то она бы сама пріѣхала сюда, чтобъ видѣть государя, возбудившаго удивленіе всей Европы; я, ея подданный въ этомъ случаѣ счастливѣе ея, и былъ бы еще счастливѣе, если бы могъ совершить нѣсколько походовъ подъ знаменами вашего величества, чтобъ дополнить мое военное воспитаніе". Дѣло кончилось тѣмъ, что императоръ долженъ былъ уступить требованіямъ Карла. Робость, уступчивость со стороны перваго государя Европы, лесть со стороны знаменитаго полководца, побѣдителя войскъ Людовика XIV, вся эта слава, которая окружала молодаго Шведскаго короля въ Саксоніи напоминаетъ историку славу, которая здѣсь же окружала въ ближайшее къ намъ время другаго завоевателя. Обоихъ окружала эта слава передъ походомъ ихъ въ Россію, передъ тѣмъ, какъ звѣздѣ ихъ суждено было закатиться.

Только въ августѣ 1707 года Шведское войско двинулось изъ Саксоніи. Оно имѣло отличный видъ: народъ былъ сытый, отлично обмундированный и вооруженный; при королѣ находилось 24,500 человѣкъ конницы, 20,000 пѣхоты; Левенгауптъ съ 16,000 въ Лифляндіи и Любекеръ съ 14,000 въ Финляндіи стояли на готовѣ, чтобъ по первому приказу вступить въ русскіе предѣлы. Не мудрено, что при такихъ средствахъ въ головѣ Карла составлялись самые смѣлые планы: онъ говорилъ, что заключитъ съ Россіею миръ по-саксонски, онъ хотѣлъ свергнуть Петра съ престола и на его мѣсто возвести — принца Якова Собѣскаго! Карлъ надѣялся, что ему много поможетъ неудовольствіе на Петра въ Россіи; еще въ концѣ 1706 года онъ сказалъ императорскому посланнику, что скоро хочетъ навѣстить варваровъ въ Москвѣ, въ осадѣ Нарвы и другихъ городовъ времени терять не будетъ, надѣется обойтись и безъ этого, потому что въ Москвѣ многіе князья ему преданы. Но въ Европѣ не всѣ готовы были поручиться за торжество Карла въ Россіи. Гюйсенъ писалъ изъ Вѣны въ сентябрѣ 1707 г. что Шведы идутъ нехотя, сами говорятъ, что почти совсѣмъ отвыкли отъ войны послѣ продолжительнаго покоя и роскошнаго житья въ Саксоніи По этому нѣкоторые пред-

сказываютъ побѣду Петру, если вступитъ съ Карломъ въ битву. Другіе говорятъ, что менѣе славы, но болѣе безопасности, если царь выведетъ свои войска изъ Польши, и будетъ уменьшать силы непріятельскія частными стычками, внезапными наѣздами козацкими и разными военными хитростями [184].

Петръ уже давно рѣшилъ, что надобно избрать послѣднее. Послышавъ о приближеніи Шведовъ, Меншиковъ выступилъ изъ Польши въ Литву, и расположился съ кавалеріею въ Дзенцолахъ, фельдмаршалъ Шереметевъ съ пѣхотою сталъ въ Минскѣ. Послѣ военнаго совѣта въ мѣстечкѣ Меречѣ Петръ распорядился, чтобъ въ польскихъ владѣніяхъ отнюдь не вступать съ непріятелемъ въ генеральную баталію, а стараться заманивать его къ своимъ границамъ, вредя ему при всякомъ удобномъ случаѣ, особенно при переправахъ черезъ рѣки. Петръ, отдохнувши немного послѣ Гродно, опять переживалъ трудныя минуты. Онъ самъ сталъ замѣчать въ себѣ сильную раздражительность, какой не было со времени печальныхъ событій 1698 и 1699 годовъ. Такъ онъ сильно разсердился на Апраксина за то, что адмиралъ оставилъ безъ наказанія воеводъ, приведшихъ къ нему людей не въ надлежащемъ количествѣ, и написалъ ему жесткое письмо: „Что вы не сдѣлали ничего тѣмъ воеводамъ, которые къ вамъ не по указу довели людей, а отваливаете сіе на Московскіе приказы, которое въ добро не можетъ причтено быть, но точію двумъ дѣламъ: или лѣности, или не хочете остудиться (разсориться)". Апраксинъ сильно оскорбился, и Петръ спѣшилъ возвратить жесткое слово; онъ написалъ ему: „Скорбите о томъ, что я къ вамъ писалъ о воеводахъ, и въ томъ для Бога печали не имѣйте, ибо я истинно не съ злобы къ вамъ; но въ здѣшнемъ житьѣ хотя что малая противность покажется, то приводитъ въ сердце [185].

Съ запада шелъ страшный непріятель, противъ котораго нужно было напречь всѣ силы,—а на востокѣ и юго-востокѣ кипѣлъ злой бунтъ.

Въ разсказѣ о вѣкахъ предшествовавшихъ было упоми-

наемо, что завоеванія Россіи на востокѣ, по Волгѣ, Камѣ и за Уральскими горами, были быстры и легки повидимому, но побѣжденные дикари неравнодушно сносили Русское подданство и возмущались при первомъ удобномъ случаѣ, особенно тѣ изъ нихъ, которые, будучи магометанами, смотрѣли на Турецкаго султана, какъ на естественнаго главу своего и ждали отъ него избавленія отъ ига христіанскаго. Тяжести, павшія на Русскихъ людей въ описываемое время, должны были пасть и на инородцевъ; но эти тяжести, какъ во всѣхъ отдаленныхъ областяхъ государства, увеличивались чиновническими злоупотребленіями, и породили сильное неудовольствіе, которымъ воспользовались люди, желавшіе свергнуть Русское иго подъ знаменемъ магометанства.

Съ 1705 года между Башкирцами обнаружилось сильное волненіе: въ немъ обвиняли Уфимскаго коммиссара Сергѣева, который притѣснялъ Башкирцевъ при сборѣ съ нихъ лошадей для войска и при отыскиваніи среди нихъ бѣглыхъ рекрутъ. Въ 1707 году уфимскій Башкирецъ, назвавшись султаномъ, ѣздилъ въ Константинополь и Крымъ просить помощи дѣлу единовѣрцевъ; потомъ пробрался на Кубань, оттуда къ Горскимъ народамъ, Чеченцамъ, Мичкисамъ, Аксайцамъ, и прельстилъ ихъ, выдавая себя за святаго и за султана Башкирскаго. Горцы провозгласили его своимъ владыкою. Скоро пристали къ нему Кумыки, Аграханскіе казаки — раскольники, Терскіе кочевые Окочены и Татары. Собравшись со всѣми этими народами, святой султанъ подошелъ 12 февраля 1708 года къ Терской крѣпости, сжегъ слободы и острогъ; Терскій воевода Романъ Вельяминовъ, послѣ долгаго сопротивленія, долженъ былъ уйти въ верхній городъ, гдѣ и былъ осажденъ врагами. Астраханскій воевода, Петръ Матвѣевичь Апраксинъ, узнавши объ этомъ, послалъ къ Терку моремъ 1200 солдатъ, да степью нѣсколько сотъ вѣрныхъ Татаръ и 3000 Калмыковъ. 26 Февраля это войско напало на непріятеля подъ Теркомъ и разбило его на голову; самъ султанъ раненый былъ взятъ въ плѣнъ. Но этимъ дѣло не кончилось: поднимая горскіе народы, для общаго магометанскаго дѣла, онъ

успѣлъ переслаться съ своими Башкирцами, и вся Башкирія взволновалась [186].

Волненіе было тѣмъ опаснѣе, что у возставшихъ явился глава, назвавшійся ханомъ. Для поимки этого хана, 16 ноября 1707 года изъ Уфы посланъ былъ въ Башкирскія волости Петръ Хохловъ съ отрядомъ въ 900 человѣкъ; съ нимъ отправились и Башкирцы, которые обѣщались вѣрно служить; съ другой стороны, отъ Казани на помощь къ Уфѣ шелъ Сидоръ Аристовъ съ коннымъ отрядомъ въ 770 человѣкъ, да полковникъ Иванъ Рыдарь съ солдатскими полками. Хохловъ встрѣтился съ мятежными Башкирцами въ урочищѣ Юрактау въ 90 верстахъ отъ Уфы и въ 30 отъ Соловарнаго городка; Башкирцы, бывшіе съ нимъ, измѣнили и, соединясь съ своими, осадили отрядъ Хохлова на степи, гдѣ морили десять сутокъ, не давая ни пить, ни ѣсть, ни спать, и когда Русскіе люди обезумѣли отъ голоду и безсонницы, воры разорвали обозъ, побили и взяли въ плѣнъ 400 человѣкъ, но съ 500 остальныхъ Хохловъ пробился и ушелъ въ Соловарный городокъ, откуда выручили его подоспѣвшіе Аристовъ и Рыдарь [187].

Мятежъ разгорался все болѣе и болѣе, русскія села и деревни запылали. Казанскій вице-губернаторъ Кудрявцевъ писалъ царю 7 генваря 1708 года: „Башкирское воровство умножается, и Татары Казанскаго уѣзда многіе пристали и многіе пригородки Закамскіе, также и на Казанской сторонѣ Камырѣки дворцовое село Елабугу осадили, и изъ тѣхъ пригородковъ Заинскъ, который отъ Казани разстояніемъ 200 верстъ, сожгли и людей порубили, а иныхъ въ полонъ побрали; а уѣздныхъ людей, Татаръ и Чувашу Казанскаго и Уфимскаго уѣздовъ воры Башкирцы наговариваютъ, будто ратныхъ людей посылаютъ прибыльщики безъ твоего указа, собою, и чтобъ вездѣ Русскихъ людей побивать, потому что они съ прибыльщиками одновѣрцы, и, собрався великимъ собраньемъ, хотятъ идти подъ Казань. Башкирцы, ходившіе на Яикъ съ торгами, говорили, что казаки говорили имъ, чтобъ Русскихъ людей, которые будутъ на нихъ Башкирцевъ наступать, рубили“ [188].

Обязанность потушить пожаръ была возложена на боярина и воеводу князя Петра Ивановича Хованскаго. Понятно, что готовясь къ отчаянной борьбѣ съ Карломъ, Петръ хотѣлъ прекратить Башкирскій бунтъ какъ можно скорѣе, и потому велѣлъ Хованскому попытаться уладить дѣло мирными средствами. 2 Февраля 1708 года Хованскій послалъ изъ Казани толмача и ясачныхъ Татаръ для разговора съ ворами Башкирцами и Татарами; посланные встрѣтились съ ворами на Арской дорогѣ въ 80 верстахъ отъ Казани, и говорили имъ: для чего они воры великому государю измѣнили и въ Казанскомъ уѣздѣ многія села и деревни и церкви Божія выжгли и людей порубили и покололи? Воры отвѣчали: все это они дѣлаютъ для того, чтобъ великому государю учинилось подлинно извѣстно; потому что напередъ сего къ нему государю къ Москвѣ на прибыльщиковъ о всякихъ своихъ нуждахъ посылали они свою братью ясачныхъ людей челобитчиковъ, и тѣ ихъ челобитчики были переиманы и биты кнутьемъ, а иные перевѣшаны, и отповѣди имъ никакія не учинено: и чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ съ нихъ Башкирцевъ, Татаръ, Вотяковъ и Черемисы, для ихъ скудости, новонакладную прибыль снять, и они отступятъ и пойдутъ въ домы свои [189].

Давши такой отвѣтъ, мятежники пошли дальше и во второй половинѣ февраля стояли уже въ 30 верстахъ отъ Казани; въ Казанскомъ уѣздѣ между Камою и Волгою и за Камою русскія и вотяцкія села и деревни почти всѣ были разорены, люди побиты или взяты въ плѣнъ. Отрядъ подъ начальствомъ Осипа Бартенева выступилъ изъ Казани по Арской дорогѣ и прогналъ воровъ въ Уфимской уѣздъ; съ другой стороны станичный атаманъ Невѣжинъ сталъ успѣшно дѣйствовать изъ Сергіевска (гдѣ сѣра изъ воды бѣжитъ), лучшіе башкирскіе батыри не могли взять Билярска и были поражены на голову Невѣжинымъ, у котораго было 200 Русскихъ да сотня Чувашъ. 22 Февраля Хованскій выступилъ съ полками изъ Казани. Воры тотчасъ оробѣли и начали пересылаться съ нимъ. Кудрявцевъ говорилъ Хованскому, чтобъ воровскихъ обмановъ не слушалъ,

и учинилъ имъ военный страхъ: „Не учи меня!“ [190] отвѣчалъ бояринъ и вступилъ въ переговоры. Мятежникамъ было объявлено прощеніе, только заводчикъ бунта, ханъ былъ казненъ. Но оставались Уфимскіе Башкирцы. Не имѣя возможности при Шведской войнѣ послать значительные русскіе отряды на отдаленный востокъ, Петръ позволилъ собираться вольницѣ, которая бы изъ добычи истребляла воровскія жилища огнемъ и мечемъ. Кромѣ того онъ хотѣлъ усмирить варваровъ съ помощію другихъ варваровъ. Въ генварѣ 1708 года стольникъ Иванъ Бахметевъ получилъ приказъ ѣхать въ калмыцкіе улусы къ тайшѣ Аюкѣ и уговорить его выслать 20,000 Калмыковъ противъ Башкирцевъ. Аюка далъ 20000 Калмыковъ Бахметеву; но 22 мая прислали къ нему изъ Казани начальные люди грамоту, что воры Донскіе козаки Игнашка Некрасовъ и Лунка Хохлачь вошли въ Камышенку и идутъ къ Саратову: чтобъ онъ Аюка послалъ своихъ Калмыковъ на этихъ воровъ къ Саратову. Аюка въ присутствіи Бахметева сказалъ присланному изъ Казани: „по указу великаго государя я отдалъ всѣхъ своихъ людей вотъ ему Бахметеву на Башкирцевъ, у меня останется немного людей, которые мнѣ нужны на караулы и разъѣзды“. Согласились раздѣлить Калмыковъ на два отряда: 10000 отправить подъ Саратовъ противъ воровскихъ козаковъ, а другія десять тысячъ съ Бахметевымъ на Башкирцевъ. 13 іюня явился въ войско къ Бахметеву Калмыкъ, который былъ на Яикѣ и разсказалъ, что при немъ на Яикъ пріѣхали три Башкирца и говорили, что ихъ Башкирцевъ въ собраніи много, имѣютъ согласіе съ Каракалпаками, Киргизами, Донскими козаками и Кубанцами: положено у нихъ всѣхъ другъ друга не выдавать Услыхавши такія вѣсти, Бахметевъ поспѣшно пошелъ впередъ, чтобъ не допустить Башкирцевъ до воровскаго соединенія, перешелъ рѣку Икъ, вступилъ въ жилища самихъ воровскихъ заводчиковъ, крѣпкія и лѣсистыя мѣста, побилъ ихъ на многихъ бояхъ и загонахъ, жилища выжегъ, много побралъ полону, лошадей, скота, захваченъ былъ сынъ главнаго заводчика — муллы Измаила. Снача-

ла Башкирцы положили было не мириться: „миромъ насъ Русскіе люди обманутъ"; но теперь, увидавши свое безсиліе, усмирились: мулла Измаилъ и батыри пріѣхали къ Бахметеву съ просьбою, чтобъ по указу великаго государя вины имъ отдать, и казали грамоту князя Хованскаго, въ которой говорилось о прощеніи: „а если мы теперь съ Калмыцкимъ и Русскимъ войскомъ бились, то виноваты и куранъ цѣловать станемъ". Мулла цѣловалъ куранъ за всѣ четыре дороги, что Башкирцы измѣнять впредь не будутъ и полонъ весь отдадутъ.

Не смотря на то, волненія все еще продолжались. Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, назначенный губернаторомъ въ Казань, писалъ въ февралѣ 1709 года; „О Башкирцахъ доношу: уже три года до меня и нынѣ стоятъ въ злодѣйственномъ своемъ упорствѣ и воровствѣ; и нынѣ по призыву отъ нихъ знатнаго вора пріѣхалъ къ нимъ изъ Каракалпакъ нѣкакой воръ, будто хановъ сынъ, тому, что у насъ кажненъ, дядя или братъ. Посланные мною къ Башкирцамъ пишутъ, что многіе обѣщаются стоять вѣрно, а иные злодѣйствуютъ". Апраксинъ прислалъ при этомъ вѣдомость, чего восточной Украйнѣ стоилъ Башкирскій бунтъ: всего въ Казанскомъ и Уфимскомъ уѣздахъ пожжено и разорено было селъ и деревень 303; людей погибло и въ плѣнъ отведено 12705 человѣкъ. Въ мартѣ Апраксинъ писалъ: „О тѣхъ Башкирахъ доношу тебѣ государю: народъ ихъ проклятый, многочисленный и военный, да безглавный, никакихъ надъ собою началъ, хотя бъ такъ какъ на Дону подобно атаманы — и такихъ не имѣютъ, приняться не за кого, и чтобъ особно послать не къ кому". Наконецъ въ апрѣлѣ Апраксинъ донесъ: „Башкирцы лучшіе люди Кусюмъ съ товарищи прислали выборныхъ людей, вины свои принесли и обѣщались служить и дани давать попрежнему" [191].

Въ то время когда Башкирцы начали уже успокоиваться, бунтъ запылалъ тамъ, откуда уже давно ждали его недовольные,—на Дону: здѣсь наконецъ явился новый Разинъ. Мы видѣли, что Петръ уже давно сталъ требовать нарушенія основнаго козацкаго права, права принимать къ се-

бѣ всякаго безъ отдачи. Побѣги изъ украинскихъ мѣстъ на Донъ все усиливались; помѣщики били челомъ государю, что они отъ этихъ побѣговъ разоряются, платятъ за бѣглыхъ всякія подати спуста, велѣно взять съ двадцати дворовъ человѣка въ солдаты, а съ десяти дворовъ работника въ Петербургъ, а бѣглые крестьяне, живучи въ козачьихъ городкахъ, государевой службы не служатъ и податей не платятъ. Легко понять, какъ раздражали Петра эти указанія, что столько людей отбываетъ отъ службы и отъ податей На Донъ шли царскія грамоты съ требованіемъ, чтобъ такіе то и такіе крестьяне, поименованные въ челобитныхъ, были сысканы и отданы челобитчикамъ. Атаманы сыскивали нѣкоторыхъ и отдавали, но много оставалось на Дону: гдѣ ихъ всѣхъ сыскать, особенно когда искать не хочется? Атаманы и старые козаки уступали, волею-неволею, царскимъ требованіямъ; но эти требованія увеличивались все болѣе и болѣе; было видно, что время совершеннаго подчиненія вольной рѣки государству близко. Мы видѣли уже, что царь распорядился переводомъ козаковъ изъ однихъ мѣстъ на другія для населенія Азовской дороги. Въ маѣ 1705 года пошла на Донъ новая грамота: „указали мы, великій государь, тѣ городки, которые поселены не по указу и не на шляхахъ, свесть, и жителей изъ тѣхъ городковъ перевесть и поселить за Сѣверскимъ Донцомъ по шляху въ пристойныхъ мѣстахъ, и въ тѣ, и въ другіе городки бѣглецовъ и никакихъ пришлыхъ и работныхъ людей ниоткуда отнюдь не принимать; за укрывательство такихъ бѣглецовъ козаки сосланы будутъ вѣчно на каторги, а пущіе заводчики безъ милости казнены будутъ; пришлыхъ людей, которые приняты послѣ 1695 года, всѣхъ послать въ Русскіе города, откуда кто пришелъ, потому что работники, будучи у нашихъ великаго государя дѣлъ, забрали въ зачетъ работы многія деньги, и не хотя заработать, бѣгали и бѣгаютъ всегда въ тѣ города; а которые городки поселены по Сѣверскому Донцу до Азовскихъ походовъ, тѣмъ быть по прежнему.

Вспыхнулъ Астраханскій бунтъ; Донъ повелъ себя хо-

рошо, и царь за такое поведеніе въ февралѣ 1706 года пожаловалъ козаковъ войсковыми клейнотами, послалъ имъ перначь серебряный съ каменьемъ золоченъ, бунчукъ съ яблокомъ и съ доскою и съ трубкою серебряною золоченъ, знамя большое писаное на камкѣ золотомъ, шесть знаменъ камчатыхъ станичныхъ. Но Петръ, награждая козаковъ за вѣрную службу, не забылъ, что указъ 1705 года о сведеніи городковъ не былъ исполненъ Въ 1706 году онъ отправилъ на Донъ прежнее требованіе: свесть городки, построенные послѣ Азовскихъ походовъ, не по указу и не на шляхахъ, свесть, не дожидаясь новаго указа; а въ городкахъ, что на шляхахъ, жильцовъ всѣхъ переписать, старожильцовъ козаковъ оставить для почтовой гоньбы, потому что чрезъ тѣ городки установлена будетъ къ Черкаску и до Азова обыкновенная ради скорости почта; а новопришлыхъ людей выслать въ тѣ мѣста, откуда кто пришелъ [192].

Новопришлыхъ людей не высылали и число ихъ увеличивалось все болѣе и болѣе. Въ какихъ размѣрахъ происходило въ описываемое время бѣгство крестьянъ можно судить изъ слѣдующихъ донесеній: „Въ нынѣшнемъ 1706 году, въ генварѣ и февралѣ, въ Шуйскомъ уѣздѣ, въ вотчинѣ Покровскаго женскаго монастыря села Ярлыкова въ разныхъ числахъ въ ночахъ крестьяне съ женами и дѣтьми 26 семей со всѣми своими животы бѣжали не знамо куды“ [193]. Такъ было въ сѣверныхъ областяхъ, откуда нелегко было пробраться на какую нибудь украйну; что же въ мѣстахъ, близкихъ къ Дону? Но на великую рѣку бѣжали не одни крестьяне; мы видѣли, что туда бѣжали работники съ публичныхъ работъ, забравши деньги впередъ; туда въ послѣднее время прибѣжало много солдатъ и драгуновъ изъ арміи фельдмаршала Шереметева, когда онъ шелъ изъ Астрахани въ Кіевъ. Царь не хотѣлъ терпѣть болѣе, особенно когда нужда въ служилыхъ и платящихъ людяхъ увеличивалась все болѣе и болѣе, и въ 1707 году отправилъ на Донъ полковника князя Юрія Владиміровича Долгорукаго съ отрядомъ войска для отысканія всѣхъ бѣглецовъ и высылки ихъ на прежнія мѣста жительства. Есть

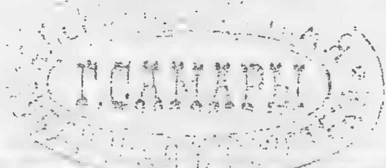
извѣстіе, что и сами старшины, атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ товарищами сильно оскорбились этимъ окончательнымъ уничтоженіемъ исконнаго козацкаго права и рѣшились подъ рукою помѣшать Долгорукому: тѣмъ болѣе должны были встревожиться новоприбылые люди, бѣглые, которымъ предстояло теперь разстаться съ вольною жизнію на великой рѣкѣ. Дѣло шло теперь не о томъ только, помочь или нѣтъ Астраханцамъ отстоять старое платье? притомъ же на Дону было не безъ людей, которые жалѣли, что Донъ повелъ себя не такъ въ Астраханскій бунтъ. Въ Качалинскомъ городкѣ дьячки говорили: „Въ Астрахань сосланы съ Москвы болваны, чтобъ имъ покланяться, и Астраханцы кланяться имъ не стали, и за то что̀ надъ ними сдѣлалось? напрасно и тѣхъ отдали, которые и въ Черкаскомъ были!“ [194] Теперь надобно было стать за собственную волю; людей, которые должны были отчаянно ратовать противъ исполненія царскаго указа, теперь было много на Дону; нашелся и предводитель.

Въ Черкаскѣ старшины приняли Долгорукаго честно и дали ему пять человѣкъ изъ своей среды для провожанія и помощи въ отыскиваніи бѣглыхъ. Но въ то же время начала ходить между козаками грамота отъ имени старшины съ увѣщаніемъ не допускать Долгорукаго до исполненія царскаго указа и бить сыщиковъ. Бахмутскій атаманъ изъ Трехъизбенскихъ козаковъ, Кондратій Аѳанасьевъ Булавинъ объявилъ, что надобно исполнить по грамотѣ. Разумѣется охотниковъ помочь ему въ этомъ нашлось много: на рѣкѣ Айдарѣ ночью на 9 октября нечаянно напалъ Булавинъ на Долгорукаго, и истребилъ весь отрядъ вмѣстѣ съ предводителемъ. Совершивши этотъ подвигъ, Булавинъ пошелъ по Донецкимъ городкамъ, разсылая призывныя грамоты. По этимъ грамотамъ атаманъ Закотенской станицы Матвѣй Медвѣдевъ собралъ шайку человѣкъ въ 500 и хотѣлъ было идти къ Булавину, да остановился, потому что многіе козаки одумались и начали отъ него отставать; но товарищи Булавина не одумывались, имъ нужно было идти въ Украйные города для коней и для

добычи, потому что это были бурлаки безконные, безоружные и безодежные. Атаманъ стараго Боровскаго городка со всею станицею встрѣтилъ Булавина съ хлѣбомъ, виномъ и медомъ и принялъ его торжественно въ станичной избѣ. Около Булавина образовалась уже старшина: одинъ назывался полковникомъ, прозвище ему было Лоскутъ, сходецъ (пришлецъ) съ Валуйки: про него говорили, что былъ при Стенькѣ Разинѣ лѣтъ семь; другой назывался полковникомъ же, сынъ Староайдарскаго атамана; третій Коротояцкій подъячій. Боровскій атаманъ говорилъ Булавину: „Заколыхали вы всѣмъ государствомъ: что вамъ дѣлать, если придутъ войска изъ Руси, тогда и сами пропадете, и намъ пропасть будетъ". — „Не бойтесь, отвѣчалъ Булавинъ; началъ я это дѣло дѣлать не просто; былъ я въ Астрахани и въ Запорожьи и на Теркахъ; Астраханцы и Запорожцы и Терчане всѣ мнѣ присягу дали, что имъ быть ко мнѣ на вспоможенье въ товарищи и скоро они къ намъ будутъ. А теперь пойдемъ мы по козачьимъ городкамъ и будемъ козаковъ къ себѣ приворачивать, а которые съ нами не пойдутъ, такихъ мы, назадъ вернувшись, будемъ жечь, а животы грабить; и какъ городки свои къ себѣ склонимъ, пойдемъ Изюмскимъ полкомъ по городамъ до Рыбнаго, конями, ружьемъ и платьемъ наполнимся, а потомъ пойдемъ въ Азовъ и Таганрогъ, освободимъ ссылочныхъ и каторжныхъ, которые намъ будутъ вѣрные товарищи, и на весну, собравшись, пойдемъ на Воронежъ и до Москвы". Тутъ Лоскутъ сказалъ Булавину: „Не бойся, я прямой Стенька, не какъ тотъ Стенька безъ ума своего голову потерялъ, и я вожъ вамъ буду". Боровскій атаманъ со всею станицею передался Булавину; но не всѣ и Донецкіе городки сдавались, а изъ Донскихъ городковъ при немъ не было ни одного человѣка [195].

Атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ товарищами, узнавъ, что Булавинъ убилъ Долгорукаго и поднимаетъ бунтъ, пошли противъ него и разгромили у рѣчки Айдары, послѣ чего послали царю описаніе всего происшествія. „Мы, выбравъ отъ себя изъ войска знатныхъ старшинъ, Обросима

16



Савельева, Ефрема Петрова, Никиту Алексѣева, Ивана Иванова, Григорья Матвѣева, придали князю Юрью Владиміровичу. И наши старшины рѣкою Сѣверскимъ Донцомъ по козачьимъ городкамъ розыскъ чинили. И какъ пріѣхали на рѣчку Айдару въ Шульгинской городокъ и въ томъ городкѣ заночевали октября противъ 9 дня, и къ той ночи Трехъизбенскаго городка Кондрашка Булавинъ, прибравъ къ себѣ Ивашку Лоскута, Филатку Никифорова, Гришку Банникова и иныхъ гулящихъ людей, человѣкъ съ 200, князя, офицеровъ и солдатъ побили [196], и нашихъ старшинъ также хотѣли побить, и не застали, потому что въ однихъ рубашкахъ выскоча, едва ушли, и они воры за ними гоняли, и за темнотою ночи не нашли, понеже розно разбѣжались. И мы, атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ войскомъ осадили Булавина у рѣчки Айдары, бой учинили и къ нимъ приступали, и приспѣло время ночи, и мы мало отступили, однакожъ съ того мѣста свободы имъ для проходу въ Закатный городокъ не дали и караулы въ удобныхъ мѣстахъ поставили. И они, видя надъ собою нужную осаду, въ началѣ Булавинъ тайно отъ нихъ въ лѣсъ ушелъ, также и иные совѣтники единъ по единому въ лѣсъ разбѣжались, и между всѣми ими мятежъ учинился и разбѣжались. И мы, не дожидаясь свѣта, на нихъ били и, переимавъ многихъ рядовыхъ, наказаніе чинили, носы рѣзали больше ста человѣкамъ, а иныхъ плетьми били и въ Русскія городы выслали, а пущихъ заводчиковъ, близь 10 человѣкъ, повѣсили по деревьямъ за ноги, а иныхъ перестрѣляли въ смерть, а 12 человѣкъ послали къ тебѣ, великому государю". — Петръ, еще прежде присылки этого извѣстія, успокоился и написалъ Меншикову: „Мы нынѣ получили подлинную вѣдомость, что то учинилось не бунтомъ, но тѣ, которыхъ князь Юрья высылалъ бѣглыхъ, собрався ночью тайно, напали и убили его и съ нимъ десять человѣкъ, на которыхъ сами козаки изъ Черкаскаго послали нѣсколько сотъ, и въ Азовъ о томъ дали знать". Когда же получена была отписка атамана, то Петръ писалъ: „О Донскомъ дѣлѣ объявляю, что конечно сдѣлалось партикулярно, на кото-

рыхъ воровъ сами козаки, атаманъ Лукьянъ Максимовъ ходилъ и учинилъ съ ними бой, и оныхъ воровъ побилъ и побралъ и разорилъ совсѣмъ, только заводчикъ Булавинъ съ малыми людьми ушелъ, и за тѣмъ пошли въ погоню, надѣются, что и онъ не уйдетъ: и такъ сіе дѣло милостію Божіею все окончалось" [197].

Но дѣло не окончилось. Булавинъ изъ Айдарскаго лѣса ушелъ—въ Запорожье, и поселился въ городѣ Кодакѣ. Чрезъ нѣсколько времени пріѣхали туда къ нему съ Дону 40 человѣкъ съ извѣстіемъ, что можно снова начинать дѣло. Булавинъ отправился съ ними въ Сѣчь и началъ просить Запорожцевъ, чтобъ „поступили съ нимъ къ бунту". Кошевой не хотѣлъ на это согласиться, былъ скинутъ съ атаманства, и на его мѣсто выбранъ Костя Гордѣенко, „древній воръ и бунтовщикъ". Но и новый атаманъ не былъ за явный бунтъ противъ Москвы. Рѣшили: позволить Булавину прибирать вольницу, а пойти съ нимъ явно на великороссійскіе города только тогда, когда онъ призоветъ къ себѣ Бѣлгородскую и Ногайскую орды, Горскихъ Черкесъ и Калмыковъ [198]. Около Булавина собралось тотчасъ нѣсколько сотъ гультяевъ; онъ переправился чрезъ Днѣпръ, сталъ на рѣчкѣ Вороновкѣ, и разослалъ призывныя грамоты: „Атаманы молодцы, дорожные охотники, вольные всякихъ чиновъ люди, воры и разбойники! Кто похочетъ съ военнымъ походнымъ атаманомъ Кондратьемъ Аѳанасьевичемъ Булавинымъ, кто похочетъ съ нимъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поѣсть, на добрыхъ конѣхъ поѣздить, то пріѣзжайте въ черны вершины Самарскія!" [199]

Охотники до гулянья собрались; но гораздо больше дожидалось ихъ на востокѣ въ верхнихъ Донскихъ козачьихъ городкахъ, и туда перебрался Булавинъ въ началѣ 1708 года, разославъ новыя грамоты по украйнѣ: „Отъ Кондратья Булавина и отъ всего съѣзднаго войска походнаго Донскаго въ Русскіе города начальнымъ добрымъ людямъ, также и въ села и въ деревни, посадскимъ и торговымъ и всякимъ чернымъ людямъ челобитье: вѣдомо имъ

чинять, что они всѣмъ войскомъ единодушно вкупѣ въ томъ, что стоять имъ со всякимъ радѣньемъ за домъ Пресв. Богородицы и за истинную вѣру христіанскую и за благочестиваго царя, и за свои души и головы, сынъ за отца, братъ за брата, другъ за друга, и умирать за одно; а имъ всякимъ начальнымъ добрымъ людямъ и всякимъ чернымъ людямъ всѣмъ также съ ними стоять вкупѣ за одно, и отъ нихъ они обиды никакой ни въ чемъ не опасались бы, а которымъ худымъ людемъ, и княземъ, и бояромъ, и прибыльщикомъ, и Нѣмцомъ за ихъ злое дѣло отнюдь бы не молчать и не спущать ради того, что они вводятъ всѣхъ въ Еллинскую вѣру и отъ истинной вѣры христіанской отвратили своими знаменьми и чудесы прелестными; а между собою добрымъ начальнымъ, посадскимъ и торговымъ и всякимъ чернымъ людямъ отнюдь бы вражды никакой не чинить, напрасно не бить, не грабить и не разорять, и буде кто станетъ кого напрасно обижать или бить, и тому чинить смертную казнь; а по которымъ городамъ по тюрьмамъ есть заключенные люди, и тѣхъ заключенныхъ изъ тюрьмы выпустить тотчасъ безъ задержанія. Да еще имъ вѣдомо чинятъ, что съ ними козаками Запорожскіе козаки и Бѣлгородская орда, и иныя многія орды имъ козакамъ за душами руки задавали въ томъ, что они ради съ ними стать за едино. А съ того ихъ письма списывать списки, а подлиннаго письма отнюдь бы не потерять и не затаивать, а будетъ кто то письмо истеряетъ или потаитъ, и они того человѣка найдутъ и учинятъ смертную казнь. У того письма походнаго войсковаго атамана Булавина печать“ [200].

Въ Мартѣ Булавинъ явился въ городкахъ по Хопру; тутъ присталъ къ нему Пристанскій городокъ, въ которомъ было человѣкъ съ 500 козаковъ; здѣсь въ кругу Булавинъ, вынувъ саблю, говорилъ: „если своего намѣренія не исполню, то этою саблею отсѣките мнѣ голову“! По Хоперскимъ городкамъ Булавинъ разослалъ письма, чтобъ никто земли не пахалъ и никуда не отлучался, всѣ были бы въ собраніи и на службу готовы, а пришлыхъ съ Руси принимали бе-

зовзяточно. Рабочихъ, которые готовили на Хопрѣ лѣсъ въ отпускъ къ Азову, онъ велѣлъ взять къ себѣ въ полки неволею, а начальныхъ людей побить.

Азовскій губернаторъ, Иванъ Андреевичъ Толстой выслалъ изъ Азова полковника Николая Васильева, который, соединясь съ Донскимъ атаманомъ Лукьяномъ Максимовымъ, встрѣтилъ Булавина 8 апрѣля выше Паншина, на рѣчкѣ Лисковаткѣ, у Красной Дубровы. У Максимова было 3000 козаковъ, у Булавина 5000. Полковникъ и атаманъ хотѣли немедленно вступить въ битву, но бывшіе въ войскѣ Максимова козаки верховыхъ городковъ требовали пересылки съ ворами, съ которыми хотѣли уговориться: если виноватъ Булавинъ, если онъ своевольно напалъ на Долгорукаго, то пусть единомышленники выдадутъ его, если же виноватъ Лукьянъ Максимовъ, если онъ разослалъ грамоты противиться царскому указу и бить сыщиковъ, то сковать обоихъ и послать къ великому государю. На другой день, 9 апрѣля пришелъ отъ Булавина козакъ и говорилъ, чтобъ не начинать кровопролитія, а между собою сыскать виноватыхъ, и чтобъ Максимовъ отправилъ къ Булавину на разговоръ старшину Ефрема Петрова. Ефремъ Петровъ отправился и, возвратясь, собралъ войско въ кругъ, чтобъ объявить ему о своихъ переговорахъ съ Булавинымъ. Въ это самое время Булавинъ нападаетъ неожиданно на царское войско, верховые козаки измѣняютъ, переходятъ къ ворамъ, захвативши четыре пушки, порохъ, свинецъ, и 8000 рублей денегъ, присланныхъ изъ Москвы на жалованье. Царское войско было разбито, Васильевъ едва успѣлъ уйти въ Азовъ, а Максимовъ въ Черкаскъ.

Слѣдствіемъ побѣды при Лисковаткѣ было то, что за Булавина поднялись три рѣки—Хоперъ, Бузулукъ и Медвѣдица. Сѣверскій Донецъ также собрался за Булавина подъ начальствомъ Семена Дранаго. Здѣсь въ 12 городкахъ было 1680 человѣкъ козаковъ; по Хопру въ 26 городкахъ 3670 человѣкъ; по Бузулуку въ 16 городкахъ 1490 человѣкъ, по Медвѣдицѣ въ 14 городкахъ 1480 человѣкъ [201]. Тревога распространилась въ Тамбовѣ: сюда еще 18 марта пришелъ

церковный дьячекъ села Княжова Тамбовскаго уѣзда; дьячекъ былъ въ Пристанскомъ городкѣ и разсказывалъ: „воры говорятъ, чтобъ имъ достать Козловскаго воеводу, князя Волконскаго, а Булавинъ идетъ къ намъ Тамбовцамъ съ силою, при немъ съ 17,000 человѣкъ, а съ другой стороны воры ждутъ Каракалпаковъ, а намѣреніе ихъ воровски собрався всѣмъ идти въ Черкаской; воры говорили: дѣло имъ до бояръ да до прибыльщиковъ, да до подьячихъ, чтобъ всѣхъ ихъ перевесть“. Тогда же воровской отрядъ разорилъ деревни въ Тамбовскомъ уѣздѣ; воры грозились идти въ Тамбовъ и Тулу, а у Тамбовскаго воеводы Данилова не было и ста человѣкъ войска, никто въ городъ (крѣпость) не шелъ, многіе Тамбовцы говорили: „что намъ въ городѣ дѣлать? не до насъ дѣло“! Воевода велѣлъ бить въ набатъ и палить изъ пушекъ: по набату въ городъ пришло городскихъ людей человѣкъ 300: имъ роздали порохъ и свинецъ, но во время молебна, не дождавшись конца, всѣ ушли изъ крѣпости. 21 марта Тамбовскій воевода далъ знать въ Козловъ князю Волконскому, что воры отогнали лошадей съ новыхъ государевыхъ конскихъ заводовъ. Это извѣстіе впрочемъ оказалось не совсѣмъ вѣрно: 2 апрѣля писали царю изъ Москвы, что пріѣхалъ солдатъ изъ Тамбова и объявилъ: прежнія вѣдомости солгались, лошадей угнали, которые были въ дальности отъ Тамбова за валомъ, и нынѣ никакого страха въ Тамбовѣ нѣтъ [202]. По вѣстямъ отъ Волконскаго изъ Козлова Тамбовцы дѣйствительно оправились отъ страха, городскіе и уѣздные лучшіе люди говорили, что они къ бунту не склоняются, что надобно съ полками идти къ Пристанскому городку, чтобъ придать духу тѣмъ козакамъ, которые у воровъ подъ неволею. Но въ Тамбовскомъ же уѣздѣ жители деревень Корочина и Грибановки склонились къ воровству, выбрали между собою атамановъ и есауловъ-чинить расправу по казацкому обычаю. Воры разорили новонаселенныя деревни въ Тамбовскомъ уѣздѣ по рѣкѣ Воронѣ, людей, которые противились имъ, побили, другіе къ нимъ склонились, брали многихъ и по неволѣ. 30 марта пришли воры на Битюгъ, человѣкъ съ

200, засѣли острогъ, воеводу, попа, подьячихъ и многихъ другихъ Битюцкихъ жителей пограбили, воеводу сковали и намѣревались повѣсить. И въ Козловскомъ уѣздѣ воры многихъ въ свое согласіе склонили, привели къ присягѣ, выбрали атамана и есауловъ [203].

Стольникъ Степанъ Бахметевъ съ подполковникомъ Рихманомъ получили приказаніе двинуться противъ козаковъ. Но вмѣстѣ съ этимъ Петръ счелъ за нужное отправить изъ западной арміи на Донъ одного изъ лучшихъ своихъ офицеровъ, майора гвардіи, Князя Василія Владиміровича Долгорукаго, брата князя Юрія, убитаго Булавинымъ. 12 апрѣля царь написалъ Долгорукому, находившемуся въ Невлѣ: „Min Her! Понеже нужда есть нынѣ на Украйнѣ доброму командиру быть, и того ради приказываемъ вамъ оное; для чего, по полученіи сего письма, тотчасъ поѣзжай къ Москвѣ, и оттоль на Украйну, гдѣ обрѣтается Бахметевъ; а кому съ тобою быть, и тому посылаю роспись. Также писалъ я къ сыну своему, чтобъ посланы были во всѣ украинскіе городы грамоты, чтобъ были вамъ послушны тамошніе воеводы всѣ, и по сему указу изволь отправлять свое дѣло съ помощію Божіею, немѣшкавъ, чтобъ сей огонь за разъ утушить. Роспись кому быть: Бахметевъ совсѣмъ. Съ Воронежа 400 драгунъ. Съ Москвы полкъ драгунскій фонъ-Дельдена, да пѣхотный новый. Шидловскій со всею бригадою, также изъ Ахтырскаго и Сумскаго полковъ; къ тому же дворянамъ и царедворцамъ всѣмъ, и прочимъ, сколько возможно сыскать на Москвѣ конныхъ“.— Въ „разсужденіи и указѣ, что чинить г. майору Долгорукому“ Петръ написалъ: „понеже сіи воры всѣ на лошадяхъ и зѣло легкая конница, того для невозможно будетъ оныхъ съ регулярною конницею и пѣхотою достичь; и для того только за ними такихъ же посылать по разсужденію, самому же ходить по тѣмъ городкамъ и деревнямъ (изъ которыхъ главный Пристанный городокъ на Хопрѣ), которые пристаютъ къ воровству, и оные жечь безъ остатку, а людей рубить, а заводчиковъ на колеса и колья, дабы тѣмъ удобнѣе оторвать охоту къ приставанью (о чемъ вели выписать изъ книгъ князь

Юрья Алексѣевича) *) къ воровству людей; ибо сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть [204].

Долгорукій отвѣчалъ: „я поѣхалъ къ Москвѣ сего же апрѣля 21 дня на почтѣ, и какъ возможно буду убираться, чтобъ мнѣ немедленно ѣхать и мѣшкать на Москвѣ не буду, и которое, государь, указомъ мнѣ опредѣлено дѣло, надлежитъ мнѣ немедленно, прося у Бога милости, какъ возможно скорѣя тушить, чтобъ тотъ проклятой огонь больше не разгорался. Въ письмѣ, государь, написано ко мнѣ, чтобъ мнѣ выписать изъ книгъ князь Юрья Алексѣевича: и мнѣ, государь, и безъ книгъ памятно. Ежели Богъ милость свою дастъ, то буду больше дѣлать съ примѣру князь Юрья Алексѣевича, а нежели Шеина **), о чемъ отъ вашего величества довольно наслышался. Въ цыдулкѣ, государь, ко мнѣ написано, что ваше величество опасается, чтобъ я Булавину, за его ко мнѣ дружбу***), понаровки какой не учинилъ; истинно, государь, доношу: сколько возможно за его къ себѣ дружбу платить ему буду“. Распорядившись отправленіемъ Долгорукаго, Петръ написалъ Меншикову: „командира надъ всѣми тамошними войски учинилъ я маіора нашего г. Долгорукаго (понеже иного достойнаго на то дѣло не нашелъ). А чтобъ сему войску збираться на Тулѣ или въ Серпуховѣ, то я не за благо признаваю, ибо тѣмъ подано будетъ ворамъ сердце, но надлежитъ къ Воронежу или къ Козлову иттить, понеже будетъ нашихъ около 7000, съ которыми безопасно, съ помощію Божіею, наступать возможно“[205].

Петръ получалъ все дурныя вѣсти съ Дона, и потому 27 апрѣля написалъ опять Долгорукому: „я безъ сомнѣнія чаю, что вы уже указъ о ѣздѣ своей противъ воровъ получили; нынѣже паки подтверждаю, чтобъ немедленно вы по тому указу походъ свой воспріяли и спѣшили какъ возможно; понеже какъ мы слышимъ, что оные воры сбираются на усть Хопра, и хотятъ идти въ Черкаской, чтобъ воз-

*) Долгорукаго, знаменитаго воеводы царя Алексѣя Михайловича. О дѣятельности его во время Разинскаго бунта, см. нашей Исторіи т. XI.

**) Въ походѣ противъ стрѣльцовъ.

***) Убіеніе брата.

мутить Донскими козаками, чего ради наипаче поспѣшить надобно, и сей ихъ вымыселъ пресѣчь и идти туда, хотя и до Азова, дабы, ежели то правда, не точію для укрѣпленія козаковъ, но паче око имѣть о Азовѣ, дабы и тамъ чего не учинили; и хотя съ Москвы не всѣ съ тобою могутъ поспѣть, то хотя съ половиною или меньше вамъ надлежитъ идти, а достальныхъ пѣшихъ водою съ Воронежа приказать за собою отправить“ [206].

Всего больше заботясь объ Азовѣ, Петръ писалъ къ тамошнему губернатору Толстому 9 мая съ поручикомъ Пискарскимъ: „понеже вы уже извѣстны о умноженіи вора Булавина, и что оной идетъ въ низъ: того ради для лучшаго опасенія сихъ нужныхъ мѣстъ, послали мы къ вамъ полкъ Смоленскій изъ Кіева и велѣли ему на спѣхъ иттить, а сего поручика нашего г. Пискарскаго послали къ вамъ дабы увѣдать подлинно о вашемъ состояніи, и нѣтъ ли какой блазни у васъ межъ солдаты. Также (отъ чего Боже сохрани) ежели Черкаскъ не удержится, имѣешь ли надежду на своихъ солдатъ?“ На другой день царь опять писалъ Долгорукому: „смотри неусыпно, чтобъ надъ Азовомъ и Таганрогомъ оной воръ чего не учинилъ прежде вашего приходу: того для заранѣе дай знать въ Азовъ къ г. Толстому, для эха или голосу тамошнему народу, что ты идешь туды съ немалыми людьми. Также дай слухъ, что и я буду туды, дабы какова зла не учинили тайно оные воры въ Азовѣ и въ Троецкомъ. Еще вамъ зѣло надлежитъ въ осмотрѣніи имѣть и съ тѣми, которые къ воровству Булавина не пристали, или хотя и пристали, да повинную принесли, чтобъ съ оными зѣло ласково поступать, дабы, какъ есть простой народъ, они того не поняли, что ты станешь мстить смерть брата своего, что уже и нынѣ не безъ молвы межъ нихъ, чтобъ тѣмъ пущаго чего не учинить. Такожъ надлежитъ предъ приходомъ вашимъ къ нимъ увѣщательныя письма послать, и которые послушаютъ, такоже ласково съ оными поступать, а кои въ своей жесточи пребудутъ, чинить по достоинству. Такожe и сіе напоминаю вамъ, что хотя вы съ вышереченнымъ Толстымъ имѣете нѣкото-

рую противность, однако для сея причины надлежитъ оное отставить, дабы въ дѣлѣ помѣшки не было“. Къ Меншикову Петръ писалъ 16 мая: „ежели сохранитъ Господь Богъ Азовъ и Таганрогъ, то имъ (бунтовщикамъ) множиться отнюдь нельзя, понеже сверху войска, а снизу сіи городы; на Волгу и Астрахань нѣтъ имъ надежды, и для того мусятъ (должны) пропасть; только теперь какъ возможно утверждать вышерѣченныя крѣпости какъ наискоряя, въ чемъ да не оставитъ насъ Господь Богъ по своей милости“ [207].

Петръ дѣйствительно самъ думалъ ѣхать на Донъ, что видно изъ письма его Меншикову отъ 27 мая: „понеже воровство Булавина отчасу множится, и ежели Черкаской не удержится, то оные воры пойдутъ къ Азову и Таганрогу (которыя мѣста да спасетъ Господь Богъ слезъ ради бѣдныхъ христіанъ!), и хотя Богъ соблюдетъ ихъ отъ внутренняго замѣшанія, однакожъ воры всѣ дороги займутъ и водяной ходъ, тогда зѣло будетъ трудны и отчаянны оныя мѣста: чего ради объявляю, что когда король Августъ въ Польшу выступитъ, то уже не чаю жестокаго дѣла отъ непріятеля, и тогда необходимая нужда мнѣ будетъ на Донъ ѣхать, а больше не желаю съ собою, какъ двухъ или трехъ батальоновъ своего полку, дабы сей огнь (ежели до сего не истребится) съ помощію Божіею конечно истребить и себя отъ такихъ оглядокъ вольными въ сей войнѣ сочинить“ [208].

Долгорукій не успѣлъ доѣхать и до Воронежа, какъ уже опасенія Петра сбылись: Булавинъ овладѣлъ Черкаскомъ.

Послѣ сраженія при Лисковаткѣ воры раздуванили взятую казну, при чемъ досталось по два рубля съ гривною на человѣка. Булавинъ, оставивши Хоперскихъ, Бузулукскихъ и Медвѣдицкихъ козаковъ сторожить приходъ Бахметева, самъ съ остальными пошелъ внизъ по Дону, по казачьимъ городкамъ къ Черкаску. Нигдѣ не было сопротивленія охотники приставали къ Булавину, козаки изъ станицъ вывозили къ нему съ двора по хлѣбу да по чашѣ пшена и всякій другой запасъ и живность. 28 апрѣля Булавинъ съ 15,000 войска осадилъ Черкаскъ; городъ продержался не болѣе двухъ сутокъ; 1 мая козаки выдали Булавину ата-

мана Лукьяна Максимова и старшинъ: Ефрема Петрова, Обросима Савельева, Никиту Соломату, Ивана Машлыкина; ихъ отвели въ Рыковскую станицу и разсадили по избамъ за крѣпкими караулами; съ полсотни другихъ Черкаскихъ козаковъ, не желая подчиниться Булавину, ушли въ Азовъ къ Толстому. Булавинъ стоялъ за Рыковскою станицею на Буграхъ; товарищи его, Игнатій Некрасовъ и Семенъ Драный безпрестанно разъѣзжали съ разными дѣлами то въ Черкаскъ, то въ Рыковъ, то въ Скородумовскую станицу, близъ которой были частые круги. Въ одномъ изъ этихъ круговъ приговорили Лукьяна Максимова и старшину побить, привели ихъ въ кругъ, и Булавинъ билъ ихъ плетьми, допытываясь денегъ и пожитковъ. 6 мая атаману и старшинамъ отсѣкли головы. Передъ плахою Ефремъ Петровъ говорилъ воровскимъ старшинамъ: „хотя я отъ васъ и умру, но слово мое не умретъ, вы этотъ островъ такому вору отдали, а великому государю тотъ островъ знатенъ и рѣку великій государь всю очиститъ и васъ воровъ выведетъ“ [209]. Атаманъ и старшины погибли отъ бунтовщиковъ, какъ жертвы вѣрности своей къ великому государю, а Долгорукій впослѣдствіи далъ объ нихъ такое показаніе: „атаманъ Лукьянъ Максимовъ съ товарищи, отправя брата моего и давъ ему четыре человѣка изъ старшинъ для будто изволенія его величества указу, послали помянутые воры указъ на Бахмутъ къ атаману тамошнему Булавину, чтобы онъ брата убилъ; а ихъ воровской умыслъ для того былъ закрывая свое воровство, что многія тысячи людей бѣглыхъ приняли, и умыслъ ихъ воровской былъ такой: когда брата убьютъ, то тѣмъ воровство ихъ закрыто будетъ, и, видя въ то время его величество въ войнѣ великой со Шведомъ, разсудили, что за помянутою войною оставлено имъ ихъ воровство будетъ“ [210].

На мѣсто Максимова атаманомъ былъ провозглашенъ Булавинъ, который разослалъ отписки въ ближайшіе города къ царскимъ начальнымъ людямъ, давая всему своему дѣлу видъ законности. Въ этихъ отпискахъ говорилось, что козаки, собравшись съ Дона, Донца, Хопра, Бузулука и

Медвѣдицы для перемѣны старыхъ и выбора новыхъ старшинъ, пришли въ Черкаскъ и побили до смерти атамана Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова съ товарищи за ихъ неправды, что они царскаго годоваго денежнаго жалованья, также за Астраханскую службу 20,000, и что въ нынѣшнемъ году прислано 10,000, въ дуванъ ничего имъ не дали, и за иныя многія обиды и налоги. При этомъ Булавинъ требовалъ, чтобъ жена его и сынъ были отпущены изъ Валуйки къ нему въ Черкаскъ [211].

Петръ былъ очень встревоженъ, получивши извѣстіе о взятіи Черкаска Булавинымъ; это видно изъ письма его въ армію къ Меншикову, фельдмаршалу Шереметеву и министрамъ (т. е. Головину, Шафирову, князю Григорію Долгорукому): „воръ Булавинъ Черкаской взялъ и старшинъ пяти человѣкъ побилъ до смерти, и писалъ въ Азовъ войсковую отписку, что они ничего противнаго чинить не будутъ; однакожъ чаю сіе оной дьяволъ чинитъ дабы оплошить въ Азовѣ и тайно возмутить, также и къ Москвѣ послана отъ нихъ станица съ оправданіемъ, съ отпискою: однакожъ сему въ подкопѣ лежащему фитилю вѣрить не надобно; того ради необходимая мнѣ нужда мѣсяца на три туда ѣхать, дабы съ помощію Божіею безопасно тотъ край сочинить, понеже самъ знаешь, каково тотъ край намъ надобенъ, о чемъ больше терпѣть не могу“ [212].

Къ счастію опасенія Петра не оправдались. Взятіе Черкаска было послѣднимъ торжествомъ Булавина. Въ тотъ самый день, когда Булавинъ подступилъ подъ Черкаскъ, товарищъ его Лукьянъ Михайловъ Хохлачь съ отрядомъ, состоящимъ изъ 1500 человѣкъ Хоперскихъ, Медвѣдицкихъ и Бузулуцкихъ козаковъ, встрѣтился съ Бахметевымъ и Рихманомъ на рѣчкѣ Курлакѣ за Битюгомъ. У Бахметева было только 600 человѣкъ. Воры говорили: „если побьемъ царскіе полки, пойдемъ на Воронежъ, тюремныхъ сидѣльцевъ распустимъ, судей, дьяковъ, подьячихъ и иноземцевъ побьемъ“. Но, какъ видно, у нихъ была не полная надежда побить царскіе полки, потому что они отправили къ Бахметеву прелестное письмо: „Идете вы къ намъ въ

Донскіе городки для разоренья: за что вамъ разорять? Намъ до васъ дѣла нѣтъ, ни до бояръ, ни до солдатъ, ни до драгунъ; мы стоимъ за вѣру христіанскую, что почали Еллинскую вѣру вѣровать; намъ только дѣло до Нѣмецъ и до прибыльщиковъ и до неправыхъ судей". Передъ началомъ боя Хохлачь съ товарищами подъѣхалъ къ рѣкѣ, раздѣлявшей оба войска, и начали говорить тоже, что было написано въ письмѣ къ Бахметеву. Имъ отвѣчали изъ царскаго войска: „А вы зачѣмъ убили князя Юрія Владиміровича"?—„Мы его убили за то, что онъ сталъ дѣлать не противъ государева указа, и нынѣ мы стоимъ за правду; станете съ нами биться, и мы съ вами биться какъ меду пить готовы". Разговоръ въ этомъ родѣ продолжался часа съ два, а между тѣмъ царское войско переправилось за рѣку. Воры были побиты на голову; плѣнныхъ у нихъ взято 143 человѣка и три знамени [213].

Долгорукій пріѣхалъ въ Воронежъ только 12 мая, и 19 числа писалъ государю: „Какъ я пріѣхалъ на Воронежъ, не токмобъ чтобъ всѣ были въ готовности, хотябъ меньше половины было—я бы безо всякаго мѣшканія тогожъ часу пошолъ; и коего часу я пріѣхалъ, того часу послалъ указы къ Волконскому, Гагарину и другимъ, чтобъ они немедленно шли въ указныя мѣста, и они и по се число въ указныя мѣста не бывали; Шидловскій пишетъ, что ему безъ Московскихъ ратныхъ людей съ одними Черкаскими (Малороссійскими) полками идти ненадежно" [214].

Курлацкіе плѣнные были препровождены въ Воронежъ къ Долгорукому, который 15 мая написалъ царю о своихъ распоряженіяхъ относительно ихъ: „Которые воры взяты на бою 143 человѣка, въ томъ числѣ старыхъ козаковъ 23, а достальные всѣ разныхъ городовъ сходцы: и я, государь, по дорогѣ къ Пристанскому велѣлъ поставить 20 висѣлицъ и буду ихъ вѣшать 17 числа, и нѣсколько четвертовать и по кольямъ растыкать" [215]. 17 мая было назначено днемъ страшныхъ казней, а 16 Долгорукій получилъ изъ Черкаска отъ всего войска Донскаго отписку съ покореніемъ. Казни были отложены, а тутъ еще письмо отъ Пе-

тра съ внушеніемъ поступать милостиво, жестокостями не усиливать слуховъ о мести за брата. Долгорукій отвѣчалъ 25 мая: „143 человѣка казаковъ хотѣлъ я вершить, и мая 16 числа получилъ отъ всего войска Донскаго отписку съ покореніемъ винъ ихъ, и тѣмъ виннымъ казакамъ смертной казни не учинилъ для такого случая, до вашего государева указа. И мнѣ, государь, какая польза, что смерть брата своего мстить? Я желаю того: дай Богъ, чтобъ они тебѣ вину свою принесли безъ великихъ кровей". 26 мая Долгорукій доносилъ: „Зѣло казаки въ страхъ пришли и въ размышленіе и опасаются приходу твоихъ государевыхъ ратныхъ людей"[216].

Дѣйствительно въ Черкаскѣ казаки были въ страхѣ и размышленіи. Долгорукій писалъ въ послѣдствіи, что Булавинъ былъ человѣкъ глупый. Дѣйствительно походъ Булавина на Донъ послѣ битвы при Лисковаткѣ, желаніе овладѣть Черкаскомъ было дѣломъ для него гибельнымъ: онъ раздѣлилъ свои силы, далъ этимъ раздѣленіямъ возможность Бахметеву разбить Хохлача, а самъ зашелъ въ Черкаскъ и тратилъ время въ бездѣйствіи. Еслибы, на оборотъ, Булавинъ, оставя пока въ покоѣ старыхъ казаковъ, не оправившихся послѣ сраженія при Лисковаткѣ и потому не опасныхъ, бросился со всѣми силами своей голутьбы на Волгу и пошелъ вверхъ этою рѣкою, то его движеніе при незатихшемъ еще Башкирскомъ бунтѣ, при вступленіи Карла XII въ Русскіе предѣлы и при внутреннемъ неудовольствіи, возбужденномъ преобразованіями и тягостями, могло бы дать большую заботу правительству.

Уже въ первыхъ числахъ мая, тотчасъ по взятіи Черкаска и казни старшинъ, козаки начали совѣтоваться какъ бы схватить Булавина и передать въ Азовъ. Однажды въ кругу Булавинъ говорилъ многія непристойныя слова, и верховыхъ городковъ казаки ему кричали, что онъ много говоритъ, а съ повинною къ государю не посылаетъ: „Не всѣхъ ты насъ перекуешь! теперь насъ въ согласіи много, можемъ тебя и въ кругу поймать"! Булавинъ велѣлъ взять за караулъ крикуновъ, сталъ дознаваться, кто его хочетъ

схватить, началъ держать при себѣ караулъ, человѣкъ по осьми, и этими предосторожностями успѣлъ разрушить заговоръ противъ себя. Между тѣмъ челобитная царю была написана и отправлена: „Мая 2, пришедъ мы въ Черкаской, увидали за атаманомъ и старшинами многія неправды: царскаго жалованья въ дуванъ не давали, новопришлыхъ съ Руси людей многое число принимали и о заимкѣ юртовъ, безъ нашего войсковаго вѣдома, письма многія давали, и за тѣ письма многія взятки себѣ брали; по твоему указу не однихъ пришлыхъ съ Руси людей, многое число и старожилыхъ казаковъ, которые пришли лѣтъ по 20 и больше, и тѣхъ всѣхъ неволею въ Русь высылали и въ воду, ради своихъ бездѣльныхъ взятокъ, сажали, по деревьямъ за ноги вѣшали, женщинъ и младенцевъ межъ колодъ давили и всякое ругательство чинили, городки многіе огнемъ выжигали. Князя Юрія Долгорукаго убилъ не одинъ Кондратій Булавинъ, но съ вѣдома общаго, потому что князь чинилъ у розыску не противъ твоего указа. И отъ тебя, великій государь, мы никуда не откладываемся, твоихъ украинскихъ городовъ не разоряли и отнюдь не будемъ, желаемъ тебѣ служить по прежнему всѣмъ войскомъ Донскимъ и всѣми рѣками преусердно. И чтобъ твои полководцы къ городкамъ нашимъ не ходили; а буде они насильно поступятъ и какое разоренье учинятъ, въ томъ воля твоя; мы рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками тебѣ уступимъ и на иную рѣку пойдемъ“. Дѣйствительно пришли вѣсти, что Булавинъ хочетъ бѣжать на Кубань, куда послалъ письмо къ Гусейнъ-пашѣ: если государь ихъ не пожалуетъ противъ прежняго, то они отъ него отложатся и станутъ служить султану; и пусть султанъ государю не вѣритъ, что миръ: государь и за мирнымъ состояніемъ многія земли разорилъ, также и на султана корабли и всякій воинскій снарядъ готовитъ [217].

Получивши челобитную, Петръ написалъ Долгорукому 28 мая: „Ты больше надъ козаками и ихъ жилищами ничего не дѣлай, а войско сбирай по первому указу, и стань съ нимъ въ удобномъ мѣстѣ“ [218]. Долгорукій, между тѣмъ,

перешелъ изъ Воронежа въ Острогожскъ и непереставалъ жаловаться на медленный сборъ ратныхъ людей: „Царедворцы, (писалъ онъ 2 іюня), которымъ велѣно со мною, не токмо что отправлены ко мнѣ, и имянъ ихъ не прислано; а они, государь, люди молодые и богатые, тѣмъ было и служить, а они отбываютъ отъ службы, въ одномъ городѣ у одного дѣла человѣкъ пять шесть живетъ; а они, государь, зѣло нужны на этихъ воровъ: извѣстно тебѣ самому, каковы Донскіе козаки, не легулярное войско, а царедворцы на нихъ зѣло способны, на Шведовъ они плохи, а на этотъ народъ зѣло способны“ [219].

Долгорукій, по царскому указу, остановился, поджидая новыхъ полковъ; но скоро получилъ отъ Толстаго изъ Азова тревожное письмо (отъ 10 іюня): „Іюня 8 воръ Кондрашка прислалъ ко мнѣ отписку свою, въ которой пишетъ съ грозами: собрався хочетъ идти войною къ Азову и Троецкому, а меня и Азовскихъ и Троицкихъ офицеровъ хочетъ побить до смерти и иныя многія похвальныя слова пишетъ съ великими грозами. Пишетъ, что отогнали у него вора конскій табунъ и бѣжать стало ему неначемъ. И Черкаскіе природные козаки многіе Василій Фроловъ съ товарищи человѣкъ съ полпятьдесятъ ушли отъ него и живутъ нынѣ въ Азовѣ: и воръ объявляетъ мнѣ, что будто царскимъ указомъ вины имъ отданы, и чтобъ Василья Фролова съ товарищи и конскій табунъ ему отдать, а если не отдамъ, и за то пишетъ мнѣ съ великими грозами“. Кромѣ этого письма Долгорукій отовсюду получалъ вѣдомости, что Булавинъ пишетъ въ верхніе городки указы, чтобъ отъ всякаго десятка шли къ нему въ Черкаскъ по семи человѣкъ для похода подъ Азовъ: „Конечно, государь, (писалъ Долгорукій Петру) мнѣ со всѣми полками и соединясь съ Шидловскимъ, надлежитъ идти къ Азову, и за указомъ вашего величества остановился, а въ указѣ написано, чтобъ мнѣ больше надъ козаками и надъ ихъ жилищами ничего не дѣлать“ [220].

Самъ Петръ получилъ извѣстія о движеніяхъ Булавина и 12 іюня написалъ Долгорукому: „хотя предъ симъ писано

къ вамъ, чтобъ безъ указу на воровъ не ходить; а нынѣ паки разсудили мы, что лучше вамъ собрався идти къ Сѣверскому Донцу, понеже мы извѣстилися, что оной воръ послалъ на двое своихъ людей, однихъ съ Некрасовымъ водою или въ верховые городки или на Волгу, а другую посылку съ Дранымъ противъ васъ, съ которымъ только съ двѣтысячи, и ежели тотъ Драный не поворотился, то лучше надъ нимъ искать, съ помощію Божіею, такъ и надъ прочими такими жъ. Также пріѣзжій козакъ изъ Черкаскаго сказывалъ, что за посылками вышеписанными при Булавинѣ только съ 1000 ихъ осталось. Буде же весьма кротко оные сидятъ и никуда не посылаются, то лучше бы дождаться отсель посланныхъ полковъ. Прочее вручаемъ на ваше разсужденіе, по тамошнему дѣлъ обороту смотря, ибо издали такъ нельзя знать, какъ тамъ будучи“ [221].

По написаніи этого письма Петръ получилъ отъ Долгорукаго извѣстіе, что идутъ Запорожцы для соединенія съ Булавинымъ. 14 іюня новое письмо Долгорукому: „Получили мы отъ васъ вѣдомости, что Запорожцы идутъ въ случеціе къ Булавину, а не пишешь того, что ты противъ сего хочешь дѣлать; и того на крѣпко смотри, чтобъ онымъ не давать случаться, но конечно, съ помощію Божіею, на одну изъ нихъ половину, т. е. на Донскихъ, или на Запорожцевъ поди, понеже когда случатся, тогда хуже будетъ“ [222]. Мы видѣли, что сначала въ Запорожьѣ было опредѣлено позволить собираться къ Булавину только охотникамъ; но потомъ многіе начали жалѣть о такомъ рѣшеніи. 13 мая была въ Сѣчи рада: козаки кричали на куренныхъ атамановъ, для чего имъ не позволили въ великій постъ идти съ Булавинымъ? Кричали, чтобъ идти теперь на великороссійскіе города, и была между козаками битва великая, и положили было на томъ, чтобъ идти на Самарскіе города. Но въ тотъ же самый день пріѣхали изъ Кіева въ Сѣчь для служенія въ церкви монахи на перемѣну старымъ монахамъ; эти новые монахи вынесли изъ церкви въ раду Евангеліе и крестъ и начали уговарить козаковъ не начинать нечестивой войны противъ своихъ православныхъ

Русскихъ; увѣщанія подѣйствовали; раду отложили до другаго дня; а тутъ кошевой Костя Гордѣенко представилъ, что если пойдутъ они на Самарскіе города, то плохо придется тѣмъ 76 Запорожцамъ, которые поѣхали въ Москву съ челобитьемъ о жалованьѣ. Походъ на Самарскіе города былъ отложенъ, но 1500 своевольныхъ пошли на соединеніе съ Булавинымъ [223].

Ихъ ждала горькая участь. Вмѣсто того, чтобъ идти со всѣми силами или на Волгу или противъ Долгорукаго, когда тотъ еще не собрался съ полками, Булавинъ остался въ Черкаскѣ и раздробилъ свои силы, отправивъ Дранаго и Голаго на сѣверъ, а другой отрядъ на югъ къ Азову. Голый, отдѣлившись отъ Дранаго, подкрался въ расплохъ и вырѣзалъ Сумской полкъ въ Валуйскомъ уѣздѣ на порубежной рѣчкѣ Уразовой. Но 1-го іюля бригадиръ Шидловскій, подкрепленный присланнымъ отъ Долгорукаго полковникомъ Кропотовымъ, въ урочищѣ Кривая Лука, недалеко отъ рѣки Тора, встрѣтили Дранаго, у котораго было 5000 Донскихъ козаковъ и 1500 Запорожцевъ; бой продолжался три часа дня и два часа ночи, Драный былъ разбитъ и убитъ. 1500 Запорожцевъ ушли и засѣли въ Бахмутѣ, но Шидловскій досталъ ихъ и тамъ: „Нынѣ доношу, писалъ онъ Долгорукому: конклюзію учинилъ: Бахмутъ выжгли и разорили. Въ томъ воровскомъ собраніи было Запорожцевъ 1500 человѣкъ; есть намъ что и не безъ грѣха: сдавались они намъ, еднакъ въ томъ гаму намъ не донесено, воспріяли по начинанію своему“ [224].

Съ другой стороны 5 іюля 5000 воровъ подступили къ Азову; противъ нихъ вышелъ полковникъ Николай Васильевъ съ конницею, но не могъ сдержать стремительнаго натиска воровъ, которые вошли уже въ Матроскую слободу; но къ Васильеву на помощь явились четыре роты солдатъ, воры были отбиты отъ Матроской слободы и отъ лѣсныхъ припасовъ и прогнаны до рѣчки Каланчи при безпрестанной пушечной пальбѣ съ города и съ кораблей. Потерявши много своихъ, воры побѣжали къ Черкаску и много ихъ потонуло въ Дону. Бѣглецы, явившись въ Чер-

каскъ, начали кричать, что по посылкѣ Булавина подъ Азовомъ побито ихъ многое число и многіе потонули въ водѣ, а Булавинъ ихъ не выручалъ и имъ измѣнилъ, за что надобно его убить; Булавинъ ушелъ отъ нихъ и заперся у себя въ комнатѣ; но атаманъ Илья Зершиковъ пришелъ съ толпою козаковъ и началъ обстрѣливать курень; Булавинъ сначала защищался, убилъ у Зершикова двухъ человѣкъ, но потомъ видя, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, застрѣлилъ себя изъ пистолета [225].

Между тѣмъ Петръ еще 19 іюня писалъ Долгорукому: „Является изъ вашихъ писемъ нѣкоторое медленіе, что намъ зѣло непріятно; и когда дождетеся нашего баталіона Ингермонландскаго и Бильсова полковъ, тогда тотчасъ подите къ Черкаскому, и, сослався съ губернаторомъ Азовскимъ, чини немедленно, съ Божіею помощію, промыслъ надъ тѣми ворами, и которые изъ нихъ есть поиманы, тѣхъ вели вѣшать по городамъ Украинскимъ. А когда будешь въ Черкаскомъ, тогда добрыхъ обнадежь, и чтобъ выбрали атамана добраго человѣка, и по совершеніи ономъ, когда пойдешь назадъ, то по Дону лежащіе городки такожъ обнадежь; а по Донцу и прочимъ рѣкамъ лежащіе городки по сей росписи разори и надъ людьми чини по указу: надлежитъ опустошить по Хопру съ верху Пристанной по Бузулукъ; по Донцу съ верху по Луганъ; по Медвѣдицѣ по Устьмедвѣдицкой, что на Дону. По Бузулуку все. По Адару все. По Деркулѣ все. По Калитвамъ и по другимъ Задоннымъ рѣчкамъ все. А по Илавлѣ по Илавлинской, по Дону до Донецкаго надлежитъ быть такъ, какъ было“ [226].

Долгорукій былъ того же мнѣнія. Узнавши, что Булавинъ застрѣлился и на его мѣсто избранъ атаманомъ Илья Зершиковъ, онъ выступилъ къ Черкаску, и съ дороги писалъ царю 15 іюля: „Я пошелъ къ Черкаскому для лучшаго укрѣпленія казаковъ. Вашему величеству извѣстно, какіе они шаткіе люди и нынѣшній атаманъ какого онъ состоянія; какъ въ Черкаскомъ, такъ по всѣмъ городкамъ, по большимъ и по малымъ всѣ измѣнили сплошь, и

ежели въ нынѣшній случай, что они въ великомъ страхѣ отъ нашихъ полковъ, нынѣ надъ ними чего указомъ вашего величества не будетъ учинено, то конечно и впредь отъ нихъ тогожь ждать. Извѣстно вашему величеству: коли стрѣльцы бунтовали, то они всегда самые заводчики Яковы Алексѣевы съ товарищи. Въ лице выберутъ дураковъ, а сами изъ за нихъ воруютъ; такъ власно какъ въ Черкаскомъ, и во всѣхъ станицахъ первые люди всѣ сплошь воровству причастны. Коли я былъ малолюденъ, то всѣ вышеписанные воры всеконечно хотѣли меня совсѣмъ снесть; а коли я собрался и учинили поискъ надъ Дранымъ, то всѣ начали робѣть и бѣжать, и въ Черкаской Дранаго сынъ прибѣжалъ съ вѣстью, что отца его подъ Торомъ убили, и для того у нихъ лучшая надежда пропала. Василій Фроловъ кой часъ услышалъ, что Дранаго убили, то онъ и всѣ при немъ сказали: ежели въ Черкаскомъ то свѣдаютъ о Драномъ, конечно Булавина убьютъ, для того, что Булавинъ былъ дуракъ, все воровство и вся надежда была на Дранаго. Конечно подъ такой случай надобно опредѣленіе съ ними сдѣлать, чтобъ и впредь имъ нельзя не токмо дѣлать и мыслить, и вольность у нихъ убавить. Такъ, государь, доношу: которые городки вновь поселились верхніе близъ нашихъ городовъ—чтобъ конечно у нихъ отнять".

26 іюля пришелъ Долгорукій къ Черкаску на Аксай; къ нему на встрѣчу выѣхалъ атаманъ Илья Зершиковъ со всею старшиною и съ знаменами, далеко не доѣзжая до царскаго войска слезли всѣ съ лошадей, потомъ подошли къ Долгорукому, положили знамена и сами легли на землю. Долгорукій велѣлъ имъ встать. Атаманъ началъ говорить, просилъ милости у царскаго величества, отпущенія винъ, оправдывался: „какъ воръ пришелъ на островъ, мы сидѣли въ осадѣ отъ него, а другіе наши же воры, которые съ нами сидѣли, изъ Рыковскихъ станицъ, склонились къ вору и насъ выдали". Долгорукій отвѣчалъ: „Которые вѣрою служили царскому величеству, тѣ получатъ милость, а воровъ приводите ко мнѣ". 29 числа Долгорукій подошелъ

подъ самый Черкаскъ и сталъ обозомъ; сюда атаманъ и старшина привели къ нему сына и брата Булавина, да сына Дранаго и другихъ пущихъ воровъ, всего 26 человѣкъ. На другой день пришли всѣ съ крестами въ обозъ, и цѣловали крестъ и евангеліе съ великою клятвою и слезами, что имъ царскому величеству въ вѣрности быть, а кто не явится у крестнаго цѣлованія, тѣхъ побить до смерти. Долгорукій говорилъ имъ, чтобъ выдали козаковъ Рыковскихъ станицъ, которые были больше другихъ въ воровствѣ; но атаманъ и старшина отвѣчали: „Козаки Рыковской станицы положили начало въ воровствѣ, но за то и въ убійствѣ вора еслибъ не они, то Черкаскимъ жителямъ однимъ этого бы не сдѣлать“. — „Не только Рыковскіе, писалъ Долгорукій царю: всѣ сплошь Черкаскіе въ томъ воровствѣ равны, и самъ атаманъ Илья и есаулъ Соколовъ, будучи у меня, сказали, что они всѣ этому дѣлу виновны, и ежели это дѣло разыскивать, то всѣ кругомъ виновны, сами о себѣ сказали. А что ваше величество изволилъ ко мнѣ писать, чтобъ выбрать атамана человѣка добраго: и ручаться по нихъ невозможно; самому вашему величеству извѣстно и безъ нынѣшней причины, какого они состоянія, а съ нынѣшней причины и всѣ равны, одного человѣка не сыщешь, на когобъ можно было надѣяться. Одно средство—оставить въ Черкаскѣ полкъ солдатскій. А жестоко, государь, поступить мнѣ съ ними было невозможно для того, что всѣ сплошь въ воровствѣ; развѣ было за ихъ воровство всѣхъ сплошь рубить, и того мнѣ дѣлать безъ указу вашего величества невозможно“ [227]. —„Господинъ майоръ! отвѣчалъ Петръ: письма ваши я получилъ, на которыя отвѣтствую, что по городкамъ вамъ велѣно такъ жестоко поступить въ ту пору, пока еще были всѣ въ противности, и когда уже усмирилися (хотя за неволею), то надлежитъ инако, а имянно: заводчиковъ пущихъ казнить, а иныхъ на каторгу, а прочихъ высылать въ старыя мѣста, а городки жечь по прежнему указу. Сіе чинить по тѣмъ городкамъ, которые велѣно вовсе искоренить, а которые по Дону старые городки, въ тѣхъ только

въ нѣкоторыхъ, гдѣ пущее зло было, заводчиковъ только казнить, а прочихъ обнадеживать; а буде гдѣ какую противность нынѣ вновь сдѣлаютъ, то и всѣхъ подъ главу. Притомъ же и сіе вамъ возможно разумѣть, что во всякомъ къ вамъ указѣ, всегда я по окончаніи письма полагался на ваше по тамошнему состоянію дѣлъ разсужденіе, что и нынѣ подтверждаю; ибо намъ, такъ отдаленнымъ, не возможно конечнаго рѣшенія вамъ дать, понеже случаи ежедневно перемѣняются. Оставили вы полкъ въ Черкаскомъ, а то кажется не добро ради многихъ причинъ, а лучше оному быть въ Азовѣ, а когда понадобится, только тридцать верстъ оттуда. Впрочемъ благодарствую вамъ за труды ваши, въ Черкаскомъ показанные“ [228].

Трудами, показанными въ Черкаскѣ, дѣло не оканчивалось. Петръ вѣрно обозначилъ больное мѣсто, приказывая щадить городки по Дону и искоренять верховые городки по Донскимъ притокамъ, населенные сходцами, голутьбою. На Дону бунтъ прекратился смертію Булавина; но въ верховыхъ городкахъ онъ прекратиться не могъ, потому что тамъ было много людей, боровшихся противъ государства по инстинкту самосохраненія. Не смотря на то, что Булавинъ оттянулъ силы мятежа къ Дону, къ Черкаску, козаки въ самомъ началѣ перекинулись на свое широкое раздолье, на Волгу. Козаки Сиротинской станицы и другихъ городковъ, съ ними бѣглые стрѣльцы и солдаты, человѣкъ съ 1000, 13 мая пришли на Волгу и взяли безъ бою городъ Дмитріевскій на Камышенкѣ. Жители города Камышина забунтовали, мучили и побрасали въ воду офицера, полковаго писаря и бурмистровъ соляной продажи. Утвердившись на Волгѣ, козаки начали свое дѣло, поймали майора Друкорта, ѣхавшаго въ Астрахань, мучили его и убили, перехватывали и грабили суда, людей мучили. 7 іюня 3000 козаковъ изъ Паншина и другихъ городковъ пришли подъ Царицынъ. Здѣшній коммендантъ Аѳанасій Турченинъ съ 5000 царицынцевъ да съ одною ротою солдатъ, присланныхъ изъ Астрахани, сѣлъ въ малой крѣпости въ осаду, выдерживая жестокіе приступы отъ во-

ровъ. Петръ Апраксинъ послалъ къ нему на помощь изъ Астрахани полкъ солдатъ съ полковникомъ Бернеромъ; воры, не допустя его за пять верстъ до города, встрѣтили въ лодкахъ на урочищѣ Сарпинскій островъ; послѣ сильнаго бою, продолжавшагося отъ 3-го часа по полудни до ночи, раненый Бернеръ, видя многочисленность воровъ, отступилъ къ Черному Яру. Послѣ этого воры, забравъ къ себѣ съ судовъ множество рабочихъ людей, днемъ и ночью валили землю къ Царицину, засыпали ровъ, и, зажегши деревянную крѣпость, взяли ее приступомъ. Воеводѣ Турченину, послѣ мученій, отсѣкли голову, убили подъячаго, пушкаря, двоихъ стрѣльцовъ, но офицеровъ и солдатъ оставили на свободѣ, наругавшись только надъ ними въ кругахъ своихъ. Воры оставались въ Царицинѣ до 20 іюля, когда присланные изъ Астрахани полки взяли у нихъ городъ, пущихъ заводчиковъ Апраксинъ велѣлъ прислать къ себѣ въ Астрахань, а другихъ всѣхъ казаковъ и Камышинскихъ, пришедшихъ къ ворамъ на помощь подъ Царицынъ, велѣлъ въ Царицынѣ и по Донской дорогѣ вѣшать.

Для очищенія Волги отъ воровъ шелъ изъ Казани князь Петръ Ивановичь Хованскій. Когда узнали о его походѣ въ Камышинѣ, то казаки и многіе изъ Камышенскихъ жителей стали собираться бѣжать на Донъ; остальные, вмѣстѣ съ бурлаками, начали говорить имъ: „Для чего забунтовали? а теперь бѣжите на Донъ"! взяли атамана Кондратія Носова въ кругъ, спросили, куда дѣлъ порохъ и свинецъ? пошли къ нему въ домъ, вынули бочку пороху и принесли въ кругъ. Тогда другой атаманъ изъ Камышенскихъ жителей, Иванъ Земинъ, видя, что дѣло плохо, хотятъ ихъ засадить, сталъ уговаривать бурлаковъ идти съ ними вмѣстѣ на Донъ, при чемъ посулилъ бочку вина да по полтинѣ денегъ; бурлаки не преодолѣли искушенія, передались на сторону козаковъ и побѣжали съ ними вмѣстѣ на Донъ, побравши порохъ и пушки. Не хотѣвшіе бѣжать Камышенцы были прибиты и ограблены, а потомъ должны были испытать бѣду отъ Апраксина, который велѣлъ

всѣхъ ихъ забрать въ Астрахань, кромѣ стариковъ, женщинъ и дѣтей: „тѣ и сами изчезнутъ"! писалъ онъ царю [289].

Между тѣмъ Хохлачь бросился къ Саратову, былъ отбитъ и отступилъ, поджидая Некрасова; но когда пріѣхалъ къ нему Некрасовъ, явились подъ Саратовымъ Калмыки, отдѣлившіеся, какъ мы видѣли, отъ Ивана Бахметева; Калмыки ударили на воровъ и обратили ихъ въ бѣгство.

Волга была очищена до Хованскаго, который потому перешелъ на Донскіе притоки, отыскивая воровъ въ самыхъ жилищахъ ихъ. Посланные имъ Саратовцы и Калмыки взяли Перекопскій городокъ, козаковъ побили, дома ихъ выжгли и разорили безъ остатка. Узнавши, что изъ Паншина воровскіе козаки выбрались всѣ съ женами и дѣтьми, Хованскій отрядилъ вслѣдъ за ними товарища своего Дмитріева-Мамонова и Калмыковъ. 23 августа Дмитріевъ-Мамоновъ настигъ козаковъ ниже Паншина верстахъ въ 5 у рѣки Дона; воровъ было съ 4000, кромѣ женъ и дѣтей, обозъ состоялъ изъ 1000 телѣгъ. „Была баталія съ ними великая, писалъ Хованскій царю: и никогда я не помню, чтобъ такъ козаки крѣпко стояли, а болѣе того, разумѣю, что крѣпко стояли бѣглые драгуны и изъ полковъ солдаты, а наибольше полку господина фельдмаршала (Шереметева), какъ онъ шелъ снизу, такожe и другихъ полковъ" [230]. Воры потерпѣли страшное пораженіе, ушло ихъ немного, только въ двухъ лодкахъ; женщины, дѣти и обозъ достались побѣдителямъ. Хованскій выжегъ 8 городковъ; 39 городковъ добили челомъ и приведены къ присягѣ.

Въ то же самое время Долгорукій губилъ воровъ съ другой стороны. Онъ выступилъ изъ Черкаска къ верховымъ городкамъ, и 13 августа писалъ царю: „Отъ вашего величества мнѣ сказано, чтобъ мнѣ съ ними жестоко поступать, и я для того не такъ жестоко поступаю, что невозможно: и такъ къ которому городку приду, бѣгутъ въ лѣса, а иные къ Некрасову; а ежелибъ я поступилъ жестоко къ первымъ городкамъ, всѣбъ къ вору ушли" [231]. По письмамъ Некрасова, изъ 16 станицъ собралось въ Есауловъ городокъ 3000 человѣкъ съ женами и дѣтьми, и ждали Некрасова,

который обѣщалъ придти къ нимъ съ своею шайкою. Долгорукій, чтобъ не допустить до этого соединенія, оставивъ пѣхоту и обозъ, пошелъ къ Есаулову съ одною конницею и явился передъ городкомъ 22 августа; воры сѣли было въ осадѣ; но 23 числа, не смотря на то, что приступъ не удался царскимъ войскамъ, выслали съ повинной и цѣловали крестъ. Долгорукій взялъ съ собою пущихъ воровъ 10 человѣкъ, атамана Ваську Тельнаго четвертовалъ; той же казни подверглись двое монаховъ раскольниковъ, изъ которыхъ одинъ, Кириллъ не будучи попомъ, исповѣдовалъ, пріобщалъ, крестилъ и пѣлъ молебенъ о побѣдѣ надъ государевыми людьми. Другихъ, съ десятка по человѣку, перевѣшали кругомъ городка, а иныхъ, поставивъ висѣлицы на плотахъ, пустили по Дону, и казнено ихъ больше 200 человѣкъ. Некрасовъ, узнавъ объ участи Есаулова городка, побѣжалъ на Кубань съ 2000 воровъ.

Некрасовъ ушелъ; но остался еще Голый. Около него собралось тысячи съ четыре воровъ, съ женами, дѣтьми и скотиною. Въ сентябрѣ онъ пришелъ въ Донецкую станицу, по призывному письму тамошняго атамана Колычева. Недѣли съ полторы послѣ его прихода, у Донецкаго же показались царскія будары: это плылъ полковникъ Бильсъ съ солдатскимъ полкомъ и съ провіантомъ въ Азовъ. Козаки не выставили никакого сопротивленія, а Бильсъ не догадался, куда попалъ. Голый и Колычевъ явились къ полковнику на будары съ честью, съ хлѣбомъ и солью, Бильсъ отплатилъ учтивостію за учтивость, попотчивалъ ихъ виномъ и позволилъ ходить по бударамъ, осматривать пушки, свинецъ, казну. Давши Бильсу провожатыхъ, Голый и Колычевъ отпустили его Дономъ внизъ, а сами поѣхали берегомъ за нимъ вслѣдъ. Только что отплылъ Бильсъ версты двѣ отъ Донецкаго, какъ встала непогода, будары всѣ разбило и многія нанесло на мель; Голый былъ тутъ и сталъ кричать полковнику, чтобъ приставалъ къ берегу слушать царскій указъ; Бильсъ, опять ничего не подозрѣвая, присталъ къ берегу; тутъ козаки бросились къ нему на будару, самого Бильса и офицеровъ перевязали и утопили, казну

и офицерскіе пожитки между собою раздуванили, и солдатъ забрали къ себѣ въ таборы[232]. Государь, узнавши объ этомъ, написалъ Долгорукому: „зѣло печально, что уракъ Бильсъ такъ изрядной полкъ дуростью своею потерялъ“ [233].

Распорядившись съ Бильсомъ, Голый съ товарищами началъ думать, чтобъ женъ и дѣтей развести по городкамъ, а самимъ идти подъ украйные города; если Долгорукаго разобьютъ, то въ городахъ чернь къ нимъ пристанетъ, и тогда можно будетъ идти до Москвы, побить бояръ, Нѣмцевъ и прибыльщиковъ; въ этой надеждѣ утверждало ихъ извѣстіе, что Долгорукій полки распустилъ и стоитъ въ малолюдствѣ. Голый уже разослалъ прелестныя письма по Украйнѣ: „намъ до черни дѣла нѣтъ; намъ дѣло до бояръ и которые неправду дѣлаютъ, а вы голутьба всѣ идите со всѣхъ городовъ, конные и пѣшіе, нагіе и босые! идите! не опасайтесь! будутъ вамъ кони и ружья и платье и денежное жалованье; а мы стали за старую вѣру и за домъ Пресв. Богородицы, и за васъ, и за всю чернь, и чтобъ намъ не впасть въ Еллинскую вѣру. А вы, стольники и воеводы и всякіе приказные люди! не держите чернь и по городамъ не хватайте и пропускайте всѣхъ къ намъ въ Донскіе городки; а кто будетъ держать чернь и неотпускать, и тѣмъ людямъ смертная казнь“.

Долгорукій былъ въ Острогожкѣ, когда получилъ извѣстіе о судьбѣ Бильса и замыслахъ Голаго. Онъ немедленно выступилъ изъ Острогожка въ Коротоякъ, куда пришелъ 15 октября, изъ Коротояка поспѣшилъ къ Донецкому и явился подъ нимъ 26 числа. Голый и Колычевъ ушли на устье Хопра; но оставшіеся товарищи ихъ, съ 1000 человѣкъ козаковъ и бурлаковъ, встрѣтили Долгорукаго выстрѣлами; отстрѣливались часа съ полтора и не отстрѣлялись: городъ былъ взятъ, разоренъ и выжженъ безъ остатку, 150 пущихъ воровъ повѣшено. Узнавши, что Голый въ Рѣшетовой станицѣ, Долгорукій пошелъ туда и достигъ станицы 4 ноября. У Голаго было съ 7500 человѣкъ войска; воры вышли на бой; но ихъ сорвали, вогнали сперва въ городокъ, потомъ выбили изъ городка и до Дону рубили

безъ милосердія, труповъ положено съ 3000 человѣкъ, многіе потонули, иныхъ на плаву пристрѣливали, а которые переплыли, померли. Голый ушелъ самъ третей; городокъ былъ выжженъ [234].

Такъ окончилась вторая сильная, открытая борьба козачества съ государствомъ. Какъ первый (Разинскій) [235], такъ и второй (Булавинскій) бунтъ произошли вслѣдствіе умноженія сходцевъ, голутьбы на Донскихъ притокахъ, при закрытіи выхода Дономъ въ море. Козачество усиливалось на счетъ государства, вытягивая изъ послѣдняго служебныя и производительныя силы. Государство, усиленное при Петрѣ личностію государя и нуждаясь въ служебныхъ и производительныхъ силахъ для собственныхъ цѣлей, не могло позволить козачеству похищать у себя эти силы. Вопросъ былъ поставленъ ясно: государство требовало отъ козачества, чтобъ оно не расширяло своихъ владѣній на его счетъ, не строило новыхъ городковъ и не населяло ихъ бѣглецами изъ государства; козачество не слушалось, и государство рѣшилось разорить эти городки и вывести бѣглое ихъ народонаселеніе на старыя мѣста жительства; тогда бѣглецы вооружились. Но если бы даже государство и не приняло наступательнаго движенія, то нельзя думать, чтобъ обошлось безъ козацкаго возстанія, ибо накопилось много голутьбы: при отцѣ Петра государство, по слабости своей, не предпринимало наступательнаго движенія, и не смотря на то, взрывъ послѣдовалъ при томъ же необходимомъ условіи, при накопленіи горючихъ матеріаловъ. Козачество было побѣждено и при царѣ Алексѣѣ, слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, что оно было побѣждено при Петрѣ: царское войско при Петрѣ было иное, чѣмъ при отцѣ его; эта перемѣна давала возможность горсти царскаго, т. е. регулярнаго войска разбивать вдвое сильнѣйшихъ козаковъ; при томъ, еслибъ дѣло затянулось, Петръ самъ хотѣлъ ѣхать на Донъ, чего бы не сдѣлалъ отецъ его; но кромѣ того нельзя не замѣтить и другихъ причинъ скораго торжества государства: во первыхъ козачество опоздало съ своимъ движеніемъ, пропустивъ удоб-

ное время Астраханскаго бунта; во вторыхъ, заводчикъ бунта Булавинъ ослабилъ возстаніе въ самомъ началѣ, оттянувъ главныя силы съ сѣверовостока на югозападъ и потративъ много времени въ Черкаскѣ.

ГЛАВА IV.

Продолженіе царствованія Петра I Алексѣевича.

Походъ Карла XII въ Литву. — Распоряженія Петра въ Гродно. — Карлъ вступаетъ въ этотъ городъ. — Дальнѣйшія его движенія. — Болѣзнь Петра. — Укрѣпленіе Петербурга. — Укрѣпленіе Москвы. — Битва при Головчинѣ. — Военный совѣтъ въ Шкловѣ. — Карлъ въ Могилевѣ. — Битва при Добромъ. — Движеніе Карла въ Малороссію. — Битва при Лѣсной. — Состояніе дѣлъ въ Малороссіи. — Приготовленія къ измѣнѣ Мазепы. — Отношенія Мазепы къ Кочубею. — Доносъ Кочубея. — Розыскъ и казнь Кочубея. — Измѣна Мазепы. — Распоряженія Петра по этому случаю. — Универсалъ Мазепы къ полковникамъ. — Взятіе Батурина Меншиковымъ. — Избраніе новаго гетмана. — Мазепа проклятъ. — Грамота Петра къ Запорожцамъ. — Грамоты Карла къ Малороссіанамъ. — Отвѣтныя грамоты Петра и новаго гетмана Скоропадскаго. — Военныя дѣйствія въ концѣ 1708 года. — Вѣсти изъ Польши. — Отъѣздъ Матвѣева изъ Лондона. — Безчестіе, ему нанесенное. — Сношенія съ Даніею. — Съ Турціею. — Военныя дѣйствія въ началѣ 1709 года. — Петръ въ Воронежѣ. — Его неудовольствіе на Шереметева. — Сношенія Мазепы съ царемъ. — Царская грамота къ Малороссіянамъ по поводу перехваченнаго письма Мазепы къ Лещинскому. — Измѣна Запорожцевъ. — Взятіе и раззореніе Сѣчи. — Полтавская битва. Приготовленія къ предложенію войны. — Торжества.

Петръ сбирался ѣхать на Донъ: такъ опасно было въ его глазахъ козацкое возстаніе — и это въ то самое время, когда Россія одна должна была выдерживать борьбу съ непобѣдимымъ Шведомъ.

Мы видѣли, что Карлъ двинулся изъ Саксоніи въ Польшу въ Августѣ 1707 года. Ждали, что король быстро пройдетъ владѣнія своего посаженника Лещинскаго и немедленно вторгнется въ Россію; но, къ всеобщему удивленію, Карлъ четыре мѣсяца выстоялъ въ бездѣйствіи на лѣвомъ берегу Вислы. Было ли это слѣдствіемъ удали, заставлявшей предпочитать для походовъ зимнее время, какъ болѣе трудное, или, наоборотъ, Карлъ боялся осенняго пути въ Литвѣ и западной Россіи, — все равно, каждый мѣсяцъ

остановки со стороны Карла былъ выигрышемъ для Петра. Шведы, привыкшіе къ роскошному житью въ богатой Саксоніи, начали хозяйничать въ бѣдной Польшѣ, хватая все, что только могли захватить. Карлъ смотрѣлъ на грабительство солдатъ своихъ сквозь пальцы. Станиславъ Лещинскій горько жаловался, что Шведы обираютъ его подданныхъ также немилосердо, какъ и Русскіе, но на его жалобы не обращалось никакого вниманія. Французскій посланникъ, находившійся при Карлѣ, доносилъ своему двору, что Шведы питаютъ къ Полякамъ глубочайшее презрѣніе и не считаютъ ихъ достойными какого либо вниманія. Самъ Карлъ былъ такъ возмущенъ поведеніемъ Поляковъ, что не считалъ ихъ достойными никакой пощады ни относительно цѣлаго государства, ни относительно отдѣльныхъ лицъ [236].

Въ концѣ декабря Карлъ перешелъ Вислу и, не смотря на представленія о необходимости зимнихъ квартиръ, двинулся немедленно въ Литву. Морозныя ночи солдаты проводили на снѣгу подъ открытымъ небомъ. Люди гибли, еще больше гибло лошадей, за недостаткомъ которыхъ нужно было кинуть часть багажа. Но вреднѣе всего была Шведамъ враждебность жителей, которые прятались за деревьями и кустами и подстрѣливали солдатъ; однажды самъ Карлъ чуть не былъ подстрѣленъ такимъ образомъ Раздраженный король далъ приказъ вѣшать этихъ безпокойныхъ стрѣлковъ и жечь ихъ жилища. Шведы охотно исполняли приказъ королевскій: однажды захваченная шайка враждебныхъ жителей въ 50 человѣкъ было истреблена тѣмъ, что Шведы заставили несчастныхъ убивать другъ друга. Ожесточенные солдаты не щадили ни женщинъ, ни дѣтей [237].

Встрѣтивши новый 1708 годъ въ Москвѣ, царь 6 января выѣхалъ въ Гродно; вслѣдъ за нимъ долженъ былъ выѣхать адмиралъ Апраксинъ. Въ Дзенцолахъ, гдѣ стоялъ Меншиковъ, узналъ Петръ о движеніи Шведовъ къ Нѣману и отправился въ Гродно, куда пріѣхалъ 21 января. Петръ былъ извѣщенъ, что Карлъ идетъ прямо на сѣверъ, и потому сейчасъ же въ Гроднѣ принялъ свои мѣры, на другой день

послѣ пріѣзда написалъ Псковскому оберъ-коменданту Кириллу Алексѣевичу Нарышкину: „Понеже мы получили подлинную вѣдомость, что непріятель уже отсюда въ пяти миляхъ обрѣтается, и намѣреніе его конечно иттить чрезъ Ригу ко Пскову, и для того изъ уѣздовъ хлѣбъ и фуражъ весь забери въ городъ сколько возможно, и сіе немедленно учини, понеже время сего требуетъ“. Черезъ два дня, 25 числа новое письмо къ тому же: „По полученіи сего указу, тотчасъ вышли Дерптскихъ жителей на Вологду, а пожитки ихъ, кромѣ денегъ, чѣмъ могутъ кормиться, съ роспискою возьми и поставь подъ ратушу; также все какъ во Псковѣ, такъ и Дерптѣ какъ наилучше къ оборонѣ устрой (понеже время нужное настоитъ и непріятель уже у насъ явился), также и о минахъ не забудь, только пороху еще не клади“. Тутъ же написалъ Апраксину: „Какъ возможно поспѣшай въ Вильню, и буде въ Вильню уже пріѣхалъ, далѣе не ѣзди, понеже непріятель уже у насъ“ [338].

Этотъ непріятель былъ самъ Карлъ съ 800 человѣкъ конницы, поспѣшавшій по вѣсти, что царь въ Гродно. 2000 Русскихъ подъ начальствомъ бригадира Мюленфельдта должны были защищать у Гродно мостъ на Нѣманѣ; но Мюленфельдтъ не выдержалъ натиска Шведовъ и далъ имъ дорогу, за что послѣ былъ преданъ суду и бѣжалъ къ непріятелю. Карлъ 26 числа безпрепятственно вошелъ въ Гродно, два часа спустя послѣ отъѣзда оттуда Петра. 27 числа царь былъ уже въ Меречи, откуда писалъ майору гвардіи князю Василію Владиміровичу Долгорукому: „Сегодня получили мы подлинныя вѣдомости, что непріятель еще вчерась ввечеру къ Гроднѣ пришелъ; чего ради надобно вамъ немедленно маршировать вмѣстѣ съ генераломъ Репнинымъ куда ему указъ повелѣваетъ, и, идучи дорогою, провіантъ и фуражъ, также и скотину, лошадей, воловъ и овецъ забирать съ собою сколько возможно, и чего не возможно, то провіантъ и фуражъ жечь, чтобъ непріятелю въ руки не достался“. Къ Меншикову писалъ: „Мы идемъ какъ можемъ, и что по дорогѣ довлѣетъ чинимъ. — Зѣло потребно, дабы ваша милость приказалъ заднимъ (доброму и

вѣрному офицеру) дороги засѣчь гораздо не въ одномъ мѣстѣ; также и другимъ послать указъ, которые другими дороги идутъ, которое дѣло великую препону непріятелю учинитъ. Для Бога какъ наискоряя дайте знать, куды пойдетъ непріятель, чтобъ пѣхотою мочно ускорить, а я неоставлю все возможное прилагать. — Пріѣхалъ къ намъ Крюковъ, который привезъ отъ васъ письмо, чтобъ намъ поспѣшать денно и ночно: и мы дѣлаемъ какъ возможно, однакожъ, съ помощію Божіею, безопасны. Для Бога вѣрному вручи ариргарду, а не симъ плутамъ (т. е. иностранцамъ въ родѣ Мюленфельдта), которые уже явно губятъ" [239]. 28 января Петръ былъ уже въ Вильнѣ. Царь долженъ былъ смотрѣть во всѣ стороны, всюду разсылать приказанія о движеніи войскъ и оборонѣ, ибо никто не зналъ, куда пойдетъ Карлъ — въ Лифляндію или на Новгородъ, на Смоленскъ или въ Украйну? Сначала онъ двинулся изъ Гродно на сѣверовостокъ въ Сморгоны: казалось, что онъ пойдетъ на Псковъ и Новгородъ; но, постоявъ въ Сморганахъ, Карлъ двинулся къ юговостоку и надолго остался въ Радошковичахъ. Петръ, больной лихорадкою, воспользовался этою остановкою Карла, чтобъ пожить въ своемъ парадизѣ, Петербургѣ, куда пріѣхалъ 20 марта. Лихорадка измучила его, что видно изъ писемъ къ Головкину и Меншикову. Къ первому писалъ отъ 6 апрѣля: „Какъ говорятъ, гдѣ Богъ сдѣлалъ церковь, тутъ и дьяволъ алтарь: хотя я всегда здѣсь яко въ райскомъ мѣстѣ здоровъ былъ, но нынѣ не знаю, какъ съ собою привезъ лихорадку изъ Польши, хотя и гораздо осматривалъ у себя въ саняхъ и платье, ибо всю страстную седмицу мучимъ отъ нея былъ, и самой праздникъ кромѣ начала завтрени и Евангелія по болѣзни не слыхалъ; нынѣ, слава Богу, прихожу въ здоровье, и еще никуда изъ избы (а праздникъ зѣло не порядоченъ былъ, ибо какъ память моя есть, всегда бывали мы въ красномъ, а нынѣ принужденъ въ сѣромъ). Сія лихоратка купно съ гортанною и грудною болѣзнью, кашлемъ (чего здѣсь зѣло нынѣ много) сама кончилась, а не удержана, и матеріи зѣло много худой вышло, что дохторъ зѣло сему радъ

для начатія будущаго лѣченья отъ скорбутики". Черезъ день, 8 апрѣля писалъ къ тому же Головкину: „Прошу, которыя дѣла возможно безъ меня дѣлать, чтобъ дѣлали; какъ я былъ здоровъ, ничего не пропускалъ, а нынѣ Богъ видитъ, каковъ послѣ сія болѣзни, которая и здѣшнее мѣсто Польшею сочинила, и ежели въ сихъ недѣляхъ не будетъ къ лѣченію и отдохновенію времени, Богъ знаетъ что будетъ" [240]. Получивъ отъ Меншикова извѣстіе, что Шведы собираются наводить мосты на рѣкахъ, Петръ отвѣчалъ ему 14 апрѣля: „Зѣло прошу о себѣ (понеже я вѣдаю, что сія игрушка меня не минетъ), дабы первѣе не позватъ былъ, пока самая совершенная вѣдомость (и съ разсужденіемъ, что оная статця можетъ) о его непріятельскомъ походѣ прямо на войска не будетъ, дабы мнѣ хотя мало исправиться отъ болѣзни. Ибо сегодня отъ той еще только день, какъ сталъ на дворъ выходить. Также съ 20 дня сего мѣсяца буду починать лѣкарства примать отъ скорбутики первые, а въ концѣ сего мѣсяца, или въ первыхъ маія меркуріальные, для которыхъ дохтуръ сказалъ десять дней не ходить тогда изъ хоромъ. А самъ ваша милость вѣдаешь, что николи я такъ не писывалъ; но Богъ видитъ когда мочи нѣтъ, ибо безъ здоровья и силы служить не возможно; но ежели бъ недѣль пять или шесть съ сего времяни еще здѣсь побыть и лѣкарства употреблять, тобъ надѣялся, съ помощію Божіею, здоровъ къ вамъ быть. А когда необходимая нужда будетъ мнѣ ѣхать, извольте тогда послать ставить подводы; понеже о времяни томъ вы можете лучше вѣдать, нежели здѣсь" [241].

Въ это самое время, когда изнурительная болѣзнь отнимала силы, Петръ долженъ былъ слѣдить за Булавинскимъ бунтомъ, переписываться съ Долгорукимъ и Толстымъ. Въ половинѣ: „лѣчебныхъ трудныхъ дней, обезсилѣвъ отъ лѣкарства какъ младенецъ", Петръ началъ заниматься укрѣпленіемъ Петербурга: „Вчерашняго дня (писалъ Петръ Меншикову 14 мая) болварокъ Трубецкова зачали бутить, и первой камень, послѣ предика зѣло изрядново положилъ господинъ Яворской (Стефанъ митрополитъ" [242]). Но, укрѣ-

пляя свою новую столицу, Петръ озаботился и укрѣпленіемъ старой, куда скорѣе можно было ожидать Карла, чѣмъ къ Петербургу. Еще въ 1707 году Петръ послалъ статьи въ Москву къ правительствующимъ вельможамъ: „Воеводѣ быть князю Михайлѣ Алегуковичу, а товарищей прибрать ему по волѣ своей, кого и сколько похочетъ, такожъ палатнымъ и прочимъ правительствующимъ людямъ быть всѣмъ для совѣту съ нимъ. Въ гварнизонъ выбрать въ коменданты добраго человѣка и умнаго, хотябъ и незаобычнаго для того, чтобъ все приготовилъ что надлежитъ, понеже подъ часъ нужды пришлемъ добраго коменданта и нѣсколько старыхъ солдатъ. (На полѣ отмѣтка рукою Петра: Гагарину). Въ Кремлѣ и Китаѣ надлежитъ быть гварнизону въ 13,000, изъ котораго числа рекрутовъ 7000 шибаевъ, 1000 людей боярскихъ безконныхъ, 4 или 3000 изъ посаду молодыхъ, да изо всѣхъ канцелярій и приказовъ, изъ ратуши и прочихъ мѣстъ солдатъ, гдѣ оные ни сыщутся. Такожъ надлежитъ Кремль и Китай укрѣпить, для чего посланъ будетъ Василій Корчминъ и прочіе съ нимъ, къ которому дѣлу надобно по меньшой мѣрѣ 30000 человѣкъ. Весь, какъ торговой, такъ казенной монастырской (такожь и у всякого чину людей укого лишней не мало) хлѣбъ весь свесть въ Кремль и тамъ въ удобное мѣсто положить, а торговой на Житный дворъ и въ набережныя палаты и изъ нихъ продавать по прежнему, такожь и прочей хлѣбъ всякому волю для своей потребы дать, лише бъ конечно было въ Кремлѣ, понеже подъ нужный случай вскорѣ свозить будетъ невозможно, а сжечь жаль напрасно, и для того заранѣе сіе учинить надлежитъ. Въ начинаніи сему не безъ сумнѣнія и торопости будетъ въ людяхъ, того для сказать всѣмъ, что сіе дѣлается въ запасъ ради всякаго случая, понеже прежъ сего и не отъ такихъ непріятелей, но отъ бездѣльныхъ Татаръ земляной городъ дѣлали и колодези въ Кремлѣ копали и прочее къ осадѣ готовлено, и чтобъ нихто для сего безъ указу съ Москвы не убирался, не уѣзжалъ и не уходилъ подъ смертною казнію; а когда какой случай позоветъ, тогда указъ сказанъ будетъ, чтобъ всякой, убрав-

ся съ пожитками, выѣхалъ, объявя, гдѣ оной вѣдомъ и куда поѣдетъ. Конницѣ надлежитъ быть отъ 15 до 20000, а ружья какое у кого есть, однакожъ стараться, чтобъ больше огненнаго было, и сію армею управя, разставить около Москвы для конскихъ кормовъ въ такой дистанціи, чтобъ въ недѣлю могли стать на Москвѣ. Князю Петру Ив Прозоровскому (ежели сей случай будетъ) съ лучшею святынею, такожъ съ церковными и казенными богатствы и нужными посольскими письмами выѣхать по Ярославской дорогѣ до Бѣлаозера или далѣ куды случай позоветъ. Шведскаго резидента выслать въ Стекгольмъ одного съ такимъ предложеніемъ, чтобъ онъ за себя выслалъ на размѣну нашего резидента, а ежели онъ того не учинитъ, то сказать, что жену и дѣтей его сошлютъ въ Сибирь. Такожъ сказать прочимъ Шведамъ, которые на Москвѣ, отъ майора и выше, что имъ на Москвѣ жить не велѣно, но чтобъ они выбрали себѣ который хотятъ городъ (кромѣ порубежныхъ къ ихъ краю) гдѣ имъ жить и чтобъ письменнымъ паролемъ и порукою круглою обязались, что имъ безъ размѣны не уйтить и что къ злу сему государству не чинить, то позволено имъ жить въ тѣхъ мѣстахъ безъ караулу. Слободскихъ (Нѣмецкой слободы) иноземцевъ каждаго народа межъ собою перепоручить, а по комъ порукъ не будетъ, тотчасъ выслать къ городу (Архангельску), и оттоль на корабляхъ, а ежели изъ мастеровыхъ по комъ поруки не будетъ, послать въ Казань. По дорогамъ изъ городовъ (кромѣ тѣхъ, которые велѣно крѣпить), селъ и деревень отъ Серпуховской до Новгородской, зачавъ отъ ста верстъ отъ Москвы до самой границы, чтобъ учинили по прежнему указу приготовленіе себѣ, скоту и хлѣбу заранѣе, однакожъ нихтобъ до указу домовъ своихъ, пашенъ и всякихъ промысловъ отнюдь не покидалъ подъ смертною казнію, а когда случай будетъ и другой указъ о выходѣ изъ домовъ придетъ, тогда бъ всѣ въ уготованныя мѣста со всѣмъ вышли. Городы: Серпуховъ, Можайскъ, Тверь по возможности укрѣпить и полисадировать. Серебряныя вещи казеннаго приказа, патріарши и монастырскія и въ прочихъ

мѣстахъ, гдѣ оныя ни есть, кромѣ самыхъ старыхъ и диковинокъ, все передѣлать въ монеты и отнюдь оныхъ денегъ не давать въ расходъ безъ особливаго указа“ [243].

Въ слѣдствіе этого указа 7 января 1708 года бояре въ ближней канцеляріи учинили опредѣленіе, что „имъ съѣзжаться въ понедѣльникъ, среду и пятокъ. На Москвѣ у городовой крѣпости въ нынѣшней зимѣ быть работѣ на четырехъ болверкахъ; со всѣхъ чиновъ жителей къ дѣлу Московской крѣпости взять работниковъ у кого въ домѣ сколько дымовъ есть, съ трехъ дымовъ по одному работнику, а у кого дымовъ въ число работника не достанетъ, и тѣмъ людямъ, складываясь, давать работниковъ. Всякихъ чиновъ людямъ Московскимъ жителямъ, гдѣ которые чины вѣдомы, сказать, чтобъ они въ нужный случай готовы были всѣ и съ людьми“ [244].

Все было приготовлено, чтобъ незванные гости встрѣтили пустыню во внутренности государства. Въ іюнѣ Карлъ выступилъ изъ Радошковичей на востокъ къ Борисову для переправы черезъ Березину. У Борисова стоялъ Русскій отрядъ, чтобъ затруднить Шведамъ переправу; Карлъ повернулъ въ другую сторону, пошелъ чрезъ непроходимые лѣса и болота и переправился гораздо ниже подъ мѣстечкомъ Сапѣжинская Березина, въ пяти миляхъ отъ мѣстечка Головчина. Шереметевъ и Меншиковъ рѣшились задержать непріятеля при переправѣ чрезъ небольшую, но болотистую рѣчку Бибичь. 2 іюля Меншиковъ писалъ царю изъ-подъ Головчина: „Наша кавалерія, занявъ постъ подлѣ Головчина и далѣе на потребныхъ пасахъ стала, и потомъ, для лучшаго удержанія непріятеля, разсудили мы заблаго и пѣхоту дивизіи фельдмаршала Шереметева и генерала князя Репнина сюдажъ взять, которыя уже пришли, и на томъ пасѣ онаго (непріятеля), гдѣ рѣчка, и болота, и лѣса, елико возможно держать будемъ, ибо оной нынѣ съ нами объ одной той рѣчкѣ въ виду обрѣтается, и ежели оный станетъ переправливаться, то хотя и съ нѣкоторымъ урономъ своимъ держать его будемъ, понеже и онъ принужденъ будетъ такожъ своихъ людей

потерять, а къ главной баталіи насъ принудить ему за узкими дороги и переправы трудно; токмо дай Вышній, дабы ваше величество къ намъ вскорѣ прибылъ. А взятые языки сказываютъ, что все его войско къ намъ собралось, съ которымъ наша легкая конница, непрестанно переѣзжая за рѣчку, имѣютъ стравки. Полоняники единогласно сказываютъ, что въ войскѣ его конницы и пѣхоты больше 30,000 не будетъ, и въ провіантѣ имѣютъ они скудость, а непріятель хочетъ идти за Днѣпръ и искать съ нами баталіи, о которой мы, по указу вашего величества, до пришествія вашего, остерегаться по возможности будемъ, и безъ крайней нужды въ оную не вступимъ.

3 іюля произошла битва при Головчинѣ. Главная Русская армія, при которой находились Шереметевъ и Меншиковъ, занимала середину; на правомъ крылѣ, въ трехъ миляхъ, при Климочахъ, стояли генералы Аллартъ и Флюкъ, на лѣвомъ, въ двухъ верстахъ, князь Репнинъ, и въ четверти мили отъ него фельдмаршалъ-лейтенантъ Гольцъ; князь Мих. Мих. Голицынъ, сторожившій движенія Шведскаго корпуса Реншёльда, стоялъ на верховьяхъ рѣки Бибича, между главною арміею и Аллартомъ. Узнавши отъ перебѣжчика, что Карлъ намѣренъ напасть на правое крыло, Шереметевъ и Меншиковъ особенно усилили послѣднее; но „непріятель о третьемъ часу по полуночи, паче чаянія, пошелъ всею пѣхотою своею на дивизію князя Репнина, который стоялъ влѣво отъ фельдмаршала Шереметева за марастомъ и лѣсомъ (у котораго за командированными въ остаткѣ было около пяти тысячь), и пришедъ непріятель еще въ темноту, въ туманъ и дождь, съ большею частію артиллеріи своей, началъ по ономъ стрѣлять жестоко, и подъ тою стрѣльбою, въ самомъ болотномъ мѣстѣ, сдѣлалъ мосты понтонами и, перешедъ, пошелъ во флангъ на транжементъ князя Репнина, хотя отрѣзать отъ коммуникаціи съ нами. Репнинъ принужденъ былъ отступить къ лѣсу, гдѣ непріятель на онаго жестоко наступилъ и по жестокомъ бою, котораго часа три или четыре было, отступя, пришелъ Репнинъ въ слученіе къ намъ безъ великаго уро-

ну; а противъ Шереметева и Меншикова дивизій поставилъ непріятель въ прикрытіи за Головчинымъ знатную часть кавалеріи, которая такожде являлась къ переходу въ готовности; а въ наступленіи на генерала Репнина, перешедъ непріятельская кавалерія, пошла на кавалерію нашу подъ командою Гольца, съ которымъ у непріятеля былъ великій бой пять часовъ на обѣ стороны съ урономъ, и оной, по жестокомъ отпорѣ непріятелю, какъ и мы, не хотя съ непріятелемъ въ главную баталію вступить и не имѣя къ тому удобнаго мѣста, отступили къ Днѣпру; наша дивизія къ Шклову, а Гольца къ Могилеву, Алларту и Флюку велѣли идти къ Копоси, и, переправясь Днѣпръ, разрядя всѣ войска, будемъ непріятеля еще держать по возможности. Кромѣ уступленія мѣста, непріятелю изъ сей баталіи утѣхи мало" [245].

Такъ донесъ Меншиковъ царю о Головчинской битвѣ и ея слѣдствіяхъ. Петръ былъ уже на дорогѣ изъ Петербурга къ арміи, когда получилъ вѣсть объ этой битвѣ; на первыхъ порахъ онъ написалъ Апраксину, оставленному защищать новопріобрѣтенный край: „Я зѣло благодарю Бога, что наши прежде генеральной баталіи видѣлись съ непріятелемъ хорошенько, и что отъ всей его арміи одна наша треть такъ выдержала и отошла" [246]. Потомъ, узнавши подробнѣе дѣло, Петръ написалъ Меншикову: „Понеже въ прошедшей окказіи подъ Головчинымъ, дивизіи генерала князя Репнина многіе полки пришли въ конфузію, и, не исправя должности своей, и покинувъ пушки, не порядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и тѣ козацкимъ, а не солдатскимъ боемъ, и про сіе злое поведеніе генералу князю Меншикову накрѣпко розыскать, начиная съ перваго до послѣдняго, со всякою правдою, не маня, ниже посягая, но истиною, какъ стать предъ судомъ Божіимъ, ибо долженъ будетъ надъ симъ розыскомъ присягу учинить" [247]. До насъ дошло оправдательное письмо Репнина къ государю: „Ежели мнѣ изволите причесть въ вину, что у меня не было диспозиціи въ полкахъ и будто непріятеля не держалъ и отступилъ вскорѣ: и такого по-

вѣренія о диспозиціи у насъ никогда не было; а непріятеля мнѣ держать было больше невозможно безъ сикурсу, и въ такое многое время, сколько я непріятеля держалъ, возможно было съ обѣихъ сторонъ довольное вспоможеніе мнѣ учинить и непріятеля въ конфузію привести; еще жъ во всю потребу управлялъ вездѣ одинъ я, понеже генералъ Чамберсъ человѣкъ уже слабой, а и прочіе офицеры, которые тутъ были, не токмо бы съ ними совѣтовать, и во управленіи искусства не всѣ довольнаго, чего ради слезно прошу, дабы ваше величество Божеское милостивое ко мнѣ милосердіе показали, понеже кромѣ вашего высокаго милосердія предстателя себѣ не имѣю". Но уже послѣ этого (5 августа) царь написалъ Шереметеву, чтобъ учинилъ крихсратъ и по приговору воинскаго суда исполнилъ штрафы немедленно [248].

На четвертый день послѣ Головчинской битвы, 6 іюля въ Шкловѣ былъ держанъ военный совѣтъ (генеральный консиліумъ), на которомъ приговорили: „Понеже непріятель, по вѣдомости, маршируетъ къ Могилеву, а оное мѣсто осадить (приготовить къ осадѣ отъ непріятеля) за пространностію и упрежденіемъ непріятельскимъ трудно, того ради приговорено: перебрався на сю сторону Днѣпра, стать всей кавалеріи и конной пѣхотѣ по Днѣпру отъ Шклова до Могилева, и онаго (непріятеля) по возможности держать и переправленіе чрезъ Днѣпръ боронить, а пѣхотѣ всей итить къ Горкамъ съ артилеріею и съ обозами, а когда невозможность явится онаго переправленію чрезъ Днѣпръ возбранить, и тогда уступать и конницѣ каждой дивизіи куды способнѣе добрымъ порядкомъ до Горокъ, и тамо, соединясь съ пѣхотою, смотрѣть на непріятельскіе оброты и куды обратится — къ Смоленску или къ Украйнѣ — трудиться его упреждать". Подписались: генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ, генералъ князь Меншиковъ; министры: графъ Головкинъ, князь Григорій Долгорукій; генералы: Гольцъ, Репнинъ, Аллартъ, Брюсъ, Ренъ, Дальбонъ [249].

Карлъ дѣйствительно вступилъ въ Могилевъ и засѣлъ здѣсь надолго: онъ дожидался прихода Левенгаупта изъ

Лифляндіи съ 16,000 войска, артиллеріею и провіантомъ; дожидался еще вѣстей — о возстаніи Малороссіи противъ царя. Петръ наблюдалъ за нимъ изъ Горокъ, и съ удовольствіемъ видѣлъ уменьшеніе силъ непріятеля и опасное положеніе, въ которомъ онъ находился въ слѣдствіе скудости продовольствія. 23 іюля царь писалъ Апраксину: „Иного писать не имѣемъ, только что непріятель стоитъ въ Могилевѣ по прежнему тихо, и конечно подъ Головчиномъ потерялъ половину драбантовъ своихъ (которые всѣ офицеры майорскаго рангу), такожъ генералъ Врангель убитъ и два полковника, прочихъ офицеровъ со сто на мѣстѣ побито (кромѣ драбантовъ) и больше тысячи рядовыхъ; ранены генералъ отъ пѣхоты, также офицеровъ и рядовыхъ зѣло много. По вся дни имѣемъ переметчиковъ отъ непріятеля не точію иноземцевъ, но и природныхъ Шведовъ, которые единогласно говорятъ такъ, какъ выше писано, и голодъ имѣютъ великой“ [250].

Не дождавшись Левенгаупта, Карлъ въ началѣ августа выступилъ изъ Могилева и направилъ путь къ юговостоку къ Чирикову на рѣкѣ Сожѣ. Походъ былъ тяжелъ для голоднаго войска по опустошенной странѣ; солдаты сами должны были снимать съ поля колосья и молоть ихъ между камнями, а тутъ еще льютъ безпрерывные дожди, и негдѣ укрыться и высушиться. Явилось необходимое слѣдствіе сырости и дурной пищи — болѣзни, солдаты говорили, что у нихъ три доктора: докторъ Водка, докторъ Чеснокъ и докторъ Смерть [251]. Узнавши о выходѣ Карла изъ Могилева, царь выступилъ также изъ Горокъ въ Мстиславль, безпокоя Шведовъ легкими войсками, мѣшая имъ переправляться чрезъ Сожъ. Карлъ повернулъ на сѣверъ, къ Мстиславлю, на встрѣчу Русской арміи. Встрѣча произошла у мѣстечка Добраго, на рѣчкѣ Черной Напѣ, 29 августа. Видя, что правое непріятельское крыло поотдалилось отъ корпуса на четверть мили, Петръ, по отправленіи генеральнаго консилія, двинулъ на него генераловъ князя Мих. Мих. Голицына и Флюка. Объ исходѣ дѣла царь такъ увѣдомлялъ своихъ: „По двучасномъ непрестанномъ огнѣ Голи-

цынъ и Флюкъ непріятелей сбили и съ 3000 трупомъ, кромѣ раненыхъ, положили, знамена и прочее побрали. Потомъ король Шведской самъ на сикурсъ пришолъ, однако же наши отошли отъ нихъ, кромѣ разоренія строю (т. е. въ порядкѣ). Надежно вашей милости пишу, что я, какъ и началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слыхалъ и не видалъ (дай Боже и впредь такъ!) и такого еще въ сей войнѣ король Шведской ни отъ кого самъ не видалъ. Боже! не отъими милость свою отъ насъ впредь" [252].

Русская армія, послѣ сраженія при Добромъ, отступила опять къ сѣверу; Карлъ шелъ за нею нѣсколько времени и опять остановился. Ждалъ Левенгаупта, Левенгауптъ не приходилъ; а между тѣмъ ѣсть было нечего. Матвѣевъ доносилъ изъ Гаги: „Изъ секрета здѣшняго Шведскаго министра сообщено мнѣ отъ друзей, что Шведъ, усмотря осторожность царскихъ войскъ и невозможность пройти къ Смоленску, также по причинѣ недостатка въ провіантѣ и кормахъ, принялъ намѣреніе идти въ Украйну, во первыхъ потому, что эта страна многолюдная и обильная и никакихъ регулярныхъ фортецій съ сильными гарнизонами не имѣетъ; во вторыхъ Шведъ надѣется въ вольномъ козацкомъ народѣ собрать много людей, которые проводятъ его прямыми и безопасными дорогами къ Москвѣ; въ третьихъ, по близости можетъ имѣть удобную пересылку съ ханомъ Крымскимъ для призыву его въ союзъ, и съ Поляками, которые держатъ сторону Лещинскаго; въ четвертыхъ, наконецъ, будетъ имѣть возможность посылать козаковъ къ Москвѣ для возмущенія народнаго". Карлъ 14 сентября повернулъ къ Украйнѣ; Левенгауптъ остался на жертву Русскимъ.

Левенгауптъ былъ у Шклова, когда получилъ отъ Карла извѣстіе, что онъ идетъ въ Украйну, и приказаніе спѣшить къ Стародубу. Это извѣстіе было громовымъ ударомъ для Левенгаупта и его подчиненныхъ: двѣ рѣки, Днѣпръ и Сожъ отдѣляли ихъ отъ главной Шведской арміи, и между этими двумя рѣками стоялъ царь. 21 и 22 сентября

Левенгауптъ перешелъ Днѣпръ у Шклова и началъ пробираться тайкомъ на югъ; онъ подкупилъ Жида, и тотъ увѣдомилъ царя, что Шведы еще на правомъ берегу Днѣпра. Русскіе начали было переправляться на этотъ берегъ, какъ встрѣтился шляхтичь Петроковичь, который объявилъ, что Шведы давно уже на лѣвомъ берегу. Петръ погнался за Левенгауптомъ теперь уже по настоящей дорогѣ. 27 сентября онъ настигъ Шведовъ недалеко отъ Пропойска, при деревнѣ Лѣсной. 28-го въ часъ по полудни начался кровавый бой, и продолжался до вечера; на другой день поскакали курьеры съ письмами къ Ромодановскому, Апраксину, Долгорукому и другимъ: „Объявляю вамъ, что мы вчерашняго числа непріятеля дошли, стоящаго зѣло въ крѣпкихъ мѣстахъ, числомъ 16,000, которой тотчасъ насъ изъ лѣсу атаковалъ всею пѣхотою во флангъ; но мы тотчасъ три свои регимента швенкель противъ ихъ учинили, и прямо давъ залфъ, на оныхъ пошли. Правда, хотя непріятель зѣло жестоко изъ пушекъ и ружья стрѣлялъ, однакожъ онаго сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ конницѣ; и потомъ непріятель паки въ бой вступилъ, и начавъ часъ послѣ полудня даже до темноты бой сей съ непрестаннымъ зѣло жестокимъ огнемъ пребывалъ, и непріятель не все отступалъ, но и наступалъ, а викторіи нельзя было во весь день видѣть, куды будетъ; на послѣди, милостію побѣдодавца Бога, онаго непріятеля сломивъ, побили на голову, такъ что трупомъ съ 8000 на мѣстѣ осталось (кромѣ что по лѣсамъ отъ ранъ померло и Калмыки побили); обозъ весь, съ 2000 телѣгъ, 16 пушекъ, 42 знамя и поле совсѣмъ осталось намъ. P. S. Генералъ Флюкъ непріятеля бѣгущаго достигъ въ Пропойску, изъ которыхъ больше 500 на мѣстѣ положилъ, да въ плѣнъ взяли 45 человѣкъ офицеровъ, 700 рядовыхъ, а потомъ еще многихъ непрестанно въ нашъ обозъ привозятъ и сами приходятъ изъ лѣсовъ; такожъ и достальной обозъ съ 3000 телѣгъ взяли. А достальные Шведы побѣжали въ низъ по рѣкѣ Сожѣ, и въ шести миляхъ вплавь за рѣку переплыли, за которыми сзади Калмыки гнали и зѣло много побили. Также брегадиръ Фатсманъ,

которой за Сожею съ командированными драгуны былъ и при переправѣ оныхъ также многихъ побили“ [253].

У Русскихъ подъ Лѣснымъ изъ 14000 человѣкъ было побито 1111, ранено 2856; у Шведовъ изъ 16,000 по русскому счету взято въ плѣнъ 876 человѣкъ, на мѣстѣ побитыхъ тѣлъ перечтено 8000; но страшная потеря состояла въ томъ, что Левенгауптъ явился къ Карлу безъ военныхъ и съѣстныхъ припасовъ, на которые была такая надежда въ главной арміи Шведской; наконецъ битва подъ Лѣснымъ имѣла еще то печальное слѣдствіе для Шведскихъ солдатъ, что они потеряли прежнюю самоувѣренность, тогда какъ на Русскихъ побѣда подъ Лѣснымъ произвела совершенно другое впечатлѣніе: „Сія у насъ побѣда можетъ первая назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало; къ тому жъ еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ. И по истиннѣ оная виною всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи, понеже тутъ первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталіи, какъ ободреніемъ людей такъ и временемъ, ибо по девятимѣсячномъ времени оное младенца счастіе произнесла“ [254]. На сѣверѣ такая же участь постигла Любекера, который вторгнулся въ Ингерманландію, и принужденъ былъ оставить ее, потерявши 3000 человѣкъ, всѣхъ лошадей и военные припасы [255]. При такомъ-то благопріятномъ оборотѣ дѣлъ Петръ вдругъ узналъ объ измѣнѣ Мазепы.

Мы подробно слѣдили за событіями въ Малороссіи и видѣли, въ какомъ странномъ и печальномъ состояніи находилась эта страна. Мы видѣли, какъ въ ней произошелъ важный переворотъ, смѣна землевладѣльцевъ. Вмѣсто прежнихъ Польскихъ или ополячившихся пановъ на первомъ планѣ явилось войско, козаки, съ своими начальными людьми, съ своимъ верховнымъ вождемъ, гетманомъ. Войско тяжело налегло на остальное народонаселеніе, городское и сельское. Началась борьба. Гетманы стали стремиться къ увеличенію своей власти на счетъ войска, къ наслѣдственности; чтобъ не зависѣть отъ шумной войсковой чер-

ной рады, хотѣли упрочить свое положеніе то посредствомъ Польши, то посредствомъ Москвы, и не достигали своей цѣли; кромѣ Богдана Хмѣльницкаго ни одинъ изъ нихъ не кончилъ хорошо, постоянно свергались они своими. Начальные люди, войсковые старшины, полковники стремились также упрочить свое положеніе, стать землевладѣльцами и пріобрѣсть какъ можно больше власти надъ землевладѣльческимъ народонаселеніемъ этихъ земель; полковникамъ хотѣлось управлять своими полками, т. е. городами и уѣздами ихъ какъ можно самостоятельнѣе, не отдавая отчета ни гетману, ни войску, а главное, не отдавая отчета въ доходахъ и расходахъ. Простымъ козакамъ, разумѣется, не нравилось это стремленіе гетмана и старшины; имъ хотѣлось поддержать первоначальное, простое, демократическое козацкое устройство, чтобы гетманъ и старшина, избираемые войскомъ, находились въ полной зависимости отъ него, не смѣли возноситься надъ войсковою массою, властительски обходиться съ нею. Это демократическое, казацкое стремленіе находило постоянную опору въ Запорожьѣ, представлявшемъ козацкое общество во всей первобытной чистотѣ: отсюда постоянно раздавались голоса противъ гетмана—боярина Московскаго, противъ старшинъ, которые, вышедши изъ рядовъ простыхъ казаковъ, стремятся стать землевладѣльцами и рабовладѣльцами. Неудовольствія и волненія были всегдашнія; сюда присоединялось еще неудовольствіе горожанъ, которымъ тяжко было казацкое иго, которые звали Московскаго воеводу какъ освободителя отъ притѣсненій казацкаго полковника. При такихъ условіяхъ положеніе гетмана обѣихъ сторонъ Днѣпра войска запорожскаго было очень тяжело. Выкрикнутый на шумной радѣ, онъ съ первагоже дня своего гетманства былъ окруженъ людьми, которые при первомъ неудовольствіи, при первомъ сопротивленіи гетмана ихъ произволу, становились его врагами, искали случая свергнуть его, подмѣчали его малѣйшее движеніе, малѣйшее слово, чтобъ заподозрить его въ Москвѣ передъ царемъ. Вотъ что писалъ Мазепа Голови-

ну 4 октября 1705 года, вступивъ съ войскомъ въ Польшу: „Не дай Боже исполниться тѣмъ поговоркамъ, которыя пронеслись, какъ скоро я вошелъ въ Польшу, съ такими лядскими похвалками, чтобъ и одной казацкой ноги назадъ изъ Польши не выпустить. Надѣяться не накого, кромѣ единаго Бога, ибо силы великаго государя далеко, а у референдаря короннаго войска мало, съ полторы тысячи человѣкъ; да и на наши войска надѣяться нечего, потому что привыкли они или бѣгать или гетмана съ старшиною въ руки непріятелю отдавать: сдѣлали они это подъ Вчорайшимъ, гдѣ выдали гетмана своего Наливайко и старшину въ руки Ляхамъ; сдѣлали тоже и подъ Кумейками, выдали гетмана Павлюка; въ третій разъ сдѣлали тоже подъ Боровицею, не хотя терпѣть облеженія отъ Ляховъ“. Гетманъ хорошо зналъ, какому произволу предаются начальные люди и долженъ былъ смотрѣть на это сквозь пальцы, чтобъ не возбудить противъ себя неудовольствія между знатью, и въ тоже время не долженъ былъ спускать глазъ съ Запорожья, куда переносили свои жалобы недовольные простые козаки. А Москва? довольны ли тамъ? нѣтъ ли туда доноса?

Старшина, полковники хотѣли жить по своей волѣ, распоряжаться въ странѣ, не стѣсняясь ни войскомъ, ни государствомъ; простые казаки хотѣли также жить по своей волѣ, держать въ рукахъ начальныхъ людей, и, безъ надзора со стороны государства, кормиться на счетъ народонаселенія, ничего не дѣлая, ничего не платя. Государство не могло сносить долго подобнаго положенія дѣлъ. Съ первыхъ годовъ подданства безпрестанныя безурядицы, смуты, измѣны со стороны войска и его начальниковъ, постоянныя жалобы мирнаго народонаселенія Малороссіи на то же войско и его начальныхъ людей, постоянное стремленіе этого мирнаго народонаселенія высвободиться посредствомъ государства изъ подъ полковаго козацкаго управленія и войти въ непосредственное отношеніе къ государству. „Непостоянство Черкасъ“, шатающихся между царемъ, королемъ и султаномъ, входитъ въ пословицу

въ Великой Россіи. Благодаря этому непостоянству, затягивается разорительная война съ Польшею, начинается опасная война съ Турціею, а Черкасы все продолжаютъ мѣнять гетмановъ, все продолжаютъ посылать на нихъ доносы въ Москву. Не повѣрилъ царь Алексѣй Михайловичь доносу на Выговскаго, и Выговскій измѣнилъ; вѣрно, казалось, служилъ бояринъ и гетманъ Брюховецкій—и тотъ измѣнилъ; наученные опытомъ, доносу на Многогрѣшнаго уже повѣрили, доносу на Самойловича повѣрили или, по крайней мѣрѣ, уступили желанію озлобленной на гетмана старшины, и вотъ стали говорить, что повѣрили доносамъ напрасно, оба гетмана свергнуты по клеветѣ. Русскому правительству не приходилось оставаться долго въ такомъ унизительномъ положеніи, быть игрушкою въ рукахъ козацкой старшины. Тяжелыя обстоятельства времени царя Алексѣя, Θеодора Алексѣевича и правленія Софьи не позволяли Русскому правительству думать о преобразованіи безуряднаго быта Малороссіи; но съ обнаруженіемъ самостоятельной дѣятельности Петра, на козаковъ Малороссійскихъ, преимущественно на ихъ начальныхъ людей, напалъ страхъ: царь, который съ такою энергіею, незнающею препятствій, вводитъ преобразованія въ Великой Россіи, неужели оставитъ Малую при ея прежнемъ бытѣ? И вотъ началось для старшины тревожное, мучительное состояніе, ежедневное ожиданіе перемѣнъ, при которыхъ уже конечно нельзя будетъ распоряжаться такъ, какъ прежде распоряжались.

Въ такое-то критическое время гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра войска Запорожскаго былъ Мазепа. Ни одинъ гетманъ не пользовался такимъ уваженіемъ въ Москвѣ какъ онъ. Петръ зналъ хорошо затруднительное положеніе гетмана въ Малороссіи, и тѣмъ болѣе цѣнилъ способности и усердіе Мазепы, умѣвшаго исполнять царскія повелѣнія. Мвзепа не получилъ и конечно не добивался, какъ Брюховецкій, сана боярскаго, нелюбимаго въ Малороссіи и потерявшаго свое прежнее значеніе въ Великой Россіи; но Петръ сдѣлалъ гетмана однимъ изъ первыхъ кавалеровъ

новоучрежденнаго ордена Андрея Первозваннаго; король Августъ, въ угоду царю, прислалъ Мазепѣ свой орденъ Бѣлаго Орла. Сановники, управлявшіе посольскимъ и вмѣстѣ Малороссійскимъ приказомъ, относились къ гетману чрезвычайно почтительно. Столкновеніе съ царскимъ дядею, Львомъ Кириловичемъ Нарышкинымъ не имѣло для Мазепы никакихъ вредныхъ послѣдствій. У Нарышкина была карлица, родомъ Малороссіянка, которая уѣхала къ себѣ на родину и не хотѣла возвращаться назадъ въ Москву. Старикъ сильно разогорчился и съ угрозами требовалъ у Мазепы, чтобъ тотъ выдалъ ему карлицу. Гетманъ по этому случаю писалъ Головину: „Еслибъ та карлица была сирота безродная, неимѣющая такъ много, а наипаче знатныхъ и заслуженныхъ казаковъ родственниковъ своихъ: тогда бы я для любви боярина его милости, множество грѣховъ покрывающей, хотябы и совѣсти моей христіанской нарушилъ (понеже то есть не безгрѣшно кого неволею давати или даровати, когдажъ она не есть бусурманка и не невольница), приказалъ бы я ту карлицу, по неволѣ въ сани кинувъ, на дворъ его милости къ Москвѣ допровадить. Но она хотя карлица, возрастомъ и образомъ самая бездѣлица, однако роду добраго казацкаго и заслуженнаго, понеже и отецъ ея на службѣ монаршеской убитъ: для того трудно мнѣ оной карлицѣ неволею и насиліе чинить, чѣмъ бы самымъ наволокъ на себя плачливую отъ родственниковъ ея жалость и отъ стороннихъ людей въ вольномъ народѣ порицаніе“ [256]. Карлицу взяли помимо гетмана, который и успокоился.

Со стороны Москвы бояться было нечего Мазепѣ: царь любилъ его, уважалъ и никакимъ доносамъ на него не вѣрилъ. Не смотря на то, положеніе гетмана было тяжело, ибо это было положеніе между двухъ огней: между требованіями государства съ одной стороны, и между требованіями людей, вовсе непривыкшихъ подчиняться требованіямъ государства. Петръ требовалъ, чтобъ Малороссія приняла одинаковое участіе съ Великою Россіею въ войнѣ Шведской, приказывалъ гетману двигаться въ Польскія

владѣнія на помощь королю Августу, требовалъ козачьихъ полковъ въ Ингрію, въ Лифляндію, посылалъ ихъ къ Паткулю въ Польшу, заставлялъ козаковъ укрѣплять Кіевъ. Все это возбуждало сильное неудовольствіе, особенно при страхѣ преобразованій; не говоря уже о неудовольствіи Запорожцевъ по поводу построенія крѣпости Каменнаго Затона. Мазепа изворачивался какъ могъ, могъ роптать, жаловаться на свое положеніе; но подчинялся силѣ обстоятельствъ, и конечно умеръ бы вѣрнымъ слугою царскимъ, еслибъ судьба не привела къ Русскимъ границамъ Карла XII.

Передъ глазами стараго гетмана, хваставшагося своею опытностію, искусствомъ житейскимъ, окончательно розыгрывалась страшная борьба. На одной сторонѣ былъ непобѣдимый король съ непобѣдимымъ войскомъ, на другой царь, лучше другихъ сознававшій недостаточность своихъ средствъ въ борьбѣ, послѣ тяжкаго пораженія подъ Нарвою постоянно избѣгавшій встрѣчи съ страшнымъ врагомъ, и теперь отступавшій передъ нимъ и пославшій укрѣплять старую свою Москву. Какой помощи послѣ того ждать отъ царя для Малороссіи? можетъ ли эта страна противиться врагу собственными силами, и, главное, захочетъ ли при томъ сильномъ неудовольствіи на Москву и на царя? Если это неудовольствіе выскажется въ приходъ врага, что̀ станется съ гетманомъ, вѣрнымъ слугою царскимъ? Какая же охота погибать и изъ за чего? Въ послѣднемъ вопросѣ заключалась сущность дѣла. Умѣй гетманъ отвѣчать на него положительно — онъ остался бы вѣренъ Россіи въ годину испытанія. Но Мазепа, который въ Москвѣ считался драгоцѣннымъ исключеніемъ, человѣкомъ, преданнымъ царю и царству среди непостоянныхъ, шатающихся Черкасъ, Мазепа вовсе не былъ исключеніемъ; Мазепа не былъ представителемъ той массы Малороссійскаго народа, для которой православіе было началомъ, недопускавшимъ никакихъ сдѣлокъ, для которой всякій иновѣрецъ былъ врагъ, а Ляхъ,—католикъ врагъ непримиримый, для которой мысль о возможности соединенія съ Польшею была нестерпима;

Мазепа былъ именно представителемъ этого испорченнаго поколѣнія шатающихся Черкасъ; мы знаемъ его воспитаніе: [257] слуга Польскаго короля смолоду, бѣдою занесенный на Украйну къ козакамъ, слуга Дорошенка, слѣдовательно присяжникъ Турецкаго султана, потомъ случайно перекинутый на восточный берегъ Днѣпра, слуга гетмана Самойловича и потому присяжникъ царскій, Мазепа такъ часто перемѣнялъ присягу, что эта перемѣна стала ему за обычай, и если онъ былъ вѣренъ, то только по расчету. Вотъ почему Мазепа отвѣтилъ отрицательно на представившійся ему вопросъ: изъ за чего погибать? Когда нѣтъ внутреннихъ могучихъ побужденій жертвовать всѣмъ чему-нибудь, не колеблясь, не расчитывая, тогда обыкновенно ищутъ и легко находятъ причины, почему не надобно жертвовать. При Московскомъ подданствѣ одни только непріятности, неизвѣстно, придется ли умереть гетманомъ, честолюбивый фаворитъ Меншиковъ подъ хмѣлькомъ проговаривается; съ помощію Шведскаго короля можно и облегчить положеніе Малороссіи и устроить собственныя дѣла, а если что-нибудь не такъ, можно помириться съ царемъ.

Въ 1705 году, когда Мазепа стоялъ лагеремъ подъ Замостьемъ, явился къ нему какой то Францишекъ Вольскій съ тайными предложеніями отъ короля Станислава Лещинскаго; Мазепа, выслушавъ его наединѣ, призвалъ стрелѣцкаго полковника Анненкова, постоянно находившагося при гетманѣ, велѣлъ ему взять Вольскаго за караулъ, допросить съ пыткою о непріятельскихъ намѣреніяхъ, и потомъ отослать въ оковахъ въ Кіевъ къ тамошнему воеводѣ, а прелестныя письма Станиславовы отослалъ къ царю при слѣдующемъ собственномъ письмѣ: „Уже то на гетманскомъ моемъ урядѣ четвертое на меня искушеніе, не такъ отъ діавола, какъ отъ враждебныхъ недоброхотовъ, ненавидящихъ вашему величеству добра, покушающихся своими злохитрыми прелестями искусить мою неизмѣнную къ в. в—ству подданскую вѣрность, и отторгнуть меня съ войскомъ Запорожскимъ отъ высокодержавной в. в—ства руки. Первое отъ покойнаго короля Польскаго Яна Собеска-

го, который шляхтича Доморацкаго присылалъ ко мнѣ съ прелестными своими письмами: Доморацкаго и письма я тогда же отослалъ въ приказъ Малыя Россіи. Второе отъ хана Крымскаго, который во время возвращенія отъ Перекопи съ княземъ Василіемъ Голицынымъ прислалъ ко мнѣ плѣннаго козака съ письмомъ, въ которомъ уговаривалъ, чтобъ я или соединился съ нимъ или отступилъ отъ войскъ вашихъ и не давалъ имъ никакой помощи. Письмо это я тогда же вручилъ князю Голицыну. Третье отъ Донцовъ раскольниковъ Капитоновъ, отъ которыхъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Батуринъ ясаулъ Донской, склоняя къ своему враждебному замыслу, чтобъ я съ ними ополчился на вашу державу великороссійскую, обѣщая, что и ханъ Крымскій со всѣми ордами придетъ на помощь: эсаула я отослалъ тогда же для допроса въ Москву. А теперь четвертое искушеніе отъ короля Шведскаго и отъ псевдокороля Польскаго Лещинскаго, который прислалъ изъ Варшавы въ обозъ ко мнѣ шляхтича Вольскаго; я приказалъ распросить его съ пыткою и распросныя рѣчи посылаю ко двору в. в—ства, а его самого Вольскаго для того не посылаю, что дорога не безопасна: боюсь, чтобъ его не отбили. И я, гетманъ и вѣрный вашего царскаго величества подданный, по должности и обѣщанію моему, на божественномъ Евангеліи утвержденному, какъ отцу и брату вашему служилъ, такъ нынѣ и вамъ истинно работаю, и какъ до сего времени во всѣхъ искушеніяхъ аки столпъ непоколебимый и аки адамантъ несокрушимый пребывалъ такъ и сію мою малую службишку повергаю подъ монаршескія стопы". Потомъ Мазепа перешелъ на зимнія квартиры въ Дубно; племянникъ его Войнаровскій съ полковникомъ Чернышемъ находились при государѣ въ Гродно, а Прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко, въ званіи наказнаго гетмана, стоялъ тамъ же у Гродно при арміи съ двумя Малороссійскими полками, своимъ и Кіевскимъ. Въ это время Мазепа вдругъ получаетъ длинное письмо отъ Горленка, наполненное жалобами на дурное обхожденіе съ козаками великороссійскихъ начальныхъ и подначальныхъ людей; между прочимъ Горленко

писалъ, что однажды стащили его и провожавшихъ его съ лошадей, которыхъ забрали подъ подводы; а Иванъ Чернышъ прислалъ къ Мазепѣ копію съ царскаго указа, по которому будто бы два козацкіе полка, Кіевскій и Прилуцкій посылались въ Пруссію для изученія ратнаго дѣла и для устроенія изъ нихъ регулярныхъ драгунскихъ полковъ. Выслушавши эти письма и копію съ указа, которыя прочелъ передъ нимъ довѣренный его писарь Орликъ, Мазепа сказалъ: „какого жъ намъ добра впередъ надѣяться за наши вѣрныя службы? другой бы на моемъ мѣстѣ не былъ такимъ дуракомъ, что по сіе время не приклонился къ противной сторонѣ на такія пропозиціи, какія присылалъ мнѣ Станиславъ Лещинскій!“ Спустя нѣсколько времени пріѣзжаетъ въ Дубно самъ Горленко и разсказываетъ, что притворился больнымъ и подъ этимъ предлогомъ выпросился изъ царской арміи, подаривши генералу Ренне нѣсколько добрыхъ коней и 300 ефимковъ; убѣжалъ онъ такимъ образомъ, боясь, чтобъ не послали въ Пруссію и не устроили въ драгуны, за что цѣлое войско козацкое возненавидѣло бы его, Горленка, какъ человѣка, который положилъ начало этому противному регулярному строю.

Скоро послѣ пріѣзда Горленка въ Дубно, Мазепа получаетъ приглашеніе отъ князя Вишневецкаго пріѣхать къ нему въ Бѣлую Криницу, чтобъ быть воспріемникомъ его дочери. Мазепа отправился и сблизился тамъ съ кумою своею, матерью князя Вишневецкаго, по второму мужу княгинею Дольскою, съ которою имѣлъ дневныя и ночныя конференціи. По возвращеніи въ Дубно, Мазепа велѣлъ Орлику написать благодарственное письмо княгинѣ, при чемъ послалъ къ ней ключь цифирной азбуки для дальнѣйшей секретной переписки, и чрезъ нѣсколько дней получилъ отвѣтъ цифрами: „уже я послала куда слѣдуетъ съ донесеніемъ объ истинной вашей пріязни.“ Въ 1706 году, будучи въ Минскѣ, Мазепа получилъ еще маленькое цифирное письмо отъ Дольской, извѣщавшей, что какой-то король посылаетъ къ нему свое письмо. Когда Орликъ прочелъ ему это письмецо Дольской, Мазепа сказалъ, засмѣявшись:

„Дурная баба! хочетъ черезъ меня царское величество обмануть, чтобъ его величество, отступя короля Августа, принялъ въ свою протекцію Станислава, и помогъ ему утвердиться на Польскомъ престолѣ, за что обѣщаетъ подать такіе способы, которыми легко можетъ царское величество Шведа побить; я уже о томъ ея дурачествѣ государю говорилъ, и его величество смѣялся.“ Въ Кіевѣ получено новое письмо отъ Дольской, въ которомъ она просила, чтобъ Мазепа начиналъ преднамѣренное дѣло, чтобъ былъ увѣренъ въ скорой помощи отъ цѣлаго Шведскаго войска изъ Волыни и въ исполненіи всѣхъ своихъ желаній, на что пришлется къ нему ассекурація короля Станислава и гарантія короля Шведскаго. Выслушавъ это письмо, Мазепа разъяренный вскочилъ съ постели и началъ бранить княгиню: „проклятая баба обезумѣла! прежде меня просила, чтобъ царское величество принялъ Станислава въ свою протекцію, а теперь пишетъ совсѣмъ другое; бѣснуется баба! хочетъ меня, искусную, ношеную птицу обмануть! пропалъ бы я, еслибъ далъ себя бабѣ обмануть; возможное ли дѣло, оставивши живое, искать мертваго, и отплывъ отъ одного берега, другаго не достичь. Станиславъ и самъ не крѣпокъ на своемъ королевствѣ, рѣчь посполитая раздвоена: какой же можетъ быть фундаментъ безумныхъ прельщеній той бабы? Состарѣлся я, служа царскому величеству, и нынѣшнему, и отцу, и брату его вѣрно, не прельстили меня ни король Польскій Янъ, ни ханъ Крымскій, ни Донскіе козаки, и теперь, при кончинѣ вѣку моего, единая баба хочетъ меня обмануть!“ Сказавши это, Мазепа сжегъ письмо и велѣлъ Орлику написать отвѣтъ: „Прошу вашу княжую милость оставить эту корреспонденцію, которая меня можетъ погубить въ житіи, гонорѣ и на субстанціи; не надѣйся, ни помышляй о томъ, чтобъ я при старости моей вѣрность мою царскому величеству повредилъ“.

Долго послѣ этого не было цифирныхъ писемъ отъ Дольской; но вотъ опять пришло письмо: баба ловко закинула сѣть на искусную, ношеную птицу! Княгиня писала изо Львова, разказывала, какъ она крестила у кого то ребенка

съ царскимъ фельдмаршаломъ Борисомъ Петр. Шереметевымъ, вмѣстѣ потомъ обѣдали; она сидѣла за столомъ между Шереметевымъ и генераломъ Ренне; въ разговорѣ упомянула она случайно имя Мазепы, отозвавшись объ немъ съ похвалою; Ренне сказалъ ей на это: „Умилосердись Господи надъ этимъ добрымъ и разумнымъ господиномъ; онъ бѣдный не знаетъ, что князь Александръ Даниловичъ яму подъ нимъ роетъ и хочетъ, отставя его, самъ въ Украйнѣ быть гетманомъ." Шереметевъ подтвердилъ слова Ренне. Дольская спросила: „Для чего жъ никто изъ добрыхъ пріятелей не предостережетъ гетмана!" — „Нельзя, отвѣчалъ Шереметевъ: мы и сами много терпимъ, но молчать принуждены".

Птица попалась. Выслушавъ письмо, Мазепа сказалъ Орлику: „Знаю я и самъ очень хорошо, что они и объ васъ, и обо мнѣ думаютъ: хотятъ меня уконтентовать княженіемъ Римскаго государства, а гетманство взять, старшину всю выбрать, города подъ свою область захватить и воеводъ или губернаторовъ въ нихъ поставить, а если бы воспротивились, за Волгу перегнать и своими людьми Украйну населить. Сами вы слышали, чего вамъ надѣяться, когда князь Александръ Даниловичъ въ квартирѣ моей въ Кіевѣ во время бытности царскаго величества на ухо мнѣ говорилъ: пора теперь за этихъ враговъ приниматься! Въ другой разъ слышали вы, какъ тотъ же Александръ Даниловичъ публично княженія себѣ Черниговскаго просилъ, чрезъ которое стелетъ путь къ гетманству". Расходился старый гетманъ, припомнилъ всѣ свои обиды; вспомнилъ великое себѣ уничиженіе и поруганіе, когда царь въ 1706 году послалъ Меншикова съ кавалеріею на Волынь, а ему Мазепѣ приказалъ идти за нимъ и исполнять его приказанія. „Не такъ бы мнѣ печально было, говорилъ Мазепа, когда бы меня дали подъ команду Шереметеву или иному какому великоименитому и отъ предковъ своихъ заслуженному человѣку". Вспомнилъ гетманъ и второе поруганіе и обманъ все отъ того же Меншикова: положилъ съ нимъ Меншиковъ на словѣ—выдать за мужъ сестру свою за племян-

ника гетманскаго Войноровскаго; но когда потомъ Мазепа напомнилъ Меншикову объ этомъ, то онъ отвѣчалъ: „нельзя, царское величество самъ хочетъ на сестрѣ моей жениться“. —„Свободи меня, Господи, отъ ихъ господства!“ закончилъ свои жалобы Мазепа и велѣлъ Орлику написать Дольской съ благодарностію за пріязнь и предостереженіе.

Упомянутый Мазепою случай, когда Меншиковъ шепталъ ему на ухо объ искорененіи старшины, происходилъ такимъ образомъ: въ 1706 году въ Кіевѣ просилъ гетманъ царя къ себѣ на обѣдъ; послѣ обѣда Меншиковъ, будучи немножко шуменъ, взялъ Мазепу за руку, сѣлъ съ нимъ на лавку, и, наклонясь къ нему, сказалъ на ухо, но такъ громко, что близь стоявшіе старшины могли слышать: „гетманъ Иванъ Степановичь! пора теперь приниматься за этихъ враговъ!“ Мазепа отвѣчалъ ему на ухо, но такъ громко, что всѣ опять могли слышать: „Не пора!“ Меншиковъ продолжалъ: „Не можетъ быть лучшаго времени, какъ теперь, когда здѣсь самъ царское величество съ главною арміею“. Мазепа отвѣчалъ: „Опасно будетъ, не конча одной войны съ непріятелемъ, другую начинать внутреннюю“. Меншиковъ сказалъ на это: „Ихъ ли враговъ опасаться и щадить? какая отъ нихъ польза царскому величеству! Прямо ты вѣренъ государю, но надобно тебѣ знаменіе этой вѣрности явить и память по себѣ въ вѣчные роды оставить, чтобъ и будущіе государи вѣдали и имя твое ублажали, что одинъ такой былъ вѣрный гетманъ Иванъ Степановичь Мазепа, который такую пользу государству Россійскому учинилъ“. Въ это время царь всталъ съ своего мѣста и разговоръ Меншикова съ Мазепою прекратился. Гетманъ, проводивши царя и возвратившись съ старшиною и полковниками во внутреннюю свою комнату, говорилъ имъ: „Слышали все? всегда мнѣ эту пѣсенку поютъ, и на Москвѣ, и всюду; не допусти имъ только Боже исполнить что думаютъ“.

Съ этихъ-то поръ начался ропотъ между полковниками, который все болѣе и болѣе усиливался въ слѣдствіе военныхъ тягостей. Началась постройка Кіевопечерской крѣ-

пости; чрезъ Малороссійскіе города то рекрутъ ведутъ въ главную армію, то начальные люди ѣдутъ, то многочисленные обозы движутся; полковники безпрестанно являются къ гетману съ жалобами, что приставы у крѣпостнаго строенія козаковъ палками по головамъ бьютъ, уши шпагами обсѣкаютъ; что козаки, оставивши домы свои, сѣнокосы и жнитво, терпятъ на царской службѣ зной солнечный; а тамъ великороссійскіе люди домы ихъ грабятъ, разбираютъ и палятъ, женъ и дочерей насилуютъ, коней и скотину и всякіе пожитки забираютъ, старшину бьютъ смертными побоями. Миргородскій полковникъ, Даніилъ Апостолъ говорилъ Мазепѣ: „Очи всѣхъ на тебя обращены, и не дай Боже надъ тобою смерти: тогда мы останемся въ такой неволѣ, что и куры насъ загребутъ". Прилуцкій полковникъ Горленко говорилъ: „Какъ мы за душу Хмельницкаго всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украйну отъ ига ляцкаго свободилъ; такъ, на оборотъ, и мы, и дѣти наши въ вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ по смерти своей въ такой неволѣ оставишь".

Въ 1707 году Мезепа поѣхалъ къ государю въ Жолкву, былъ на военномъ совѣтѣ. Неизвѣстно, чѣмъ его тамъ обидѣли, только послѣ совѣта не пошелъ онъ обѣдать къ царю, и у себя цѣлый день ничего не ѣлъ, и говорилъ: „Если бы я Богу такъ вѣрно и радѣтельно служилъ, то получилъ бы наибольшее мздовоздаяніе; а здѣсь хотя бы въ Ангела превратился, не могъ бы за службу и вѣрность свою никакой получить благодарности". На другой или третій день приносятъ письмо Меншикова къ компанейскому полковнику Танскому. Мазепа, прочтя письмо, вскочилъ въ бѣшенствѣ съ своего мѣста, потому что въ письмѣ было приказаніе Танскому идти къ Меншикову: „Можетъ ли быть бóльшее поруганіе, посмѣяніе и уничиженіе моей особѣ? кричалъ гетманъ: всякій день князь Александръ Даниловичь со мною видится, всякій часъ со мною конверсуетъ и, не сказавши мнѣ ни единаго слова, безъ моего вѣдома и согласія, ордонансы людямъ регименту моего посылаетъ! И кто же тамъ Танскому безъ моего указа мѣсячныя деньги и

провіантъ выдастъ? и какъ онъ можетъ безъ воли моей идти куда-нибудь съ полкомъ своимъ, которому я плачу? А еслибъ пошелъ, то я бъ его велѣлъ какъ пса разстрѣлять. Боже мой! ты видишь мою обиду и уничиженіе". Тутъ, какъ нарочно, пріѣзжаетъ іезуитъ Заленскій съ предложеніями перейти на сторону Карла и Станислава Лещинскаго, и Мазепа не подвергаетъ его пыткѣ, не отсылаетъ къ царю. А между тѣмъ неудовольствія между старшиною и полковниками становятся все сильнѣе и сильнѣе. Приходитъ царскій указъ объ устроеніи козаковъ на подобіе слободскихъ полковъ; старшина и полковники въ отчаяніи, только и разговоровъ, что это переходъ къ устроенію въ драгуны и солдаты, страшный ропотъ, собранія у обознаго Ломиковскаго, особенно у Миргородскаго полковника Апостола, совѣтуются о способахъ, какъ защитить вольность Малороссійскую отъ насилій Московскихъ, читаютъ Гадяцкій договоръ, заключенный при переходѣ Выговскаго на Польскую сторону. Мазепа ни въ чемъ не принимаетъ участія, молчитъ и ждетъ: искусная, ношеная птица!

16 сентября 1707 года въ Кіевѣ Мазепа получилъ вмѣстѣ съ письмами отъ княгини Дольской и письмо отъ Станислава Лещинскаго. Взявши это письмо изъ рукъ Орлика, распечатавшаго конвертъ, гетманъ видимо испугался, письмо выпало изъ рукъ его: „О проклятая баба, погубитъ меня!" промолвилъ онъ; долго послѣ того сидѣлъ молча, задумавшись; наконецъ сказалъ обращаясь къ Орлику: „Съ умомъ борюсь: посылать ли это письмо къ царскому величеству или нѣтъ? Завтра посовѣтуемся объ этомъ, а теперь ступай домой и молись Богу, да яко же хощетъ устроитъ вещь, можетъ твоя молитва пріятнѣе моей, потому что ты по христіанству живешь. Богъ самъ вѣсть, что я не для себя дѣлаю, но для васъ всѣхъ и женъ и дѣтей вашихъ". Была ночь. Орликъ, возвратясь домой, взялъ два рубля денегъ и пошелъ раздавать ихъ монахамъ и монахинямъ, нищимъ, калѣкамъ, которые лежали въ шалашахъ и богадѣльняхъ печерскихъ, чтобъ Богъ избавилъ его отъ бѣды. Бранили его нищіе, когда онъ ночью стучал-

ся къ нимъ въ шалаши, думали сначала, что воръ. На другой день, 17 сентября, Орликъ рано уже былъ у Мазепы, и засталъ гетмана сидящимъ въ концѣ стола, и передъ нимъ крестъ съ животворящимъ древомъ; увидавши Орлика, Мазепа началъ говорить: „Такъ какъ теперь передъ тобою не могло то утаиться, то предъ Всевѣдущимъ Богомъ протестуюсь и присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, не для большаго обогащенія и не для иныхъ какихъ-нибудь прихотей, но для васъ всѣхъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей отчизны бѣдной Украйны, всего войска Запорожскаго и народа Малороссійскаго и для повышенія и расширенія правъ и вольностей войсковыхъ хочу то при помощи Божіей чинить, чтобъ вы такъ отъ Московской, какъ и отъ Шведской стороны не погибли. А если бы я для какихъ нибудь приватныхъ моихъ прихотей то дерзалъ чинить, побей меня Боже и невинная страсть Христова на душѣ и на тѣлѣ“. Проговоривши это, поцѣловалъ крестъ и, обратившись къ Орлику, сказалъ: „Надѣюсь я на тебя крѣпко, что ни совѣсть твоя, ни цнота (добродѣтель), ни почтивость, ни природная кровь шляхецкая не допуститъ тебя, чтобъ мнѣ, пану и благодѣтелю своему, измѣнилъ; однако, для лучшей конфиденціи, присягни“. Орликъ присягнулъ, но замѣтилъ: „Ежели викторія будетъ при Шведахъ, то вельможность ваша и мы всѣ счастливы; а ежели при царѣ, то и мы пропадемъ, и народъ погубимъ“. Мазепа отвѣчалъ: „Яица курицу учатъ! Или я дуракъ прежде времени отступить, пока не увижу крайней нужды, когда царь не будетъ въ состояніи не только Украйны, но и государства своего отъ потенціи Шведской оборонить. Уже я въ Жолквѣ предлагалъ царю, что ежели король Шведскій и Станиславъ съ войсками своими раздѣлятся, и первый пойдетъ въ государство Московское, а другой въ Украйну, то мы войскомъ нашимъ безсильнымъ, частыми походами и войною зруинованнымъ не можемъ оборониться, и просилъ царя, чтобъ намъ хотя 10,000 отъ войскъ своихъ регулярныхъ въ сукурсъ далъ; но царь мнѣ отвѣчалъ: не

только десять тысячь, и десяти человѣкъ не могу дать, обороняйтесь сами, какъ можете. Это меня заставило послать ксенза Тринитара, капелляна княгини Дольской въ Саксонію, чтобъ тамъ, видя мою къ себѣ инклинацію, по непріятельски съ нами не поступали; однако вѣрность мою къ царскому величеству до тѣхъ поръ буду непремѣнно продолжать, пока не увижу, съ какою потенціею Станиславъ къ границамъ Украинскимъ придетъ, и какіе будутъ войскъ Шведскихъ въ государствѣ Московскомъ прогрессы; и если не сила наша будетъ боронить Украйны и себя, то для чего же имѣемъ сами въ погибель лезть и отчизну погубляти?“ Станиславу Мазепа отвѣчалъ 18 сентября, что указа его не можетъ исполнить и что-либо начать по слѣдующимъ причинамъ: 1) Кіевъ и другія фортеціи въ Украйнѣ великими гарнизонами осажены, подъ которыми козаки, какъ перепелица отъ ястребовъ, не могутъ головы поднести. 2) Потенція вся царская въ Польшѣ, недалеко отъ Украйны. 3) Въ Украйнѣ начальные и подначальные, духовные и мірскіе, какъ разныя колеса, не въ единомысленномъ согласіи: одни благоволятъ въ протекціи Московской, другіе склонны къ протекціи Турецкой, третьи любятъ побратимство Татарское, чиня то съ природной къ Полякамъ антипатіи. 4) Самусь съ прочими полковниками, по недавнихъ бунтахъ, опасаясь отъ войскъ Польскихъ отмщенія, едва ли могутъ склониться къ Рѣчи Посполитой: для того надобно прежде стараться войско и цѣлый народъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра привести къ единомыслію. 5) Гетманъ имѣетъ всегда при себѣ нѣсколько тысячь войска великороссійскаго, которое бодрымъ окомъ смотритъ на всѣ его поступки 6) Рѣчь Посполитая еще раздвоена. Одно обѣщалъ Мазепа: не вредить ни въ чемъ интересамъ Станислава и войскамъ Шведскимъ [258].

Слабый, замѣшанный въ борьбу между сильными, Мазепа искалъ спасенія себѣ и отчизнѣ, маткѣ Украйнѣ въ хитрости, двоедушіи, не хотѣлъ разрывать съ царемъ, а между тѣмъ, на всякій случай, сносился съ Станиславомъ. Но эти сношенія могли ли оставаться тайною въ Малорос-

сіи, знаменитой тогда доносами на гетмановъ? Искусная, ношеная птица, Мазепа зналъ это очень хорошо, и не переставалъ трепетать съ тѣхъ поръ, какъ завелъ сношенія съ врагами царскими. Орликъ зналъ тайну, и гетманъ боялся Орлика, говорилъ ему: „Смотри, Орликъ, додержи мнѣ вѣрность! вѣдаешь ты, въ какой я у царскаго величества милости, не промѣняютъ тамъ меня за тебя; я богатъ, а ты бѣденъ, а Москва гроши любитъ; мнѣ ничего не будетъ, а ты погибнешь“. Но донесъ на Мазепу не Орликъ.

Мы уже встрѣчались въ нашемъ разказѣ съ генеральнымъ судьею Кочубеемъ, видѣли, какъ падало на него подозрѣніе по поводу замысловъ свойственника его Петрика. Подозрѣніе оказалось неосновательнымъ, Кочубей продолжалъ оставаться съ прежнимъ значеніемъ и даже сблизился, породнился съ гетманомъ: одна изъ дочерей его вышла замужъ за племянника Мазепина, Обидовскаго; у Кочубея была еще другая дочь, Матрена, крестница гетманская. Мазепа, овдовѣвши, вздумалъ жениться во второй разъ, не смотря на преклонныя лѣта, и сдѣлалъ предложеніе крестницѣ своей Матренѣ Кочубеевой. Отецъ и мать отказали на основаніи церковнаго запрещенія. Но дочь смотрѣла иначе на дѣло: овладѣла ли дѣвушкою странная, хотя и не безпримѣрная страсть къ старику, стоявшему выше другихъ не по одному гетманскому достоинству, или дѣйствовало честолюбіе, желаніе быть гетманшею, — только она позволила себѣ убѣжать изъ отцовскаго дома въ гетманскій. Возвратившись назадъ по настоянію Мазепы, она продолжала съ нимъ переписку. Нѣкоторыя письма гетмана любопытны, напримѣръ: „Мое серденко! Зажурилися, почувши отъ дѣвки (присланной Матреною) такое слово, же ваша милость за зле на мене маешь, и же вашу милость про себѣ не задержалемъ, але одослалъ до дому; уважь сама, щобъ съ того виросло: першая: щобъ твои родичи по всемъ свѣтѣ разголосили, же взявъ у насъ дочку у ночѣ кгвальтомъ и держитъ у себѣ мѣсто подложницѣ. Другая причина, же державши вашу милость у себѣ, я бымъ не моглъ жадною (никакою) мѣрою витримати (удержаться), да и ваша ми-

лость также, мусѣли бисмо (должны были бы) изсобою жити такъ, якъ малжинство (бракъ) кажетъ, а потомъ пришло бы неблагословеніе одъ церкви и клятва, жебы намъ съ собою не жити. Гдѣжь бы я на тотъ часъ подѣлъ и мнѣбъ же чрезъ тое вашу милость жаль, щобъ есть на потомъ на мене не плакала.“ Другое письмо: „Мое сердце коханое! Сама знаешь, якъ я сердечне шалене (безумно) люблю вашу милость; еще никого на свѣтѣ не любивъ такъ; моебъ тое щастье и радость, щобъ нехай ѣхала да жила у мене, тилкожъ я уважавъ якій конецъ съ того можетъ бути, а звлаща (особенно) при такой злости и заедлости твоихъ родичовъ? Прошу, моя любенко, не одмѣняйся ни въ чомъ, яко южъ не поеднокротъ слово свое и рученку дала есь, а я взаемне, пока живъ буду, тебе не забуду“.

Отославъ Кочубеевну домой, Мазепа этимъ не помѣшалъ ея родителямъ разголосить о похищеніи и позорѣ. На упреки отца онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ.“ Панъ Кочубей! Пишешь намъ о какомъ-то своемъ сердечномъ горѣ; но слѣдовало бы тебѣ жаловаться на свою гордую, велерѣчивую жену, которую, какъ вижу, не умѣешь или не можешь сдерживать; она, а никто другой, причиною твоей печали, если какая теперь въ домѣ твоемъ обрѣтается. Убѣгала св. великомученица Варвара предъ отцомъ своимъ Діоскоромъ, не въ домъ гетманскій, но въ подлѣйшее мѣсто, къ овчарамъ, въ разсѣлины каменныя, страха ради смутнаго. Не можешь никогда быть свободенъ отъ печали и обезпеченъ въ своемъ благосостояніи, пока не выкинешь изъ сердца своего бунтовничьяго духа, который не столько въ тебѣ отъ природы, сколько съ подущенія женскаго, и если тебѣ и всему дому твоему приключилась какая бѣда, то долженъ плакаться только на свою и на женнину проклятую гордость и высокоуміе. Шестнадцать лѣтъ прощалось великимъ и многимъ вашимъ смерти достойнымъ проступкамъ, но, какъ вижу, терпѣніе и доброта моя не повели ни къ чему доброму. Если упоминаешь въ своемъ пашквильномъ письмѣ о какомъ-то блудѣ, то я не знаю и не понимаю ничего, развѣ самъ блудишь, когда жонки слу-

шаешь, потому что въ народѣ говорится: Gdzie ogon rzadzi tam pewnie glowa blondzi (гдѣ хвостъ управляетъ, тамъ голова въ ошибки впадаетъ)."

Послѣ такихъ объясненій разгорѣлась непримиримая вражда. Мазепа, получая извѣстія, что мать мучитъ его возлюбленную, кричалъ о мщеніи: „Самъ не знаю, писалъ онъ Матренѣ, що зъ нею гадиною чинити? дай того Богъ зъ душею разлучивъ, хто насъ разлучаетъ! знавъ бы я якъ надъ ворогами помститися, толко ти минѣ руки звязала.— Прошу и велце, мое серденко, якимъ колвекъ способомъ обачься зо мною, що маю съ вашей милостью далей чинити; боюжъ болшъ не буду ворогамъ своимъ терпѣти, конечне одомщеніе учиню, а якое сама обачишь" [259].

Кочубей спѣшилъ предупредить гетмана.

Въ сентябрѣ 1707 года въ страшномъ Преображенскомъ приказѣ сидѣлъ его начальникъ, князь Өедоръ Юрьевичь Ромодановскій съ товарищами; передъ нимъ стоялъ монахъ и разказывалъ: „Я изъ Сѣвскаго Спасскаго монастыря іеромонахъ, зовутъ меня Никаноромъ; въ нынѣшнемъ іюлѣ мѣсяцѣ ходилъ я на богомолье въ Кіевъ съ товарищемъ монахомъ Трифиліемъ и крестьяниномъ того же Спасскаго монастыря. На возвратномъ пути въ Батуринѣ сѣли мы на базарѣ на площади за городомъ возлѣ землянаго вала; тутъ подошелъ къ намъ Батуринскій козакъ, распросилъ, кто мы такіе и позвалъ насъ къ наказному гетману Василью Кочубею, говоря, что Кочубей къ страннымъ и прохожимъ людямъ милостивъ. Мы, по тѣмъ его словамъ, пошли къ Кочубееву дому и зашли напередъ къ вечернѣ въ церковь Введенія. Въ церкви была жена Кочубеева Любовь, и какъ шла она послѣ службы къ себѣ въ садъ, мы ей поклонились; она спросила насъ—что за люди? позвала къ себѣ ужинать и ночевать, и приказала челяднику своему отвести насъ къ мужу въ хоромы, гдѣ хлопцы пѣли вечерню безъ священника. Кочубей спросилъ насъ, кто мы такіе? далъ намъ по шести денегъ, велѣлъ накормить и отвести избу на ночь. Переночевавши, ходили мы къ заутрени въ ту же церковь Введенія. При-

лучился день воскресный; самого Кочубея въ церкви не было, но жена его была, и когда мы ей кланялись за то, что у нихъ въ домѣ ночевали, и сказали ей, что идемъ домой, то она стала насъ унимать, чтобъ отслушали у нихъ въ церкви обѣдню и обѣдали бы у нихъ; но мы ей сказали, что обѣдню будемъ слушать въ гетманской каменной церкви, что въ замкѣ. Но когда передъ обѣднею мы были на базарѣ, покупали харчи на дорогу, подошелъ къ намъ Кочубеевъ челядникъ и сталъ опять звать къ обѣдни и обѣдать къ своему пану. Мы послушались, отстояли обѣдню у Кочубея, и потомъ пошли къ нему на дворъ обѣдать, и обѣдали вмѣстѣ съ большимъ Кочубеевымъ сыномъ Васильемъ за однимъ столомъ, а товарищъ нашъ крестьянинъ обѣдалъ за особымъ столомъ съ челядниками. Послѣ обѣда, выспавшись, Кочубей позвалъ насъ къ себѣ въ хоромы, меня и Трифилія безъ крестьянина; пришла жена его изъ другихъ хоромъ, принесла по холсту Польскаго полотна, да по два полотенца и насъ обоихъ подарила, а самъ Кочубей далъ мнѣ два рубля денегъ въ монастырь архимандриту съ братьею на милостыню, мнѣ одному далъ ефимокъ, а Трифилію чехами семь алтынъ, да обоимъ намъ въ дорогу большой пирогъ. Принявши все это, мы стали съ ними прощаться, но Кочубей унялъ насъ у себя ночевать, и взявши у насъ свои дары, положилъ въ той же свѣтлицѣ на столъ и накрылъ ковромъ, а насъ послалъ съ челядникомъ въ особую свѣтлицу ночевать. На другой день послѣ заутрени и обѣдни челядникъ позвалъ къ Кочубею въ садъ одного меня; въ саду былъ Кочубей съ женою вдвоемъ; увидавъ меня, позвали къ себѣ, а челяднику велѣли выйти вонъ; ввели меня въ шатеръ, въ шатрѣ образъ Богородицы, раписанъ на полотнѣ живописнымъ письмомъ въ черной рамѣ; и передъ этимъ образомъ началъ Кочубей мнѣ говорить: „Можно ли тебѣ вѣрить, хотимъ мы съ тобою говорить тайное, не пронесешь ли кому?“ Я, смотря на образъ и перекрестясь, сказалъ: о чемъ вы будете мнѣ говорить, не пронесу никому. Тутъ Кочубей съ женою начали гетмана Ивана Степановича Мазепу бранить: бездѣльникъ

онъ бл..... сынъ и беззаконникъ! Я у нихъ спросилъ: за что они гетмана бранятъ и какой онъ беззаконникъ? И они говорили: хотѣлъ онъ нашу родную, а свою крестную дочь взять за мужъ; мы ее за него не отдали, потому что она ему крестная дочь, и онъ, зазвавши ее къ себѣ въ гости, изнасиловалъ. Послѣ этихъ словъ, жена Кочубеева послала мужа изъ саду на дворъ къ челобитчикамъ, а сама вышла со мною изъ шатра, взяла меня за руку и идя со мною посаду, говорила: такой онъ гетманъ воръ: хотѣлъ насъ раззорить. Былъ онъ у насъ въ домѣ на имянинахъ мужа моего, 1-го генваря, и говорилъ намъ, для чего мы своей дочери за него не отдали? и я ему говорила: полно тебѣ коварничать! не только ты дочь нашу изнасиловалъ, ты и съ насъ головы рвешь, будто мы съ мужемъ переписывались въ Крымъ. Гетманъ меня спросилъ: почему вы знаете, что я это за вами вѣдаю? и я ему говорила: писарь твой, умирая, далъ мужу моему письмо своей руки, что ты на насъ затѣвалъ, именемъ мужа моего писалъ въ Крымъ; и гетманъ мнѣ сказалъ: вольно вамъ на мертваго моего писаря лгать, письму его я не вѣрю. Если бы, говорила Любовь Кочубеева, великій государь шелъ чрезъ Батуринъ, то я бы на гетмана сама побила челомъ и обо всемъ донесла,

Этимъ разговоръ нашъ съ нею кончился; опять обѣдали мы съ Кочубеевымъ старшимъ сыномъ, и послѣ обѣда на прощаньи Кочубей сказалъ мнѣ, чтобъ я пріѣзжалъ къ нему вмѣстѣ съ архимандритомъ, а онъ дастъ намъ въ монастырь вкладу, лошадей, коровъ, овецъ, а если архимандритъ не поѣдетъ, то я бы и одинъ пріѣзжалъ поскорѣе. Архимандритъ не поѣхалъ, потому что онъ въ Сѣвскѣ вѣдаетъ духовныя дѣла, а послалъ къ Кочубею меня да Трифилія, послалъ съ нами заздравныя просвиры да шесть хлѣбовъ. 26 августа пріѣхали мы въ Батуринъ, поднесли Кочубею просвиры и хлѣбы, и ночевали у него. На другой день по утру рано пришла къ нашимъ свѣтлицамъ какая то женщина, велѣла мнѣ выслать Трифилія и крестьянъ, пріѣхавшихъ вмѣстѣ съ нами, и сказала: велѣлъ тебѣ наказной гетманъ Кочубей ходить къ себѣ безъ обсылки, усмот-

ря, какъ у свѣтлицъ его людей не будетъ, а какъ къ нему въ свѣтлицы пойдешь, у свѣтлицъ двери запирай. Я въ то же число въ полдни пошелъ къ нему, и идучи у сѣней и у свѣтлицъ, прошедъ три жилья, двери заперъ закладками и крючьями, и пришелъ до его спальни, у которой двери завѣшаны были ковромъ. Когда я сотворилъ Іисусову молитву, Кочубей вышелъ ко мнѣ изъ спальни одинъ, спросилъ, нѣтъ ли кого со мною другихъ людей и заперты ли всѣ двери? самъ пошелъ осмотрѣть, вправдули всѣ двери заперты, и возвратясь, заставилъ меня цѣловать крестъ, что я не пронесу ничего, что онъ мнѣ будетъ говорить. Тутъ пришла жена его Любовь, принесла крестъ благословящій, писанный на деревянной доскѣ, и говорила съ великимъ плачемъ: какъ Богъ страдалъ на крестѣ за насъ, такъ и намъ надобно умереть за великаго государя! Всѣ мы трое поцѣловали крестъ, и Кочубей сталъ мнѣ говорить: гетманъ Иванъ Степановичъ Мазепа хочетъ великому государю измѣнить, отложиться къ Ляхамъ и Московскому государству учинить пакость великую, плѣнить украйну, государевы города. Я спросилъ: которые города хочетъ плѣнить? Кочубей отвѣчалъ: объ этомъ я скажу, а ты ступай въ Москву и донеси боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину немедленно, чтобъ гетмана захватить въ Кіевѣ, а меня бы уберечь, чтобъ гетманъ меня не убилъ. И далъ онъ мнѣ семь золотыхъ червонныхъ да 12 ефимковъ на наемъ подводъ, и я для того извѣту и пріѣхалъ въ Москву".

Прошло четыре мѣсяца, дѣло потухло въ Москвѣ; но разгорѣлось въ Малороссіи въ началѣ 1708 года. Кіевскій воевода, князь Дм. Мих. Голицынъ переслалъ Головкину письмо Ахтырскаго полковника Ѳедора Осипова отъ 16 февраля. Полковникъ писалъ, что 8 февраля въ Ахтырку пріѣхалъ тайно Полтавскій Спасскій попъ Иванъ Святайло отъ бывшаго Полтавскаго полковника Ивана Искры и потребовалъ, чтобъ полковникъ повидался съ Искрою для нужнаго государева дѣла. Полковникъ съѣхался съ Искрою въ пасекѣ своей надъ рѣчкою Коломакомъ; Искра, подъ

именемъ Божіимъ и подъ клятвою душевною, являя вѣрность къ великому государю генеральнаго судьи Василія Кочубея и свою, сказалъ: „послалъ меня Кочубей изъявить тайну, что гетманъ Иванъ Мазепа, согласившись съ королемъ Лещинскимъ и съ Вишневецкимъ, умышляетъ на здравіе великаго государя, какъ бы его въ свои руки ухватить или смерти предать. Хотѣлъ онъ это сдѣлать во время пріѣзда въ Батуринъ Александра Кикина: гетманъ думалъ, что подъ именемъ Кикина пріѣдетъ самъ государь, и велѣлъ, какъ будто для встрѣчи, поставить своихъ вѣрныхъ жолнеровъ и слугъ, которые у него отъ короля Лещинскаго, съ заряженными ружьями, и приказалъ имъ, какъ государь войдетъ во дворъ, выстрѣлить въ него; узнавши же, что царскаго величества тутъ нѣтъ, одинъ Кикинъ, велѣлъ жолнерамъ разойтись. И теперь всячески старается и на томъ положилъ, чтобъ государя предать смерти или, схвативъ, отдать непріятелю. Въ прошлый Филиповъ постъ, собравшись съ полками своими, хотѣлъ идти войною на великороссійскіе города, и это злое намѣреніе не сбылось за оттепелью, рѣка Днѣпръ не стала. Теперь умышляетъ, какъ бы ему Днѣпръ съ полками перейти и въ Бѣлую Церковь убраться; а совокупясь съ полками той стороны и соединясь съ королемъ Лещинскимъ или Вишневецкимъ, хочетъ государеву державу разорить. А полки той стороны давно ему присяжны, для того онъ ихъ тамъ и населилъ; всѣ свои скарбы и пожитки одни за Днѣпръ выпроводилъ, другіе съ собою возитъ. Во всѣхъ полкахъ регименту своего, будто по имянному государеву указу, велѣлъ брать поборы великіе съ козаковъ, чего никогда не бывало, съ каждаго козака отъ коня по талеру, а отъ вола по копѣ, и то дѣлаетъ отъ злохитрія своего, какъ бы народъ отягчить и возмутить; а особо съ мѣщанъ взялъ на жалованье сердюкамъ. Да и такое въ народѣ возмущеніе разгласилъ, будто царское величество велѣлъ козаковъ писать въ солдаты, и уже голота готова втайнѣ и на шатость ждетъ его повелѣнія. А войско Запорожское тайно подсылая прельщаетъ и стращаетъ, будто царское величество,

нелюбя ихъ, велитъ разорить и мѣсто ихъ опустошить, а Запорожцы, испуганные, готовы къ войнѣ. Старшина генеральная и полковники, хотя подозрѣваютъ и вѣдаютъ про его злое намѣреніе, однако извѣстить великому государю не смѣютъ, одни по вѣрности къ гетману, другіе изъ страха, третьи видя къ нему милость государя, что не повѣритъ. А лучше всѣхъ про то знаетъ ближній его секретарь, генеральный писарь Орликъ, черезъ котораго всякія тайны и пересылки отправляются. Кочубей и Искра царскому величеству доносятъ и милости просятъ, чтобъ сіе вѣрное доношеніе до времени у царскаго величества было укрыто для того, что нѣкто изъ ближнихъ секретарей государевыхъ и князя Александра Даниловича ему о всемъ царственномъ поведеніи доносятъ, и о семъ если увѣдаютъ, тотчасъ ему дадутъ знать. Теперь Кочубей, отбиваясь отъ судейства, чтобъ ему не быть при гетманской измѣнѣ, притворился больнымъ и живетъ въ имѣніи своемъ Диканькѣ; а Искра живетъ въ Полтавѣ, съ собою въ походъ гетманъ его не взялъ, потому будто въ войскѣ онъ не потребенъ" [260].

Ахтырскій полковникъ не удовольствовался тѣмъ, что далъ знать о дѣлѣ Кіевскому воеводѣ; отъ 23 февраля Петръ получилъ письмо отъ Московскаго коменданта князя Матвѣя Гагарина: „февраля 22 пришли на Красное крыльцо два человѣка Черкасъ и сказали полковнику, что присланы де мы изъ Ахтырки отъ полковника съ великимъ царственнымъ дѣломъ до царскаго величества; и явили мнѣ три письма: одно подписано на имя твоего величества, второе къ сыну твоему государю царевичу, третье къ князю Александру Даниловичу. И въ письмѣ сына твоего государя царевича написано отъ Ахтырскаго полковника, что посланъ писарь отъ него и съ нимъ приказано на словахъ донесть. И, примѣняясь къ твоимъ государевымъ указамъ о подметныхъ письмахъ, то письмо, которое подписано на твое государево имя, челъ я и написано будто объ измѣнѣ господина гетмана, и выразумѣвъ, что се приносятъ на него непріятели его, отставной полковникъ, и то-

го, государь, писаря, не распрашивая поведенію того письма, послали его за крѣпкимъ карауломъ въ Угрѣшскій монастырь, чтобъ онъ того не гласилъ никому. Сію вѣдомость явилъ малому числу господамъ министрамъ и полагаютъ, что взводятъ то на него по ненависти и явили мнѣ, что и прежде о немъ такіе навѣты были" [261].

Головкинъ 9 марта написалъ Ахтырскому полковнику: „Всемилостивѣйшій государь, выслушавъ дѣло, изволилъ милостиво принять, и васъ за то увѣдомленіе, видя вашу въ томъ вѣрность, премилостиво похваляетъ, и повелѣлъ мнѣ къ вашей милости указомъ своимъ съ симъ нарочно посланнымъ господиномъ офицеромъ писать, дабы ваша милость немедленно по полученіи сего видѣлись съ господиномъ полковникомъ Искрою и объявили ему, что его царское величество вѣрность его и объявленіе, которое онъ вашей милости учинилъ, принялъ милостиво. И понеже желаетъ его царское величество яко о такомъ важномъ дѣлѣ самъ отъ него Искры и отъ васъ о томъ дѣлѣ изустно слышать, того ради указалъ вамъ собще съ нимъ господиномъ Искрою ѣхать какъ наискорѣе чрезъ Смоленскъ въ войско къ его царскому величеству, а до времени извольте сіе содержать въ высшемъ секретѣ, ибо его царское величество желаетъ то зло чрезъ васъ упредить, дабы малороссійскому краю не произошло какого зла, какъ и въ прошедшихъ лѣтахъ бывало отъ таковаго возмущенія и невинныхъ кровопролитія". На другой день, 10 марта отправлено было къ Мазепѣ собственноручное письмо царя: „Предъ пріѣздомъ моимъ къ Москвѣ явился чернецъ съ такимъ же зломъ, какъ и Соломонъ бывшей, и я о томъ хотѣлъ накрѣпко разыскивать, отъ кого то происходитъ; но скорый мой отъѣздъ въ Польшу помѣшалъ тому, и для того я сіе дѣло отложилъ было до свободнаго времени. Но понеже, какъ всегда обычай есть, что зло тихо лежать не можетъ, и нынѣ паки уже не чрезъ сего чернца, но и чрезъ особливыхъ посланныхъ явно въ томъ себя явили Кочубей и Искра (бывшій полковникъ), гдѣ чаю конечно быть Апостоленку; что я видѣвъ, уже далѣе отлагать опасаюсь, и для

того вамъ сіе, яко вѣрному человѣку, объявляю; чтобъ какимъ образомъ оныхъ воровъ поимать (ибо я чаю въ семъ дѣлѣ великому ихъ быть воровству и непріятельской факціи), къ пойманію же ихъ такое свое мнѣніе объявляю, что мы ихъ присланныхъ отпустимъ, яко бы вѣря имъ въ томъ, чтобъ оные Кочубей и прочіе, будто бы ради лучшаго вѣдѣнія въ томъ дѣлѣ, сами къ намъ пріѣхали, ибо ежели бъ явно послать по нихъ, то бъ чаю конечно ушли; но симъ подлогомъ чаемъ ихъ приманить, двухъ, трехъ, Апостоленка такимъ образомъ прибрать же. Посылаю съ симъ же посланнымъ явное къ вамъ письмо, въ которомъ написано, дабы вы нѣсколько съ нимъ козаковъ къ Быхову послали отъ себя съ добрымъ командиромъ, котораго командира вы по сему письму учините Апостоленка, и такъ симъ тихимъ образомъ всѣхъ трехъ можемъ въ руки получить; къ сему же то объявляемъ, что ежели вы и кромѣ сего способу можете ихъ всѣхъ трехъ достать, то, не упуская времени, немедленно поимавъ и сковавъ оныхъ, къ намъ пришлите, а ежели чаете, что уйдутъ, то лучше чрезъ сей случай, а пока оные попадутся, извольте о семъ дѣлѣ тихо держать, якобы не вѣдаете о семъ. Два полка, которые для скораго похода Шведскаго задержаны были въ Смоленску, нынѣ посылаемъ немедленно къ вамъ, при семъ же просимъ васъ, дабы вы о семъ нижадной печали и сумнѣнія не имѣли".

Между тѣмъ самъ Кочубей не разъ присылалъ съ доносомъ на Мазепу и требовалъ, чтобъ царь прислалъ къ нему для свиданія кого-нибудь изъ вѣрныхъ особъ. Головкинъ отвѣчалъ ему изъ Бѣшенковичь 11 марта: „Царское величество, разсудя о томъ, что такихъ важныхъ дѣлъ кромѣ знатнѣйшихъ и вѣрныхъ особъ повѣрить невозможно, а посылка такой знатной особы въ дальнее разстояніе не могла бъ быть тайно, и чтобъ не учинить тѣмъ подозрѣнія; того ради указалъ мнѣ къ вашей милости писать, дабы ваша милость какъ наискорѣе пріѣхалъ секретно въ ближнія мѣста къ Смоленску, гдѣ бъ я могъ съ вами видѣться и о томъ дѣлѣ разговаривать и совѣтовать, дабы то злое начинаніе возможно было упредить, и какую бъ вѣрную осо-

бу избрать на мѣсто того подозрительнаго не умѣшкавъ; ибо ежели бъ такая перемѣна учинилась, а готовой бы особы не было, то бъ могло изъ того возмущеніе и Малороссійскому краю разореніе и невинныхъ кровопролитіе произойти".

Изъ Бѣшенкович Головкинъ уѣхалъ въ Витепскъ, и отсюда писалъ Петру 18 марта: [262] „Сего числа возвратился сюда отъ гетмана поручикъ Ушаковъ и привезъ отъ него листъ къ в. в-ству; онъ же гетманъ въ листу своемъ ко мнѣ пишетъ: Ваше в-ство изволилъ ему указать тѣхъ воровъ въ руки поймавъ, послать къ Москвѣ, и надѣется на помощь Божію, что скоро приберетъ ихъ въ руки; только ежели ихъ посылать къ Москвѣ, то боится онъ гетманъ, чтобъ не учинилось отъ полковниковъ (которые имъ мало не всѣ свойственные) въ войску возмущеніе, которыхъ подлинно тою посылкою можетъ онъ гетманъ подвигнуть къ себѣ на вражду и ненавистъ, и нарекутъ они, не зная подлинно безъ розыску и обличенія ихъ воровства, огласятъ въ народѣ, что безвинно, съ приватной его гетманской вражды то чинится, какъ и напредъ сего было на него многое нарѣканіе, когда и не такую знатнѣйшую особу, но пьяницу Палѣя, не объявя его вины, безъ всякаго войсковаго суда, отослалъ къ Москвѣ, понеже и безъ того Московскимъ его духомъ называютъ. Того ради проситъ гетманъ, чтобъ Ваше в-ство повелѣлъ тѣхъ доносчиковъ съ Москвы или въ Кіевъ или въ Батуринъ прислать и тамо о томъ воровствѣ очною ставкою разыскать, чтобъ оное всѣмъ было явлено и не имѣли бъ на него нарѣканія. Того ради, государь, заблагоразсудили мы до гетмана писать, дабы онъ, когда ихъ въ руки получитъ, не посылалъ къ Москвѣ, а прислалъ бы въ Кіевъ. И мнится намъ, государь, что ежели онъ гетманъ ихъ всѣхъ изловитъ, то не худо ихъ взять и начало розыску учинить для удовольствія ему гетману и Малороссійскому народу въ Кіевѣ, а потомъ мочно взять ихъ куда изволеніе ваше будетъ". Петръ отвѣчалъ ему на это изъ Петербурга 6 апрѣля [263]: „Когда получитъ гетманъ въ руки тѣхъ, о которыхъ къ нему писано, и

чтобъ ихъ оной прислалъ въ Кіевъ для нарѣканія на него отъ народа, и когда оные будутъ въ Кіевѣ, то лучше тамъ разыскивать князь Дмитрею по прошенію гетманскому, и для того и всѣхъ ихъ и письма и чернеца съ Москвы послать въ Кіевъ же (только надлежитъ оныхъ за крѣпкимъ карауломъ держать и чтобъ солдаты стояли у нихъ изъ тѣхъ двухъ присланныхъ полковъ, а не изъ жилыхъ). А когда тотъ розыскъ о гетманскомъ дѣлѣ кончится, тогда конечно надлежитъ ихъ взять ближе и о факціяхъ спрашивать, чего князь Дмитрею не сдѣлать".

6 апрѣля Головкинъ уже извѣщалъ Петра, что доносчики отдались въ руки правительства и спрашивалъ, какъ съ ними поступить? „Получили мы отъ гетмана Мазепы письмо, что Кочубей и Искра, увѣдавъ о приближеніи посланныхъ его для взятія ихъ къ маетности его Кочубеевой Диканькѣ, ушли сначала на Коломакъ, гдѣ нарочно въ пасекѣ своей Искра сдѣлалъ для уходу крѣпость, а потомъ увидя, что въ оной не могутъ борониться, побѣжали къ Самарѣ, но и тамо когда посланные гетманскіе раздѣляся зашли имъ передъ, тогда они, оставя тотъ путь, ушли въ мѣстечко Ахтырскаго полку, именуемое Красный Кутъ и обрѣтаются подъ защищеніемъ Ахтырскаго полковника, Ѳедора Осипова. Гетманъ зѣло опасается, чтобъ ему не пострадать отъ соумышленниковъ Кочубеевыхъ и Искриныхъ, а наипаче того, дабы они, обрѣтаючись свободно и безопасно, въ близкомъ отъ Полтавы разстояніи, видя свою крайнюю погибель, не возмутили противъ него на убійство народа малодушнаго чрезъ сродниковъ своихъ, которыхъ много есть знатныхъ людей, и при немъ гетманѣ нынѣ въ Хвастовѣ и во всѣхъ полкахъ. И для того зѣло онъ проситъ о посылкѣ туды въ Ахтырку указу о выдачѣ ихъ и о присылкѣ оныхъ въ Кіевъ для розыску. И мы о семъ зѣло было опечалились, дабы тѣ воры не ушли за рубежъ въ Крымъ или бъ не пристали къ Булавину и Запорожцамъ; но потомъ обрадовали насъ присылкою поручикъ Озеровъ и капитанъ Дубенскій, посланные къ нимъ съ письмами, что съѣхались они въ мѣстечкѣ Ахтырскаго

полка Богодуховѣ, и тою де присылкою зѣло благодарны и на милость в. в-ства надѣясь, ѣдутъ они купно съ ними на Бѣлгородъ къ Смоленску. Просимъ немедленнаго указа, гдѣ повелишь ими розыскивать, въ Смоленскѣ ль или въ Кіевѣ, и кому розыскивать? и отъ гетмана Мазепы требовать ли кого присланнаго съ обличеніемъ на нихъ, и если явится ихъ воровство, укажешь ли ихъ пытать, а сюды, государь, въ Польскіе городы кажется брать ихъ для розыску ради огласки отъ Поляковъ не надлежитъ. И мы къ гетману о всемъ томъ дали знать и обнадежили его вашею милостію и что будутъ они по пріѣздѣ въ Смоленскъ окованы и чтобъ онъ нимало не сомнѣвался о томъ, чтобъ ихъ навѣтамъ какая подана была вѣра".

Петръ отвѣчалъ 14 апрѣля: „Розыскивать лучше въ Смоленску, а гетману послать два указа: одинъ тайной, чтобъ онъ вѣдалъ про явной и не сумнѣвался о ономъ, а въ явномъ написать, что извѣщали на него въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлехъ, и для бъ того онъ прислалъ кого отъ себя на тотъ розыскъ; а сей явной указъ для Малороссійскаго краю, дабы видѣли, для чего оныя держатся, и что безъ суда никому никакого озлобленія не чинится; а въ Кіевъ нынѣ посылать опасно, понеже не знаемъ, куды непріятельскіе будутъ обороты, и ежели на Украйну, тогда оныхъ тамъ держать самъ знаешь каково"[264]. 18 апрѣля Кочубей, Искра и Ахтырскій полковникъ приблизились къ Витепску, и остановлены въ милѣ отъ города на панскомъ пустомъ дворѣ; съ ними пріѣхали: священникъ Иванъ Святайло съ сыномъ, сотникъ Петръ Кованко, крещеный жидъ Петръ Яковлевъ, ѣздившій прежде съ доносомъ отъ Кочубея въ Москву, двое писарей, племянникъ Искры, да 8 человѣкъ людей.

На другой день 19 апрѣля Головкинъ и Шафировъ ѣздили къ гостямъ и прежде всего занялись распросомъ Ахтырскаго полковника, который показалъ уже извѣстное изъ письма его къ князю Голицыну. Потомъ былъ вызванъ изъ своей свѣтлицы Кочубей, обнадеженъ милостію великаго государя, и спрошенъ: съ чѣмъ пріѣхалъ — пусть объявитъ? Кочубей подалъ статьи:

1) Въ 1706 году говорилъ гетманъ мнѣ въ Минскѣ наединѣ, что обѣщала и увѣрила его княгиня Дольская, мать Вишневецкихъ, сдѣлать его княземъ Черниговскимъ, и войску запорожскому выпросить желаемыя вольности у короля Станислава, ея близкаго родственника; обѣщала она ему это въ селѣ Бѣлой Криницѣ на Волыни, гдѣ гетманъ крестилъ вмѣстѣ съ нею дитя у князя Януша Вишневецкаго, и говорилъ съ нею много, какъ въ домѣ князя Януша, гдѣ пробыли вмѣстѣ два дня, такъ и ѣдучи на однихъ саняхъ отъ Бѣлой Криницы до Бродъ. Мазепа хвалился передъ всѣми, что княгиня Дольская прислала ему постель дорогую и хорошую и музыкантовъ съ инструментами.

2) Однажды бранилъ Огинскаго, гетмана польнаго Литовскаго, говоря: уже всѣ паны отъ царя отстали, только онъ одинъ баламутъ держится.

3) Когда въ Батуринъ пришла вѣсть, что король Августъ, оставивши Польшу, уѣхалъ въ Саксонію къ королю Шведскому, то Мазепа сильно обрадовался и сказалъ въ шутку: охъ, чего боялись, того не убоялись!

4) Въ 1707 году, когда получено было извѣстіе, что въ Пропойскѣ и другихъ городахъ Бѣлорусскихъ Литовскіе люди, бывшіе подъ начальствомъ Синицкаго, вышедши изъ Быхова, перерѣзали Русскіе отряды, то гетманъ началъ этому смѣяться и немѣрною радостью веселиться, много пилъ и насъ поилъ, пилъ здоровье княгини Дольской, говоря: выпьемъ за здоровье княгини ея милости, потому что пани знатная и разумная моя голубка!

5) Говорилъ мнѣ гетманъ, что король Шведскій пойдетъ изъ Саксоніи въ Польшу, а изъ Польши прямо на Москву, чтобъ тамъ поставить другаго царя; а подъ Кіевъ пойдетъ король Станиславъ со всѣми Польскими войсками, при которыхъ будетъ и Шведскій генералъ Реншольдъ съ своею дивизіею: „и когда, говорилъ гетманъ, просилъ я у царя войска для обороны Кіева и всей Украйны, и онъ мнѣ сказалъ; довольно у васъ своихъ войскъ козацкихъ и Московскихъ, которыя теперь у васъ. — Такъ при наступленіи

короля Станислава придется соединиться съ его войсками, покончилъ гетманъ.

6) Когда я пришелъ просить позволенія сдѣлать торжественное обрученіе дочери моей съ Чуйкевичемъ, то онъ мнѣ сказалъ, чтобъ я пышнаго обрученія не дѣлалъ и людей немного сбиралъ и свадьбою не спѣшилъ: какъ будемъ съ Ляхами въ единствѣ, сказалъ онъ, то найдется для твоей дочери между ними женихъ, знатный какой-нибудь шляхтичь, который твоей фортунѣ доброю будетъ подпорою, ибо хотя бы мы Ляхамъ по доброй волѣ и не поддались, то они насъ завоюютъ и непремѣнно будемъ подъ ними. — Я пришелъ въ ужасъ отъ этихъ словъ, сказалъ объ нихъ свату Чуйкевичу и мы положили обвѣнчать дѣтей нашихъ безъ откладыванія, что и сдѣлали.

7) Сербскій епископъ Рувимъ, бывши у гетмана, заѣхалъ ко мнѣ и говорилъ: гетманъ сильно печалился и слезно плакалъ, что царь наложилъ тяжкую подать лошадьми, гетманъ не знаетъ, что впередъ и дѣлать.

8) Дочь моя, выданная за Чуйкевича, крестила вмѣстѣ съ гетманомъ жидовку; при этомъ случаѣ Мазепа сказалъ ей, что Москва крѣпко старается взять всю Малороссійскую Украйну.

9) Іезуитъ Заленскій, ректоръ Винницкій, будучи въ Кіевѣ, говорилъ: вы паны козаки ничего не бойтесь отъ Шведа, который не на васъ сбирается, а на Москву. Тотъ же ксёндзъ говорилъ: никто не вѣдаетъ, гдѣ огонь кроется и тлѣетъ, но какъ разомъ вспыхнетъ, то пожаръ этотъ не легко можно будетъ потушить.

10) Будучи въ Кіевопечерскомъ монастырѣ, Мазепа запирался съ полковниками и читалъ условія Гадяцкой коммиссіи, бывшей съ Ляхами при Выговскомъ въ измѣну его. И еслибъ теперь не было намѣренія измѣнить, то зачѣмъ читать Гадяцкія условія, заключенныя съ Ляхамм?

11) Въ декабрѣ 1707 года пронеслась вѣсть, что господинъ Кикинъ ѣдетъ въ Батуринъ, а въ слѣдъ за нимъ самъ государь съ тѣмъ, чтобъ гетмана взять въ Москву; тогда Мазепа собралъ 300 человѣкъ сердюковъ и устроилъ ихъ

при себѣ подъ начальствомъ полковника Чечела, намѣреваясь обороняться и отстрѣливаться отъ великаго государя, а сначала хотѣлъ уѣхать въ Гадячь для защиты. Это вѣрно, потому что преданные слуги гетманскіе сказывали на другой день, что они прошлую ночь провели съ оружіемъ на готовѣ.

12) Ксендзъ Заленскій пріѣзжалъ на праздникъ Рождества Христова въ Батуринъ, и панъ Орликъ, тайно одинъ его встрѣтивши, тайно же проводилъ въ гетманскій хуторъ подъ селомъ Бахмачемъ, откуда ночною порою пріѣзжалъ ксензъ къ гетману на Гончаровку.

13) Есть въ Полтавѣ козакъ Кондаченко, котораго онъ посылалъ многократно къ разнымъ султанамъ и самому хану съ словесными наказами. Мнится, что дѣлалъ онъ это для того только, чтобъ познакомиться съ ними и получить довѣріе, дабы при удобномъ случаѣ могъ употребить ихъ на свою пользу.

14) Пируя у меня и подвеселившись, когда начали пить за его здоровье, сказалъ со вздохомъ: „Благодарствую за пріязнь; но что мнѣ за утѣха, когда я живу, не имѣя никогда совершенной надежды своей цѣлости, безовсякаго обезпеченія, ожидая какъ волъ обуха". Тутъ же говорилъ женѣ моей, хвалилъ гетмановъ измѣнившихъ, Выговскаго и Брюховецкаго: „хорошо начали Выговскій и Брюховецкій, что хотѣли изъ неволи выбиться, но злые люди имъ въ томъ помѣшали. И мы хотѣли бы о своей будущей цѣлости и вольности войсковой промыслить, да не имѣемъ еще теперь способу, особенно же потому, что не всѣ наши въ однома, находятся: вотъ и твоему мужу я нѣсколько разъ намекалъ о такихъ мысляхъ, какъ бы намъ обезпечить цѣлость нашу на будущее время какъ для себя, такъ и для потомства, но онъ ни однимъ словомъ мнѣ не поможетъ, ни отъ кого не имѣю помощи, ни на кого не могу положиться. А другая трудность, та, что орды не за насъ: ханъ велѣлъ отвѣчать мнѣ, что Турецкій султанъ приказалъ ему держать орду крѣпко и ни къ кому на помощь не посылать; на орду нѣтъ надежды, а тутъ въ украйнѣ стоятъ хорошія

Московскіе войска, въ Бѣлой Руси хотя и дурныя, но много ихъ".

15) Говорилъ полковникамъ: можетъ быть вы думаете, что я намѣренъ гетманство передать Войнаровскому; этого я не желаю; вольно вамъ будетъ выбрать на этотъ урядъ кого хотите изъ среды себя, а Войнаровскій проживетъ и своимъ отцовскимъ кускомъ, и тѣмъ, что я собралъ. Я и теперь готовъ вамъ уступить гетманство; если между вами есть человѣкъ, который бы могъ сейчасъ отчизну свою спасти, я ему уступлю гетманство; а если на меня эту тягость возлагаете, то извольте меня слушаться и на мой поводъ смотрѣть. На Турокъ и Татаръ нѣтъ намъ никакой надежды, такъ надобно изъ другой бочки дѣло свое начинать, а уговорившись и постановивши на мѣрѣ, надобно вдругъ и за сабли приниматься.

16) Держитъ при себѣ слугъ породы Ляшской и употребляетъ ихъ для всякихъ своихъ посылокъ, какихъ ему не позволено безъ имяннаго указа великаго государя.

17) Не исполняетъ царскій указъ, которымъ запрещено пропускать людей на ту сторону Днѣпра; переселенцевъ не велѣлъ задерживать, а мать его игуменья людьми съ этой стороны населила великія слободы на той сторонѣ; города и села этой стороны потерпѣли сильный ущербъ въ населеніи, и остальные, уменьшенные въ своемъ числѣ люди съ великимъ отягченіемъ кормятъ охотницкое войско, и отъ такой тяжести и послѣдніе хотятъ уходить на западную сторону.

18) На Коломацкой радѣ положено, чтобъ Малороссійскіе люди съ Великороссійскими женились между собою; но гетманъ не только жениться, запрещаетъ Малороссіянамъ и звать къ себѣ въ гости Великороссіянъ.

18) Укрѣпленія Малороссійскихъ городовъ обветшали, и гетманъ не заботился о поправкѣ; Батуринъ двадцать лѣтъ стоитъ безъ починки, отъ чего валы около него всѣ осунулись и обвалились, такъ что и одного дня въ немъ отъ непріятеля отсидѣться нельзя. Благоразумныя особы разсудятъ, откуда происходитъ такое нерадѣніе; а Гонча-

ровку свою укрѣпилъ и обнесъ валомъ для неизвѣстной цѣли.

20) Запорожцамъ грозитъ и остерегаетъ ихъ, что великій государь велитъ ихъ истребить.

21) Когда пронеслась вѣсть, что Запорожцы, соединясь съ Татарами, хотятъ идти подъ слободскіе города, то гетманъ сказалъ: „Эхъ такіе сякіе! еслибы что хотѣли дѣлать, такъ бы ужъ дѣлали, а то только разглашаютъ, будто дразнятъ.

22) Одна близкая къ гетману особа, при разговорѣ о войнахъ съ Татарами, сказала: „Теперь объ этомъ нечего говорить: Татары скоро намъ понадобятся.

23) Русиновичь, мѣщанинъ Львовскій разказывалъ въ Батуринѣ, что онъ отъ Сенявскаго, Тарла, Хоментовскаго и Потоцкаго письма привозилъ къ гетману; разказывалъ, что гетманъ коронный Сенявскій говорилъ ему: „развѣдай, что на Украйнѣ дѣлается, и особенно, склоны ли къ намъ козаки или нѣтъ? и предложи самому Мазепѣ, чтобъ былъ съ нами и пусть козаки будутъ къ намъ доброжелательны, если хотятъ, чтобъ имъ было хорошо, ибо мы навѣрное знаемъ, что государь Шведовъ не выдержитъ, и козаки, если при немъ останутся, погинутъ, а будучи за нами, остались бы въ цѣлости и при своихъ вольностяхъ". Когда я, говорилъ Русиновичь, доносилъ объ этомъ Мазепѣ, то онъ отвѣчалъ мнѣ: „Богъ свидѣтель, что я панамъ Полякамъ доброжелателенъ; не былъ бы я шляхтичемъ, не былъ бы сыномъ коронным, еслибъ всего добра коронѣ Польской не желалъ; вижу я и самъ, какъ государь оскорбилъ Польшу, онъ и Украйну отяготилъ; самъ не знаю, что съ собою дѣлать? если до чего дойдетъ, я не смогу удержать козаковъ на какую сторону устремятся".

24) Скарбъ войсковой арендовый безъ надлежащаго надзора находится: это больше гетманскій скарбъ, чѣмъ войсковой, какъ хочетъ гетманъ, такъ его и употребляетъ, отъ чего денегъ запасныхъ въ томъ скарбу нѣтъ, только что платятъ полкамъ охотницкимъ, да содержатъ пріѣзжихъ посланниковъ. Индукта, т. е. сборъ мыта изначала всегда

индуктою войсковою называется, а потомъ отдана была въ казну монаршую; я хорошо знаю, что когда въ Кіевѣ былъ на воеводствѣ бояринъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ, то у него индукторы откупали индукту и откупныя деньги отдавали ему на ратныхъ государскихъ людей; а теперь одинъ гетманъ 50,000 золотыхъ въ годъ собираетъ на себя, и только что будетъ сверхъ 50 тысячь, изъ того старшинѣ по нѣскольку сотъ золотыхъ удѣляетъ. Но для чего этимъ великимъ скарбомъ гетману обогащаться, а не отдать его въ казну монаршую на жалованье ратнымъ людямъ, находящимся въ Малороссіи? хотя бы въ этомъ обнаружилась власть великаго государя надъ Малороссіею! и не сыщется ни одинъ человѣкъ въ войскѣ и въ народѣ, который бы по этой индуктѣ сталъ скорбѣть и тужить, потому что никто бы отъ этого ничего не потерялъ, а гетману довольно было бы десяти городовъ полка Гадяцкаго, съ которыхъ собираетъ всякія подати, довольно было бы пяти волостей и значительныхъ селъ, приписанныхъ къ гетманскому уряду. Не малый доходъ гетману съ порукавичныхъ арендовыхъ, которыя теперь умножились, и чрезъ это умноженіе аренда стала тяжка простому народу, потому что арендарь, давши большую сумму денегъ за аренду, дороже продаетъ горѣлку. Прежде полковниковъ выбирали вольными голосами и позорной симоніи было не слыхать; а теперь за полковничьи уряды гетманъ беретъ взятки: будь хотя самый достойный человѣкъ, но если нѣтъ у него денегъ, никогда не получитъ полковничества, а получитъ тотъ, у кого есть деньги.

Къ доносу Кочубей приложилъ думу, сочиненную будтобы Мазепою. Въ этой думѣ выражается сѣтованіе о розни, господствующей между Малороссіянами и призывъ добывать права саблею. Вотъ эта дума.

Дума П. Гетмана Мазепы, въ которой значное противъ державы великаго государя оказуется противленіе:

Всѣ покою щире прягнутъ
А не въ оденъ гужъ всѣ тягнутъ,

Той направо, той налѣво
А всѣ братя тото диво,
Не машъ любви не машъ згоды
Отъ Жовтой взявши Воды.
Презъ незгоду всѣ пропали
Сами себе звоевали
Ей братица пора знати
Що не всѣмъ намъ пановати,
Не всѣмъ дано усе знати,
И рѣчами керовати.
На корабель поглядѣмо,
Много людей полѣчимо,
Однакъ стирникъ самъ керуетъ,
Весь корабель управуетъ;
Пчулка бѣдна матку маетъ,
И оной послухаетъ,
Жалься Боже Украини!
Що не вкупѣ маетъ сыни;
Оденъ живетъ и съ погани,
Кличетъ, сюда атамани!
Идемъ матки ратовати!
Недаимо ей погибати!
Други Ляхомъ за грошъ служитъ,
По Украйнѣ и той тужитъ,
Мати моя старенкая!
Чомъ ты велми слабенкая!
Розно тебе розшарпали:
Кгди ажъ по Днѣпръ Туркомъ дали;
Все фортель щобъ зслабѣла,
И ажъ въ конецъ сылъ немѣла;
Третый Москвѣ южъ голдуетъ
И ей вѣрне услугуетъ
Той на матку нарѣкаетъ,
И недолю проклинаетъ,
Лѣпше было не родити,
Нежли въ такихъ бѣдахъ жити.
Отъ всѣхъ сторонъ ворогуютъ,
Огнемъ, мечемъ руинуютъ,
Отъ всѣхъ немашъ зычливости,
Анѣ слушной учтивости;

Мужикаминазиваютъ,
А подданствомъ дорѣкаютъ,
Чомъ ты сыновъ неучила,
Чомъ отъ себе ихъ пустила?
Лѣпше было пробувати,
Вкупѣ лихо отбувати.
Я симъ бѣдный нездолаю,
Хиба тилко заволаю,
Ей панове енерали,
Чомужъ есте такъ оспали?
Й вы панство полковники,
Безъ жаждной полѣтики,
Озмѣтеся всѣ за руки
Не допуститъ горкой муки
Матцѣ своей болшъ терпѣти,
Нуте враговъ; нуте быти.
Санопали набывайте!
Острыхъ шабель добувайте,
А за вѣру хоцъ умрѣте,
И волностей боронѣте,
Нехай вѣчна будетъ слава,
Же презъ шаблю маемъ права.

Того же 19 числа спрошенъ былъ Искра, и объявилъ, что письмо Ахтырскаго полковника Ѳедора Осипова къ князю Голицыну написано съ его словъ; поѣхалъ онъ къ Ѳедору Осипову по совѣту Кочубея и доношеніе ихъ общее, какъ Кочубеево, такъ и его. О согласіи Мазепы съ Лещинскимъ и Вишневецкимъ, о умыслѣ на здоровье царское, и что въ пріѣздъ Александра Кикина Мазепа велѣлъ стрѣлять, — то онъ все слышалъ отъ судьи Кочубея, а самъ въ то время не былъ и ни отъ кого отъ другихъ о томъ секретѣ не слыхалъ. А про то, будто великій государь повелитъ козаковъ писать въ солдаты, слышалъ онъ Искра самъ отъ самого гетмана въ Кіевѣ, и при томъ были полковники Миргородскій, Прилуцкій, Черниговскій. О прельщеніи войска Запорожскаго и о возмущеніи ихъ сказывали ему Запорожцы, которые часто у него бываютъ, а иногда и зимуютъ: сказывали они, что посылалъ гетманъ съ тѣми рѣча-

ми трижды хорунжаго Кіевскаго, и велѣлъ имъ будто для опасенія отъ великаго государя крѣпить свой городъ и никуда не разъѣзжаться и быть въ сборѣ до указа его.

Самый важный пунктъ доноса былъ пунктъ о злоумышленіи на жизнь государя. Съ него и долженъ былъ начаться розыскъ. 21 апрѣля Кочубею и Искрѣ дана была очная ставка, такъ какъ Искра показалъ, что о злоумышленіи на жизнь государя онъ слышалъ отъ Кочубея, но въ донесеніи Кочубея дѣло было разказано не такъ, какъ въ письмѣ Ахтырскаго полковника къ князю Голицину, писанному со словъ Искры: именно въ донесеніи Кочубея не было объ умыслѣ Мазепы умертвить царя или, схвативъ его, отдать непріятелямъ; также не было о намѣреніи Мазепы идти на Великороссійскіе города. На очной ставкѣ Кочубей сказалъ, что онъ Искрѣ о убійствѣ великаго государя въ пріѣздъ Александра Кикина и объ умыслѣ, чтобъ великаго государя поймавъ отдать непріятелямъ, и о походѣ гетманскомъ на Великороссійскіе города не говорилъ, а говорилъ такъ, какъ написано въ его Кочубеевомъ доношеніи. Искра сказалъ, что тѣ слова слышалъ онъ отъ Кочубея, при чемъ была и жена послѣдняго; тутъ же Кочубей говорилъ ему еще, что еслибы зима крѣпка была, то Мазепа и въ Филипповъ постъ разорилъ бы Великороссійскіе города; а какъ его Искру Кочубей посылалъ съ объявленіемъ къ Ѳедору Осипову, то онъ Искра ему Кочубею говврилъ, чтобъ обождать, пока явится воровство, и Кочубей сказалъ, что не надобно ждать.—Кочубей объявилъ, что Искра ему ничего подобнаго не говорилъ. Тогда они и люди ихъ были разведены по разнымъ избамъ и отданы за караулъ, письма у нихъ и прочее все отобрано и переписано.

Въ тотъ же день Искра былъ приведенъ къ пыткѣ и расспрашиваемъ: на гетмана онъ доноситъ по чьему наущенію? и не по факціямъ ли и не по подсылкѣль о томъ какой отъ непріятеля на изверженіе гетманское такое зло взвели?—Искра отвѣчалъ, что никакой подсылки къ нему отъ непріятеля не было и ни за кѣмъ того не знаетъ, а подучилъ его Кочубей тому уже съ два года, наговаривая,

что дѣлаетъ это по вѣрности своей къ царскому величеству, а онъ Искра за гетманомъ никакой измѣны не видалъ и ни отъ кого не слыхалъ, и говаривалъ Кочубею, чтобъ не затѣвалъ дѣла, но Кочубей ему сказалъ, что хоть умереть, а гетмана обличить.

Началась пытка. Послѣ десяти ударовъ Искра сказалъ: слышалъ онъ отъ Кочубея, что совѣтовался онъ о доносѣ съ Миргородскимъ полковникомъ Апостоленкомъ и съ Чуйкевичемъ, и что по низверженіи гетмана Мазепы Миргородскаго полковника желали они сдѣлать гетманомъ, и въ письмѣ присланномъ къ Кочубею отъ Чуйкевича написано: у насъ за Днѣпромъ огонь загорается: сохрани Боже, чтобъ и у васъ не загорѣлся.

Приведенъ къ пыткѣ Кочубей и объявилъ: правда, Искра прежде по моему наговору къ дѣлу не приставалъ, и уже потомъ поѣхалъ къ Ахтырскому полковнику, по моему велѣнію, охотою; а Миргородскій полковникъ и Чуйкевичъ писывали ко мнѣ только о вѣдомостяхъ; предостерегъ меня отъ гетманской посылки Миргородскій полковникъ, а старикъ Чуйкевичъ писалъ къ зятю моему, своему сыну, что посланъ Скоропадскій къ великому государю съ нѣкоторыми предложеніями, думаютъ съ такими же, какъ и о Соломонкѣ. Письма, что огонь загорается, Чуйкевичъ не писывалъ, должно быть Искра, не понявъ дѣла, говоритъ; а что за два года я на гетмана говорилъ про измѣну, и то дѣлалъ по семейной своей злобѣ".

Искрѣ, въ присутствіи Кочубея, дано еще 8 ударовъ и спрашивали: что говорилъ онъ Ѳедору Осипову объ умыслѣ Мазепы на жизнь великаго государя, и то Кочубей ли ему говорилъ, потому что въ многомъ Кочубей запирался? Искра отвѣчалъ: что онъ говорилъ Ѳедору Осипову и велѣлъ писать, то все слышалъ отъ Кочубея, и объявлялъ ему Кочубей, что онъ все на гетмана взвелъ по собственной злобѣ, не видя измѣны; и онъ Искра ему говорилъ: о той злобѣ надлежитъ тебѣ бить челомъ и просить милости у великаго государя; однако онъ Кочубей, по свойству и по дружбѣ, привелъ его на то, что поѣхалъ съ извѣтомъ.

Кочубей передъ пыткою объявилъ: что̀ онъ на гетмана написалъ и подалъ статьи и словесно доносилъ въ измѣнѣ, то все затѣялъ ложь по злобѣ на гетмана. Дали ему пять ударовъ и спрашивали: не по подсылкѣ ль отъ непріятеля и по факціямъ его онъ затѣялъ это на гетмана, дабы его низвергнуть и выбрать другаго, къ тому ихъ злому начинанію склоннаго? и кто въ томъ съ нимъ были единомышленники, и нѣтъ ли присланныхъ отъ непріятеля къ нему или къ другимъ для такого возмущенія на Украйну? Кочубей отвѣчалъ, что онъ все затѣялъ по злобѣ своей на гетмана, а не съ непріятельской факціи, и никакихъ къ нему подсылокъ отъ непріятеля не было, и за гетманомъ не вѣдаетъ никакой невѣрности, все затѣялъ на гетмана ложно, чая, что ему въ томъ повѣрятъ безъ дальняго розыску [265].

Признаніемъ Кочубея и Искры въ ложномъ доносѣ дѣло оканчивалось. 24 апрѣля Головкинъ писалъ Петру: „Понеже Кочубей зѣло старъ и дряхлъ безмѣрно, того ради мы его болѣе пытать опаслись, чтобъ прежде времени не издохъ. А болѣе въ гетманскомъ дѣлѣ розыскивать нечего и для того и въ Кіевъ ихъ не посылаемъ, потому что во всемъ они винились кромѣ факціи или наущенія отъ непріятеля; и ежели какую имъ казнь изволишь учинить, то мнится намъ, что надлежитъ послать ихъ въ Кіевъ и съ совѣту гетманскаго повелѣть о томъ Малороссійскому народу публично огласить, чтобъ они видѣли, что за сущую ихъ вину то съ ними учинено будетъ; а надлежитъ, государь, то дѣло для нынѣшняго сближенія непріятельскаго, также и для лучшей надежды гетману скорѣе свершить“[266].

Но Петру не хотѣлось оканчивать розыска; ему казалось невѣроятнымъ, чтобъ въ такое время Кочубей и Искра затѣяли дѣло сами собою, безъ побужденія отъ непріятелей. Онъ велѣлъ отослать доносчиковъ не въ Кіевъ, а въ Смоленскъ. 23 мая Головкинъ писалъ ему: „Кочубея и Искру отослали мы въ Смоленскъ; только доносимъ, чтобъ продолженіемъ того дѣла не было сумнѣнія гетману, ибо онъ пишетъ къ намъ многократно, прилежно прося о при-

сланіи оныхъ къ нему въ войско, а не въ Кіевъ, для обличенія ихъ воровства, чтобъ то народъ Малороссійскій видѣлъ, потому де что въ народѣ Малороссійскомъ, а особливо въ поспольствѣ отъ ихъ единомышленниковъ разсѣваются многіе плевелы, будто его Кочубея и Искру до Петербурга проводили и будто на него гетмана вашъ великій гнѣвъ, и нынѣ обознаго генеральнаго челядника, въ Кіевъ ѣдущаго, въ мѣстечко Оленовцѣ за то только, что просилъ подводы, старшина тамошняя била съ таковыми выговорами: полно уже вашего, гетманчики, панства, пріѣдетъ на вашу всѣхъ погибель Кочубей. Въ простомъ народѣ безумныя повѣсти оглашаются, будто Кочубей въ великой милости вашей здѣсь, а Искра будто посланъ гетманомъ города какого добывать, а когда добудетъ, отпущенъ будетъ на гетманство".

Петръ велѣлъ привезти доносчиковъ опять въ Витебскъ и снова допросить, не было ли присылокъ отъ непріятелей. Головкинъ донесъ ему отъ 30 мая, что Кочубея и Искру пытали, сколько возможно было по Кочубеевой дряхлости и Искриной болѣзни, не было ли отъ иныхъ народовъ къ нимъ посылки для возмущенія? Кочубей и Искра стояли крѣпко, что не было никакой, все онъ Кочубей затѣялъ по собственной злобѣ. На вопросъ Головкина и Шафирова, какою казнію казнить Кочубея съ товарищи? Петръ отвѣчалъ: „Неиною, что какою ниесть только смертью, хотя головы отсѣчь, или повѣсить — все равно; о попѣ, которой въ томъ же приличенъ, соизвольте учинить по своему разсмотрѣнію, а Петра Яковлева вины кажется мало, только что онъ посланъ былъ къ духовнику съ письмами ихъ, того для отпустить его жить къ Москвѣ или инуды куды въ Великороссійскіе городы, а не въ Малороссійскіе" [267]. Послѣ этого Кочубей и Искра отправлены были въ Кіевъ, а оттуда въ мѣстечко Борщаговку, въ 8 миляхъ отъ Бѣлой Церкви, гдѣ стоялъ гетманъ обозомъ: здѣсь 14 іюля они были казнены „при всей посполитой рѣчи генеральной и при многомъ собраніи всего Малороссійскаго народа" [268].

Это печальное дѣло, дошедшее до насъ во всѣхъ подроб-

ностяхъ, не требуетъ длинныхъ объясненій; нѣтъ нужды много распространяться о томъ странномъ мнѣніи, по которому во всемъ виноваты министры Головкинъ и Шафировъ, которые, будто бы подкупленные Мазепою, дѣйствовали пристрастно. Вопервыхъ, чтобъ говорить о подкупѣ, надобно имѣть основанія, а этихъ основаній нѣтъ. Во вторыхъ, были ли подкуплены министры, или нѣтъ, они не могли дѣйствовать иначе, какъ дѣйствовали по тогдашнимъ правиламъ, соблюдавшимся въ подобныхъ дѣлахъ: какъ скоро доносчики порознились въ своихъ показаніяхъ относительно самаго важнаго пункта, употреблялась пытка. Можно обвинить не Головкина и Шафирова, но самого Петра; можно обвинить его за это упорство въ довѣріи къ Мазепѣ; прежде гетманъ выдерживалъ всѣ искушенія, всѣ прежніе доносы на него оказывались ложными: но какъ же Петръ не обратилъ вниманія на главное, на перемѣну обстоятельствъ, на то, что новое искушеніе было гораздо сильнѣе прежнихъ? Эта безспорная ошибка со стороны Петра объясняется отвращеніемъ къ Малороссійскому безнарядью, къ недостойному поведенію старшины и полковниковъ, къ дрязгамъ, доносамъ, которыми они постоянно тревожили правительство; по своему характеру и стремленіямъ Петръ болѣе чѣмъ кто-либо долженъ былъ не любить порядка вещей, господствовавшаго въ Малороссіи; нашелъ онъ тамъ гетмана по себѣ, умнаго, благонамѣреннаго, зналъ, какъ враги подъискивались подъ этого гетмана, слышалъ его постоянныя жалобы на безнарядье, и естественно началъ питать отвращеніе къ безнарядникамъ, естественно въ каждомъ движеніи, направленномъ противъ гетмана, видѣлъ движеніе, враждебное для государства, факцію непріятельскую. Ошибка объясняется — и только; ошибка остается ошибкой. Но еслибъ Петръ не сдѣлалъ этой ошибки, то и тогда дѣло не могло вестись иначе, какъ велось. Развѣ можно было при извѣстныхъ обстоятельствахъ 1707 и 1708 года, по первому доносу схватить гетмана и нарядить надъ нимъ слѣдствіе? Многогрѣшнаго и Самойловича свергли не подоносу двухъ чело-

вѣкъ, а всей старшины, и тутъ сколько упрековъ правительству за это? Нужно было, даже для того, чтобъ спасти доносчиковъ отъ Мазепы, перезвать ихъ въ безопасное мѣсто и узнать отъ нихъ хорошенько, въ чемъ дѣло; и тутъ еслибы Головкинъ и Шафировъ дѣйствовали подъ вліяніемъ самой сильной подозрительности противъ Мазепы, то не могли бы поступить иначе, какъ поступили. Слѣдовательно ошибка Петра не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу: какъ бы онъ ни смотрѣлъ на Мазепу, послѣ доноса Кочубея и Искры должно было оставить его внѣ всякаго подозрѣнія: доносъ оказался ложнымъ.

Послѣ казни Кочубея и Искры, обозный генеральный Ломиковскій и полковники Миргородскій, Прилуцкій и Лубенскій начали усильно требовать отъ Мазепы, чтобъ промышлялъ о своемъ и общемъ спасеніи, обѣщаясь стоять до крови за него и за права и вольности войсковыя, въ чемъ и присягнули, а гетманъ далъ имъ присягу въ тѣхъ же выраженіяхъ какъ предъ Орликомъ въ Кіевѣ [269]. Мазепѣ больше всего хотѣлось возвратиться съ праваго берега Днѣпра въ Батуринъ, и въ бездѣйствіи выжидать, чѣмъ кончится въ Великороссіи борьба между Петромъ и Карломъ. Но на его бѣду Карлъ, вмѣсто того чтобъ идти прямо въ Москву, повернулъ въ Малороссію: „Дьяволъ его сюда несетъ! сказалъ Мазепа: всѣ мои интересы превратитъ и войска великороссійскія за собою внутрь Украйны впровадитъ на послѣднюю оной руину и на нашу погибель". Отъ царя письмо: „Господинъ гетманъ! понеже непріятель идетъ по Днѣпру внизъ, и потому и по другимъ всѣмъ видамъ намѣреніе его есть на Украйну, того ради предлагаемъ вамъ 1) чтобъ вы по своей вѣрности смотрѣли въ Малороссійскомъ краю какой подсылки отъ непріятеля, также прелестныхъ листовъ, и всяко оныя престерегали и пресѣкали, и намъ въ томъ (ежели одни сами чего не можете учинить) совѣтъ и вѣдомость давали. 2) что непріятель уже зѣло своимъ маршемъ спѣшитъ, того ради заблагоразсудили мы, чтобъ вы со всѣмъ своимъ войскомъ шли какъ наискоряе къ Кіеву, и, оставя тамъ нѣсколько коза-

ковъ въ гарнизонѣ по совѣту съ г. Голицинымъ, сами шли за Днѣпръ въ удобное мѣсто со всѣми тяжжары (обозомъ), кои при Кіевѣ были, а конницу всю (развѣ мало что при себѣ оставить) съ добрымъ командиромъ изготовить на легкѣ въ походъ; и когда непріятель станетъ ближиться къ великороссійскимъ или малороссійскимъ городамъ, тогда мы всегда у онаго потщимся передъ брать, а ваша бъ конница всегда сзади на непріятеля била, и все послѣдующее оному и обозы разоряла, чѣмъ непріятелю великую диверсію можете учинить. Мы бы зѣло желали, дабы вы сами съ тою конницею были, но нудить не можемъ для вашей болѣзни, и для того сіе кладемъ на ваше разсужденіе, однакожъ сіе надлежитъ немедленно дѣлать". Мазепа отвѣчалъ изъ обозу отъ Аслана городка 18 іюля: „Радбымъ и я сердечно на службѣ вашего величества присутственнѣ зоставать для лутчего порядку въ чиненю диверсіи непріятелю, еслибъ при надходящей глыбокой, весма знемощной старости, педокгричная и хирокгричная болѣзнь препятіемъ не была, для которой на кони трудъ понести не могу, и хотя мало верхомъ милю и другую проѣду, то того много приболѣть мушу (долженъ); однакожъ и въ такой немощи и болѣзнѣ не отрицалбылося служить и услужить, хотябъ мнѣ пришло на службѣ вашего царскаго величества при боку вашемъ монаршомъ, лучше нежели гдѣ на сторонѣ и житія, пострадать, токмо тое благоразумному вашего царскаго величества разсужденію предаю, что если я особою моею гетманскою, оставя Украйну, удалюсь, то вельми опасаюсь, дабы подъ сіе время внутреннее между здѣшнимъ непостояннымъ и малодушнымъ народомъ не произошло возмущеніе, наипаче когда непріятель, исполняя враждебное свое намѣреніе, похочетъ тайнымъ якимъ нибудь образомъ прелестные свои листы въ городы подсылать; а я у здѣшнихъ не токмо мало, но и никого такъ вѣрнаго не имѣю и усмотрѣть такого коммендіера не могу, который бы сердцемъ и душою, вѣрнѣ и радѣтельнѣ вашему царскому величеству подъ сей случай служилъ, на подсылки непріятельскіе и на прелести его недремательнѣ смотрѣлъ, осте-

регалъ и всячески пресѣкалъ, однакожъ ожидаю въ томъ именного вашего царскаго указу, и по должности уряду моего и по обыклой непорочной вѣрности, велѣлъ у канцеляріи войсковой во всѣ вашего царскаго величества регименту моего Малороссійскіе городы универсалы выдать, утверждая народъ здѣшній въ вѣрности къ вашему царскому величеству, и повелѣвая городовой старшинѣ, дабы на подсылки непріятельскіе бодрое око имѣли, прелестныхъ писемъ и универсаловъ его, еслибъ якіе были о провіантахъ, не слухали, оные презирали, отвращали, страхованій враждебныхъ не ужасались и къ прелестямъ ласкательнымъ не преклонялись" [270].

Послѣ битвы подъ Лѣснымъ Петръ отправился въ Смоленскъ, тогда какъ Шереметевъ и Меншиковъ находились около Стародуба, наблюдая за движеніями Шведской арміи. Меншиковъ получилъ приказаніе идти съ кавалеріей на югъ на встрѣчу къ гетману, съ которымъ вмѣстѣ долженъ былъ пріѣхать для совѣщаній въ главную армію, куда въ концѣ октября хотѣлъ быть и самъ царь. Петръ 13 октября писалъ Меншикову: „Я чаю, что уже въ Малороссійскихъ городахъ обрѣтаетесь, куды вамъ зѣло поспѣшить надобно и видѣться съ гетманомъ, понеже отъ бездѣльниковъ есть нѣкоторое воровство. Отсѣль поѣду со 18 или зъ 20 чиселъ сего мѣсяца въ армею, куды и вамъ зъ гетманомъ особами своими быть потребно" [271]. Головкинъ шлетъ письмо за письмомъ къ Мазепѣ, чтобъ выступалъ съ своими полками къ Стародубу. Мазепа велитъ полковникамъ Миргородскому, Прилуцкому и Лубенскому собраться къ обозному Ломиковскому и рѣшить, должноли исполнить царскій указъ? Всѣ единогласно отвѣчали, чтобъ не ходилъ къ Стародубу, а посылалъ немедленно къ королю Шведскому съ просьбою о протекціи, и старался соединиться съ Шведскимъ войскомъ на границахъ, чтобъ не допускать войскъ великороссійскихъ въ Украйну. При этомъ Ломиковскій и товарищи просили гетмана объявить имъ, чего они должны надѣяться съ цѣлою Украйною и войскомъ Запорожскимъ? на какомъ фундаментъ заложилъ онъ ту ма-

хину соединенія съ Шведами и Поляками? Мазепа отвѣчалъ имъ съ сердцемъ: „Для чего вамъ о томъ прежде времени вѣдать? спуститесь на мою совѣсть и на мое подлое разумишко, на которомъ вы не заведетеся; болши я, по милости Божіей, имѣю разумъ единъ, нежели вы всѣ". Обратясь къ Ломиковскому, сказалъ: „Ты уже свой разумъ выстарилъ", и указывая на Орлика: „У того еще разумъ молодой, дѣтскій. Самъ я знаю, когда посылать къ Шведскому королю". Тутъ съ сердцемъ вынулъ онъ изъ шкатулки универсалъ къ Малороссіянамъ, привезенный Заленскимъ, и велѣлъ Орлику прочесть его вслухъ: всѣ были довольны.[272]

Въ слѣдствіе этихъ разговоровъ Мазепа шлетъ письма къ царю и къ Меншикову, что ему нельзя двинуться изъ Малороссіи. „Вчерашняго дня (писалъ онъ Меншикову 8 октября) за настоящею моею хирогричною и головною болѣзнью и за многодѣльствіемъ забылъ донесть вашей княжой свѣтлости въ писаніи моемъ о многихъ подъ сіе время трудностяхъ и внутреннихъ смятеніяхъ. Сіятельнѣйшій графъ, его милость Гаврила Ив. Головкинъ пишетъ до меня многажды чрезъ моихъ и чрезъ своихъ нарочныхъ куріеровъ, чтобъ я спѣшнымъ маршомъ шелъ къ Стародубу для отпору наступленію непріятельскому, которому я ради малолюдствія при мнѣ обрѣтающагося никакою мѣрою резистенціи учинить не могу, понеже больше войска городоваго великороссійскаго сердюковъ одной компаніи совокупя въ одно число 5000 при себѣ не имѣю, ибо полкъ сердюцкій одинъ въ Бѣлой церкви и два полка великороссійскіе пѣхотные въ фортеціи Печерской, посланы на перемѣну полку Гадяцкаго, отправленнаго въ Польшу на сикурсъ, и хотя тѣ два полка велѣлъ я перемѣнить господину Неплюеву разными команды его людьми и идти велѣлъ за собою, однако оные въ пути медлятъ и, не знаю, когда ко мнѣ прибудутъ, да и въ тѣхъ четырехъ великороссійскихъ неполныхъ голыхъ и босыхъ полкахъ при боку моемъ обрѣтающихся, болши двутысячь не сберется, яко сами господа полковники сказываютъ, изъ которыхъ четырехъ полковъ два въ фортеціи Печерской остались. И если прибуду къ

Стародубу, то развѣ пойду въ самый городъ въ осаду; а тутъ въ Украйнѣ внутренній огонь бунтовничій отъ гультяевъ пьяницъ и мужиковъ во всѣхъ полкахъ началъ разгораться, которые, услыша о вступленіи въ Малороссійскій край непріятельскомъ и моемъ къ Стародубу малолюдномъ отдаленіи, всюду въ городахъ великими купами съ кіями и съ ружьемъ ходятъ, арендаровъ бьютъ до смерти, вино насильно забираютъ и выпиваютъ, какъ въ полку Лубенскомъ арендаря и ктитора убили до смерти, въ Мглинѣ сотника тамошняго козаки изрубили и спицами покололи, съ Сотницы сынъ обознаго моего войсковаго генеральнаго насилу съ женою своею уходомъ спаслись; въ Гадячѣ на замокъ тамошній наступали, хотя добро мое тамъ разграбить и господаря убить, котораго постигла бы смертная кончина, еслибъ съ мѣщанами отъ тѣхъ гультяевъ не отстрѣлялся. А воздвигнули то внутреннее смятеніе козаки, во время партикулярной баталіи отъ непріятеля распрошенные, кажется подъ Кадиномъ, которые разбѣгшися въ полки, огласили, будто войска всѣ великороссійскіе и малороссійскіе непріятель разбилъ и люди полку Стародубскаго великими таборами уходятъ въ дальнія мѣста, которые между непостояннымъ народомъ неистовыми словами разсѣяли тѣ плевелы, будто они паче отъ войскъ Малороссійскихъ бѣгутъ, что села всюду будто въ полку Стародубовскомъ жгутъ и грабятъ, и непріятель будто имъ никакого разоренія не чинитъ, которыми вѣдомостями зачался въ простомъ и малодушномъ народѣ мятежъ и роптаніе, а между гультяевъ своевольство, ибо опасность и въ томъ великая, что два предводителя гультяйскіе, одинъ Перебѣжный, другой Молодецъ, прибравши къ себѣ своеволицъ, и болши великороссійскихъ людей Донцовъ 2000, по берегамъ Днѣпра и въ поляхъ шатаются, и людей разбиваютъ, да и отъ Польши небезопасно, понеже какъ графъ Головкинъ пишетъ до меня, что Станиславъ къ Кіеву идетъ, такъ и резидентъ мой при господинѣ Синявскомъ пребывающій тожъ подтверждаетъ. Разсуди ваша княжая свѣтлость своимъ высокимъ благоразуміемъ, какая въ томъ

польза будетъ интересамъ монаршимъ, если я пойду въ Стародубовщину оного только полку боронить, а тутъ всю Украйну въ такихъ трудностяхъ, опасностяхъ и въ начинающемся бунтовничьемъ пожарѣ на крайнее разореніе оставлю, а не дай Боже еще мнѣ какова тамъ отъ непріятеля несчастія, то какой оттуда возгорится огнь внутренній —выразумѣть можно! Изволь ваша княжая свѣтлость, ясно ближайшій монаршаго боку и тайный его государственныхъ дѣлъ первѣйшій и поуфальщихъ министръ, отъ Бога дарованнымъ себѣ премудрымъ разумомъ и искусствомъ наставити меня, какъ имѣю въ таковыхъ трудностяхъ и въ указахъ поступить и исправиться"?

Меншиковъ, пересылая это письмо Петру, написалъ свое мнѣніе: „мнѣ кажется до Стародуба его ради тѣхъ противностей заволакивать не для чего, что отдаю въ ваше высокоздравое разсужденіе" [273]. Петръ отвѣчалъ, что хотя извѣстія гетмана о внутреннихъ волненіяхъ въ Малороссіи и не совсѣмъ справедливы (было возстаніе на жидовъ, а не противъ правительства): однако гетмана отволакивать ненадобно понеже польза большая его въ удержаніи своихъ, нежели въ войнѣ" [274]. Не отволакивая Мазепу къ Стародубу, Меншиковъ писалъ ему, чтобъ онъ свидѣлся съ нимъ для необходимыхъ совѣщаній; но когда Мазепа объявилъ объ этомъ Ломиковскому съ товарищи, тѣ закричали: „Если поѣдешь, то и себя, и насъ, и украйну погубишь!" Самъ Мазепа боялся, что его хотятъ приманить, и, прибравъ къ рукамъ, возобновить дѣло Кочубея, ибо приходили извѣстія изъ Польши, что тамъ всюду громко говорятъ о сношеніяхъ его, Мазепы, съ королемъ Станиславомъ; и потому Мазепа рѣшился послать къ Меншикову племянника своего Войнаровскаго съ объявленіемъ о тяжкой, предсмертной болѣзни своей и объ отъѣздѣ своемъ изъ Батурина въ Борзну для соборованія масломъ отъ Кіевскаго архіерея. Мазепѣ хотѣлось употребить всѣ средства, чтобъ не ѣхать къ царю или его полководцамъ, и въ то же время не хотѣлось посылать къ Карлу до послѣдней крайности; какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ обстоя-

тельствахъ, онъ ждалъ, чтобъ другіе принудили его сдѣлать послѣдній страшный шагъ. Ломиковскій съ товарищи настаивалъ, чтобъ гетманъ послалъ къ Шведскому королю съ предложеніемъ союза; однажды вечеромъ Мазепа послалъ къ нимъ Орлика потребовать, чтобъ сказали рѣшительно, посылать или не посылать къ Карлу? Ломиковскій отъ имени всѣхъ товарищей велѣлъ отвѣчать довольно дерзко, что они удивляются такой сонливости и медленности гетмана: сколько разъ просили они его послать къ Карлу, когда тотъ еще былъ на границахъ, но гетманъ не послалъ, и этою своею медленностію впровадилъ въ Украйну всѣ силы великороссійскія на разореніе и кровопролитіе всенародное; и теперь, когда уже Шведы подъ носомъ, невѣдомо для чего медлитъ? Мазепа разсердился и сказалъ: „Знаю, что все это переговариваетъ тотъ лысый чертъ Ломиковскій!“ и, призвавши къ себѣ Обознаго съ товарищи, далъ на нихъ окрикъ: „Вы не совѣтуете, только обо мнѣ переговариваете; чертъ васъ побери! я, взявши Орлика, поѣду ко двору царскаго величества, а вы хотя пропадайте!“ Потомъ, смягчившись, спросилъ ихъ: „Посылать къ королю или нѣтъ?“—„Какъ же не посылать? давно пора, не надобно откладывать!“ былъ отвѣтъ. Тогда Мазепа велѣлъ позвать управителя своей Шептаковской волости Быстрицкаго, и заставилъ его присягнуть въ сохраненіи тайны. Орликъ написалъ ему полатыни инструкцію посольства къ первому министру Карла XII, графу Пиперу, аптекарь гетманскій перевелъ инструкцію на Нѣмецкій языкъ; безъ подписи и печати отдали ее Быстрицкому, который и отправился въ Шведскую армію съ плѣннымъ Шведомъ вмѣсто переводчика. Въ инструкціи Мазепа высказывалъ великую радость о пришествіи королевскаго величества въ Украйну, просилъ протекціи себѣ, войску Запорожскому и всему народу Малороссійскому и освобожденія отъ тяжкаго ига Московскаго, увѣдомлялъ, что онъ, гетманъ находится въ большой опасности и потому просилъ о скорой присылкѣ войска на оборону, для котораго обѣщалъ приготовить паромы на Деснѣ у пристани Макошинской [275],

Между тѣмъ Меншиковъ 19 октября былъ уже въ Горскѣ, въ Черниговскомъ полку, откуда 20 числа писалъ царю: „Господинъ полковникъ! доношу вашей милости, что мы съ находящеюся при мнѣ кавалеріею пришли сюда вчерашняго дня, слава Богу, въ добромъ состояніи; его милость, господина гетмана Мазепу,со дня на день я къ себѣ ожидалъ; но вчерашняго дня вмѣсто его получилъ видѣть господина Войнаровскаго, чрезъ котораго пишетъ онъ ко мнѣ, что едва не послѣдній черезъ него отдаетъ мнѣ поклонъ, ожидаючи себѣ послѣднаго цѣлованія; понеже конечно при кончинѣ своея жизни обрѣтается и для освященія масломъ поѣхалъ онъ въ Борзну, гдѣ ожидаетъ его Кіевскій архіерей. И сія объ немъ вѣдомость зѣло меня опечалила, первое тѣмъ, что не получилъ его видѣть, которой зѣло мнѣ былъ здѣсь нуженъ; другое, что жаль такова добраго человѣка, ежели отъ болѣзни его Богъ не облегчитъ, а о болѣзни своей пишетъ, что отъ подагричной и хирогричной приключилась ему апелепсія".

Меншикову очень нужно было бы видѣть гетмана, потому что онъ нашелъ Малороссійскіе полки въ самомъ печальномъ состояніи. 21 октября онъ писалъ царю: „Понеже опасаюсь, дабы непріятель къ Новгородку не пошелъ и тамъ Десну не переправился, того ради весма надлежитъ въ тѣхъ мѣстахъ Десну людьми укрѣпить, дабы оной великой переправы непріятель свободно безъ всякаго запрещенія переправиться не могъ; и хотя о томъ я господину фельдмаршалу Шереметеву нынѣ постоянно и предлагалъ, чтобъ для того при нихъ обрѣтающуюся кавалерію и нестройныхъ всѣхъ такожъ и Ифлянта на ту сторону Десны отправили, дабы оные непріятелю тою переправу запрещать могли: однакожъ и вашей милости о томъ доношу, чтобъ вы отъ себя паки о томъ подтвердить изволили. А что велѣно туда идти войску гетманскому, и на то слабая надежда, понеже како здѣсь мы видимъ ихъ, что всѣ въ великомъ страху отъ непріятеля, и изъ домовъ своихъ совсѣмъ убравшись кой куда врознь разъѣзжаются; здѣшняго Черниговскаго полку только съ полтораста человѣкъ

здѣсь мы изобрѣли, и тѣ изъ послѣднихъ, а изъ старшинъ, почитай, никого не видимъ, а которой и появится, да того жъ часу спѣшитъ до двора, чтобъ убраться и бѣжать. При семъ за благо вашей милости совѣтую, что мнѣ кажется время и самимъ вамъ къ арміи путешествовать ради лучшаго при сихъ обстоятельствахъ распоряженія" [276].

Петръ еще до призыва Меншикова путешествовалъ къ арміи, и 21 числа былъ въ 80 верстахъ отъ Брянска [277]; а между тѣмъ въ Борзну къ Мазепѣ возвратился Быстрицкій съ устнымъ донесеніемъ, что самъ Карлъ обѣщалъ быть у Мокошинской пристани 22 октября. Но въ этотъ день Шведы не явились у Десны, а на другой день, 23 числа прискакалъ Войнаровскій съ вѣстію, что завтра къ обѣду пріѣдетъ въ Борзну Меншиковъ для свиданія съ умирающимъ гетманомъ. Войнаровскій разказывалъ, что убѣжалъ тайкомъ отъ Меншикова, потому что подслушалъ какъ Нѣмецкіе офицеры между собою говорили: „Помилуй Боже этихъ людей! завтра они будутъ въ кандалахъ". Получивъ извѣстіе о намѣреніи Меншикова пріѣхать въ Борзну, Мазепа „порвался какъ вихрь" и въ тотъ же день, поздно вечеромъ поскакалъ въ Батуринъ; а на другой день рано, переправясь чрезъ Сеймъ, пріѣхалъ вечеромъ въ Коропъ, гдѣ переночевалъ, на другой день 24 числа рано переправился за Десну, и ночью достигъ перваго Шведскаго драгунскаго полка; отсюда отправилъ Ломиковскаго и Орлика къ королю, а за ними поѣхалъ и самъ съ отрядомъ, состоявшимъ не болѣе, какъ изъ 2000 человѣкъ. Въ селѣ Бахмачѣ присягалъ онъ торжественно на Евангеліи передъ генеральною старшиною, полковниками, сотниками и знатнымъ товариществомъ, что онъ не для приватной своей пользы, но для общаго добра цѣлой отчизны и войска Запорожскаго принялъ протекцію короля Шведскаго; потомъ старшинѣ и всему знатному товариществу велѣлъ присягать, что будутъ вѣрны ему, Мазепѣ и будутъ признавать протекцію короля Шведскаго [278].

Между тѣмъ Меншиковъ ѣхалъ въ Борзну для свиданія съ гетманомъ; но на дорогѣ встрѣтилъ его полковникъ Ан-

ненковъ и, по отправленіи отъ гетмана „извычайнаго комплимента“, сказалъ, что Мазепа изъ Борзны поѣхалъ въ Батуринъ. Меншиковъ туда: нѣтъ гетмана, поѣхалъ наскоро въ Коропъ; но тутъ Меншикова поразило то, что встрѣтилъ его одинъ великороссійскій полкъ Анненкова, а всѣ сердюки и Батуринскіе жители перебрались въ замокъ и засѣли въ немъ, мостъ былъ разведенъ, по стѣнамъ стояли вооруженные люди въ строю съ знаменами и пушками. Меншиковъ послалъ къ нимъ полковника Анненкова спросить: для чего поступаютъ по непріятельски? Анненкова въ замокъ не пустили и дали отвѣтъ со стѣны, что поступаютъ по указу. Меншиковъ сейчасъ же поѣхалъ въ Коропъ, думая застать тамъ наконецъ гетмана и получить отъ него объясненіе; но отъѣхавъ полторы мили отъ Батурина, узналъ, что Мазепа уже за Десною. Меншиковъ отправился къ Деснѣ и изъ Макошина, 26 числа увѣдомилъ царя о своихъ разъѣздахъ за гетманомъ: „И чрезъ сіе злохитрое его поведеніе, за истинно мы признаваемъ, что конечно онъ измѣнилъ и поѣхалъ до короля Шведскаго, чему явная есть причина и то, что племянникъ его Войнаровскій, будучи при мнѣ въ 22 день сего октября, въ самую полночь, безъ вѣдома и съ нами не простясь, къ нему уѣхалъ, и съ того времяни уже ко мнѣ ни о чемъ онъ гетманъ не отзывался. И тако объ немъ инако разсуждать не извольте, только что совершенно измѣнилъ, и для того за благо вашей милости совѣтую, что при такомъ зломъ случаѣ надлежитъ весьма здѣшній простой народъ утвердить всякими обнадеживаніями чрезъ публичные универсалы, выписавъ всѣ его гетманскія къ сему народу озлобленія и тягости, и чтобъ на его никакія прелести не склонялись, понеже когда онъ сіе учинилъ, то не для одной своей особы, но и всей ради Украйны, и безъ того не пройдетъ, чтобъ какихъ не было отъ него здѣсь прелестныхъ универсаловъ или тайныхъ какихъ факцій. При семъ еще доношу вашей милости, что въ здѣшней старшинѣ кромѣ самыхъ вышнихъ, такожъ и въ подломъ народѣ съ нынѣшняго гетманскаго злого учинку никакого худа ни въ комъ не видать;

по токмо ко мнѣ изо всѣхъ здѣшнихъ ближнихъ мѣстъ съѣзжаются сотники и прочіе полчаня и приносятъ на него въ томъ нарѣканія и многіе просятъ меня со слезами, чтобъ за нихъ предстательствовать и не допустить бы ихъ до погибели, ежели какой отъ него гетмана будетъ надъ ними промыслъ, которыхъ я всякимъ обнадеживаніемъ увѣщеваю, а особливо вашимъ въ Украйну пришествіемъ, изъ чего они повидимому въ великую приходятъ радость" [279].

Петръ съ главною арміею сторожилъ на Деснѣ (въ мѣстечкѣ Погребкахъ) движенія непріятеля, когда, 27 числа, получилъ письмо Меншикова, и ночью написалъ ему отвѣтъ: „Письмо ваше о нечаянномъ никогда зломъ случаѣ измѣны гетманской мы получили съ великимъ удивленіемъ, и нынѣ надлежитъ трудиться, какъ бы тому злу забѣжать и дабы не допустить войску козацкому, при Деснѣ бывшему, переправливаться за рѣку по прелести гетманской: того ради пошли немедленно къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они, нѣсколько полковъ драгунъ, которые бы то имъ помѣшали; а полковникамъ и старшинѣ вели сколько возможно ласково призывать и говорить имъ, чтобъ они тотчасъ ѣхали сюды для обранія новаго гетмана, а буде полковникъ Миргородскій гдѣ по близости обрѣтается, то прикажи его сыскавъ къ намъ прислать, обнадежа его милостію нашею, потому что онъ великій непріятель былъ Мазепѣ, такожъ и вы немедленно пріѣзжайте" [280]. На другой день написанъ былъ манифестъ: „объявляемъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ Малороссійскаго народа духовнымъ и мірскимъ, а особливо войска Запорожскаго генеральной старшинѣ, полковникамъ, сотникамъ, атаманамъ куреннымъ, и всему войску Малороссійскому, стоящему по Деснѣ и въ иныхъ мѣстахъ противъ непріятеля. Извѣстно намъ, великому государю учинилось, что гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и свое крестное къ намъ цѣлованье, измѣнилъ и переѣхалъ къ непріятелю нашему королю Шведскому, по договору съ нимъ и Лещинскимъ, отъ Шведа выбраннымъ на королевство Польское, дабы съ общаго согласія съ нимъ Малороссійскую землю поработить по

прежнему подъ владѣніе Польское, и церкви Божіи и святые монастыри отдать въ унію; и понеже намъ, яко государю и оборонителю Малороссійскаго краю, надлежитъ отеческое попеченіе о васъ имѣти, дабы въ то порабощеніе и разореніе Малороссіи, такожъ и церквей Божіихъ во оскверненіе не отдать: того ради повелѣваемъ всей генеральной старшинѣ, полковникамъ и прочимъ, дабы на прелесть и измѣну сего измѣнника, бывшаго гетмана не смотрѣли, но при оборонѣ нашихъ великороссійскихъ войскъ противъ тѣхъ непріятелей стояли, и для лучшаго упрежденія всякаго зла и возмущенія въ Малороссійскомъ народѣ отъ него бывшаго гетмана вся старшина генеральная и полковая, пребывающая при войскѣ, съѣзжалась немедленно въ городъ Глуховъ для обранія по правамъ и вольностямъ своимъ вольными голосами новаго гетмана, въ чемъ крайняя нужда и спасеніе всея Малыя Россіи состоитъ. При семъ же объявляемъ, что извѣстно намъ учинилось, что бывшій гетманъ хитростію своею безъ нашего указу аренды и многіе другіе поборы наложилъ на Малороссійскій народъ, будто на плату войску, а въ самомъ дѣлѣ ради обогащенія своего, и сіи тягости повелѣваемъ мы нынѣ съ Малороссійскаго народа отставить“[281]. Къ Апраксину, увѣдомлявшему о торжествѣ своемъ надъ Любекеромъ, Петръ писалъ: „Хотя противно совѣсти моей, чтобъ противъ добрыхъ отъ васъ вѣстей къ вамъ нѣчто худое писать, однакожъ нужда повелѣваетъ являти, что учинилъ новый Іуда Мазепа, ибо 21 годъ бывъ въ вѣрности мнѣ, нынѣ при гробѣ сталъ измѣнникъ и предатель своего народа. Правда, хотя сіе дѣло худо, однакожъ не токмо онъ съ совѣту всѣхъ, но изъ пяти персонъ сіе зло учинилъ, что услышавъ здѣшній народъ, со слезами Богу жалуются на него и неописанно злобствуютъ, понеже, какъ слышимъ, кромѣ Бога житіе его было. И тако надежда въ Бозѣ, что онъ себѣ зло вяще исходатайствовалъ (чему пособитъ кровь Самуилова *), нежель тому, кому хотѣлъ“[282].

*) Т. е. гетмана Самойловича.

30 октября пріѣхалъ въ Погребки Меншиковъ; созванъ былъ военный совѣтъ, гдѣ рѣшено—отправить немедленно Меншикова для овладѣнія Батуриномъ, прежде чѣмъ не вошли туда Шведы съ Мазепою.

Мазепа ушелъ къ Карлу съ немногими людьми; но онъ надѣялся поднять оставшихся своими прелестными письмами; вотъ что писалъ онъ Ивану Скоропадскому, полковнику Стародубскому: „Враждебная намъ власть Московская отъ многихъ лѣтъ во всезлобномъ своемъ намѣреніи положила истребить послѣднія наши прива и вольности; теперь приводитъ она это въ исполненіе, какъ ясно изъ того, что безъ всякой важной причины начала прибирать въ свои руки города Малороссійскіе: выгоняя изъ нихъ людей нашихъ, до конца обнищавшихъ и порабощенныхъ, войсками своими наполняетъ. Пусть бы это дѣлалось въ полкахъ Стародубскомъ, Черниговскомъ и Нѣжинскомъ подъ ложнымъ предлогомъ, что это необходимо для обороны отъ Шведовъ: но для чего же дѣлать это съ городами отдаленными, въ которые Шведы и не думаютъ идти? зачѣмъ, напримѣръ, посылать полки въ Полтаву? Мы о злодѣйскомъ намѣреніи царя не только отъ пріятелей имѣли тайныя предувѣдомленія, но и сами совершенно узнали изъ ясныхъ признаковъ; насъ, гетмана, старшину, полковниковъ и все войско хотѣлъ захватить въ свою тиранскую неволю, имя войска нашего изгладить, козаковъ обратить въ драгуны и солдаты и народъ поработить себѣ на вѣки. Не для этого ли Александръ Меншиковъ и князь Дмитрій Голицынъ спѣшили къ намъ съ войсками? Не для этого ли заманивали насъ въ свои обозы? А между тѣмъ безсильная и невоинственная Московская рать, бѣгающая отъ непобѣдимыхъ войскъ Шведскихъ, спасается только истребленіемъ нашихъ селеній и захватываніемъ нашихъ городовъ. Поэтому-то мы, гетманъ, съ общаго согласія пановъ генеральной старшины, полковниковъ и всего войска, предались въ непобѣдимую протекцію наияснѣйшаго короля Шведскаго, всегдашняго всемогущаго заступника обидимымъ, любящаго правду и ненавидящаго лжи, въ не-

сомнѣнной надеждѣ, что его Шведское величество милую отчизну нашу и войско непобѣдимымъ оружіемъ своимъ оборонитъ отъ Московскаго тиранскаго ига, и не только вольность и права наши сохранитъ, но и расширитъ, въ чемъ насъ не только королевскимъ своимъ неотмѣннымъ словомъ, но и письменною ассекураціею увѣрилъ. Поэтому и вы, какъ истинный сынъ отечества, старайтесь нечаяннымъ нападеніемъ истребить Московское войско, находящееся въ Стародубѣ, согласясь съ полковниками Переяславскимъ и Нѣжинскимъ. Вамъ это сдѣлать можно, потому что непобѣдимое оружіе Шведское васъ покрываетъ. Если же вамъ, паче чаянія, истребить Московское войско не удастся, въ такомъ случаѣ спѣшите съ войскомъ своимъ въ Батуринъ, дабы не попался онъ въ Московскія руки“ [283].

Скоропадскій не спѣшилъ къ Батурину; къ Батурину спѣшилъ Меншиковъ; къ Батурину спѣшилъ и Мазепа вмѣстѣ съ Шведскою арміею. 31 октября Петръ писалъ Меншикову: „Сего моменту получилъ я отъ Флюка (вѣдомость), что непріятель пришедъ сталъ у рѣки (Десны) на Батуринскомъ трактѣ, и для того изволь не мѣшкать“. На другой день 1-го ноября новое письмо: „Когда сіе письмо получишь, тогда тотчасъ, оставя караулы довольные, поди къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ непріятель мостъ дѣлаетъ“. Въ тотъ же день еще письмо изъ Субочева: „Объявляемъ вамъ, что нерадѣніемъ генерала маіора Гордона Шведы перешли сюды, и того ради извольте быть опасны, понеже мы будемъ отступать къ Глухову; того ради ежели сей ночи къ утру или поутру совершить возможно (взятіе Батурина), съ помощію Божіею окончавайте; ежели же невозможно, то лучше покинуть, ибо непріятель перебирается въ четырехъ миляхъ отъ Батурина“. 2 ноября изъ деревни Чаплѣевки царь писалъ: „Паки подтверждаю, что Шведы перешли на сю сторону рѣки, и хотя наши крѣпко держали и трижды ихъ сбивали, однако за неудобностію мѣста одержать не могли, понеже на той сторонѣ рѣки у непріятеля мѣсто было зѣло удобное, гдѣ поставлены были на горѣ пушки

въ три боя, и болши держаться нашимъ было ни по которому образу нельзя: того для извольте быть опасны и потому смотря поступать, ибо непріятель перебрался отъ Батурина толко во шти миляхъ, и наши войска почали отступать къ Глухову". Въ слѣдъ за тѣмъ другое письмо въ тотъ же день: „Сей день и будущая ночь вамъ еще возможно трудиться тамъ, а далѣе завтрашняго утра (ежели чего не сдѣлано) бавиться (оставаться) вамъ тамъ опасно" [284].

Меншиковъ окончилъ дѣло въ срокъ. 31 октября онъ пришелъ къ Батурину, гдѣ уже дожидался его князь Дм. Мих. Голицынъ. Голицынъ еще до пріѣзда Меншикова имѣлъ переговоры съ осажденными, которыми начальствовалъ полковникъ Чечелъ и генеральный есаулъ Кенигсекъ: и старшина и рядовые отвѣчали единогласно, что безъ новаго гетмана великороссійскихъ войскъ въ замокъ не пустятъ, а гетмана надобно выбирать вольными голосами, и пока Шведъ изъ Малороссійскихъ предѣловъ не выступитъ, до тѣхъ поръ и гетмана имъ выбирать нельзя. Меншиковъ привелъ полки къ рѣкѣ и хотѣлъ по мостамъ пройти въ городъ, какъ изъ замка Мазепинцы вывезли шесть пушекъ и навели ихъ на мосты. Меншиковъ велѣлъ войскамъ отойти ниже по рѣкѣ, и когда они построились по берегу, то изъ замка выѣхали пять человѣкъ и кричали съ другаго берега, чтобъ не ходили, а пойдутъ силою, то станутъ бить. Меншиковъ велѣлъ говорить имъ, чтобъ прислали къ нему человѣкъ двухъ или трехъ для разговора: отказали съ бранью и уѣхали прочь. Тогда Меншиковъ велѣлъ переправить черезъ рѣку на лодкахъ человѣкъ съ пятьдесятъ гренадеръ; увидя это, Мазепинцы, стоявшіе у мостовъ съ пушками, побѣжали немедленно въ за́мокъ съ большею тревогою: такимъ образомъ мосты были очищены и царскія войска стали перебираться черезъ рѣку. „Сея ночи, писалъ Меншиковъ, совсѣмъ переберемся, а завтра съ Божіею помощію будемъ чинить промыслъ, ибо никакой склонности къ добру въ нихъ не является, и такъ говорятъ, что хотятъ до послѣдняго человѣка держаться" [285].

Ночью осажденные выслали къ Меншикову письмо, въ

которомъ объявляли о своей вѣрности къ царскому величеству и готовности впустить его войска въ замокъ, впрочемъ требовали, чтобъ имъ дано было три дня сроку для свободнаго выхода. Но утромъ, не дожидаясь отвѣта и не видя еще никакого движенія со стороны царскаго войска, начали стрѣлять въ него изъ пушекъ и зажгли посадъ кругомъ города. Меншиковъ послалъ имъ отвѣтъ на ихъ письмо, чтобъ свободно выходили изъ замка, не боясь ничего; письмо Меншикова было прочтено въ кругу: „отвѣчать намъ некогда!“ закричали Мазепинцы, и хотѣли было убить посланнаго; но потомъ одумались и выпустили его съ крикомъ: „Мы всѣ здѣсь помремъ, а царскаго войска не пустимъ!“ День прошелъ въ приготовленіяхъ къ приступу. 2 ноября Петръ, находившійся въ мѣстечкѣ Воронежѣ (Черниговской губер.), получилъ письмо отъ Меншикова: „Доношу вашей милости, что мы сего числа о шти (шести) часахъ по полуночи здѣшнюю фортецію съ двухъ сторонъ штурмовали и по двучасномъ огню оную взяли“ [286]. Петръ отвѣчалъ: „Сего моменту получилъ я ваше зѣло радостное писаніе, за которое вамъ зѣло благодарны, паче же Богъ мздовоздоятель будетъ вамъ; что жъ принадлежитъ о городѣ, и то полагаю на вашу волю: ежели возможно отъ Шведовъ въ немъ сидѣть, то извольте поправить и посадить въ гварнизонъ хотя драгунъ въ прибавку стрѣльцамъ пока пѣхота будетъ (однакожъ нѣсколько пушекъ лучшихъ вывезть въ Глуховъ). Буде же (какъ я отъ присланнаго слышалъ) оной не крѣпокъ, то зѣло лучше такую великую артиллерію вывезть въ Глуховъ (которое тамъ зѣло нынѣ нужно), а строенье сжечь, понеже, когда въ такомъ слабомъ городѣ такую артиллерію оставить, то Шведы также легко могутъ взять, какъ мы взяли, и для того не изволь время терять, ибо сего дня Шведы перешли рѣку и чаю завтра конечно пойдутъ къ Батурину или и куды глубже: и того ради опасно, дабы не помѣшали вамъ въ вывозѣ артиллеріи; буде же не успѣете вывезть, то лучше разжечь или разорвать и штуками, раздавъ, вывезть. PS. Ежели есть булава и знамена, изволь прислать для новаго гетма-

на; зѣло нужно, такожъ канцелярію возми съ собою всю ихъ" [287]. Меншиковъ разсудилъ, что зѣло лучше сжечь Батуринъ.

Взятіе и истребленіе Батурина было страшнымъ ударомъ для Мазепы: люди, доказавшіе на дѣлѣ свою вѣрность къ нему, побиты или въ рукахъ царскихъ; въ тѣхъ же рукахъ богатая казна гетманская, большой хлѣбный магазинъ сожженъ [288]; но всего вреднѣе впечатлѣніе, которое произведетъ взятіе Батурина на Малороссіянъ: почти въ виду непобѣдимыхъ Шведовъ царскія войска взяли и уничтожили столицу гетманскую; такое дѣло смѣлости и силы сдержитъ всѣхъ! „Злыя и несчастливыя наши початки! говорилъ Мазепа: знатно, что Богъ не благословитъ моего намѣренія; а я тѣмъ же Богомъ засвидѣтельствуюся, что не желалъ христіанскаго кровопролитія, но постановилъ было у себя въ намѣреніи, пришедъ въ Батуринъ съ королемъ Шведскимъ, писать до царскаго величества благодарственный за протекцію его листъ, и въ немъ выписать всѣ наши обиды прежнія и теперешнія, правъ и вольностей отъятіе, крайнее разореніе, предуготованную всему народу пагубу, а наконецъ приложить, что мы какъ свободно подъ царскаго величества руку для православнаго восточнаго единовѣрія приклонились, такъ, будучи свободнымъ народомъ, свободно теперь отходимъ, и, за протекцію благодарствуя, не хотимъ руки нашей на кровопролитіе христіанское простирать, но подъ протекціею короля Шведскаго совершеннаго нашего освобожденія будемъ ожидать. Это освобожденіе я надѣялся не войною, но покоемъ чрезъ трактаты получить, хотѣлъ короля Шведскаго всякими способами преклонять къ миру съ царемъ; а теперь, въ нынѣшнемъ нашемъ несчастномъ состояніи всѣ дѣла иначе пойдутъ, и украйна, Батуриномъ устрашенная, бояться будетъ за одно съ нами стоять" [289].

Украйна дѣйствительно не хотѣла быть за одно съ Мазепою. Шведы 4 ноября перешли Десну, а Петръ спокойно отправился въ тотъ же день въ Глуховъ для избранія новаго гетмана, и 7 ноября писалъ къ своимъ: „Объявляемъ

вамъ, что послѣ переметчика вора Мазепы вчерашняго дня учинили здѣшній народъ елекцію новаго гетмана, гдѣ всѣ, какъ одними устами, выбрали Скоропадскаго, полковника Стародубскаго: и тако проклятый Мазепа, кромѣ себѣ, худа никому не принесъ, ибо народомъ и имени его слышатъ не хотятъ, и симъ изряднымъ дѣломъ вамъ поздравляю“ [290]. Пріѣхалъ въ Глуховъ митрополитъ Кіевскій съ двумя другими архіереями, Черниговскимъ и Переяславскимъ, и торжественно предали Мазепу проклятію. „Того жь дня и персону онаго измѣнника Мазепы вынесли, и, снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палачь взялъ и прицѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, и потомъ повѣсилъ“ [291]. На другой день казнили Чечела и другихъ приверженцевъ Мазепы, взятыхъ въ Батуринѣ.

12 ноября проклятіе Мазепѣ было провозглашено въ Москвѣ. Въ Успенскій соборъ съѣхались архіереи, бояре, пріѣхалъ царевичь Алексѣй Петровичь, и протодіаконъ на амвонѣ началъ читать письмо отъ великаго государя къ царевичу, что бывшій гетманъ Мазепа, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, ему великому государю измѣнилъ и отъѣхалъ къ Шведскому королю. Потомъ отслужили молебенъ о побѣдѣ надъ непріятелемъ, и митрополитъ Стефанъ Яворскій сталъ читать къ народу поученіе про измѣнника Мазепу: сначала вспомянулъ Мазепины къ великому государю радѣтельныя службы и къ людямъ добродѣтели, а потомъ объявилъ измѣну и отъѣздъ къ Шведскому королю. Окончивши поученіе, Стефанъ обратился къ другимъ архіереямъ и сказалъ: „Мы собраны во имя Господа Іисуса Христа и намъ дано отъ самаго Бога вязать и рѣшить; аще кого свяжемъ на земли, связанъ будетъ и на небеси“, и возгласилъ трижды: „Измѣнникъ Мазепа за крестопреступленіе и за измѣну великому государю буди анаѳема!“ Прочіе архіереи пропѣли трижды: „буди проклятъ“. За тѣмъ пѣвчіе на крылосахъ пропѣли многолѣтіе великому государю и новоизбранному гетману Ивану Скоропадскому.

Въ то же время въ Малороссіи читали по всѣмъ церквамъ и прибивали къ церковнымъ дверямъ объявленіе Малороссійскихъ архіереевъ: „Благочестивѣйшему монарсѣ нашему бывшій гетманъ Іоанъ Мазепа измѣнилъ и присталъ ко еретическому королю Шведскому, Малороссійскія отчизни отчуждился, хотя оную подъ иго работы Лядской поддати и храмы Божія на проклятую обратити унѣю. Сего ради Духу Св. и намъ Малороссійскимъ архіереямъ тако изволившимъ, чуждъ сталcя церкви святыя православнокаѳолическія, и общенія правовѣрныхъ, и всѣ его единомысленники съ нимъ самоизволнѣ отъ его царскаго пресвѣтлаго величества до противныя части Шведскія удѣлившіися, отъ матери нашея церкви св. восточныя суть отвержени и прокляты. Къ сему же и съ позосталыхъ домовъ ихъ, аще кто либо соизволяя измѣнѣ той и предаяйся до ихъ части будетъ, таковый всякъ не токмо отъ церкви св. восточныя, отъ общенія Таинъ св., но и отъ пребыванія православныхъ извержется и весма чуждъ будетъ, архіерейско повелѣваемъ“ [292].

Изъ Глухова царь послалъ грамоту и къ Запорожцамъ. Приглашая ихъ быть послушными новоизбранному гетману Скоропадскому, Петръ писалъ: „Уповаемъ мы на вашу къ намъ, великому государю вѣрность, что вы за отчизну свою и за православную вѣру и за насъ стоять и богоотступнаго измѣнника Мазепы прелестей слушать не будете; а за вѣрность вашу къ намъ милость наша монаршеская къ вамъ умножится, и посылано будетъ къ вамъ нашего жалованья на каждый курень по 1500 злотыхъ украинскихъ на каждый годъ сверхъ прежняго годоваго вамъ жалованья, и прислать бы вамъ къ намъ въ военный походъ немедленно посланцевъ своихъ, съ которыми то жалованье къ вамъ тотчасъ прислано будетъ, и наша милость къ вамъ за ваши вѣрныя службы никогда отъемлема не будетъ; ибо когда прошлыя зимы ваши посланные челобитчики о нашемъ жалованьи были удержаны на Москвѣ, такожъ когда и прежъ сего нашъ великаго государя гнѣвъ на васъ являлся, и то все учинилось по письмамъ и

ложнымъ доношеніямъ измѣнника Мазепы, который къ намъ писывалъ на васъ по часту, будто вы къ намъ невѣрность свою являете, хотя васъ тѣми своими лживыми клеветы привесть въ нашу немилость; но нынѣ мы, видя, что онъ воръ и измѣнникъ Мазепа то чинилъ по измѣнничью своему умыслу напрасно, милость свою за вѣрныя и постоянныя ваши службы пріумножать, и васъ въ оной милости содержать будемъ непремѣнно, потому что нынѣшній новоизбранный гетманъ Иванъ Ильичъ Скоропадскій о вѣрной вашей къ намъ службѣ доносилъ".

Карлъ разсылалъ манифесты по Малороссіи, возбуждая ея жителей къ сверженію тяжкаго ига Московскаго; Петръ отвѣчалъ своими манифестами, гдѣ говорилось, какъ Шведскій король плѣненныхъ въ Польшѣ Малороссіянъ велѣлъ побить палками до смерти; какъ приказалъ перебить въ нѣсколькихъ деревняхъ безоружныхъ жителей съ женами и дѣтьми; какъ Шведы ставятъ лошадей въ церквахъ православныхъ; хотя король и объявляетъ Малороссіянамъ, чтобъ они спокойно жили въ домахъ, продолжая обыкновенныя занятія, но это все лесть: послѣ онъ ихъ ограбитъ, поработитъ Лещинскому и Мазепѣ, церкви обратитъ въ кирхи Люторскія и Уніатскія, какъ то онъ дѣлалъ въ Польшѣ и Литвѣ, Силезіи и Саксоніи: въ Силезіи больше 70 римскихъ костеловъ превратилъ насильно въ Лютеранскіе. Король разглашаетъ, что царь уменьшилъ прежнія права и вольности Малороссійскія, но это клевета: „Можемъ непостыдно рещи, что никоторый народъ подъ солнцемъ такими свободами и привилегіями и легкостію похвалитися не можетъ, какъ по нашей, царскаго величества милости, Малороссійскій, ибо ни единаго пенязя въ казну нашу во всемъ Малороссійскомъ краю съ нихъ брать мы не повелѣваемъ. А что король упоминаетъ о старыхъ вольностяхъ и привилегіяхъ, то старики помнятъ, какія были права при польскомъ владычествѣ: король исполнитъ свое обѣщаніе, т. е. возвратитъ старину, отдавъ опять Малороссію Полякамъ. Король пишетъ, будто по царскому указу у Малороссіянъ домы и пожитки сожжены и разорены: но вой-

скамъ Великороссійскимъ подъ смертною казнію запрещено дѣлать раззоренія и обиды Малороссіянамъ, что уже и исполнено на нѣкоторыхъ преступникахъ при Почепѣ, и если что пожжено вслѣдствіе военнаго распоряженія, то за это будетъ полное вознагражденіе". — Въ заключеніи своего манифеста царь приглашалъ Малороссійскій народъ дѣлать врагу всевозможныя препятствія, оставлять его безъ жилищъ и хлѣба и промышлять надъ нимъ всякими средствами; если кто приведетъ плѣннаго генерала непріятельскаго, то получитъ въ награду 2000 рублей, за полковника 1000, за офицера по расчету противъ чина, а за рядовыхъ по пяти рублей, за убитаго непріятеля по 3 рубли.

Новый гетманъ Скоропадскій издалъ свой универсалъ, гдѣ объявлялъ, „что не тылко жадной (никакой) вражды отъ народа великороссійскаго противно насъ недѣется, але (но) всякую пріязнь, яко отъ единовѣрныхъ узнаемъ. Чегожъ мы православные христіане, отъ него (Карла XII), яко отъ иновѣрнаго и отъ иноязычнаго, зъ которымъ а не народъ нашъ, а не границы наши и малыя близкости и сполности не маютъ, ожидать себѣ можемъ? и любо бы онъ и хотивъ боронить насъ, якая оборона намъ не есть потребна, лечь якъ то можетъ изъ за Балтицкаго моря, и въ такой далной отлеглости живучи, тое чинити, и церквей нашихъ, которыхъ онъ противникомъ, оборонцою быти?"

Мазепа долженъ былъ указать Карлу, что особенная сила, притягивающая Малороссію къ Великой Россіи, заключается въ единовѣріи, и потому придумали въ королевскомъ манифестѣ объявить, что Петръ давно уже ведетъ переговоры съ папою, какъ бы искоренить въ своемъ государствѣ греческую вѣру и ввести римскую, что іезуитамъ уже дано позволеніе заводить школы и костелы, что царь непремѣнно перемѣнитъ вѣру, какъ скоро освободится отъ войны. Карлъ въ своихъ манифестахъ почелъ за нужное вооружиться противъ Петра также и за нововведенія, и за то, что людей низкаго происхожденія возвысилъ надъ благородными. [293] Но манифесты Шведскаго короля и

универсалы проклятаго гетмана не производили никакого дѣйствія на Малороссіянъ; крестьяне прятали свое имѣніе и хлѣбъ въ лѣсахъ, захватывали, гдѣ только можно было, Шведовъ, отгоняли у нихъ лошадей. Петръ писалъ Апраксину: «Малороссійскій народъ такъ твердо, съ помощію Божьей, стоитъ, какъ болше нельзя отъ нихъ требовать; король посылаетъ прелестныя письма, но сей народъ неизмѣнно пребываетъ въ вѣрности и письма королевскія приноситъ.»[294] Такимъ образомъ переходъ стараго гетмана на шведскую сторону не принесъ Карлу никакой выгоды; а тутъ еще къ концу 1708 года явился новый страшный врагъ, сильные морозы, свирѣпствовавшіе въ то время по всей Европѣ. 16 Ноября Петръ выступилъ изъ Глухова прямо на югъ къ Путивлю, откуда направил немного къ юго-востоку, въ Лебединъ; Карлъ двигался рядомъ на Ромны, гдѣ и остановился Гадячь былъ занятъ Шведскимъ отрядомъ, Веприкъ Русскимъ. Въ началѣ Декабря царь держатъ въ Лебединѣ военный совѣтъ, на которомъ положено: большей части войска идти добывать Гадячь, а генералу Аллярту къ Ромнамъ съ тѣмъ, что если Шведскій король пойдетъ на помощь къ Гадячу, то главной арміи отступить отъ этого города, Аллярту же захватить Ромны. Планъ удался. Карлъ вышелъ изъ Роменъ къ Гадячу въ надеждѣ поразить главную Русскую армію; но та, узнавъ о движеніи короля, немедленно отступила къ Лебедину, а между тѣмъ Алляртъ занялъ Ромны. Эта передвижка армій происходила во время такихъ жестокихъ морозовъ, что птицы на воздухѣ мерзли, и хотя Русскіе большую часть дороги шли возлѣ лѣсу и ночевали около деревень, однако человѣкъ съ полтораста ознобили себѣ руки и ноги, и нѣсколько десятковъ померло; Шведы же пострадали гораздо больше, потому что Карлъ продержалъ ихъ двое сутокъ на степи, все дожидаясь, что Русскіе подойдутъ къ Гадячу, станутъ его штурмовать, и тутъ то онъ задастъ имъ вторую Нарву.[295]

Гадячь не сдѣлался второю Нарвою; но Петръ писалъ къ Апраксину: „Не чаю, чтобы безъ генеральной баталіи сія

зима прошла, а сія игра въ Божіихъ рукахъ, и кто вѣдаетъ, кому счастіе будетъ?“ [296]

И сосѣди Россіи также дожидались, кому счастіе будетъ въ борьбѣ, рѣшавшей судьбы восточной Европы?

Въ продолженіе 1708 года изъ Польши Украинцевъ доносилъ, что тамошніе предводители по прежнему требуютъ немедленной присылки денегъ, считая ,что вмѣсто 333 тысячъ, слѣдовавшихъ на коронное войско по договору 1705 года, получено только 62,600 рублей: „Стали они всѣ веселы и ко мнѣ не очень привѣтливы; вся шляхта и войско также къ намъ неласковы, говорятъ будто въ насмѣшку, что если случится у нихъ съ нами война, то не только служилые, но и жены и дѣти ихъ пойдутъ на насъ. Бискупъ выпросилъ у меня тысячу рублей съ великою докукою. На гетмана Синявскаго надѣяться нельзя: онъ держится нашей стороны до поры до времени, самъ онъ намъ сказалъ явно, что обманомъ не отступитъ и шельмой не будетъ, но если придутъ такія обстоятельства, что при сторонѣ царской держаться будетъ ему нельзя, тогда онъ намъ объ этомъ прямо объявитъ.“ [297]

Старикъ Украинцевъ не могъ оставаться въ Польшѣ; понадобился дѣльный человѣкъ для посылки въ Венгрію къ Рагоци, и Петръ писалъ къ Головкину: „Къ Рагоци кого послать? а напримѣръ Украинцева, ежели лучше того нѣтъ, но Дашковъ, аки глупый, къ сему не годится.“ [298] Украинцевъ отправился въ Венгрію; а Дашковъ остался въ Польшѣ резидентомъ, и въ концѣ Марта 1709 года писалъ Головкину изъ Сатанова: „Гетманъ Синявскій не имѣетъ силы у Станислава Лещинскаго, но жена его черезъ другихъ ищетъ милости у Станислава про запасъ, еслибы не вышелъ король Августъ и царскія дѣла пошли дурно. Очень будетъ хорошо, если придетъ сюда фельдмаршалъ лейтенантъ Гольцъ съ нашими войсками, а если не придетъ, то боюсь, чтобъ Поляки не пришли въ отчаяніе, потому что непріятель разоряетъ всѣ ихъ имѣнія; притомъ явились два Волоха: Савва, который, взявъ Могилевъ на Днѣстрѣ, разоряетъ и мучитъ шляхту нестерпимо, разгла-

шая, что дѣйствуетъ по указу царскаго величества; другой Иваненко захватилъ Брацлавъ и также мучитъ и разоряетъ шляхту. Многіе здѣсь войсковые люди приходили съ великими воплями къ гетману: зачѣмъ позволяетъ въ очахъ ихъ мучить ихъ братьевъ шляхту, и гетманъ сильно опасается, чтобъ не было возмущенія въ войскѣ." Царь прислалъ Синявскому 10,000 рублей, которые тотъ роздалъ региментарямъ, по 500 рублей, потому что Станиславъ присылалъ ихъ перекупать, но они не согласились. Синявскій просилъ Дашкова, чтобъ царь прислалъ какой-нибудь подарокъ женѣ его. Объ этой госпожѣ, владѣвшей мужемъ, еще Украинцевъ доносилъ: „Здѣсь ея почти никто не любитъ и рады были бы, еслибы умерла и больше гетманомъ и другими не мутила." Гольцъ не приходилъ на соединеніе съ коронным̃ъ войскомъ, и 21 Апрѣля Дашковъ далъ знать изъ Чернаго Острова, что царскія дѣла находятся въ очень дурномъ положеніи въ слѣдствіе медленности Гольца: гетманъ Синявскій объявилъ ему, что если Гольцъ не придетъ еще недѣлю, то все войско перейдетъ къ непріятелю: они ужъ два раза бунтовали, не получая жалованья и страшно нуждаясь въ краю совершенно пустомъ. Наконецъ 29 апрѣля пришла вѣсть, что Гольцъ за нѣсколько миль отъ Чернаго Острова, и коронное войско пришло въ восторгъ. Соединенныя войска двинулись къ Львову; но тутъ новая бѣда: Гольцъ, какъ всѣ нѣмцы, не считалъ нужнымъ скрывать своего нерасположенія и неуваженія къ Полякамъ, такъ что Дашковъ долженъ былъ писать Головкину: „Фельдмаршалъ заранѣе никогда не посылаетъ для провіантовъ, и когда куда придетъ, то хочетъ въ одинъ часъ взять все; но такъ дѣлать нельзя. Надобно непремѣнно напомнить фельдмаршалу, чтобъ обходился съ здѣшними ласково; ласкою здѣсь можно больше сдѣлать; также и съ гетманами обходится зѣло несклонно." Сюда присоединилась ссора между коронным̃ъ гетманомъ и предводителемъ Литовскаго войска, старостою Жмудскимъ: Литовцы грабили и били шляхту, выбирали провіантъ: Дашковъ насилу успѣвалъ въ томъ, чтобы дѣло не

дошло до явнаго разрыва. Король Августъ только манилъ обѣщаніями, что скоро вступитъ въ Польшу съ войскомъ, но остерегался входить въ какія-либо обязательства. Петръ понималъ въ чемъ дѣло, и писалъ Головкину: „О выходѣ Августовѣ я не безъ сумнѣнія, понеже всѣ глухо обнадеживаютъ, а въ чемъ сила, то есть заключеніе договоровъ, того по се время не совершено, и конечно чаю, что смотритъ на наше дѣло что съ Шведомъ учинимъ — для того медлитъ и въ совершеніи трактатовъ."[299]

Западная Европа, занятая своими дѣлами, была рада, что безпокойный Шведскій король ушелъ наконецъ въ пустыни сѣверо-востока, и оставалась безучастною, хотя и внимательною зрительницею борьбы между Карломъ и Петромъ. Матвѣевъ понапрасну жилъ въ Лондонѣ, добиваясь принятія Россіи въ великій союзъ. Въ Февралѣ 1708 года Марльбара „мужъ неописанныхъ хитростей и политики исполненный," прямо сказалъ Матвѣеву, что не только королева Англійская, но и цесарь и Голландія рады союзу съ Россіею, но не могутъ вступить въ него немедленно, потому что больше всего боятся союза Шведскаго короля съ Франціею и Венгерцами. „Слышу, писалъ Матвѣевъ Головкину, что курфюрстъ Ганноверскій у герцога Марльбара и у великаго казначея Годольфина всячески промышляетъ наше дѣло уничтожить; Марльбара и Годольфинъ говорятъ: можно ли изъ за однихъ торговыхъ выгодъ съ Москвою раздражать Шведскаго короля при нынѣшней его силѣ и во время войны у насъ съ Франціею?" На оффиціальные запросы Матвѣева былъ прежній отвѣтъ, что дѣло стало не за королевою, а за союзниками, цесаремъ и Голландіею, которые не даютъ отвѣта на предложеніе королевы о Русскомъ союзѣ. Тайнымъ образомъ Матвѣевъ провѣдалъ о внушеніяхъ Прусскаго и Ганноверскаго дворовъ, что всѣмъ государямъ Европы надобно опасатъся усиленія державы Московской; если Москва вступитъ въ великій союзъ, вмѣшается въ Европейскія дѣла, навыкнетъ воинскому искуству и сотретъ Шведа, который одинъ заслоняетъ отъ нея Европу, то нельзя будетъ ничѣмъ помѣшать

ея дальнѣйшему распространенію въ Европѣ. Для предотвращенія этого, союзникамъ надобно удерживать царя внѣ Европы, не принимать его въ союзъ, мѣшать ему въ обученіи войска и въ настоящей войнѣ между Швеціею и Москвою помогать первой. Англія, цесарь и Голландія подчинились этому внушенію и опредѣлили не принимать царя въ союзъ, а проводить его учтивыми словами. Въ іюнѣ Матвѣевъ писалъ, что отъ льстиваго Англійскаго министерства никакой склонности къ царскому величеству нѣтъ и сердечная любовь къ Шведу со дня на день увеличивается, хотя бы королева и мужъ ея принцъ Датскій и усердно желали всякаго добра царскому величеству: но они „отъ своихъ сильныхъ вельможъ какъ бы позорища видимыя или больше за мертвыхъ вмѣняются,“ потому что министры обращаются къ наслѣднику, курфюрсту Ганноверскому и дѣлаютъ все ему угодное. Матвѣевъ предлагалъ, что всего лучше, не тратя времени, прекратить учтивымъ образомъ дѣло и отозвать его изъ Англіи; ждать нечего: здѣсь думаютъ, что неудовольствіе со стороны царя не грозитъ никакою опасностію; пусть, разсердившись на союзниковъ, онъ обратится къ Франціи: та, связанная тѣсною дружбою съ Швеціею, не станетъ дѣйствовать въ московскихъ интересахъ

Согласно этому взгляду, что можно не обращать вниманія на Русскія требованія, Англія признала Лещинскаго королемъ Польскимъ. Матвѣевъ послѣ этого пересталъ ѣздить ко двору. Петръ еще въ апрѣлѣ 1708 года писалъ Головкину: „О Андреѣ Матвѣевѣ, какъ уже давно говорено, что ему время отъѣхать, ибо все разсказы и стыдъ.[300] Матвѣевъ получилъ указъ объ отозваніи, совсѣмъ собрался уже выѣхать изъ Лондона, и 23 Іюля назначилъ срокомъ расплаты со всѣми своими кредиторами. 21 Іюля вечеромъ поѣхалъ онъ въ Соммерсетъ-гоузъ, гдѣ обыкновенно собирались иностранные министры для узнанія другъ отъ друга новостей. Но дорогою вдругъ подбѣгаютъ къ его каретѣ три человѣка, остановили лошадей, двое вломились въ карету, третій сталъ на козлы и велѣлъ кучеру мчать

какъ можно скорѣе—неизвѣстно куда. Вломившіеся въ карету начали бить Матвѣева, отняли шпагу, трость, шляпу. Когда онъ сталъ громко кричать, то они снова избили его и изодрали платье, держа за воротъ. На крики Матвѣева однако сбѣжались люди, остановили лошадей и ввели было избитаго Матвѣева въ ближайшую таверну, но должны были отъ него отступиться, потому что задержавшіе его объявили, что имѣютъ предписаніе купеческаго шерифа арестовать его за долгъ въ 50 фунтовъ двоимъ купцамъ, угольнику и кружевнику. Матвѣева въ извощичьей каретѣ привезли въ долговую тюрьму; но еще изъ таверны онъ успѣлъ дать знать въ Соммерсетъ-гоузъ иностраннымъ министрамъ о страшномъ оскорбленіи, нанесенномъ всѣмъ имъ въ его лицѣ. Флорентійскій посланникъ, кавалеръ Жиральди, особенно дружный съ Матвѣевымъ и лордъ Лифордъ тотчасъ пріѣхали къ нему въ тюрьму, а Португальскій посланникъ поскакалъ въ ту-же минуту къ статсъ-секретарю. Секретарь послѣдняго, Вальполь, пріѣхалъ въ тюрьму, описалъ все дѣло и обѣщалъ Матвѣеву, что завтра явится къ нему самъ статсъ-секретарь и дѣло розыщется: ходили слухи что все это сдѣлано по наущенію Шведскаго министра. Матвѣевъ не сталъ дожидаться завтрашняго дня и тотчасъ же послалъ къ Стельсу, чтобъ тотъ своею порукою высвободилъ его изъ тюрьмы, что и было немедленно исполнено. На другой день пріѣхали къ Матвѣеву всѣ иностранные министры, всѣ съ ужасомъ отзывались о неслыханномъ нарушеніи народнаго права; пріѣхалъ и статсъ-секретарь съ обѣщаніемъ, что въ тотъ же день поѣдетъ въ Виндзоръ и донесетъ королевѣ о случившемся, что немедленно будетъ созванъ великій совѣтъ, и онъ, статсъ-секретарь надѣется, что королева дастъ послу такое удовлетвореніе, какого никому изъ чужестранныхъ пословъ не бывало [301]

Понятно, съ какимъ чувствомъ выѣхалъ Матвѣевъ изъ Англіи, отъ этого „христоненавистнаго народа и канальскаго злочестія исполненнаго“ Онъ возвратился на прежній свой постъ въ Гагу, откуда писалъ Головкину: „Отъ

двора Англійскаго не обѣщаю никакой царскому величеству пріязни, видя неизмѣримыя лукавства герцога Марльбара и склонность его къ Шведскому и Ганноверскому дворамъ.“ [302]

Въ Даніи тѣ же выжиданія, чѣмъ кончится походъ Карла въ Малороссію? Къ Копенгагенскому двору былъ отправленъ князь Василій Лукичь Долгорукій. Датскіе министры, подъ разными предлогами, долго не хотѣли вступать съ нимъ въ конференцію: „По видимому, писалъ Долгорукій, не безъ труда склонить здѣшній дворъ къ желанному царскимъ величествомъ дѣлу: первая причина та, что король человѣкъ не военный и настращенный войною; другая причина, что половина тайныхъ совѣтниковъ противъ войны, потому что деревни ихъ находятся въ Голштиніи, и если война начнется, то они первыя будутъ разорены; главная же причина — неимѣніе денегъ“. Когда наконецъ Додгорукій добился конференціи, то на его предложеніе начать войну противъ Шведовъ, всѣ министры единогласно отвѣчали: „Три причины не позволяютъ намъ вступить въ эту войну: 1)Боимся Англичанъ и Голландцевъ; если мы завоюемъ что нибудь у Шведовъ, то Англичане и Голландцы отнимутъ это у насъ и отдадутъ опять Шведамъ да еще съ нашими убытками. 2)У насъ нѣтъ денегъ. 3)Боимся, что король Шведскій, оставя войну въ Польшѣ, обратится на насъ, и царское величество въ то время насъ покинетъ. Но понятно, что въ Даніи желали успѣха царю и радовались, слыша о затруднительномъ положеніи Карла XII. Въ Сентябрѣ 1708 года Матвѣевъ писалъ изъ Гаги: „Пріѣхалъ сюда изъ Даніи тайный совѣтникъ королевскій баронъ Дейлеръ, былъ у меня и имѣлъ пространный разговоръ, говорилъ, что царскому величеству необходимо не упускать никакого полезнаго и способнаго случая къ нанесенію вреда непріятелю, который находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что изъяснить нельзя. Ненадобно вступать съ нимъ въ генеральный бой, но особыми партіями утѣснять и тѣмъ въ конечную руину привесть, что сдѣлать легко съ такими многочисленными и свѣжими

войсками, какія у его царскаго величества. При крайней скудости Шведъ лошадьми весьма опалъ; изъ войска его побѣгъ ратнымъ людямъ безпрестанный, и никакимъ образомъ онъ, въ краяхъ тѣхъ пустыхъ и безлюдныхъ, ни людей къ себѣ собрать не можетъ, ни денегъ чѣмъ ихъ содержать, тамъ не найдетъ, и этимъ онъ Шведъ самъ себя вводитъ въ конечное бѣдство." Послѣ побѣды подъ Лѣснымъ начались опять конференціи: Долгорукій предлагалъ, кромѣ вспомогательныхъ войскъ, деньги: 300,000 ефимковъ на первый годъ и 100,000 ежегодно на все время войны. Датскіе министры отвѣчали, что этихъ денегъ мало, снаряженіе солдатъ очень дорого стоитъ. Король былъ за границею, и это обстоятельство затягивало дѣло. Долгорукій писалъ: „Зѣлобы нужно хоть малую дачу здѣшнимъ министрамъ прислать; всего ихъ четыре человѣка, а дать надобно только троимъ, потому что они уговариваютъ короля къ войнѣ, а четвертый Лентъ отговариваетъ." [303]

Но до рѣшительнаго оборота военныхъ дѣлъ въ Малороссіи трудно было надѣяться достигнуть чего-нибудь въ Копенгагенѣ, даже и посредствомъ дачь. Дачи, и не малыя нужны были на югѣ, въ Константинополѣ въ страшный 1708 годъ, когда кромѣ Шведа, бунтъ кипѣлъ на югѣ Россіи. Головкинъ писалъ Толстому, чтобъ трудился и развѣдывалъ о тамошнемъ состояніи и писалъ; болѣе всего смотрѣлъ бы теперь, чтобъ Порта не позволила Татарамъ начать непріятельскія дѣйствія противъ Россіи; также домогался бы, чтобъ Порта послала запрещеніе Юсуфъ-пашѣ Силистрійскому подавать какіе-нибудь поводы къ подозрѣнію сторонѣ царскаго величества.—„Юсуфъ-пашѣ, отвѣчалъ Толстой, давно и не одинъ указъ посланъ, чтобъ онъ не смѣлъ затѣвать ничего противнаго Россіи, а какъ онъ тамъ поступаетъ, того мнѣ знать нельзя." Въ Россіи хотѣли всякими способами ласкать Порту; искали всюду, нѣтъ ли гдѣ плѣнныхъ Татаръ и Турокъ, чтобъ возвратить ихъ на родину. Толстой не одобрялъ этихъ вредныхъ, по его мнѣнію, пріемовъ съ Турками, которые могли увидать въ подобныхъ заискиваніяхъ признаки страха. Визирь

засадилъ въ тюрьму русскихъ купцовъ, торговавшихъ иконами и не выпускалъ ихъ по требованію Русскаго посла. „Когда визирь отдастъ мнѣ иконниковъ, писалъ Толстой Головкину, тогда, и то если нельзя будетъ отдѣлаться иначе, объявлю Портѣ, что царское величество изволяетъ послать въ даръ султану старыхъ полоняниковъ, не по обязанности, но по благоволенію своему, для большей любви." Для визиря присланъ былъ мѣхъ лисій загривчатый черный: Толстой и объ этомъ подаркѣ писалъ, что теперь отдавать его непристойно, а надобно помедлить: или визирь станетъ поступать ласковѣе, или злый злѣ погибнетъ, и мѣхъ пригодится на будущее время. „Король Шведскій, доносилъ Толстой, всячески промышляетъ, чтобъ какимъ-нибудь образомъ сочинить съ Турками любовь, но до сихъ поръ Турки объ этомъ нерадятъ и Татарамъ враждовать съ Россіею не позволяютъ. О бунтовщикѣ, ворѣ Булавинѣ буду здѣсь смотрѣть прилежно, и если оная ребеллія вскорѣ не пресѣчется, боюсь, чтобъ не задалась какая трудность, потому что Турки объ этомъ знаютъ и радуются; впрочемъ явно ничего не предпринимаютъ въ пользу бунтовщиковъ, и отъ воровъ явныхъ присылокъ сюда нѣтъ." Въ концѣ 1708 года, Толстой писалъ, что Турки начинаютъ съ нимъ поступать суровѣйше; съ другой стороны писалъ, что посолъ Французскій въ проискахъ своихъ, кажется, какъ будто немного ослабѣлъ: „а впредь что отъ него явится—Богъ вѣсть; впрочемъ если и будутъ отъ него происки, то не будетъ имѣть себѣ помощниковъ: потому что кто были у него пріятели изъ ближнихъ султанскихъ людей, такъ всѣхъ я удовольствовалъ и не будутъ ему помогать."

Въ началѣ 1709 года, Толстой сообщилъ Головкину утѣшную вѣдомость: начавшіеся было противные замыслы пресѣчены и послѣ конференціи, которую онъ, Толстой, имѣлъ съ великимъ визиремъ, утверждено было сохраненіе мирныхъ договоровъ безъ нарушенія: „Извольте быть безопасны отъ Турокъ и Татаръ на будущую весну; развѣ Татары только какіе-нибудь малые набѣги сдѣлаютъ во-

ровски. Уповаю, что и воръ Мазепа не можетъ здѣсь ничего сдѣлать къ своей пользѣ. Ваше сіятельство мнѣ повелѣваете не жалѣть и превеликихъ иждивеній и своей послѣдней копѣйки, только не допускать Порту къ разрушенію мира: поставляю свидѣтелемъ Всемогущаго, если случится дѣло, требующее иждивеній, то хоть въ одной рубашкѣ останусь—ничего не пожалѣю; но теперь большихъ иждивеній давать уже не для чего; одинъ подарокъ надобно было дать, и я далъ своихъ 2000 золотыхъ червонныхъ." Старыхъ полоняниковъ Толстой счелъ нужнымъ отдать Туркамъ: „Пока этого довольно, писалъ онъ Головкину, и черную шубу визирю подожду отдавать, она пригодится въ другомъ какомъ-нибудь случаѣ впередъ, потому что неизвѣстно, что будетъ. Отдача невольниковъ понудила визиря въ лучшую со мною вступить любовь, понеже вельми ему сіе пріятно."

11 апрѣля Толстой донесъ: „4 числа получилъ я вѣдомость о злыхъ замыслахъ козаковъ Запорожскихъ: прислали къ Крымскому хану просить, чтобъ ихъ принялъ подъ свой протекціонъ, о чемъ ханъ извѣстилъ Порту; отъ себя доношу, что нималаго о томъ не извольте имѣть сомнѣнія; сколько мнѣ Богъ помогаетъ, тружусь усердно, и уповаю на Бога, что Порта къ соблазнамъ такихъ плутовъ не склонится". Въ награду за труды Толстой получилъ персону царскую, діамантами обложенную, и 20 апрѣля донесъ о проискахъ Мазепы: пріѣхали Татары изъ Крыма съ объявленіемъ къ Портѣ, что Мазепа проситъ хана вступить въ козацкую землю со всею ордою и помочь козакамъ освободиться изъ-подъ ига Московскаго, за что обѣщаетъ хану давать ежегодно изъ козацкой земли прежнюю дачу, которая шла въ Крымъ изъ Москвы; крѣпость Каменный Затонъ до основанія разорить; король Польскій Станиславъ заплатитъ за всѣ прошлые годы, за которые ничего не присылали въ Крымъ; король Шведскій обѣщаетъ также богатые дары; писалъ Мазепа не отъ одного себя, но ото всей козацкой земли, и хотя теперь козаки повидимому находятся въ подданствѣ Московскомъ, однако

съ нимъ Мазепою всѣ единомышленны. И тутъ Толстой писалъ: „Уповаю на Бога, что оный клятвопреступникъ, паче же богоотступникъ не можетъ при семъ дворѣ предуспѣть злобными своими возмущеніями". Мазепа писалъ и къ Юсуфъ-пашѣ Силистрійскому съ просьбою придти къ нимъ на помощь съ войскомъ; Турецкаго пашу побуждалъ онъ не обѣщаніями, но стращалъ опасностями со стороны Москвы: „Узнаете, что Москва простираетъ свои замыслы не на одинъ Крымъ, но и на царство Оттоманское". Но Юсуфъ-паша былъ задаренъ съ Русской стороны собольимъ мѣхомъ въ тысячу рублей, и давалъ знать Портѣ, что Шведскія дѣла въ дурномъ положеніи, притомъ же у Юсуфа съ Крымскимъ ханомъ была сильная вражда, и потому не могли они дѣйствовать дружно. Крымскій ханъ писалъ, что Запорожскіе козаки просятся въ его протекцію; Юсуфъ-паша доносилъ, что они поддались Шведскому королю; Толстой твердилъ, что они находятся въ подданствѣ царскомъ, кромѣ немногихъ, прельщенныхъ Мазепою. Порта не знала, кому и чему вѣрить.

Не смотря на равнодушіе Порты, Крымскій ханъ не переставалъ придумывать средства какъ нибудь столкнуть ее враждебно съ Россіею и добыть хотя что нибудь изъ затруднительнаго положенія царя: онъ писалъ Портѣ, что Татары не могутъ быть безопасны при существованіи крѣпости Каменнаго Затона, и что теперь самое благопріятное время потребовать отъ Москвы ея разоренія, съ угрозою, что въ случаѣ отказа ханъ присоединится къ Шведамъ со всею ордою. Но и эта попытка не удалась: ханъ получилъ указъ отъ султана не затѣвать ничего, что противно мирнымъ договорамъ съ Москвою. Придумано было еще средство, которое могло имѣть успѣхъ только въ Турціи. 10 іюля Толстой писалъ: „Приключились удивленія достойныя здѣсь вещи: писали къ Портѣ изъ пограничныхъ мѣстъ паши, что царское величество изволилъ придти въ Азовъ будто для начатія войны съ Турками, и вооружилъ въ Азовѣ многіе бастименты съ великимъ поспѣшеніемъ и многіе воинскіе припасы приготовляютъ. Вѣдомости эти скоро здѣсь

разгласились по всему Константинополю и такъ возмутили здѣшній народъ, что еслибъ подробно все доносить, мало было бы и цѣлой дести бумаги; кратко доношу, что многіе Турки отъ страха начали было изъ Константинополя бѣжать въ Азію; по улицамъ и рынкамъ кричали, что флотъ морской Московскій пришелъ уже во Ѳракійское гирло и едва не вспыхнулъ бунтъ противъ султана и визиря, также противъ меня, потому что многіе Турки изъ Поморскихъ мѣстъ съ Чернаго моря прибѣжали въ Константинополь съ женами и дѣтьми, покинувъ домы Такъ какъ ихъ флота морская вся на Бѣломъ (Мраморномъ) морѣ, то съ необыкновенною скоростію начали вооружать торговые бастименты и малые галіоты и послали на Бѣлое море за Капитанъпашею, чтобъ немедленно возвратился съ флотомъ въ Константинополь. Потомъ мало по малу все усмирилось, и я, повидавшись съ визиремъ, увѣрилъ его, что всѣ эти вѣдомости ложныя“ [304].

Къ Константинополѣ боялись, что Петръ пріѣхалъ въ Азовъ для начатія войны съ Турками; а Петръ спѣшилъ въ Воронежъ и Азовъ изъ опасенія, что Турки воспользуются впаденіемъ Карла въ Малороссію и объявятъ войну. Еще изъ Глухова царь писалъ адмиралу Апраксину, чтобъ ѣхалъ поскорѣе въ Воронежъ „понеже тамъ не малая нужда есть, а именно: въ отправленіи въ Азовъ провіанту, денегъ и прочее; а мы такожъ скоро пойдемъ на время на Воронежъ“ [305]. Послѣ описаннаго движенія арміи къ Гадячу и занятія Роменъ Петръ отправился изъ Лебедина въ Сумы, гдѣ и встрѣтилъ новый 1709 годъ. Этотъ годъ, который долженъ былъ озарить его такою славою, начался несчастливо. Карлъ хотѣлъ отомстить за прогулку подъ Гадячь, во время которой погибло столько солдатъ отъ мороза, за потерю Роменъ, и двинулся къ Веприку, гдѣ было 1500 человѣкъ русскаго гарнизона; крѣпость была слишкомъ обширна для такого гарнизона, валъ безъ бастіоновъ, ровъ мелкій, занесенный снѣгомъ; не смотря на то, Русскіе отбили три приступа и сдались (6 генваря), когда уже не стало пороха; Шведы потеряли подъ городомъ 46 офице-

ровъ и болѣе 1000 рядовыхъ [306]. 22 генваря царь писалъ изъ Сумъ къ Меншикову въ Лебединъ: „Зѣло нужно чрезъ добрыхъ шпиговъ (къ чему лучше нѣтъ поповъ) провѣдать, намѣряютъ ли непріятели маршировать?“ [307] Шпиги (шпіоны) донесли, что непріятели маршируютъ къ югу по дорогѣ къ Красному Куту. По этой вѣсти Меншиковъ немедленно выступилъ съ драгунскими полками изъ Лебедина въ Ахтырку. Царь писалъ къ нему 30 генваря: „Я бы вчерась въ Ахтырку поѣхалъ, но остался для болѣзни сына моего, которому сего дня есть мало лучше“ [308]. Чрезъ нѣсколько дней Петръ былъ уже въ Ахтыркѣ. Нападеніе Карла на генерала Ренне было отражено съ урономъ для Шведовъ; Карлъ остановился въ Опошнѣ; скотъ и провіантъ, который Шведы набрали по дорогѣ, былъ отбитъ Русскими. О дальнѣйшихъ движеніяхъ Карла приходили вѣсти, что идетъ къ Днѣпру; но были также слухи, что пойдетъ къ Воронежу. Петръ, оставя Меншикова въ Ахтыркѣ, выѣхалъ въ Бѣлгородъ, откуда писалъ адмиралу Апраксину: „Я предъ симъ уже писалъ о непріятельскомъ намѣреніи къ Воронежу; хотя и теперь то неимовѣрно, но паки отъ взятыхъ (плѣнныхъ) подтверждается, для того изволь о спускѣ кораблей тщаніе приложить, а наипаче, чтобъ хлѣбъ, хотя не скоро, только бъ перевезенъ былъ. Паки возвѣщаю, что хотя чаю, что сіе обманъ есть, однакожъ, что опаснѣе (осторожнѣе), то лучше. Хотя я чаю скоро къ вамъ быть, однакожъ дабы ни минуты дѣла остановки не имѣли“ [309]. Изъ Бѣлгорода Петръ уѣхалъ въ Воронежъ, откуда писалъ Меншикову 17 февраля: „Слава Богу все здѣсь добро поводится и зѣло нуженъ мой пріѣздъ былъ сюды, ибо кумпанскіе корабли, которые уже трижды передѣлывали безъ меня, оные ни десятой доли того не стоятъ. А нынѣ положили ихъ разбить, а надобные, слава Богу, въ добромъ порядкѣ обрѣтаются“ [310].

Между тѣмъ Шереметевъ отправилъ генерала Бема на мѣстечко Рашевку (между Гадячомъ и Глинскомъ), занятую Шведами; мѣстечко было взято, Шведскій отрядъ истребленъ, начальникъ его взятъ въ плѣнъ, взято также

2000 лошадей; но этотъ успѣхъ дорого стоилъ Русскимъ, которые, между прочимъ, потеряли майора гвардіи Бартенева. Послѣ этого Шереметевъ доносилъ царю 20 февраля: „Какъ я перебрался рѣку Сулу въ 17 числѣ отъ Лохвицъ въ двухъ миляхъ съ немалою трудностію, также рѣки отъ теплоты зѣло стали слабы: тогда Шведскій генералъ-майоръ Крейцъ, увѣдомився о нашемъ войскѣ, изъ Лохвицъ въ полночь противъ 18 числа выступивъ, перебрался за Сулу. Я нынѣ съ своимъ деташементомъ остановился въ Лохвицѣ для успокоенія нѣкотораго времени людямъ и лошадямъ, а хотябъ и шелъ, ничего непріятелю не учинилъ, токмобъ людей и лошадей привелъ въ худое состояніе, того ради, что непріятелю нынѣшнее время разлитіе водъ и дефилеи къ дефенсіи служатъ“ [311]. Петръ былъ очень недоволенъ и писалъ Меншикову: „Чтожъ о Лохвицкомъ дѣлѣ, и то кромѣ печали мнѣ не принесло, какъ для смерти господина Бартенева, такъ отъ бездѣльныхъ, наипаче торопкихъ поступокъ фельдмаршала“ [312]. Не дѣлая никакихъ выговоровъ фельдмаршалу, Петръ взялъ у него изъ-подъ команды Преображенскій полкъ и отдалъ Меншикову. Шереметевъ, по этому поводу, писалъ царю: „Мимо меня указъ вашъ къ майору Глѣбову повелѣваетъ, чтобъ съ полкомъ Преображенскимъ лейбъ-гвардіи идти отсюда къ г. генералу князю Меншикову подъ команду, изъ чего признаваю вашъ царскаго величества гнѣвъ, токмо за какое мое преступленіе предъ вашимъ величествомъ — не свѣдомъ. И служу вашему величеству истиннымъ чистымъ намѣреніемъ, и сколько моей силы и знанія есть и какъ мнѣ явиться предъ лицемъ Божіимъ. А Преображенскіе два батальона посыланы (на Рашевку) для того, чтобъ скорѣе могли къ тому мѣсту Рашевкѣ прибыть и изъ того бъ мѣста непріятель не ушелъ, которое дѣло, при помощи Божіей, счастливо получено, а кавалеріею одною такого поиску учинить было невозможно, понеже вашему величеству извѣстно, коликое число въ тѣхъ десяти полкахъ добрыхъ и худоконныхъ съ рекруты обрѣтается. И ежели бъ послать пѣхоту, тогда бъ за такимъ неспособнымъ путемъ и за не-

скорымъ прибытіемъ надъ непріятелемъ въ Рашевкѣ поиску не могли учинить. И исполнялъ я вашу волю съ чистымъ намѣреніемъ и охотно, и прошу вашего царскаго величества, моего премилостивѣйшаго государя всенижайше, дабы мнѣ въ старости своей съ печали безвременно не умереть, и мнѣ объявить, какое мое предъ вашимъ величествомъ преступленіе? или повели къ себѣ быть. А что майоръ Бартеневъ умеръ, въ томъ воля Божія, рана была легкая".

Петръ былъ недоволенъ дѣйствіями Шереметева; но очень доволенъ былъ онъ окончаніемъ дѣла съ Запорожцами. Мы видѣли, какъ Мазепа былъ опечаленъ взятіемъ Батурина, какія дурныя послѣдствія предвидѣлъ для своего дѣла отъ этого удара. Опасенія его день ото дня все болѣе и болѣе оправдывались; Малороссія не поднималась противъ царя, Турція также не трогалась, и положеніе Карла становилось все затруднительнѣе. При такихъ обстоятельствахъ еще въ концѣ 1708 года Мазепа рѣшился войти въ сношенія съ царемъ. Къ Русскимъ войскамъ явился одинъ изъ главныхъ недоброжелателей царскихъ, убѣжавшій вмѣстѣ съ Мазепою къ Шведамъ, Миргородскій полковникъ Данила Апостолъ; представленный царю, онъ объявилъ словесно, что Мазепа обѣщаетъ предать въ царскія руки короля Карла и Шведскихъ генераловъ, если Петръ возвратитъ ему гетманское достоинство и удостовѣритъ въ своей милости при ручательствѣ извѣстныхъ Европейскихъ дворовъ. Петръ сначала не повѣрилъ Апостолу, но потомъ велѣлъ своимъ министрамъ, Головкину съ товарищи, войти съ нимъ въ соглашенія. Министры соглашались на предложенія Мазепы, но представляли трудность относительно гарантіи иностранныхъ дворовъ; когда же Апостолъ объявилъ, что безъ этого условія Мазепа никакъ не примется за дѣло, то согласились и на гарантію. Мазепа, не получая никакого извѣстія отъ Апостола, прислалъ къ нему сначала цирюльника, служившаго у Войнаровскаго, а потомъ пріѣхалъ компанейскій полковникъ Галаганъ съ тѣми же предложеніями. Это совершенно убѣдило царя и ми-

нистровъ, что Апостолъ говорилъ правду, и не только было ему позволено отписать Мазепѣ, что предложеніе его принято, но и самъ Головкинъ написалъ бывшему гетману 22 декабря: „Доношеніе ваше чрезъ г. полковника Миргородскаго его царскому величеству донесено, который, видя ваше доброе намѣреніе и обращеніе, принялъ то милостиво и повелѣлъ мнѣ къ вамъ писать съ крѣпчайшимъ обнадеживаніемъ, что ежели вы въ томъ пребывати и начатое намѣреніе свое къ исполненію привести потрудитесь, то не токмо что вашу милость въ прежній урядъ и въ свою милость принять, но оную къ вамъ и умножить изволитъ, и на тѣ кондиціи, чрезъ помянутаго г. полковника предложенныя, соизволилъ, и гарантеровъ желанныхъ отъ васъ для содержанія той амнистіи пріемлетъ, хотя бы въ томъ и не безъ трудности было, только надлежитъ вашей милости постараться, дабы о извѣстной главнѣйшей особѣ по предложенію своему безопаснѣйшимъ образомъ постараться; буде же о самой той особѣ и не возможно, то хотябъ о прочихъ знатнѣйшихъ то учинить по предложенію".

Сношенія эти не имѣли послѣдствій; Апостолъ и Галаганъ остались при царскомъ войскѣ, и первый разказывалъ, что Мазепа и Карлъ писали къ Лещинскому, приглашая его съ войскомъ въ Малороссію; что Мазепа показывалъ убѣжавшимъ съ нимъ полковникамъ и старшинѣ привилегію Лещинскаго, по которой Малороссія присоединялась къ Польшѣ на одинакихъ правахъ съ послѣднею и съ Литвою; что по прибытіи въ Малороссію Лещинскаго и Шведскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Крассова, Карлъ оставитъ ихъ съ Мазепою въ Украйнѣ, а самъ пойдетъ на Москву, что у Мазепы уже заготовлена грамота къ Силистрійскому пашѣ. Одно письмо Мазепы къ Лещинскому, именно отъ 5 декабря 1708 года, было перехвачено Русскими; письмо написано тогдашнимъ моднымъ, полупольскимъ и полулатинскимъ языкомъ. Мазепа адресуетъ листъ королевской милости съ выраженіемъ подданской субъекціи; пишетъ, что въ первомъ письмѣ просилъ, по сердечному желанію всей Украйны, чтобъ король двигнулъ

побѣдоносную руку для спасенія своего наслѣдственнаго достоянія; тоже повторяетъ и теперь, чтобы по счастливомъ и скоромъ прибытіи Лещинскаго, они могли соединеннымъ оружіемъ и соединенными душами усыпить въ травѣ дракона непріятельскаго Московскаго предпріятія, особенно теперь, когда Москва начала своими грамотами поджигать простой народъ и поднимать междоусобную войну; эти искорки надобно гасить, чтобъ отъ нихъ не было пожара, для чего они, Мазепа съ товарищи, какъ отцы въ адѣ, ожидаютъ пришествія короля, своего спасителя, котораго храбрую руку Мазепа цѣлуетъ тысячью поцѣлуевъ и остается вѣрнымъ подданнымъ и слугою наинижшимъ [313].

Петръ воспользовался этимъ письмомъ, и 28 генваря 1709 года разослалъ грамоту по Малороссіи: „Мы вамъ доказывали, писалъ царь, что богоотступникъ призвалъ Шведа въ Украйну для порабощенія ея подъ древнее ярмо Польское и для приведенія церквей Божіихъ въ унію, хотя оный въ пашквиляхъ своихъ клялся, будто сдѣлалъ это для общей пользы народа Малороссійскаго, который будетъ совершенно независимъ и отъ насъ, и отъ Польши: но теперь его богомерзкая ложь объявилась: онъ называетъ себя вѣрнымъ подданнымъ Лещинскаго, а Украйну его наслѣдіемъ. Намъ отъ важныхъ особъ извѣстно, что онъ уже получилъ отъ Лещинскаго воеводство въ Польшѣ и титулъ княженія Сѣверскаго. А какою безбожною злобою дышетъ измѣнникъ къ Малороссійскому народу духовнаго и мірскаго чина, видно изъ слѣдующаго: пойманъ шпигъ, который въ розыскѣ объявилъ, будто посланъ отъ Мазепы съ письмомъ къ архіепископу черниговскому, къ глуховскимъ сотнику и атаману и къ князю Четвертинскому, и будто письма имъ уже отдалъ; но съ пытки объявилъ, что посланъ нарочно Мазепою въ Глуховъ, обѣщаны ему деньги и велѣно, если будетъ пойманъ, сказать нарочно, будто отдалъ письма означеннымъ лицамъ, чтобъ привести ихъ въ нашу немилость“ [314].

Украйна не хотѣла быть наслѣдіемъ Лещинскаго; одни только Запорожцы пошли въ слѣдъ Мазепы. Въ Запорожьѣ,

благодаря Каменному Затону, нагорѣла вражда къ Москвѣ; вражда эта могла быть потушена не обѣщаніями лишняго жалованья, а срытіемъ Каменнаго Затона и Самарскихъ крѣпостей, чего не могъ сдѣлать царь въ угоду казакамъ. Мы видѣли грамоту, которую Петръ послалъ въ Запорожье послѣ измѣны Мазепы. Грамоту повезли стольники Кисленскій и Теплицкій, вмѣстѣ съ грамотою повезли деньги—12,000 рублей на войско, 500 червонныхъ Кошевому, старшинѣ 2000 рублей; съ стольниками поѣхалъ отъ новаго гетмана Лубенскій сотникъ Савичь; для увѣщаній отъ имени митрополита и всего духовенства отправился іеромонахъ Иродіонъ Жураковскій. Такое торжественное посольство было принято вовсе не торжественно: взявши деньги, Запорожцы начали безчестить посланниковъ, одного изъ нихъ хотѣли посадить въ воду, іеромонаха называли шпіономъ и хвалились сжечь его въ смоляной бочкѣ; въ отвѣтной грамотѣ не пощадили и царя, требовали, чтобъ въ Малороссійскихъ городахъ полковниковъ не было, была бы вольница какъ въ Сѣчи, чтобъ порѣкамъ Пселу и Ворсклѣ мельницы и Переволоченскій перевозъ были въ Запорожскомъ владѣніи, чтобъ Самарскимъ городамъ и Каменному Затону не быть. Скоро послѣ того перехвачена была грамота Запорожцевъ къ Мазепѣ: Низовое войско просило, чтобъ присланы были къ намъ на кошъ уполномоченные отъ короля Шведскаго и Польскаго и отъ него, Мазепы для заключенія договоровъ, за кѣмъ имъ быть, а для раззоренія Каменнаго Затона чтобъ присланы были войска, и какъ только эта крѣпость будетъ раззорена, Запорожцы поспѣшатъ къ Шведамъ на помощь противъ Московскихъ войскъ. Бунчужный товарищъ Чернякъ, отправленный Скоропадскимъ къ Крымскому хану для извѣщенія объ избраніи новаго гетмана, былъ задержанъ въ Сѣчѣ: на радѣ кошевой Гордѣенко билъ его до полусмерти и отослалъ къ Мазепѣ [315]. Чигиринскій сотникъ Невѣнчанный убилъ посланнаго къ нему отъ гетмана Скоропадскаго и ушелъ въ Запорожье.

Въ началѣ 1709 года Запорожцы куда то начали соби-

раться. 20 генваря царь писалъ изъ Сумъ къ Меншикову: „Вчерашняго дня получили мы подлинную вѣдомость, что Запорожцы конные пришли уже давно и кошеваго ждутъ съ пѣхотою вскорѣ; а сей сборъ ихъ только 5 верстъ отъ Богородицкаго, и опасно, чтобъ чего надъ онымъ не учинили, также дабы воровствомъ кошеваго и судьи не заведены были чрезъ Переволочну близь Шведовъ (какъ и Мазепа сдѣлалъ): того ради зѣло потребно, дабы Ингермонландской полкъ въ удобномъ мѣстѣ поставить, и на сей ихъ походъ око имѣть; также буде возможно, въ Богородицкой людей прибавить". Гетманъ Скоропадскій совѣтовалъ постараться, чтобъ какъ-нибудь смѣнить подозрительнаго кошеваго, и Петръ написалъ 18 февраля Меншикову изъ Воронежа: „Что о Запорожцахъ надлежитъ, и то гетманъ совѣтуетъ, чтобъ перемѣнить кошеваго: и то зѣло добро, и всегда мы то говорили, что надобно, и какъ оное сдѣлать, того способу искать надлежитъ, которое мню чрезъ бы Миргородскаго (Апостола) и деньги могло статься; къ томужъ неотложно извольте полка два или больши, взявъ изъ гварнизоновъ, послать въ Каменной Затонъ съ добрымъ командиромъ [316]. Царь приказывалъ не жалѣть денегъ для сверженія кошеваго „хотябъ и не малое что дать" [317]. Написали къ Апостолу, чтобъ выбралъ изъ своего полка добрыхъ казаковъ и, удовольствовавъ ихъ, послалъ въ Запорожье въ разные курени: пусть тамъ постараются свергнуть кошеваго и судью и во всѣхъ противникахъ диверсію учинить. Отправлены были въ Сѣчь съ деньгами казаки, бывшіе прежде кошевыми, чтобъ объявили публично въ радѣ и по всѣмъ куренямъ, что кошевой и судья присягнули Мазепѣ за деньги. Послѣ измѣны Мазепы Палѣй былъ возвращенъ изъ Сибири и жилъ въ Москвѣ; теперь придумали, что не лучше ли его привезти въ Сѣвскъ или въ другія ближайшія къ Украйнѣ мѣста „понеже оный въ такихъ легкомысленныхъ имѣетъ любовь и не малый кредитъ" [318]. Петръ все еще надѣялся, что можно подѣйствовать на Запорожцевъ увѣщаніями, и потому писалъ Меньшикову изъ Воронежа 1-го марта, чтобъ

надъ полками, посылаемыми въ Каменный Затонъ, „учинить командира изъ бригадировъ кто поумнѣе, ибо тамъ не все шпагою, но и ртомъ дѣйствовать надлежитъ, а кого—то полагаюсь на васъ; пункты посылаю при самъ, токмо едина матерія суть, чтобъ смотрѣть и учинить Запорожцевъ добромъ по самой крайней возможности; буде же оные явно себя покажутъ противными и добромъ сладить будетъ невозможно, то дѣлать съ оными яко съ измѣнниками".

Исполнилось второе. 11 марта кошевой съ 1000 Запорожцевъ и девятью пушками явился у Переволочны и далъ знать о своемъ приходѣ тамошному полковнику Нестулею; Нестулей пріѣхалъ съ 500 конныхъ козаковъ для рады. 12 числа пріѣхали отъ Мазепы съ письмами Чуткѣевичь и Мокѣевичь, и 13 числа созвана была рада: читали письма Мазепы, въ которыхъ старый гетманъ объявлялъ, что царь хочетъ весь народъ Малороссійскій загнать за Волгу, что Московскія войска разоряютъ Украйну пуще Шведа. Раздались крики: „Быть на Мазепиной сторонѣ"! и полковникъ Нестулей и всѣ Запорожцы объявили себя на сторонѣ Мазепы. Положено было дѣйствовать противъ царскихъ войскъ. Кошевой напалъ нечаянно ночью на Русскій отрядъ, стоявшій въ мѣстечкѣ Царичевкѣ, былъ отраженъ съ урономъ, но успѣлъ захватить въ плѣнъ нѣсколько русскихъ солдатъ, и съ торжествомъ привелъ ихъ къ королю, стоявшему тогда въ мѣстечкѣ Будищахъ [319]. Извѣстіе объ этомъ сильно встревожило Петра въ Воронежѣ; онъ писалъ Меншикову 4 марта: „Запорожцы, а паче дьяволъ кошевой уже явной воръ и зѣло опасно Богородицкаго, не для города, а для артиллеріи и аммуниціи, которой зѣло много, а людей мало. Того ради зѣло потребно, дабы одинъ конной полкъ послать въ Богородицкой, и велѣть бы оному тамъ побыть, пока изъ Кіева три полка будутъ въ Каменный Затонъ, изъ которыхъ велѣть сотъ пять водою отправить въ Богородицкой на перемѣну сему конному" [320].

Но Запорожцы пользовались всегда сочуствіемъ въ нисшемъ слою украинскаго народа, особенно поюжнѣе, куда

именно двигались Шведы; примѣръ Запорожья и теперь могъ быть заразителенъ, и Петръ пишетъ Меншикову, чтобъ онъ оставался въ Украйнѣ, не ѣздилъ къ нему въ Воронежъ. „Ежели вы не въ пути, то лучшебъ еще немного тамъ для Запорожскаго дѣла задержались, а сіе дѣло, самъ ты знаешь, что не изъ послѣднихъ; я уже три письма писалъ до г. фельдмаршала, чтобъ онъ подался къ Переволочнѣ для сего дѣла, при томъ же совѣтую и вамъ, буде невозможно всѣми, хотябъ частью позадь Полтавы протянуться для сего жъ дѣла [321]. Опасенія Петра оправдались. Одинъ изъ его министровъ, князь Григорій Ѳед. Долгорукій, находившійся теперь вмѣстѣ съ гетманомъ Скоропадскимъ, писалъ ему отъ 3 апрѣля: „Воръ кошевой ядъ свой злой еще продолжаетъ: на другую сторону за Днѣпръ непрестанно прелестно пишетъ, дабы побивали свою старшину, а сами бъ до него за Днепръ переходили, что уже такая каналія тамъ за Днѣпромъ купами сбирается и разбиваетъ пасеки“. Запорожцы были побиты въ схваткѣ съ отрядомъ полковника Болтина; также Запорожскій отрядъ потерпѣлъ сильное пораженіе вмѣстѣ съ Шведами у мѣстечка Сокольна отъ генерала Ренне; за отсуствіемъ Гордѣенки въ Сѣчи выбрали въ кошевые Сорочинскаго, и Петръ писалъ Меншикову: „Мы зѣло порадовались, что Господь Богъ въ началѣ сей кампаніи такимъ счастіемъ благословилъ, наипаче тому я радъ, что проклятые воры (Запорожцы) сами видѣли, что Шведовъ разбили, отъ чего принуждены будутъ оные разбѣжаться; а что кошевымъ выбрали Сорочинскаго, онъ добрый человѣкъ, я его самъ знаю“ [322]. Но Петръ ошибся въ добротѣ Сорочинскаго; перемѣна кошеваго не повела ни къ какой перемѣнѣ въ Запорожьѣ относительно царя, и царь послалъ Меншикову указъ взять и разорить Сѣчь.

Назначенные къ Запорожью полки сѣли на суда въ Кіевѣ подъ начальствомъ полковника Яковлева. У Переволочны Яковлевъ встрѣтилъ нѣсколько тысячь Запорожцевъ и послалъ къ нимъ съ требованіемъ, чтобъ вины свои великому государю принесли; но козаки, соединясь съ Пере-

волочинскими жителями, вышли на бой, и Яковлевъ принужденъ былъ доставать ихъ штурмомъ, съ урономъ своихъ войскъ. У обоихъ Кодаковъ встрѣчено было также сопротивленіе [323]. 11 мая Яковлевъ подошелъ къ Сѣчи; сначала искалъ онъ всякимъ добрымъ способомъ, чрезъ письма и пересылки склонить воровъ къ сторонѣ государевой. Запорожцы какъ будто обнаруживали склонность, но это была только хитрость: они хотѣли продлить время. Потерявъ терпѣніе, и зная что Сорочинскій поѣхалъ за ордою, Яковлевъ рѣшился добыть Сѣчь оружіемъ. Съ сухаго пути приступа не было; вода со всѣхъ сторонъ облила крѣпость; 14 мая солдаты подплыли на лодкахъ, но при нападеніи на крѣпость встрѣтили отчаянное сопротивленіе, и должны были отступить, потерявши до 300 человѣкъ убитыми, въ томъ числѣ полковника Урна, много офицеровъ было переранено; плѣнники, взятые Запорожцами были „срамно и тирански“ умерщвлены. Но въ тотъ же день показалось вдали какое то войско: Запорожцы подумали, что это къ нимъ идетъ Крымская орда на помощь и вышли было на вылазку, но жестоко обманулись: пришли на помощь къ Яковлеву драгуны отъ генерала князя Волконскаго съ полковникомъ Галаганомъ. Запорожцы, увидавъ свою ошибку, замѣшались; тутъ осаждающіе устремились на нихъ, ворвались въ Сѣчь и овладѣли ею. Большая часть казаковъ погибли въ схваткѣ, немногимъ удалось уйти, плѣнныхъ взято съ 300 человѣкъ, пушекъ и аммуниціи взято много. „Знатнѣйшихъ воровъ, доносилъ Меншиковъ велѣлъ я удержать, а прочихъ казнить, и надъ Сѣчею прежній указъ исполнить, также и всѣ ихъ мѣста разорить, дабы оное измѣнническое гнѣздо весьма выкоренить“ [324].

„Сего дня, отвѣчалъ Петръ 23 мая, получили мы отъ васъ письмо о разореніи проклятаго мѣста, которое корень злу и надежда непріятелю была, что мы съ превеликою радостію услышавъ, Господу, отмстителю злымъ, благодарили съ стрѣльбою, и вамъ за оное премного благодарствуемъ, ибо сіе дѣло изъ первыхъ есть, котораго опасаться надлежало было. Чтоже пишете о деташементѣ полковника Яко-

влева, чтобъ оному быть въ арміи, и то добро, только надлежитъ изъ онаго оставить отъ семи до пяти сотъ человѣкъ пѣхоты, и отъ пяти до шести сотъ конницы въ Каменномъ Затонѣ, дабы того смотрѣли, чтобъ опять то мѣсто отъ такихъ же не населилось, такожъ которые въ степь ушли, паки не возвратились, или гдѣ индѣ не почали собираться; для чего ежели комендантъ въ Каменномъ Затонѣ плохъ тобъ изъ офицеровъ добраго тамъ на его мѣсто оставить, а прочимъ быть въ армію" [325]. .

Было еще одно мѣсто въ Малороссіи, на которое правительство смотрѣло подозрительно. Въ началѣ 1709 года Головкинъ писалъ Кіевскому губернатору, князю Дм. Мих. Голицыну, чтобъ выслалъ за рубежъ студентовъ изъ Поляковъ (т. е. Русскихъ родомъ изъ Польскихъ владѣній), находящихся въ Кіевскомъ Братскомъ монастырѣ; чтобъ далъ знать, сколько останется студентовъ изъ Малороссіянъ, сколько монаховъ изъ Поляковъ, и нѣтъ ли въ нихъ какого подозрѣнія? Голицынъ отвѣчалъ (15 февраля), что „выслалъ изъ Кіева всѣхъ студентовъ родомъ изъ Литвы и Польши; студентовъ изъ Малороссіянъ осталось 161 человѣкъ; монаховъ въ Братскомъ монастырѣ 30 человѣкъ, и изъ нихъ Малороссіянъ только человѣкъ пять, а то все изъ за границы Польской, но иные съ младенчества живутъ въ Кіевѣ; узнать, нѣтъ ли въ комъ изъ монаховъ подозрѣнія трудно, потому что монахи всѣ насъ чуждаются; во всемъ Кіевѣ нашелъ я только одного человѣка, именно изъ Братскаго монастыря префекта, который къ намъ снисходителенъ" [326]. Этотъ префектъ былъ знаменитый въ послѣдствіи Ѳеофанъ Прокоповичъ: не предчувствовалъ князь Дмитрій, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находится послѣ къ этому снисходительному префекту!

Въ Кіевѣ и всюду по Украйнѣ было тихо. Сѣчь лежала въ развалинахъ, Турки и Татары не двигались, о Полякахъ не было слышно; все какъ будто притаило дыханіе, дожидаясь, чѣмъ разыграется кровавая игра между Петромъ и Карломъ. Въ апрѣлѣ съ дороги изъ Воронежа въ Азовъ, Петръ писалъ Меншикову въ Ахтырку: „чтобъ вы дали

знать, сколь скоро можете въ поле съ квартиръ выйтить, чтобъ я могъ потому житье свое въ Азовѣ расположить, а паче для лѣченья". Въ началѣ мая писалъ изъ Троицкаго: „я съ перваго числа сего мѣсяца началъ принимать лѣкарство, которое зѣло сильно дѣйствуетъ, понеже здѣшній воздухъ жаркой оному помогаетъ, и неисходенъ пребывать буду изъ дому до десятаго числа, и чаю, съ помощію Божіею, къ 15 числу сего мѣсяца изъ лѣкарства вытить и готову быть къ вамъ ѣхать". Въ другомъ письмѣ: „лѣкарство мое зѣло дѣйствуетъ, только я отъ него какъ ребенокъ безъ силы сталъ". Въ третьемъ: „не чаю ранѣе двадесятаго быть къ вамъ, самъ слабъ и лошади подъ батальонъ ранѣе 20 дней не будутъ" [327].

Между тѣмъ въ началѣ же мая непріятель формально атаковалъ Полтаву и нѣсколько разъ жестоко къ ней приступалъ, но постоянно былъ отражаемъ съ большимъ урономъ. Въ военномъ совѣтѣ у Меншикова рѣшили „учинить диверсію"; 7 мая на разсвѣтѣ пѣхота Меншикова перешла Ворсклу черезъ мосты, а конница черезъ болото и рѣку вплавь, съ одними шпагами приступили къ непріятельскому ретраншементу и выбили изъ него Шведовъ, взявши въ плѣнъ шестерыхъ офицеровъ и 300 рядовыхъ, и потерявши своихъ 600 человѣкъ [328]. Петръ писалъ Меншикову 15 мая: „что о Полтавѣ, и то и нынѣ подтверждаю, что лучшебъ вамъ къ оному городу приступить (чрезъ рѣку отъ непріятеля) со всѣми и помочь городу чинить (понеже сіе мѣсто зѣло нужно) куды надлежитъ и фельдмаршалу быть и сіе (сколько я могу разумѣть) кажется изъ лучшихъ не послѣднее дѣло; впрочемъ яко заочно полагаюсь на ваше разсужденіе" [329]. Меншиковъ уже расположился подъ Полтавою со всѣми своими полками, и 19 мая писалъ Петру: „о здѣшнемъ состояніи доношу, что третьяго дня былъ у насъ въ шанцахъ при линіи нашей съ непріятелемъ не малый ранконтръ, и какъ непріятель работѣ нашей помѣшку чинить хотѣлъ, выслана отъ насъ партія гранадеровъ, и въ самое же то время учинили вылазку изъ города наши подъ командою бригадира Головина въ 400 человѣкъ, и,

нападши на непріятеля съ другой стороны, двѣ роты на мѣстѣ порубили, а прочихъ въ конфузію великую привели. Онъ же господинъ бригадиръ, поступивъ чрезъ мѣру горячо, далѣ поступалъ, лошадь подъ нимъ убили, и его въ неволю взяли, другіе ретировались въ городъ; наши потеряли 100 человѣкъ, а непріятеля многое число пропало и шанцы непріятельскіе вырублены; мы же отъ посту нашего ни малой пяди не отступили, но непрестанно пушечною стрѣльбою чрезъ многіе часы непріятеля утѣсняли, что нынѣ гораздо усмирился и уже другой день мало какой промыслъ надъ городомъ чинитъ. Вчерашняго дня легкая наша партія, перебрався на другую сторону (Ворсклы), лошадей непріятельскихъ около 1000 загнали, и другая партія нынѣ около 100 лошадей и людей генерала Круза забрали. Мы повседневно чинили здѣсь непріятелю диверсію, но желаю къ тому скораго къ намъ прибытія вашей милости; то истинно и паче лучшаго счастія надѣемся, ибо ко всему знатная прибудетъ резолюція; баталіи давать елико можно оберегаемся, а понеже непріятель со всею силою противъ насъ собрался, и я по вашему указу послалъ къ Шереметеву, чтобъ оставя Волконскаго съ тремя полками при гетманѣ, къ намъ поспѣшалъ, такожъ Долгорукому (Вас. Владим.) вмѣсто Каменнаго затона велѣлъ сюда идти“. 28 мая Меншиковъ писалъ: „прошлой ночи мы заложили послѣдній шанецъ къ самымъ непріятельскимъ по самую рѣку апрошамъ. Полтавская крѣпость въ зѣло доброй содержитъ себя дефензіи и никакого ущерба отъ дѣйства непріятельскаго еще не обрѣтается“ [330].

27 мая Петръ выѣхалъ изъ Азова въ армію къ Полтавѣ черезъ степь на Харьковъ, и отсюда писалъ Меншикову 31 мая: „я сего часу сюды прибылъ, и какъ возможно поспѣшать буду, однако понеже въ нужномъ дѣлѣ и часъ потерять нужной бываетъ худо, для того, ежели что надлежитъ нужно, и не дожидаясь меня, съ помощію Божіею, дѣлайте“ [331]. Но Меншиковъ дожидался. 4 іюня пріѣхалъ Петръ къ арміи и 7 числа писалъ Апраксину: „получили мы отъ васъ еще письмо и пункты, но нынѣ вскорѣ отвѣтствовать

не можемъ, понеже сошлися близко съ сосѣдьми и, съ помощію Божіею, будемъ конечно въ семъ мѣсяцѣ главное дѣло съ оными имѣть"[332].

Наконецъ Петръ не отступалъ, наконецъ онъ сталъ говорить о необходимости „главнаго дѣла" съ Шведами, съ Карломъ XII! Только небольшая рѣка отдѣляла его отъ Нарвскихъ побѣдителей. Но это уже не были Шведы 1700 и 1707 года, это было войско страшно истомленное, упалое духомъ. Карлъ не проигралъ ни одной битвы, по прежнему могъ считаться непобѣдимымъ, и между тѣмъ у него не было уже половины того блестящаго войска, съ которымъ онъ перешелъ Вислу въ 1707 году, и въ 1709 году первый министръ короля, графъ Пиперъ писалъ своей женѣ въ Швецію: „походъ такъ тяжекъ и наше положеніе такъ печально, что нельзя описать такого великаго бѣдствія и никакъ нельзя повѣрить ему". Жажда мира и возвращенія на родину усиливалась со дня на день. Дисциплина ослабѣла: солдаты начали оказывать явное непослушаніе офицерамъ, когда тѣ требовали отъ нихъ новыхъ трудовъ, приказывали идти на новыя опасности. Карлъ по прежнему искалъ опасностей, по прежнему хладнокровно подставлялъ свою голову подъ непріятельскія пули: но теперь солдаты, вмѣсто того, чтобъ ободряться этимъ, говорили: „онъ ищетъ смерти, потому что видитъ дурной конецъ". Генералы говорили, что надобно непремѣнно перейти Днѣпръ и войти снова въ Польшу. Пиперъ донесъ королю объ этомъ требованіи генераловъ, представилъ какъ необходимо удовлетворить ему, какъ необходимо подкрѣпить армію соединеніемъ съ Лещинскимъ и съ Шведскимъ корпусомъ Крассова, оставленнымъ въ Польшѣ. Но Карлъ не хотѣлъ и слышать о переходѣ чрезъ Днѣпръ: „этотъ переходъ, отвѣчалъ онъ, будетъ похожъ на бѣгство и только придастъ духу непріятелю". Вмѣсто того, чтобъ двинуться на западъ, онъ двинулся на югъ, къ Полтавѣ, ближе къ степи, къ Запорожью, къ границамъ Турецкимъ и Татарскимъ; онъ хотѣлъ овладѣть Полтавою, утвердиться здѣсь и ждать Лещинскаго и Крассова, вопреки мнѣнію Пипера, Мазепы, Реншёльда и генералъ-квартирмейсте-

ра Гилленкрока. Съ послѣднимъ у Карла былъ любопытный разговоръ о Полтавѣ. Карлъ: вы должны все приготовить къ нападенію на Полтаву; вы должны вести осаду и сказать намъ, въ какой день мы возьмемъ крѣпость; такъ дѣлывалъ Вобанъ во Франціи, а вѣдь вы нашъ маленькій Вобанъ. Гилленкрокъ: я думаю, что и самъ Вобанъ призадумался бы, еслибъ увидалъ, какъ здѣсь у насъ, недостатокъ во всемъ, что нужно для осады. Карлъ: у насъ довольно матеріала, чтобъ взять такую ничтожную крѣпость, какъ Полтава. Гилленкрокъ: крѣпость не сильна, но въ ней 4000 гарнизона, кромѣ козаковъ. Карлъ: Русскіе сдадутся при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ съ нашей стороны. Гилленкрокъ: а я думаю, что Русскіе будутъ защищаться до послѣдней крайности, и пѣхотѣ вашего величества сильно достанется отъ продолжительныхъ осадныхъ работъ. Карлъ; я вовсе не намѣренъ употреблять на это мою пѣхоту; а Запорожцы Мазепины начто? Гилленкрокъ: но развѣ можно употреблять на осадныя работы людей, которые не имѣютъ объ нихъ никакого понятія, съ которыми надобно объясняться чрезъ толмачей и которые разбѣгутся, какъ скоро работа покажется имъ тяжелой и товарищи ихъ начнутъ падать отъ Русскихъ пуль? Карлъ: я васъ увѣряю, что Запорожцы сдѣлаютъ все, чего я хочу, и не разбѣгутся, потому что я буду хорошо имъ платить. Гилленкрокъ: но съ нашими пушками ничего нельзя сдѣлать и придется добывать крѣпость пѣхотою, которая при этомъ окончательно погибнетъ. Карлъ: я васъ увѣряю, что штурмъ не понадобится. Гилленкрокъ: въ такомъ случаѣ я не понимаю, какимъ образомъ городъ будетъ взятъ, если только необыкновенное счастіе намъ не поблагопріятствуетъ. Карлъ (смѣясь): да, мы должны совершить необыкновенное, за это мы пожнемъ честь и славу. Гилленкрокъ: боюсь, чтобъ все это не окончилось необыкновеннымъ образомъ.—Послѣ этого разговора Гилленкрокъ пошелъ къ Пиперу, чтобъ тотъ постарался отклонить короля отъ его намѣренія. „Вы также хорошо знаете короля, какъ и я, отвѣчалъ Пиперъ: вы знаете, что если онъ разъ при-

нялъ какое-нибудь рѣшеніе, то уже нѣтъ никакой возможности заставить его принять другое". Не смотря на то, Пиперъ обѣщалъ поговорить съ Карломъ: „если бы Богъ послалъ ангела небеснаго съ приказаніемъ отступить отъ Полтавы, то я бы и тогда не отступилъ"—былъ ему отвѣтъ королевскій [333].

Такіе разговоры шли у государя съ его министромъ и генераломъ на одномъ берегу Ворсклы. Посмотримъ, что дѣлалось на другомъ. Здѣсь было войско, о которомъ уже несся слухъ, что это лучшіе солдаты въ цѣломъ мірѣ; здѣсь были свои вожди, прошедшіе хорошую школу, ознаменовавшіе себя побѣдами, здѣсь были генералы иностранные съ извѣданнымъ искусствомъ и вѣрностію: не смотря на то здѣсь былъ „учиненъ воинскій совѣтъ, какимъ бы образомъ городъ Полтаву выручить безъ генеральной баталіи (яко зѣло опаснаго дѣла), на которомъ совѣтѣ положено, дабы апрошами ко оной приближаться даже до самого города" [334].

16 іюня начаты были новые апроши, чтобъ сдѣлать возможнымъ сообщеніе съ городомъ; но Шведы не допустили своею поперечною линіею; съ другой стороны представили препятствія рѣка и болотистыя мѣста. Сношенія съ городомъ происходили посредствомъ пустыхъ бомбъ, въ которыхъ летали письма чрезъ непріятельскія линіи; осажденные дали знать, что у нихъ уже почти нѣтъ пороху, и непріятель сапами сквозь валикъ изъ палисадъ вкопался, и хотя осажденные сдѣлали абшнитъ, однако долго держаться не могутъ. По полученіи этихъ извѣстій собранъ новый совѣтъ, на которомъ положено, что другаго способа къ выручкѣ города нѣтъ, какъ перейти рѣку къ непріятелю и дать главную баталію. 19 іюня русская армія тронулась и, пройдя двѣ мили отъ Полтавы по берегу Ворсклы вверхъ, 20 числа переправилась черезъ рѣку; 25 числа повернула назадъ къ Полтавѣ и остановилась въ четверти мили отъ непріятеля къ вечеру, чтобъ Шведы не могли принудить къ главной баталіи прежде чѣмъ будетъ готовъ ретраншементъ. Ретраншементъ поспѣлъ въ одну ночь; кавалерію поставили на правой рукѣ между лѣсовъ, и передъ нею

сдѣлали нѣсколько редутовъ, осаженныхъ людьми и пушками. Тутъ узнали, что Карлъ XII раненъ; разсказывали, что ночью подъѣхалъ онъ осмотрѣть Русскій лагерь и наткнулся на козацкую партію, которая стояла неосторожно; нѣсколько козаковъ, ничего не подозрѣвая, спокойно сидѣли у огня, вдругъ раздается выстрѣлъ, одинъ козакъ падаетъ: это самъ король не утерпѣлъ, сошелъ съ лошади и выстрѣлилъ въ козака; козаки вскочили, три ружейныхъ выстрѣла направились въ ту сторону, гдѣ стоялъ король, и Карлъ получилъ рану въ ногу [335].

26 число Петръ употребилъ на обозрѣніе ситуаціи. Въ центрѣ находился фельдмаршалъ Шереметевъ; правымъ крыломъ начальствовалъ генералъ-лейтенантъ Ренне, лѣвымъ Меншиковъ, артиллеріею Брюсъ. У Шведовъ, такъ какъ самъ король, по причинѣ раны, не могъ принять главнаго начальства надъ войскомъ, то его мѣсто заступалъ фельдмаршалъ Реншёльдъ; вся пѣхота находилась подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Левенгаупта, кавалерія—генералъ-майора Крейца. Артиллерія, могшая дѣйствовать, была ничтожна по недостатку огнестрѣльныхъ снарядовъ.

27 іюня было назначено днемъ главной баталіи. Шведы предупредили Русскихъ: передъ разсвѣтомъ они бросились на Русскую конницу съ страшною „фуріею", и овладѣли двумя редутами, которые еще не были отдѣланы; генералъ Ренне былъ раненъ и долженъ былъ сдать начальство генералу Боуру; но за то шесть батальоновъ непріятельской пѣхоты, и нѣсколько десятковъ эскадроновъ кавалеріи были отрѣзаны отъ главной арміи и принуждены уйти въ лѣсъ. Генералъ Боуръ получилъ приказаніе отступить вправо отъ русскаго ретраншемента, чтобъ дать время выйти изъ него пѣхотѣ. Боуръ началъ отступленіе; непріятель преслѣдуя его, получилъ себѣ русскій ретраншементъ во флангъ, и когда Левенгауптъ съ пѣхотою приблизился къ нему на разстояніи 30 саженей, то встрѣченъ былъ убійственнымъ огнемъ, принужденъ былъ прекратить преслѣдованіе русской конницы, и сталъ къ лѣсу внѣ выстрѣловъ.

Между тѣмъ Меншиковъ и генералъ Ренцель съ пятью полками конницы и пятью батальонами пѣхоты атаковали лѣсъ, гдѣ стояли оторванные въ началѣ дѣла Шведы: здѣсь непріятель былъ побитъ на голову, генералъ Шлиппенбахъ взятъ въ плѣнъ, за нимъ принужденъ былъ сдаться и генералъ Розенъ. Въ то же самое время пѣхота была выведена изъ ретраншемента и шесть полковъ кавалеріи взяты съ праваго крыла, обведены позади пѣхоты и поставлены на лѣвомъ крылѣ. Такимъ образомъ русская армія стала въ ордеръ баталіи, и рѣшено было атаковать непріятеля; Шведы, не дожидаясь на мѣстѣ, двинулись на встрѣчу къ Рускимъ и въ 9 часу утра началась „генеральная баталія".

Два часа кипѣлъ отчаянный бой. Петръ распоряжался въ огнѣ, шляпа его и сѣдло были прострѣлены. Карла съ больною ногою возили въ коляскѣ между солдатскими рядами, какъ вдругъ пушечное ядро ударило въ коляску, и король очутился на землѣ. Солдаты находившіеся вблизи подумали, что Карлъ убитъ, и ужасъ овладѣлъ полками, уже и безъ того колебавшимися. Карлъ велѣлъ поднять себя и посадить на перекрещенныя пики; тутъ увидалъ онъ всеобщее замѣшательство своихъ и закричалъ въ отчаяніи: „Шведы! Шведы!" Но Шведы бѣжали и не слыхали голоса своего короля. Прискакалъ Реншёльдъ и успѣлъ проговорить: „Ваше Величество, наша пѣхота потеряна! товарищи, спасайте короля"! Съ этими словами онъ ринулся опять въ разстроенные ряды своего войска и былъ взятъ въ плѣнъ. Тутъ всякій порядокъ исчезъ, все побѣжало [336].

„Хотя и зѣло жестоко во огнѣ оба войска бились, однакожъ то все далѣе двухъ часовъ не продолжалось: ибо непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ показали, и отъ нашихъ войскъ съ такою храбростію вся непріятельская армія (съ малымъ урономъ нашихъ войскъ, еже наивящше удивительно есть), кавалерія и инфантерія весьма опровергнута, такъ что Шведское войско ни единожды потомъ не остановилось, но безъ остановки отъ нашихъ шпагами и байонетами колоты, и даже до обрѣтающагося лѣса, гдѣ оные предъ баталіею строились, гнали, при томъ въ началѣ

генералъ-майоръ Штакельбергъ, потомъ же генералъ-майоръ Гамильтонъ, такожде послѣ фельдмаршалъ Рейншильдъ и принцъ Виртенбергскій купно съ многими полковники и иными полковыми и ротными офицеры и нѣсколько тысячь рядовыхъ, которые большая часть съ ружьемъ и съ лошадьми отдались и въ полонъ взяты. Непріятельскихъ труповъ мертвыхъ перечтено на боевомъ мѣстѣ и у редутъ 9234, кромѣ тѣхъ, которые въ розни по лѣсамъ и полямъ побиты и отъ ранъ померли. И тако милостію Всевышняго совершенная викторія (которой подобной мало слыхано), съ легкимъ трудомъ и малою кровію противъ гордаго непріятеля чрезъ самаго государя персональной, храброй и мудрой приводъ, и храбрость начальныхъ и солдатъ, одержана; ибо государь въ томъ нужномъ случаѣ за людей и отечество, не щадя своей особы, поступалъ какъ доброму приводцу надлежитъ. При семъ же и сіе вѣдать надлежитъ, что изъ нашей пѣхоты только одна передняя линея съ непріятелемъ въ бою была, а другая до того бою не дошла“ [337].

Усталые, волнуемые неиспытанными никогда ощущеніями, царь, генералы и офицеры послѣ молебна сѣли въ палаткахъ обѣдать. Свѣтлое чувство неизмѣримой радости недопускало никакихъ темныхъ чувствъ: всѣхъ сюда! и плѣнныхъ Шведскихъ генераловъ усадили тутъ же за столъ; Петръ ласкалъ фельдмаршала Реншельда, хвалилъ его храбрость, подарилъ ему свою шпагу. Во время обѣда привели Пипера, который, видя страшное пораженіе, потерявъ изъ виду короля, не зная куда бѣжать, самъ пріѣхалъ въ Полтаву и отдался въ плѣнъ съ двумя секретарями королевскими. Пипера съ товарищами также усадили обѣдать. Гремѣли пушки, царь провозгласилъ тостъ за здоровье учителей своихъ въ военномъ искусствѣ. „Кто эти учителя?“ спросилъ Реншельдъ. „Вы, господа Шведы“, отвѣчалъ царь. „Хорошо же ученики отблагодарили своихъ учителей!“ замѣтилъ фельдмаршалъ.

Но гдѣ король? Часть Шведовъ ушла не преслѣдуемая. Неожиданное счастіе такъ поразило, что позабыли о необ-

ходимости преслѣдованія... Только уже вечеромъ послали въ погоню князя Мих. Мих. Голицына съ гвардіею и генерала Боура съ драгунами.

Въ тотъ же вечеръ написаны были письма къ своимъ, къ Ромодановскому, Апраксину и другимъ; къ Пресбургскому королю Петръ писалъ: „Доносимъ вамъ о зѣло превеликой и неначаемой викторіи, которую Господь Богъ намъ чрезъ неописанную храбрость нашихъ солдатъ даровать изволилъ съ малою войскъ нашихъ кровію таковымъ образомъ: сегодни на самомъ утрѣ жаркій непріятель нашу конницу со всею армеею конною и пѣшею отаковалъ, которая хотя по достоинству держалась, однакожь принуждена была уступить, токмо съ великимъ убыткомъ непріятелю; потомъ непріятель сталъ во фрунтъ противъ нашего лагору, противъ котораго тотчасъ всю пѣхоту изъ транжамента вывели и предъ очи непріятелю поставили, а конница на обѣихъ фланкахъ, что непріятель увидя, тотчасъ пошелъ отаковать насъ, противъ котораго наши встрѣчю пошли и тако оного встрѣтили, что тотчасъ съ поля сбили, знаменъ, пушекъ множество взяли, такожъ генералъ-фельдмаршалъ господинъ Рейншельдъ купно съ четырмя генералы, такожь первой министръ графъ Пиперъ съ секретарми въ полонъ взяты, при которыхъ нѣсколько тысячь офицеровъ и рядовыхъ взято, и, единымъ словомъ сказать, вся непріятельская армія фаетоновъ конецъ воспріяла (а о королѣ еще не можемъ вѣдать, съ нами ль или со отцы нашими обрѣтается, а за разбитымъ непріятелемъ посланы господа генералы порутчики князь Голицынъ и Боуръ съ конницею, и сею у насъ неслыханною новиною вашему величеству поздравляю". Къ письму Апраксину приписано: „Нынѣ уже совершенно каменъ во основаніе С. Петербурга положенъ съ помощію Божіею" [338].

Утро было мудренѣе вечера: на другой день 28 числа отправился Меншиковъ въ погоню за непріятелемъ. Остатки Шведской арміи, бѣжавшіе 27 числа изъ подъ Полтавы, находились въ совершенномъ разстройствѣ, и великимъ счастіемъ для нихъ было то, что Русскіе оставили ихъ безъ

преслѣдованія. Шведы бѣжали вдоль Ворсклы къ Днѣпру. Передъ разсвѣтомъ 29 іюня достигли они Новосенжарова; истомленнаго Карла внесли въ домъ, перевязали ногу; онъ заснулъ глубокимъ сномъ. Но когда совершенно разсвѣло, его разбудили: „Русскіе приближаются; если ваше величество изволите приказать, мы пойдемъ дальше". — „Да, да, дѣлайте, что хотите", отвѣчалъ Карлъ; запылали повозки, лошадей изъ подъ нихъ роздали пѣхотинцамъ, и Шведы побѣжали дальше къ Днѣпру. 30 іюня послѣ полудня увидали они наконецъ Днѣпръ, у маленькаго городка Переволочны, гдѣ впадаетъ Ворскла; но вмѣсто городка увидали одну кучу развалинъ и ни одной лодки на рѣкѣ, ни одного человѣка въ опустѣлыхъ окрестностяхъ. Какъ же переправиться за Днѣпръ? А Русскіе близко: какъ отъ нихъ оборониться? нѣтъ ни артиллеріи, ни пороху, солдаты истомлены, совершенно упали духомъ. Генералы уговорили Карла оставить армію и переправиться за Днѣпръ. Отыскали двѣ лодки, связали вмѣстѣ и поставили на нихъ повозку короля, такъ что заднія колеса были въ одной лодкѣ, а переднія въ другой, и такимъ образомъ поздно ночью переправили на другой берегъ; Карлъ взялъ съ собою серебряный столовый сервизъ и деньги, собранныя въ Саксоніи. Нашлась лодка и для Мазепы, который успѣлъ захватить съ собою два боченка съ золотыми. Другіе, назначеные сопровождать короля, переправились кто какъ могъ: Запорожцы много помогли своимъ искусствомъ въ переправахъ, но много потонуло.

Большая часть войска осталась на лѣвомъ берегу подъ начальствомъ Левенгаупта; но никто не думалъ повиноваться какому бы то ни было начальнику: одни хлопотали, какъ бы переправиться за Днѣпръ вслѣдъ за королемъ; другіе, истомленные, лежали въ глубокомъ снѣ. На разсвѣтѣ другаго дня Левенгауптъ и Крейцъ начали хлопотать, какъ какъ бы привести въ устройство армію, но едва половина солдатъ собралась подъ знамена; многіе остались на берегу, другіе стояли неподвижно въ отдаленіи, на призывъ генерала не отвѣчали ни слова, смотрѣли без-

смысленно, да и на лицахъ тѣхъ, которые собирались подъ знамена, выражалось отчаяніе. Когда совсѣмъ разсвѣло, Крейцъ подъѣхалъ къ Левенгаупту и сказалъ: „Генералъ, уже поздно! Русскіе стоятъ за возвышенностями и прислали къ намъ съ требованіемъ сдачи". То былъ Меншиковъ съ 9000 конницы. На всѣхъ возвышенностяхъ раздались звуки трубъ и барабановъ, какъ будто цѣлая Русская армія была тутъ, и между Шведами сейчасъ же распространился слухъ, что 30000 Русскихъ готовы къ нападенію. Левенгауптъ, видя состояніе своего войска, не имѣлъ никакой надежды на успѣхъ сопротивленія, и послалъ Крейца съ тремя товарищами къ Меншикову договариваться о сдачѣ. Меншиковъ предложилъ имъ: сдаться военноплѣнными съ выдачею оружія и военныхъ запасовъ, съ сохраненіемъ платья и частнаго имущества; Запорожцы и бунтовщики исключаются изъ этого условія. Предложеніе было принято [339].

„И тако, Божіею помощію, вся непріятельская, толь въ свѣтѣ славная армія (которая бытіемъ въ Саксоніи не малой страхъ въ Европѣ причинила) къ государю Россійскому въ руки досталась". Сосчитали, что во время баталіи у Полтавы и у Днѣпра при Переволочнѣ взято верховныхъ штабъ-офицеровъ 59, оберъ-офицеровъ 1102, унтеръ-офицеровъ, рядовыхъ и артиллерійскихъ служителей 16947. Русскихъ при Полтавѣ было побито 1345, ранено 3290.

По возвращеніи Меншикова отъ Переволочны, послѣ молебна объявлены были награды: фельдмаршалу Шереметеву пожалованы великія деревни; генералъ князь Меншиковъ объявленъ вторымъ фельдмаршаломъ; генералъ князь Репнинъ пожалованъ кавалеріею и деревнями; генералу фельдцейгмейстеру Брюсу дана кавалерія; генералу лейтенанту Рену данъ чинъ полнаго генерала; генералу Аларту дана кавалерія; генералу лейтенанту князю Голицину (Мих. Мих.) даны деревни; генералу лейтенанту Ренселю дана кавалерія. Ближній министръ и верховный президентъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ, графъ Головкинъ пожалованъ въ канцлеры; Тайный секретарь ба-

ронъ Шафировъ въ подканцлеры; князь Григорій Долгорукій пожалованъ деревнями и чиномъ Тайнаго дѣйствительнаго совѣтника; бояринъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ въ тайные совѣтники. „Также и иные многіе повышены чинами и пожалованы вотчинами, и всѣхъ штапныхъ и оберъ-офицеровъ жаловалъ государь золотыми портретами съ алмазы и медальми золотыми же по достоинству ихъ чиновъ; а солдатамъ медали серебряныя и даваны были деньги.

„Напослѣдокъ какъ министры, такъ и генералитить, офицеры и солдаты, возблагодаря государя за милость и за такія награжденія, просили его, дабы въ знакъ трудовъ своихъ, какъ въ сію преславную баталію, такъ и въ прочихъ воинскихъ дѣйствіяхъ понесенныхъ, изволилъ принять чинъ въ сухопутномъ войскѣ генерала, а на морѣ шаутбенахта *) (понеже до той полтавской баталіи и во время дѣйствія во оной баталіи имѣлъ только чинъ при гвардіи своей полковникомъ), и по тому ихъ прошенію государь изволилъ принять чинъ сухопутной генералъ-лейтенанта, а на морѣ шаутбенахта, и то подтвердилось общимъ всѣхъ генералитета, министровъ, офицеровъ и солдатъ поздравленіемъ“ [340].

Извѣщая о Переволоченскомъ дѣлѣ короля Ромодановскаго, Петръ писалъ: „И тако вся непріятельская армея намъ, чрезъ помощь Божію, въ руки досталась, которою въ свѣтѣ неслыханною викторіею вашему величеству поздравляемъ и нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества еже резиденцію вамъ имѣть въ Петербурхѣ совершилось чрезъ сей упадокъ конечной непріятеля“ [341].

Когда получено было въ Москвѣ извѣстіе о неслыханной викторіи, царевичь Алексѣй Петровичь созвалъ къ себѣ на банкетъ всѣхъ иностранныхъ и Русскихъ министровъ и знатныхъ офицеровъ, трактовалъ ихъ велелѣпно въ Преображенскомъ въ опартаментахъ своихъ и въ шатрахъ; царевна Наталья Алексѣевна и знатнѣйшіе вельможи также многихъ трактовали нѣсколько дней сряду; вече

*) Вице-адмирала.

ромъ по улицамъ сверкали потѣшные огни; не только въ домахъ, но и передъ домами стояли накрытые столы. Комендантъ князь Матвѣй Гагаринъ велѣлъ выставить передъ домомъ своимъ для народа и Шведскихъ плѣнниковъ кушанья и бочки съ виномъ, водкою, медомъ и пивомъ; пушечная стрѣльба и колокольный звонъ продолжались восемь дней сряду, и во всѣ эти дни позволено было звонить женщинамъ и дѣвицамъ, что обыкновенно позволялось только на Свѣтлой недѣлѣ [342]. Курбатовъ писалъ царю: „Получихъ азъ вашего величества недостойный рабъ писмо за приписаніемъ вашея самодержавнѣйшія десницы, чрезъ которое разумѣхомъ, яко вседержавный Богъ непріятеля вконецъ сотре, и не точію въ Европіи, но и во оризонтѣ всего міра едва ли слыханно погуби. И сего ради прерадостно нынѣ веселится вся Россія, увѣнчевая васъ привѣтствы сицевыми: Радуйся, яко ваше царево сердце содержится въ руцѣ Божіи неотмѣнно. Радуйся, яко, исполняя словеса Божія слова, полагаеши душу твою за рабы твоя. Радуйся, яко снискательнымъ вашимъ мудрохрабрствомъ переполеровася яко злато въ горнилѣ ваше воинство. Радуйся, яко есть надежда на исполненіе издавна вашего желанія Варяжскаго моря во одержаніи. При семъ же и сіе реку, да яко же вседержащая Божія десница прослави ваше самодержавіе въ воинствѣ, тако да прославитъ и гражданское правленіе, о немъ же видится съ премногимъ тщаніемъ достоитъ труды къ трудамъ приложити, понеже оное многою пользою есть къ воинству, да обоя купно Всероссія получивши, паки прославитъ тя, всемилостивѣйшаго нашего государя“ [343].

Знаменитый прибыльщикъ надѣялся, что преславная викторія поведетъ къ миру, дастъ возможность царю заняться гражданскими дѣлами, облегчить народъ отъ тяжкихъ поборовъ. Онъ писалъ царю (28 октября): „Вашего величества повелѣніемъ опредѣляются губерніи, и того ради изъ всѣхъ приказовъ и канцелярій и изъ ратуши посланы и нынѣ въ послѣднихъ мѣсяцахъ посылаются дворяне и дьяки и подъячіе для правежа многихъ прешедшихъ лѣтъ

и настоящихъ доимокъ, и слышно, яко отъ таковыхъ неотлагаемыхъ вдругъ правежей превеликой обходится всенародный вопль, а паче въ поселянахъ, яко не точію послѣдняго скота, но иніи бѣднѣйшіи и домишковъ своихъ лишаются. И ежели вашимъ призрѣніемъ нынѣ вскорѣ отстрочкою помилованы не будутъ, то въ сихъ послѣднихъ сего года мѣсяцѣхъ премногое пріимутъ разореніе и, Богъ вѣсть, будутъ ли впредь иніи даней вашихъ тяглецы. Понеже не отъ того единаго, что вдругъ всего надлежащаго безъ послабленія на нихъ правитъ имъ разореніе, но и отъ сего, яко всѣхъ посланныхъ кормятъ, даютъ подводы, иныхъ же, не стерпѣвъ жестокихъ правежей, чаю, что и дарятъ не по малу. Богъ же всесильный, видя ваше благое царево къ нему сердце, и вѣдая быти впредь чрезъ труды ваша нѣкоторыхъ избавленію, помилова и обрадова тя, и прослави во вселенную неслыханною нигдѣ же отъ вѣка на враги побѣдою: и сего ради и ваше величество да помилуетъ людей достоянія своего. Не о снятіи конечномъ тѣхъ прешедшихъ лѣтъ доимокъ, но о полученіи имъ во оныхъ нынѣ послабленія предлагаю тебѣ государю. А впредь, по благомъ окончаніи войны сея, могутъ по малу и во всемъ исправитися. А и прежде, государь, никогда же безъ доимокъ было и впредь быти можетъ, а по малу исправлялися". Отвѣтомъ на это письмо былъ указъ: „Извѣстно великому государю учинилось, изъ многихъ приказовъ судьи разослали по городамъ и уѣздамъ дворянъ и приказныхъ людей для правежу доимочныхъ денегъ за прошлые годы, отъ чего чаемъ не малому быть раззоренію. Того для, призвавъ всѣхъ судей въ Ближнюю Канцелярію, объявить, дабы они того не чинили, а велѣли бы доимку выбрать за два года, 707 и 708" [344].

Но объ окончаніи войны нечего было и думать. Карлъ успѣлъ уйти въ Турецкія владѣнія, и Петръ спѣшилъ воспользоваться его отсутствіемъ и своею побѣдою, чтобъ уничтожить дѣло Карла въ Польшѣ, выгнать Лещинскаго и утвердиться въ Ливоніи и Эстоніи. 13 іюля армія двинулась изъ подъ Полтавы, гдѣ нельзя было долѣе оставаться

по причинѣ смрада отъ мертвыхъ тѣлъ и долговременнаго стоянія двухъ многочисленныхъ войскъ. Остановились въ Рѣшетиловкѣ, гдѣ было положено, что фельдмаршалъ Шереметевъ со всею пѣхотою и частію конницы пойдетъ осаждать Ригу, князь Меншиковъ съ большею частію кавалеріи въ Польшу, гдѣ, по соединеніи съ генераломъ Гольцомъ, долженъ былъ дѣйствовать противъ Лещинскаго и Шведскаго генерала Крассова. 15 іюля войска двинулись каждое въ свой путь; а государь отправился въ Кіевъ, гдѣ познакомился съ снисходительнымъ префектомъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ: въ Софійскомъ соборѣ, въ присутствіи государя, при многочисленномъ стеченіи народа, Ѳеофанъ говорилъ панегирикъ, рѣшившій судьбу его. „Подобаетъ мнѣ, говорилъ Ѳеофанъ, первѣе глаголати о побѣжденнаго супостата силѣ, дерзости, мужествѣ, и о тяжести и лютости брани. Супостатъ воистину таковый, отъ каковаго непобѣжденному токмо быти, великая была бы слава: что же таковаго побѣдити, и побѣдити тако преславно и тако совершенно? Что же речемъ, егда коварнымъ наущеніемъ и тайнымъ руководительствомъ отъ проклятаго измѣнника введенъ есть внутрь самыя Малыя Россіи? (ибо самъ собою не моглъ бы никогда же и не дерзнулъ бы внити). Здѣ воистинну супостату нашему сила, тебѣ же, отче отечества нашего, умножилися бяху труды и препятія. Брань убо сія сотворися брань нощная, аки бо въ темной нощи великое бяше недоумѣніе, кого хранитися, на кого наступати, кого заступати: въ единомъ градѣ, въ единомъ дому можаху быти двоихъ противныхъ странъ оружія. Пси не угрызаютъ господей своихъ, звѣри свирѣпые питателей своихъ не вредятъ; лютѣйшій же всѣхъ звѣрей рабъ пожела угрызти руку, ею же на толь высокое достоинство вознесенъ и на томъ крѣпцѣ держимъ бяше. Не устрашися Хамова безстудія, не убояся Іудина беззаконія, не вострепета Аріева клятво-преступства, не помысли о священнѣйшей и невредимой чести Христа Господня, студъ и вредъ отчества нашего! ежель бо, сыномъ себя Россійскимъ нарицая, врагъ сый и ляхолюбецъ. Хранися таковыхъ, о

Россіе! и отвергай отъ лона твоего; ещели ни, не послѣднюю бѣду претерпѣла еси, на имаши всегда носити змія въ нѣдрахъ твоихъ, и восприличествуетъ тебѣ гласъ Божій, Іезикіилю иногда изреченный: посреди скорпій живеши ты. Представьте себѣ предъ очи, благоразумныи слышателіе, вся вышереченная лютая, вся нужды и неудобствія, ими же брань сія тяжка зѣло сотворилася, и узрите дивную побѣду. Кто побѣжденъ? супостатъ отъ древнихъ временъ сильный, гордостію дерзкій, сосѣдомъ своимъ тяжкій, народомъ страшный, всѣми военными довольствы изобилующій. Гдѣ и какъ побѣжденъ? во время зѣло лютое, брани внутрь отчества нашего вшедшей, егда укрѣпися измѣнническимъ оружіемъ, егда ему удобіе, намъ же неудобствія умножишася; егда онъ большее, неже имѣяше собра, нашъ же пресвѣтлѣйшій монархъ на многія мѣста раздѣли воинство свое, словомъ, побѣжденъ тогда, егда мняшеся побѣду въ рукахъ держати. Приходитъ мнѣ здѣ на память, что повѣствуютъ о львѣ естествъ испытатели: егда, рече, левъ не возможетъ силѣ крѣпкихъ ловцовъ противостати, на бѣгство устремляется; а дабы не познали, въ какую страну побѣже, хоботомъ загребаетъ слѣды своя за собою. Кто же нынѣ тожде не видитъ и на львѣ Свейскомъ? Видиши ты наипаче, яко съ нимъ же убѣгшій о измѣнниче! не токмо тѣломъ, но и вѣроломствомъ хромый; виждь нынѣ, како подъ крѣпчайшую руку отдался еси; нынѣ ругайся Россійскому воинству яко не военному; нынѣ познай, кто бѣгствомъ спасается: сія бо бяху, между иными, укоризны твоя. Но и пророчество твое, имъ же Свейской силѣ на Москвѣ быти прорѣклъ еси, отчасти истинно, а отчасти ложно есть: мнози бо уже достигоша Москвы, но мнози подъ Полтавою возлюбиша мѣсто. Таковую убо и толь преславную побѣду твою, о преславный побѣдителю! кто слово изрещи, кая похвала по достоянію увѣнчати возможетъ? Не много таковыхъ побѣдъ въ памятѣхъ народныхъ, въ книгахъ историческихъ обрѣтается. Индѣ отчасти поражени суще, отчасти же цѣлы въ домы своя возвращаются врази: наши же здѣ супостаты со всѣмъ воевъ и вождей множе-

ствомъ, ово плѣненны, ово убіенны суть, а и немного избѣгшихъ занесе страхъ не въ домы ихъ, но въ безвѣстная имъ мѣста. Услышать ближніи и сосѣды ихъ и рекутъ, яко не въ землю нашу, но въ нѣкое море внидоша силы Свейскія: погрузишася бо аки олово въ водѣ, не возвратися вѣстникъ ко отечеству своему".

Никогда Петръ и приближенные его не слыхали еще такой предики! Что митрополитъ Рязанскій! Царь велѣлъ напечатать панегирикъ вмѣстѣ съ переводомъ на языкъ латинскій, яко всей Европѣ общій. Данилычь, о которомъ одномъ упомянулъ снисходительный префектъ по поводу Калишской побѣды, былъ въ восторгѣ.

Но Петръ въ Кіевѣ долженъ былъ расплатиться за полтавскія волненія: „Мнѣ за грѣхъ болѣзнь припала, которая по отъѣздѣ вашемъ ввечеру прямою лихорадкою объявилась была (писалъ онъ 6 августа Меншикову). Но когда въ понедѣльникъ принялъ фонмотивъ, съ помощію Божіею оную разорвалъ, однакожъ она, яко проклятая болѣзнь, хотя не знобомъ и жаромъ, то тошнотою и тягостію еще давитъ и свои дни выбираетъ, и тако не чаю, чтобъ ранѣе 10 числа или праздника (Успенія) отселѣ за безсильствомъ ѣхать".

15 августа Петръ выѣхалъ изъ Кіева въ Польшу; въ Люблинъ пріѣхалъ къ нему оберъ-шталмейстеръ короля Августа Фицтумъ поздравить отъ своего государя съ Полтавскою викторіею и пригласить на свиданіе въ Торнъ, куда Августъ шелъ изъ Саксоніи съ 14,000 войска. Петръ принялъ приглашеніе. Между тѣмъ Польскіе вельможи, державшіе сторону Августа, услыхавъ о Полтавской побѣдѣ, услыхавъ, что съ одной стороны идетъ въ Польшу Русское, а съ другой Саксонское войско, спѣшили помириться съ Августомъ. Видя, что въ такихъ обстоятельствахъ нельзя долѣе держаться въ Польшѣ, генералъ Крассовъ ушелъ въ Померанію, куда за нимъ послѣдовалъ и Лещинскій съ семействомъ. Въ сентябрѣ, въ мѣстечкѣ Сольцахъ, Петръ смотрѣлъ Польское войско, находившееся подъ начальствомъ гетмана Синявскаго; сюда пріѣхалъ къ нему камергеръ

Прусскаго короля съ поздравленіемъ и приглашеніемъ на свиданіе съ своимъ государемъ. 20 сентября Петръ сѣлъ на суда и поплылъ Вислою въ Варшаву: здѣсь сенаторы Польскіе поздравляли его съ викторіею и благодарили за то, что этою викторіею возвратилъ имъ законнаго короля и спасъ ихъ вольность. А между тѣмъ Меншиковъ писалъ государю изъ Быковъ: „Получилъ я отъ господина гетмана Синявскаго письмо съ великою жалобою на людей нашихъ, якобы оные никакого респекту ни на шляхту, ни на духовный чинъ не имѣютъ, съ дворовъ шляхетскихъ и изъ костеловъ берутъ безъ остатку всякое пропитаніе, на что я ему не легче того отвѣтствовалъ, какъ онъ ко мнѣ писалъ; такожъ и вашей милости доношу: не изволите ему повѣрить, понеже онъ охотникъ много писать о томъ, чего и не бываетъ. Я вамъ самую правду доношу, что съ нѣкоторыхъ дворовъ шляхетскихъ всякое пропитаніе принуждены мы брать для того: которымъ трактомъ сюда мы шли, и оной заступило ихъ коронное войско, и такъ они сей нашъ трактъ сдѣлали, что мы за нимъ идучи, и солому едва гдѣ сыскать могли, а чтобъ изъ костеловъ что брать и тутошнимъ жителямъ какое разореніе чинить, и того отнюдь не бывало, да и разорять некого, понеже всѣхъ жителей здѣшнихъ разогнали они врознь; изволишь видѣть, каково ихъ войско: истинно, что и въ регулярныхъ полкахъ почитаю одни только знамены да литавры везутъ, а люди всѣ по сторонамъ за добычею разсѣялись“ [345].

26 сентября за милю отъ Торна встрѣтилъ государя король Польскій въ двухъ небольшихъ судахъ, обитыхъ краснымъ сукномъ: „и какъ пріѣхалъ король Августъ къ судну государеву, тогда государь его короля встрѣтилъ, и между собою имѣли поздравленіе и любительные разговоры о состояніи своего здравія и случившихся дѣлъ, а наипаче о преславной Полтавской баталіи, и немного тутъ помедля, оба сіи государи пошли на королевское судно или прамъ, на которомъ изготовленъ былъ столъ съ кушаньемъ, за которымъ сидѣли и обѣдали, и въ томъ суднѣ ѣхали до города Торуня (Торна); а какъ прибыли къ городу и приста-

ли къ берегу, то вышедъ изъ судна, сѣли оба верхами на лошадей и поѣхали въ городъ“ [346].

9 Октября Петръ и Августъ заключили въ Торнѣ союзный договоръ: все прежнее предано было совершенному забвенію; отреклись оба государя отъ всѣхъ прежнихъ претензій, и всѣ прежнія записки, письменныя обязательства и документы сочтены мертвыми. Царское величество обѣщалъ королевскому величеству помогать въ достиженіи Польскаго престола какъ войскомъ, такъ и ходатайствомъ у Рѣчи Посполитой; король обязался помогать царю противъ всѣхъ его непріятелей. Цѣль союза—не конечное разореніе Швеціи, но приведеніе ея въ должныя границы и доставленіе безопасности ея сосѣдямъ. По окончаніи войны оба потентата гарантируютъ другъ другу: царскому величеству покойное владѣніе наслѣдственными, отъ Шведовъ возвращенными и завоеванными землями; королевскому величеству—спокойное владѣніе Польшею и своихъ нынѣшнихъ и впередъ имѣющихъ получиться наслѣдственныхъ земель. Король обѣщаетъ постараться, чтобъ вѣчный миръ между Россіею и Польшею былъ внесенъ въ государственную конституцію. Такъ какъ выдачею Паткуля нанесена жестокая обида какъ царскому, такъ и королевскому величеству, а виновны въ томъ Имгофъ и Финкштенъ, заключившіе такъ называемый Альтранштадскій миръ, то король обѣщаетъ царскому величеству удовлетвореніе отправленіемъ надъ ними совершенной юстиціи; а царское величество обѣщаетъ, что прежде помянутая амнистія и ради господина Паткуля на тѣхъ министровъ, которые въ его заарестованіи заинтересованы и виновны, распространена быть имѣетъ, и тѣмъ это дѣло окончено да будетъ. 20 Октября былъ прибавленъ тайный артикулъ: Княжество Лифляндское со всѣми своими городами и мѣстами его королевскому величеству Польскому, какъ курфюрсту Саксонскому, и его наслѣдникамъ присвоено и уступлено быть имѣетъ.“ [347]

Въ Торнъ явился и чрезвычайный Датскій посланникъ фонъ Ранцовъ поздравить съ викторіею и домогаться о за-

ключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза съ Полтавскимъ побѣдителемъ противъ побѣжденной Швеціи; ему объявлено, что для заключенія этого союза уполномоченъ въ Копенгагенѣ русскій посолъ князь Василій Лукичь Долгорукій. Мы видѣли, какъ дѣло подвигалось медленно у Долгорукаго до конца іюня 1709 года. Получивъ извѣстіе о Полтавской побѣдѣ, Долгорукій словесно донесъ о ней королю. Тотъ отвѣчалъ, что уже получилъ извѣстіе изъ Саксоніи, потомъ пространно началъ говорить о побѣдѣ, удивлялся ей и показывалъ видъ радостный; говорилъ, что этою побѣдою царь не только себѣ, но и всему русскому народу пріобрѣлъ безконечную славу, и показалъ всему свѣту, что русскіе люди научились воевать. Когда Долгорукій объявилъ ему о вступленіи короля Августа въ Польшу, то Фридрихъ IV сказалъ, что и онъ желаетъ съ царскимъ величествомъ обновить старый союзъ и вступить въ войну противъ Шведовъ; но при этомъ замѣтилъ, что Англійская королева упорно держитъ Шведскую сторону и говоритъ, что, по договорамъ, не можетъ допустить Шведскаго короля до упадка. Долгорукій отвѣчалъ, что королева не въ состояніи исполнить своего желанія по причинѣ войны Французской; да еслибы война и кончилась, то Англичане въ парламентахъ не скоро согласятся наложить на себя новыя подати и нести разореніе для Шведскаго короля. Но въ Даніи спѣшили пользоваться Полтавскою побѣдою: первый министръ Грабе, которому обѣщана была милость царская, открылъ Долгорукому по секрету, что король въ тайномъ совѣтѣ приказалъ своимъ министрамъ неусыпно трудиться надъ военными приготовленіями, и намѣренъ начать войну въ сентябрѣ или, по крайней мѣрѣ, въ октябрѣ.

Еще до извѣстія о Полтавской побѣдѣ, Долгорукій предложилъ субсидіи: 300,000 ефимковъ на первый годъ, по 100,000 на слѣдующіе, на 50,000 матеріаловъ для флота, отъ двухъ до трехъ тысячь матросовъ и 10,000 пѣхоты. „Король, писалъ Долгорукій, намѣренъ вступить въ войну; но не заключаетъ союза съ царскимъ величествомъ;

чтобъ побольше выпросить денежныхъ субсидій. Мое мнѣніе: хотя союзъ съ Датскимъ королемъ царскому величеству нуженъ какъ теперь, такъ еще больше на будущее время, однако надобно стараться ввести Датскаго короля въ этотъ союзъ какъ можно безубыточнѣе. Я хотя имѣю указъ обѣщать имъ 500,000 на первый годъ, однако до сихъ поръ не объявилъ еще имъ больше 300,000 и вмѣсто 20,000 пѣхоты объявилъ только 10,000, потому что вижу ихъ склонность къ вступленію въ войну и думаю, что и тѣмъ будутъ довольны, а еслибъ прежде моей послѣдней конференціи я зналъ о Полтавской побѣдѣ, то и этого бы не объявилъ."

Долгорукій писалъ Головкину, не прикажетъ ли государь уменьшить субсидіи въ слѣдствіе перемѣнъ, произведенныхъ Полтавскою побѣдою,—и вдругъ получаетъ указъ заключить съ Даніею оборонительный и наступательный союзъ вовсе безъ субсидій! Долгорукій отправился къ королю и объявилъ, что хотя непріятелю послѣ такого пораженія поправиться нельзя, и царское величество можетъ заключить теперь благополучный миръ, однако не отрицается вступить въ оборонительный и наступательный союзъ съ Даніею, только субсидій дать не можетъ по многимъ причинамъ. Король съ печальнымъ видомъ отвѣчалъ, что надѣялся на денежныя субсидіи, безъ которыхъ флота вооружить не на что, а министры сказали Долгорукому, чтобъ царское величество не изволилъ надѣяться нынѣшнею побѣдою удержать портъ на Балтійскомъ морѣ, если не будетъ имѣть союзниковъ въ Датскихъ короляхъ, потому что многія другія государства будутъ мѣшать ему въ томъ. Министры тѣмъ сильнѣе спорили съ Долгорукимъ, что имѣли въ рукахъ письмо отъ Урбиха, писанное послѣ Полтавской побѣды: въ письмѣ говорилось, что царь даетъ королю 500,000 ефимковъ единовременно за союзъ. 7 сентября пріѣхалъ къ Долгорукому одинъ изъ министровъ и объявилъ, что король непремѣнно намѣренъ вступить въ войну съ Шведами по соглашенію съ царскимъ величествомъ, и хотя эта война будетъ королю убы-

точнѣе всѣхъ прежнихъ въ слѣдствіе приготовленія морскихъ силъ, однако король начнетъ ее въ надеждѣ, что царское величество, увидѣвъ тяжкіе убытки королевскіе, если не теперь, то въ послѣдствіи окажетъ помощь.

Не смотря на это объявленіе, дѣло опять затянулось, благодаря усиліямъ Англійскихъ и Голландскихъ пословъ, которые отговаривали отъ войны Датскихъ министровъ, боясь, что какъ скоро Данія объявитъ войну Швеціи, то многіе государи и князья имперскіе отзовутъ свои войска изъ службы союзниковъ, одни для обереженія своихъ границъ, другіе по обязательствамъ съ королемъ Шведскимъ или Датскимъ, да и самъ Датскій король отзоветъ свои войска, когда увидитъ сильное наступленіе на себя со стороны шведской, и такимъ образомъ Голландцы и Англичане, сильные только чужими войсками, потеряютъ возможность продолжать успѣшно войну съ Францiею. Послы ихъ, въ конференціяхъ съ Датскими министрами, прямо грозили, что Англія и Голландія примутъ сторону Швеціи, и Датскій король вмѣсто пріобрѣтенія чужаго, можетъ потерять и свое; если же онъ удержится отъ войны до общаго мира союзниковъ съ Франціею, то союзники обѣщаютъ и безъ войны доставить ему Шонію. Долгорукій узналъ, что когда Прусскій король далъ знать Голландскимъ штатамъ о предстоящемъ свиданіи своемъ съ царемъ, то тѣ стали убѣждать его, чтобъ не входилъ ни въ какія обязательства съ Россіею, ибо царь становится такъ силенъ, что можетъ быть опасенъ не только другимъ областямъ, но и самой Пруссіи; всѣ государства обязаны не допускать царя до усиленія, которое можетъ быть вредно цѣлой Европѣ.

При такихъ внушеніяхъ Датскіе послы опять заупрямились, и Долгорукій счелъ необходимымъ уступить, согласился хлопотать у царя о субсидіяхъ, согласился опредѣлить, какія изъ Шведскихъ земель должны принадлежать Россіи, какія Даніи.

Между тѣмъ секретарь Французскаго посольства въ

Копенгагенѣ давалъ знать Долгорукому, что король его очень желаетъ вступить въ союзъ съ царемъ. Долгорукій, давая знать объ этомъ въ Россію, предлагалъ свое мнѣніе: „Я не думаю, чтобъ нужно было входить въ обязательства съ Франціею, потому что помощь ея теперь не очень нужна; однако надобно показать нѣкоторую склонность, отыскавши способъ, чтобъ осталось все втайнѣ. Польза отъ того можетъ быть та, что Франція, увидѣвъ къ себѣ склонность со стороны Россіи, станетъ продолжать войну; потомъ, союзники такъ сильно идутъ наперекоръ интересамъ царскаго величества, и если они дѣйствительно станутъ противъ насъ дѣйствовать, то Франція будетъ намъ нужна." Долгорукій получилъ указъ отвѣчать секретарю, чтобъ Французское правительство прислало кого-нибудь къ царскому двору или бы дало коммиссію. Секретарь говорилъ Долгорукому, что государь его готовъ прекратить всѣ прежнія несогласія съ Россіею, готовъ гарантировать царю всѣ его завоеванія, будетъ стараться, чтобъ Русскіе стали твердою ногою на Балтійскомъ морѣ, потому что здѣсь замѣшанъ интересъ Французскаго короля, которому желательно ослабить на этомъ морѣ торговлю Англійскую, и особенно Голландскую.

Посланники Англійскій и Голландскій въ Копенгагенѣ дѣйствительно сильно шли наперекоръ интересамъ царскаго величества, „двигали землю и небо", чтобы удержать Датскаго короля отъ войны съ Швеціею. Наконецъ Долгорукому удалось ввести короля въ войну—безъ субсидій со стороны Россіи, не смотря на то, что къ нему присланы были указы обѣщать сухопутное войско, матросовъ и по сту тысячь ефимковъ ежегодно матеріалами: „Не далъ я ничего, ни человѣка, ни шелега!" писалъ съ восторгомъ Долгорукій въ Россію.[348] 11 октября былъ заключенъ союзный трактатъ на томъ основаніи, что ихъ величества, царь всероссійскій и король датскій и норвежскій „зѣло разсудили вредительныя послѣдства, которыя бы ярость и злобо-насильственные поступки короля шведскаго по времени произвести могли къ великому предо-

сужденію единой и другой областямъ." Его величество датское обязалось разорвать съ королемъ шведскимъ, и тою же осенью наступать на него морскимъ и сухимъ путемъ, вступить въ Шонію съ однимъ войскомъ, а въ Шведскую землю отъ Норвегіи съ другимъ. Царское величество обязалось кромѣ начатыхъ уже воинскихъ промысловъ въ Ливоніи и Польшѣ, напасть также на Финляндію.[349]

По заключеніи договора, Долгорукій давалъ обѣдъ иностраннымъ министрамъ; шла, разумѣется, длинная рѣчь о войнѣ, начинаемой Даніею; голландскій и англійскій посланники прямо высказали, какъ противна имъ эта война. „Нынѣ уже дѣло при здѣшнемъ дворѣ все по желанію его царскаго величества совершилось, писалъ Долгорукій отъ 5 ноября: король Датскій войну всчалъ противъ короля Шведскаго; войска датскія, конныя и пѣшія вступили въ Шону, а какъ транспортъ и десантъ чинены, я всему тому очевиднымъ свидѣтелемъ сподобился быть: дана мнѣ была, по моему прошенію, фрегата королевская."[350]

Когда Долгорукій оканчивалъ дѣло союза въ Копенгагенѣ, Петръ уже плылъ Вислою къ Маріенвердеру для свиданія съ королемъ Прусскимъ. Ихъ величества „поздравились любительно," но союзъ былъ заключенъ только оборонительный. Изъ Маріенвердера царь отправился къ Ригѣ, подъ которою уже стоялъ фельдмаршалъ Шереметевъ съ войскомъ. По полуночи на 14 ноября начали бомбардировать городъ; первыя три бомбы бросилъ самъ государь,—и писалъ Меншикову и министрамъ своимъ при иностранныхъ дворахъ: „Сего дня о пятомъ часу по полуночи бомбардированіе началось Риги, и первыя три бомбы своими руками въ городъ отправлены, о чемъ зѣло благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту сподобилъ мнѣ самому отмщенія начало учинить."[351] На этотъ разъ все и ограничилось такимъ началомъ отмщенія: по позднему времени, по крѣпости города и многочисленности гарнизона и наконецъ потому, что городъ не могъ получить ни откуда помощи, Петръ распорядился, чтобы Шереметевъ отвелъ войска на зимнія квартиры въ Курлян-

дію, оставивъ для блокады Риги семи-тысячный корпусъ князя Репнина. Бросивъ три бомбы въ Ригу, Петръ на другой день отправился въ Петербургъ или въ „святую землю,“ какъ называлъ ее Меншиковъ въ письмѣ своемъ.[352] Въ Петербургѣ царь велѣлъ построить церковь во имя св. Сампсона въ память Полтавской баталіи, распорядился другими постройками и украшеніемъ города, который эта баталія закрѣпляла за нимъ, велѣлъ министрамъ, генераламъ и знатному дворянству строить каменные дома на „святой землѣ,“ которой многіе изъ нихъ согласны были дать совершенно другое названіе. 6 декабря заложилъ корабль: „Полтава“ и на другой день отправился въ Москву.

Пріѣхавъ 12 декабря въ село Коломенское, Петръ дожидался тутъ гвардейскихъ полковъ. На другой день пришли полки и начали свозить изо всѣхъ ближнихъ городовъ шведскихъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Полтавою; два дня въ слободахъ за Серпуховскими воротами устроивали полки, разбирали плѣнныхъ, раздавали взятыя знамена, артиллерію по полкамъ. 21 декабря вошли въ Москву съ великимъ тріумфомъ. Построено были семь тріумфальныхъ воротъ, изукрашенныхъ золотомъ, эмблемматическими картинами, покрытыхъ надписями. Приведемъ описаніе воротъ, построенныхъ купцами, потому что здѣсь было дано мѣсто и сыну тріумфатора. „Купцы великороссійскіе поставили торжественные врата величайшему силы Свейскія въ конецъ истребителю. Въ первой картинѣ вмѣсто Фебуса, его же баснотворцы огненными конями возимаго именуютъ быти солнцемъ, поставися пресвѣтлѣйшаго монарха нашего персона подъ зодіатическими знаки рака и льва (яже мѣсяцы іюнь и іюль знаменуются): яко егда ракъ мѣсяца іюня въ зодіачное знаменіе пріиде, тогда несмысленною дерзостію пришедъ въ чужое отечество левъ шведскій, съ великимъ безчестіемъ всю потерявши силу свою, ракомъ бывъ, вспять едва выползѣ. На престолѣ царственномъ поставиша во образѣ дѣвы правду съ вѣсами. Близь престола правды, вѣру христіанскую во

образѣ дѣвы съ крестомъ Господнимъ. Въ перспективѣ царствующій градъ Москву, а надъ нимъ персону государя царевича Алексѣя Петровича на орлѣ, царскомъ знаменіи возлетающаго съ желаніемъ въ большее мужество, имущаго же молнія на убиваемаго льва, знаменующи, яко пресвѣтлѣйшій государь царевичъ, въ отечествѣ своемъ бывъ, уготовляя воинство въ чуждую ограду вшедшаго льва шведскаго къ побѣжденію посылаше. Во второй картинѣ лабиринтъ, иже вертоградъ бысть, содержай вельми хитростныя въ себѣ стези, знаменующи совѣты и произволенія короля Свейскаго, хитростьми премногими исполненныя. Въ той же лабиринтъ вводящая персону пресвѣтлаго монарха нашего дѣва со зміемъ и зерцаломъ, еже есть благоразуміе знаменующи" и т. д.[353]

Послѣ тріумфовъ Петръ началъ трудиться „во управленіи гражданскихъ дѣлъ," [354] къ которымъ и намъ пора обратиться.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Кабинетъ I, кн. № 51.
2. Тамъ же, II, кн. № 2.
3. Гисторія Свейской войны; Вѣдомости Московскія 15 декабря 1703 года.
4. Печатныя письма Шереметева, отъ 27 мая.
5. Къ Апраксину. Кабинетъ I, кн. № 24.
6. Голиковъ, X, стр. 124.
7. Тамъ же, стр. 64.
8. Тамъ же, стр. 150 и слѣд.; письма Шереметева къ царю напечатанныя.
9. Дѣла Меншикова въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
10. Кабинетъ I, кн. № 2.
11. Гисторія Свейской войны; Weber—das veränderte Russland. I, 67; Hansen-Geschichte der Stadt Narwa, 218.
12. Голиковъ—Дѣянія, X, 168.
13. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., дѣла Польскія означ. лѣтъ.
14. Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малороссійскаго приказа означ. года.
15. Тамъ же, книги Малорос. приказа 1702 года.
16. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія 1702 года.
17. Архивъ Мин. юстиціи, книги Малор. приказа 1702 года.
18. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія (бумаги Паткуля).
19. Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малорос. приказа 1703 года.
20. Полное Собр. Зак. IV, № 1934.
21. Гисторія Свейской войны.
22. Fryxell I, 198.
23. Тамъ же, 203.
24. Пол. Собр. Зак. IV, № 1991.
25. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія 1704 года.
26. Fryxell, I, 218.

27. Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малорос. приказа 1704 года.

28. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія.

29. Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малорос. приказа, годъ 1704.

30. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Австрійскія означенныхъ годовъ.

31. Lamberti — Mémoires pour servir à l'histoire de XVIII siecle, I, 273: L'ambassadeur de Suede, à qui la copie de ce memoire (Матвѣева) était parvenue, en fit des risées avec les autres ministres étrangers. Meme, pour en divertir le public, il fit faire par le turlupinant auteur (Gueudeville) de l'Esprit ou Nouvelles des Cours, quelques remarques sur le memoire, qu'il fit emprimer fort cladestinement et en petit nombre. Замѣчанія напечатаны въ той же книгѣ.

32. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія 1704 года.

33. Тамъ же, дѣла Голландскія означенныхъ годовъ.

34. Тамъ же, дѣла Французскія означеныхъ годовъ.

35. Тамъ же, дѣла Турецкія означенныхъ годовъ.

36. Кабинетъ II, кн. № 4.

37. Пол. Собр. Зак. № 1748, 1899, 1838.

38. Тамъ же, № 1765.

39. Тамъ же, № 1760.

40. Тамъ же, № 1900.

41. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Голландскія 1704 г.

42. Пол. Собр. Зак. № 1750.

43. Тамъ же, № 1799, 1977.

44. Донесенія Голландскихъ резидентовъ, рукоп. библіотеки Академіи Наукъ.

45. Пол. Собр. Зак. № 1776; Голикова — Дополн. къ Дѣяніямъ VI, стр. 127.

46. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Голландскія 1704 года; Голикова — Дѣянія П. В. II, стр. 46.

47. Кабинетъ II, кн. № 2.

48. Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ (напечат. Устрял. IV, II, стр. 316).

49. Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла слѣдственныхъ коммиссій, № 218.

50. Пол. Собр. Зак. № 1747; Голикова Дѣянія II, стр. 68, 120, 121, 123.

51. Тамъ же, № 1910; Нартова анекдоты № 33; Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малорос. приказа, № 86.

52. Кабинетъ II, кн. № 53.

53. Московъ. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ; приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, 1702, 1703 и 1704 годовъ. — Магницкій получалъ жалованья 90 рублей; ученики математико навигацкихъ школъ 200 человѣкъ и одинъ писецъ получали 4041 рубль 29 алтынъ. Фарварсонъ получалъ по 250 рублей, Гвинъ и Грейсъ по 150. — Школы прежде находились въ вѣдѣніи Кревета; но Курбатовъ выпросилъ ихъ у царя себѣ, потому что Навигатскія науки у Кревета не успѣвали. Курбатовъ настоялъ, чтобъ право на изданіе Ариѳметики отнято было у нѣкоего иноземца, потому что Леонтій Магницкій не одобрилъ книги, и, по старанію Курбатова, въ домѣ послѣдняго Магницкій началъ самъ сочинять Ариѳметику, которая, по словамъ Курбатова, вышла гораздо лучше иноземцевой. (Кабинетъ II, кн. № 1).

54. См. подробности у Пекарскаго — Наука и Литтература въ Россіи при П. В. I, VI.

55. Ясно, что Избранту было дано только право на изданіе описанія Сибири и Китая, а не всѣхъ книгъ, какъ думаютъ нѣкоторые.

56. Пол. Собр. Зак. № 1751.

57. Подробности у Пекарскаго I, II.

58. Подробности тамъ же.

59. Пол. Собр. Зак. № 1921.

60. Московъ. Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1704.

61. Дѣло Нейгебауера въ Московъ. Архивѣ Мин. Ин. Д.

62. Schreiben eines vornehmen deutschen Officires an einem geheimen Rath eines hohen Potentaten u. s. w.

63. Московъ. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Голландскія 1704 г.

64. См. у Пекарскаго I, стр. 90 и слѣд.

65. Пол. Собр. Зак. № 1964.

66. Тамъ же № 1756.

67. Тамъ же, № 1879.

68. Тамъ же, № 1758.

69. Тамъ же, № 1890; Дѣла преображ. приказа 1702 года.

70. Кабинетъ II, кн. № 1.

71. Пол. Собр. Зак. № 1963.

72. Тамъ же, № 1907. — Анекдоты Нартова, № 13.

73. Кабинетъ II, кн. № 53.

74. Тамъ же, № 1.

75. Пол. Собр. Зак. № 1818. — Анекдоты Нартова, анекдотъ 12 по рукописи моей библіотеки.

76. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла духовныя.

77. Кабинетъ II, кн. № 1.

78. Старый митрополитъ Авраамій ушолъ по болѣзни на покой.

79. Пол. Собр. Зак, № 1829.

80. Тамъ же, № 1834.

81. Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Монастырскаго приказа 1703 г.

82. Тамъ же дѣла означенныхъ годовъ.

83. Пол. Собр. Зак. № 1839.

84. Тамъ же, № 1886.

85. Дѣла Преображ. приказа 1705 г. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Голландскія 1704 года.

86. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1704; тамъ же дѣла Греческія 1703 г.

87. Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, стр. 38 и слѣд.

88. Чтенія Москов. Истр. Общ. 1863 года, кн. IV.

89, Голикова, Дѣянія II, стр. 56; дополнен. къ Дѣян. Петра В., т. XVII, стр. 65.

90. Столбцы тайнаго Преображ. приказа, № 1104.

91. Дѣла того же приказа 1705 года.

92. Тамъ же, столбцы № 836.

93. Тамъ же, № 755.

94. Тамъ же, № 971.

95. Тамъ же, № 2891.

96. Тамъ же, № 742.

97. Тамъ же, № 1034.

98. Дѣла Преображ. приказа 1705 года.

99. Тамъ же, дѣла 1704 года; того же приказа столбецъ № 63.

100. Выписка изъ дѣла Талицкаго въ дѣлахъ тайной канцеляріи въ Государств. Архивѣ (1750 года); напечатана у Есипова въ 1 томѣ раскольничьихъ дѣлъ, съ ошибками, впрочемъ незначительными.

101. Столбцы Преображ. прик. № 817 (годъ 1700); дѣло Преобр. прик. 1704 г.

102. Дѣла Преображ. приказа 1705 года.

103. Пол. Собр. Зак. № 1741. Кабинетъ II, кн. № 1; записки Желябужскаго.

104. Пол. Собр. Зак. № 1887.

105. Дѣла Преображ. приказа 1703 и 1704 года.

106. Тамъ же.

107. Столбцы Преображ. приказа № 751, 1035.

108. См. нашей Исторіи томъ XIV, стр. 283; помѣщенное здѣсь относится къ дѣлу о кладахъ, а не къ стрѣлецкому розыску. Ошибка произошла отъ того, что этотъ отрывокъ замѣшался въ дѣло о стрѣлецкомъ розыскѣ, находящемся въ Государств. Архивѣ.

109. Все это разсказалъ самъ Степанъ въ Преображенскомъ; но потомъ объявилъ, что кромѣ рѣчей столяровой жены (которая сама повинилась) все сказалъ ложно, избывая пытокъ.

110. Астраханскій бунтъ разказанъ по документамъ, находящимся въ Кабинетѣ Петра В. Отд. I, кн. № 14, 18, 58; отд. II, кн. № 4; въ Архивѣ Минист. Юстиціи, въ столбцахъ Преображ. приказа № 1144, 1145, 1146, 1149, 1150, 1163, 1167. Въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д. въ приказныхъ дѣлахъ новыхъ лѣтъ, въ письмахъ Головина Петру В. Тамъ же въ дѣлахъ Персидскихъ 1705 и 1706 годовъ. — Печатные: письма Петра В. у Голикова, т. X; переписка Шереметева; переписка фельдмаршаловъ Головина и Шереметева, Москва 1851; письмо Шереметева къ Головину въ Меншиковскихъ дѣлахъ въ Академіи Наукъ, напеч. у Устрял. IV, II, стр. 403.

111. Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1700, письмо Головина къ Мазепѣ.

112. Тамъ же, дѣла Донскія 1700 года.

113. Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла Преображ. прик. 1701 и 1703 года.

114. Тамъ же, книги Малороссійскаго приказа означенныхъ годовъ.

115. Иностранцы превозносили блестящее состояніе русской арміи при Полоцкѣ; хотятъ видѣть въ этомъ дѣло фельдмаршала Огильви; но мы не можемъ раздѣлять такого взгляда. Мы видѣли, что Петръ нашелъ подъ Дерптомъ свои полки „зѣло бодры и учрежденны".

116. Дѣла Меншикова въ Академіи Наукъ, кн. 2 (напечат. у Устрял. IV, II, стр. 333.

117. Напечатан. письма Петра В. къ Шереметеву № 58.

118. Объявленіе, обнородованное царемъ въ Вильнѣ, въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д., напечатано въ Исторіи Уніи Бантышъ — Каменскаго. Въ томъ же Архивѣ сохранилось католи-

ческое извѣстіе о событіи, незаслуживающее вѣроятія по баснословнымъ подробностямъ, какъ наприм., что русскіе архіереи не иначе соглашались благословить Петра на походъ, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ искоренилъ унію. По этому извѣстію царь убилъ девятерыхъ монаховъ, тогда какъ Римскіе миссіонеры доносятъ изъ Москвы только о пятерыхъ, согласно съ объявленіемъ Петра (Theiner — Monuments historiques de Russie, 412). Зная, какъ вѣрить католическимъ извѣстіямъ, мы не считаемъ себя въ правѣ принимать подробности, что Петръ разметалъ по полу св. дары, велѣлъ отрѣзать груди у женщинъ, которыя плакали объ убитыхъ монахахъ и проч.

119. Кабинетъ II, кн. № 7.

120. Гисторіи Свейской войны.

121. Голикова — Дѣянія П. В. X, стр. 215.

122. Тамъ же, стр. 216.

123. Напечатанныя письма Шереметева, I, 90.

124. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Письма Петра В.

125. Кабинетъ, I, кн. № 28.

126. Тамъ же, II, кн. № 4.

127. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія 1705 года.

128. Тамъ же, дѣла Прусскія того же года.

129. Тамъ же, дѣла Меншикова. Тамъ же приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1706; письмо Головина отъ 20 февраля.

130. Тамъ же, письмо къ Меншикову отъ 13 января.

131. Тамъ же, письмо отъ 12 января.

132. Кабинетъ II, кн. № 5.

133. Голиковъ, дополненія, т. VII, стр. 119.

134. Вотъ доказательство, что это письмо къ Репнину, а не къ Огильви.

135. Меншиковъ не могъ приказывать Огильви.

136. Т. е. на Огильви; а Огильви не на кого было смотрѣть.

137. Голиковъ, Дѣянія X, стр. 318.

138. Рѣшительное доказательство, что приведенное письмо Петра было къ Репнину, а къ Огильви было написано только то, которое помѣщено у Голикова X, № 312.

139. Кабинетъ II, кн. № 5.

140. Тамъ же.

141. Голикова Дѣянія X, стр. 317, 328, 333, 337.

142. Тамъ же, стр. 344.

143. Тамъ же, стр. 346.

144. Тамъ же, стр. 356, 357.
145. Fryxell I, 229.
146. Голиковъ Дѣянія X, стр. 368.
147. Тамъ же, стр. 374.
148. Тамъ же, стр. 383.
149. Кабинетъ II, кн. № 5.
150. Голиковъ — Дѣянія, X, стр. 402.
151. Тамъ же, стр. 389.
152. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д., письма Петра В.
153. Тамъ же.
154. Тамъ же.
155. Тамъ же.
156. Кабинетъ II, кн. № 5.
157. Тамъ же, кн. № 4; Голикова — Дѣянія, XI, стр. 134.
158. Кабинетъ, кн. № 5.
159. Гисторія Свейской войны.
160. Кабинетъ II, кн. № 5.
161. Москов, Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Меншикова.
162. Кабинетъ II, кн. № 5.
163. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Меншикова.
164. Fryxell, I, 252.
165. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія 1706 года. Русскія войска не были отданы Шведамъ; объ нихъ читаемъ въ Гисторіи Свейской войны (Журналъ Петра В.): „А которые русскіе послѣ Фрауштатской баталіи въ Саксоніи остались, и тѣхъ правительство Саксонское отослало изъ Саксоніи, и полковникъ Ренсель, который тѣмъ малымъ оставшимъ корпусомъ командовалъ, отошелъ къ Ренѣ рѣкѣ (къ Рейну), и когда увидалъ о требованіи Шведскомъ отъ царскаго двора, чтобъ тѣхъ остальныхъ Русскихъ ему выдать, то упомянутый полковникъ Ренсель препроводилъ ихъ чрезъ Шлезію въ Польшу". — Паткуль былъ выданъ Карлу и колесованъ въ 1707 году, 10 октября.
166. Кабинетъ II, кн. № 5.
167. Голикова — Дѣянія XI, стр. 138.
168. Письма Головкина въ Государств. Архивѣ.
169. Кабинетъ II, кн. № 6.
170. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Польскія дѣла 1707 года. — Кабинетъ I, кн. № 20.
171. Письма Головкина въ Государ. Архивѣ.

172. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Польскія дѣла 1707 года.
173. Письма Головкина въ Государств. Архивѣ, и въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
174. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Англійскія дѣла 1707 года. — Донесенія Голландскихъ резидентовъ.
175. Письма Петра В. въ Государ. Архивѣ.
176. Тамъ же.
177. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Французскія дѣла 1707 г.
178. Тамъ же, дѣла Австрійскіе; Голиковъ — Дѣянія, XI. стр. 183, 260; Дополненія къ Дѣян. VII, стр. 310.
179. Голикова — Дѣянія, X, стр. 392.
180. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Турецкія дѣла 1707 года.
181. Тамъ же, дѣла Папскаго двора.
182. Кабинетъ I, кн. № 24.
183. Тамъ же, кн. № 20.
184. Fryxell, I, 273; дѣла Австрійскія въ Москов. Арихѣ Мин. Ин. Д.
185. Кабинетъ I, кн. № 24.
186. Тамъ же, II, кн. № 7: донесеніе Петра Апраксина, 20 марта 1708 года.
187. Тамъ же, выписка о Башкирской войнѣ.
188. Письма Кудрявцева въ Государ. Архивѣ.
189. Кабинетъ II, кн. № 7.
190. Письма Кудрявцева въ Государ. Архивѣ.
191. Кабинетъ II, кн. № 9; дѣла Калмыцкія 1708 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
192. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Донскія означенныхъ лѣтъ.
193. Архивъ Мин. Юстиціи, дѣла монастыр. приказа 1706 г.
194. Столбцы Преображ. приказа, № 1143.
195. Кабинетъ II, кн. № 8: письмо Острогожскаго полковника Товяшева.
196. Не отсюда ли простонародное выраженіе о внезапной смерти: Кондрашка хватилъ.
197. Кабинетъ II, кн. № 8; Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Письма Петра В. къ Меншикову.
198. Кабинетъ, кн. № 7: письма Кіевскаго губернатора, кн. Дм. Мих. Голицына.
199. Тамъ же.
200. Тамъ же I, кн. № 2.

201. Кабинетъ- I, кн. № 2. Далѣе здѣсь слѣдуетъ перечисленія: „Отъ Голубинскаго до Черкаскаго въ 33 городкахъ 6470 человѣкъ; въ Черкаскомъ 5000; отъ Донецкаго до Голубыхъ въ 20 городкахъ 6900; по Дону пять городковъ съ 1780 челов. къ вору не пристали.

202. Кабинетъ II, кн. № 7.

203. Тамъ же, I, кн. № 2.

204. Голиковъ — Дѣянія, XI. стр. 353.

205. Кабинетъ II, кн. № 7. — Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

206. Голиковъ — Дѣянія, XI, стр. 360.

207. Тамъ же, стр. 363, 364. — Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архив. Мин. Ин. Д.

208. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архив. Мин. Ин. Д.

209. Кабинетъ I, кн. № 2.

210. Тамъ же, № 18.

211. Тамъ же.

212. Тамъ же, кн. № 51.

213. Тамъ же, кн. № 2; записки Желябужскаго.

214. Кабинетъ, II, кн. № 7.

215. Тамъ же.

216. Тамъ же.

217. Тамъ же I, кн. № 2, 18.

218. Голиковъ — Дѣянія XI, стр. 379.

219. Кабинетъ II, кн. № 7.

220. Тамъ же.

221. Голиковъ — Дѣянія XI, стр. 380.

222. Тамъ же, стр. 381.

223. Кабинетъ II, кн. № 7.

224. Тамъ же I, кн. № 18; II, кн. № 7.

225. Тамъ же.

226. Голиковъ — Дѣянія XI, стр. 382.

227. Кабинетъ II, кн. № 7.

228. Голиковъ — Дѣянія XI, стр. 402.

229. Кабинетъ II, кн. № 7; тамъ же отд. I, Кн. № 2.

230. Тамъ же, II, кн. № 8.

231. Тамъ же, II, кн. № 7.

232. Тамъ же, I, кн. № 18.

233. Голиковъ — Дѣянія XI, стр. 426.

234. Кабинетъ I, Кн. № 2 и 18.
235. См. нашей Исторіи томъ XI.
236. Fryxell II, 71.
237. Тамъ же, 72.
238. Голиковъ — Дѣянія XI, стр. 340.
239. Тамъ же, стр. 341; письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
240. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.
241. Тамъ же, письма Петра В. къ Меншикову.
242. Тамъ же.
243. Кабинетъ I, кн. № 54.
244. Тамъ же, II, кн. № 8.
245. Тамъ же.
246. Голиковъ — Дѣянія XI, стр. 387.
247. Письма Петра В. къ Меншикову въ Моск. Архивѣ Мин. Ин. Д.
248. Кабинетъ II, кн. № 8; Голикова — Дѣянія XI, стр. 401.
249. Кабинетъ II, кн. № 8.
250. Голиковъ — Дѣянія XI, стр. 394.
251. Fryxell II, 99.
252. Голиковъ — Дѣянія XI, стр. 406.
253. Тамъ же, стр. 418, 423.
254. Fryxell, II, 121: Гисторія Свейской войны.
255. Fryxell II, 113.
256. Архивъ Мин. Юстиціи, книги Малоросс. приказа 1704 г.
257. См. нашей Исторіи т. XII.
258. Письмо Орлика къ Стефану Яворскому въ Госуд. Арх.
259. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Малороссійскія дѣла 1708 г.
260. Тамъ же.
261. Кабинетъ II, кн. № 7.
262. Тамъ же, кн. № 8.
263. Москов. Архив. Мин. Ин. Д. приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.
264. Тамъ же.
265. Тамъ же, дѣла Малороссійскія 1708 года.
266. Кабинетъ II, кн. № 8.
267. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.
268. Тамъ же, дѣла Малороссійскія 1708 года.

269. Письмо Орлика къ Стефану Яворскому.

270. Письмо это въ Государ. Архивѣ.

271. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

272. Письмо Орлика къ Стефану Яворскому.

273. Письма эти въ Государств. Архивѣ.

274. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

275. Письмо Орлика къ Стефану Яворскому.

276. Письма Меншикова въ Государств. Архивѣ.

277. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

278. Письмо Орлика къ Стефану Яворскому. Здѣсь читаемъ также слѣдующее: „Посылалъ Мазепа изъ Борзны ко двору царскаго величества въ Глуховъ съ письмами канцеляриста войсковаго Болбота, по котораго оттуда возвращеніи, объявилъ намъ всѣмъ, будто одинъ изъ министровъ царскаго величества, а другій изъ канцеляріи, истинные его пріятели, черезъ Болбота перестерегали его Мазепу, чтобъ до двора царскаго величества не ѣхалъ, но паче своей и цѣлаго народа Малороссійскаго цѣлости всякую усмотрилъ охорону, понеже въ такомъ состояніи, не надѣяся въ Украйнѣ никакого постоянства, царское величество намѣренъ и о гетманѣ, и о всемъ народѣ вещь нѣкакую противную устроить, что потомъ и универсалами своими велѣлъ передъ народомъ оголосить. Но солгалъ: когда въ 1714 году Шведскій король изъ Турціи чрезъ Молдавію до Помераніи ѣхалъ, а я, послѣдуя ему до Букарештъ, нашелъ тамъ канцеляриста Болбота, готовящагося въ монастырь, съ которымъ чрезъ два дни тамъ конверсуя, воспомянулъ и о томъ престереженіи; Болботъ объявилъ мнѣ, что Мазепа, посылая его въ Глуховъ, приказывалъ ему довѣдаться, какъ о немъ разумѣютъ? но онъ ничего ни отъ кого противнаго о немъ не слышалъ, напротивъ, князь Григорій Өедоровичъ Долгорукій совѣтовалъ ему Мазепѣ, чтобъ ничего не опасался, какъ наискорѣе ѣхалъ ко двору, представляя и душу, и совѣсть свою въ закладъ въ томъ, что царь ниединаго сумнѣнія о его вѣрности не имѣетъ и не слушаетъ никого, если кто о немъ плутаетъ“.

279. Письмо Меншикова въ Государ. Архивѣ.

280. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

281. Тамъ же дѣла Малороссійскія 1708 года.
282. Голикова — Дѣянія XI, стр. 432.
283. Голикова — Дополненія къ Дѣяніямъ, XV, стр. 216.
284. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
285. Письма Меншикова въ Государ. Архивѣ.
286. Тамъ же.
287. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
288. Гисторія Свейской войны.
289. Письмо Орлика къ Стефану Яворскому.
290. Голикова — Дѣянія XI, стр. 442.
291. Гисторія Свейской войны.
292. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Малороссійскія дѣла 1708 г.
293. Тамъ же.
294. Голикова — Дѣянія, III, стр. 52.
295. Гисторія Свейской войны.
296. Голикова — Дѣянія XI, стр. 459.
297. Москов. Архивъ Мин. Ин. Д. Польскія дѣла 1708 года.
298. Тамъ же, приказныя дѣла новыхъ лѣтъ, годъ 1708.
299. Тамъ же.
300. Тамъ же.
301. Тамъ же, дѣла Англійскія 1708 года.
302. Тамъ же, дѣла Голландскія.
303. Тамъ же, дѣла Датскія.
304. Тамъ же, дѣла Турецкія.
305. Голикова — Дѣянія, XI, стр. 454.
306. Гисторія Свейской войны.
307. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
308. Тамъ же.
309. Голикова — Дѣянія XI, стр. 497.
310. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
311. Гисторія Свейской войны; печатныя письма Шереметева.
312. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
313. Тамъ же, дѣла Малороссійскія.
314. Голикова — Дѣянія XI, стр. 473.
315. Пол. Собр. Зак. № 2233; письма кн. Дм. Мих. Голицына къ Головкину въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.

316. Письма Петра В. къ Меншикову въ Московъ. Архивѣ Мин. Ин. Д.
317. Голикова — Дѣянія XI, стр. 500.
318. Кабинетъ II, кн. № 9.
319. Письма Шереметева печатныя.
320. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
321. Тамъ же, отъ 13 марта.
322. Кабинетъ II, кн. № 9; письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
323. Пол. Собр. Зак. № 2233.
324. Кабинетъ II, кн. № 9.
325. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
326. Письма Голицына къ Головкину тамъ же.
327. Письма Петра В. къ Меншикову тамъ же.
328. Гисторія Свейской войны.
329. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
330. Кабинетъ II, кн. № 9.
331. Письма Петра В. къ Меншикову въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
332. Голиковъ — Дѣянія XII, стр. 16.
333. Fryxell II, 158.
334. Гисторія Свейской войны.
335. Тамъ же.
336. Тамъ же. Fryxell, II, 170 — 176.
337. Гисторія Свейской войны.
338. Кабинетъ I, кн. № 28; Голикова — Дѣянія, XII, стр. 27.
339. Fryxell II, 186.
340. Гисторія Свейской войны.
341. Кабинетъ I, кн. № 28.
342. Тамъ же, № 10.
343. Тамъ же II, кн. № 9.
344. Тамъ же; Пол. Собр. Зак. № 2239.
345. Тамъ же.
346. Гисторія Свейской войны.
347. Дѣла Польскія 1709 года въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
348. Дѣла Датскія тамъ же.
349. Пол. Собр. Зак. № 2237.

350. Дѣла Датскія въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.
351. Голиковъ — Дополн. къ Дѣяніямъ П. В. VIII, стр. 323.
352. Кабинетъ II, кн. № 9; письмо 10 декабря.
353. Тамъ же I, кн. № 62.
354. Гисторія Свейской войны.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Вѣдомости о числѣ родившихся и умершихъ въ Москвѣ. 1703 годъ.

Въ генварѣ родилось муж. пола 693, женска 592, всего 1285; умерло младенцевъ муж. пола 318, женска 291, и того умершихъ младенцевъ 609; умерло большихъ мужеска 202, женска 152, и того 354; да въ монастырехъ монаховъ и монахинь умерло 14, въ убогій домъ положено мертвыхъ тѣлъ 9, всего умершихъ 986; да въ убогомъ дому Покровскаго монастыря мужеска 14, женска 1.

Въ февралѣ род. мужеска 523, женска 544, всего 1067; ум. младенцевъ мужеска 365, женска 330, и того 695; умерло большихъ мужеска 218, женска 255, и того 473, да въ монастыряхъ умерло 11; въ убогіе домы положено 58, всего умершихъ 1237.

Въ мартѣ род. младенцевъ мужеска 571, женска 460, всего 1031; умерло младенцевъ мужеска 437, женска 391, и того 828; большихъ мужеска 282, женска 283, и того 565; въ монастыряхъ 4 монаха, 11 монахинь, въ убогіе домы положено 47, всего 1455.

Въ апрѣлѣ род. мужеска 500, женска 453, и того 953; ум. младенцевъ мужеска 383, женска 444, и того 827; большихъ мужеска 266, женска 281, и того 547; нонаховъ 9, монахинь 12, въ убогіе домы положено 21, всего 1416.

Въ маѣ род. мужеска 489, женска 415, всего 904; умерло младенцевъ мужеска 515, женска 439, и того 954; большихъ мужеска 257, женска 230, и того 487, монаховъ и монахинь 23, въ убогіе домы положено 13, всего 1477.

Въ іюнѣ род. мужеска 530, женска 470, и того 1000; умершихъ младенцевъ мужеска 525, женска 516, и того 1041; большихъ мужеска 242, женска 192, и того 434, монаховъ 12, монахинь 9, въ убогіе домы положено 24, всего 1520.

Въ іюлѣ род. мужеска 541, женска 509, и того 1050; умершихъ младенцевъ мужеска 395, женска 387, и того 783; большихъ мужеска 178, женска 179, и того 358; въ монастыряхъ 6 человѣкъ, въ убогіе домы положено 7, всего 1153.

Въ августѣ род. мужеска 468, женска 447, всего 915; умерло младенцевъ мужеска 360, женска 388, и того 748; большихъ мужеска 126, женска 124, и того 250; въ монастыряхъ 12; въ убогіе домы положено 6, всего 1016.

Въ сентябрѣ род. мужеска 442, женска 373, всего 815; ум. младенцевъ мужеска 363, женска 357, и того 720; большихъ мужеска 121, женска 110, и того 231; въ монастыряхъ 2; въ убогихъ домахъ 4, всего 957.

Въ октябрѣ род. мужеска 572, женска 510, всего 1082; ум. млад. мужеска 373, женска 350, и того 723; большихъ мужеска 113, женска 116, и того 224; въ монастыряхъ 6, въ убог. домахъ 16, всего 969.

Въ ноябрѣ род. мужеска 319, женска 279, и того 598; ум. млад. мужеска и женска 599; большихъ 277, монашескаго чина 8; въ убогихъ домахъ 8; всего 892.

Въ декабрѣ род. муж. 322, женска 315, всего 637; ум. млад. муж. 278, женска 279, всего 557; большихъ 267; въ монастыряхъ 8; въ убогихъ домахъ 4, всего 836.

1704.

Въ генварѣ род. мужеска 461, женска 494, всего 955; ум. млад. мужеска 265, жёнска 259, итого 520; большихъ мужеска 172, женска 122, и того 294; въ монастыряхъ 14, въ убогихъ домахъ 71, всего 903.

Въ февралѣ род. мужеска 454, женска 419, всего 873; ум. млад. мужеска 309, женска 579, итого 888; большихъ мужеска 238, женска 212, и того 450, въ убогихъ домахъ 10, въ монастыряхъ 3, всего 1351.

Въ мартѣ род. мужеска 453, женска 365, всего 818; ум. млад. муж. 410, женска 367, и того 777; большихъ муж. 272, женска 261, и того 533; въ монаст: 9, въ убогихъ дом. 10, всего 1329.

Въ апрѣлѣ род мужеска 463, женска 431, всего 894; ум. млад. муж. 305, жен. 352, и того 657; большихъ муж. 319, женска 259, и того 578; въ монастыряхъ 16, въ убогихъ дом. 87, всего 1438.

Въ маѣ род. муж. 465, женска 340; ум. млад. мужеска 463, женска 411; большихъ муж. 224, женска 232; въ монастыряхъ 14, въ убогихъ домахъ 7; и того рожденныхъ 855, умершихъ 1351.

Въ іюнѣ род. мужеска 483, женска 381, всего 864; ум. млад. муж. 451, женска 436, и того 887; большихъ муж. 149, женска 179, и того 328; въ монаст. 4, въ убог, дом. 51, всего 1270.

Въ іюлѣ род. муж. 491, женска 465, всего 956; ум. млад. муж. 479, женска 446, и того 925; большихъ муж. 103, женска 128, и того 231; въ монаст. 5, въ убогихъ дом. 8, всего 1169.

Въ августѣ род, муж. 616, женска 574, и того 1190; ум. млад. муж. 616, женска 564, и того 1180; большихъ муж. 142, женска 135, и того 277, въ монаст. 4, въ убогихъ дом. 3, всего 1464.

Въ сентябрѣ род. муж. 531, женска 473, и того 104; ум. млад. муж 437, женска 399, и того 837; большихъ муж. и женска 206; въ монаст. 1, въ убогихъ домахъ 18, всего 1062.

Въ октябрѣ род. муж. и женска 1206, ум. млад. 726; ум. большихъ мужеска 84, женска 90, и того 184; въ монаст. 1, въ убогихъ дом. 6, всего 907.

Въ ноябрѣ род. муж. 524 и женска 405, всего 929; ум. млад. муж. 335, женска 315, и того 650; большихъ муж. 103, женска 100, и того 203, въ монаст. 5, въ убогихъ дом, 17, всего 875.

(Изъ дѣлъ Монастырскаго приказа въ Архивѣ Мин. Юстицій.)

II) 1705 года февраля Спаса Андроникова монастыря по указу архимандрита Өеодосія съ братіею, села Покровскаго крестьяне, выборный сотникъ, пятидесятникъ и рядовые крестьяне выбрали мы на монастырскомъ дворѣ на мірскомъ совѣтѣ въ выборные къ 1705 году крестьянина деревни Давыдкова Никона Васильева: быть ему за нашимъ выборомъ въ селѣ Покровскомъ у дѣла на монастырскомъ дворѣ збирать великаго государя подати и монастырскіе, денежный сборъ и за монастырскою пашнею смотрѣть и крестьянъ ко всякому дѣлу наряжать и у сѣва и у жнитва быть и отъ молотьбы не отходить и у житницъ и въ житницахъ хлѣба вѣдать и беречь накрѣпко и печатать и на полѣ копны и снопы считать и у молоту быть, и надъ нами крестьяны вѣдать и расправу между нами вправду чинить старостою и смирять насъ крестьянъ кто чего доведется. А будетъ онъ Никонъ за симъ нашимъ выборомъ въ чемъ монастырской убытокъ учинитъ или учнетъ пить и бражничать, и на насъ монастырская пеня, а пени что архимандритъ съ братіею укажетъ, и что будетъ за его Никоновою оплошкою учинится какая хлѣбная и дворовая утрата, и за тое утрату взято на насъ крестьянехъ будетъ вдвое: въ томъ мы крестьяне и выборъ дали.

(Изъ дѣлъ Монастырскаго приказа).

III, 1) Въ нынѣшнемъ 1706 году марта въ 9 числѣ большаполку генералу фелтьмаршалку и военному Малтійскому свидѣтельствованному славнаго чина святаго апостола Андрея кавалеру Борису Петровичу Шереметеву въ урочище выкчибурскомъ Яру явились изъ Астрахани Астраханскаго Спаскаго монастыря архимандритъ Антоній, да приказные палаты подъячій Иванъ Щетининъ да Астраханской житель купецкой человѣкъ Өедоръ Клементьевъ и передъ нимъ фелтьмаршалкомъ и кавалеромъ сказали: послѣ отъѣзду изъ Астрахани Семена Бехтѣева были у Астраханскихъ воровъ и у бунтовщиковъ по многіе дни круги и мятежъ великой, и многіе ходятъ съ ружьемъ и съ копьи; и какъ присыланы были отъ него фелтьмаршалка указы,

и противъ тѣхъ указовъ говорятъ, что де ему въ Астрахани дѣлать? и для чего съ полками безъ указу великаго государя идетъ? у насъ де посланы къ великому государю челобитчики; а буде придетъ къ Астрахани съ полками въ городъ пустить не хотятъ развѣ съ малыми людьми съ 50 человѣки или и менши; и пушки и снарядъ по городу готовятъ и говорятъ: есть де у насъ яблокъ много, мы де и поповъ поставимъ по городу, и какова пора будетъ, мочно де отобратся человѣкъ съ тысячу и больше и выйтить на выласку; и хотѣли загородные дворы и слободы выжечь, также съ учуговъ и съ Краснаго Яру и съ Селитрянаго городка людей забрать и сѣсть въ осаду; и если что явится, большой снарядъ, которой будетъ имъ не въ мочь, хотѣли затопить въ воду, а достальной забрать съ собою и итить на Аграхань, и велѣли дѣлать струги; а митрополита Астраханского по многіе дни говорили чтобъ ево убить.

2) Шереметевъ государю 4 марта: Премилостивѣйшій Государь! На Черный Яръ пришелъ я марта 2 дня, и Черноярцы всѣ вашему величеству вины шатости своей принесли со всякимъ покореніемъ. Воевода на Черномъ Яру Вашутинъ добръ и показалъ вашему величеству вѣрную службу, многихъ ихъ уговорилъ, при томъ есть и иные изъ подъячихъ и изъ гражданъ, которые къ шатости не приставали: и я тому воеводѣ велѣлъ быть по прежнему да для карауловъ оставилъ полкъ солдацкой Обуховъ 500 человѣкъ, чтобъ заводчиковъ не распустить до указу твоего самодержавія; а кто изъ Черноярцевъ въ шатости были, послалъ при семъ письмѣ перечень. Посланникъ мой, котораго посылалъ я въ Астарахань, съ Саратова возвратился на Черной Яръ сего марта 4 дня, привезъ отъ Астароханцевъ ко мнѣ отписку, и написали, чтобы я помѣшкалъ на Царицынѣ и пустить меня въ Астарахань не хотятъ, и многіе возвраты (развраты) между ими учинились. А я съ полками своими отъ Чернаго Яру сего марта 5 дня пойду наскоро, и чтобъ при помощи Божіей намѣреніе ихъ разорвать и не упустить изъ города и чаю поспѣшить. По-

вели указъ прислать съ статьями, о чемъ къ вашему самодержавству писалъ напередъ сего: естьли вину принесутъ что чинить?

3) Шереметевъ Головину 18 марта: За присланное секретное письмо зѣло зѣло милостивой мой благодарствую; а къ Астарахани въ походъ понужденъ былъ для того: естлибъ не поспѣшилъ, конечнобъ Астрахань разорена была, и имѣла намѣреніе соединиться съ Кубанцы и съ Каракалпаки и итить въ верховые города, о чемъ и Аюка ханъ тайша говорилъ мнѣ, что и они въ великомъ сумнительствѣ были и чаяли, что во оборону не будутъ. А Хованскаго ни во что ставили и еще бы съ тово выросло естьли бы онъ пришолъ, и Астараханцы объ немъ инако разсуждали, о чемъ ваша милость самъ изволишь выразумѣть; а что изволишь писать ко мнѣ, что я къ вамъ пишу не сходно въ вѣдомостяхъ, и я къ вамъ пишу самую истину, не выбирая ничего и не соглашая одного съ однимъ, увѣдомясь о каждомъ подлинно что принесено, и можно увѣрить мое дѣло: Носовъ и прочіе живы и скажутъ, что ихъ было намѣреніе. Надобно совершенно прислать къ морскимъ судамъ мастера, а которые здѣсь были, всѣ перебиты, а иныхъ никово нѣтъ.

4) Въ письмѣ къ Борису Петровичу Никиты Кудрявцова, Александра Сергѣева, Степана Вараксина написано: Уфимцы положеннаго на нихъ стараго ясаку противъ прошлыхъ лѣтъ не платятъ, и посланнымъ отъ насъ изъ Казани чинятъ противенство, подводъ по указамъ противъ прежняго не даютъ. Посланнаго изъ Казани на Уфу воеводу Льва Аристова на дорогѣ остановили и не пущаютъ и говорятъ, что воевода де у нихъ Александръ Аничковъ и онъ де имъ любъ, а говорятъ, что Аничкову приказалъ ты быть воеводою. Изъ верховыхъ городовъ бѣглецовъ иновѣрцевъ примаютъ, и кои до сего числа къ нимъ пришли, не отдаютъ. А тотъ Аничковъ за нѣкоторыми причинами тамъ быть по многу негоденъ. Вѣдомость намъ есть, что посланные отъ милости твоей на Уфу приказомъ твоимъ Башкирцамъ быть къ тебѣ съ челобитьемъ велѣли;

и по словамъ посланныхъ твоихъ поѣхали къ вашей милости съ Уфы челобитчики вѣдомый воръ и бунтовщикъ Башкирецъ Демейко со товарыщи, которой прошлаго лѣта въ Казанскомъ уѣздѣ села и деревни разорялъ, людей побивалъ и въ полонъ бралъ и стада отгонялъ. А ихъ Башкирцовъ по указу царскаго величества велѣно вѣдать намъ и отъ всякихъ ихъ шатостей приводить въ покореніе и во всякое послушаніе, а окромѣ насъ ни кому ни въ чемъ вѣдать не велѣно. А будетъ ваша милость изволишь челобитье ихъ примать и ослабу имъ чинить, то всеконечно добра нѣкакого ждать. И естли что учинится, то не отъ насъ, мы правимъ дѣла по имянному царскаго величества указу, свое на насъ положенное, и въ разномъ несогласіи и никогда состоянія добраго не бываетъ. О томъ отъ насъ писано въ полки, а не писать было намъ не возможно для того, что они иновѣрцы имѣютъ нравы всегда въ ослабѣ не постоянны, хотя малую себѣ какую ослабу увидятъ, то всѣ городы и уѣзды того-же пожелаютъ, въ тѣ числа укротить ихъ будетъ невозможно. А что изволишь ваша милость писать къ намъ о присылкѣ хлѣба, и мы радѣть вседушно по усердію своему ради, и которой приготовленъ, съ тѣмъ пошлемъ за первымъ льдомъ водою; а въ другомъ учинился недоборъ, иновѣрцы уже по пріѣздѣ нашемъ стали платить, а до пріѣзду нашего нѣчто мало платили, чинились непослушны, а другіе и нынѣ въ томъ упорствѣ стоятъ, а сказывали, что ожидаютъ отъ тебя по челобитнымъ указовъ, по которымъ будто вы обѣщали имъ учинить опредѣленіе.

5) Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій Александръ Данилычь! доношу твоему сіятельству послѣдній твой рабъ Никита Кудрявцевъ: Къ Уфимскимъ Башкирцамъ ѣздилъ я отъ Казани въ 300 верстахъ, а не доѣхалъ до Уфы 200 верстъ, и ихъ собравшись человѣкъ съ 400 ко мнѣ пріѣхали въ саадакахъ, въ нихъ отъ первыхъ три человѣка Уразай Ногаевъ, Кемей Шишмаметевъ да Мещерякъ Имай; сказалъ я имъ государеву милость, что царское величество пожаловалъ ихъ, указалъ имъ платить ясакъ противъ

прошлыхъ лѣтъ, а новонакладнаго ничего не имать. И они выслушавъ, поклонились, а повидимому знатно, что не усердно то приняли. Имъ же говорилъ, чтобъ бѣглыхъ къ себѣ Татаръ, Чувашу, Черемису и прочихъ иновѣрцевъ не принимали, а которые есть, тѣхъ бы отдали. И они того и слышать не хотѣли, и сказали, что они бѣглыхъ никого не знаютъ. Имъ же говорилъ: для чего они государевымъ посланнымъ по дорогамъ противъ прежнихъ лѣтъ никому по указамъ подводъ не даютъ? Сказали, что и впередъ давать не будемъ никому, и изъ нихъ одинъ Башкирецъ Уразай по русски говорилъ мнѣ: полно де намъ съ тобою говорить! ты де ѣздишь безъ государева позволенія собою, чтобъ де денегъ больше собралось, и по тѣмъ словамъ пошли отъ меня съ двора всѣ, и отшедъ отъ двора, стали кругомъ и прислали ко мнѣ Мещеряка Сулмаметка, и онъ говорилъ, прислали де его начальники и всѣ мірскіе люди сказать: слышно де имъ, что идетъ на Уфу воевода Левъ Аристовъ, и они де его Льва не пустятъ, у нихъ де хорошъ воевода Александръ Аничковъ. И какъ я отъ нихъ поѣхалъ назадъ, и они ѣхали напередъ меня и позади съ ружьемъ человѣкъ съ 60 тридцать верстъ, а слышно мнѣ, будебы я сталъ брать подводы, не хотѣли давать. Послѣ того послали мы на Уфу Льва Аристова на Александрово мѣсто Аничкова, для лучшаго усмотрѣнія, и онъ Левъ поѣхалъ, и писалъ къ намъ въ Казань, что Башкирцы его на Уфу ѣхать не пущаютъ, остановили на дорогѣ до Уфы верстъ за двѣсти, а говорятъ: велѣлъ де у нихъ быть воеводою Александру Аничкову Борисъ Петровичь и намъ де онъ любъ. А онъ Александръ житель Уфинской, и имѣли мы въ томъ опасенія, нѣтъ ли отъ него къ нимъ въ упорствѣ какого ослабленія. А изъ верхнихъ городовъ иновѣрцы и уѣздные люди бѣгутъ въ Уфинской уѣздъ, а Башкирцы примаютъ и заказу нашего не слушаютъ, и мы поставили по дорогамъ заставы, а имая ихъ велѣли приводить въ Казань. Отъ господина фельтъмаршалка посыланъ былъ на Уфу Василій Арсеньевъ, и пріѣхавъ съ Уфы сказывалъ, что поѣхалъ къ нему фельтъмаршалку съ Уфы

въ челобитчикахъ пущій воръ и бунтовщикъ Башкирецъ Демейко съ товарыщи, который въ прошломъ въ 705 году разорялъ села и деревни и людей побивалъ и въ полонъ бралъ и стада отгонялъ. Да и опричь того слышно, что Уфинцы поѣхали къ нему фельтмаршалку бить челомъ по словамъ присланныхъ отъ него. А до посылки на Уфу фельтмаршалковой стали было быть смирно и полонное отдавали и впредь отдавать хотѣли, а послѣ того не такъ. Естли его милость въ такія дѣла станетъ вступать и такому народу учинитъ, не освѣдомясь съ нами, хотя малую ослабу, то всеконечно намъ въ доброе ихъ установить и злое отъ нихъ отрѣшить будетъ невозможно, для того, что мы, по обѣщанію своему, дѣлаемъ душевнымъ намѣреніемъ и безмездно, а другіе особымъ намѣреніемъ, о которомъ ихъ намѣреніи ваше превосходительство сами довольно извѣстны.

6) Шереметевъ Головину: Апрѣля 18 числа писали ко мнѣ изъ Казани Никита Кудрявцевъ, Александръ Сергѣевъ, Степанъ Вараксинъ, и я противъ того письма писалъ къ нимъ, что Никита Кудрявцевъ на то на все самъ свѣдомъ, а не такъ какъ они писали. И какъ я пріѣхалъ въ Казань, и каковъ мнѣ былъ указъ премилостивѣйшаго моего государя устной, которой я ему объявилъ, и съ нимъ о томъ говорилъ пространно, какъ бы тѣхъ Башкирцовъ привесть въ прежнее состояніе и послушаніе, и какъ я отъ него выразумѣлъ о тамошнемъ ихъ поведеніи, и послали къ нимъ съ письмами, и которые сидѣли за караулами въ Казани свободили для того и послали съ ними нарочно офицера для лучшаго увѣренія, и велѣли, чтобъ они отъ своихъ шатостей отстали и были во всякомъ послушаніи и покорствѣ, и для лучшаго увѣренія, что по указу великаго государя пріѣхалъ въ Казань, прислали бъ ко мнѣ Башкирцовъ изъ лучшихъ людей буде какія есть нужды чтобъ доносили и во всякое своевольство не вступали. И по тѣмъ моимъ посылкамъ пріѣхалъ въ Казань Башкирецъ Усей Бигинѣевъ, который былъ у меня въ полку въ Свѣйскомъ походѣ, и о чемъ они великому государю били

челомъ, и я о тѣхъ дѣлахъ писалъ и съ нимъ Никитою при отпускѣ къ Москвѣ приказывалъ словесно, чтобъ онъ донесъ о томъ великому государю. И по той моей посылкѣ Уфимцы и Башкирцы почали было быть во всякомъ послушаніи и покорности, и всякія подати всѣ хотѣли платить по прежнему. И какъ Усей былъ у меня въ Казани, и онъ сказалъ, что со всѣхъ дорогъ присланы будутъ лучшіе люди съ повинностью своею и съ челобитьемъ, и мнѣ было имъ запретить, чтобъ ко мнѣ не ѣхать, невозможно для того, что указалъ премилостивѣйшій государь усмотрѣть, буде бы что положено на нихъ въ тягость, и ихъ своею государевою милостію обнадежить. И при моей бытности пришли было всѣ въ старое состояніе, и еслибъ я не ускорилъ своимъ приходомъ въ Казань, онъ же Никита мнѣ сказывалъ, что и въ Казани было не безопасно, а въ Синбирску было и сдѣлалось, еслибъ не показалъ своей службы Синбирской воевода Өедоръ Есиповъ. И моимъ прибытіемъ въ Казань и въ Низовые городы никакому государеву дѣлу порухи не учинилось, но обновилось, а на Уфу воевода Аничковъ посланъ по указу великаго государя, каковъ привезъ ко мнѣ Михайло Щепотевъ, а не я собою послалъ, на что онъ Никита свѣдомъ же; а челобитныхъ, о чемъ мнѣ подавали Уфимцы и Башкирцы и иныхъ Низовыхъ городовъ, какъ въ оброкахъ, такъ и въ ясакахъ и въ иныхъ ихъ накладныхъ сборахъ, и я ни вочто не вступалъ и никакова указу не учинилъ, и тѣ челобитныя послалъ къ великому государю къ Москвѣ, а когда ко мнѣ пріѣхалъ въ Казань Михайло Щепотевъ и вручилъ мнѣ писмо премилостивѣйшаго государя собственной его государевой руки, что указалъ мнѣ великій государь итить къ Саратову и къ Царицыну, и я Казанскіе всѣ дѣла, которые были, оставилъ всѣ въ Казани, и по походѣ своемъ въ тамошнее дѣло кромѣ военныхъ дѣлъ что надлежитъ къ походу моему ни во что не вступалъ, а нынѣ какъ присланъ великаго государя указъ, что велѣно быть ему Никитѣ и прочимъ, и я ни въ какія ихъ дѣла не вступалъ и не вступаю и впредь безъ указу вступать не буду; а тѣмъ Баш-

кирцамъ далѣ Синбирска ѣхать было я не велѣлъ, и пріѣхали они ко мнѣ въ Астрахань по первымъ моимъ посылкамъ марта въ 26 числѣ, и нынѣ, государь мой, тѣхъ пріѣзжихъ Башкирцовъ послалъ къ милости твоей. Тебѣ жь, государю моему извѣстно чиню: прислали ко мнѣ съ Саратова списки съ указу великаго государя, каковы разосланы во всѣ Низовые городы отъ Александра Сергѣева и Стрѣлкова, что меня ни въ чемъ слушать не велитъ, и тѣ списки послалъ къ милости твоей при семъ же писмѣ: и естли, государь, стану о чемъ въ которые городы я посылать, а воеводы меня слушать не станутъ, чтобъ въ томъ какой порухи въ дѣлахъ государевыхъ не было, и мнѣ не причтено было въ нерадѣніе. Зѣло я, государь опасаюся, чтобъ не учинилось и на Уфѣ отъ Башкирцовъ такъ же, какъ и въ Астраханѣ, а я вижу, что зрѣетъ, а какъ здѣлается, мудро будетъ унимать.

(Москов Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ, дѣла Персидскія 1705 и 1706 годовъ).

IV, 1) Изъ письма Іерусалимскаго патріарха Досиѳея къ царю 1702 года: Аще пріидутъ отсюды или Сервы, или Греки, или отъ инаго народа туды, аще бы и случайно были мудрѣйшія и святѣйшія особы, ваше державное и богоутвержденное царствіе да никогда сотворитъ митрополитомъ или и патріархомъ Грека, Серва или и Русянина, но Москвитяновъ, и не просто Москвитянъ, но природныхъ Москвитянъ, многихъ и великихъ ради винъ, аще и не мудріи суть: понеже патріархъ и митрополитъ, ежели суть добродѣтельніи и мудріи — веліе есть добро, аще ли же и не суть мудріи, довлѣетъ добродѣтельнымъ быти, и да имѣютъ мудрыхъ клириковъ и въ иныхъ чинахъ. Наипаче Москвитяне суть хранителіе и хвалителіе своихъ (догматъ), хранятъ отческую вѣру непремѣнную, сущіи нелюбопытательніи и нелукавніи человѣки; но странніи и оніи, иже хождаху здѣ и тамо, могутъ произвести нѣкія новости въ церкви, и что великое ваше царствіе и изъ Азова выслалъ онаго Грека, много разумнѣйши и умнѣйши сотвори, и да будетъ тамо митрополитъ Москвитянинъ природный, без-

лукавный и нелюбопытательный, и да имѣетъ Русяны, Греки и Сервы учители. Подобаетъ же добродѣтели патріарха, который будетъ, имѣти и смиреніе, да будетъ патріархъ а не царь самодержецъ, да имѣютъ власть архіереи, іереи и презвитеры глаголати церковная предъ нимъ, да не будетъ звѣрь, и да страшатся (не страшатся) его архіереи, сущіи братія, яко раби; да не возможетъ глаголати въ церкви чуждая церкви, да не можетъ мѣшатися во гражданскихъ и повелѣвати синклиту, яко сотвори Никонъ и смути вселенную. Внемли, всеблагій владыко, не дати власть гордымъ, и тиранскій и насильный нравъ имущимъ. Еще доносимъ и сіе, что пришли сюды писма изъ Вѣны и пишютъ, яко похваляются тамо, что пошлетъ ваше царствіе сына своего Алексія Петровича туды обыкновенія (πραξις) ради и ученія: внемли не выслать изъ Московіи сына вашего, да не пойдетъ въ чужія мѣста и научится не обыкновенію, но иностраннымъ нравамъ. Приснопамятніи отцы и праотцы святаго вашего царствія и богоутвержденное ваше царствіе отъ которыхъ Франковъ научилися вы обыкновенію и вѣдѣнію? и владѣли и владѣете едва не всею вселенною, крѣпціи сущіи, величайшіи, страшніи и непобѣдиміи, а оніи Франки знающіи и обыкновенніи что исправили, токмо что ѣдятся и воюютъ междособою? Никакого соединенія никогда не твори съ Франками, отъ нихъ же и самый Леопольдъ паповѣнчанный ложный Кесарь коликожды солга великому вашему царствію? егда имѣетъ нужду, притекаетъ къ вамъ, и молитъ, и просить, и обѣщеваетъ множайшая, послѣди тебе остави единаго не бояся Бога и не устыдився людей, и явися явный врагъ и явный навѣтникъ въ Карловичѣ, егда посолъ вашъ и Венеты противостояху въ миру и взысковаху нѣкая взысканія, что глаголаху послы Германовъ и наипаче посолъ Англійскій съ стороны Германскіе? довлѣетъ сотворити Отоманомъ миръ съ Нѣмцами, но Венеты и Москвитяне есть не есть, едино есть? Великое ваше царствіе помогло ему, а онъ гонитъ православныя горши Діоклитіана и Максиміана.

2) Изъ письма того же къ тому же 1704 года. Много

много подобаетъ внимати вамъ и учинити изъ двухъ единое, или смирити Шведа и укрѣпити и Саксонскаго въ Польшѣ, или учинити миръ съ Шведомъ и укрѣпити и Саксонскаго въ Польшѣ. Я прежде сего писалъ къ благородію твоему, чтобъ не печалился о томъ, какъ умираютъ воины когда есть полезно, а наипаче когда время позоветъ, потому что многажды ни вочто ставя время, не мочно въ другой рядъ сыскать. Господинъ Димитрій (кн. Голицынъ) нынѣ какъ пришелъ въ Польшу, довелося ему ударитися съ своими на Шведа, и хотя бы не учинилъ и побѣды великой, однако жь умалялася бы сила Шведская, зане хотя бы и побиты были Москвитяне и казаки, пришли бы иные на ихъ мѣсто, а буде убиты были бы Шведы, осталися бы менше, и наипаче, какъ нынѣ слышимъ, не были многіе подъ Львовымъ. Дѣла Саксонскаго не покажутся храбрые, потому что хитростію ищетъ побѣды безъ трудовъ, однако жь воинскія дѣла требуютъ не токмо хитрости, но и дѣла, понеже Аристотель пишетъ въ нравоучительной своей философіи, яко добродѣтель не состоится въ томъ, что вѣдати, но въ томъ, что дѣлати. Богомъ утвержденный мой! что жалѣешь казаковъ буде умрутъ? зане буде умрутъ есть мученики. Во Львовѣ была одна горсть Шведовъ, и казаки могли бы поглотити ихъ живыхъ. Воинское дѣло нѣсть для какого упрямства, но для православія, и безъ бѣдства какъ можетъ получить конецъ, который ему доведется. Есть и стыдъ отъ людей, что вышли столько тысячь козаковъ съ гетманомъ своимъ, и обратятся назадъ безъ дѣла. А есть и иное: когда воюютъ, сколько живы останутся, научаются воинскому дѣлу, а какъ сидятъ такъ и не воюютъ, во время нужды ни къ чему не годны. А буде есть такіе люди, которые чаютъ, что исправленіе воинское дѣлается безъ бѣды, безъ труда, безъ смерти, они бы сдѣлали себѣ по камилавкѣ, и пошли бы жити въ монастырь и четки свои перевертывали бы.

3) Переводъ съ Греческаго письма, каково подалъ ближнему боярину Ѳед. Алекс. Головину іеромонахъ Серафимъ въ Нарвѣ 1704 года августа въ 20.

Начало и причина увѣщанія бѣдныхъ Грековъ, а потомъ и вся исторія яко же слѣдуетъ. Первая причина былъ умершій патріархъ киръ Калликикъ въ 1693 году, какъ жилъ въ домѣ посла Французскаго седмь мѣсяцевъ, какъ отставленъ былъ отъ патріаршества отъ киръ Діонисія. Предложено прежде отъ того посла Кастаніера Скоторнуѳія вопросительно на обѣдѣ приватно оному патріарху при насъ токмо діаконахъ такимъ способомъ. Какое было бы окончаніе (τελος) и збытіе Еллинскаго роду и всея восточныя церкви? Отвѣщалъ блаженныя памяти киръ Калликикъ, что всю нашу надежду по Бозѣ имѣемъ на христіанскихъ государей, а особливо на Людовика XIV, по дружбѣ и защищенію, которое явилъ и повсядневно являетъ къ бѣдному, пренебреженному и плѣненному роду Еллинскому и по храбрымъ и благочестивымъ дѣламъ и христіанскимъ поступкамъ, что повсядневно видимъ и слышимъ исправляема отъ него. Отвѣщалъ Скоторнуѳъ: добра ваша надежда; но зависть Европскихъ государей есть зла, и та недопуститъ вамъ видѣть вольности своей. Киръ Калликикъ его о томъ вопросилъ: для чего? Отвѣщалъ Скоторнуѳъ: понеже никогда не согласятся между собою Европскіе государи, чтобъ отдали Грецію одному, который бы имѣлъ и другое государство, но паче предпочитаютъ бытье въ рукахъ Турскихъ, нежель отдать другому государю. Того ради потребно бы было, чтобъ вы сами промыслили какую рѣчь посполиту и согласитися между собою, и тогдабъ могли вызвать и просить тайно, кого восхощете себѣ за государя. — И отъ того времени началась пересылка съ Французами. А что учинилось между тѣмъ, не знаю, понеже былъ я здѣсь на Москвѣ и въ Англію посланъ отъ помянутаго патріарха киръ Калликика ради школы, которая учинена во Аксфортѣ ради Еллиновъ; а какъ возвратился я изъ Англіи въ Царьградъ, паки посланъ я былъ, бывъ посвященъ, отъ помянутаго Калликика на Бѣлое море въ 1699 году къ намѣстникомъ рода (народа), которыхъ есть седмь, и изъ тѣхъ большая часть есть нынѣ консулы Французскіе и отъ нихъ я посланъ во Фран-

цію и съ другимъ нѣкоторымъ іеромонахомъ, который нынѣ посланъ въ Ееіопію ради службы рода, а я въ Англію въ 1699 году. И тѣ седмь намѣстники не были учинены съ общаго совѣту рода, но токмо отъ патріарха и отъ немногихъ нѣкоторыхъ тайно: того ради, что ни дѣлали, все съ великимъ страхомъ и трепетомъ дѣлали, чтобъ не объявиться Туркамъ или Венеціанамъ, потому что какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ опасаемся. А между тѣмъ случился и мятежъ миссіонаріевъ короля Французскаго въ Турецкой землѣ, и тѣ миссіонаріи не были такъ за вѣру и духовныя дѣла, елико для дѣлъ и вымысловъ короля Французскаго, какъ о томъ и изъ Голанской земли я вамъ писалъ; а понеже поймали нѣсколькихъ изъ намѣстниковъ и посадили ихъ на каторгѣ вмѣстѣ съ миссіонаріями, однакожъ не ради гражданскихъ дѣлъ, но ради вѣры, для того что и Туркамъ не явились дѣла наши, понеже употреблены были подъ именемъ вѣры. И оные случаи, какъ мнѣ отписали изъ отчизны моей въ Англію въ 1701 году, объявилъ я нѣкоторымъ мудрымъ другомъ моимъ, чада суть и тѣ (черезъ мене благодатію Божіею учинены) восточныя церкве, и тѣ суть содѣйствители и оборонители свободы церкве Христовы, и съ тѣми сей способъ знаемъ привесть въ едино состояніе родъ нашъ, и дабы убѣгнуть и пронырствъ короля Французскаго и бѣдъ другихъ языковъ, и оный способъ есть сей, и его послалъ изъ Англіи въ лѣто 1702 въ отчизну мою: чтобъ всякая церковь избрала единодушно и единогласно единаго человѣка изъ всякой епархіи или острова въ правленіе рода, которыхъ доднесь выбрано съ 36, которые, избравъ отъ себя трехъ ученыхъ и искусныхъ, дали бы имъ всю власть въ управленіи рода, и тѣ имѣютъ всѣ островы Егейскаго моря, кромѣ нѣкоторыхъ, и часть Греціи во власти ихъ, и тѣ одни знаютъ всѣ дѣла тайныя рода нашего, такъ что не знаетъ никто ничего, что ни дѣлаютъ, развѣ тотъ, которому явится пристойно объявить что потребное, и имяна ихъ суть сія: Димитрій Симадинъ Митилеянинъ, Антоній Мивруди Арменіи Милеянинъ, Ѳедоръ Георгіевъ Фамени Сиѳнеянинъ. И они мнѣ писали, при-

славъ двухъ человѣкъ, какъ я былъ въ Галлѣ Саксонской, чтобъ я ѣхалъ въ Голландію и въ Англію увѣдать намѣреніе ихъ: естли когда подастся причина и случай приличной искать намъ вольности нашей, будутъ ли намъ помогать? (и всѣ они намъ обѣщались, какъ и вашъ посолъ Андрей Артемоновичь то знаетъ, что будутъ намъ помогать конечно); и довѣдався ихъ намѣренія, чтобъ я ѣхалъ и къ Московскимъ увѣдать и ихъ намѣренія, и увѣдавъ, чтобъ я имъ то объявилъ, потому что имъ доведется усмотрѣть по разсужденію намѣренія Московскаго, которое есть полезнѣе, то бы и начинать, сирѣчь: или бы съ конфедератами протестантовъ (Англіею и Голландіею) стоять, или бы согласиться съ консулами Французскими, и ихъ намѣреніе и мысль есть, чтобъ освободился родъ и пусть отъ кого-нибудь; и будутъ просить короля Французскаго, и его намѣреніе есть такое: чтобъ раздѣлить на четыре части Грецію: часть Іерусалима королю Испанскому, часть Египетскую королю Еѳіопскому, часть Константинопольскую и Анатолію себѣ, часть Македоніи съ островами Грекамъ. И такъ вся исторія вкратцѣ Греческая. А прошеніе Еллиновъ отъ благоутробія его величества есть сіе: есть ли изволеніе и благоволеніе величества его оборонять ихъ или помогать имъ купно съ союзниками протестантовъ (протестантскими) или неутрально? Понеже естли есть изволеніе величества его оборонять ихъ, доведется согласиться съ рѣчь посполитою Венецкою противъ Турка, когда бъ онъ поднялся противъ цесаря Римскаго, потому что мы будемъ у нихъ (Венеціанъ) просить, чтобъ намъ не мѣшали собирать людей близь морей или Пелопонеза, а понеже они опасаются, чтобъ не было бунту противъ нихъ, и о томъ мы имъ обѣщаемся предъ Богомъ и всѣми, что не токмо елико имѣютъ, но сколько ни возьмутъ, чтобъ было ихъ вовсе; и въ томъ если не учинятъ добровольно по прошенію нашему, требуемъ ходатайства его величества, когда будутъ въ союзѣ, а буде не учинятъ по ходатайству его величества, просить будемъ чрезъ конфедератовъ протестантовъ перво дружески, а потомъ принудительно, понеже ради рѣчи посполи-

той Венецкой не доведется быть толикимъ народомъ въ плѣнѣ и тиранствѣ нечестивыхъ. И сему всему доведется быть нынѣ заранѣе, чтобъ мы не промышляли о томъ въ то время, какъ доведется промышлять иное, потому что какъ бы началъ Турчанинъ войну съ цесаремъ Римскимъ, имѣетъ подняться противъ него Чермнымъ моремъ во странѣ Египетской Ееіопскій король, который есть готовъ, и тамо надобно Турчанину покинуть цвѣтъ воинства своего, именуемое Мисиръ-кулу или Египетское войско, которыхъ есть 40000, такожде и мы съ стороны Епира сухимъ путемъ и моремъ съ помощію, которую намъ дастъ конфедерація протестантовъ купно съ Венетами, сожегши перво караванъ Турской въ Царѣградѣ, такожде и величество его, естли бъ изволилъ съ Чернаго моря, и тако будетъ, Богу изволившу, конецъ нечестивымъ, аминь.

4) 1704 года ноября въ 25 доносилъ боярину (Головину) словесно комендантъ Тительскій Пантелеймонъ Божичь нижеписанное. Понеже мы отъ давняго времени пребываемъ подъ игомъ бусурманскимъ, и многія нужды и скорби за вѣру христіанскую и за церковь нашу претерпѣваемъ, отъ чего убѣгая и чая себѣ лучшаго и свободнаго пребыванія и повольности въ вѣрѣ нашей и всякой себѣ справедливости отъ цесаря, яко же онъ намъ обѣщалъ, и поддалися ему, за что по обычаю нашему православному служили мы ему вѣрно противъ бусурманъ, и много тысячей людей своихъ потеряли безъ всякой платы, не требуя отъ него ни ружья, ни пушекъ, но на своемъ иждивеніи служили. А видя къ себѣ многую кривду отъ цесарскихъ начальниковъ, совѣтовали мы съ прежде бывшимъ Мунтянскимъ господаремъ Шербаномъ Кантакузинымъ, дабы намъ какое себѣ спасеніе пріобрѣсти, на что оный господарь отвѣщалъ всѣмъ нашимъ начальнымъ, чтобъ мы себѣ инаго не промышляли, а ожидали бъ отъ восточнаго царя всякой себѣ помощи и тѣмъ насъ обнадежилъ, на что мы и присягли всѣ; а по смерти онаго Шербана нынѣшній господарь Бранкованъ обнадеживалъ также и всѣ Кантакузины въ томъ насъ утверждали, чего ради и послали по-

сланника своего господина Корбе къ его царскому величеству, котораго и по се время ожидали мы, а понеже ужъ толикое время отповѣди о томъ дѣлѣ не получили, и всегда пребывали въ сумнительствѣ, прислали меня наши единомышленники начальные къ господарю Мунтянскому для отповѣди и къ Кантакузинымъ, и они меня къ царскому величеству для отповѣди послали. Того ради доношу его величеству, что я присланъ отъ всѣхъ начальныхъ Сербовъ, которые живутъ подъ цесаремъ въ Венгерской землѣ при границахъ Турскихъ, прося его величество, дабы знали мы, что изволяетъ насъ имѣть за своихъ подданныхъ и вѣрныхъ, и во все время приличное вѣдалъ бы, что всегда готовы будемъ служить противъ бусурманъ безъ всякой платы и жалованья, никакого ружья не требуя, но токмо за едино православіе, а коликое число войска нашего будетъ, самъ его царское величество удивится, и желаемъ вѣдать, если его величество будетъ имѣть подъ своею рукою, понеже хотя принуждали насъ бунтовщики Венгерскіе, чтобъ мы были съ ними противъ цесаря, однако увѣдавъ, что та факція есть Французская и Шведская отъ посла рѣчи посполитой Польской и отъ Шведскаго короля къ Ракоцію посланнаго, котораго мы въ пути переняли, въ томъ отказали и ни во что не вступились, покамѣстъ здѣсь я побуду и увѣдомлюся какъ намъ поступать и долго ли ожидать или бы гдѣ себѣ какого мѣста искать. Также и прочіе Сербы, которые суть подъ бусурманомъ и Венеціанами, всѣ во единомысліи съ нами пребываютъ, въ чемъ иные надежды по Бозѣ кромѣ его величества не имѣемъ, и если его величество оставитъ насъ, тогда всѣ православные погибнемъ.

5) Грамота къ царю отъ Іерусалимскаго патріарха Досиѳея 28 генваря 1705 года. Колѣна преклоняя предъ вашею божественностію и касающеся священныхъ твоихъ колѣнъ и лобызая честнѣйшее и свѣтлѣйшее лицо твое, молимъ и просимъ святое и великое твое царствіе яко молебницы и ходатаи всѣхъ Бога чрезъ Господа нашего Іисуса Христа въ Дусѣ святѣ, перво: сей списокъ посланія,

каково послали мы прежде къ господину Стефану, намѣстнику патріаршескаго престола, да соизволитъ прочести великое твое царствіе, и выразумѣвъ укорителя и хульника восточныя, тожде рещи, каѳолическія церкве, ругателя и хульника отцевъ и праотцевъ нашихъ, ругателя и хульника святыхъ, да сотворитъ отмщеніе блаженныхъ отцевъ и праотцевъ вашихъ и всѣхъ православныхъ, и да не понесетъ тое, еже оставити его въ такой чести, хотя и вспокается и напишетъ противная въ книгахъ хуленія своего, въ тѣхъ же да умолчаетъ и отъ чести пречестныя да лишается. А какія суть хулы его, объемлетъ книга, которая напечатана въ Мултянской землѣ и надписана на имя вашея великія и самодержавныя державы. Второе: Аще великое твое царствіе имѣетъ намѣреніе учинити избраніе патріарха, да повелитъ, чтобъ не учинилось избраніе особы изъ козаковъ и Россіянъ и Сербянъ и Грековъ, зане суть много смѣшени и сплетени съ схисматиками и еретиками, ниже имутъ нелестна и чиста во всемъ православнаго догмата, но да повелитъ быти избранію особы изъ самого Москвича, и чтобъ былъ и старъ и добраго житія, зане Москвитяне патріархи покамѣстъ были, хранили цѣлу православія проповѣдь, и чтобъ былъ такой человѣкъ, которой смотрѣлъ бы одну только церковь, а отъ политичныхъ былъ бы отлученъ и не писался бы господинъ и патріархъ, но токмо бъ архіепископъ и патріархъ, и хотя не будетъ философъ, довольно ему знати церковная, и можетъ имѣти архіереевъ или клириковъ мудрыхъ служащихъ ему. Есть и другое, что Москвитяне патріархи какъ церкве, такъ и царства не бываютъ навѣтники и предатели. Есть и еще: да не явится въ мірѣ, что не осталося потребныхъ людей изъ Москвитянъ, и взводятся странные на патріаршеской престолъ. Третіе: да повелитъ святѣйшему патріарху, елика новоуставишася въ церкви, яко же ваянная (шествіе патріарха на ослѣ въ Вербное воскресенье), и оныя комедіи, которыя составлены отъ нѣкоторыхъ въ праздники, игры папежскія и изъ сердца дьявольскаго произведенныя, или что иное причинилося, хотя ве-

лико, хотя не велико, дабы умѣлъ власть и указъ св. патріархъ истребить тая изъ церкви, и токмо бы оставилъ оная, яже бѣша древняя и отечественная. Четвертое: дабы имѣлъ великое и святое твое царствіе попеченіе токмо единого гражданства, а церковь бы всегда была мирна и безмятежна. Да повелитъ доблественно и твердо, зане если случится какое взысканіе церковное, да не будетъ рѣшеніе въ тамошнихъ странахъ, чтобъ не причинилися прѣнія и сумнительства и главоболія царей, но дабы писана была грамота къ четыремъ св. патріархамъ и потомъ да взыскуется рѣшеніе. Сіе, всеблагій государь, нѣсть новое и новоуставленное, но древнее и отечественное, потому что тако творили блаженные и приснопамятные отцы и праотцы святаго твоего царствія, а наипаче сотвори приснопамятный и преблаженный отецъ великаго твоего царствія. Пятое: молимъ, понеже великое и святое твое царствіе взялъ много мѣстъ у Шведовъ, да не поставитъ архіерея тамо, но да поставитъ архіерея въ Петрополѣ, а другаго въ Нарвѣ, чтобъ было удобнѣйше церковное поученіе. Наипаче и сіе полезнѣйше есть, дабы былъ митрополитъ въ большихъ городахъ, и въ иныхъ епископы подлежащіе митрополиту; и аще будетъ какое-нибудь препятіе въ тамошнихъ странахъ, архіереевъ украшенія и расходы многи, то да сотворитъ власть вашего царскаго величества менши какъ имѣли то въ Царѣградѣ архіерее во время святыхъ самодержцевъ, и яко же творимъ и мы, что расходы наши суть равны съ единымъ игуменомъ наименшаго монастыря, и на одежды наши всѣ не изойдетъ пяти сотъ копѣекъ.

(Греческія дѣла въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. Д.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	строка.	*Напечатано*	*Должно читать.*
4	20	дѣлѣ	дѣла
5	36	а Майдель	и Майдель
8	7	доводы	договоры
—	27	Головину.	Головину:
19	16	дипломатическому,	дипломатическому
25	15	выѣздахъ	выѣздовъ
33	31	покоренные Русскими	покореные Русскими въ Ливоніи
60	21	министръ-президентъ	министръ-резидентъ
92	34	писалъ	прислалъ
105	32	преданъ	приданъ
115	36	новоспользовалось	не воспользовалось.
125	2	описанія	списанія
129	20	не тягости	на тягости
156	23	корорробью	коробью
175	5	съ тѣмъ вмѣстѣ	съ нимъ вмѣстѣ
180	33	ссылаюсь на 1-е: пунктъ	ссылаюсь на первый пунктъ
204	15	Головинъ	Головкинъ
207	14	подъ бококъ	подъ бокомъ
215	3	Головину	Головкину
220	1	о начатой	о начатіи
224	37	прибавили	прибавилъ
250	17	зѣло будетъ	зѣло будутъ
269	19	къ предложенію	къ продолженію
295	20	Мезепа	Мазепа
312	35	сказалъ;	сказалъ:
319	12	жаждной	жадной
320	11	писанному	писанномъ
326	24	на сторонѣ и житія,	на сторонѣ, и житія
327	37	фундаментъ	фундаментѣ
331	3	поолалъ	послалъ
337	10	прива	права
346	14	направил	направился
—	18	держатъ	держалъ
352	17	Додгорукій	Долгорукій
353	12	солдатъ	флота
384	2	на имаши	но имаши
—	32	кто слово изрещи	кое слово изрещи.
390	7	Англійскихъ и Голландскихъ пословъ	Англійскаго и Голландскаго пословъ
—	32	Датскіе послы	Датскіе министры